

Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века

У ученого две жизни:
одна в земной жизни,
другая – в бессмертии.

А.А. Зимин

Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века

Составитель А.Л. Хорошкевич

Москва
Аквариус
2015

ББК 63
С89

Рецензент
член-корреспондент РАН С.М. Каштанов

С 89 Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. – 440 с.

ISBN 978-5-8125-2103-5

Сборник материалов из личного архива составителя посвящен проблеме преемственности исторического знания, методики исследования и сохранения творческого наследия ученых 30–80-х гг. XX в. Он состоит из серии разножанровых произведений: мемуарно-историографического плана, докладов, стенограмм заседаний и даже шуточно-поздравительных произведений, которые воссоздают атмосферу общественной жизни разных академических и учебных исторических заведений, показывают преемственность исторического знания и место этой науки в общественной жизни страны.

К сожалению, большая часть авторов уже покинули земной мир. Это А.А. Зимин (1920–1980), его вторая супруга В.Г. Зимина (урожд. Лапшина, 1923–2013), его ученики К.Г. Межова (1927–2014) и В.Б. Кобрин (1930–1990). Иные исследователи прошлого России и творчества выдающихся ученых советского времени М.А. Базанов и Дж. Афферика вложили свою лепту в создание настоящего сборника. Большую помощь в его подготовке оказала М.И. Леньшина. Оставшиеся на сегодняшний день в живых ученики и последние душеприказчики А.А. Зимина – А.Л. Хорошкевич (составитель) и С.М. Каштанов (рецензент) взяли на себя труд сохранения той свечи, которую зажег в их душах учитель, и надеются на то, что ее свет дойдет и до новых поколений россиян – ученых и студентов, рядовых людей, любящих свою страну и интересующихся прошлым и будущим Родины.

Книга издана за счет составителя,
Д.П. Федорина (1936–2012) и друзей последнего

В оформлении использована картина Д.П. Федорина («Свеча». 1992)

ISBN 978-5-8125-2103-5

ЧИТАТЕЛЮ

Настоящий сборник[1] составлен из разножанровых научных, мемуарно-научных, шуточных произведений, связанных с А.А. Зиминым и его учениками и с более общей проблемой сохранения и введения в оборот наследия отечественных историков второй половины XX в. Материал расположен в хронологическом порядке. Первым оказался доклад А.Л. Хорошкевич в секторе истории феодализма Института истории СССР АН СССР, сделанный в начале 1969 г., предложенный 21 мая того же года журналу «История СССР» и отвергнутый его редколлегией. Важно подчеркнуть, что большую помощь автору в сборе данных о творческом наследии историков оказал А.А. Зимин.

Основную и наиболее обширную часть сборника составляет «Храм науки» А.А. Зимина (вторая редакция 1976 г.). К сожалению, в распоряжении составителя был неполный, как пишет сам автор, комплект второй редакции этого труда. Кроме того, все это были вторые-третьи экземпляры профессиональной машинописи, оставшиеся от переработки этой редакции в третью, для чего был, по-видимому, использован первый экземпляр второй редакции. Не исключено, что некоторые главы второй редакции вообще не подверглись переработке, и их первые экземпляры просто перекочевали в папку третьей редакции. Однако эта вероятность не очень велика, если учесть, как тщательно и вдумчиво Александр Александрович относился к формулированию своих мыслей. В составе рукописи находятся и отдельные листочки, вставки, напечатанные самим автором (такие, в частности, имеются в разделе о М.Н. Тихомирове). В тех же главах, которые подверглись переработке (порой неоднократной), было целесообразно приводить варианты или

[1] В подготовке сборника участвовали В.Г. Зимина (библиография трудов А.А. Зимина, работ о его творчестве и общее руководство – до 2009 г.), М.И. Леншина (набор законченных глав книги, практически без поправок), М.А. Базанов (библиография работ А.А. Зимина – дополнения за 1980–2009 гг. Самому молодому исследователю творчества А.А. Зимина принадлежит и большая часть данных за 2009 —2014 гг. Обязанности рецензента принял на себя С.М. Каштанов.

давать текст в двух колонках. Поэтому, естественно, разные главы приняли разный вид, что может быть интересно для будущего исследователя стиля творчества Александра Александровича.

За текстом А.А. Зимина следует раздел «Отголоски первых чтений памяти А.А. Зимина», включающий «сборную солянку» из статьи Дж. Афферики, перевод доклада которой опоздал к Первым чтениям, шуточного опуса самого любимого ученика Александра Александровича – С.М. Каштанова по случаю 60-летия 5 июля 7408/1985 г. В.Б. Кобрина (который всегда считал себя учеником А.А. Зимина, не будучи таковым формально), неопубликованного обзора первых чтений памяти А.А. Зимина 14–17 мая 1990 г., написанного В.Б. Кобриным (менее чем за два месяца до смерти) и составительницей настоящего сборника. Эту часть завершает рукопись статьи самой поздней (по собственному возрасту) и самой верной ученицы А.А. Зимина – Кимы Григорьевны Межовой «Национальный вопрос в планах П.И. Пестеля» 1993 г. Вместо послесловия использован доклад А.Л. Хорошкевич на пятых чтениях памяти А.А. Зимина 2010 г., по недоразумению (?) замененный ответственным редактором сборника «Историк ко времени» текстом старого (2008 г.) несостоявшегося и несостоятельного доклада в Иосифо-Волоколамском монастыре из архива В.Г. Зиминой.

Завершается издание библиографией трудов А.А. Зимина и работ, посвященных его творчеству, за 2000–2014 гг.

Таким образом, вторая редакция «Храма науки» неожиданно для составительницы оказалась «под конвоем» (простите этот термин, учитывая наше полувоенное время) произведений ученых и близких автору людей. Составительница надеется, что издание второй редакции «Храма» ускорит появление третьей, в которой самая «опасная» глава предусмотрительно (по словам М.О. Чудаковой) была изъята самой В.Г. Зиминой. Составительница льстит себя и другой надеждой, что появление «Храма науки» послужит толчком для издания (к 100-летию со дня рождения) планировавшегося самим А.А. Зиминым двадцатитомника его трудов и писем его первой жены, А.В. Новской, из Пензы в Ташкент в 1941–1942 гг. Вплоть до 1979 г. сохранялись не только рукописи, но и машинописный набор последних, что облегчит подготовку. Конечно, последнее маловероятно уже потому, что эти материалы не фигурировали и даже не были упомянуты при передаче личного архива Зиминых в Архив РАН 18 марта 2013 г. Но, как известно, надежда умирает последней…

А.Л. Хорошкевич

ВОПРОСЫ ИЗДАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ РУССКОГО ФЕОДАЛИЗМА[1*]

I

Советская наука за пятьдесят лет своего существования прошла большой и плодотворный путь[2*]. Исследования советских ученых по аграрной, социальной и политической истории феодальной России вошли в золотой фонд исторической науки[3]. К настоящему времени выяснены различные аспекты истории русского крестьянства, городского населения, исторические судьбы России и в период существования Древнерусского государства, и во времена феодальной раздробленности, пути складывания и историческое значение образования Русского государства в XV–XVI вв. и т.д.

Большой вклад в развитие советской исторической науки внесли те историки, которым не удалось издать свои сочинения при жизни. Невозможно представить себе историографию Русского централизованного государства без монографии К.В. Базилевича, посвященной внешней политике Ивана III[4], без работ П.А. Садикова[5] и И.И. Полосина[6] по

[1*] Здесь и далее сноски, отмеченные звездочкой, были внесены автором в 2014 г. На первом листе первого экземпляра рукописи стоит рукописная дата «21.5.69» и штамп: «История СССР № 175» (цифра вставлена от руки).

[2*] Как ни странно, но автор и поныне придерживается сходного мнения, полагая, что в области вспомогательных исторических дисциплин действительно имелись успехи. Некоторым же авторам, маскировавшимся порою под марксистов, удавалось создавать и интересные исследования. На ум, например, приходит не только А.А. Зимин, но и Б.А. Романов, А.И. Копанев.

[3] Общую оценку итогов исследований советских историков русского феодализма см.: Очерки истории исторической науки. Т. IV. М., 1966; Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС // История СССР. М., 1962, и др.

[4] *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского государства при Иване III (вторая половина XV в.) / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1952.

[5] *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины / Под ред. И.И. Смирнова. М.–Л., 1951.

[6] *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. Сб. статей. М., 1963.

истории опричнины, так же как невозможно представить себе историографию Северной войны без яркого и патриотического приподнятого исследования **борьбы России против:**[7*] шведского вторжения в Россию Е.В. Тарле[8]. Количество примеров можно умножить до бесконечности. Среди тех, чьи работы впервые опубликованы уже после смерти, – имена И.В. Мешалина, С.В. Бахрушина, А.М. Панкратовой и многих других. Мы с благодарностью вспоминаем их имена, как и имена тех их друзей, учеников или просто коллег, с помощью которых эти работы, часто с большими трудностями, увидели свет.

Одной из важнейших задач советской науки и впредь будет публикация творческого наследия историков. Наш долг перед ушедшими коллегами, старшими товарищами и учителями – скорейшая и наилучшая публикация их наследия, доведение до конца незавершенных дел их жизни, прерванных Отечественной войной или случайными трагическими обстоятельствами.

Настоящее сообщение не ставит перед собой задачи полного и всеобъемлющего разбора вышедших в свет работ, рукописных публикаций, хранящихся в архивах Советского Союза. Автор ограничивается характеристикой фондов ведущих историков[9] и разбором археографических принципов публикаций творческого наследия историков.

Когда говорят о наследии, естественно предположить, что есть и наследники, и хранители наследства. Однако эта стандартная картина не подходит в данном случае. Наследниками выступают следующие поколения ученых, а хранитель наследства есть только у работ академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Их личные фонды поступают в Архив АН СССР. Здесь хранятся фонды М.М. Богословского (часть архива. Другая находится в ГИМе), С.К. Богоявленского, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова, С.В. Веселовского и др. Личные же фонды других историков, как сотрудников Института истории, так и историков, служивших в других учреждениях, не имеют официально признанного наследника. Правда, в последние годы Архив АН СССР

[7*] В тексте и сносках жирным шрифтом выделены рукописные вставки, жирным курсивом – более поздние дополнения.

[8] *Тарле Е.В.* Северная война и шведское вторжение в Россию в 1708–1709 гг. / Под ред. Н.И. Павленко и Б.Б. Кафенгауза. М., 1958.

[9] Фонд С.Б. Веселовского не рассмотрен в статье, так как ему посвящена специальная работа. См. *Б.В. Левшин.* Обзор документальных материалов фонда академика С.Б. Веселовского за 1958 год. М., 1960. С. 257–266. ***В 2006 г. увидела свет очень интересная статья; Споров Дм., Шокарев С.Ю. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // НЛО. 2–6. № 78.*** Кроме того, не рассматриваются фонды М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова. Сведения об архивах ЛОИИ, сообщенные мне А.А. Зиминым, В.М. Панеяхом, носят **предварительный характер, так как в настоящее время ведется работа по упорядочению материалов издательского фонда № 276 и коллекций покойных ученых.**

стал собирать и труды «значительных историков» Так в этот архив поступили фонды Н.В. Устюгова, Л.Н. Насонова[10*].

Довольно заметную работу по собиранию личных фондов историков ведет Рукописный отдел ГБЛ. Здесь находятся архивы И.И. Полосина, Н.Г. Бережкова, П.П. Смирнова (ф. 279), Н.Л. Рубинштейна (ф. 521) і Б.И. Сыромятникова (Ф. 366), В.Ф. Ржиги (ф. 446)[11]1, И.П. Макарова (**ф. 592**), М.М. Штранге (**ф. 591**), большая часть архива М.К. Любавского, часть архива Ю.В. Готье (ф. 83). Рукописный отдел ГИМ стал хранителем наследия И.А. Голубцова.

Многочисленные фонды находятся в **архиве** ЛОИИ. Это архивы А.П. Чулошникова, С.А. Аннинского, П.А. Садикова, И.В. Мешалина и т.д. В отличие от архива Института истории в Москве, в Ленинграде систематически собирают научное наследие сотрудников ЛОИИ. К сожалению, в архиве ЛОИИ нет биографических данных, личных документов, переписки, дневников.

Хотелось бы пожелать, пока не поздно, начать сбор воспоминаний родственников и друзей покойных ученых.

Непростительную пассивность в собирании личных фондов историков проявляет Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, не собирающий даже личных фондов сотрудников института. Здесь хранятся лишь случайные остатки фондов С.С. Гадзяцкого, С.В. Бахрушина, фонд П.К. Алефиренко, некоторые материалы о деятельности историков в первые годы Отечественной войны[12].

Результатом невнимания к личным фондам со стороны архивов является гибель целого ряда подготовленных публикаций и монографий. Так, по-видимому, невозвратно потеряна монография В.П. Любимова, над которой он работал всю свою жизнь, – «Русская правда и летописи». Погибли личные архивы тех историков, деятельность которых проходила, в основном, до войны, в том числе С.С. Гадзяцкого, утрачена рукопись законченной работы А.Д. Седельникова «Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV – начале XVI века». Сам автор успел опубликовать только тезисы этой работы[13]. Неизвестна судьба фонда К.В. Базилевича. Пропала работа С.Л. Марголина «Стрелецкое восстание 1682 года», написанная в конце 50-х гг. До сих пор находятся

[10*] ***18 февраля 2014 г. (через 34 года после кончины) сюда же – вопреки воле автора – дочерью Н.А. Козловой и зятем, членом-корреспондентом РАН, В.П. Козловым, была передана часть архива А.А. Зимина.***

[11] См.: Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 13. С. 140; Вып. 27. С. 252; Вып. 28. С. 220; Вып. 29. С. 208 и др.

[12] Эти материалы могут пополнить статью В.И. Салова «Из истории Академии Наук СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)» // Исторические записки». 1957. Т. 60. С. 3–30 и С. Кафтанова «Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне». (М., 1945. С. 60–99).

[13] *Седельников А.Д.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV – начале XVI века // Доклады АН СССР. М.; Л., 1929. № 1. С. 16–19.

у родственников фонды В.К. Яцунского, В.И. Пичеты. Погибли архивы Дм. Довгялло и М.В. Довнар-Запольского.

Неудовлетворительно обстоит дело и с обработкой архивных фондов. Если Рукописный отдел ГБЛ спешит сообщить своим читателям о новых поступлениях личных фондов историков в своих «Записках», то о наличии фондов в архиве АН СССР историки узнают с запозданием на 5–10 лет.

Обработка же этих материалов затягивается на неопределенный срок. Так, в ГБЛ и Архиве АН обработка фонда М.К. Любавского и А.И. Яковлева, поступивших в 1955 г., только-только закончена, фонды А.М. Панкратовой, Н.В. Устюгова, М.Н. Тихомирова недоступны для читателей, поскольку они не обработаны. И трудно надеяться, что их обработка займет меньше времени, чем обработка других фондов.

В целом, думается, собирание и хранение личных фондов историков должно быть государственным делом. Хранение личных фондов историков в государственных архивах может спасти для науки ценные работы, облегчить их публикацию, послужить материалом для изучения истории советской интеллигенции и становления самой исторической науки. Необходима скорейшая обработка этих материалов. Вся система собирания, учета и хранения личных фондов историков нуждается в некоторых изменениях.

Коснемся содержания некоторых личных фондов. Нами были обследованы фонды Рукописного отдела ГБЛ, Архив АН СССР (Московское отделение) и Отдел рукописей бывшего Института истории АН СССР с целью выявить готовые работы и публикации, которые необходимо издать, и дать обзор, хотя бы самый общий, личных фондов.

Обследованные нами архивохранилища вполне можно назвать кладбищем подготовленных публикаций. Древнейшему периоду истории нашей Родины посвящен целый ряд переводов иностранных сочинений о России. Это – перевод С.А. Аннинского хроники Титмара Мерзебургского, снабженный его введением и комментариями[14]. Публикация его представляется неотложным и несложным делом, ибо рукопись вполне готова для воспроизводства на ротапринте. Заслуживают внимания переводы Вислицкого статута, сделанные С.А. Аннинским[15]. Им же подготовлен перевод сочинения «История шведско-московитской войны» Видекинда[16]. Древнейшая скра – устав немецкого двора в Новгороде первой четверти XIV в. выполнен И.С. Макаровым[17]. Целый ряд

[14] Рукописный отдел Института истории АН СССР. Ф. А. Разд. I. № 78. Тот же перевод – Архив ЛОИИ. Ф. 268.

[15] Архив ЛОИИ. Ф. 268.

[16] Там же. Ф. 276. Оп. 1ю № 140. Комментарий к нему составлен В.Г. Гейманом и А.В. Васильевым (Там же. С. 23***). К своему стыду должна признаться, что при издании сочинения Ю. Видекинда через 30 лет после написания этого доклада комментарии предшественников учтены не были.***

[17] РОБИЛ. Ф. 592.

переводов шведских средневековых сочинений, в том числе **Шведской рифмованной хроники или Хроники Эрика, содержащей сведения о русско-шведских отношениях XIII–XIV вв., принадлежит Е.А. Рыдзевской**[18], новый вариант перевода «Записок» г. Штадена закончен И.И. Полосиным при содействии проф. Гримма еще в 1937 г.[19] Хотелось бы надеяться, что перечисленные выше переводы важнейших иностранных источников по древней истории России после 20–30-летнего ожидания увидят свет хотя бы в ротапринтных изданиях. Это тем более необходимо, что в настоящее время советская историческая наука крайне бедна кадрами, способными самостоятельно выполнить перевод со средневековой латыни, немецкого, итальянского и др. западноевропейских и восточных языков.

Очень велико и количество публикаций русских источников. К сожалению, археографическая комиссия, восстановленная М.Н. Тихомировым, еще не обратила внимания на материалы Петербургской археографической комиссии, хранящиеся в ЛОИИ, из фонда которой и происходят все вышеперечисленные публикации. В связи с прекращением публикации Литовской метрики остались без употребления подготовленные комиссией в 80-е гг. XIX в. копии двух книг метрики. **Это сборник, вставленный в третью книгу судных дел и содержащий документы времени польских королей и великих князей Александра и Жигимонта I**[20]**, и окончание пятой книги записей, не вошедшее в 27-й том Русской исторической библиотеки**[21].

Институт истории АН СССР, располагающий собственным ротапринтом, хранит две совершенно готовые к печати публикации. Это сборники документов по истории ремесленного труда в России в XVII в., подготовленный Н.В. Устюговым, А.Н. Сперанским и В.К. Шунковым[22], и сборник документов «Крестьяне и помещики в первой половине XVII в. по материалам фонда Монастырского приказа», подготовленный С.С. Гадзяцким и А.Л. Шапиро[23] (частично).

Небезынтересные материалы по истории первой четверти XVI–XVIII вв. содержит фонд историка права Н.А. Воскресенского, в котором хранится второй том «Законодательных актов Петра I» и подготовительные материалы к этой публикации[24]. Целый ряд публикаций подготовлен М.К. Любавским во время его пребывания в Уфе в 1929–1936 гг.

---

[18] Архив ЛОИИ. Ф. 268. Оп. 11. № 78. В настоящее время предполагается начать подготовку ее трудов к печати.

[19] РОБИЛ. Ф. 428. № 6–7.

[20] Архив ЛОИИ. Ф. 276. № 1.

[21] Там же. Ф. 276. № 2. Ср.: РИБ. Т. XXVII. СПб., 1910.

[22] ОРФ ИИ АН СССР. Ф. А. Р. I. № 10. Критический отзыв П.П. Смирнова, см.: РОБИЛ. Ф. 279. № 53.

[23] ОРФ ИИ АН СССР. Ф. А. Р. I. № 8.

[24] Фонд хранится в ГПБ. Ф. 1003. См.: Новые поступления в Отдел рукописей (1951–1966) ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1959. С. 27.

из фондов Оренбургского генерал-губернатора местного исторического архива. Это сборник материалов по дореволюционной истории Башкирии: «Акты и документы, относящиеся до национально-сословных групп в Башкирии» (выборы в Уфимской провинции депутатов в Екатерининскую комиссию 1767 г. и данные им от различных национально-сословных групп населения наказы, Уфа, 1933), сборник материалов по истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв. и по истории землевладения и землепользования Башкирии[25]. Несмотря на целый ряд публикаций по истории Башкирии, вышедших на протяжении 1936–1969 гг.[26], созданные неусыпными трудами М.К. Любавского сборники документов не потеряли своего научного значения и до наших дней.

Автор настоящего сообщения ясно сознает, что в наше время невозможно издать, пусть даже на ротапринте, все подготовленные публикации. Однако необходимо широко информировать научную общественность о хранящихся в архивах публикациях и максимально облегчать доступ читателей к ним, не для того, чтобы покровительствовать плагиату, но для того, чтобы способствовать фактическому введению этих материалов в научный оборот[27]. Так, при переиздании «Истории России» С.М. Соловьева[28] можно было привлечь подготовленную Н.Л. Рубинштейном в 1946–1947 гг. публикацию не издававшихся ранее рукописей Соловьева под названием «Из рукописного наследства С.М. Соловьева (из научной биографии историка)» (фонд Н.А. Попова в Ленинской библиотеке)[29], из фонда его сына, В.С. Соловьева, в ЦНИАЛ. Публикация дает представление о раннем периоде его деятельности, отношениях с М.П. Погодиным и К. Аксаковым. Очень интересны не издававшиеся ранее статьи «Об изучении истории» и ряд статей, посвященных Петру I и Ломоносову. Сборник почти полностью готов к печати.

Наряду с публикациями, подготовленными покойными историками, в научный оборот должны и могут войти собранные ими материалы,

---

[25] РОБИЛ. Ф. 364. Карт. 7, 4, 8.

[26] Их серия открывается сборником А.П. Чулошникова «Материалы по истории Башкирской АССР» (Ч. I: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.; Л., 1934).

[27] К этому призывают и историки, изучающие прошлое других стран. См.: *Каждан А.П.* О работе историка – путь исследования // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 105–110.

[28] Издатели использовали только фонд Н.А. Попова. да и то только сведения о последних годах жизни С.М. Соловьева (*Каштанов С.М.* Комментарий к двадцать пятому и двадцать шестому томам // Там же. Кн. XIII. Т. 25, 26. М., 1965. С. 597–598; *Он же.* Комментарий к 29-му тому // *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XV. Т. 29. М., 1966. С. 280–281) Использование биографических сведений о С.М. Соловьеве, даже частичное, дает некоторое представление и о личности этого ученого-труженика, и о его общественных взглядах, и о той сложной обстановке, в которой протекала его деятельность в Московском университете и вне его.

[29] РОБИЛ. Ф. 521. Б/н.

часть которых в наше время погибла или мало доступна. Так, в архиве Н.В. Устюгова хранятся выписки и копии документов Иосифо-Волоколамского монастыря, исчезнувших в годы Великой Отечественной войны[30]. Трудно доступными стали и материалы из иностранных архивов, сохранившиеся в копиях П.П. Смирнова. Он работал в архивах Англии, Швеции, Польши[31].

Для краеведов, занимающихся Москвой и Подмосковьем, а также для историков архитектуры может оказаться полезной сводка С.К. Богоявленского данных о московских и в особенности подмосковных селениях и церквах конца XVIII – начала XIX в. из фонда Московской духовной консистории[32]. Им же скопированы на машинке документы из приказных дел старых лет[33] о сборе таможенных пошлин в Великом Новгороде в 60–70-е годы XVII в., а также об обучении латинскому языку у Симеона Полоцкого, устройстве комедий и концертов Арт. Серг. Матвеевым и об участии в этом холопов[34], проливающие новый свет на историю русской культуры 70-х годов XVII в.

В фонде М.К. Любавского в РОБИЛ хранятся копии некоторых архивных материалов (машинописная копия городской книги по Сольвычегодску 1635 г. из фонда МАМИД), многочисленные выписки из фонда Оренбургского генерал-губернатора.

Несмотря на то что большая часть названных в этом кратком перечне работ не увидит света, можно надеяться, что они войдут в научный оборот, найдут своего читателя в лице историков – исследователей истории исторической науки и отдельных проблем прошлого нашей Родины, подобно тому, как широко используются материалы С.Б. Веселовского[35].

Материалы, собранные и подготовленные покойными историками, представляют интерес в двух отношениях.

Они могут и должны служить отправной точкой для последующих исследователей. Так, например, картотека сочинений Максима Грека и выписки В.Ф. Ржиги (из фондов ГПБ, ГММ, РОБИЛ)[36] – это потенциальная база для дальнейшего исследования творчества этого

---

[30] *Михайлова Н.Г.* Обзор архива Н.В. Устюгова (готовится к печати в АЕ).

[31] РОБИЛ. Ф. 279. В Британском музее хранятся письма Патрика Гордона королю и лорду Солсбери от 1611–1612 гг. из Кенигсберга и Чемберлена – лорду Солсбери от 22.I.1610/11 г. с сообщениями о событиях в России и русско-польских отношениях. В библиотеке Замойских находится опасная грамота В.В. Голицына, наместника смоленского, русскому послу Аф. Власьеву.

[32] МО ААН СССР. Ф. 553, С.С. Богоявленский. Оп. I. № 49, 116; № 39, 36; № 27, 30, 34, 21, 33.

[33] Там же. № 130.

[34] Там же. № 88.

[35] См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI вв. ТТ. 1–3. 1952–1967.

[36] РОБИЛ. Ф. 446. 1–2. Здесь же копии бумаг Н.Ф. Каптерева о Максиме Греке. О фонде см.: Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 28. С. 220.

выдающегося мыслителя XVI в., материалы Н.Г. Бережкова – для исследователя Литовской метрики. С другой стороны, эти материалы вводят современного читателя в тайную тайных – творческую лабораторию ученых. В нашей литературе много методических указаний, как нужно работать: познакомиться с литературой вопроса, опубликованными источниками, затем архивными и так далее. **Но не помешало бы и знакомство с опытом предшественников**[37]. Однако как на самом деле работали историки, остается неизвестным. А ведь только анализ метода работы – в первую очередь над источниками – может помочь правильно оценить те новые факты или ту интерпретацию, которая принадлежит тому или иному историку.

Большое место в обследованных фондах занимают историографические работы. В развитии русской историографии почетное место должны занять работы А.И. Яковлева – лекции «О Татищеве», «О Шлецере», «Русский историк Карамзин», «Граф Румянцев и его кружок», «Скептическая школа (Полевой, Погодин)», «Юридическая школа», «Чаадаев», «Славянофилы»[38], которые были прочитаны им на протяжении 1908–1910 гг. на Высших женских курсах. Там же в 1909–1915 гг. читал и М.М. Богословский[39].

Для истории исторической науки, особенно первых годов советской власти, очень важны лекционные курсы ведущих историков, характеризующих первую реакцию историков на совершавшиеся в 1917 г. революции. Сохранились лекционные курсы А.И. Яковлева 1917–**1918 гг., М.М. Богословского (1919–1920 гг.)**[40] **и читанные ими на** Высших женских курсах. М.М. Богословский читал курсы «XVI век. Эпоха Ивана Грозного», А.И. Яковлев в первой половине 1917 г. – об общественной мысли России конца XVIII–XIX вв. Сохранились лекции о декабристах, Чернышевском, по истории общественной мысли 1855–1891 гг.), а в 1917/18 учебном году – о реформах 60-х годов XIX в, – крестьянской, земской, судебной. В эти революционные годы его мысль настойчиво обращалась к переломным периодам в истории России, к истокам и предистокам тех преобразований, которые происходили в 1917 г.

В начале 20-х годов П.П. Смирнов читал курс лекций в Киеве: «Естественные богатства и экономический быт Киевской Руси, Суздальской Руси и Московского государства с VIII по XV в.», еще немногим от-

---

[37] См., например: *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1967. С. 100–110; *Каждан А.П.* Указ. соч.

[38] МО ААН СССР. Ф. А.И. Яковлева. № 151–160. Однако интереса к вопросам историографии А.И. Яковлев не потерял и позднее. В 1938 г. он вновь вернулся к ранней истории русской исторической науки и переработал свои лекции о Татищеве, Шлецере и Карамзине.

[39] РО БИЛ. Ф. М.М. Богословского. Д. 33–72.

[40] Там же. Ф. 636. Оп. 1. № 90; *Остова Н.М.* Личный фонд М.М. Богословского в Архиве РАН // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 206–207.

ходя от В.О. Ключевского в трактовке этого вопроса[41]. Сохранились фрагменты его курса по русской колонизации до XIX в., а также лекция 23 июня 1923 г., «Государство в прошлом и настоящем», где он трактовал историю государства с марксистских позиций[42]. А 18 марта 1921 г. он прочитал в Киеве же, недавно перешедшем в руки советской власти, лекцию о Парижской коммуне, целью которой считал установить, «представляет ли Парижская коммуна особый момент... мировой истории, хотя бы подготовительного характера, в развитии мировой социальной революции»[43]. Весной 1921 г. в народном университете он читал курс «Методология истории», 11 декабря 1921 г. сделал доклад о Ф.М. Достоевском и его мировоззрении.

Такое же значение для понимания развития исторической науки в первые годы советской власти имеют и некоторые другие рукописные материалы, в частности заметки Ю.В. Готье о сочинении В.И. Пичеты по поводу аграрной реформы Сигизмунда-Августа, содержащие его оценку аграрных преобразовании 1917–1918 гг.

Очень важны материалы, посвященные периоду обучения молодых специалистов в 20-е годы, первого поколения марксистов, с которым связывается становление марксистской историографии. Формирование марксистских взглядов у молодых историков не может быть изучено без рукописных материалов. Использование рукописных материалов из фонда И.И. Смирнова[44] позволило С.Н. Валку дать точную и яркую картину эволюции его взглядов в 20–30-е годы[45].

Другие материалы еще ждут своих исследователей, характер обучения условно называемого нами первого поколения советских историков, овладения ими марксистской методологией можно представить отчасти по фонду И.С. Макарова, вместе с Н.В. Устюговым, А.М. Неусыхиным и Л.В. Черепниным занимавшимся в семинаре Д.М. Петрушевского[46]. К сожалению, эти и подобные им материалы из фондов архива АН СССР и ГБЛ не попали в поле зрения Л.В. Ивановой[47].

В 20-е годы складывалась проблематика трудов, которая впоследствии стала ведущей в исследованиях советских историков. Уже в эти годы проявился устойчивый интерес к социально-экономической

---

[41] **РОБИЛ. Ф. 279. № 73.**

[42] **Там же. № 9.**

[43] **Там же.**

[44] В архиве ЛОИИ (ф. 276) хранится статья конца 20-х годов И.И. Смирнова «Раскрепощение и закрепощение крестьян в России в середине XVI в. (Архив ЛОИИ. Ф. 276. Оп. 3. № 68).

[45] *Валк С.Н.* Иван Иванович Смирнов // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России / Труды ЛОИИ. Т. 9. М., 1967. С. 5–41.

[46] РОБИЛ. Ф. 592.

[47] *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов 1917–1929). М., 1968.

истории Новгородской и других земель (см. в фонде Ю.В. Готье работу о Борецких[48]), в фонде И.С. Макарова, одного из ярких, но рано погибщих историков нового поколения – о Григорьевском Кречневском погосте Водской пятины и др., о Сольвычегодском у.[49]) проявлявшим интерес и к русской дипломатике[50], и к восстаниям XVII в. и стрелецким движениям[51].

Одновременно с этим делались попытки обобщить достижения предшествующей науки. П.П. Смирнов в обществе Нестора-летописца 29 июня 1923 г. сделал доклад «В.Б. Антонович и его историческая школа», где подчеркнул, что характерным для школы Антоновича был интерес не к государственным учреждениям, а земским (в связи с этим изучались земли, а не княжения) и что школа на протяжении конца XIX – начала XX в. проделала заметную эволюцию, отказавшись от подчеркивания примата личного начала в истории в пользу ведущей роли экономического[52].

3 февраля 1928 г. А.И. Яковлев сделал доклад «О роли Н.А. Рожкова в развитии русской историографии»[53]. Ярким образцом социологической литературы 20-х годов является неопубликованная статья И.И. Смирнова «Россия и Запад» (1923)[54], в которой он сопоставляет время формирования различных типичных явлений общественно-политического строя во всех странах Европы: «дружинного варварского государства», установления феодализма, сословной и абсолютной монархии, эпохи буржуазных революций и приходит к выводу, что все эти явления происходят на западе Европы на 500–250 лет раньше, чем на ее востоке. Рассматривая Россию как органическую часть Европы, он подчеркивает общность того пути, по которому развиваются все страны Европы. Эта работа примыкает к тем работам 20-х годов, в которых ставилась проблема «генетической социологии»[55].

В архивохранилищах Москвы и Ленинграда хранятся и неопубликованные исследовательские работы советских историков. Это и случайно не включенные в сборники работы П.А. Садикова[56], В.Ф. Ржиги[57],

---

[48] МО ААН СССР. Ф. 491. Оп. 1. № 31.

[49] РОБИЛ. Ф. 624.Оп. 5. № 153.

[50] Тонкие терминологические наблюдения содержатся в статье И.С. Макарова «Грамота на вотчины и поместья великих князей московских в XV и XVI вв.», не потерявшей научного значения и в наши дни. РОБИЛ. Ф. 592.

[51] РОБИЛ. Ф. 592. «Стрелецкий бунт и выступление раскольников в 1682 г.».

[52] РОБИЛ. Ф. 279. № 10.

[53] МО ААН СССР. Ф. А.И. Яковлева. № 111.

[54] МО ААН СССР. Ф. 524. Оп. 1. № 404; РОБИЛ. Ф. 279. № 8.

[55] См. «Очерки истории исторической науки». Т. 4. М., 1966. С. 148.

[56] *Садиков П.А.* Последние Шемягичи (1922); Сельская община XVI в. в связи с земской реформой Ивана Грозного (Архив ЛОИИ. Ф. 263). В его же фонде содержатся многочисленные материалы о восстании декабристов.

[57] *Ржига В.Ф.* Русская публицистика XVI в. – РОБИЛ. Ф. 446. № 1–2.

А.И. Андреева[58], **М.Д. Приселкова**[59] и серии исследований (например, по истории Великого княжества Литовского Н.Г. Бережкова и о прошлом Башкирии М.К. Любавского).

Историк Великого княжества Литовского и исследователь главного источника, характеризующего прошлое земель, входящих в состав княжества, – литовской метрики, не может пройти мимо колоссального фонда Н.Г. Бережкова, в котором содержатся и почти законченные работы (из таких работ наибольший интерес представляет статья «Древнейшая книга данин Казимира», написанная в 1934 г.) усилиями Н.Н. Улащика постепенно издающиеся[60] и целый ряд фрагментов (в частности, о внешних сношениях Литвы с Русью и Орденом, справочных указаний, список писарей, книг Литовской метрики и т.д., описаний книг Литовской метрики и т.д. Все эти материалы заслуживают быть изданными отдельной книгой.

Историкам древнего Пскова было бы полезно ознакомиться с фондами Аркадия Ивановича Васильева[61]. Им собраны и материалы о псковском восстании 1608 г., о псковском самозванце Сидорке – Матюшке, Псковском управлении в 1585–1587 гг., о церквах в Пскове[62] и т.д. А.И. Васильев занимался также историей XVIII в. В его архиве имеются и работы по XVIII в.: «Крестьянские побеги в начале XVIII в.», «Крестьянский промысел и крестьянский наем в XVIII в.», «Разложение крестьян и крестьянское хозяйство по анкетам XVIII в.».

В РОБИЛ хранится фонд М.К. Любавского, известного русского ученого, специалиста по истории Великого княжества Литовского и исторической географии. Фонд включает материалы 1916–1936 гг., но в основном 1929–1936 гг., относящиеся ко времени пребывания ученого в ссылке в Уфе. Среди неизданных работ М.К. Любавского особый интерес представляют часть 2-й книги «Образование основной государственной территории великорусской народности», часть 1-я которой с подзаголовками «Заселение и объединение центра» была издана в 1929 г.[63] Вторая часть касается исторической географии Новгородской и Псковской земель монография «Обзор истории русской

[58] Остались неопубликованными его статьи о взаимоотношениях русской и зарубежной науки (в частности, И. Ньютон и русская наука).

[59] Только в 1996 г. переиздана его монография: *Приселков М.Д.* ***История русского летописания XI–XV вв. / Подг. к печати В.Г. Вовиной, отв. ред. Я.С. Лурье. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. В рукописи осталась его статья «Задача и путь дальнейшего изучения Русской Правды», имеющая дату 18 октября 1940 г. (Архив ЛОИИ. Ф. 276. Оп. 2 № 121).***

[60] Так, в 1946 г. он издал монографию Н.Г. Бережкова «Хронология русского летописания».

[61] См.: Отечественная воина 1812 г.. Сб. док. и матер. / Сост. Д.З. Предтеченский, А.И. Васильев, Б.Б Фрадкин. Л.; М., 1941.

[62] Архив ЛОИИ. Ф. 265. № 26, 27, 33, 56.

[63] Попытка дочери в начале XXI в. опубликовать вторую часть монографии с помощью В.Д.Назарова успехом не увенчалась, хотя деньги на издание РГНФ выдал.

колонизации» с древнейших времен и до XX в.»[64], посвященная присоединению поволжских, украинских, белорусских земель и их исторической географии. В фонде находятся и карты, по которым работал М.К. Любавский. Это сравнительно малоизвестная «специальная карта России, составленная с 1826 по 1840 г. под руководством Шуберта»[65]. Ценность ее заключается в том, что она дает сведения о географии России между картами Генерального межевания и картами Генерального штаба конца XIX – начала XX в. Русской истории касаются и несколько лекций М.К. Любавского. «Жалованная грамота дворянству 1785 г.», «Отечественная война», «Принятие царского титула». Закончены статьи монографического характера о разряде и возникновении приказного управления в Древней Руси[66].

Наибольший интерес представляют материалы 1929–1936 гг., посвященные изучению истории Башкирии. В Уфе М.К. Любавский подготовил общий очерк истории башкирских восстаний XVII–XVIII и первой четверти XIX в. (карт. 6, 9), аналогичный истории Башкирии и ее колонизации а также почти завершил исследование «Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX в.» (Свод и первоначальная обработка архивных материалов) (карт. 9). Наиболее интересна монография по истории землевладения и землепользования, как русского, так и местного башкирского населения (карт. 8). В нее входят следующие разделы: «Помещики-мусульмане в Башкирии в XVIII и XIX вв.», «Вотчины башкир, их происхождение, размеры, состав», «Земельная политика и земельное законодательство в отношении Башкирии в XVII–XVIII вв.», «Борьба за землю и угодья в Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX в.», «Вотчинники-башкиры и их припущенники в XVII, XVIII, XIX вв.»[67] (карт. 7).

Несмотря на то что история Башкирии и народных движений в Башкирии были предметом многочисленных специальных исследований – Н.В. Устюгова, В.И. Лебедева, Н.Ф. Демидовой и многих других[68], – работы в этой области М.К. Любавского не потеряли своего

---

[64] РОБИЛ. Ф. 364. **Карт. 3, 2.**

[65] Там же. Карт. 14.

[66] РОБИЛ. Ф. 364. Карт. 5.

[67] Последняя статья имеет приложение «Помещики-мусульмане и их крепостные в Башкирии в XVIII и XIX вв.», хранится также в ОРФ ИИ СССР АН СССР. Ф. А. Р. I. № 32. Некоторые работы по Башкирии хранятся в Уфе и в ЛОИИ (Ф. 246. № 107). Отдельные работы на аналогичные темы изданы. См.: *Васильев С.М.* Припущенники на башкирских землях в первой половине XVIII в. (тептярь–бобыльское население Башкирии). М., 1950.

[68] *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–64 гг. // Ист. зап. 1947. Т. 24. С. 50–110; *Лебедев В.М.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950; *Он же.* О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. – «Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958. С. 86–126; *Васильев С.М.* К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения в конце XVII – начале XVIII вв. // Там же.

значения и в наши дни. Ни один из предшествующих исследователей не работал над фондом Оренбургского военного губернатора, ни один так досконально не разбирал вопроса о землевладении и землепользовании в Башкирии, наконец, ни один не занимался вопросами исторической географии Башкирии, как это сделал М.К. Любавский в своем общем очерке истории Башкирии.

Думается, скорейшая и наиполнейшая публикация его неизданных ранее трудов – одна из насущных задач советской исторической науки. Истории Башкирии касаются и неопубликованные работы А.П. Чулочникова «Очерки по истории Башкирии», «Башкирия в период кантонного управления конца XVIII – середины XIX в.»[69].

Подводя **общие** итоги всему вышесказанному **об архивах выдающихся историков Восточной Европы**, хотелось бы подчеркнуть необходимость скорейшего издания подготовленных переводов сочинений иностранцев о России, публикаций и исследовательских работ М.К. Любавского по истории Башкирии и русской колонизации.

II

Вторая часть сообщения касается непосредственно вопросов публикации творческого наследия историков. Автор ставит перед собой три задачи: сделать общий обзор посмертных публикаций и статей, понять те археографические принципы, которыми руководствовались издатели, и уяснить пределы редакторской власти над наследием покойных ученых. При рассмотрении двух последних вопросов остается много недоумений, которые могут быть разрешены только коллективными усилиями.

Существует три типа издания наследия – в виде собрания сочинений, отдельных сборников и монографий.

Более или менее полно издавались и переиздавались труды выдающихся ученых. Это собрание сочинений Б.Д. Грекова[70], научные труды С.В. Бахрушина[71], отдельные монографии С.Б. Веселовского[72] по истории опричнины и служилого землевладения. Однако ни одно из

С. 127–146; *Демидова Н.Ф.* Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Там же. С. 23–67.

[69] Архив ЛОИИ. Ф. 262.

[70] *Греков Б.Д.* Избр. труды. Т. 1. М., 1957; Т. II. 1959; Т. III–IV. 1960.

[71] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1–IV. М., 1952–1959.

[72] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Он же.* Очерки по истории класса служилых землевладельцев (в печати); см. также: *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности // Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры в XIV–XIX веках. 13-е изд., М., 1962. С. 13–14.

этих изданий не включает полностью творческого наследия указанных ученых[73], в особенности это касается работ Веселовского.

Недавно начата публикация наследия М.Н. Тихомирова. Издано подготовленное им самим описание рукописей собственного собрания[74] и сборник по истории русской культуры XI–XVIII вв. Описание рукописей вышло под редакцией Н.Н. Покровского как самостоятельное издание. Вторая книга – первый из серии тематических сборников, которые предполагает опубликовать комиссия по изданию его наследия. Этот том подготовлен С.О. Шмидтом и М.Т. Белявским.

Среди отдельных монографий следует указать работы К.В. Базилевича, редактор Л.В. Черепнин; И.В. Мешалина, изданная под редакцией Н.М. Дружинина; П.А. Садикова, отредактированная И.И. Смирновым (хотя в последней собраны отдельные статьи, но они настолько близки по темам, что их можно считать монографическим трудом). Недавно в Ленинграде переиздана работа Б.А. Романова «Люди и нравы Древней Руси»[75].

Н.И. Павленко и Б.Б. Кафенгауз подготовили к печати книгу Е.В. Тарле о шведском вторжении в Россию в период Северной войны[76], Н.И. Павленко – работу А.М. Панкратовой об истории предпролетариата в России[77]. Н.Н. Улащик – труды В.И. Пичеты по истории Белоруссии и Литвы XV–XVI вв.[78] После смерти А.И. Андреева увидел свет, благодаря усилиям К.Н. Сербиной и Р.И. Козинцевой, второй том его источниковедения Сибири[79].

Интерес для историков представляет также лекционный курс по древнерусской литературе И.П. Еремина[80]. Коллективом ученых историко-архивного института подготовлен к печати курс источниковедения А.Ц. Мерзона, отличающегося от своих предшественников повышенным интересом к вопросам методики исследования. В МГУ целый коллектив занимался монографией А.Н. Мальцева. К сожалению, печатание работы А.Ц. Мерзона по неизвестным причинам откладывается на неопределенный срок. Предполагается издать сборник трудов А.Д. Седельникова. В ближайшее время выйдет последний труд А.Н. Насонова о летописании.

---

[73] См., напр., список трудов С.В. Бахрушина: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 9–20.

[74] *Тихомиров М.Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

[75] *Романов Б.А.* Люди и нравы древней Руси. Л., 1966.

[76] *Тарле Е.В.* Северная война и шведское вторжение в Россию в 1708–1709 гг. М., 1958.

[77] *Панкратова А.М.* Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963.

[78] *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. М., 1961; *Он же.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958.

[79] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып.2: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965.

[80] *Еремин И.П.* Лекции по древней русской литературе. Л., 1968.

В виде отдельных статей и лишь изредка книг появляются работы И.И. Смирнова[81], В.Ф. Ржиги[82], Н.Г. Бережкова[83], Н.В. Энговатова[84], Б.А. Романова[85], А.И. Андреева, в частности обзорная статья о новых картах России XVII в.[86], М.Н. Тихомирова[87]. Очень важна рецензия Б.А. Романова о работах С.В. Веселовского и Н.И. Воронина, значение которой далеко выходит за предмет отзыва. Требование четкой постановки вопроса, строгости и точности использования источников не менее актуально и в наши дни, чем в 1936 г. Мастерский анализ Б.А. Романова таких сложных источников, как жалованная грамота рязанского князя Олега и писцовые книги XVI в., – блестящий пример такого анализа. Важны и его конкретные выводы. Он рассматривает историю сельского поселения в неразрывной связи с историей сельской общины и феодальной вотчины. Древнейшее сельское поселение было одним из элементов верви. Еще более важны его методические установки.

Все вышеперечисленные работы включают только научные труды советских историков. Однако в печати уже раздавались голоса о необходимости знакомить научную общественность с материалами личного характера (перепиской, дневниками, черновыми набросками и т.д.)[88]; их можно было бы публиковать в изданиях типа «Литературное наследство», после предварительного широкого обсуждения вопроса о целесообразности издания подобных материалов.

Переходим к рассмотрению археографических принципов издания трудов покойных ученых. Несмотря на многочисленные посмертные издания, археография такого рода публикаций (их можно было бы назвать

---

[81] *Смирнов И.И.* Когда был казнен Илейка Муромец? // История СССР. 1968. № 4. С. 108–119; *Он же.* Из истории восстания Болотникова (Поволжские отписки, найденные В.И. Корецким и «правительство» «царя Димитрия») // История СССР. 1966. № 3. С. 67–78; *Он же.* Северный Кавказ XVI–XVII вв. в новом освещении // История СССР. I966. № 1. С. 184–187. Впрочем, они были сданы автором еще при жизни.

[82] *Ржига В.Ф.* Автор «Слова о полку Игореве» и его время // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 3–17.

[83] *Бережков Н.Г.* Итинерарии великих князей литовских по материалам Литовской метрики (1481–1530 гг.) // Там же. С. 80–205.

[84] *Энговатов Н.В.* Криптограмма на рукописи «Слова о полку Игореве» // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 104–106.

[85] *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) / Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков // Труды Ленингр. отд. ин-та истории. Вып. 2. М.; Л., I960. С. 327–470.

[86] *Андреев А.И.* Чертежи и карты России XVII в., найденные в послевоенные годы // Там же. С. 80–90.

[87] *Тихомиров М.Н.* Значение документальных богатств ЦГАДА, для советской исторической науки // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 31–40.

[88] *Шмидт С.О.* О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды МГИАИ. Т. 22, М., 1965. С. 41–42.

«историографическими») совершенно не разработана теоретически. Совершенно разными принципами руководствуются издатели трудов и дореволюционных историков (сравним, например, издание С.М. Соловьева и В.О. Ключевского). Да и практически издатели и редакторы трудов покойных ученых не подходят к своему делу, как археографическому занятию. В изданиях обычно отсутствует даже указание на то, в каком архиве хранится та или иная рукопись[89], какая редакция и почему положена в основу публикации, какого рода изменения, в том числе и редакционные, внесены в текст.

Совершенно не разработан вопрос о том, какой текст должен лежать в основе публикации, если заново издается уже увидевшее свет при жизни автора сочинение, как следует издавать полностью подготовленное к публикации сочинение или сборник документов, каковы редакторские права при переиздании, издании готового сочинения или чернового варианта и не совсем завершенной работы. На первый из этих вопросов принято отвечать делом: воспроизводится последнее прижизненное издание. Так изданы труды С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова, П.А. Садикова и т.д. Правильно ли это? Думается, нет. В ходе редакторской правки рукописи иногда возникают такие фразы, которые не совсем точно передают мысли автора, но кажутся удачными редактору, в ходе первоначального печатания в рукопись вкрадываются ошибки[90].

На наш взгляд, целесообразно издание последней прижизненной рукописи с учетом тех поправок, которые вносились автором в текст уже изданного сочинения. Так, в архиве Н.Г. Бережкова хранится тетрадка с дополнениями, примечаниями и поправками типографских и иных ошибок, допущенных в его собственной статье о хронологии русских

---

[89] Исключение составляет публикация статьи В.Ф. Ржиги об авторе «Слова о полку Игореве», хранившейся, как было указано, в портфеле редактора Археографического ежегодника (АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 3), второе издание «Очерков по источниковедению Сибири» А.И. Андреева (см.: «От редакции») (М.; Л., 1905. С. 3–5) и сб. статей М.Н. Тихомирова «Русская культура XI–XVIII вв.», подг. С.О. Шмидтом и М.Т. Белявским (М., 1968). Впервые археографические сведения приведены Б.А. Романовым в предисловии к т. I «Лекций по русской истории» А.Е. Преснякова (Т. 1: Киевская Русь. М., 1938).

[90] Печальным примером воспроизведения последнего прижизненного издания является сб. работ М.Н. Тихомирова «Русская культура», где перепутаны р. Калка и Каяла (цитируем: «Эта ошибка зависела от того, что Игорь был разбит на реке Калке (нужно Каяле), а битва 1223 г., произошла на реке Каяле (нужно Калке)» (с. 68); вкрались и другие многочисленные ошибки: Митуса там же назван Митус, произведение XVIII в. «История о Ярополе» названо «История о Прополке». В.П. Адрианова-Перетц названа В.А. (с. 253), Андриановой-Перетц (с. 354–355), а Скрипиль – Скрыпилем и т.д. В рецензии на диссертацию В.С. Кеменева (с. 412) говорится, что новое православие «было утверждено на церковном соборе 1682 г. в присутствии двух иноземных патриархов». В 1682 г. состоялись «прения» на Никиту Пустосвята, а собор с присутствием двух иноземных патриархов был в 1666 г.

летописей[91]. В архиве С.К. Богоявленского сохранился экземпляр его книги с поправками и дополнениями[92].

При печатании последней прижизненной рукописи необходимо все-таки предварительное сопоставление рукописного и печатного варианта, с целью выявить дополнения, внесенные автором в процессе издательской работы.

Иногда редакторы сокращают ранние работы автора, если в последние годы жизни тот решительно пересмотрел свои взгляды. Так, при издании работ В.И. Пичеты редакция опустила старую трактовку вопросов о народности в эпоху Киевской Руси, роли торгового капитала в XVI–XVII вв., «отдав предпочтение самым последним положениям и трактовкам тех или иных вопросов автором» (с. 4). Думается, это неверный принцип. Коль скоро статья была уже однажды опубликована, она и впредь должна переиздаваться в том же самом виде. Иначе работы теряют свой историографический характер, свою принадлежность определенному времени, а эволюция взглядов автора вообще исчезает.

Итак, при переиздании целесообразно, на наш взгляд, полностью сохранять авторский текст, с учетом последних поправок, сопровождая его комментариями о развитии его взглядов, изменении оценок и т.д. Так и поступили Р.И. Козинцева и К.Н. Сербина со вторым выпуском «Очерков по источниковедению Сибири» А.И. Андреева. Редакция учла дополнения, сделанные А.И. Андреевым как на чистых листах тома, набранного к 16 июля 1941 г., так и отдельно, собранные А.И. Андреевым в специальной папке. Текст некоторых статей был заменен текстом статей, вышедших значительно позднее – вплоть до 1959 г., что было сделано согласно воле автора, выраженной им во вновь составленном оглавлении книги[93].

Не была нарушена авторская воля и при издании докторской диссертации В.Н. Вернадского «Новгород и Новгородская земля в XV в.»[94]. В основу был положен машинописный текст работы, в который внесены все авторские изменения и уточнения формулировок. Восстановлены тексты, изъятые при редактировании работы в «Ученых записках пед. ин-та им. А.И. Герцена».

Несколько иные задачи стоят при публикации неизданного ранее материала. Первой задачей здесь является установление авторства той или иной рукописи. Этот вопрос становится особенно актуальным, поскольку пишущей машинкой пользуются все шире и шире, и это создает особые трудности при установлении авторства[95].

---

[91] *Н.Г.* О хронологии русских летописей по XIV в. включительно // Ист. зап. 1947. Т. 23. С. 325–363. См. также: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

[92] МО ААН СССР. Ф. 553. № 1.

[93] *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 3–5.

[94] *Вернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.

[95] Этого не учли издатели работ М.Н. Тихомирова С.О. Шмидт и М.Т. Белявский, поместившие в сб. «Русская культура» сочинение М.В. Соколова (раздел о пере-

Второй задачей при издании рукописи является выбор редакции.

Выбор редакции в качестве основы для издания текста – вообще довольно сложная вещь. Решать этот вопрос однозначно, т.е. рекомендовать для печати последний прижизненный вариант, не всегда было бы правильно. Изменив название труда Е.В. Тарле «Северная война. Шведское вторжение в Россию в 1708–1709 гг.» (вместо «Шведское вторжение в Россию в 1708–1709 г.), его издатели, Н.И. Павленко и Б.Б. Кафенгауз, должны были бы опубликовать, хотя бы в комментариях, конец первой редакции этого сочинения 1949–1950 гг., в которой довольно подробно освещены события второй половины войны, после Полтавы. Издатели же ограничились текстом редакции 1952 г.

Составители книги «Русская культура X–XVIII вв.» правильно поступили, положив в основу издания вторую редакцию работы М.Н. Тихомирова о древнерусской философии как последнюю прижизненную редакцию произведения. Можно согласиться и с тем, что конец произведения (отсутствующий во второй редакции) дан по первой. Но вот против чего следует решительно возражать – это против того, что издатели включили в текст второй редакции фрагменты из первой (хотя и в квадратных скобках)[96], нарушив тем самым замысел автора и создав «сводный текст» труда о древнерусской философии М.Н. Тихомирова[97]. Если была необходимость издать дополнения из первой редакции, то их нужно было бы поместить в комментариях. Включать же их в текст другой редакции – вещь совершенно недопустимая, противоречащая всем нормам археографии. Зато изъята часть текста второй редакции[98].

водных: сочинениях в статье о философской мысли Древней Руси). Это указано в «Истории философии в СССР» (Т. I. М., 1968. С. 81–106), где в переработанном редакторами виде появилась эта статья.

[96] Так, на с. 95–96 фрагмент об антимусульманской и антилатинской полемике, сознательно исключил из второй редакции (текст «Безграмотные и преследуемые языческие «волхвы» не могли... кроме христианства» прямо вычеркнут М.Н. Тихомировым во второй редакции труда). На с. 153 включен второй абзац («Философско-исторические взгляды... Игореве») из первой редакции, а соответствующие слова из второй редакции («С наибольшей силой она выражена в «Слове о полку Игореве») опущены без каких-либо оговорок. Кстати, в сноску 37 на той же странице без оговорок внесены слова «изречение Фукидида», взятые из первой редакции. На с. 121 внесен текст четвертого абзаца, хотя во второй редакции он вычеркнут самим автором. Зато следующий далее на с. 132 (после слов «неженатое духовенство») текст, также зачеркнутый М.Н. Тихомировым («Грамота Константинопольского патриарха Луки к Андрею Боголюбскому, внесенная в русском переводе в летопись, добивалась изгнания Федора»), в издание не включен. На с. 142–143 включен текст о противоиудейских сочинениях, вычеркнутый во второй редакции самим автором. То же самое относится к рассказу о князе Белдюзе (с. 149). Замечание о союзе князя Василька с Владимиром Мономахом, зачеркнутое М.Н. Тихомировым рядом с этим (см. также с. 149 после второго абзаца сверху) в издание не попало.

[97] Это запрещают «Правила издания исторических документов» (М., 1956, пункт 31. С. 15).

[98] *Тихомиров М.Н.* Русская культура. С. 117 (после слов Переяславля Суздальского),

Введены некоторые места второй редакции, зачеркнутые М.Н. Тихомировым[99].

Такой же произвол допустили редакторы и в статье «О географическом кругозоре автора «Слова о полку Игореве»», где механически соединены фрагменты статей 40-х и 60-х годов. Текст издан с пропусками[100], отдельные места переставлены по усмотрению редакторов[101].

Изобилие неверно прочитанных[102] и неверно воспроизведенных мест настолько велико, что заставляет думать об издании, как археографическом браке. Необходима и проверка фактов, приведенных в работах покойных ученых[103].

В целом, вопрос о передаче текста должен быть предметом обсуждения советских археографов.

Наряду с этим можно было бы обсудить и принципы написания «Введения» и «Комментария» к трудам покойных ученых.

Составление комментария к трудам покойных ученых – сложная задача. Большая часть издателей решает ее просто. Обычно ограничиваются вводной статьей, в которой характеризуется творческий путь ученого и значение данной работы для исторической науки в целом и в творчестве покойного ученого. Наиболее удачные введения такого рода принадлежат Л.В. Черепнину – в последней работе И.У. Будовница[104] и сборнике работ И.И. Полосина[105] – и С.Н. Валку о И.И. Смирнове и Б.А. Романове[106]. Менее содержательна «биографически-научная» справка Л.В. Черепнина о К.В. Базилевиче[107].

с. 171 (после первого абзаца).

[99] Там же. С. 154 (третий абзац), с. 155 (четвертый абзац), с. 156 (два последних абзаца), с. 157 (первый абзац).

[100] Там же. С. 70, 73, 76.

[101] Там же. С. 72.

[102] Там же. С. 74. Напечатано: «Он знает черниговских былей, могутов, питранов, шельбитов, топчанов, ревунов и ольберов». Ни в «Слове о полку Игореве», ни в рукописи М.Н. Тихомирова нет никаких «питранов», «топчанов», «шельбитов» и... «ревунов». Вместо них хорошо известные «татранов», «топчаков», «шельбиров» и «ревугов».

[103] Такую работу провел С.М. Каштанов над рукописью С.Б. Веселовского о служилом землевладении.

[104] *Черепнин Л.В.* Исаак Уриелевич Будовниц (1897–1963) как историк // *Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по житиям святых). М., 1966. С. 3–24.

[105] *Черепнин Л.В.* И.И. Полосин как историк // *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 3–24.

[106] *Валк С.Н.* Иван Иванович Смирнов; *Он же.* Борис Александрович Романов // Ист. зап. Т. 62.

[107] *Черепнин Л.В.* К.В. Базилевич (1892–1950) // *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 3–8. Полнее его же статья: Уч. зап. МГУ. 1952. Вып. 156: Труды каф. истории СССР. С. 263–268.

В целом можно сказать, выработался тип введения к такого рода сборникам. Он включает биографический очерк, оценку творчества, обзор архивных материалов и готовых работ. Иногда ограничиваются только археографическим обзором (таково содержание раздела «от редакции», написанного В.К. Яцунским, во втором выпуске «Очерков по источниковедению Сибири»[108] А.И. Андреева).

Не обошлось дело и без курьезов – это раздел «от издательства» в книге Е.В. Тарле. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы приписать этот текст «издательству», ибо он на добрую половину состоит из авторского текста самого Е.В. Тарле («от автора»[109]) и содержит весьма небольшие и глухие указания редакции о подготовке рукописи к печати.

Особым видом комментариев являются «подстрочные примечания» Пример такого рода – это примечания в «Научных трудах» С.В. Бахрушина, причем пример, который трудно назвать удачным. Редакция, не соглашаясь с рядом положений С.В. Бахрушина, каждый раз оговаривала это в подстрочных примечаниях, носивших весьма категорический характер. Многие положения С.В. Бахрушина были названы просто ошибочными. Однако, как показало дальнейшее развитие исторической науки, редколлегия поторопилась с выводами – С.В. Бахрушин нашел много сторонников своих взглядов. Категоричность суждений особенно заметна в примечаниях ко второму тому[110].

Новый тип развернутых комментариев предлагают вниманию научной общественности С.О. Шмидт и М.Т. Белявский в уже упоминавшемся сборнике работ М.Н. Тихомирова о русской культуре. В комментариях к этому сборнику находятся и характеристика деятельности М.Н. Тихомирова – научной, научно-популярной (с. 415), и многочисленные сведения об обстоятельствах написания отдельных работ, их дальнейшей судьбе. Наконец, в комментариях помещены целиком и выборочно отдельные работы М.Н. Тихомирова.

Самую значительную по объему часть комментариев составляют собственные труды М.Н. Тихомирова, не помещенные издателями в основной части сборника. Здесь они набраны петитом, против чего всегда возражал сам М.Н.[111]

«Ссылка» ряда статей в комментариях не всегда понятна. Так, в виде «приложения» напечатано новаторское исследование М.Н. Тихомирова о начале московского книгопечатания только потому, что оно относится к «ранним работам»[112]. Однако эта статья сыграла огромную роль в

---

108 *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век. С. 3–5.

109 *Тарле Е.В.* Северная война. С. 3–5.

110 Они по преимуществу принадлежат Н.В. Устюгову. См. редакционный экземпляр 2-го тома трудов (ОРФ ИИ АН СССР. Ф. А, разд. I. № 9).

111 *Тихомиров М.Н.* Русская культура.... С. 369.

112 Там же. С. 8.

исследовании истории русского книгопечатания и сохраняет большое научное значение и до настоящего времени[113].

Несколько работ М.Н. Тихомирова помещены в комментариях в урезанном виде или в виде отдельных выборок. В комментариях помещены лишь небольшие извлечения из статьи М.Н. Тихомирова «Еще несколько замечаний о «Культуре Руси эпохи образования русского национального государства»»[114] (с. 426). В этой работе развиваются основные положения опубликованной в сборнике рецензии М.Н. Тихомирова на книгу Д.С. Лихачева (с. 244–250). Поэтому издать статью М.Н. Тихомирова было просто необходимо,

В комментариях к статье «Начало книгопечатания в России» печатается вводная часть статьи М.Н. Тихомирова «Записи XIV–XVIII веков на рукописях Чудова монастыря»[115]. И здесь почему-то введение дается «с некоторыми сокращениями» (с. 428). Выпущен небольшой, но весьма содержательный отрывок, характеризующий степень изученности темы. Этот пропуск в тексте не оговорен, нет даже в соответствующем месте (после слов «малоизученных исторических источников») отточия.

Наконец, в комментариях помещено «Письмо в редакцию» М.Н. Тихомирова, написанное им в 1948 г. Это письмо содержит интереснейшие сведения о той большой роли, которую сыграл его автор в спасении рукописей в г. Куйбышеве, и другие интересные материалы о древнерусских памятниках (с. 430–431). «Письмо», конечно, следовало поместить в основном тексте сборника. Совершенно недопустимо и то, что при публикации «Письма» составители сборника в комментарии даже не сообщили (как это они делают в других случаях, см. с. 416–428), что текст издан ими с купюрами, относящимися к характеристике взглядов А. Мазона.

Итак, разделение трудов М.Н. Тихомирова на издаваемые в основном тексте сборника и на публикуемые в приложениях или даже в комментариях ничем не оправдано и приводит к полному произволу при передаче их содержания.

Заключая раздел о комментариях, следует еще раз подчеркнуть нецелесообразность помещения в комментариях трудов автора сборника.

Думается, комментарии должны содержать археографические сведения о рукописи или выходные данные издания, по которому воспроизводится текст работы. Если текст публикуется по рукописи, здесь же следует помещать сведения о ее судьбе, т.е. ее публикациях, первичных и вторичных, рецензиях на нее и, наконец, дальнейшем развитии науки по данному вопросу.

Научно-справочный аппарат по тем представлениям, которые бытуют в наше время, включает подстрочный аппарат, указатели (личный и именной) и список трудов.

---

[113] Там же. С. 428.

[114] Вопр. ист. 1947. № 11. С. 158–159.

[115] Полный текст см.: Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 11–36.

Подстрочный аппарат составляется самим автором. Обязанности редактора здесь не очень велики – проверить правильность сносок, унифицировать их, приведя в соответствие с настоящим состоянием издания источников и исследованием, в том числе и работ покойного автора.

В изданиях последних лет такая работа проводится издателями. Тщательно выверен Н.Н. Улащиком справочный аппарат в книге В.И. Пичеты «Аграрная реформа». Так, в сборнике статей И.И. Полосина, в книге А.И. Андреева ссылки унифицированы и указаны новейшие издания источников и литературы.

Более ранние публикации изданы более небрежно. Не проверен справочный аппарат в работе К.В. Базилевича. Часто отсутствуют указатели (см. работу Е.В. Тарле, В.И. Пичеты «Аграрная реформа», К.В. Базилевича). По недосмотру редакции в книге П.П. Смирнова забыли опубликовать географический, предметный и именной указатели, уже составленные автором[116], Научно-справочный аппарат в книге М.Н. Тихомирова, хорошо выверенный Н.А. Долдобановой, не приведен в соответствие с состоянием литературы на сегодняшний день. Так, М.Н. Тихомиров ссылается на известие неопубликованной к моменту написания его статьи Вологодско-Пермской летописи (с. 270), изданной позднее под его редакцией[117].

Одной из важнейших частей научно-справочного аппарата в изданиях трудов покойных ученых является список его трудов. Такой список помещен в сборнике работ И.И. Полосина, научных трудах С.В. Бахрушина, И.У. Будовница.

Желательно, чтобы каждое посмертное издание или серия отдельных публикаций сопровождались списком научных трудов, в том случае, если такой список не издавался никогда раньше.

Список трудов покойного ученого должен включать как опубликованные, так и неопубликованные работы автора с указанием места их хранения. Попытки такого рода уже предпринимаются: рукописные материалы внесены в списки трудов А.И. Андреева, И.И. Смирнова, Б.А. Романова[118], рукописное наследие В.И. Пичеты охарактеризовано

---

[116] РОБИЛ. Ф. 279. № 35–37.

[117] ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1959.

[118] *См.: Сербина К.Н. Александр Игнатьевич Андреев // Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII–XVII веков. Л., 1960. С. 477–482; Она же. А.И. Андреев – ученый и педагог: Из воспоминаний об учителе // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. 17. С. 357–363; Победимова Г.А. Список научных трудов И.И. Смирнова / Крестьянство и классовая борьба в феодальной России // Труды ЛОИИ. Вып. 9. Л., 1967. К.Н. Сербина и Г.А. Победимова не указали тех архивов, где хранятся рукописи А.И. Андреева и И.И. Смирнова (с. 452). Список трудов Б.А. Романова см.: Ист. зап. Т. 62. С. 290, 293.*

В.Д. Королюком[119], рукописное наследие И.А. Голубцова – Я.Н. Щаповым[120].

Подводя итоги всему сказанному, следует подчеркнуть, что сообщение неслучайно было названо «Вопросы издания...».

Если необходимость издания отдельных работ из числа названных выше (в особенности работ М.К. Любавского) и подготовленных публикаций очевидна, то общий принцип публикации трудов покойных историков нуждается в коллективном обсуждении. Для «историографической публикации», как можно назвать издание работ покойных историков, должны быть выработаны особые правила, учитывающие всю их специфику в зависимости от их жанра (научная работа, научно-популярная или документ личного характера), судьбы (переиздание и издание рукописей) и т.д. Более ясен характер работы над комментариями и научно-справочным аппаратом. Автор надеется, что спорные и неясные вопросы будут решены коллективно.

В заключение автор считает своим долгом поблагодарить всех тех, кто оказал содействие в сборе материалов для настоящего доклада – Б.Н. Кушеву, Е.П. Подъяпольскую, К.Н. Сербину, А.А. Зимина, Н.И. Павленко, С.М. Троицкого, В.М. Панеяха, а также родственников покойных ученых, позволившим ознакомиться с хранящимися у них материалами.

---

[119] *Королюк В.Д.* Рукописное наследство академика В.И. Пичеты // Уч. зап. института славяноведения. Т. I. М.; Л., 1949. С. 25–34.

[120] *Щапов Я.Н.* Иван Александрович Голубцов (1887–1966) // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 439 (со списком работ в хронологическом порядке за 1915–1967 гг., с. 441–444).

А.Л. Хорошкевич

РАБОТА ДУШИ И РАБОТА НАД СТИЛЕМ
ИСТОРИЯ ТЕКСТА ПУБЛИКУЕМОЙ РЕДАКЦИИ РУКОПИСИ А.А. ЗИМИНА «ХРАМ НАУКИ»

Подведение итогов жизни человека на земле по мере его приближения к вечности становится занятием все более и более трудным. Мало кому удается преодолеть трагедии собственной жизни, оставив будущему читателю ее образ, сияющий добротой и гармонией (как это сделала Н.А. Морозова в своих воспоминаниях «Мое пристрастие к Диккенсу»[1] – вопреки всем кругам ада, через которые довелось пройти Нелли Александровне). Судьба же Александра Александровича Зимина в какой-то мере типична для интеллигенции советского времени. Преднатальное сиротство, нищета и голод раннего детства, туберкулез в молодости, лишь частичная реализованность фантастических способностей, достигнутая не только каторжным трудом, но и дополнительными, в какой-то степени унизительными, усилиями. Конфликт между жаждой истины и реальными условиями ее достижения – один из главных лейтмотивов мемуарно-историографо-философского сочинения Александра Александровича Зимина. Читать это произведение тяжело и больно – за самого автора, за судьбу страны, далеко отступившей от гуманистических идеалов, за ее будущее, которое трудно построить на фундаменте лицемерия и лжи, которыми была пронизана культура советского XX столетия, в том числе и такая системообразующая ее часть, как история.

О том, как созрел замысел и как создавалась книга, Александр Александрович рассказал сам (см. главу «Мой архив). Сетуя на то, что не сохранял рукописи своих научных работ А.А. Зимин писал: «Зато в “Храме науки” у меня есть первый вариант (рукописный 1974 г.) отдельных этюдов и окончательный (авторский) 1976 г. (промежуточных нет)» – это заявление не совсем точно. «Рукописный» материал, конечно, есть (в частности, текст о С.О. Шмидте сохранился в виде рукописи (из

---

[1] *Морозова Н.* Мое пристрастие к Диккенсу. Семейная хроника. XX век. М.: Новый хронограф, 2013. Кажется, что источником ее силы был не только талант, ее собственный и ее удивительных родителей + стойкость матери, но и их истинная любовь, в атмосфере которой прошло не только детство мемуаристки, но и ее жизнь, ее матери и всех близких.

подобных фрагментов с течением времени сложился сборник «Непродуманные мысли»). Но охарактеризовать первоначальную редакцию как рукописную, кажется, невозможно. Ибо в том комплекте, который он передал мне поздней осенью 1979 г. (уже в основном завершив третью редакцию этих воспоминаний), довольно многочисленны листы машинописи, резко отличающиеся от результатов трудов профессионалок – и расположением строк на странице, и, как правило, слабой печатью, и, наконец, самим стилем шрифта. Дело в том, что когда у Александра Александровича серьезно начало сдавать здоровье, его ученики подарили ему пишущую машинку югославского производства, купленную по совету секторской машинистки-палеографа Нины Ивановны Кирсановой. Александр Александрович очень быстро овладел этим тогда еще чудом множительной техники и начал печатать свои старые заметки – и «Непродуманные мысли», и будущий «Храм науки», и «Сумерки и надежды», превращая рукописные листочки в машинописные тексты и собирая материал для новых исследований. Александр Александрович иногда печатал две копии. И меня это в начале работы смутило: я и эти листы отнесла ко второй редакции сочинения, тем более, что на некоторых экземлярах-копиях были поправки, отличавшиеся от того, что автор помещал на первом. В результате образовались промежуточные варианты отдельных разделов. По мере набора текста стало ясным отличие набранных самим автором материалов от последующей перепечатки 1976 г. Ситуацию запутывает множественность машинописных экземпляров с правкой, не всегда повторяющей ту, что была на первоначальных текстах. Поэтому довольно сложно проследить историю текста и точно определить, какой именно текст был первоначальным и какой промежуточным.

Поэтому при воспроизведении этого сочинения приводятся варианты с указанием предполагаемой редакции. При этом выясняется, что тот набор текстов «Храма», который Алекснрд Александрович передал мне, содержит переходную редакцию, далее обозначаемую как 2а.

Тем не менее у публикуемого текста есть собственная история.

Однажды Александр Александрович похвастался тем, как прекрасно упорядочил свой архив, сформировав материал для 20 томов собрания сочинений (См. ниже «Труды»), и отдал мне некоторые уже не нужные материалы, среди которых была и рукопись «Храма науки» 1976 г.). Он познакомил меня и со списком душеприказчиков (В.Г. Зимина, Е.Л. Бешенковский, Р.В. Овчинников, Я.С. Лурье, В.Б. Кобрин, нежно любимый им С.М. Каштанов и я, из коих на сегодня в живых остались лишь двое последних). Сказал также, что ранее, чем через 20 лет, рукописи мемуарного характера печатать не следует. Это завещание в первые годы после кончины Александра Александровича Валентина Григорьевна регулярно читала нам на днях рождения и годовщинах ее покойного мужа 22 и 25 февраля). Научные рукописи худо-бедно превращались в

книги[2]. Так, вторым изданием вышла «Опричнина», которую удалось даже снабдить авторскими дополнениями и исправлениями, хотя пользоваться этим изданием очень тяжело – слишком тесен и мал шрифт. Даже «Слово» на излете так называемой перестройки удалось издать, правда, в варварски искалеченном виде, при содействии О.В. Творогова[3], которому как специалисту вдова доверила подготовку исследования к печати.

Семья покойного ученого, в которой до недавнего времени[4] насчитывалось четверо историков (и даже один член-корреспондент среди них), в XXI столетии решила взять дело издания трудов А.А. Зимина в свои руки. Нет, конечно, речь не шла о подготовке собрания сочинений. Дочь и зять великого историка, Н.А. и В.П. Козловы, лет пять назад начали с философско-мемуарно-генеалогического сочинения «Сумерки и надежды». Однако несколько замешкались с этим начинанием – «дорогостоящим», по словам дочери, а по словам зятя – доныне не дошедшим до стадии «проекта»[5]. В ожидании появления проекта и превращения рукописи в книгу уместно обратиться к другой рукописи, актуальность которой чрезвычайно велика в связи с кардинальным пересмотром российской истории, – «Храму науки». Нынешним и будущим участникам этого пересмотра не лишне было бы познакомиться с опытом своих предшественников, с удивительной периодичностью превращавшихся в жертв собственной «научной» активности. Об одном из этих периодов подробно рассказал А.А. Зимин.

Итак, вернемся к «Храму». В 1974 г. первый вариант «Храма» был уже написан и, возможно, частично набран автором на машинке, в 1976 г. был готов и второй, как и написал автор этих горестных размышлений летом 1976 г. Об этом можно судить и по двум предисловиям, датированным 3 и 28 июня 1976 г. Однако работа продолжалась. Появлялись новые разделы («Как я стал историком», «Мой архив» и др.),

---

[2] Некоторые из этих исследований вышли не под авторскими, но издательскими названиями (вместо «Иван III» – «Россия на рубеже XV–XVI вв.» и вместо «Борис Годунов. Путь к власти» появилась монография «В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны» – в 1986 г.). Еще четыре работы вышли под авторскими заголовками: «Россия времени Ивана Грозного» (в соавторстве с А.Л. Хорошкевич, с обычными для нее ляпами – Елизавета II вместо I и парой других не менее пикантных ошибок) – в 1982 г.; «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.» – в 1988 г.; «Витязь на распутье: феодальная война в России XV в.» – в 1991 г.; «Правда Русская» – в 1999 г.; «Слово о полку Игореве» – в 2006 г.

[3] Великий текстолог заменил все цитаты из источников авторскими реконструкциями, лишив тем самым логики весь текст исследования.

[4] Валентина Григорьевна Зимина скончалась 14 сентября 2013 г., немного не дожив до 90 лет.

[5] «Хочется надеяться, что издание книги А.А. Зимина станет уже в ближайшее время еще одним **проектом** введения его творческого наследия в общественный оборот» (*Козлов В.П.* Российская документальная «Сага о Форсайтах» А.А. Зимина // Историк в России. Между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова. М., РГГУ. С. 374.

уточнялись и дополнялись старые главы. В той папке, куда Александр Александрович сгреб все остатки от перепечаток, оказались разные экземпляры машинописи – в первых было очень много правки, отсутствовавшей во вторых и в третьих экземплярах. Все они – и первые и вторые/третьи принадлежали редакции 1976 г. На это очевидно указывают ссылки на издания книг (прошлым годом нередко именуется 1975-й). Правка же на первом экземпляре авторской машинописи была, видимо, предназначена для выборочной более поздней перепечатки. Последовательность работы А.А. Зимина над рукописями «Храма» можно уточнить и по «оборотках». Поскольку в те времена писчая бумага была большим дефицитом, то все использовали ее – если это было возможно – дважды. Александр Александрович исключением не был. Поэтому тексты и нумерация листов на обороте может быть использована для датировки этапов работы. Приведу один пример. Воспоминания о Н.А. Казаковой сохранились в виде краткого фрагмента начала (первый экземпляр машинописи, верхняя половина листа с кратким текстом обрезана, а нижняя подклеена к чистому листу бумаги[6]) и более полного текста (второй/третий машинописные экземпляры). Краткий фрагмент испещрен рукописными вставками и поправками, в том числе и о причинах смерти мужа Натальи Александровны. Полный лишен следов подобного вмешательства в текст, он полностью соответствует машинописи первого экземпляра (без рукописных поправок. Нумерация листов на обороте помогает раскрыть загадку. Краткий фрагмент напечатан на л. 19, а более распространенный – на л. 18 историографического обзора исследований Иоасафовской летописи. Это позволяет сделать вывод, что создание обоих вариантов было разделено кратким промежутком времени, в течение которого Александр Александрович сумел узнать новые подробности о трагической биографии мужа Н.А. Казаковой.

Если я не ошибаюсь в атрибуции текста обороток, отдельные листы авторской машинописи с сугубо фактическими сведениями о биографиях К.В. Базилевича, С.К. Богоявленского, В.И. Шункова, Б.Б. Кафенгауза также принадлежат к дополнительным материалам для третьей редакции «Храма». В настоящей публикации они помещены в сноски к тексту, где упоминаются указанные лица.

Таким образом, получается, что настоящий экземпляр рукописи «Храма науки» является переходным от второй редакции и второй машинописи к более поздней редакции, может быть, еще хранящейся в личном архиве А.А. Зимина. На основании наблюдений над имеющейся машинописью можно предполагать, что помимо справочно-библиографического аппарата существенных различий между вторым и окончательным вариантами не было. Для третьей редакции использовались оборотки от «российской документальной «Саги о Форсайтах» (т.е. ма-

---

[6] Нумерация страниц на листах, к которым подклеены исправленные тексты, очевидно, предназначена для новой, третьей, перепечатки.

шинописи труда «Сумерки и надежды»), что и позволяет относить некоторые листы к этой редакции, наиболее поздней редакции..

До окончания авторского 20- и даже 30-летнего запрета на публикацию этого сочинения издательница, к сожалению, успела подготовить лишь фрагменты, посвященные И.И. Полосину, Н.А. Баклановой, А.И. Копаневу[7]. Но считает своим долгом выполнить обещание, данное автору и подкрепленное устным разрешением Валентины Григорьевны, вдовы А.А. Зимина, – подготовить к печати то последнее, что она еще может сделать для сохранения памяти Учителя, Наставника и Друга. Затруднения составительницы с передвижением исключают возможность пополнения труда библиографическими сведениями. Это остается на долю публикаторов следующего – второго или третьего издания, надеюсь, сохранившегося окончательного текста третьей редакции…

Издание этой третьей редакции крайне важно, поскольку оно поможет понять умонастроение автора в последний год его жизни. Кое-что можно обнаружить и в публикуемых материалах. Ясно, что травма 1963–1964 годов не была пережита автором и 10, и 12 лет спустя. Лейтмотивом книги проходит характеристика поведения коллег – друзей и недругов – по отношению к автору, ученому «еретику», осмелившемуся покуситься на национальную святыню культуры. Отметим кстати, что подобное отношение к прошлому – одна из форм той «патологии общественного сознания», которую в свое время отметил еще В.О. Ключевский. В 1974 г. раны еще совершенно не затянулись, и Александр Александрович с молодым, пожалуй, даже юношеским, задором щедро раздает прозвища, оплеухи своим оппонентам и противникам. К 1976 г. позиция становится более умеренной, а характеристики – более сдержанными и взвешенными, само сочинение – более «научным» (в рукописных дополнениях автор иногда указывает даты жизни, иногда называет труды). Третья редакция «Храма науки» по своей тональности резко отличается от двух первых. Мир и друзей – коллег и учеников (бывших Наташ, Яшей, Каштанов, Володек, Асек) – теряет обаяние личных теплых отношений и превращается в мир, настолько отстраненный от автора, что тот не решается называть учеников иначе, чем по имени отчеству. Больше внимания уделяет их научным заслугам, в связи с чем приводит библиографию основных трудов – уже не только друзей, в том числе и бывших, но и противников, начальников и просто достойных ученых.

Незавершенность и неполнота текста (так, очевидно, часть текста о С.Б. Веселовском перекочевала в третью редакцию, возможно, в модифицированном виде) поставила перед публикатором головоломку, ибо текст не соответствует оглавлению. При подготовке рукописи встала и проблема расположения отдельных глав сочинения. Первоначальный вариант имел сплошную нумерацию листов. Законченные тексты второй редакции были пронумерованы в соответствии с разделами,

---

[7] Ряд фрагментов, посвященных ученикам, С.Б. Веселовскому, опубликовали Л.Н. Простоволосова и А.М. Дубровский при участии или с разрешения вдовы.

порядок которых был зафиксирован авторским оглавлением, открывающим текст (с. 35 настоящего издания). Однако помимо разделов, указанных в оглавлении, имеются и тексты разделов, отсутствующих в нем (например, «Халтура», «Дисциплина»). Наряду с этим в оглавлении указаны разделы, не выделенные в самом тексте: «Подвижники науки», «Во глубине сибирских руд». Поэтому трудно быть уверенным, что расположение этих разделов в папке, которая была выдана мне, соответствует действительным намерениям автора. Еще сложнее ситуация с огромной начальной частью сочинения. Автор колебался и в ее наименовании. Александр Александрович склонялся то к «храму науки», то к другим – «В феодальной вотчине»и «Служители феодального культа». Кроме того, уже летом 1976 г. он уже предполагал выделить из нее разделы, определив их в оглавлении как «С.Б. Веселовский», «Подвижники науки», «Дела и дни феодалов». К счастью, они легко вычленяются из этой начальной части (что и было сделано составительницей. Наименования этих разделов помещены в квадратные скобки). Это единственное вторжение в авторский текст, который совершенно умышленно воспроизводится без какой-либо редакции, даже в случае повторов. Можно надеяться, что подобный тип публикации позволит будущим и более проницательным исследователям легче проникнуть в творческую лабораторию Александра Александровича.

Пожалуй – лучше поздно, чем никогда, ответить на вопрос о целесообразности издания незавершенной рукописи. Читатель привык к «потреблению» готовых рукописей, вылизанных автором, редактором, корректором и даже ответственнным редактором, уже задолго до прихода к последнему забронзовевших в окончательной мысли автора. Издание подготовительных и промежуточных текстов даст вдумчивому и внимательному читателю возможность проследить путь к этому памятнику, понять движение мысли автора, состояние его души, в которой, конечно, отражалась и общественная атмосфера общества.

Начало работы А.А. Зимина над этими размышлениями о жизни приходится на 1974 г. Это десять лет после «Слова...», а заодно и такой же юбилей смещения Хрущева с партийно-административных постов (Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров), конца очередной (хрущевской) «оттепели» и начала брежневского застоя, правда, еще не достигшего в это время маразматического характера[8]. И уже четыре года обострения хронического бронхита (вероятно, с бронхоэктазами, вследствие перенесенного в годы войны туберкулеза). Советская медицина, и академическая в частности, показала себя в самом лучшем виде. Из больницы на ул. Фотиевой, вместо того чтобы лечить бронхит, легочного больного отправили (по распоряжению главврача Ноздрюхиной) по «скорой» в психбольницу, пусть там рассказывает, как у него «в груди растет борода». На счастье Александра Александровича, в

[8] Что сказалось и на руководстве исторической наукой. Она попала в ведение абсолютно невежественного аппаратчика ЦК КПСС С.С. Хромова.

результате краткого общения с «пациентом» старушка-психиатр поняла, что больной попал не по адресу, и выпустила его домой.

Психологическое состояние отразилось и на стиле первой редакции «Храма науки». Александр Александрович довольно резок в оценке исторических бонз, от которых он натерпелся основательно. Среди них оказался и С.О. Шмидт, специализировавшийся на эпохе Ивана Грозного. Пути «звезды исторической науки», по определению некоего А. Ефимова, Интернет) и ее «труженика» пересекались всю жизнь – и в Москве на истфаке, и в Ташкенте, где оба слушали доклад С.Б. Веселовского о синодике Ивана Грозного[9], и в Институте истории, и в Институте истории СССР, образованном в 1968 г.

Критический пыл первой редакции несколько поостыл к 1976 г., когда создавалась вторая. Это заметно и на тексте о Шмидте. На этот раз Александр Александрович отметил и главную заслугу Сигурда Оттовича – приобщение студентов к большой и настоящей науке с помощью источниковедческого кружка в Историко-архивном институте, которым тот руководил почти полвека.

Однако в целом общая тональность сочинения сохранялась. Здоровье ухудшалось, а гора неопубликованных сочинений росла. После кончины их автора часть монографических сочинений была издана. Однако все они, написанные в СССР, когда авторы обязаны были придерживаться руководящих указаний Партии и Правительства, не дают полного представления о мироощущении их автора. «Храм науки» позволяет, хотя бы отчасти, услышать настоящий голос исследователя, представить условия, в которых пытались творить самые честные историки. Еще более точное представление можно было бы получить, ознакомившись с полным корпусом переписки А.А. Зимина. Однако, насколько понятно из акта передачи личного архива семьи Зиминых, эти материалы остаются дома у Н.А. Козловой. Посему новое поколение может лично познакомиться с Александром Александровичем – увы, только по материалам издаваемой редакции «Храма науки». Читать размышления и воспоминания А.А. Зимина больно и трудно, но сейчас, когда страна находится на очередном витке застоя, весьма поучительно, необходимо и даже крайне необходимо, несмотря на то, что составительница далеко не всегда согласна с характеристиками людей, с частью коих ее поныне связывают долгие годы совместной и даже дружной работы, а некоторым она просто обязана разного рода помощью. Но, увы, Платон мне друг, но истина...

---

[9] Об этом докладе, содержавшем косвенную критику сталинского кумира, упомянул и замечательный географ, библиограф, нумизмат и пр. Михаил Борисович Горнунг. Он единственный рассказал и об условиях жизни в «хлебном городе» Ташкенте. По его словам, большинство эвакуированных расположились в балетном зале школы, основанной Тамарой Ханум, разгороженном до уровня человеческого роста картонными коробками, а Шмидт с матерью и няней-кормилицей, опекавшей его почти до смерти, жил на втором этаже в отдельной комнате (*Горнунг М.Б.* Зарницы памяти. М.: Новый хронограф, 2013).

ХРАМ НАУКИ

(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЖИТОМ)
МОСКВА, 1976

ОГЛАВЛЕНИЕ[1]

---

[1] Оглавление не вполне соответствует содержимому папки второй редакции «Храма». Появился новый текст «Как я стал историком», глава «Все флаги в гости будут к нам» политкорректно названа «Коллеги», глава «На периодических страницах» получила название «На страницах журналов и сборников», «Дети становятся взрослыми...» уступили место «Ребятам…», «Первосвятителя в храме»заменил «Первосвященник в храме». Отсутствует глава «Во глубине архивных руд» (парафразом этого заголовка названа глава об А.И. Андрееве). Появился новый раздел «Как я стал историком», который первоначально сбил составительницу с толку. Однако на последнем этапе подготовки рукописи материал законченных глав вместе со всеми дополнениями на отдельных, часто не нумерованных листах (это, как правило, уточнение биографических данных историков), был расположен в соответствии с оглавлением, воспроизведенным выше.

В разделе «Храм науки» примечания составителя выделены курсивом, примечания, исправления и вставки автора – обычным шрифтом (*Сост.*)

Академические скачки
Посвящение в паладины
На периодических страницах
Все флаги в гости будут к нам
Во глубине архивных руд
Подвижники науки
У разбитого корыта

ПРЕДИСЛОВИЕ 3 ИЮНЯ 1976 г.

«Храм науки» – кто и когда первым создал это сочетание слов, которое прежде поражало меня противоестественностью? В самом деле, молящийся в храме преисполнен верою в вечное начало Любви. Ученый как будто бы должен отвлечься от «добра» и «зла» и быть слугою одного только разума. Его эталоном должна быть (так считалось) Правда–Истина, которую иногда отождествляли с Правдой–Справедливостью. Но если научный трактат превращается в молитву, то наука на этом кончается. Так кто ж этот затейник, который решил заточить ученых под своды пышных храмов? Быть может, им был средневековый схоласт, который, прислуживая первосвященникам, объявил науку служанкой богословия? И в самом деле, разве астрология и средневековая медицина и география не могли ужиться с учением отцов церкви?

Но может быть, понятие «храм науки» выдумал рационалист XVIII в., кто-нибудь из энциклопедистов, всерьез подумывая о том, чтобы заменить молитвословие культом Разума? Не знаю.

Но разница не только в объекте поклонения, но и в тех, кто являются главными персонами священнодействия. В Божьем храме молятся по раз навсегда выработанным канонам. Служители церкви лишь провозглашают вечные истины. В храме науки верующие в торжество Чистого Разума сами заняты открытием вечных истин, они сами священнослужители, а не просто присутствующие при действе.

Беда, когда Храм Науки превращается в Храм Вероучения, когда догмы занимают место научных истин, а декламация – поиск.

И все же что-то в содружестве ученых есть от Храма в духовном смысле. Чистота помыслов, служение Вечным идеалам, соприкосновение с тайной Бытия – пусть в реальной жизни все выглядит не так однозначно, но как предел мечтаний все это существует, несмотря ни на что. Постепенно же проясняется, что не так уж далеко отстоят друг от друга наука и мораль (ранее рассматривавшаяся только как входящая в компетенцию веры). Атомная бомба показала, что ученый не может творить вне моральных ценностей. Для науки о человеке аморальность

исключена, ибо только ученый, любящий своего собрата, друга, кем бы он ни был, способен понять собрата, жившего сто или тысячу лет назад. Лживый же честолюбец в реальной жизни не может быть правдовидцем в науке. Расчленение науки, специализация ее дробностей приводит с неизбежностью к двум выводам. Во-первых, все яснее видятся границы возможных поисков, определяющиеся теми данными, которыми обладает человек как познающее существо. Во-вторых, общие науки все чаще вынуждены класть в основу своих небоскребов веру – хотя бы в выводы тех или иных коллег в частных науках, результатами которых они (обобщатели, философы и т.п.) вынуждены пользоваться. Но это только усиливает, увеличивает моральную ответственность любого ученого, занимающегося конкретным вопросом: ведь проверить тебя часто очень трудно и хлопотно, значит, тебе будут верить. Прохвосты на это рассчитывают, прикрываясь знаниями и теориями, якобы дающими им право на веру сонма невежд и подхалимов. Честный же ученый должен нести свой крест Правды, зная, что он приведет его на Голгофу.

Наивная вера во всесилие науки, якобы однозначно ведущей к прогрессу, и преклонение перед учеными, магами и волшебниками, знающими тайну познания истины, с детских лет воспитывались во мне не только близкими и школой, но и всем бытием, в котором я находился. Впрочем, писатели и другие деятели культуры немало потрудились над созданием штампа ученого. Он прежде всего рисовался седеньким старичком (а известно, что ученые открытия прежде всего сопутствуют юности), этаким колдуном, изрекающим непреложные истины. Ну, что-то вроде Черкасова в «Профессоре Полежаеве» и т.п. Были и ученые-вредители, ученые-шпионы (Грацианский из «Русского леса» Леонова). За последние десятилетия появились и новые антитезы; молодые правдолюбцы, служащие непосредственным государственным интересам, противостоящие не только рутине (это теперь уже банально), а циникам, ищущим в науке средств материального благополучия (под сенью простофиль или наивных ученых-старичков), этаких поклонников всего западного («9 дней одного года» и т.п.).

* * *

*Жизнь, однако, далека от подобного противостояния розового от черного. Гамма красок сложнее и ярче.

Ниже я пытаюсь рассказать о своей встрече с наукой, ее жрецами. Записки эти отрывочны. Их первый эскиз написан в 1974 г. Второй (неполный, машинописный) – в 1976 г. Заранее предупреждаю читателя, что мой рассказ субъективен. Пристрастен, и даже очень. Мне бы хотелось, чтоб его рассматривали всего только как свидетельство одного из современников описываемых событий и людей – и только. Но мне кажется, что без подобных свидетельств когда-то, лет через 50 будет очень трудно разобраться в борьбе страстей, в обстоятельствах, вызывавших появление тех или иных трудов. Речь пойдет, конечно,

только о том, чему я был видок или послух. Преимущественно о людях, занимающихся феодальным периодом отечественной истории.

Болезнь и жизненные обстоятельства не позволяют мне на этом этапе завершить книгу. Но я надеюсь, что все еще впереди.*[2]

3/VI-76 г. Зимин

НА ПОРОГЕ ХРАМА

> И ты с неизъяснимым душевным трепетом
> входишь в этот Храм, который преображается
> в обитель Красоты, Правды и Человечности.

Дорогой читатель! Мы с тобой находимся на пороге Храма науки отечественной истории. Остановись и на минутку и задумайся. Ведь творцы этой науки – волшебники, воскресающие тех, кто дал тебе жизнь, кто является твоей составляющей. Как исчислить поэтому меру ответственности и перед теми, кто ушел – ведь они могут только беспомощно и безмолвно взирать на то магическое действо, которое творишь ты. Кем же они предстанут? Роботами? Франкенштейнами, составленными из трупов? Или бесплотными духами? Или твоими видениями? Да, прошлое ушло безвозвратно. Оно во всех своих проявлениях неповторимо. Да, об ушедших людях мы можем узнать только по рассказам тех, кто знал их, по их собственным творениям. Наконец, воскресить ушедших можно только в образах своего собственного творчества (как художник воспроизводит свое видение мира). Но тем большая ответственность ложится на творца-историка, который может познать прошлое тем ярче, чем более он сопричастен Вечности.

Мы на пороге Храма, где совершается чудо преображения истории в детище человеческого духа. Образ Храма двоится не только в нашем воображении, но и наяву. Давно уже фарисеи стараются превратить служителей культа в кимвал звенящий. Шабаш ведьм, нацепивших на себя крылья ангелов. Храм воздвигается на Лысой горе. Калечатся тела и души. «Люди гибнут за металл». И вдруг ты видишь, как откуда-то с мольбою в бесконечно печальных взорах к тебе обращены лики поруганных братьев и сестер. Ты не слышишь хора их торжественных песнопений – уста их замкнуты, а глаза только просвечивают в щелочки надетых на них безобразных масок. Но ты чувствуешь всем сердцем их призыв:

---

[2] *Текст, отмеченный звездочками (от* Жизнь, однако *до* все еще впереди) *напечатан самим А.А. Зиминым (это 1-й экз. на нижней половине страницы 2-го экз. профессиональной машинописи).*

Милый друг! Истомил тебя путь,
И усталые ноги болят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Смерть и время царят на земле.
Ты владыками их не зови.
Все, кружась, исчезает во мгле.
Неподвижно лишь Солнце Любви[3]

То, о чем дальше написано, всего-навсего воспоминания о Храме науки, в котором мне довелось быть одним из служителей феодального культа на протяжении почти тридцати пяти лет. Вместе с тем рассказ содержит попытку осмыслить прошедшие годы, главным образом познакомить читателя с теми людьми, с которыми мне пришлось встретиться в этом храме. Пусть не ищет здесь читатель «объективного» рассказа в духе летописца Пимена. Ведь

Добру и злу внимая равнодушно,
Поэт творил.
Но спорил с ним полупослушный
Один Зоил.

Назначение человека – как можно всестороннее раскрыть заложенные в нем потенции. Поэтому я пытался дать субъективное, т.е. личностное представление о Храме науки и его служителях. Чем больше будет таких рассказов, окрашенных индивидуальным восприятием мира, тем многограннее и в конечном счете достовернее будет наше представление о нем[4].

28 июня 1976 г.

ПЕРВОСВЯЩЕННИК В ХРАМЕ

Директор Института Истории – двуликий Янус. На показ – он первосвященник. В нашей науке он многолик и не имеет той законченной определенности, которая свойственна ему в известном телевизионном сериале. Пан-директор в Институте должен обладать импозантностью –

[3] В.С. Соловьев.

[4] *На отдельном листе*: Пройдут годы, и историки Счастливого века будут читать труды своих предшественников, живших в Славное Шестидесятилетие. Читать и удивляться многому. Высокому уровню техники исследований и низкому уровню моральных ценностей у их авторов. Мне бы хотелось, чтоб, заглянув в мою книгу воспоминаний и размышлений, эти наши наследники поняли бы и условия, в которых нам приходилось сочинительствовать, и представили себе тех, кто был служителями в Храме науки.

ведь он нужен не только для внутреннего употребления. Ну, хотя бы видимостью. Это фигура репрезентативная. Конечно, хорошо, если бы это был известный ученый. Впрочем, это не обязательно. Раньше ученых стремились делать чиновниками, теперь все больше чиновников начинают награждать «всякой всячиной (академическими званиями) и именовать учеными». Но вот без импозантности не обойтись (пока). Пан-директор должен прежде всего исполнять, а потом уже решать. Он должен быть управляем, т.е. стоять на вытяжку и понимать с пол слова». И все должны видеть, что решения пана-директора исключительно продиктованы зовом сердца, а не какими-либо иными мотивами. Его задача быть приводным ремнем, и только. Занимается при этом он наукой или нет, его собственное дело. Но помнить-то он должен, что его наука не должна касаться основ, во всяком случае входить с ними в противоречие.

Я застал почти всех директоров Института. Сам Институт истории АН СССР создан был после правительственных решений по истории 1934–36 гг. Решение о нем принято 15 февраля 1936 г.[5] Базой его стали Институт истории Комакадемии и Постоянная Археографическая комиссия (преобразованная в 1931 г. в Историко-археографический институт АН СССР). Остатки двух разгромленных учреждений в ходе «дела историков» (РАНИОН) и борьбы с Покровским. Директором Института стал акад. М.Н. Лукин (специалист по новой истории). Не надолго. В 1937 г. он был изъят и на его место назначен Б.Д. Греков (1882–1953), пробывший в этой свой должности до самой смерти. В 1946–1953 гг. он был также академиком-секретарем Отделения истории и философии, в 1944–46 также директором ИИМк, в 1947–1951 гг. директором института славяноведения.

Со всеми директорами у меня были отношения, мягко выражаясь, прохладные, но с нюансами (П.В. Волобуев – исключение).

Б.Д. Греков кончил Московский университет в 1907 г. (переведясь из Варшавы). В 1914 г. он выпустил в свет [книгу] «Новгородский дом св. Софии», т. I, посвященную одной из святейших особ. Борис Дмитриевич всю жизнь был человеком богобоязненным. Тема (новгородская) связана с тем, что Б.Д. Греков к профессорскому званию готовился в Санкт-Петербурге, хотя милее ему в те далекие 20-е гг. была московская школа бытописателей. Затем черт занес Бориса Дмитриевича в Крым, что послужило предметом острот и порочащих этого [...] Ученого слухов. Но все окончилось благополучно (Борис Дмитриевич родился в рубашке) и вот он снова в Петрограде. Здесь он нашел свое призвание: работал в Археографической комиссии, где в «Летописях» 1926–27 гг. издал вторую часть «Св. Софии» уже под названием «Очерк хозяйственной жизни». Человек Борис Дмитриевич был всегда покладистый, стеснительно улыбающийся – ну прямо Иван Иванович из рассказа Го-

[5] См.: 50 лет советской исторической науке. Хроника научной жизни. 1917–1967. М., 1971. С. 201.

голя. Со всем всегда соглашался. Любил музыку – играл на виолончели (вторе). Это давало повод злопыхателям говорить:

Профессор Греков! Член совета!
Скажите, как случилось это?
На заседаньях Центрархива
Играет втору он на диво».

И играл. Но наступил 1930 г. Все насмешники отправились по причине плохого характера в далекие от столицы места. Остался из стариков один Греков, который понял, что надо идти в ногу с жизнью, стал учиться марксизму. Учителя у него были серьезные – Пригожин, Цвибак, Томсинский и другие – Иимковцы. Наступила пора теоретических дискуссий. Сначала (во время споров по закрепощению (Малышева о втором закрепощении)), Борис Дмитриевич молчал. И новые борзописцы с негодованием вопрошали: «Почему молчит профессор Греков? А он прислушивался, присматривался, говорил мало. И вот в 1932 г., когда теоретики типа Зайделя и Пригожина установили, что на Руси рабовладельческой формации не было в соответствии с указаниями Энгельса о германцах, в ИИМК состоялась новая дискуссия – на этот раз по докладу Б.Д. Грекова на тему «Рабство и феодализм в Древней Руси»[6]. Докладчик удачно сыграл «втору», и абстрактно-социологическое построение его учителей приобрело аксессуары учености, правда, еще преимущественно со ссылками на литературу (критическими по существу, но без резких слов). В 1934 г. вышла также и книга Грекова «Очерки истории феодализма в России»[7].

Она также основана на бытовавшей тогда тенденции отождествить схему Маркса (политэкономическую) с конкретной историей России. Итак, Греков взял мнение тех социологов, которые считали, что в Киевской Руси была натуральная рента, потом «полегчало» и рента стала продуктовой, потом начала было развиваться денежная рента, но на Востоке Европы наступило (по Энгельсу) вторичное закрепощение – возврат к барщине под влиянием торгово-денежных отношений (в духе Покровского). Вот это истинный ученый. Образцово-показательный. Он встал на рельсы нового пути. Естественно, что научные достижения получили заслуженную оценку: в 1934 г Греков уже член-корреспондент АН СССР, а в 1935 г. академик. Бессмертие ему было обеспечено.

И вот ведь как получается. Говорят некоторые умники, что у нас наука развивалась по директивам. Нет, дело было не так просто. Ведь вся схема Киевской Руси у Грекова явно не соответствовала общей теории

---

[6] 50 лет… С. 174. Дискуссия с докладом Грекова издана в 84 т. в «Известиях ГАИМК». М.–Л., 1934. О ней см. также: Проблемы истории материальной культуры. 1933. № […]. С. 161.

[7] Известия ГАИМК. Вып. 72. М.–Л., 1934. В набор сдана 26/V 1933 г. Еще в вводной статье к изданию «Хозяйство крупного феодала в XVII в.» (М., 1933) у автора полная неясность (сдано в набор 17 июля 1932 г., подписано 31 мая 1933 г.): барскую запашку в Киевской Руси считает еще не […]тельной и […].

марксизма о смене формаций (рабовладение исчезало). Другой бы уже давно сложил голову. В самом деле, после выхода в свет «Краткого курса» (1938 г.) сам Шестаков А.В. (автор правительственно премированного учебника по истории СССР для 3-го класса) затеял дискуссию с Грековым снова о рабовладении: ведь в «Курсе» явно говорилось о четырех формациях на нашей территории (см. ответ Грекова в «Историке-марксисте» 1939 г.) Но ничего у Шестакова не получилось. Ибо отец родной в это время уже благоволил к старикам-историкам, а особенно к милому, добрейшему и покладистому Борису Дмитриевичу. Он получил высочайшее (молчаливое) соизволение на шалость в теории (ведь речь шла о седой старине) в благодарность за преданность.

И доверие Борис Дмитриевич оправдал сполна. Он и варягов-то стал уничтожать, когда в этом возникла надобность. И древность-то у него стала углубляться (в самом деле, если феодализм был в XI в., то совершенно естественно, что он не мог свалиться на голову так просто, то есть был он и в VIII–IX вв. Но государство-то основывается на базисе, поэтому ясно, родился он ранее, то есть где-то в VI в. И Греков стал в ряды тех, кто по науке и совести разъяснял величайшее (историческое) значение трудов по языкознанию и другим проблемам. Он стал и тем, кто доказывал единство развития славян по образцам, характерным для пути Русской Правды. Все новое – передовое сразу находило отклик в чуть ли не ежегодно повторявшемся издании Киевской Руси, росшей как снежный ком. Греков, ученый, приобретший мировое имя, стал мужественным борцом за мир. Недаром ему на торжественном заседании, посвященном семидесятилетию, был подарен голубь, привязанный к красивой перекладине, которую следовало поместить в птичью клетку.

Как забываются добрые дела и мысли. Став иконой, Греков при жизни был только объектом поклонения в кругу своих, юристы – Юшков и Сыромятников позволяли себе дерзить, Бахрушин после нескольких попыток возразить – замолк и меня учил молчанию, этот Иван Никифорович в споре с Иваном Ивановичем. Теперь, когда шум баталий заглох, в фимиам рассеялся, видно все значение трудов Бориса Дмитриевича, сочетавшего бытописательство и примитивный социологизм. А так как он не имел ни малейшего представления об источниковедении, то с источниками XI–XVI вв. он обращался как варвар, хотя и крестился на Шахматова, когда в том у него возникала необходимость. Он писал, отталкиваясь от построений и литературы, источники знал выборочно, какие подворачивались под руку (нашлись волоколамские книги – хорошо, есть у Веселовского аты, правда их многовато, но примеров набрать можно). Но главное – Закон. Греков знал твердо – и Русская Правда, Судебники и т.п. восприн[имались им как] главные хранители основ общественной жизни.

И все же труды Грекова стали тем трамплином, от которого отталкивались историки двух следующих поколений. Только теперь стало ясно,

что исходить-то надо не от Грекова, а от источника. Поздновато, но все же. И ленинградцы показали пример этому новому подходу.

Лектор Греков был немудрящий, изъяснялся довольно просто, с тенденцией примитизировать для слушателя сложные процессы. Учеников у него не было. Разве что Ирочка Перельман, маленькая, несчастная, бездумная поклонница всего грековского, занимавшаяся рядками в Новгороде по писцовым книгам. Жизнь ее оборвалась трагически. Учеником Грекова по Москве (аспирантура) стал В.Т. Пашуто, который всегда это любил подчеркивать, подражая учителю в своих штудиях. Сейчас он задумал написать о нем книжку. Но Греков с прохладцей относился к слишком шустрому Терентьевичу.

Сын Грекова розовощекий: Игорь очень напоминал своей видимостью стеснительности отца. Историка из него не получилось (книги его о внешней политике Турции и славян в XIV–XV вв. в России и Золотой Орде в конце XIV в. бездарны и конъюнктурны. Он предпочитает свой автомобиль, развлечения и организацию симпозиумов в своем институте Славяноведения.

Да, в гимназии Греков еще преподавал Тихомирову, и как-то Рыбаков считает себя его учеником (выдумка или фикция).

Человек Борис Дмитриевич был разный. Наверно, в душе одинокий, сохранявший старомодные понятия о личной честности и порядочности. Впрочем, был и мнительным (всюду чу́дились противники, «копающие» под него). В своей области был нетерпимым (власть развращает).

Но вот в чем его бесспорная заслуга – это в консолидации тех остатков феодалов под своей эгидой, которая сделалась возможней после 1934–37 гг. В практической деятельности Института сначала он принимал самое деятельное участие, потом отошел от нее, сохраняя лишь главенство в различных начинаниях, любовь к археографии и уважение к древности. Всякие «кадровые» и пр. дела (связанные с отношениями с организациями) поручал своему комиссару-заму, роль которого при нем долгие годы исполнял В.И. Шунков. В общем, он одержал победу над временем, плывя по течению, как Кутузов. Он был тем, кто обеспечил преемственность наук – старой и новой (соответствуя сдвигам в представлениях об историках и стариках Вождю, каким тот стал ко второй половине 30-х гг.).

У нас с Грековым отношения были сложные. Ко мне он уж относился осторожно по двум причинам. Во-первых, С.В. Бахрушин выступал против некоторых положений Грекова, что расстроило их отношения. Во-вторых, Анечка писала дипломную о холопах на Руси. Она сдавала ему и экзамен с вопросом о смердах. Так что образ наших мыслей ему был хорошо известен. И все же. Он приютил меня в качестве референта после окончания аспирантуры. А на праздновании 70-летия в ресторане произошел следующий эпизод. Почему-то я очутился в коридоре. В это же время размягченный Борис Дмитриевич подходит ко мне и убедившись, что рядом никого нет, наклонившись ко мне, как бы доверительно

и несомненно от всей души сказал: «Желаю и Вам того же, Александр Александрович».

Наследником Грекова в Институте был Аркадий Лаврович. Жизнь Аркадия Лавровича органически связана со строительством новой исторической науки и формированием марксистской историографии в Советской России. Вышел Аркадий Лаврович из среды нижегородских крестьян[8]. На заре своей деятельности он комсомольский активист, а с 1920 г. и член ВКП(б). В 1920 г. командирован в партийную школу при Нижегородском губкоме, а в 1921 г. поступает в Лекторскую группу при Коммунистическом университете им. Свердлова, которую и оканчивает в 1923 г. Уже здесь он учился в семинаре М.Н. Покровского. Всю жизнь Аркадия Лавровича тянуло к активной партийной деятельности. И после завершения курса учебы в лекторской группе он отправился в Читу в распоряжение Дальневосточного бюро ЦК. Но совершенно неожиданно при поддержке М.Н. Покровского он получает разрешение в числе нескольких слушателей лекторской группы держать экзамены в ИКП, и после двух месяцев напряженной подготовки он сдает экзамен и в 1924 г. поступает в Институт Красной Профессуры, который и заканчивает в 1928 г. Здесь он работал в семинаре М.Н. Покровского, написал, в частности, работу о взглядах Щапова, и в 1925 г. начал разработку проблем экономической истории России в годы Первой мировой войны – темы всей его дальнейшей жизни. Эта тема органически была связана с напряженной идеологической борьбой. Н.Н. Ванаг и С.Л. Ронин в духе М.Н. Покровского отстаивали тезис о том, что Россия была полуколонией мирового империализма. Это, как считалось, должно было подкрепить троцкистский тезис о незрелости России для пролетарской революции. А.Л. Сидоров уже 1927 г., т.е. в разгар завершения борьбы с троцкизмом, в своей статье о войне и экономике России твердо встал на точку зрения противников Ванага, утверждая, что принципиальной разницы между русским и, скажем, англофранцузским империализмом не было, хотя довоенный империализм в России был слабее[9].

В 1929 г. по окончании ИКП Сидоров отправляется на партийную работу в Нижний. Здесь он уже в своих лекциях в 1930 г. прямо говорит об ошибочности отдельных представлений Покровского (в частности, о торговом капитале и т.п.). Сидоров шел в ногу со временем. Весной 1932 г. Сидоров переезжает на партийную работу на Дальний Восток. Здесь он был членом бюро горкома, обкома и крайкома, участвует в строительстве Комсомольска. Но... осенью 1936 г. исключается из партии и с превеликим трудом, добравшись до Москвы, добивается

[8] Основные биографические данные взяты из статьи: Тарновский К.Н. Путь ученого // Ист. записки. 1967. Т. 80. С. 207–244.

[9] Термин «средний уровень» развития капитализма в России взят Сидоровым, Дубровским и другими из вольно трактуемой пометы Ленина на полях книги Плеханова (или Бухарина) против слов «слабое развитие» – «среднеслабое» развитие. (*Рукоп. вставка автора.*)

с помощью Е. Ярославского восстановления в партии (Сидоров принимал в свое время участие в качестве одного из авторов т. 3 «Истории ВКП(б)» под редакцией Ярославского). Сначала его Ярославский приютил в журнале «Историк-марксист», а в апреле 1937 г. его назначают ученым секретарем Института истории, а потом он становится зав. сектором. Разгром «школы Покровского» и в связи с этим классового врага на историческом фронте происходил именно во второй половине 30-х годов. Сидоров принял в этом непосредственное участие. Он являлся редактором сборника против антиисторической школы Покровского и публикует там статью об ошибках Покровского в оценке русско-японской войны 1904–1905 гг. (1939 г.). Учитель Александра Лавровича решительно отлучался от марксизма.

В связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» (где говорилось о том, что Россия – полуколониальная держава), Сидоров пишет теперь уж эклектически, что Россия была средним звеном в системе мирового империализма (по Ленину) и ...полуколониальной страной одновременно.

В октябре 1941 г. Сидоров становится бойцом коммунистического батальона (зам. комиссара полка, зам. нач. политотдела дивизии). Ранен, откомандирован в Москву, и в мае 1942 г. И.И. Минц приглашает его на работу в комиссии по истории Отечественной войны (там он и работает до ее ликвидации в 1946 г.). Одновременно он завершает докторскую диссертацию «Экономика России в Первую мировую войну», которую и защищает в феврале 1943 г.[10] (над диссертацией Сидоров работал еще в конце 30-х годов). С 1945 г. он заведует кафедрой в ИМО, а с 1946 г. преподает в Академии общественных наук.

Начался период борьбы с космополитизмом. А.Л. Сидоров выступает в авангарде наступления на тех, кто покушался на чистоту марксизма-ленинизма. В марте 1948 г. он становится проректором Университета, переходит из ИМО на преподавательскую деятельность на истфак МГУ. В марте 1949 г. он выступает на заседании Ученого совета Института истории, клеймя позором группу акад И.И. Минца, проф. Разгона и др. за антипартийные взгляды[11].

В 1948 г. Госполитиздат принимает к изданию монографию Сидорова об экономике страны в период Мировой войны (по сравнению с предшествующим вариантом текст увеличился вдвое и насчитывал уже 60 а.л.). Но в разгар работы в издательстве Сидоров забирает рукопись, говоря, что для ее издания «еще не настало время». В чем тут дело? То ли в том, что в это время критиковался тезис Варги «о решающей роли буржуазного государства пусть даже только в военной экономике», а он как-то перекликался с выводами А.Л. Сидорова. То ли Аркадий Лаврович решил просто переждать. Его увлекала теперь не наука, а

---

[10] *Дата написана карандашом над зачеркнутой*: декабре 1942 г.

[11] Вопросы истории. 1949. № 3. С. 152–153.

руководство ею и создание школы. Как лектор Аркадий Лаврович был не ахти («импрессионист»), приносил какие-то книги. Что-то читал. С кем-то спорил. Сумбурно. Но впечатление какой-то учености и главное – биения теоретической мысли оставалось (на серьезную работу над лекциями и с учениками времени не хватало). 1949–1950 гг. – время наиболее интенсивной работы со студентами, особенно в 1950–1952 гг., когда он вел спецсеминары.

Но основное внимание Сидоров стал уделять руководству наукой. В самое тревожное время, когда Греков был уже тяжело болен, его делают замом директора Института истории (летом 1952 г.), а после смерти Бориса Дмитриевича он становится директором института (март 1953 г.).

Итак, Сидоров приступил к проведению мероприятий. В его «команду» вошли замы – Л.С. Гапоненко[12] (до 1968 г.) и В.Г. Трухановский[13] (до 1960 г.). Первый – из ВПШ, второй – из ИМО. Сидоров готовил полное очищение науки от скверны[14]. Список лиц, которых должны были отчислить, носил специфические черты. Хотя, впрочем, Г.М. Деренковского он всегда защищал, а М.Я. Гефтер был его мозговым центром. Закрывает ЛОИИ. С 1954 г. возглавляет и «Исторические записки» (печатный орган Института). Но час прежнего Сидорова уже пробил. Приближалась новая эпоха. Это довелось испытать и самому Аркадию Лавровичу, когда он скрывался в подвале одного из домов в Будапеште во время событий 1956 г.

Перенапряжение сил окончилось инфарктом. В январе 1959 г. Сидоров окончательно уходит из директоров Института и в том же году с заведования кафедрой в Университете. Надо было подводить итоги жизненному пути. В 1960 г. он издал книгу о финансах России времени Мировой войны (последнюю треть своей старой монографии). Редактировал шестой том «Истории СССР». Выступает с программными статьями, воспоминаниями, докладами. Аркадия Лавровича теперь не узнать. Он стал чуть ли не передовым борцом с догматизмом, решительным сторонником возвращения к ленинским оценкам событий прошлого. Впрочем, и в этом проявился весь Аркадий Лаврович: по-своему он откликался на зов времени[15]. Но кроме этого, думаю, в нем[16] сказалась и черточка, характерная для крестьянской[17] души России. Кудеяр-атаман решил покаяться. Но в марте 1966 г. А.Л. Сидоров умер.

Что же оставил после себя этот буреломный человек[18]? Кучу незавершенных работ (усидчивости у него было мало, а мыслитель он был

---

[12] Р. 1916.

[13] Р. 1914.

[14] В его «команду» вошли замы Л.С. Гапоненко (р. 1946 г.) до 1988 г, В.Г. Трухановский (р.1914) до 1960 г. Первый из ВПШ, второй из ИМО. (*Эта вставка находится на отдельном листе с правкой, которая внесена в ред. 2*).

[15] Время изменилось, изменился и он.

[16] *Ред. 3*: билась.

[17] *Ред. 3*: Истинно русской души. И это глубоко симпатично (при всем при том).

[18] *Ред. 3*: *два последних слова отсутствуют.*

средний с церковным складом рассуждений[19]), ворох выписок из книг и архивных материалов, полный сумбур в голове, много загубленных начинаний и тяжелых ударов, нанесенных им живым людям, суету повседневной возни во имя идеала. Жил Сидоров в двух мирах – выдуманном и реальном, который подчинялся первому, но все время вносил ненужный диссонанс в гармонию Вечных Истин[20]. И вместе с тем[21] у Сидорова была широкая душа с размахом Ухаря-купца, сам он был опьянен жаждой познания. Под его покровительством, но без мелочной опеки создана была лучшая в нашей науке историческая школа. Словом, из Сидорова нельзя делать жупела, демона ада, но он не был и иконой, а тем паче[22] безвинным страдальцем. Он весь дитя времени.

В академические сферы (несмотря на нажим верхов) Сидоров так и не пробился. В период расцвета его крестоносной борьбы с неверными Сидоров в одном из публичных темпераментных выступлений обозвал академиков «гробами повапленными». Такое не забывается.

У нас с Сидоровым были отношения из рук вон плохие. В чем дело? Интуитивно (у Сидорова эмоции часто забивали все). Может быть виноват и Гефтер (он меня ненавидел). Может, моя близость к Тихомирову была не по нутру Лаврычу. Кто его знает! Но целый год после выхода «Пересветова» он не ставил его на защиту (1958 г.). Только включение им в 1962 г. в редакцию «Исторических записок» было для меня приятной неожиданностью. Но Сидоров тогда уже был не тот.

Уж так повелось в Институте истории, что каждый последующий директор в чем-то является противоположностью предшествующего[23]. В.М. Хвостов (1905–1972) происходил из вполне интеллигентной семьи. Его отец М.М. Хвостов (1872–1920) был профессором античником в Казани[24]. Сам Владимир Михайлович после окончания Казанского педагогического института (1926) преподавал сначала в Казани с 1925 г., а затем с 1927 г. в Педагогическом институте им. Либкнехта в Москве. В 1929 г. он закончил аспирантуру при РАНИОН[25]. Наступил злополучный[26] 1930 г. И Хвостов оказался в Смоленске, где он препо-

[19] *Ред. 3*: со схоластически-церковным складом.

[20] *Ред. 3*: Жизнь в выдуманном мире.

[21] Широкую душу, любовь к познанию.

[22] *Ред. 3*: как склонны считать некоторые ученики.

[23] *3-й экз. ред. 2а*: Сидорову наследовал Владимир Михайлович.

[24] Впрочем, вопрос о его происхождении не вполне ясен. В разные времена он говорил разное. (*Рукоп. сноска автора.*) *Далее в основном тексте 3-го экз. ред. 2а*: Сожгло его пламя Гражданской войны, что поставило сына в затруднительное положение.

[25] Хвостов – аспирант Н.М. Лукина, сыгравший, как говорят, зловещую роль в его судьбе. (*Рукоп. сноска автора.*) *Далее в основном тексте 3-го экз. ред. 2а*: Его руководителем был акад. Н.М. Лукин, в судьбе которого, как утверждают злые языки, Владимир Михайлович сыграл далеко не благовидную роль.

[26] *3-й экз. ред. 2а*: злощастный.

давал до 1933 г. Затем ИФЛИ и МГУ (1934–1944). В 1943 г. он защитил докторскую диссертацию на тему о внешней политике Германской империи в последние годы канцлерства Бисмарка[27]. В 1943 г. стал членом КПСС. После работы в 1943–45 гг. в аппарате ЦК Хвостова назначают директором Высшей дипломатической школы, которую возглавлял до 1954 г. В те же годы руководил кафедрой в Академии общественных наук. Дважды удостаивался Сталинской премии за участие в «Истории дипломатии» (т. 1–2), а во втором издании этой книги второй том уже целиком принадлежит ему. Редактирует также учебник по «Новой истории». Больше по существу у него книг не было. В 1953 г. Хвостов стал членом-корреспондентом. В 1946–1957 гг. он возглавил Архивное управление МИД, работал в 1957–59 гг. в аппарате ЦК. Затем в 1959 г. назначен директором Института истории, а в 1964 г. избран академиком. Затем снимается «с повышением», становясь в 1967 г. Президентом Академии педагогических наук. Но и здесь он не прижился. В 1971 г. назначен академиком-секретарем Отделения исторических наук. Таковы основные вехи жизненного пути Владимира Михайловича, этого большого чиновника[28] от науки. Да и внешне в нем было что-то каренинское. Громадного роста, он вышагивал путь от академической машины к кабинету, мрачно уставясь стеклянным взором[29] перед собой в пол. С психикой у него что-то было не так (может груз предков?)[30]. Любил регулярно прикладываться к коньяку. Хвостов – человеконенавистник[31] до садизма. Ему было приятно распекать своих подчиненных, показывать свою власть над ними[32]. Как чиновник высокого класса, он прежде всего ценил служебное рвение. Каждую бумажку он сам переписывал и неоднократно перечитывал. Для психологии Хвостова, как «государственного человека», характерна его помета на тексте одного из разделов «Всемирной истории»: «Показать другим членам правительства» (подчеркнуто мною – *А.З.*).

При Хвостове все в институте взвыли. Брезгливая мина, скрипучий голос, игра холеными руками и хамство в обращении с нижестоящими. Рыбаковским комплексом Хвостов не страдал. Юдофобом не был, а

---

[27] Защищал он ее по рукописи, и текст обнаружить позднее не удалось (*рукоп. вставка автора*). *Далее в основном тексте 3-го экз. ред. 2а*: Долгое время социальное происхождение не давало возможности Владимиру Михайловичу вступить в члены ВКП(б). Но вот.

[28] *3-й экз. ред. 2а*: служившего по департаменту истории.

[29] *3-ий экз. 2а*: в застекленных очках.

[30] То же у дочери, занимающейся Византией (*рукоп. вставка автора во 2-м экз. ред. 2*).

[31] *Далее в 3-м экз. машинописи ред. 2а*: он, казалось, мстил за свою нравственно погибшую жизнь.

[32] Одному из своих учеников (Никонову – *на 2-м экз. машинописи ред. 2*) он говорил: Это у меня защитная реакция, иначе бы меня съели. А так я добрый человек. *В 3-м экз. машинописи ред. 2а фраза внесена в основной текст, начинается со слов*: В припадке откровения, *однако фамилия ученика отсутствует*.

завистником тем более, ибо на большинство людей смотрел сверху вниз – еще бы: он человек «государственный»! Впрочем, когда в МИДе хотели организовать нечто вроде мозгового центра, то, кажется, предпочли Семенова Хвостову. При Хвостове в 1960 г. произошло великое переселение историков в Черемушки (на ул. Дм. Ульянова, д. 19, около м. Академическая). Говорят, что это здание предназначалось первоначально для какого-то института, занимавшегося экспериментами с животными. Но морским свинкам оно не подошло, решили использовать для историков. На первом этаже поместили археологов и библиотеку и Отделение истории, на втором – сектора по всеобщей истории и дирекции института истории и археологии, на третьем – сектора по истории СССР, на четвертом – конференц-зал и институт этнографии. Наш сектор занимает две комнатушки[33] (плюс одна у Пашуто с его сектором)[34].

Жизнь полна парадоксов. Снят был Хвостов в 1967 г. за «либерализм»[35], у нас стало всем невмоготу, и партбюро во главе с В.П. Даниловым на какое-то время «вышло из повиновения». Как подобное можно допускать! Вывод: Хвостова снять с повышением[36], а Институт за неуправляемостью разделить на два (Всеобщей истории во главе с Жуковым и Истории СССР во главе с Рыбаковым). В 1971 г. назначен акад.-секретарем, но вскоре умер почти по закону Паркинсона[37].

У нас с Хвостовым отношения четко делятся на два периода: до 1963 г. (Слово) и после. Собственно говоря, ко мне, как таковому, он относился никак. Весь вопрос[38] заключался в его персоне и порядке. Сначала я ему нужен был как средство[39] обеспечения благожелательности[40] Тихомирова при выборе в академики. Хвостов полагал, что хороший чиновник должен понимать[41] даже не высказанные слова шефа. Отсюда он уже в 1959 г. поставил мою книгу на защиту, а в 1962 г. выдвинул мою кандидатуру в член-коры. Но я не оправдал его надежд,

---

[33] *Ред. 2а*: (одна из них типа приемная или «зал» для заседаний, одна для младших научных сотрудников, третью позднее переуступили Пашуто для его сектора).

[34] В подвале – столовая, хранилище книг и археологические клетушки (*рукоп. вставка автора*).

[35] Хвостов был снят в 1967 …за «либерализм».

[36] *Ред. 2а*: Не может справляться со взрослыми, пусть воспитывает детишек. Быть ему президентом Академии педагогических наук.

[37] *Ред. 2а*: Детишек Хвостов воспитывал недолго – Академии педнаук… и в 1971 г. Хвостова сняли… С повышением: он стал академиком секретарем Отделения истории АНСССР.

«Жить можно бы беспечно при этаком царе.
Н-ах! Ничто не вечно. И сам Хвостов помре».

[38] *Ред. 2а*: *далее замена*: лежал в «высших интересах», которыми руководствовался Хвостов.

[39] *Ред. 2а*: я ему был вроде бы даже полезен – для.

[40] *Ред. 2а*: благорасположения.

[41] *Ред. 2а*: далее: по зову сердца.

доставив ему только хлопоты (беспорядок!)[42]. Отсюда его гнев. Любопытна чиновничья манера. Однажды Хвостов вызвал меня к себе. «Подождите». Я сижу. Он углубляется в чтение каких-то бумаг. Входит его зам. Л.С. Гапоненко. Только тогда (в присутствии третьего лица!) он начинает разговор о том, что меня предупреждают «Там», чтобы я [1-й экз. авторской машинописи ред. 2. – *Сост.*] воздержался от дальнейшей трепатни[43] по Слову.

Царствование Рыбакова было кратковременным. Он создал новые сектора (в том числе Пашутинский и др.), накуролесил, выгнал Полякова из заведующего советским отделом, Гапоненко – из замов, при зачислении в новый институт не взял только Якира и ушел. Правой рукой при Рыбакове в качестве зама был Павел Васильевич Волобуев, который в 1969 г. и сделался директором. Все, казалось, Рыбаковым было рассчитано. П.В. Волобуев – питомец Университета. Он православный. Работал в аппарате, где вздорил с «либералом» А.М. Румянцевым. Был заместителем Рыбакова после смерти А.В. Фадеева по многотомной «Истории» СССР. Словом, парень, что надо. И опять Рыбаков просчитался. Подвела анкета.

Павел Васильевич – лучший из директоров, которых когда-либо знал Институт. Молодой (родился в 1923 г.), полный жизненной энергии, увлеченный своим[44] делом. Ученик А.Л. Сидорова, он нес в себе крупицу его размаха и темперамента. Жизнь, как и он, воспринимал всерьез.

Редакция 2	Редакция 2а/3
У него, казалось, были все данные руководителя. Любил дело, прекрасно разбирался в людях, серьезный организатор (до назначения замом директора был после В.П. Данилова секретарем парткома). Вкусил сладостного напитка науки. Пользовался авторитетом Наверху. Что еще надо?	Казалось бы, он обладал всеми данными, необходимыми для хорошего руководителя. У него был трезвый ум, не засушивший внимательное и в конечном счете доброе отношение к людям, в которых он склонен был видеть прежде всего хорошие начала. Уравновешенный, жизнелюбивый, он вкусил сладостного напитка науки, к которому относился с благоговением. Прошел школу партийных организаторов, пользовался авторитетом наверху и у значительного числа ученых. Чего еще надо?

[42] Несколько лет он не утверждал мне какую-либо тему, как плановую, как средство держать меня в страхе божьем.

[43] *3-й экз. ред. 2а*: *замена*: от дальнейших разговоров по «Слову».

[44] *2-й экз. машинописи ред. 2а/3, замена*: родным ему.

Но все оказалось не таким простым, как представлялось Б.А. Рыбакову. Умение ладить с начальством у Павла Васильевича сочеталось с добрым, гуманным отношением к людям. На крутых поворотах он оказался человеком, достойным всякого уважения. А когда это было в его силах, он спасал людей от всяких неприятностей, грозивших им по тем или иным причинам (именно он помог А.А. Формозову избежать тяжелой участи и поступить в Институт Археологии, и тем самым спас для науки замечательного человека).

Радушный, демократичный, он никогда не был максималистом, предпочитая срединную линию поведения. И это отличало его в лучшую сторону от некоторых его сподвижников. Да и в работах отстаивал «средний» уровень развития капитализма в России. Павел Васильевич добился спокойствия доброжелательством. Получилось в конечном счете даже больше: он закрыл амбразуру дота собственным телом, спас Институт от разгрома и дал ему возможность лет пять безбедно существовать в сложнейших условиях Да, он допустил много ошибок. Сказалась и молодость с ее уверенностью в торжестве справедливости, и опьянение властью, и желание остаться ученым на чиновничьем посту, и доброе отношение к людям. Так, он взял себе в помощники из МГУ В.И. Бовыкина (маленького Хвостова), аккуратного, лупоглазого и сального ученика Сидорова. Его академичность и видимость интеллигентности, а также советы друзей произвели на доверчивого Павла Васильевича впечатление. Словом, он пригрел змею,

Но умение ладить с начальством рано или поздно сталкивается с гуманным отношением к людям. На крутых поворотах Павел Васильевич, несмотря на некоторые колебания (все-таки дисциплина!), оказался человеком, достойным всяческого уважения. А когда это было возможно, он спасал людей от всяких неприятностей. Так еще в университетскую пору именно он помог А.А. Формозову избежать тяжелой участи и поступить в Институт Археологии.

Радушный, демократичный, он никогда не был максималистом и в отношениях с людьми и в общей линии поведения, предпочитая «золотую середку». Да и в своих работах он отстаивал тезис о «среднем» уровне развития капитализма в России. К руководству институтом он пришел в трудное время, когда начальство хотело всеми (конечно, крутыми) мерами добиться повиновения роптавших младших и старших сотрудников. Павел Васильевич добился спокойствия доброжелательством, ибо «неповиновение» вызывалось хвостовской практикой, а не какимнибудь противостоянием в теории. Но получилось даже больше. Павел Васильевич собственным телом спас Институт от разгрома и дал ему возможность лет пять безбедно существовать в сложнейших условиях. Он защитил и тех, чьей крови требовал Молох мщения. Да, Павел Васильевич допустил много ошибок. Сказалась и молодость с ее уверенностью в торжестве справедливости, и опьянение властью, и желание остаться ученым, будучи

которая его и ужалила в решающий момент. То же произошло и когда он вместо милого и тактичного Шацилло взял в секретари шизофреника и подонка В.И. Неупокоева (опять по совету друзей).

Раздражала многих и его нескрываемая дружба с Н.И. Павленко и А.Я. Аврехом, ставшими любимчиками («мозговым центром») директора. Во главе некоторых секторов он поставил своих единомышленников. Но кто этого не делал? Считая, что директор должен быть ученым, он вмешивался в дискуссии, в частности, по абсолютизму, вызвав злобу к себе в кругах феодалов (Лев относился к нему в лучшем случае настороженно, а всех остальных директоров почитал за благо). Он (вернее еще Рыбаков) оттолкнул от себя всех «бояр» советского отдела (Полякова, Минца, Кима, Соболева и др.). В общем оказалось, что база, на которую он мог бы опереться, стала очень узкой.

одновременно администратором, и сохранить доброе отношение к людям. Излишняя доверчивость к «добрым советам» друзей привела к тому, что себе в замы он взял из МГУ аккуратного лупоглазого ученика Сидорова В.И. Бовыкина. Его академичность и внешняя импозантность, возможно, также произвели хорошее впечатление. Оказалось же, что Павел Васильевич пригрел на груди змею, которая и ужалила его в решающий момент. То же повторилось и тогда, когда он согласился на кандидатуру шизофреника и подонка В.И. Неупокоева в секретари парткома (опять по совету друзей).

Многих раздражала и его нескрываемая дружба с Н.И. Павленко и А.Я. Аврехом, которых считали «любимчиками» директора. Ворчали и на то, что во главе некоторых секторов он поставил своих единомышленников. Но кто раньше этого не делал? Еще Рыбаков, а затем и Волобуев оттолкнули «бояр» из советского отдела (И.И. Минца, Ю.А. Полякова, П.Н. Соболева и др.), а с ними были шутки плохи. Считая, что директор Института и сам должен быть ученым, П.В. Волобуев, организуя научные дискуссии, и сам в них принимал участие, этим вызывая негодование, ибо мнение директора все привыкли рассматривать как руководство к действию. Так было и в случае с дискуссией по абсолютизму, когда П.В Волобуев в целом поддержал А.Я. Авреха и Н.И. Павленко против феодалов традиционалистов. Уж на что законопослушный Л.В. Черепнин, почитавший всех директоров за апостолов Истины, к Павлу Васильевичу в лучшем случае относился настороженно. Косо поглядывала на пана директора и М.В. Нечкина.

Прошло несколько лет[45], и на нашего директора началась прямая атака. Возглавил ее, конечно, Сергей Павлович Трапезников, а непосредственное руководство осуществлял Семен Спиридонович Хромов. Базой атаки стала Академия Общественных наук и Высшая школа профдвижения (Шарапов). Уж в чем только П.В. Волобуев не обвинялся. И в создании «особого направления», которое-де противопоставляет себя всей советской науке. И в отрицании социалистической природы Октября, который-де по Волобуеву на первом этапе выполнял общедемократические функции и только на втором – социалистические. Сначала все как будто обошлось благополучно. На Ученом совете Института атаку удалось отбить. А Павел Васильевич рискнул пространно ответить выступавшему на совете Семену Спиридоновичу. Это было уже нарушением негласной субординации[46]. В дальнейшем все пошло как по расписанию: закрытое (фактически) заседание Отделения, статьи в руководящих журналах. Удар первоначально направлялся против сподвижников Павла Васильевича – К.Н. Тарновского, А.Я. Авреха и отчасти А.М. Анфимова[47]. Началась тактика выкручивания рук. Чтобы спасти положение, Павел Васильевич встал на путь признания отдельных ошибок друзей, неточных формулировок и т.п. Но это уже спасти положение не могло…

В 1973 г. закрытое заседание наверху, где Павлу Васильевичу «сильные мира сего» дали бой. Агония после этого затянулась на [48] целый год. В это время Павел Васильевич делал все, чтобы спасти положение (думал не о себе, а о судьбах Института). И все напрасно. Битва была проиграна[49]

Формально я никогда не был близок с Павлом Васильевичем. Но улыбка глаз иногда значит больше, чем многословие. В трудные для нашего директора годы[50] я всегда был с ним. Благодарность моя за то, что он взял на себя миссию «пострадать за други своя», бесконечна. П.В. Волобуеву я[51] отчасти обязан выходом в свет[52] «Холопов» и «Василия III». Характерен последний разговор по телефону. Речь шла о возможности перехода В.П. Козлова[53] в Институт. Он начал разговор со мной словами на эту тему: «Последняя попытка сделать что-то доброе людям».

И вот подонки злорадствуют: «Тиран пал!» Все стало на привычные для них места[54].

---

[45] *Ред. 3*: *первые три слова отсутствуют.*

[46] *Ред. 2*: Он стал «неуправляемым» – самое страшное из обвинений.

[47] См. раздел «Сыны надежды».

[48] *Ред. 2*: продолжалась.

[49] *Ред. 2*: Он был обречен.

[50] *Ред.* 2: Сердцем в трудные…

[51] *Ред.* 2: Я был.

[52] *Ред.* 2: *вставка*: «своих».

[53] Володьки.

[54] «Тиран пал», – злорадствовали подонки.

Павел Васильевич – единственный из начальников Института, который не был ни первосвященником в храме, ни паном-директором кабачка. Он был человеком.

Ред 2 (1-й с поправками и 3-й экз. машинописи	**Ред. 2/2а (3-й экз. машинописи)**
Итак, в 1974 г. Павел Васильевич отстраняется от должности. Опасаясь его влияния на сотрудников, Наверху решают его перевести в другой институт (Истории естествознания и техники). К нам же приходит Алексей Леонтьевич Нарочницкий, недавно (в 1972 г.) ставший академиком («Сэр Алекс», «Сралекс Блевонтьевич»). Надутый прыщ в пенсне. Гурман. И бабочек-то он собирает, и в теннис-то играет. Хвостовский холуй (сделанный им академиком), он изображает из себя интеллигента, усердно выполняя предначертания.	Снимая с поста директора («по собственному желанию»), Павла Васильевича решают даже не оставлять в Институте, а, опасаясь его влияния, переводят в Институт истории техники! Директором Института в 1974 г. становится Алексей Леонтьевич Нарочницкий (р. 1907). Нарочницкий окончил докторантуру в Институте истории. Здесь же он работал в штате в 1946–1950 г. (доктором стал в 1955 г., его единственная книга «Колониальная политика капиталистических стран на Дальнем Востоке в 1860–1895 гг.» вышла в 1956 г. С 1960 г. заведовал кафедрой новой истории в МГПИ (с 1961 г. член КПСС), а с 1962 г. – главный редактор журнала «Новая и новейшая история». Участвует в редакции МИДовского издания документов «Внешняя политика России». Один из приятелей Хвостова, сделавшего его академиком Академии педагогических наук (Нарочницкий участвовал в издании учебников по «Новой истории»). В 1972 г. он академик Большой Академии. «Сэр Алекс» (иногда его называют иначе, но непроизносимо в печати) – «интеллигент», гурман. И бабочек-то коллекционирует, и в теннис играет. Надутый прыщ в пенсне.
На пресловутом совещании 1973 г. он в своем выступлении сказал о необходимости решительных мер против ревизионистов, а то	На пресловутом заседании у Сергея Павловича (1973 г.) он в своем выступлении ратовал за решительные меры против всяких

получается по басне: «Кот Васька слушает да ест». И вот он начал свое дело. Близкий по духу к Рыбакову, он сумел в то же время рассориться с ним, не примирившись с Жуковым, которого он ненавидит всей душой. Правда, никого из Института не уволили (только Павленко ушел). Но сектора расформировали: вместо сектора империализма стал сектор двух революций во главе с Бовыкиным. В сектор источниковедения зам. директора назначили Буганова, в сектор XIX в. – Неупокоева. Начался нажим на «волобуевцев» с целью добиться покаяния. Словом, обстановка резко изменилась. Что будет дальше, сказать трудно. Но, конечно, Нарочницкий рвется выше, и для него институт – лишь трамплин. Отсюда у этого вообще злого человека такое самоуправное отношение к институтским делам.	ревизионистов, а то получается по басне: «Кот Васька слушает да ест». Подобное рвение было оценено благосклонно – и вот Нарочницкий стал нашим директором. Правда, никого из Института не уволили (Павленко ушел сам), но бум был страшный. Перестроили сектора, перетасовали сотрудников. Назначили новых замов (Буганов, Шерстобитов), завов (секторами). Перебрали людишек в ученых советах. Провели нажим на «волобуевцев» с целью добиться покаяния. Некоторые повинились, кое-кто получил партийные взыскания. Проведены были «теоретические» семинары по вопросам, в освещении которых вскрыта была ранее крамола. Словом, наведен был «порядок».
Лишь неожиданное происшествие преградило на время путь Нарочницкого наверх: некий международник из мидовцев Глаголев оказался предателем-невозвращенцем. Директор получил «на вид» и никаких наград к своему семидесятилетию не удостоился. Одно время проблематичным было и его дальнейшее пребывание в Институте.	И надо же – опять накладка. Некий международник, недавно принятый в Институт (Глаголев) остался за рубежом, причем выяснено было, что он был иностранным агентом. Директор, конечно, получил взыскание («на вид»). К его 70-летию никаких наград не последовало. Положение его зашаталось. А тут оказалось, что, кроме Жукова, в стан его противников переметнулся и Рыбаков. Нарочницкий остался в одиночестве. Но пока у него есть высокие покровители и нет замены, он еще некоторое время пробудет в Институте.
Таковы основные руководители ведомства, где мне довелось служить.	Таковы те первосвятители в Храме науки, с которыми мне в той или иной мере приходилось иметь дело.

Иван Иванович Удальцов[55].

Иван Иванович Удальцов – фигура примечательная[56]. Молодой честолюбец из интеллигентной дворянской семьи, принимавшей участие в революционном движении. Отец – Иван Дмитриевич Удальцов, экономист, одно время декан экономического факультета МГУ, дядя – Александр Дмитриевич – член-корреспондент, медиевист, запутавшийся в марристских измышлениях о происхождении славян, а ранее занимавшийся германцами. Директор Института Археологии, редактор «Вопросов истории». Если отец Иван Ивановича в общем довольно благодушный розовощекий старичок, то дядя – злобный маразматик.

Иван кончил истфак МГУ, с тех лет он приятель Н.И. Казакова, которого держит от себя на известном расстоянии. Ученик В.И. Пичеты. Автор книги (и диссертации кандидатской) о чешском революционере-просветителе Ф. Палацком (XIX в.). Затем в 50-х – директор Института славяноведения. Началась неудачная карьера маленького Наполеона. Около начала 60-х он – уже заместитель председателя Идеологической комиссии (у Л.Ф. Ильичева), близок к Андропову (который тогда ведал странами народной демократии). Затем в конце 1964 г. падение вместе с ликвидацией Комиссии. Получает назначение в Чехию зам[естителем] посла Червоненко. Ведет там во время событий 1968 г. твердую линию. Затем отзывается оттуда (миссию провел успешно), назначается на горящее место – директора АПН «Новости». Становится членом ЦК и в 1975 г. – новое изменение судьбы – посол в Греции (опять, наверное, какой-то неутрус). Место получил опять острое, что-то будет. А годы уходят. Беда его и в излишних «пережитках» интеллигентности и привычке к командованию (лучше было бы совершенствовать привычку к подчинению). Скоро 60, а что достигнуто? Женат дважды: первая – однокурсница, злобная Зина Удальцова, ныне «виднейший византолог», вторая – фронтовая медсестра. Детей – уйма.

КАК Я СТАЛ ИСТОРИКОМ[57]

Сама постановка вопроса мне кажется неудачной. Если говорить о месте истории в моем миросозерцании, то ответить на вопрос, когда и как оно определилось, очень трудно – я вне истории себя не помню.

---

[55] *Следующие два абзаца представляют собой 2-й экз. машинописи на обороте С. 122 такого же экземпляра машинописи монографии 1972 г. «Россия на пороге Нового времени» с одной рукописной поправкой.*

[56] *Буква я написана чернилами поверх печатной.*

[57] *Поскольку этого раздела нет в авторском оглавлении, он помещен сюда, как предваряющий рассказ об Институте истории Академии наук.*

Если говорить о профессии, то, очевидно, со времени поступления на истфак. Если говорить о призвании и итогах, то не мне судить, стал ли я вообще историком. Научным сотрудником (работником и т.п.) – да, ну а вот историком – это другое дело. По секрету скажу, что мне кажется, вряд ли – слишком сильны были узы, приковавшие меня к колеснице Джаггернаута[58]. Даже теперь, наедине со своим архивом, я не могу быть целиком самим собою. Меня все время не оставляют самоконтроль, самоцензура. И даже когда на ум приходят какие-то недостаточно «радикальные мысли», бес шепчет на ухо: «Это ты по трусости». И как его убедить, что не всегда все-таки я кривлю душой в угоду куску хлеба и глотку кислорода?!

Ослиная шкура прилипает к телу и отдирать ее приходится с кровью.

Итак, уже трех-четырех лет я с упоением повторял:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами...
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Пушкин и Лермонтов уже с детских лет учили меня истории. А привела к ним любовь добрейшая Ольга Ефремовна Меньшова, мой светлый гений тех лет, «подруга дней моих детинных[59]», мать очаровательной Леночки, артистки театра Вахтангова. Сколько образов прошлого запечатлелось в те годы! И «Волшебный корабль», и «Бородино», и купец Калашников, и «От Урала до Дуная до большой реки»... и Борис Годунов, и Вещий Олег – вся русская история сполна...

История жила и вокруг меня. Только что утихли громы Великого Октября и Гражданской войны – но события не забылись. Они жили в воспоминаниях о прожитом, в памяти о моем отце, умершем в Оренбурщине, когда в конце 1919 г. он добывал там коней для Красной конницы. В том самом году, когда в Штабе работал мой крестный – дядя Вася.

А в рассказах теток о графах Каменских воскрешали образы уже давно прошедшие, оставившие неизгладимые следы в своих потомках. Их пра-предок Ратша считался родоначальником и самого Пушкина. Круг замыкался. «Святому Невскому служил (по Пушкину) «мышцей бранной» Ратша, а меня назвали в память своего отца Александра и одновременно в честь все того же Невского...

...История неразрывно связана была и с моей теткой Верой и ее волшебными рассказами на Ильинке и в Геленджике о временах Варфо-

---

[58] *Джаггернаут – символ магической непреодолимой силы, персонаж комиксов Стэна Ли и Джэка Корби, выпущенных в июле 1965 г. Получил необычайное распространение в комиксах, посвященных фантастическим войнам.*

[59] *Парафраз начала стихотворения А.С. Пушкина «Няне».*

ломеевской ночи и гугенотах. Герои Дюма – остроумный и находчивый шут Шико, безудержно отважный де-Бюсси, веселый, умный и храбрый Генрих IX, толстяк кардинал Лотарингский, графиня Монсоро – сколько образов запечатлелось с тех детских лет в моей памяти! А в школе, где-то около 4–5 классов мы стали мушкетерами – Стасик Станевич (сын погибшего начальника ТАСС – позднее он снова взял фамилию отца, теперь известный детский хирург, член-корр. АМН), Стасик Кудж (позднее химик), Толя Отнякин (позднее, очевидно, погиб в Великую войну). Стасик Станевич написал музыку, а я – нелепые слова к нашему мушкетерскому гимну...[60] А солдатики? В немецких касках, с ружьями, они подчинялись воле своих полководцев – мечтателей. Тут же были и новые солдатики – красноармейцы в буденовках.

История была в крови у моей несравненной тетки Веры. Ее отец – гимназический преподаватель истории в Мологе – всю жизнь занимался сравнительным изучением религий, а дядя (Сергей Порфирьевич) – был профессором-классиком в ИФЛИ. Дед тетки – Порфирий Петрович Гвоздев – был другом В.О. Ключевского, историком в Казани и др. городах. Переписка с ним Ключевского издана была в 1924 г. С тех пор, как я это узнал, Ключевский стал для меня вроде как бы родственником. Глубокое чувство к нему я пронес сквозь всю жизнь.

История окружала меня и в Бахрушинском доме в Петровском (б. Богослов[...]це, куда я перебрался пяти лет от роду. Мой папаша[61] любил ее не меньше, чем я. Он был [...]вичем по духу, среде и воспитанию. В доме, где мы жили, еще недавно звучали стихи Есенина, которые он читал милейшему Карпу Егоровичу Короткову, долгое время живя у него (сейчас безобразная мемориальная доска украшает этот дом). Мой папаша, любитель хороших книг, покупал и истории – в том числе иллюстрированную Йегера и многотомную Шлоссера, которые я с горящими глазами читал от корки до корки. Был дома и Ключевский (грешник, я читал его меньше – он мне казался скучноватым). Но прежде всего великие Шекспир и Шиллер знакомили меня с историей Англии и Германии, как Дюма и Вальтер Скотт с историей Франции и Шотландии.

Напротив нашего полуподвала, где мы жили до 1960 г., виднелось стилизованное под Русь Александра III здание Театра Корша, позднее филиала МХАТ. Может быть, эта близость нашего дома к этому театру (а рядом находились и другие театры) способствовали моему превращению в заядлого театраломана. Так история стала разговаривать со мною со сцены. Навеки остались со мною «Дни Турбиных», «Елизавета Петровна» и «Смерть Ивана Грозного» во МХАТе 2-м. А Алексей Константинович Толстой всегда был одним из самых любимых писателей.

---

[60] *При издании третьей редакции рукописи желательно было бы поместить и блистательные рисунки подростка А.А. Зимина.*

[61] *Отчим А.А. Зимина – Павел Митрофанович Комаров, врач-стоматолог.*

Его «Русская история от Гостомысла», «Князь Серебряный», «Садко», «Илья Муромец», «Васька Шибанов», «Федор Иоаннович» – лучшее об истории, что мне довелось прочесть после Пушкина и Лермонтова в русской литературе.

Со школой дело было сложно. Нельзя забывать, что история тогда (в годы «Покровщины», ведь я кончал десятилетку в 1938 г.) носила вульгарно-социологический характер и способна была только породить глубокое отвращение у ребят. Серые и по бумаге и по содержанию учебники всяких Гуковских и Трахтенбергов говорили о мануфактурах, барщинах и т.п., а не о живых людях. Но и этот охлаждающий душ не мог погасить во мне бурю страстей, разбуженную в детские годы.

Ну, и учителя были у нас под стать учебникам! В сером балахоне что-то бормотала себе под нос – «Батька Махно» – со взлохмаченными седыми волосами и подслеповатыми в сильных очках глазами, удлиненным лицом – маленькая, нелепая. Возможно, свой предмет она любила, но уж как-то в себе и для себя. В общем-то добрая, слабая и совершенно беспомощная, она совершенно не умела установить с нами какой-либо контакт.

В старших классах нам преподавала холодная, позирующая женщина, с хорошо поставленным голосом. Но она читала нам прописные морали на исторические темы – и только.

Из школы я вынес только реферат по средневековой Англии, написанный по Петрушевскому.

То, что я буду историком, пришло как-то само собой – было разумеющимся. Правда, в 10-м классе я чуть-чуть не сбился в сторону. Это было время увлечения Иваном Арсеньевичем Николаевым. Огромный, волевой, немного сумрачный из-за того, что плохо слышал, этот папашин друг воплощал тогда для меня активного служителя человечеству. Заслуженный врач республики, хирург из Малоярославца (одним из первых сделал операцию на сердце – ножевая рана), он нес в себе что-то от чеховского Астрова. Художник, где-то около 1905 г., член РСДРП, а ранее нижегородец, видел Шаляпина в пору его юности, земляк Горького. Словом, было от чего закружиться голове. И вот я решил: «Буду хирургом», чтобы быть максимально полезным людям. Что-то вроде этого и написал обо мне корреспондент «Москоу дейли ньюс» (ее редакция помещалась напротив нашего дома). Но в конце концов заветная страсть одолела наваждение.

В самом деле, ведь воскрешать мертвых ничуть не хуже, а может быть, даже лучше, чем лечить живых. И я решил подать заявление на истфак МГУ. Истфак воссоздан был совсем недавно (в 1934 г.), и серия постановлений по истории (1936–1937 гг.) создавала перспективы для занятий историей.

СЛУЖИТЕЛИ ФЕОДАЛЬНОГО КУЛЬТА[62]

В секторе в это время сосредоточились все лучшие силы, оставшиеся после всевозможных «переборов людишек» предыдущего времени. Но это «лучшее» имело специфику, объясняющуюся и историей науки и событиями послереволюционного времени. В секторе в это время сосредоточились все лучшие силы, оставшиеся после всевозможных «переборов людишек» предыдущего времени. Но это «лучшее» имело специфику, объясняющуюся и историей науки и событиями послереволюционного времени.

В 1917–1922 гг. наука не понесла серьезных потерь в составе историков-древников. Правда, отбыли в иные края П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер, но они последнее время больше занимались политикой. Остались за рубежом Г.В. Вернадский, Л.М. Сухотин и ЕФ. Шмурло. Выдворен был А.В. Флоровский. Вот пока и все.

До 1917 г. Москва в исторической науке представляло глухую провинцию, в которой к тому же сильно было «национальное» (славянофильствующее) начало в отличие от европейского Петербурга. В.О. Ключевский с его социолого-философской глубиной, оставаясь дитем Москвы, все же был недостижимой своеобразной вершиной, до которой так далеко было всем москвичам. «Школы» у него не было (миф о «школе Ключевского» создан его эпигонами). Для всех москвичей характерно было бытописание в стиле И.Е. Забелина и И.Д. Беляева, бывших истинными «отцами» московской науки. Именно от них происходят Любавские, Богословские, Веселовские, Яковлевы и другие. Затем – Устюговы, Новосельские и их ученики, прозванные Н.И. Павленко «лаптеведами».

Но московская школа в 20-ые годы не дала еще буйной поросли – корни у ней были подрезаны грозными событиями 1917 года. Дело было в том, что отечество жило настоящим и будущим, а старики годились лишь на полную переплавку. РАНИОН и подобные заведения тех лет пытались что-то спасти. Тихие пришибленные ученые старались делать

[62] Сначала сектор по традиции ограничили периодом до начала XIX в. Потом в годы борьбы с «буржуазным объективизмом» его переименовали в сектор феодализма, присоединив к нему первую половину XIX в. Специалистов пришлось «резать по живому», так, Н.М. Дружинин и М.В. Нечкина остались в «капитализме». В результате первая половина XIX в. стала изучаться все менее и менее. Когда создан был Институт истории СССР, Б.А. Рыбаков и П.В. Волобуев выделили весь XIX в. в отдельный сектор, придумав для него обтекаемое название («зарождения и развития капитализма» или что-то в этом роде). Империализмом стал заниматься особый сектор. Создан был тогда же и сектор «древнейших государств на территории СССР», куда включили и Киевскую Русь. Б.А. Рыбаков, сам занимаясь древнерусскими сюжетами, поэтому все время (см. Очерки, Т. 1 «Истории СССР» и др.) стремился «подверстать» Древнюю Русь к первобытности. Итак, деление по секторам никогда не совпадало с формациями.

вид, что ничего не произошло. А молодежь уходила из-под их контроля, тянулась к глобальным построениям. И только некоторые грелись у потухающих костров.

И вот разгром 1930 года. «Дело историков». Старики отправились вместе с С.Ф. Платоновым в далекие края (среди них С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье (1873–1943), М.К. Любавский, В.И. Пичета и другие. Очередная чистка Авгиевых конюшен на этот раз коснулась «школы Покровского» в 1934–1936 гг. (первый разгром причудливым образом связан с борьбою против «правых», а в ходе второго громили троцкистов) и привела к возвращению стариков из далеких странствий, музеев и казенных учреждений.

Удар по Петербургу был особенно силен. До революции столица славилась европейским уровнем источниковедения (А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахматов) и казенной, придворной наукой (С.Ф. Платонов). После 1930 г. остатки былого величия были ликвидированы. Последние могикане или ушли в новую тематику (С.Н. Валк) или оказались вне досягаемости (Б.А. Романов, А.И. Андреев).

Переезд Академии в Москву и назначение покладистого Б.Д. Грекова в 1937 г. директором воссозданного Института истории в Москве завершило этот процесс.

Сначала заведующим сектором был Владимир Иванович Лебедев[63]. Кругленький, он внешне напоминал Наполеона. В большие начальники он попал из-за стечения целого ряда обстоятельств. Человек он был немудрящий, косноязычный. Но уже в 30-ых, двигаясь в когорте историков-марксистов, написал ряд докладов и работ вокруг темы Астраханское, Башкирское и Булавинское восстания начала XVIII в. (1933–1937). Потом он ничего более не писал. Под его редакцией была издана Хрестоматия по периоду Петра I (1937 г.) и курс лекций до XIX в. (1939). Владимир Иванович был заведующим кафедрой истории СССР и читал лекции на истфаке МГУ. Он всех устраивал: был исполнителем всех решений и был добродушен. Судьба В.И. Лебедева была спокойной, но бесцветной. Беда его состояла, кроме всего прочего, в том, что он пристрастился к водочке. И совсем сник… Одно время преподавал (заведовал кафедрой в Высшей дипломатической школе. Ходил в мундире) Что-то редактировал, выступал с лекциями – и все.

В Институте его в 1940 г. сменил С.В. Бахрушин: нужен был ученый более представительный и деятельный.

Сергей Владимирович Бахрушин возглавлял сектор феодализма или, как он назывался тогда – сектор истории СССР до XIX в., с 1940 по 1950 г. Он был первым моим университетским учителем истории. Именно ему я и был обязан тем, что занялся отечественными древностями, и тем, что на всю жизнь полюбил А.А. Шахматова и его удивительную методику источниковедения. В Ташкенте Сергей Владимирович при-

---

[63] *Текст о В.И. Лебедеве напечатан на отдельном листе без нумерации.*

ложил много сил, чтобы я попал в аспирантуру Института истории. Все это обязывает ко многому. Чувство признательности и глубочайшего уважения к Сергею Владимировичу меня никогда не покидали… Громадный, с могучей седой головой, остриженной «бобриком», с небольшой клинушком бородкой и усиками и вместе с тем с маленькими сверлящими глазами и тоненьким голосом. Нас, студентов, он удивлял уже тем, что в любую стужу ходил в какой-то невообразимой крылатке, старой ушанке и замызганном шарфике… Но куда более поразительно было, что он с нами, юнцами, обращался как со взрослыми людьми, чуть ли не своими коллегами…

Сергей Владимирович Бахрушин[64] – один из членов примечательного рода московских купцов, много делавших и для развития русской культуры (театральный музей имени одного из Бахрушиных хорошо известен). Семейная традиция наложила неизгладимый отпечаток на весь склад творчества Сергея Владимировича. Интерес к купечеству, торговым людям Сибири, городским движениям станет лейтмотивом творчества Бахрушина. Да и манера работы Сергея Владимировича, типичного представителя московской школы историков-описателей, напоминала чем-то развал коробейников – в его статьях и книгах было все, «что угодно для души» – и ситец, и железо, и меха, и мыло. Алтыны, метры, пуды указывались с необычайной точностью. Автор как бы любовался богатством красок при описании торговых сделок.

Жизнь у Сергея Владимировича была нелегкой[65]. Родился он в 1882 г. Получил прекрасное домашнее образование (в совершенстве знал английский). В университете (который он окончил в 1904 г.) учился у Ключевского. От своего учителя перенял скорее тематику (Московская Русь), чем его философский склад ума. В 1909 г. в сборнике в честь своего учителя опубликовал солидную статью о княжеском хозяйстве по духовным и договорным князей XIV–XV вв. В том же году стал приват-доцентом в Университете, – вошел в плеяду молодых ученых, с которыми он пройдет рука об руку жизнь (В.И. Пичета, А.И. Яковлев и др.). Издавал с ними серию памятников русской истории для студентов. Педагогом Сергей Владимирович был «милостью Божьей». И в дальнейшем, несмотря на превратности судьбы, он воспитал ряд превосходных ученых, среди них были К.В. Базилевич[66],

---

[64] (1882–1950) был человеком незаурядным. Происходил он из крупнейшей образованной семьи московских купцов (из нее вышел и основатель театрального музея А.А. Бахрушин).

[65] См. подробнее мою статью в журнале «Исторические науки». 1961. № 2.

[66] К.В. Базилевич (1892–1950) родился в Киеве в военной семье. В 1913 г. закончил Петербургское Михайловское артиллерийское училище, затем авиационную школу. Участник Мировой войны. В 1918 г. добровольно вступил в РККА. В 1922 г. окончил Московский университет, после чего работал в ГИМе (до 1929 г.), затем в Московском университете (с 1930 г.). С 1936 г. до смерти работал в Институте истории. Кроме того, с 1939 г. читал лекции в ВПШ. Ученик С.В. Бахрушина, выпустил статью об имуществе московских князей (1936) и о мятеже в Устюге в

В.И. Шунков[67] и отчасти Л.В. Черепнин. Бахрушин не ограничивал свою деятельность чисто «академическими» делами[68]. Он принимал активное участие в работе Московской городской думы. Но, увы, продолжалась она недолго. После Октябрьской революции – наряду с наукой – Бахрушин активно участвовал в организации РАНИОН, под эгидой Сабашниковых выпускал серию мемуаров XVI–XIX вв. В 1927 г. он опубликовал «Очерки по истории колонизации Сибири» (первые статьи на эту тему относятся еще к 1916 г.).

Грянул 1930 год. Дело историков. Говорили, что в «кабинете Рамзина» ему должны были дать портфель министра просвещения, а Тарле – министра иностранных дел. Все это дикий бред. Но так или иначе, на несколько лет Сергей Владимирович покинул столицу, вернувшись в нее[69] в 1934 г., когда приняты были решения о борьбе со «школой Покровского» в исторической науке. В 1935 г. он выпускает небольшую,

---

1648 г. (1928). Затем в годы господства школы Покровского с его «торговым капитализмом» в России XVII в. – статью о челобитных купечества XVII в. (1932). Затем последовала работа «Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве 1662 г.» (1936), статьи о таможенных книгах (1933, 1936). В 1939 г. написал статью с критикой взглядов Покровского о торговом капитализме (в сборнике против Покровского). Участник изданий «История Москвы», т. I, учебника, «Очерков». Посмертно (1952 г.) издана книга о внешней политике при Иване III.

[67] В.И. Шунков (1900–1967) родился в г. Кузнецке в семье преподавателя... Учился в Томском университете (1921), в связи с его закрытием перешел в МГУ, где учился с 1922 по 1925 г. у С.В. Бахрушина. Преподавал в школе, первые работы посвящены учебно-методическим вопросам (1925–1928 г.). В 1926–1928 г. – аспирантура РАНИОН. Первая работа по истории сибирского крестьянства (начала XVIII в.) напечатана была в 1929 г. С воссозданием истфака МГУ был приглашен туда преподавать. С 1936 г. работал в Институте истории, готовил к печати новгородские кабальные книги. С 1935 по 1939 г. преподавал в Историко-архивном институте. В 1940 г. защитил кандидатскую. С октября 1941 г. по весну 1945 г. находился в рядах Советской армии. В 1942 г. поступил в члены партии. Затем вернулся на работу в Институт истории, где был зам. директора Института до 1949 г., когда был назначен директором ФБОН. В 1954 г. защитил докторскую диссертацию. В 1954–59 г. редактор «Исторического архива» С 1959 г. работал в Отделении исторических наук зам. академика-секретаря (при Жукове). В 1962 г. избран членом-корреспондентом. После смерти Тихомирова в 1966 г. стал руководить Археографической комиссией.

[68] Деятельный, жизнелюб Сергей Владимирович уже в начале века, очевидно, увлекся общественно-политическими веяниями. Ведь в Московском университете преподавали П.Н. Милюков и АА. Кизеветтер – ведущие руководители кадетской партии. Кажется, Сергей Владимирович входил в число членов Городской думы. Во всяком случае он мне рассказывал, что там сложился прием, благодаря которому проваливались все начинания. Проект предлагалось расширить. Так, предложение о том, чтобы замостить небольшой участок дороги, превращался в проект реконструкции всего города, что делало его совершенно нереальным. Позднее я удивлялся, почему Сергей Владимирович ходит на все заседания. Он говорил мне: «Голубчик, если я один раз не пойду, другой, то в третий раз меня вовсе не пригласят».

[69] Где-то в конце 1934 г. С.В. вернулся из длительного путешествия в северные края.

но содержательную книгу об остяцких и вогульских княжествах XVI–XVII вв. С 1937 г. он уже работает в Институте истории и примерно тогда же – в Университете.

В 30-ые годы шутки были плохи. Бахрушину пришлось переучиваться[70]. Ссылаться на труды. Произносить слова. Но цитаты и конкретный материал в трудах Сергея Владимировича органически так никогда и не слились.

Сделавшись в 1940 г. главой феодального сектора, С.В. Бахрушин, будучи превосходным организатором науки, с головой уходит и в грандиозные начинания Института и в личную работу (последняя, правда, страдала от его занятости другими делами). В 1939 г. его избрали членом-корреспондентом АН СССР. Он писал статьи и рецензии в связи с работами Б.Д. Грекова о Киевской Руси (в частности, и о крещении Руси, упомянутом в одном из постановлений по истории. Эту же тему взял и я у него в семинаре). Под редакцией Сергея Владимировича – фактически – вышел т. 1 вузовского учебника по истории СССР. Он же взял на себя редактирование первого тома многотомной «Истории Москвы» и написал ряд разделов по XVI в. С увлечением начинал он работу по «Истории Москвы». Лишь одно омрачало пребывание Сергея Владимировича в Институте – с директором (Б.Д. Грековым) отношения не складывались. Ведь Сергей Владимирович попытался в печати оспорить некоторые положения Грекова, а этого Борис Дмитриевич простить не мог. Так и завязалась ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, благодаря которой Сергей Владимирович так и не стал академиком.

Началась Великая война. Сектор во главе с Бахрушиным эвакуировался в Ташкент. Но Сергей Владимирович чувствовал постоянную и органическую связь с эпохой и с увлечением и чувством ответственности писал статьи и брошюры, в частности в 1942 г. выпустил небольшую книжечку «Иван Грозный» – о мудром и дальновидном монархе. Но опричнина застревала в горле. Поэтому основное внимание Сергей Владимирович уделял «Избранной раде»[71]. Его статья на эту тему 1945 г. фактически открывала серию работ советских историков по этой теме. А его представление о компромиссном характере деятельности Рады стало основой плодотворных разысканий многих ученых. В Ташкенте С.В. Бахрушин занимался также историей Узбекистана феодального

[70] Жизненный опыт оказал на него воздействие, и решительное – он начал осваивать теорию исторической науки. В 1936–39 гг. появляются в печати его статьи по истории Киевской Руси, в которых он, опираясь на «Секретную дипломатию» Маркса и высказывания Сталина, Кирова и Жданова, стремится внести коррективы в схему Грекова (проблема дофеодального периода в Киевской Руси). Греков свои позиции с небольшими колебаниями отстоял.

[71] С тех пор время Ивана Грозного стало основным периодом, который избрал для своих дальнейших занятий Сергей Владимирович. Его заслугой, в частности, была трактовка реформ 40-х годов, как компромиссных, его постановка вопроса о предпосылках всероссийского рынка. А вот насчет опричнины С.В. писал слишком уж выспренно. Но… кто бросит в него за это камень?

периода и под его редакцией и при его участии вышел солидный том истории Узбекской ССР.

В 1943 г. сектор вернулся в Москву. Годы шли с удручающей быстротой. Все обнять было невозможно. Нужно было думать и о написании собственной монографии. В1946 г. Сергей Владимирович выпускает в свет статью о «предпосылках всероссийского рынка» XVI в., теоретической основой которой было известное положение Ленина о всероссийском рынке. Работа о «предпосылках» постепенно разрасталась и видны были контуры книги на эту тему. Но монография не была завершена.

1948 год. Началась кампания борьбы с космополитизмом. Всего навидался на своем веку Сергей Владимирович. Новая ломка ему была не под силу. Инфаркт. Затем в разгар событий 3 марта 1950 г. от инфаркта неожиданно умирает (после проработок) К.В. Базилевич. На его похоронах Сергей Владимирович простудился, и 8 марта не стало и его.

Наука русской истории никогда не забудет Сергея Владимировича. И даже не потому, что он стал родоначальником советского сибиреведения, что он сделал историю России XVI столетия предметом специальных разысканий... Основное в его научном подвиге было то, что он сумел передать факел исторической науки, который получил от ученых прошлых лет, историкам новой формации. Под его руководством сектор истории феодальной России стал наиболее крупным научным центром, сосредоточившим осколки легкомысленно разбитой вульгарными социологами науки[72].

Из глубины сибирских руд

Московским ленинградцем некоторое время после войны был Александр Игнатьевич Андреев (1875–1959). В Институте истории он возглавляет археографическую деятельность[73]. Неуклюжий, как медведь, он обладал колоссальной волей, работоспособностью, четкостью и педантичностью[74]. Его работы поражают своей фундаментальностью, блистательной осведомленностью автора в разнообразной литературе и строго источниковедческим подходом[75]. Александр Игнатьевич под-

[72] Бахрушину вместе с Грековым принадлежит заслуга создания блестящего коллектива историков на основе сектора истории СССР до XIX в. Грешил Сергей Владимирович порядочно, но только тот без греха, кто ничего не делает. Наука с благодарностью вспомнит особенно общественно-организационную деятельность Сергея Владимировича, его размах, горение за счет перенапряжения его могучих физических сил. Отсюда и неожиданная (и в общем-то ранняя для него) смерть в годы борьбы с космополитизмом.

[73] *См. разделы «Дела и дни феодалов» и «Что за комиссия, Создатель?» Далее в ред. 2*: Фигура значительная, с трагической судьбой. Громадный и.

[74] *Ред. 2*: и вкусом к организационной деятельности. Но жизнь складывалась у него не так, как этого ему хотелось бы.

[75] *Ред. 1*: строгой методикой и ясностью мысли.

смеивался (а он был не без ехиденки) над московской всеядностью, безалаберностью, бытописательством, вызывая неудовольствие у многих, прежде всего, у Сергея Владимировича Бахрушина, спор с которым не утихал по вопросам сибирского летописания и обстоятельств продвижения в Сибирь (Строгановы или Грозный – кто был инициатором похода Ермака). В отличие от многих москвичей он обладал непреклонной волей и непоколебимой твердостью основных жизненных устоев. Андреев работал сам и требовал этого от других, неуклонно, подчас даже беспощадно, что многие также встречали с ворчанием.

Поначалу все шло как по маслу. Верный ученик Лаппо-Данилевского, он в начале 20-х годов был на гребне волны академической науки. Секретарь (ученый) Археографической комиссии, он развернул громадную работу по изданию актов (Сборник Грамот Коллегии экономии. Вып. 1–2, выдающееся издание). Он выпускает лекции Лаппо по дипломатике, ряд своих статей по дипломатике и законодательству. Все они поражали колоссальной эрудицией, строгой методикой и ясностью мысли. Александр Игнатьевич был решительным противником московской всеядности и безалаберности (отсюда и столкновение с С.В. Бахрушиным по вопросам источниковедения Сибири). Резкий, ехидный, бесконечно твердый в своих жизненных устоях, он умел вызывать к себе ворчливое отношение [...].

Крах наступил в период Платоновского дела[76]. Ссылка[77]. Затем Ленинград – издание Миллера (третий том не издан[78]). В годы войны он возглавил кафедру вспом(огательных) ист(орических) дисц(иплин) в МГИАИ, создал там особый стиль работы. Пригласил Черепнина, Новосельского, Яцунского и др. Выпущены были под его редакцией учебники[79] и т.п. Конечно, старшие[80] покровщики (типа В.В. Максакова) ждали только случая, чтобы его сожрать[81]. В Институте истории он возродил Археографическую комиссию. Он был инициатором издания корпуса русских актов, возобновления Писем и бумаг Петра. Поставил вопрос о возобновлении издания летописей.

Очередной крах наступил в годы борьбы с космополитизмом[82]. Чего только ему тогда не вспомнили (Лаппо-Данилевского и статью о поездке Петра в Англию – так сказать, «преклонение перед иностранщиной», и публикацию отрывка из воспоминаний Соловьева-внука, «поэта-идеалиста» о деде и т.п.)? Но главное – всех раздражала стойкость Александра Игнатьевича. Словом, в 1949 г. ему пришлось уехать в Ленинград.

---

[76] *Ред. 1*: (работал до января 1929 г.).

[77] *Ред. 1*: в 1931–35 гг. в Красноярском крае.

[78] *Ред. 1*: по причине обстоятельств военного времени.

[79] *Ред. 1*: Труды МГИАИ и т.д.

[80] *Ред. 1*: его старые друзья покровщики архивных феодалов.

[81] *Ред. 1*: уничтожить.

[82] *Ред. 1*: И снова катастрофа – борьба с космополитизмом.

Здесь Андреева приютил в Комиссии по истории Академии С.И. Вавилов. И именно Андреев осуществил выдающееся по качеству исполнения академическое издание трудов Ломоносова. Затем он вернулся в ЛООИ. Задумал издание «Истории Российской» Татищева[83], но смерть помешала ему довести до конца это начинание, которое продолжил и осуществил С.Н. Валк.

Главный труд Александра Игнатьевича, если подходить формально, – «Источниковедение Сибири XVII–XVIII вв.»[84]. Но по существу его значение в нашей науке значительно шире и определяется оно его незаурядными организационными способностями, которые в силу обстоятельств времени не могли полностью раскрыться. Александр Игнатьевич Андреев – незабываемая страница в истории отечественного источниковедения и археографии. Нас с ним связывали отношения самые добрые. Как-то трудно произнести слово «дружба», когда речь заходит о человеке, годящемся мне в отцы – но дистанции возраста Александр Игнатьевич никогда не создавал, а его открытость при всей суровости характера придавала нашим беседам обстановку полного взаимопонимания. В том, что московская наука 40–50-ых годов восприняла традиции академического источниковедения Петербурга (в трудах Черепнина и других), заслуга Андреева была великая.

Подвижники науки

Иван Александрович Голубцов (1887–1966)[85] во многом был прямой противоположностью А.И. Андрееву. Он, типичный «москвич», не обладал ни его строгой источниковедческой школой, ни его гордыней (самолюбием), будучи по натуре человеком тихим, и мягким, и нему-

[83] *Ред. 1*: должен был стать главным издателем Татищева.

[84] *Ред. 1*: При огромной работоспособности, эрудиции Александр Игнатьевич мог бы достигнуть большего. Жизнь поставила ему пределы. Максималист в своих требованиях (так, акты он хотел издавать в сплошной хронологии, а не по корпорациям; дополнительные законод(ательные) статьи II половины XVI в. тоже по хронологии, а не по записным книгам), он не всегда учитывал реальные условия жизни, которая и ломала его начинания. Но своеобразная колоритная фигура Андреева сыграла свою положительную роль в передаче традиций старой петербургской науки новым поколениям историков.

[85] Родился в семье профессора МДА. В 1905 г. поступил в МГУ, который и оканчивает в 1910 г. Работал в семинарах Ю.В. Готье и М.М. Богословского. Занимался крестьянскими повинностями первой половины XIX в. С 1912 г. по 1925 г. преподает (на Высших женских курах, в I МГУ). С 1914 г. служит также в архиве МИД, с 1925 г. – в архиве Красной Армии, с 1927 г. – в управлении Центрархива. В 1928–29 гг. выпускает в свет статьи по Смуте. На архивных курсах Центрархива преподает палеографию и дипломатику. После 1930 г. наступает перерыв в издании трудов И.А. Голубцова, и следующие работы относятся к 1939 г, когда он выступает составителем карт к вузовскому учебнику «История СССР». Т. I. М., 1963 г. И.А. Голубцову присуждена была докторская степень.

дрящим. Сын профессора Духовной академии в Троице, брат недавнего новгородского архиепископа, и другого[86] (историка, который в 1924 г. издал переписку Ключевского с Гвоздевым, но рано умер). Воспитывался Иван Александрович в семье, где бывал Василий Осипович Ключевский, а история была естественным ароматом жизни[87]. Глубоко верующему человеку да еще притом историку, ох, как трудно приходилось добывать свой хлеб. Университет И.А. Голубцов окончил в 1910 г. Работал в семинарах Ю.В. Готье и М.М. Богословского. С 1912 по 1925 год преподавал на Высших женских курсах и в 50 МГУ. С военного времени служил также в Архиве МИД, а потом – с 1925 г. – в Архиве Красной Армии, с 1927 г. – в Управлении Центрархива. В 1928–1929 гг. выпускает в свет интересные статьи по Смуте[88]. Писал он, не мудрствуя лукаво, с простодушием хорошего человека. На архивных курсах Центрархива преподает палеографию и дипломатику[89]. С 1930 г. в издании его трудов наступает многозначительный перерыв. И только в 1938–39 гг. он выступает составителем карт к вузовскому учебнику «Истории СССР», т. 1. [все они ис]полнены с предельной тщательностью и любовью. Да и любой «рабочий» отзыв Ивана Александровича, написанный по поручению сектора, был солиден по существу, по форме весьма придирчив (ох, уж эта шустрая молодежь!), но в то же время благожелателен к автору.

Средства к жизни на моей памяти он всегда добывал договорной работой. А положение у него было тяжелое. Ходил он всегда в одном и том же стареньком френче, с седенькой бородкой клинушком и усиками, остатки его волос еле-еле (на пробор с «займом») закрывали огромную лысину. Сутуловатый, серьезный и... бесконечно добрый. Семья его ютилась под крышей дома на Зубовской. Одна дочь – полулежачая больная (горбатенькая), другая стала, как и отец, архивным работником.

Каждый, кто мог, старался помочь ему. И только за несколько лет до смерти он был зачислен в штат института. И все же он, не желая того, сделал свое имя бессмертным в нашей науке. Иван Александрович в поисках хлеба насущного стал изготовлять карты к разным изданиям. А так как он был человеком в высшей мере добросовестным, то каждая карта его (к Базилевичу, Пашуто, «Истории Москвы», «Очеркам истории СССР», к статьям БСЭ вместе с Амальриком-отцом) была специальным исследованием, основанным на проработке многих и разнообразных источников. Поэтому фактически И.А. Голубцов стал отцом научной исторической картографии в СССР[90]. Его карты к многотомным изданиям в совокупности образуют лучший русский исторический ат-

[86] *Ред. 1*: Рано умершего С.А. Голубцова.

[87] *Ред. 1*: Сам Иван Александрович был конечно человеком глубоко верующим.

[88] *Ред. 1*: Первые блестящие статьи о Смуте в трудах РАНИОН остались без продолжения.

[89] *Ред. 1*: С 1930 г. долгое время на постоянную работу поступить не мог.

[90] Фигура шаляпинского диапазона, засунутая в географическую клетку.

лас. Беда только в том, что он не издан как единое целое. В 1963 г. по совокупности его трудов ему сразу же (без кандидатской) присвоена (после защиты) степень доктора исторических наук.

Второй труд Ивана Александровича – тоже подвиг. Это три тома АСЭИ[91]. Над первичной подготовкой издания трудились многие[92]. Но И.А. Голубцов завершал первый том и вел всю работу по следующим двум. Его историко-географические комментарии, указатели и весь аппарат выполнены с предельной тщательностью и солидностью. Да и любой «рабочий» отзыв Ивана Александровича – по форме весьма придирчивый – говорил не только о больших познаниях автора, но и о его благожелательном отношении к работе. Так Иван Александрович сумел найти свое[93] место в науке наперекор всем трудностям, которые ему достались в изобилии.

Гордостью нашей науки, как Иван Александрович, сделался и Николай Георгиевич Бережков (1886–1956), хотя, если б это ему сказали, он бы замахал руками и в смущении пробормотал что-нибудь невнятное: «Перестаньте говорить всякую ерунду, Александр Александрович также тихий, даже робкий (И.А. робким не назовешь). В жизни человек довольно одинокий, замкнутый, он был до самозабвения увлечен наукой. В быту – педант, собирал, как Плюшкин, всякие пустяки. На протяжении всей жизни вел каждый день дневник, в который заносил все мелочи и все встречи с людьми. Это памятник каждодневного бытия скромного человека. Внешне – неуклюжий. Высокий, сгорбленный, лысый, с растопыренными ушами, застенчивой улыбкой. Словом, классический чудак, с упрямством чудака, верящего в порядочность и правду. Николай Георгиевич в Университете учился у М.К. Любавского (1905–1911), который заинтересовал его историей Великого княжества Литовского. Затем он работал в Московском архиве Министерства Юстиции, причем также сумел сохранить старую тему, исследуя Литовскую метрику. С 1919 по 1923 год преподавал в ряде высших учебных заведений, а с 1924 по 1934 год работал в Музее Революции. Затем в 1935 г. поступил в Историко-архивную комиссию, которая вскоре стала Институтом истории. В 1946 г.выпустил свою книгу о «Литовской метрике» (докторскую диссертацию) – памятник тщательного, скрупулезного археографо-источниковедческого разбора сложнейшего памятника, понять структуру которого практически почти невозможно. Но вот его «Хронология русского летописания», изданная уже посмертно – это выдающееся явление. По форме это – хронологический комментарий к древнейшим русским летописям. По существу – это попытка распутать чересполосицу стилей летоисчисления в Древней Руси. Николай

---

[91] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – XVI вв.

[92] Акты были выявлены и скопированы усилиями С.Б. Веселовского еще в 20-ые годы XX в.

[93] *Ред. 1*: свое неповторимое.

Георгиевич стал создателем научной хронологии древнерусского летописного повествования. А родилось все из небольшого поручения проверить даты в «Истории Москвы» и «Очерках». И вот что делает добросовестность и упорство. Николай Георгиевич должен был во всем дойти до последней точки. До конца. И вот тут-то (пускай в вопросах не глобального значения) он был непреклонен и тверд, отстаивая истину. Наука для него была Жизнью, Храмом, в котором он служил, стоя в благоговении перед величием Истины на коленях. А так – это был классический диккенсовский чудак, с упрямством верящий в торжество правды и порядочности.

С Иваном Александровичем и Николаем Георгиевичем у меня были самые добрые отношения, робкого ученика и умудренных опытом ветеранов науки.

Какие все-таки бывают неожиданные встречи [...] Николай Георгиевич, которого я очень любил, был у меня дома на празднестве по случаю защиты кандидатской диссертации. И надо же, чтобы именно здесь он встретил нашего старинного друга малоярославецкого хирурга Ивана Арсеньевича Николаева, с которым они вместе учились в нижегородской гимназии, а позже много десятилетий не виделись.

Работа у И.А. Голубцова, Н.Г. Бережкова, имевшая точки соприкосновения с официальной, по существу протекала в их собственном мире, только им принадлежащем. Единственном. Неповторимом.

Секторские «старики» для меня остаются недостижимым эталоном честного и подвижнического служения науке. Раздавленные мощной поступью времени, они где-то в самых основах жизни сохранили бескомпромиссность, трепетное отношение к Истине. Пусть в своем миниатюрном мире. Но в мире абсолютных ценностей...

К таким же «чудакам»-подвижникам истины принадлежал[94] и Арсений Николаевич Насонов (1898–1965)[95]. Сын академика-биолога, брат члена-корреспондента, брат архитектора[96] (строителя дворца[97] в

---

[94] *Ред. 1*: Своеобразной фигурой был.

[95] А.Н. Насонов по окончании гимназии в 1916 г. поступил в Петербургский университет, который и окончил в 1922 г. С 1924 г. три года работал в Эрмитаже. К весне 1926 г. закончил исследование о тверских летописях. В 1927 г. по болезни ушел из Эрмитажа. С 1929 г. начал заниматься темами, связанными с Золотой Ордой (закончил книгу в 1934 г., вышла в 1940 г.). В 1935 г. перешел на работу в Историко-археографический институт. В 1941 г. издал вып. 1 «Псковских летописей». В 1941 г. защитил «Монголы» как кандидатскую диссертацию. В 1942 г. призван в ряды Красной армии, где был пропагандистом и лектором. В 1944 г. командирован в Москву, где защитил докторскую по совокупности работ по областному летописанию. После демобилизации в 1945 г. вернулся в Институт истории. В 1949 г. закончил и в 1951 г. издал книгу о «Русской земле». В 1950 г. издал Новгородскую первую летопись, в 1955 г. – «Псковские летописи» т. II. В 1963 г. редактировал т. 27 ПСРЛ. Последний труд о летописях издан посмертно.

[96] *Ред. 1*: Крупного архитектора.

[97] *Ред. 1*: Дворца-университета.

Варшаве), по матери племянник историка А.А. Корнилова, в прошлом героя Севастополя[98]. Напуганный уже в юные годы (недели две был за решеткой), он замкнулся в себя. Наверное, и с нервишками не все было в порядке. Словом, старый холостяк[99], не очень-то приветлив, а скорее высокомерен (аристократизм!) и подозрителен. Общение с ним не доставляло удовольствия. Говорили, что в юности был другим, любил горный туризм и общество. В мои годы это было незаметно[100]. Ленинградец по происхождению и шахматовским симпатиям. В Москве он один продолжал традиции Шахматова в летописании. В общем-то у него было три этапа в творческой деятельности[101]. Двадцатые[102] годы – тверское летописание, как основная тема, и формально-логический метод изучения – без эмоций. Тупиковый путь. Тридцатые-сороковые – Псковские летописи и стремление хоть в какой-то мере найти контакты со временем (классово-политические корни)[103]. «Русь и монголы» – лучшая книга Насонова вышла в эти годы на гребне патриотизма и объективизма тех лет. Тщательное до скрупулезности исследование, проникнутое целостной линией объяснения золотоордынской политики[104]. Наконец, последний период – 50–60-е годы. На книге о «Территории Древней Руси»[105] уже есть следы периода «борьбы с космополитизмом» (функ-

---

[98] В 1922 г. Арсений Николаевич закончил Петербургский университет. Уже тогда был увлечен трудами по летописанию А.А.Шахматова, история летописного дела стала темой жизни Насонова. С 1922 г. в течение трех лет работал в Эрмитаже. Уже к весне 1926 г. закончил исследование о тверских летописях.

[99] *Ред. 2*: остался старым холостяком.

[100] Жил он в одиночестве, в окружении огромной библиотеки, составленной из книг по истории и исторической географии. Не был приветливым, относился к людям с недоверием и высокомерием, но начальству (Грекову, Новосельскому) был послушен, ибо от них зависела его судьба, которая нераздельно связана была с чисто умственной работой.

[101] *Ред. 2*: Его творческая деятельность распадается на три периода.

[102] *Ред. 2*: В двадцатые годы его темой было тверское летописание, изучавшееся формально-логическим методом – без эмоций. Это был тупиковый путь. В тридцатые-сороковые исследовал.

[103] *Ред. 2*: С 1929 г. стал заниматься темами, связанными с Золотой ордой. Книгу «Монголы и Русь» закончил еще в 1934 г., но вышла она из печати в 1940 г. (в 1941 г. защищена как кандидатскачя диссертация).

[104] *Ред. 2*: В ней содержалось тщательное до скрупулезности исследование золотоордынской политики, основанное на широком и разнообразном комплексе источников. В 1935 г. перешел на работу в историко-археографический институт Академии наук, и с тех пор его жизнь была связана с академической наукой. Накануне войны издал первый выпуск «Псковских летописей» (второй в 1955 г.).

В 1942 г. был призван в армию, где работал пропагандистом и лектором. В 1944 г. его командировали в Москву, где по совокупности работ по областному летописанию защитил докторскую диссертацию. В 1951 г. издал «Новгородскую первую летопись».

[105] *Ред. 2*: О «Русской земле и образовании Древнерусского государства».

ции государства)[106], но исследование, как всегда у Насонова, добротное в своей основе[107]. В обстановке роста романтизма в науке у Насонова начинает наблюдаться отход от шахматовского метода («фантазии»)[108]. Его больше начинают интересовать поиски[109] списков, чем генеалогические схемы сводов. Он останавливается все больше на констатации фактов сходства текста в отдельных летописях, не ставя вопрос, когда и в каких летописях это сходство появилось. Последняя книга[110] – явный упадок творческой[111] деятельности, целостного труда не получилось, вместо этого – сборник статей[112].

Вот любопытно – то, что у Голубцова, Бережкова, Насонова их работа, имевшая точки соприкосновения с официальной, по существу шла где-то в своем мире, только им принадлежавшем. Единственном. Неповторимом.

* * *

Если к перечисленным историкам добавить С.В. Бахрушина (заведующего сектором) и Б.Д. Грекова (директора), то примерно картина

---

[106] *Ред. 2*: Суровое время искоренения объективизма коснулось в этой книге и Насонова, хотя и слегка. Он вынужден был процедить сквозь зубы сталинскую формулу о двух функциях государства и занялся (в духе Грекова поисками основ Древнерусского государства в седой старине, правда, не такой, как у академика).

[107] *Ред. 2*: Затем Насонов все более и более настойчиво стал заниматься летописями (его участие в редактировании «Очерков истории СССР. Конец XV – XVII в.» было эпизодом: ничего редактировать Насонов не умел). Летописные труды Насонова можно разделить на три группы, хронологически разновременные. Работы по тверскому летописанию можно назвать ортодоксально-шахматовскими (это было в 20-е годы). Правда, в них можно обнаружить и черты эпигонства: Насонов резко усилил логически-смысловой анализ текстов и начисто отказался от каких-либо «выходов» в идеологию. Работы его носили формальный характер, сближаясь с теми, что писал тогда же Перфецкий. Затем в 30-ые – 40-ые годы он обратился к псковскому летописанию. Здесь уже элемент формально-текстологический у него слабее (возможно, отчасти и потому, что летописание во Пскове несколько обособлено от общерусского). Зато появляются попытки связать летописание с идеологией (оппозиционный Грозному свод Корнилия 1567 г., промосковский свод 40-х годов и т.п.).

[108] *Ред. 2*: В обстановке роста романтизма в источниковедении у Насонова появляется обратная тенденция – боязнь каких-либо гипотетических построений, а, следовательно и отход от Шахматова («пра-своды» в его глазах становятся фантазиями, а установление реального соотношения между сохранившимися летописями – основной задачей при сопоставлении летописей).

[109] *Ред 2*: в архивах новых летописцев или просто.

[110] Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969.

[111] *Ред. 2*: Активности. Она состоит из отдельных этюдов о различных летописях, иногда с робкими попытками противостоять фантастическим поискам летописного дела в X веке. В ней много новых материалов и отдельных конкретных наблюдений, но.

[112] *Ред. 2*: И несмотря на это, все работы Арсения Николаевича в своей основе добротны, лишены стремления покривить душой, когда речь заходит о научной совести ученого.

наличного состава стариков будет полной. На этой-то почве и начала возрастать наука будущего.

«Тишайший» Алексей Андреевич Новосельский (1891–1968) на гребень волны был вознесен всемогущим случаем и покладистым характером[113] Типичный москвич по школе[114] он начал с бытописательства. Еще при Яковлеве и РАНИОН[115] издал небольшую книгу «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.» о хозяйстве стольника Безобразова[116]. Написал докторскую о русско-крымских отношениях, в которой добросовестно изложил одну посольскую книгу за другой. А затем – бес попутал – попал в обойму – и началось![117] Засел Алексей Андреевич с присущей ему добросовестностью за сочинения основоположников. Навыписывал, а разобраться-то трудно, ох как трудно! Не любил[118] он социологии-то. Косо смотрел на Льва. А надо. Времена были крутые[119]. К тому же и положение обязывало: ведь[120] он вместе с Н.В. Устюговым редактировал и писал[121] «Очерки истории СССР XVII в.» и разделы по XVII в. «Истории Москвы».

Царствовать-то (в Институте и в секторе) Алексей Андреевич царствовал, но как царь Федор[122] – правили за него другие[123]. Так, именно А.А. Новосельский (надо же!) отказал Пензе, когда оттуда пришла просьба разрешить поставить памятник их знатному земляку – исто-

---

[113] *Ред. 1*: оказался на гребне волны и благодаря случаю, из-за покладистого характера (как Б.Д. Греков).

[114] *Ред. 1*: Университет он закончил еще в 1915 г., затем до 1930 г. работал в Государственном Древлехранилище (позднее ЦГАДА). Одновременно преподавал в МГУ (1919–1921), числился сотрудником РАНИОН (1922–1929) и ГИМа (1922–1926). В 1918 г. сдал экзамен на степень магистра русской истории.

[115] *Ред. 1*: Был близок к А.И. Яковлеву В 1929 г. выпустил.

[116] *Ред. 1*: Следующую работу после 1929 г. издал в 1938 г. (статья о крепостническом землевладении на юге в XVII в., потом только в 1945 г.

Ред. 1: В 1948 г. вышла его докторская диссертация, посвященная борьбе Московского государства с Крымом в первой половине XVII в.

[117] *Ред. 1*: В 1950 г. он становится заведующим сектором феодализма. В 1951 г. поступает в члены КПСС и и становится заместителем директора Института истории.

Ред. 1: 1951–1953 гг. Одновременно в 40–50-е годы он преподает в Историко-Архивном институте. В 1953 г. назначается зав. сектором источниковедения, который он и возглавлял до ухода на пенсию в 1963 г.

[118] *Ред. 1*: А цитаты нужны были.

[119] *Ред. 1*: За труды основоположников Алексей Андреевич засел только в блаженной памяти космополитические годы. Навыписывал в свои тетрадочки груду цитат, но по существу ими толком и не воспользовался – закваска московской школы оказалась сильнее.

[120] *Ред. 1*: в эти годы.

[121] *Ред. 1*: а по существу сами переписывали весь том.

[122] *Ред. 1*: Иоаннович.

[123] *Ред. 1*: Его именем всякое творилось.

анализе рукописных текстов, бросила вызов маститому академику[129], а тот при встрече отнесся к этому благодушно и благожелательно[130].

Но вскоре из Саратова пришлось уехать. Начались годы поисков. Некоторое время Екатерина Николаевна работала в обществе полит-каторжан, где принимала участие в составлении словаря революционных деятелей. И вот в 1935 г., наконец, она поступила в Археографический институт Академии наук, ставший основой Института Истории. С тех пор утекло много воды. Чем только ни приходилось заниматься Екатерине Николаевне, всегда предельно добросовестно относившейся к любому секторскому поручению. Ее «бросали» на самые трудные объекты, зная, что на ее исполнительность всегда можно положиться. Она писала и редактировала и «Историю Москвы» (разделы по XVIII столетию), и «Очерки» (разделы по народам), занималась и холопами XVII–XVIII вв.[131] и особенно много историей народов Северного Кавказа, которым она и посвятила свою докторскую диссертацию[132]. Тонкость глубокого источниковедческого анализа в этой книге сочеталась с широтой постановки темы. В самом деле, просто диву даешься, как смогла Екатерина Николаевна из трафаретных дипломатических документов извлечь уникальные сведения, которые в сопоставлении с этнографическими сведениями и позднейшими материалами дали Е.Н. Кушевой возможность представить и расселение и социальный строй народов Северного Кавказа в XVI – начале XVII столетия. В отличие от К.В. Базилевича и А.А. Новосельского она и внешнеполитические акции России рассмотрела не изолированно (как вещь в себе), а на широком фоне международных отношений того времени. В этих двух аспектах исследования Екатерина Николаевна стала родоначальницей нового подхода, которому принадлежит будущее.

Сектор для Екатерины Николаевны всегда был родным домом, к которому она относилась с благоговением и заботой. Все работы и поручения исполняла на полном серьезе, с присущей ей солидностью и неспешностью. Жизнь для нее, как истинной дочери русской интеллигенции, всегда заключалась в исполнении нравственного долга[133], который она прежде всего видела в служении науке и людям, ее окружавшим.

---

[129] *Ред. 1*: он основан был и на новых архивных материалах, и на тонкой их интерпретации. Все это осталось у Екатерины Николаевны навсегда. И только обстоятельства и ее безупречно честное отношение к поручениям сектора привело к тому, что она не смогла добиться большего.

[130] *Ред. 1*: Уже в те годы ее тонкий и глубокий ум нашел пищу в источниковедческих штудиях о Смуте.

[131] *Ред. 1*: А так как все делала всерьез с присущей ей добросовестностью, источниковедческой закваской и неторопливостью, то вечно увязала в своих плановых работах, не зная никаких других.

[132] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-ые годы XVII века. М., 1963.

[133] *Ред. 1*: Она, как и Николай Владимирович, всегда была основой сектора, его сердцевинкой. Ее, безответную труженицу, бросали куда только ни попало.

Почти вся институтская жизнь Екатерины Николаевны, начиная с Ташкента, прошла на моих глазах. После возвращения в Москву Екатерина Николаевна была заведующей аспирантурой (нашей аспирантской мамашей). И эту муторную работу она выполняла с удивительной серьезностью и чувством ответственности и добросердечности.

Как честный и немножко наивный человек, Екатерина Николаевна восприняла новое как неизбежную поступь жизни. Так она относилась к этому всю жизнь. Всегда она была окружена умными и добрыми друзьями. Особенно их много было у нее среди ленинградцев (Б.А. Романов, С.Н. Валк, К.Н. Сербина, Ш.М. Левин, И.И. Смирнов). Да и ленинградская «молодежь» (Н.М. Носов, В.М. Панеях, Ю.Г. Алексеев) по традиции и зову сердца тянутся к ней. Такое в наше время бывает только в редчайших случаях (о подхалимстве тут не может быть и речи) и говорит о нравственной красоте Екатерины Николаевны. С нежностью она относится и к своей племяннице, и ее семье, и секторянам, сохраняя неистребимую веру в конечное торжество добра и справедливости. Внешне строгая, размеренная, рассудочная Екатерина Николаевна как бы защищает всем этим живую человечную душу от возможных ударов судьбы. Наше семейство Екатерина Николаевна опекает с незапамятных пор…

Ее саратовская подруга Е.П. Подъяпольская (из семьи интеллигентного врача) – бескорыстно преданный науке человек. С 40-х гг. вся ее жизнь связана с «Письмами и бумагами Петра I». Очень поздно стала кандидатом, защитив книгу о Булавине. Комментарии Е.П. Подъяпольской к «Письмам» – кладезь премудростей по истории России начала XVIII в. (в меньшей мере у Глаголевой, только Т.С. Майкова продолжила ее традицию, обогатив ее опытом учебы при Черепнине в Архивном институте). Милая, сердечная, с искрящимся поэтическим умом, Елена Петровна всю себя посвятила только науке, ей одной безраздельно.

Иного плана человеком была Елизавета Петровна Заозерская (сестра известного ученика В.О. Ключевского). Гордая красавица в молодости, она все время была чуточку на эстраде, любила играть какую-либо роль, шагая, конечно, в ногу со временем. Умница и труженица, она любила по-настоящему науку и находила в себе смелость отказываться от собственных заблуждений (как было с числом мануфактур, которое она ранее завышала). Е.Н.К. не очень-то долюбливала Елизавету Ивановну из-за ее показной бравады, не всегда солидной методики исследования, эгоизма. Но… дамы-дамы!

К старшему поколению дам принадлежала Наталья Аполлинарьевна Бакланова. Человек она тяжелый, мнительная, не очень добренькая (колючая, одинокая). Она одна из тех ученых дам, которые порождены были атмосферой Московских Высших женских курсов. Ученица (восторженная) М.М. Богословского (издательница Петра), некоторое время она кормилась около Исторического музея и РАНИОН. Затем катастрофа, и фактически она почти до самой пенсии (как и И.А. Го-

лубцов) работала только по договорам, а не в штате. И она нашла свое место в науке – это документальные иллюстрации к многотомным изданиям (к «Истории Москвы», «Очеркам»). Эту работу она выполняла с суровой четкостью, основательностью и была, казалось, незаменимой. Писала мало, но интересно – отдельные статьи по литературе XVII в., о быте для «Очерков», и в конце жизни – о хозяйстве купцов Калмыковых (по их архиву XVII в.). Судьба у нее не удалась, но жизнь прожила она достойно. У нас с ней отношения то рвались, то были хорошими. Всю жизнь она сохраняла веру в достоинство русской науки и в ее незыблемые основы.

«Партийную прослойку» в секторе Института на первых порах в 1943 г. и позже представляла одна Пелагея Кузьминишна Алефиренко. Партийная струя Института сформирована была из старых участников революционного движения, Гражданской войны, коллективизации и пр. События 1927 г. очистили ее от псевдотеоретиков (типа Зайделя, Пионтковского и т.п.) и от энтузиастов Комакадемии. Остались люди немудрящие (типа Шаровой, Зрячкина), но и те были в «ведущих секторах». Они были люди искренние, порядочные, хотя и недалекие. Что-то от этого было и у Кузьминишны. Человек недалекий, вкусивший дым пороха во время баталий за правую веру, она добросовестно стремилась воспитать «в духе» преданности кадры стариков, оказывая им должное уважение (так сказать, осуществляя линию на использование старых специалистов). Мне она казалась недоброй, с известной долей житейского и схоластического рассудка. Впрочем, благожелательная к людям и законопослушная Екатерина Николаевна была к ней куда более снисходительна. Занималась Пелагея классовой борьбой XVIII в., что соответствовало ее вкусам.

Таковы были основные представители того островка науки, который незыблемо сохранялся в океане бушевавших вокруг него страстей. В университетах процесс погружения в омут подобных архипелагов шел значительно быстрее. Еще бы! Для воспитания этих извечных смутьянов («молодежь – барометр революции», – говорил Лев) у преподавателей должны были быть совсем иные качества, чем ученость, которая сама по себе является чумою. Ученые монахи в средневековые столетия сидели по своим монашеским кельям в отрыве от Жизни с ее сиюминутными проблемами. Так было и много столетий позднее. Конечно, и в университете бывали исключения. Создавались у «сильных мира сего» даже школы (Тихомирова, Нечкиной, Сидорова, Арциховского). Но, как правило, преподаватели (рядовые) были невеждами, демагогами, бездельниками, морально отвратительными людьми.

И это, конечно, надо иметь в виду, когда размышляешь над судьбами и составом следующего поколения ученых Сектора, к которому принадлежали, мы, грешные, и молодежь, вошедшая в науку уже в конце 40-х годов.

На протяжении долгих лет существования в Сектор вливались сотрудники из различных расформированных подразделений (структурных единиц). Кое-кто уходил и в другие сектора. Так, с выделением сектора источниковедения туда ушли петровцы, Новосельский, Пушкарев, Насонов. Путешествовали и Ася, и я, и Павленко в сектора по написанию многотомной истории СССР и всемирной истории (Павленко). Казаков из сектора военной истории попал к нам, а потом оказался в секторе XIX в. (при Волобуеве). Зато Дружинина «зацепилась» (по дружбе со Львом) у нас, хотя занимается первой половиной XIX в. Из сектора религии попали к нам при его ликвидации Клибанов и на некоторое время Корецкий, сбежавший в летописную группу. Павленко при Волобуеве возглавил сектор источниковедения (по дружбе!), а потом его сняли. Он плюнул («мне противно их морды видеть») и ушел в пед. институт.

С остатками военного сектора попал в наш сектор Л.Г. Бескровный, сразу же занявший место одного из руководителей феодалов. Историк он никакой. Казак по происхождению, он во время войны преподавал в Военной академии. Тогда издал (или накануне войны) военно-исторический атлас, поэтому стал считаться спецом по исторической географии. Человек Любомир Григорьевич дремучий, пишет много и все задней ногой. Наиздавали под его редакцией архивы множество «Кутузовых», «Суворовых» и других сборников военных документов. Он же пасся вокруг войны 1812 г., затем издал военное источниковедение, армию в XVIII в., затем армию в XIX в. Человек в общем покладистый, мягенький (обхаживал начальство, Тихомирова особенно). Потом он стал председателем ученого совета нашего досоветского отдела и зав. сектором исторической географии. Задачей сектора было издание атласа. Но ничего, конечно, не сделано. Карты вообще считаются военным объектом и находятся под [бдительным контролем органов].

*[134]Самый талантливый и своеобразный историк в секторе Александр Ильич Клибанов родился в 1910 г. в интеллигентной петербургской семье. Его кузен Михаил Горлин стал в Париже[135] очень интересным славистом (учеником Мазона), но погиб в годы нацизма в концентрационном лагере.

---

[134] *Текст об А.И. Клибанове, *выделенный звездочками*, имеет собственную нумерацию – 2, 3 (первая страничка не имеет номера). Поправки в тексте носят характер авторских (это и вставки, отмеченные выше, и многочисленные исправления стилистического характера). С другой стороны, качество самой печати выше обычной перепечатки А.А. Зимина. Все это – вместе взятое и внутренне противоречивое – не позволяет быть уверенными относительно времени создания текста. Указание на 5 лет скорее свидетельствует о принадлежности его к третьей редакции. Но в связи с ее недоступностью для составителя вопрос о времени создания текста об А.И. Клибанове остается открытым. Условно и помещение рассматриваемого фрагмента в предложенный составителем контекст. Не исключено, что автор поместил бы его гораздо раньше, например причислив к подвижникам...*

[135] *После этого забитые дефисом три буквы*: еле.

А.И. Клибанов уже в юные годы был захвачен романтикой тех лет – созидания нового мира. Его учитель[136] – видный этнограф Маторин (позднее его жизнь трагически оборвалась). Уже в 1930 г. Александр Ильич выпустил две небольшие книжки о сектантах, в частности о меннонитах. Эта (сектантская) тематика стала важнейшей в дальнейшей жизни Клибанова. В 1934 г. Клибанов был несправедливо обвинен «в подготовке террористического акта» и отправился на Север. К началу войны он уже преподает в Красноярском педагогическом институте. Тогда же выходит его патриотическая[137] статья в «Историческом журнале» о боевых порядках славян. В местном архиве он находит интереснейшую переписку декабристов, готовит ее к печати, но позднее без ссылки на него письма издает И.С. Зильберштейн.

Затем переезд в Москву и работа в Музее истории религии и атеизма под руководством В.Д. Бонч-Бруевича, сумевшего оценить и полюбить этого незаурядного историка и широкой доброй души человека. Александр Ильич на всю жизнь сохранил чувство любви к этому необыкновенному[138] человеку (потом издавал его избранные труды, написал биографический очерк). С присущим ему размахом Александр Ильич начал изучение «ереси жидовствующих», как крупного культурного явления XV – начала XVI в. К работе было привлечено несколько человек (в том числе старик Н.Н. Ильин, И.В. Ледовская, В.Н. Лазаревич и др.) И обращение к архивам и постановка вопроса не могли не[139] подкупить оригинальностью. Вскрыты были новые пласты источников (такие неожиданные, как глоссы еретиков на полях книг). Само рассмотрение ереси, как реформационного движения, в ее различных аспектах (самовластие человека, приятие жизни, античное наследие) сразу же показало, что в лице А.И. Клибанова перед нами новое явление в науке, равновеликое Павлову-Сильванскому в историографии феодализма. Для роста Клибанова как историка русской общественной мысли большую роль сыграла его дружба этих лет с Н.П. Сидоровым, замечательным толстовского типа стариком, божьею милостью учителем, влюбленным в Древнюю Русь (преподавал в МГПИ).

Но работа и на этот раз оборвалась в связи с событиями 1949 г. Донос на Александра Ильича, как на агента патриарха Сергия, роли даже не играл. «Не досидели в первый раз», – вот была откровенная реплика следователя. Трудные годы скрашивались тем, что его как «докторанта» сделали фельдшером. Письма Бонч-Бруевича в инстанции не помогали[140]. В 1955 г. Александр Ильич вернулся к нормальной жизни. Работал у Бонча в Музее, затем у него же в секторе религии и атеизма, а после

---

[136] *Мягкий знак напечатан поверх* е, *за которым следовала буква* м *и забитое дефисом слово* был.

[137] *Впечатано над строкой.*

[138] *Замена слова сделана составителем. В оригинале еще раз* незаурядному.

[139] *Далее забитое дефисом* пленит.

[140] *Впечатано над строкой.*

его ликвидации – у Черепнина. К этому периоду жизни А.И. Клибанова относятся его крупнейшие творческие достижения. Это прежде всего глубочайшая по мыслям и фундаментальная по источниковой базе «Русские реформационные движения XIV – первой половины XVI вв.» (докторская диссертация, 1960 г.). Затем вышли еще четыре книги – по истории сектантства XIX в., затем – советского периода, потом популярная книга (обобщающая) о сектантстве и, наконец, книга дневник-воспоминания о встречах с сектантами. Человек огромного жизнелюбия (и преклонения перед женской красотой), А.И. Клибанов сумел стать прекрасным организатором и воспитателем целого ряда историков-атеист[ов?] (среди них Митрохин, моя ученица Г.С. Лялина и многие другие). Он организовал научные экспедиции в Тамбовскую, Воронежскую области к сектантам и по существу является первым, кто занялся научным изучением современного состояния сектантства. Поэтому он пользуется большим уважением на самом Верху, где считаются с его рекомендациями.

Сейчас А.И. Клибанов завершил огромную (60 п.л.) книгу о социальной утопии на Руси XV–XIX вв. Это широчайшее полотно, посвященное крестьянской мечте на протяжении многих столетий.

Мы с Александром Ильичем сблизились после его второй командировки. Жили рядом (после переезда в 1960 г. в ДНР[141]). Он и его супруга Наталья Владимировна Ельцина (доктор наук, работала у Блохина в раковом институте) были у нас частыми гостями. Глубоко поэтичная натура и гуманизм Александра Ильича мне всегда были близки по духу, хотя в отношении к жизни кое-что нас и разделяло. В тяжелую минуту «Слова» Александр Ильич был одним из тех, кто безоговорочно поддержал меня. Его выступление с анализом религиозной струи в «Слове» было и интересно, и, как всегда у Александра Ильича, полно неожиданных откровений. Александр Ильич блистательный оратор, хотя его манера (в ней есть что-то от баптистского краснословия) не на всех производит одинаковое впечатление. Глубоко интеллигентный человек, он все время находится в мире красоты, поэзии. У него собрано несколько интересных картин времен «Мира искусства». Он с супругой бывают на концертах, в обществе людей, сопричастных утонченной культуре.

Последние пять лет наши[142] отношения подернулись дымкой тумана, порожденного каким-то недопониманием жизненного пути каждого из нас. Но все это, конечно, пустяки (в них виноват прежде всего я, а точнее, моя болезнь, заставившая меня залезть в свою берлогу и сосать в одиночестве свою израненную лапу).*

«Кадры» в Институт пополнялись в основном тремя путями. Основной – блат. Пользуясь своим влиянием, старикам удавалось протащить в сектора некоторых из своих учеников. Конечно, анкетные

[141] *ДНР – Дом научных работников, кооператив АН СССР на ул. Дм. Ульянова в Москве.*

[142] *Первоначальный вариант*: в наших.

данные играли роль и в этом случае (членство в партии и комсомоле, соц[иальное]. происхождение, судьба родителей и родичей и т.п.). Разновидностью блата были телефонные звонки «сверху» с предложением устроить родичей влиятельных лиц. Так, Индова – жена деятеля из аппарата Молотова, Дружинина – из МВД (это учреждение пользовалось особым кредитом). В Институте работали дочери Молотова, Первухина, позднее Бухарина, Суслова, историков – Удальцова, Жилина, Сивкова, Тельпуховского, Кана и т.д.

Второй путь – по анкетным данным. Но этот путь сам по себе не существовал.

3. По аспирантуре (комбинация двух первых случаев). «По науке» в Институт, как правило, не брали, если не было дополнительных данных. Случай с Толей Новосельцевым, приехавшим из провинции и попавшим в Институт из-за исключительных языковых способностей, – не характерен.

Словом, слагались условия для превращения Института в корпоративный, элитарный. Но поскольку еще не было изжито влияние стариков, то этот процесс не был завершен. Ученые прорывались, особенно в периоды потепления (1942–1946 и 1956–1958). Теперь же положение осложняется и дополнительными (формальными) данными (прописка в Москве и т.п.). После войны очень трудно было с пятым пунктом. Но все же эти трудности преодолевались. Сейчас же это почти безнадежное дело. Любопытно, что в нашем секторе, где глава Черепнин с его супругой (неарийской), и то никого не приняли с пунктом (кроме Шерстобитовой, Клибанов переведен из другого сектора). И это лет за 30! Не взяли Левину, Кобрина, Шутого, Алешковского и др. Не удалось в сектор историографии взять Эйдельмана, несмотря на ходатайство Нечкиной и Волобуева. Павленко не смог взять Добрушкина, несмотря на то, что я готов был в благодарность за это перейти к нему в сектор. Кадрами распоряжается не только директор и зав. отделом, но в ряде случаев и вышестоящие организации, ибо «кадры решают все» (Сталин).

Но прием – одна сторона борьбы за кадры. Система сокращений зарплаты (и сокращения сотрудников) – также важный рычаг. Правда, он связан с профсоюзами, регулировка идет за счет главным образом пожилого возраста. На смену Кушевой приходит Синицына или Румянцева. Но все же. Прямых отчислений по иным причинам бывает мало. Так, вылетел Якир, когда разделили институты (его не оказалось в Институте истории СССР).

Но обработка и отбор кадров начинается не при зачислении в штаты Института, а еще тогда, когда происходит прием в университеты. И мало того после окончания высшего учебного заведения надо добиться распределения в нужное для тебя учреждение (в аспирантуру прием очень мал). В Архивном в последнее время вообще не дают держать экзамен тем, кто не угоден по тем или иным причинам начальству (так было с моим зятем и рядом других учеников). Без направления в аспирантуру

к экзамену не допускают (тех, кто не отслужил положенные три года). Кроме всего этого, существуют средства морального и материального давления (в самом деле, кому нужны древники? Можно ли им устроиться?). Словом, если когда-то (в 40-х гг.) начальству приходилось регулировать поток юношей и девиц, стремившихся к познанию феодальной России, то теперь картина другая. Не идут в древность ребята – и работешка трудная, и профиту маловато. Поток устремился в современность. Народ стал практичнее. Конечно, Дон-Кихоты остаются, но середняк стал уже не тот.

В результате «благополучного» более чем двадцатилетнего царствования Льва сектор из наиболее сильного в Институте превратился в общем-то в зауряд-ведомство. Соответствующий сектор у Носова теперь стал сильнее нашего. Как же пополнялся состав нашего зверинца? Пользуясь правом-привилегией, Лев усиленно пополнял науку своими питомцами. Не всегда, впрочем, успешно и по его понятиям. Так его любимчик Корецкий в благодарность за благодеяния удрал от него в сектор Рыбакова (все же академик, а Лев тогда был только доктором. Благодарность не была качеством, которое старался привить своим ученикам Лев. В секторе источниковедения в конце концов оказался и другой ученик Льва, души не чаявший в нем ранее, Филипп Грекул. Ранее Лев баловался с этим дитем природы, создавая из его бумажного хаоса то кандидатскую, а затем и докторскую. Филипп Верный, в свою очередь, помог (не думая об этом) стать Льву специалистом по Молдавии и отцом-покровителем молдавских историков (которые, кстати, ненавидели немудрящего, но выбившегося в люди и покинувшего родной край Филиппа). Затем Лев как бы походя отряхнул прах со своих ног, отбросил Филиппа в сторону. А что произошло? Да ничего особенного. Филипп написал, как всегда, плохой раздел, на этот раз для «Истории Румынии». Шушарин его разнес. Надо было писать за Филиппа. Лев плюнул и поручил дело Шушарину (позднее оказалось, что Шушарин написал в «провенгерском» духе, выгнали и его, поручив раздел молдаванам). Филипп обиделся… Теперь он (доктор наук!) сверяет летописи у Буганова, сверяет том молдавских летописей. И т.п.

Не повезло Льву и с любимой ученицей – Люсей Авдуевской (Даниловой). Когда-то талантливая, подающая надежды. Бросив в университете Тихомирова, она подалась ко Льву. В этом сказалась и любовь Люси к статистике. Человек сильного логического ума, истеричка (О, эти Жанны д'Арк), она никого вокруг себя никогда не видела, находясь в плену своих абстракций. Некоторое время жила у Голубцовых. Дружила с несчастной горбатенькой ученицей Грекова Ирой Перельман и по зову сердца написала или подписала бумагу, что она-де верит в бога, а сама коммунистка (Люси не член партии). Та возьми да и бросься с 8-го этажа насмерть.

Люси вышла замуж за талантливого, спокойного и честного Виктора Петровича Данилова. Он на нее оказал самое благотворное влияние,

хотя ее заносчивую рыбью (холодную) природу переделать не мог. После 56-го Люси оказалась в первых рядах «ревизионистов».Она стала заниматься «историографически-философскими» штудиями о возникновении феодализма глобально и в России, крутясь вокруг Гефтера и его гвардии. Все это получалось похоже на схоластический бред, преподносимый под видом «чистого марксизма». С наукой она практически завязала, а находиться в положении гонимой (страдалицей за правую веру) стало для нее наслаждением (садистическим). Лев стал из любимого учителя казаться ей главным душителем науки. Язык ее стал болтаться как язычок колокола в пустыне. Царь зверей, конечно, бесился. Так из человека, несомненно талантливого, ничего не получилось. Конечно, все здесь было в самом нутре этой в высшей степени психованной дамы. В сектор попали и ученики Льва младшей формации – холодные честолюбцы Синицына, Назаров (о них позже), а позднее истеричка, глуповатая Румянцева, влюбленная в своего Аввакума. И только один ученик так и не стал сотрудником сектора, хотя и кончил в нем аспирантуру. Это Вадим Борисов. Умные, добрые глаза разночинца XIX в. Занимался церковью при Киприане. И вдруг оказалось, что был близок к Писателю. И все. В ведомстве отказался состоять. Начались мытарства. И никто не помог. Все сделали вид, что ничего не произошло. Был человек в секторе – и нет его. А Вадим начал размышлять о судьбах России, об истории (см. сборник, вышедший в Париже). Что-то ждет его в жизни?

В какой-то мере ученицей Льва была Т.С. Майкова, перешедшая из Архивного (где она была лаборанткой) к нам сначала на должность технического сотрудника (вела «Очерки»), затем стала работать у петровцев. Танечка – глубоко несчастный человек. Рано выскочила замуж (как и все в ее семействе известного купеческого рода). Крайне нервный человек, с обостренным чувством обидчивости, она почти ни с кем не общается. Мы с ней были добрыми друзьями, но как-то я ее назвал «душечкой» (повторила суждения Преображенского) – и все. Навсегда. Умница, злюка, волевая.

Второй пласт сектора – устюговцы. Уже Танечка в добрых отношениях была с Николаем Владимировичем (Лев не оценил ее преданность). Поскольку ничто не смущало покой Льва, он довольно безразлично относился к тому, что Николай Владимирович подсовывал ему своих учеников (а также Алексея Андреевича). В результате сонмище лаптеведов – Троицкий, Тихонов, Преображенский, Булыгин, а затем и ученик Преображенского Никитин и из Архивного другой ученик, Санин. Только один Павленко нарушал эту серую массу лаптеведов. Да и вообще-то в секторских делах Лев старался не проявлять никакой самостоятельности, вручив бразды правления партгруппе, а практически Пашуте и Индовой, отчасти позднее Преображенскому и Троицкому.

Лучшая часть сотрудников в Сектор попала не по воле Льва, а в значительной мере по случайным причинам. Так, Клибанов перешел после расформирования сектора религии и атеизма. Каштанов стал

сотрудником после ликвидации сектора источниковедения. Ася попала в сектор, т.к. была ученицей Тихомирова. Моих учеников Лев не брал. Была ли тут линия? Неосознанная, они просто не имели пробивной силы. В сектор попала Бычкова (после ликвидации сектора источниковедения) и Колычева (последняя сама по себе неведомыми мне путями из лаборанток Архивного). Щапов же сразу же примкнул к Пашуте и стал его оруженосцем. В момент же поступления в Члены (еще до 63-го года) он вырвался с «принципиальной» критикой моей и Преображенского статьи по историографии 1917–35 гг. для «Очерков историографии», стремясь показать свою методологическую подкованность (сам-то он архивист из ОРГБЛ), профессорский сынок, педант – с неметчиной у предков). Не удалось – оказалось все смешным. Никто его не поддержал. Но текстик-то его замечаний у меня остался – на память.

Несколько человек пробились самостоятельно. Бескровный и Клокман после ликвидации военного сектора. Индова и Яковлева – по блату (Прасковья Тихоновна из Академии общественных наук – дуреха, которая умудрилась издать кандидатскую по русско-китайским отношениям и потом была отчислена за неспособностью). А.И. Баранович перебрался из Киева благодаря Е.И. Кондрашовой (на которой он и женился уже 60-летним старцем). Никифоров бежал из Архивного после того, как был там снят с ректоров (протекция Индовой). Неясными путями попал Некрасов.

Вот, кажется, и все. В результате холодного безразличия и полного подчинения начальству Лев никогда не бился за людей, за то, чтоб кадры историков были достойными продолжателями стариков. На все наплевать. Получилось, что в его собственном секторе укреплялись постепенно позиции его злейшего врага Рыбакова, к которому после смерти Н.В. примкнули все устюговцы, и Катенька, и петровцы. Одним из фальшивых козырей Рыбакова было лживое обвинение Льва в «плагиате»: якобы он списал у Н.В. У[стюгова]. метрологию, когда последний был на фронте. Это дикая чушь. Общим было только: дважды два – четыре. Все остальное иное (кстати, основанное на архиве, Н.В. позднее издал в «Исторических записках»). Но клевета есть клевета. Сам Н.В. относился к этому легко, подсмеивался над Львом. Он и А.А. Н[овосельский]. не любили фантазеров и социологов типа Льва-Пашуто. Но и только. Но какой-то привкус у него оставался («я сражался, а тот печатал»)[143].

---

[143] *К глубокому сожалению, полностью принять версию А.А. Зимина невозможно. В отношениях Н.В.У. и Л.В.Ч. чувствовалась некоторая неясность и напряженность. Первый вел себя как хозяин положения, а второй как бы стоял на задних лапках (особенно это было заметно во время заседаний, когда Черепнин сидел, заискивающе смотрел на Устюгова, который его нравоучительно поучал, безбожно обращаясь к нему на «ты»). Кроме того, несколько странная история произошла и с наследием специалиста по XVII в. И.А. Макарова. Две его статьи, прижизненно сданные в «Исторические записки», после его загадочной смерти в середине 30-х годов (он, по-видимому, начал страдать манией преследования, а*

Еще один момент. Сектор все более становится партийным. Вне рядов остаются мамонты (А.И. К[либанов], по причине сложной биографии, АЛ. Х[орошкевич], С.М. К[аштанов], А.А. З[имин]). Неясно, почему беспартийный Некрасов. Некрасов говорит, что вступит после защиты кандидатской (а то неудобно). Вне рядов ревизионистка Данилова, Бычкова и пока еще Колычева. Чтобы быть «вне», теперь нужны причины типа «вздорность» АЛХ, биография АИК, «приветная ученость» СМК.

О двух членах сектора нужно сказать особо.

Прежде всего о ведьме нашего сектора – Екатерине Иосифовне Индовой. Нет, от средневековья у ней Вы многого не найдете. Нет у ней дикого взора, выкриков, да и помела тоже. Ведьма-модерн. Волосы – аккуратно подстриженный барашек (под мальчика) и к тому же выкрашенный в ярко-блондинистый цвет. Нос отнюдь не крючком, миниатюрно остренький. Манеры вкрадчивые, задушевные. Вполне кукольное создание. И в то же время – истинная ведьма, место которой в родном ей Полесии. В ней все подрумяненное, чтоб скрыть истинную натуру. Ее поэтический порыв к звездам (тьфу, оговорился, в царство Вельзевула) лжив, как и каждое слово, которое она произносит. Она понимает, что может царить в этом мире, только пользуясь своей связью с нечистой силой, петляя и интригуя. Однажды она сделала ставку на простого, хорошего парня, опутав которого, она причастилась к сонму служителей Культа (членом которого он был). Только расчет. Затем у нее появились запоздалые поиски женского счастья, а ее муж стремился найти забвение также на стороне. Их совместная жизнь стала «братством по оружию», видимостью семейного благополучия. Работа для Катеньки сделалась приютом, в котором она нашла себе иллюзию счастья, его эрзац. Без всякого труда перебралась она из Музея Древности в Храм Науки, где воцарилась при дворе Льва I. Стала ядром его мозгового центра, членом теневого кабинета, четко прислушиваясь к голосам сверху. Она многолика, как и подобает ведьме. С Сектантоборцем и Владиленой она плачется на юдофобов, намекая, что у нее была какая-то бабка еврейка. Все время на грани прямой провокации. С лаптеведами она громит тех, кто умаляет степень благоденствия народа Святой Руси или осмеливается сказать что-то доброе об инородцах Империи. С Николой она плачется, что ей житья нет от лаптеведов. Мне она жалуется на коварство Николы, на черствость Льва и говорит, что ее муж (мементо!) считает меня уж таким-то растаким историком в отличие от других. Только недавно отстала от меня, перестав быть зазывалой. Везде ей чудятся коварство, интриги, которыми занята она сама по преимуществу. Истерические припадки женщины, которая хочет казаться хорошей и не может (природа!) ...Бедная, несчастная ведьмочка. Не дай Бог попасться ей в милость!

погиб, утонув в пруду) вышли под фамилией Л.В. Черепнина. Его дочь, в будущем археолог и отчасти искусствовед, в 1950 г. при деканстве Рыбакова попала неведомыми путями прямо на второй курс истфака МГУ. Она-то и рассказывала об этой семейной трагедии.

Долгое время бардом-летописцем нашего сектора был Лев Никитич Пушкарев, который в своих скоморошинах воспевал и славил мир зверей при добром Льве. Теперь его лавры не дают покоя Клибанову и Каштанчику. Лев II по образованию филолог. Кончил Пединститут (защитил диссертацию о Еруслане у В.Д. Кузьминой) и попал в группу Яковлева, где издавал Таможенные книги, Воссоединение и пр. Затем пошел в сектор к Новосельскому. Энергичный деятель на общественной стезе, как исследователь Лев II был никаким, бытописателем, и только. Историком он стал случайно. Он (как и Е.П. Подъяпольская, Т.С. Майкова и Н.И. Казаков) – автор многочисленных баллад, былин, эпиграмм и пр. сочинений из жизни Сектора. Вечно как бы на эстраде, он и в своем характере сохранил что-то от древнерусского балагура-скомороха (но вместе с тем не так уж и добренького, «себе на уме», из той среды городской, о которой писал Островский). И надо же, чтоб его первая книга была о теории источниковедения! Его, которому теория абсолютно противопоказана. Но говорить громкозвучные слова все-таки проще, чем корпеть над списанием этих, будь они неладны, хронографов. И вот Левушка стал теоретиком, написал банальную и пустозвонную книгу о классификации. Потом пришел черед и общественной мысли XVII в. Единственно, что в полной мере удалось Льву II – это его статья против подонка Епифанова о Крижаниче (тот в соответствующие годы доказывал, что Крижанич был папским агентом, вроде как шпион – Тито. Лев после 1956 г. стал на некоторое время храбрым и защитил от наветов этого незаурядного славянского мыслителя). Пушкаревы – одна из внутриинститутских семей. Его жох-женушка Ирина Расчетнова, первая жена Бромлея, как нельзя [лучше] подходит ко Льву II империалистка, крутится около начальства, а так дурища-дурищей, все того же кулацкого склада натуры.

Несколько слов об Асе Хорошкевич. Один из самых добрых моих друзей. Одна из немногих оставшихся в Секторе осколков старой русской интеллигенции... Итак, с юных лет Асе пришлось бороться за жизнь, строжайше экономя на всем – еде, удовольствиях и т.п, работая на участке, на что уже не хватает сил. А теперь – и больная мама, и слабенький сын, и безалаберный супруг. И впридачу еще и «Запорожец», который она достала ценой огромных лишений, но без которого на дачу с матерью не выедешь... Дача с давних пор и участок, работать на котором сил нет, только осложняют жизнь, хотя дают глоток свежего воздуха.

Ася – ученица Тихомирова. И тема (город и торговля Новгорода XIV–XV вв.) тихомировская и одновременно Асина. С одной стороны вольнолюбивая, а с другой – скопидомная. Ее первая книга показала ту необычную европейскую широту, которая и не снилась ее учителю (наследие многовековой культуры, на которой выросла Ася). Торговля Новгорода исследована не сама по себе, а на фоне развития ремесла в Европе и в самой России. Книга фундаментальна, кряжиста и по самой постановке вопроса и собранным – бережно и любовно – материалам.

Затем любовно и скопидомно собранные и тщательно обработанные полоцкие грамоты XIV–XV вв. Это один из последних корпусов средневековых актов по истории Руси и первый в историографии систематический корпус актов Западной России. В итоге работы над актами – докторская о Полоцкой земле, написанная, не мудрствуя лукаво (ох, как нужно было бы мне этих самых теоретических фокусов...). Работа раскрывает реальный мир с таким же проникновением в действительную жизнь, какой присущ очень немногим (в духе С.Б. Веселовского). Цитаточки и словесность – это же волчья шкура для нас, овечек (зубастых) современной исторической науки. Свирепый труд, увлеченность и честность исследователя, для которого прежде всего радость познания истины. Да, спешка. Да, неряшливость. Да, недодуманность. Но если бы была хоть чуточка времени... Увы...

У Аси много подруг и коллег. Не скажу, чтоб все они вызывали у меня чувства добрые. Но так тягостно одиночество, так хочется быть с людьми, что Ася, зная цену многим подругам, закрывает на все глаза. Бес поддразнивания, правда, досаждает благонамеренное секторское кружение. Но что поделаешь, побороть свои страсти трудно...

Волевой человек, Ася часто вызывает противоречивые чувства у ее девиц. И зависть, и восхищение одновременно: «У ней несносный характер» (и правда, налет истерии есть), «настырна», «все себе» и прочие сентенции звучат в бабьих пересудах. Бедные, милые подружки, многое просто не может уложиться в Ваши головы! Пока бьется сердце, Ася будет выполнять по мере сил свой жизненный долг, останется достойной дочерью цивилизации мечтателей.

* * *

Несколько историков среднего поколения поступило в сектор после меня и – увы – уже отошло в царство теней. Эпохи они не сделали, но некоторые из них были фигурами колоритными.

Довоенная биография Алексея Ивановича Барановича (1892–1961) мне неизвестна. Университет он кончил в Петрограде, а работал на Украине. Историческая наука развивалась там в сложнейших условиях (нельзя забывать, что крупнейший украинский историк М. Грушевский был председателем Центральной Рады). Под прикрытием жупела борьбы с национализмом происходила расправа со многими честными учеными. Один из видных украинских ученых, Оглоблин, стал коллаборационистом в годы фашистской оккупации и бежал с ними за рубеж. Словом, картина удручающая. Какое место «тишайший» Алексей Иванович занимал во всей этой истории, мне неизвестно. В1946 г. он защитил кандидатскую диссертацию и под старость лет женился (во второй раз) на нашей аспирантской маме Елене Иосифовне Кондрашовой (дело было уже к 50-м годам). Брак был явно деловым соглашением двух уставших от земной суеты людей. Елена Иосифовна переживала возраст, который нельзя было назвать даже второй молодостью, а Алексею Ивановичу нужна была позарез спокойная пристань и к тому

же Москва. В 1951 г. он защитил докторскую диссертацию. Занимался он украинской экономикой XVII–XVIII вв. (магнатским городом, экономическими предпосылками присоединения Украины к России и т.п.[144]). Внешне он производил жуткое впечатление: черный, мрачный, согнутый, медленно и не вполне правильно говоривший (писал он и того хуже, хотя и набивал свои труды требухой фактов основательно). Алексей Иванович в секторе в период «Очерков» ведал в разных томах Украиной. Он упорно блюл интересы русского народа и воевал с киевскими националистами.

Иной характер был у А.И. Андрущенко (1906–1967). Он окончил Московский Городской Пединститут в 1939 г. Воевал, был тяжело ранен. После войны работал в Институте международных отношений. В1947 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему о русском флоте в Архипелаге (1769–1774). С 1957 г. неведомыми судьбами оказался в Институте истории. После этого сумел только защитить посредственную докторскую диссертацию о Пугачевском восстании (1967), которая в виде книги была издана посмертно. Был говорливым и глупым человеком с фанаберией.

Прасковья Тихоновна Яковлева (р. в 1914 г.) – не знаю, жива ли она сейчас или нет. «Спущена» она была в Институт сверху (кажется, защищала кандидатскую в ВПШ) в 1953 г. Всю жизнь занималась актуальной на заре ее научной деятельности темой – первым русско-китайским договором 1689 г. (книгу издала в 1958 г.). Была явно «с приветом», мнительная, настороженная, самоуглубленная. Но это даже не столь было бы для ее сотоварищей опасно. Гораздо важнее, что ее все побаивались, чуя ее большие возможности по части разнообразных неожиданностей и неприятностей. «Прасковья» кое-чем руководила, но в силу абсолютной дремучести не пригодна была даже к этому. В конце концов Льву удалось спихнуть ее к Любомиру в сектор (границы!), а тот постарался в 1970 г. отправить ее на пенсию.

Михаил Михайлович Штранге (1907–1968) – человек дворянского происхождения. Кругленький, лысоватый, с мягкой улыбочкой добродушия. Биография его полна приключениями в стиле Зорге. Он был отправлен когда-то в 20-ые годы во Францию или в Швейцарию. Ах, кто знает, зачем? Во всяком случае, в годы войны участвовал во французском движении сопротивления, и после было ему разрешено вернуться на родину[145]. Сначала он служил в скромной должности библиографа

---

[144] *Баранович А.И. Украина накануне освободительной войны середины XVII в.: Социально-экономические предпосылки войны». М., 1959; Швидько А.К. Вопросы социально-экономического развития Правобережной Украины XVI–XVIII вв. в трудах А.И. Барановича // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976.*

[145] *Штранге Михаил Михайлович (30 сентября 1907, Казань – 1968, СССР). Литератор, историк. В эмиграции во Франции с 1923, преимущественно жил в замке д'Арсин (деп. Верхняя Савойя), которым владели его родители. Окончил Collège de Bonneville (деп. Верхняя Савойя) (1928). Получил диплом конструкто-*

в ФБОН. В 1951 г. защитил под сенью П.К. Алефиренко (Кузьминишны) кандидатскую диссертацию о русско-французских отношениях в период Великой Французской революции, издал книгу в 1956 г., затем в 1965 г. издал докторскую о демократической интеллигенции XVIII в. В Институте истории он работал с 1955 г. Штранге был «министром иностранных дел» сектора и Института. Несколько лет работал в Советском комитете историков (при Губере), как будто за границей после войны не бывал. У нас с добрейшим, добродушнейшим Михаилом Михайловичем были открытые, ясные и незамутненные повседневностью отношения. Умер он холостяком. История его любви – особая страница, не связанная с наукой.

Работали в нашем секторе и две специалистки по внешней политике Петра Первого – Софья Ароновна Фейгина (р. 1897 г.) и с 1946 по 1957 г. Татьяна Корнильевна Крылова. Первая защитила докторскую об Аландском конгрессе (книга 1951 г.). После того, как обеих перевели на пенсию, Софья Ароновна работала над зарубежной библиографией по истории России в ФБОН, а Татьяна Корнильевна как будто нигде больше не служила, изредка появляясь у нас на заседаниях. Софья Ароновна очень образованная, умная женщина, научившаяся многому у А.И. Андреева. Татьяна Корнильевна вечно надутая, с какой-то обиженностью на всех, хотя данных у ней для научной деятельности в общем-то не так много.

ДЕЛА И ДНИ ФЕОДАЛОВ

Основным занятием сектора в первые два десятилетия моего пребывания в нем было создание всякого рода многотомников. Сначала они планировались в виде сцепления крупных блоков, написанных видными учеными (кадров было маловато). Так, т. I «Истории Москвы» (1952 г.) писали Арциховский, Базилевич, Бахрушин и Тихомиров (из-

---

ра-кораблестроителя. Одно время работал на кораблестроительном заводе в Антверпене (Бельгия). Учился на математическом (1930), затем на историко-филологическом факультете в Сорбонне (1930-е). Занимался литературным трудом. Был завербован в советскую разведку под именем Мишель Странге. Во время Второй мировой войны участник Сопротивления. Член советской военной миссии во Франции в конце войны, ведал бывшими военнопленными во Франции и репатриацией русских эмигрантов. Получил звание старшего лейтенанта (1944). В 1945–1946 гг. был помощником начальника лагеря «Борегар» (под Парижем). Вернулся в СССР в 1947 г. Занимался историей Франции и России. Автор изданных в Москве монографий: «Русское общество и французская революция 1789–1794 гг.» (1956) и «Демократическая интеллигенция России в XVIII веке» (1965. URL/ Дом-музей Марины Цветаевой).

дание должно было выйти к юбилею – 1947 г.). Но первый вариант застопорился на гранках. Умерли Бахрушин и Базилевич. Нужно было что-то переделывать, усиливать классовые корни, пичкать текст цитатами. В редакцию для XVII в. ввели Устюгова и Новосельского, а для древности – меня. И началось! В «духе и свете» мы истребляли церковность, вводили прописные истины, связывали с общим процессом и т.п. Если ранее т. 1 был скопищем фактов (в духе С.В. Бахрушина), то в результате нашей деятельности он приобрел приличествующий времени лоск, но старая добротная основа сохранилась.

Иначе произошло с многотомной «Историей СССР». Здесь по существу не было текста первого тома (с IX до конца XVI в). Редакторы его Пашуто и Черепнин (Греков – номинально), я – от издательства (с 1953 г.). Конец XV–XVI вв. редактировали Насонов и я. Черепнин – формально (1955). XVII в. – Новосельский и Устюгов и т.п. решили изменить заглавие – я предложил «Очерки» (меньше ответственности). Дело в том еще, что по идее «Очерки» должны были включать и советский период, объемом не меньше предшествующей серии. А пороху, конечно, не хватило. Все издание оборвалось на XVIII в. (Первая половина XIX в. вышла в виде отдельной книги по экономике.)

Для создания громадного феодального восьмитомника нужно было привлечь уйму специалистов. Текст написан был заново. Каждый писал по типу, «кто во что горазд». Адов труд был «выбить» тексты из авторов (особенно по народам – писали, как правило, на местах). Начались бесконечные обсуждения, рецензирования и т.п. Так, в качестве рецензии на первый вариант XVII в. я написал разбор страниц на 150. Новосельский и Устюгов (особенно последний) фактически сами переписали весь том, оставив фамилии первоначальных авторов. Сходная картина была и в Пашуто-Черепнинском томе. В нашем мы грешили меньше. Часто автор ставился перед фактом уже в корректуре, получая текст лишь для визирования. Работа велась в самое «горячее время» (тома без рыбаковских все вышли в 1956 г. и отражали значительно более ранний этап науки). Невозможно представить себе, сколько труда было положено на этот Левиафан исторической науки. Бессмысленность его очевидна. Не подготовленный предшествующей монографической разработкой, многотомник был и слишком громоздок, и слишком поверхностен в одно и то же время. Лишь некоторые разделы основывались на архивах. Но «Очерки» подводили итог науки своего периода. Теперь к ним никто не обращается.

Последующие «коллективные труды» писались уже легче. Для «Всеобщей истории» и «Истории СССР» созданы были уже специальные сектора, ведшие всю редакционную работу (одним руководил Жуков, другим – Фадеев, потом Волобуев).

В коллективных трудах для меня был один привлекательный момент. Дело в том, что в 60-х годах в план монографии ставились только в исключительных случаях и для именитых ученых. Рассчитывать на это

не приходилось. А коллективные труды оставляли для этого лазейку – время. Мне приходилось писать сходные тексты в двух-трех вариантах. Следовательно, оставался резерв времени для посторонних занятий, чем я и пользовался. Отсюда и поиски источников в эти годы в (РО ГБЛ) и издания памятников, а в конце концов и Пересветов.

Второе направление – издание источников. Четыре грандиозных мероприятия с разной судьбой. Два перешли от прошлых времен. Первое – издание летописей. Работа над ПСРЛ прервалась в 1929 г. с разгромом старой науки. Возобновилась в конце 30-х гг. Встал вопрос, как издавать. Старое издание продолжать? Как не так. Все должно быть новое. Приселков готовил план нового издания ПСРЛ. А пока суть да дело, начали издавать отдельные летописи. Занимался Насонов псковскими – и, пожалуйста, в 1941 г. I выпуск ПЛ (второй уже в 1955 г.). Подготовил он и Тверские, но они не вышли, а вот НПЛ вышла в 1950 г. Затем при Андрееве снова стал вопрос, как издавать летописи. Обсуждались и тихомировский, и насоновский планы (как сочетать историю летописания с конкретными летописями, так и осталось неясным). В конце концов плюнули и стали продолжать старое: по мере находок том. Сначала в 1949 г. Тихомиров издал т. 25 со своей находкой свода конца XV в., а затем в 1959 г. он же – Вологодско-Пермскую (ею он занимался еще до войны). Затем под эгидой Насонова тт. 27–28, в которых опубликованы разысканные им или собранные краткие летописи конца XV в. Затем в 1965 г. при моем участии – Летописец начала царства и зачем-то снова конец Никоновской (ранее я отдельно издал Иоасафовскую). Для издания летописей Тихомиров в институте создал спецгруппу, позднее ее возглавил (как и все летописное дело) Рыбаков при приказчике Буганове: никакого плана нет. То Владимирский летописец (найденный Т-вым), то почему-то снова Новг. II, то литовские летописи снова с дополнениями, то молдавские (Улащик и Грекул). Но все равно дело полезное, а порядок? В общем-то черт с ним, лишь бы издавались тома. Увы, после Тихомирова прекратилось ксеровоспроизведение ранних томов.

Второе начинание от давнишних времен – «Письма и бумаги Петра I», возобновленное Андреевым. Беда (хотя и достоинство тоже) этого первоклассного издания, что комментарии делают издание громоздким и срок, когда оно будет завершено, неясен (сейчас дошли до 1713 г., каждый том в полутомах, лежат в издательстве многими годами и наращиваются неопубликованные тома). Коллектив большой (фактически руководит Никифоров, участники – Майкова, Подъяпольская, Никитин, Санин и др.) Состав исполнителей стал текучим (уходит Санин, уехала Ширина).

Третье начинание Грекова – Правда Русская – в основном было подготовлено коллективом до войны. Но тогда вышел только первый том. Его душою был Любимов, участвовал и Тихомиров, защитивший в связи с этим докторскую, а также ленинградцы. Первый том – издание текстов (1940). Второй – комментарии, главным образом Романов (от-

сюда книга «Люди и нравы») и Кочин, третий – фототипии (1963), среди участников – Новосельский, Бакланова, я и другие. Продолжением издания стали капитальные «Судебники XV–XVI вв.» (Черепнин, Романов и Копанев, а также тексты – Мюллер). Дальше начали готовить под началом Андреева «Дополнительные статьи» (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) в Ленинграде. Андреев был за чисто хронологический тип издания (он и был принят), москвичи (и я в том числе) активно боролись за сохранение уставных книг. Издание «похерили», и только в этом году его в общем-то завершили (Носов, Копанев, Маньков, тексты Мюллер). Ленинградцы мечтают также издать Уложение.

Четвертое предприятие, задуманное еще Андреевым, – акты. Еще в 20-е годы он (сначала Лаппо) издал ГКЭ по северу (два тома). Издание основательное, но принцип отбора актов неудачен: в ГКЭ подчас попадали случайные акты, сходные оставались в монастырях. Решили издать все акты до конца XV в. Началось выявление (Гадзяцкий, Глаголева, Андреев по Ленинграду и др.). Затем началась работа по изданию. Я работал в ГБЛ и ГИМ, Черепнин – в ЦГАДА, Андреев – в Ленинграде. Затем все дело, как я уже писал, перешло к Голубцову. Победил пофондовый принцип (исходя из практических соображений)[146], а не сплошной хронологический (Андреев). Три тома Актов вышли в 1952–1964 гг.[147] В Ленинграде в 1949 г. вышли «Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

Ред 2. С. 32–38	**Ред. 3. С. 104–108**
[С. 32] Черепнин отдельно издал митрополичью книгу (АФЗХ, ч. 1, 3), а я, воспользовавшись этим, протащил волоколамские акты (АФЗХ. Ч. 2)	[С. 104] Основную работу ел И.А. Голубцов. В издание не вошла копийная книга актов Московского митрополичьего дома, изданная в 1951–1961 гг. Черепниным отдельно («Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1, 3) и Волоколамские акты XV–XVI вв., которые я, пользуясь «шапкой» издания Черепнина, опубликовал в 1956 г. К сожалению, не были изданы упоминания об актах XIV–XV вв., хотя материалы для этого были собраны.
Встал вопрос об издании актов XVI в. в секторе Новосельского. Основу его составляло, как я писал, собрание троицких	После завершения издания свода актов XV–XVI вв., ставшего фундаментальной основой для трудов по социальной и экономи-

[146] *Ред. 2а/3*: как бы «страховавший» издателей от более или менее значительных пропусков).

[147] Увы, не издали упоминаний об актах XV в. в позднейших актах, а также печатей и образцов почерков.

актов XVI в С.Б. Веселовского. Разгорелись споры о правилах издания. Новосельский, чтоб придать вес изданию, пригласил лингвистов («на стыке наук»), а те настояли на правилах, каких даже для XV в. не было. Сам Новосельский в сути дела не разбирался, а перепоручил все дело дубу Булыгину, который уж был вовсе невеждой.	ческой, а также и политической истории России того времени, встал вопрос о начале подобного же издания актов XVI в. К этой задаче приступил сектор источниковедения под руководством А.А. Новосельского. Так как актов этого времени – неисчерпаемое море, то остановились на грамотах Троице-Сергиева монастыря, в основном подготовленных еще С.Б. Веселовским. Споры разгорелись о передаче текста. Чтобы придать вес изданию («на стыке наук»), Алексей Андреевич пригласил лингвистов.
Главой же языковедов в издании стал Котков, ничтожный подонок, прославившийся тем, что в докторской доказывал происхождение русского языка из курско-орловского диалекта в духе положений т. Сталина. Правила выдуманы были нелепейшие: они ничего не давали историкам, усложняя издание донельзя, не могли удовлетворить и филологов, ибо не все их требования можно было выполнить. Ну в самом деле, каков смысл конечных «ъ», если не передаются паерки? Опыт же показал, что все эти курсивы и скобки абсолютно никем из филологов не используются (с 1950 г. после издания ДДГне вышло ни одной работы с учетом этих особенностей издания). Получилось, что для издания массового источника введены нелепейшие правила.	Но во главе лингвистических публикаций в это время находился С.И. Котков, вполне невежественный человек, открывший за Великим языковедом курско-орловский диалект как основу русского литературного языка. Языковеды изобрели настолько усложненные правила транскрипции, что по сравнению с ними все предшествующие опыты (даже для актов XIV–XVвв.) казались детской забавой. И все равно они оказались «компромиссными», а раз так, то осложняли работу историков и не давали достаточно материала для лингвистов. Ну, в самом деле, каков смысл был в передаче конечных «ъ», когда паерки не передавались? Опыт же издания «Духовных и договорных» и других публикаций показал, что бесконечные курсивы и скобки в работах лингвистов фактически не используются. Получалось, что для издания массового источника изобретаются правила, которые, может быть, пригодятся для одного человека в столетие.
Бессмысленная трата людских средств и сил (а в издании участвовало до десятка человек), начато оно было в 1958 г., и хотя основа	Бессмыслен[С. 105]ная трата людских и денежных средств. Если кому-либо понадобится филологическая точность, то ее может удовлет-

сделана была Веселовским, первый том вышел лишь в 1975 г. и содержал всего акты 1506–1526 гг. Я все время вопил против таких правил. Со мной был Кобрин. Ася и Каштан держались осторожно (все-таки колорит времени). Лев, как всегда, решал вопрос применительно к общественному мнению, чтоб избегать скандала (к тому же сам он издавал «с излишествами», все-таки древность: с 1963 г. после смерти Новосельского он стал главным редактором).	ворить только обращение к архивили фототипическое воспроизведение текстов. Словом, я все время вопил против таких правил издания.. Меня целиком поддерживал В.Б. Кобрин. А.Л. Хорошкевич и С.М. Каштанов держались осторожно – их умиляла возможность видеть издание с «колоритом эпохи» в виде курсивов. Л.В. Черепнин, как всегда, придерживался того мнения, которое разделяла влиятельная часть ученых (в данном случае Новосельский и языковеды). К тому же, ведь он сам издавал «Духовные» с излишествами, а все, что он делал сам, дя него является эталоном.
	Издание началось в 1958 г., и, несмотря на то, что оно было в основном подготовлено еще Веселовским, первый том (1506–1526 гг.) опубликован был только в 1976 г. под заглавием «Акты Русского государства. 1506–1526 гг.» (нелепое название объяснялось тем, что издательство категорически против серийных изданий с томами). В работе над ним участвовали Л.И. Ивина, М.Е. Бычкова, Л.А. Никитина, И.А. Булыгин, В.Д. Назаров, а на ранней стадии и Л.З. Мильготина.
Когда дело перешло ко Льву, он ввел в редколлегию Каштана, а не меня (ему смутьяны не нужны). Тогда через некоторое время хай поднял Сережа, и в общем, махнув рукой, в конце 1974 г. Черепнин ввел в редколлегию меня, несмотря на протест Назарова. Посмотрев комментарий, я убедился, что он написан на прадедовском уровне без последней литературы, и сказал об этом Каштану. Тот, когда Акты уже были в издательстве, проделал титаническую работу и	С 1963 г. после ликвидации сектора источниковедения работу возглавил Л.В. Черепнин. В редакцию он ввел С.М. Каштанова, а тот добился и моего включения в редколлегию. В 1976 г. Черепнин ввел в редакцию В.Д. Назарова. Войдя в состав редколлегии в конце 1974 г., я убедился, что комментарии безнадежно отстали от состояния науки. Сказал об этом С.М. Каштанову, и тот (когда «Акты» уже были в издательстве) проделал титаническую работу над ними (и

по унификации текстов и заголовков, и по определению водяных знаков, дописал комментарии за многих составителей. Все это вызвало бурю возмущения со стороны Булыгина (без его ведома!).	по унификации текстов археографических легенд, и заголовков, и по определению водяных знаков. Дописал комментарий за ряд авторов). Все это вызвало бурю негодования со [С. 106] стороны И.А. Булыгина, который при А.А. Новосельском возглавлял фактически актовую группу. Как же, без его ведома! И все это вместо благодарности.
В крайнем раздражении (вместо благодарности) был и Черепнин. Еще бы: все время Акты были на острие ножа – еще немного, и их бы выкинули из плана издания. К тому же получалось, что сектор сдал неготовую работу. И все обрушил на Каштана, который-то и спас престиж этого издания.	В крайнем раздражении находился и Л.В. Черепнин – ведь промедли еще немного Сережа, и «Акты» выкинули бы из плана издания.
Какова же будет дальнейшая судьба издания дальше, неясно. Пока готовы еще два тома, а конца края не видать (одни троицкие растянутся томов на 20). А в Л-де Носов организует издание «Северных актов XVI в.», рассчитывая тома на три (на деле их будет больше). Издание отдельных томов, сборников и просто памятников сейчас практически свернуто. Все дело в личной инициативе. То Троицкий нашел лучший текст Кириллова, то Индова пробила пугачевские документы ГИМ, то Буганов – свои разрядные, а ранее и я так баловался (Тысячная книга, Книга ключей и др.). Ранее издавался специальный «Исторический архив» (сборники), а потом одноименный журнал, где кое-что печаталось, потом и это кончилось. Несколько томов «Материалов по истории СССР» выпустил Новосельский. Крохи издает Шмидт в Ежегоднике и журнал «Вопросы архивоведения». Издавать практически негде. Только	Какова же будет дальнейшая судьба актов? Работа теплится. Не спеша. Сдано еще два тома. В работе четвертый. «Акты» готовят теперь, кроме прежних участников (Бычкова, Никитина, Назаров), и молодые силы (Н.А. Никитин и наша бывшая машинистка Т.А. Алексинская). Но работа над актами XVI в. не ограничивается этим серийным изданием. В Ленинграде Н.Е. Носов и А.И. Копанев затеяли издание «Северных актов XVI в.». Л.И. Ивина подготовила симоновские акты XVI в. У В.Д. Назарова возник план издать на ротапринте акты Московского Богоявленского, Макарьева Калязинского и Спаса Ефимьева монастырей (есть копийные книги всех этих корпораций). А.Л. Хорошкевич сейчас печатает на ротапринте «Полоцкие грамоты XIV – начала XVI вв.».

вот при Волобуеве решили приспособить для издания ротапринт. Может быть, дело пойдет лучше. Вышли разряды, воспоминания одного купца (Павленко). Собирается там Ася печатать Полоцкие акты, а Маньков – «Хозяйственные книги» в 3 томах (приходо-расходные книги). Поживем-увидим. [С. 34]	
Вообще роль «личной инициативы» в изданиях велика (этой кустарщиной возмущался Андреев). А что делать? Так «Акты» я издал с помощью доброй души Самсонова, которому я помог, редактируя его книгу о церкви и крестьянских движениях. Теперь –увы – и это стало невозможно.	Вообще-то публикация отдельных сборников документов в настоящее время сведена к минимуму. Все дело в личной инициативе (впрочем, так было и раньше). На ротапринте Н.И. Павленко и А.И. Копанев издали мемуары одного купца XVIII в., Ю.А. Лимонов– записки П. Петрея, А.Г. Маньков – ужинно-умолотные книги Волоколамского монастыря («Хозяйственные книги монастырей». Вып. 1–3. М., 1976). Да В.И. Буганов опубликовал одну разрядную книгу типографским способом, две – на ротапринте и готовит трехтомное издание Пространной редакции разрядных книг. Небольшие публикации издаются в журналах и «Археографическом ежегоднике». Это все крохи.
Да что говорить о публикациях? У сектора нет даже своего издания или периодического сборника. Выходят «Византийский временник», «Средние века», Вестник древней истории», ежегодники. У Лихачева – «Труды по др.-р. лит-ре». А вот по отечественной истории нашего периода нет. Правда, большое счастье, что существуют «Исторические записки», но одно издание (два тома в год) на всю отечественную историю – не маловато ли? Грекову и И.У. Будовницу (как ученому секретарю издания, влюбленному в Древнюю Русь, и	Да что говорить о публикациях? В секторе, который изучает историю отечества за много столетий, нет своего печатного органа. [С. 107] Выходят «Византийский временник», «Средние века», «Вестник древней истории», ежегодники. У Лихачева – «Труды по др.-р. лит-ре», а вот у сектора феодализма своего периодического издания нет. Даже В.Т. Пашуто, не успев организовать сектор, сразу же выпустил сборник «Древнейшие государства на территории СССР» (1976).

одновременно человеку с большим журналистским опытом, удалось сохранить высокий научный уровень этого лучшего издания по истории России. Когда оно попало к Сидорову, то «валом повалил» империализм на страницах «Записок». Теперь при Самсонове и Юхте (феодал) выходят тома с элементом феодализма – и только. Ведь нужно, чтоб издание было «актуально». А это значит, что в нем основное место занимал советский период и юбилейные темы (юбилей Отечественной войны 1941 г., Октябрьской революции, Ленина, 1905 г., декабристов и т.п.) [О роли членов редколлегии см. подробнее: «На страницах…». – *Сост.*]

Третье направление работы сектора – история народов. До недавнего времени (пока при Волобуеве не был создан специальный сектор по связи с народами) надзор над историками республик и автономных областей был рассредоточен по секторам. У нас все было ясно: Кавказ – Кушева и Новосельцев, Прибалтика – Бережков, потом – Пашуто, Ср Азия – Аполлова, Сибирь – Бахрушин, Шунков, потом Преображенский, Приволжье – Черепнин, Башкирия – Устюгов, Молдавия – Черепнин, Коми – Устюгов, Зимин, а ранее Бахрушин, Украина – Баранович, теперь Санин, Белоруссия – теперь Индова. Связи с народами были самые широкие. Здесь и участие местных сил в «Очерках». Помогали секторяне в написании местных историй (Коми, Молдавия, Татария, Чувашия и т.п.). Прикреплялись» к сектору местные кадры для защиты диссертаций. Выступали оппонениами по местным диссертациям. Участвовали в

Третье направление работы сектора – история народов. Оно было рождено потребностями времени, задачами идеологического воспитания в духе единства народов нашей страны, борьбой с шовинизмом, а позднее – все более явственно необходимой борьбой с национализмом. До недавнего времени (пока при Волобуеве не был создан специальный сектор «общих проблем истории народов СССР») работа по истории народов (и «координация» работы с местными Академиями, а по существу контроль над ними) была рассредоточена по периодам, по разным секторам. У феодалов все было ясно: Прибалтикой и Литвой занимались сначала – Н.Г. Бережков, затем – В.Т. Пашуто, Украиной – А.И. Баранович, теперь Г.А. Санин, Белоруссией – Е.И. Индова, Сибирью – С.В. Бахрушин, А.И. Андреев, В.И. Шунков, а теперь А.А. Преображенский и Н.И. Никитин, Поволжьем – Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев, Башкирией – Н.В. Устюгов,

местных конференциях. Помощь реальная – это факт. И вместе с тем недреманное око. Не дай-то бог обнаружить «национализм». Ведь «союз нерушимых» все-таки сплотила «Великая Русь», а не какая-нибудь другая держава. [С. 35] В итоге и в секторе появились монографии по истории народов (Кушева – Кавказ, Шунков –Сибирь, Устюгов –Башкирия, Баранович – Украина, Пашуто – Литва, Санин – Украина, Аполлова – Средняя Азия.	Северным Кавказом – Е.Н. Кушева, Севером – А.И. Андреев, Карелией – С.С. Гадзяцкий, КомиАССР – С.В. Бахрушин, Н.В. Устюгов, А.А. Зимин, Кавказом – А.П. Новосельцев, Казахстаном – Н.Г. Аполлова. Все они «курировали», так сказать, местные Академии во всех видах работы. Местные историки привлекались к участию в «Очерках» (наряду с секторянами, которые тоже писали и редактировали разделы по истории народов). Секторяне участвовали в написании местных «Историй» и редактировании (История Молдавии, Очерки Коми, История Узбекистана и т.п.). К сектору «прикреплялись» местные кадры для стажировки, защиты диссертаций. В секторе рецензировались планы работ и продукция местных Академий и филиалов. Сотрудники сектора участвовали в конференциях на местах. Польза [С. 108] историкам от этого была несомненная. И вместе с тем Недреманное Око могло быть спокойно. Его интересы блюлись строго, неукоснительно. Благо присоединение к России показывалось всесторонне и научно обоснованно. Ведь «союз нерушимых» все-таки сплотила «Великая Русь». В итоге всего этого в секторе появлялись монографии по истории народов (Е.Н. Кушевой, В.Т. Пашуто, Г.А. Санина, Н.В. Устюгова, В.И. Шункова, Н.Г. Аполловой, А.И. Барановича). И волки сыты, и овцы целы. Четвертое направление – юбилеи и кампании. Любят у нас юбилеи. И в науке тоже. Юбилей Москвы – пожалуйста, многотомник. Юбилей воссоединения Украины с Россией. Пожалуйста, трехтомное издание источников и сборник статей. Юбилей Пугачева –

	сборник документов и сборник по классовой борьбе. Ленинский юбилей – и «Актуальные проблемы. Сборники и к съездам партии» (к 22-му). К конгрессам историков (обзоры того, что сделано) – сборники «против фальсификации» – сначала Покровского, затем зарубежных ученых. Создана спецгруппа информации, т. е по изучению трудов зарубежных фальсификаторов. Издан на ротапринте обзор, сборник, а потом и монография Шущарина. Хотели было издать мою библиографию – но куда там! Во главе поставили Каштанова, а тот и сам собою руководить не может. Поэтому все (особенно Синицына, Назаров, Щапов) увиливали от скучнейшей проверки наименований «де визу» в спецхране. Работа свет так и не увидела, хотя сам Каштан, Ася и Шерстобитова сделали для нее очень много. Да и группа-то тихо скончалась.

В духе старинных традиций в секторе издают сборники «в честь» и «в память»[148]. Это одна из возможностей что-то напечатать (как правило, печатают издержки производства). Вокруг этих сборников, как правило, начинается возня: кого приглашать, кого – нет. Создается пышная редколлегия, а вопрос решают «сам два у постели». Тудность еще и в том, что Издательство в один прекрасный момент запретило «безыдейные» сборники, то есть пель-мель, и потребовало, чтоб они были озаглавлены. Вот и появляются так сказать «тематические» сборники и в честь. Заголовки выдумываются как можно шире и неопределенней. Только Павленко решил издавать тематические сборники и всерьез. Один (посвященый Кафенгаузу) вышел удачно («Абсолютизм в России»), другой (посвященный Новосельскому) – менее. Но сама идея мне не представляется разумной, ибо «в честь» должно помещаться много статей, а не крупные статьи нескольких ученых, как думал Павленко.

К этой работе над сборниками «в честь и в память» примыкает издание посмертных трудов коллег. Сравнительно просто обстояло дело с изданием трудов академиков (Грекова, Бахрушина, Тихомирова, Веселовского). И то «избранные» изданы были только труды Бахрушина

[148] У нас удостоились: Греков, Тихомиров (многократно), Шунков, Черепнин (дважды), Новосельский (дважды), Устюгов, Кафенгауз, Насонов.

(с возмутительными примечаниями Черепнина и Устюгова, первый учил марксизму, второй сводил личные счеты по XVII в). Сочинения Грекова были оборваны: не расходились в продаже. Перешли к изданию тематических сборников. Что делал Шмидт при этом, я пишу в статье «Ревуны» и «топчаны» (об издании сборника Тихомирова). Но в целом тут проблемы нет. Сложнее с другими историками. Старым историкам издавать свои труды было трудно, и многие из их работ оставались неизданными и опубликованы посмертно (Базилевича, Сташевского, Полосина сборник), а также из-за преждевременной смерти (Насонова, Бережкова, Андрущенко, Будовница, Мальцева). Словом, как правило, законченные труды издаются.

Но вот судьба архивов. Ася делала об этом специальный доклад в секторе, но он был гласом вопиющего в пустыне. Дело в том, что Архив Академии наук берет на хранение архивы академиков и «выдающихся» историков. А как быть с невыдающимися? Ведь Архив Института истории никого не берет. Спасибо ГБЛ, приютившей архивы Бережкова, Будовница, Полосина. Гибель грозит архивам. Так, погибла монография Любимова о Русской правде в летописях, перевод Поссевина Аннинского (у Бахрушина были в период работы над Москвой даже гранки этого издания). А работы Любавского, Замятина, Долинина (книги!) так и остаются неизданными (хранятся в ГБЛ).

Пятое направление работы сектора – издание монографий. По мере окончания работ над многотомниками расширились возможности для развертывания пестрого веера монографических исследований. Ранее в привилегированном положении находилась только Дружинина (жена академика!), которая фактически от участия в многотомниках была освобождена. А теперь все становятся монографистами. Не успела Бакланова II[149] защитить диссертацию, как ее работу включили в план выпуска. Если кандидатскую Синицыной не удалось в план всунуть, то все равно ей сразу же поручили писать новую книгу (о Максиме Греке). Ученица Льва. Ранее участие в работе над многотомниками так или иначе, но расширяло кругозор молодых ученых, теперь узость становится все более и более распространенным явлением.

Все время писал монографии А.И. Клибанов, но он пришел в сектор поздно да и уже сложившимся ученым. «Монографистом» всегда был Булыгин, не участвующий в многотомниках (он и вообще грамотно писать не может). За невыполнение плана Волобуев понизил его на несколько месяцев в звании и запретил совместительствовать в Лумумбе. Поэтому Булыгин ходил в мучениках. На самом деле он вообще-то случайная фигура в науке. Но одновременно издательские возможности все уменьшаются (и техника устарела, и бумаги нет). Вот уже вышло решение не издавать книги объемом больше 20 листов (мою «Вотчину» поэтому вынужден был ужать на 5 листов). Что будет дальше, сказать

---

[149] *Елена Николаевна Швейковская.*

трудно. Забавно, что раньше по феодализму выходило больше книг, чем сейчас. Плановых книг за последние два-три года вышло раз-два и обчелся. Крен работы сектора все более явственно склоняется к более поздним векам. Сейчас практически специально временем до XVI в. никто не занимается, больше же всего XVII–XVIII вв. Правда, В.Т. Пашуто с помощью Рыбакова создал сектор по истории народов домонгольской Руси. Там сильнейший состав: Щапов, Новосельцев и талантливая молодежь. Но заняты они не монографической работой, а изданием источников.

Интересно, что на 30 с хвостом сотрудников сектора только несколько человек издали три книги (Дружинина) и больше (Черепнин, Клибанов, Зимин). 2 ½ книги у Троицкого, по две – у Каштанова, Преображенского, Никифорова, Индовой. У нескольких и того меньше (у Тихонова 1,5, по одной: Булыгин, Бычкова, Пушкарев, Курмачева, Хорошкевич, Колычева, Некрасов. Пока нет книг у: Назарова, Синицыной, Никитина, Никитиной, Баклановой II, Румянцевой, Майковой, Санина и вспомогательных сотрудников. Вот и продуктивность! Такая же картина была у стариков (по две – у Новосельского, Шункова, Устюгова).

Темы книг, слава богу, изобретают авторы. Права автора ничтожны, когда он пишет статью в сборник: его могут в любое время вышвырнуть (даже в корректуре, как было со статьей Каштанова в сб. «Источниковедение»), сократить (как было с моей публикацией Веселовского в корректуре), заставить изменить текст и т.п. Больше прав у автора монографий. Но и тут муки значительны. Они начинаются со включения в секторский план. Затем формируется, исходя из отпущенного листажа, план Института. Правда, при обсуждении в секторе мытарства небольшие, ибо, как правило, от сектора до Ученого совета срок маленький и практически автор ничего не исправляет. Сначала работа попадает в план так называемой редподготовки, который утверждается в РИСо: тут происходит его сокращение за счет малоактуальных тем (моя работа о холопах пролежала года четыре, хотя сдана была вместе с книгой Колычевой, вышла на два года позже). Актуальность – основа подхода к тематике (кроме имен авторов, конечно). Поэтому заголовки книг даются броскими. Так мою книгу о Пересветове я вынужден был озаглавить «Очерки по истории общественной мысли», чтобы придать ей «звучание». Но в издательстве мне удалось это заглавие заменить человеческим. Выбрасывают в РИСО со страшной силой публикациии и работы неизвестных авторов и мелкотемные. Конечно, теперь практически не печатают внеплановые работы и работы не сотрудников сектора. Ранее кое-что проскальзывало. Только в серии «науч.-поп.» еще можно просунуть что-то без ведома Института.

Попав в план редподготовки, книга может быть сдана в Издательство. Но работа над ней может и не начаться. Это, так сказать, запас, резерв. Затем через год книга снова обсуждается снова в РИСО, когда включается в план выпуска. Вот это уже кое-что.

Редактируют книгу «титульные редакторы». Избавлены от этого доктора. Но фактически эти редакторы ничего не делают. Зато основная нагрузка падает на редакторов издательства. Здесь и политическое редактирование, и стилистическое, и проверка аппарата. В Издательстве АН СССР редакторы, к счастью, не очень внедряются в текст, а вот Соцэкгизе и др. дело обстоит сложнее. Впрочем, я ничего, кроме благодарности, не испытываю по отношению к своим редакторам, особенно С.А. Левиной, которая блестяще справляется с работой, не портя авторский текст, она улучшает его форму.

А уж подписей и печатей в сопровождающих документах – уйма (отзывы, выписки из решения сектора и Ученого совета, сопроводительное письмо, паспорт рукописи, анкета с указаниями всех обстоятельств). При выходе в свет подписывают корректуры: автор, редактор, главный редактор Издательства, заведующий сектором, заместитель директора.

Тематика работы сектора в старые времена была совершенно однозначна – вопросы социально-экономического развития страны. Сейчас же в тематике господствует полный хаос – кто во что горазд. А Льву, конечно, на все наплевать – лишь бы видимость была. Крестьянская тематика нашла выход в работе Аграрного симпозиума и комиссии по истории крестьян. Последнюю сейчас захватила в свои бархатные ручки Катенька, задумавшая многотомную историю крестьянства. Комиссия создана была еще при Грекове, вначале она посвящена была только земледелию (связана была с поворотом партии к сельскому хозяйству после известных событий). В ней участвовали Яцунский, Шунков, Устюгов. На ее базе и созданы были аграрные симпозии стран Восточной Европы (СССР фактически). Сессии происходили главным образом в столицах союзных республик ежегодно с выпуском потом материалов в виде «Ежегодника» (на местах). Комиссия также изредка выпускала «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства». Позднее симпозиумом фактически руководил тишайший Анфимов (формально Янин), а потом Анфимова сняли (волобуевщина, де), заменив Катенькой.

Истинной душою всех этих мероприятий была Инна Владимировна Ледовская, Валина сокурсница и наш очень близкий друг. Жизнерадостная, отзывчивая, она с увлечением относилась к своей труднейшей работе секретаря Комиссии и симпозиума, бригадира всех изданий, организатора сессий. Трудно себе представить, какая грандиозная нагрузка ложилась на нее, и она ее выполняла с радостью и чувством ответственности. Она не достигла каких-либо внешних показателей благополучия («степеней известных»). У нее уже замужняя дочь. Я встречал мало таких озаренных благожелательностью людей, как Инна. Симпозиум для нее – новые люди, новые земли. Это истинная жизнь во всех ее проявлениях. При холодной и жесткой красотке Наташе Горской[150]

[150] *Горская в 1963 г. стала председателем секции и членом Оргкомитета Симпозиума по изучению проблем аграрной истории Восточной Европы, в 1968 г. – ответственным секретарем оргкомитета. См. подробнее: Швейковская Е.Н. На-*

интригующей вечно Кате Индовой, безвольном Анфимове Инна своим жизнелюбием заражала всех участников симпозиальных встреч. Думаю, что в нашей феодальной вотчине ничего подобного Симпозиуму нет – это единственный истинный научный центр, участники работ которого связаны единством интересов и деловым отношением к науке. Встречи, доклады, разговоры в кулуарах ученых со всех краев земли Русской создают единый коллектив. Для многих возможность сделать доклад и напечатать статью в трудах Симпозиума – иногда единственный случай издать свои сочинения, без чего нельзя защитить и кандидатскую диссертацию. Но постепенно Симпозиум начинает сдавать свои позиции, уж слишком косо на эту безыдейщину смотрит начальство. Вот теперь он созывается раз в два года. Не сегодня-завтра снимут Янина, которому Симпозиум нужен лишь для престижа. Ушла из Симпозиума и Инна (после ухода Наташи Горской, не поладившей с Катенькой. Наташа – универсантка, а отсюда ее друзья Милов, Ковальченко и другие враги Катеньки и лаптеведов).

* * *

Когда-то сектор был центром науки, к которому тянулись все ученые, будь то преподаватели из МГУ и других учебных заведений, музеев, архивов, библиотек. Все это в прошлом. Теперь сектор посещают по традиции две-три старухи – пенсионерки (Крылова, Кононович и др.), работники ЦГАДА, Левина (которой редактировать надо сдающиеся сектором работы) и почти этим дело ограничивается.

Дисциплина[151]

Забота о дисциплине – одна из важнейших задач начальства. Сколько я себя помню в Институте, оно мучилось проблемой, как бы «привязать» к рабочему месту сотрудников, чтоб было похоже на другие институты. Но что поделаешь! Наше рабочее место – архивы и библиотеки (подсобная в институте, конечно, явно недостаточна). Поэтому из «посадки» для старших сотрудников ничего не получилось. Увиливают и младшие. Правда, у них есть табели, они сообщают о своих архивных поездках. Но на то человеку и голова дана, чтоб изобретать. Ввели графики. Их уйма. Они, как правило, липа. Нужно в тетради отмечаться, когда пришел и ушел (я никогда не делаю), отмечаться о присутствии на заседании сектора. Нужно заполнять также раз на неделю вперед с рубриками: дома 9–12.30, в Институте 13.00–18.15 – два раза в неделю присутственный день (вторник и четверг), остальные – 9.00–18.00 –

талья Александровна Горская – вехи творческого пути // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 17.

[151] *Этот раздел напечатан на отдельных листах и не имеет правки. Возможно, он относится уже к третьей редакции.*

дома или «в архиве», «в библиотеке». Как правило, проверок не бывает. В институт приходят не работать, а потрепаться, поприсутствовать на заседании (с которого можно и смотаться), получить зарплату, выписать или взять в библиотеке книги, по общественным делам. На некоторые общеинститутские заседания «явка обязательна» (ведутся списки, кто явился, кто нет: сидят мальчики-девочки со списками сотрудников по секторам и отмечают. Впрочем, последствий за неявку обычно никаких. Если заболел, пожалуйста, бюллетень. Но иногда не беру – все равно являюсь на работу редко.

Есть и политическая дисциплина. Речь идет о семинарах. Сначала все изучали краткий курс. У нас был такой ученый руководитель философ-армянин, кажется, по фамилии Цамерян (подполковник, что ли). Раз в месяц собирались и делали соответствующие доклады. Изучались и «труды» (по языкознанию и экономическим проблемам) и доклады, а в «свете» [их] и задачи нашей работы. Затем (с 1956 г.) в моду вошли семинары, связанные непосредственно с проблематикой сектора. Так, к ленинскому юбилею был семинар «Ленин о» (абсолютизме, всероссийском рынке и т.п.). Затем [встала] проблема: «абсолютизм», или «классики и народы», или «классовая борьба».

Руководили – Бескровный, Черепнин. Наш сектор считался образцом организации подобных семинаров.

Итог деятельности сектора просто поразителен. Феодалы стали фактически во главе всех ведомств в Институте (не говорю об Отделении, где все начальство сменилось). Так, Буганов – зам. директора и зав. Сектором источниковедения, Преображенский – секретарь парторганизации, Некрасов – председатель месткома, Новосельцев – председатель комиссии сов. Контроля, Катя – председатель аграрной группы, Бескровный – заведующий сектором исторической географии, группы по охране памятников, председатель ученого совета досоветского периода, Щапов – ученый секретарь этого совета. Конечно, в этом результат отстранения капиталистов (после Волобуева), но и заслуги сектора перед руководством оценены в полной мере. Большому кораблю большое и плавание![152]

Халтура

В свое время Маяковский писал:

Правда, есть у нас Асеев Колька:
Этот может – хватка у него моя.
Но ведь надо заработать сколько:
Маленькая, но семья!

[152] Даже Дружининой предлагали взять сектор капитализма. Прямо нарасхват феодалы!

Как известно, денег всегда не хватает, а аппетиты растут во время еды. Поэтому историки также сопричастны тому, что называется Халтурой (у работяг – «левая» работа). Виды этой халтуры многоразличны, последствия – тоже. Уже «совместительство» как таковое – это халтура, но особого рода, ибо по существу к ней историк обычно относится более или менее серьезно. А преподавательское совмещение вообще жизненно необходимо для настоящего ученого. Но вообще-то совместительство идет за счет основной работы. И это просто счастье историков, что система работы (и контроля над ней) в Академии наук дает простор для самостоятельных работ ученого, а одновременно и для занятий халтурой.

Историк ищет, конечно, в первую очередь такой халтуры, которая бы, во-первых, была бы близка к его исследовательской деятельности, во-вторых, как-то укрепляла бы его положение в кругах, так или иначе связанных с наукой («обкатывала имя»), в-третьих, была бы материально выгодной. Халтура имеет такое же отношение к чинам и лестнице славы, как и сама наука (всем хочется, например, получить отзыв ученого «с именем», точнее «с чином», заполучить его для лекции и т.п.). Поделюсь своим жизненным опытом, хотя не всегда он будет типичным.

Самая хорошая халтура, которая совмещает три наилучших условия, это печатание статей и рецензий в гонорарных журналах (типа «Коммунист», «Вопросы истории» и т.п.). В редких случаях подобные статьи и рецензии заказываются редакцией (и на определенную тему). Чаще нужны изобретательность и добрые отношения в редакциях. Большое поле для халтуры открылось в «Вопросах истории», когда Трух[ановский] решил приблизить журнал к народу и помещать полупопулярные статейки на исторические сюжеты. Вот уж где порезвился Назаров, мастер извлекать деньгу из исторических сюжетов. Впрочем, у него есть и более могущественный соперник – Руслан. Тот печет статьи для «Науки и жизни» и «Знания – силы», как блины. Что нужно для подобных поделок? Видимость учености: «Нами обнаружено», «в новых документах» и т.п. Далее – легкость стиля (дар божий) и бесконечные «тайны», «загадки» (ох, как падок любой журнал на подобное).

Серия популярных книг при издательстве АН СССР тоже дает коекакие возможности для халтурных приработков. Наиболее интересные опыты полупопулярных книг дали медиевисты – Арик Гуревич, Саня Каждан и Геннадий Литаврин. Грешили там и А.И. Клибанов, и Руслан со своим вездесущим царем Иваном, и Пашуто с «Остфоршунгом». Мы с Асей написали книгу листов на 14 «Россия при Иване Грозном». Но пока судьба ее не ясна.

Сейчас историки набросились на ЖЗЛ. После прихода туда Симанова он стал проводить линию на усиление патриотизма в ЖЗЛ. В итоге появились книги все того же Пашуто (Александр Невский – в который раз!), Пушкарева о Симеоне Полоцком (рядом с Аввакумом и др.), дружка Симанова А.Н. Сахарова о С. Разине и, наконец, превосходная

книга Н.И. Павленко о Петре I. В свое время мы с Я.С. Лурье пытались написать книгу о Пересветове для ЖЗЛ, в которой больше писалось о мыслях авторов, чем о герое (о котором известно с гулькин нос). Но… писалось трудно, а тут Ю.Н. Коротков, который заказывал нам книгу, ушел из редакции. Работа прекратилась. Кое-что можно было в свое время сделать для Учпедгиза[153].

Во втором издании БСЭ я халтурил довольно много, давая подработать и В.Н. Автократову и Я.С. Лурье (татаро-могольское иго). В третьем издании и в СЭИ я выполнял должность редактора-консультанта. Эта роль заключалась в том, чтобы визировать присылаемые статьи. Во всяком случае я старался, чтобы авторы (а ими были Назаров, Корецкий, Кучкин и др.) не халтурили. Думаю, что СЭИ в рамках, отведенных для феодализма, свою марку выдержала.

Большое поле для халтуры открывалось, когда на отзывы присылались всевозможные романы и повести о событиях отечественной истории, а также из отдельных издательств научные и научно-популярные книги. Иногда издательство просило выступить в качестве ответственного редактора или даже написать вводную (заключительную) статью. Корецкий, например, писал послесловие к «Князю Серебряному», я – к «Корсарам» Бадигина. Масса мутной чепухи, конечно, мною с раздражением отвергалась. Много графоманов решили, что писать на исторические темы просто. Для этого надо знать историю в рамках школьного учебника (главное, чтоб было патриотично, т.е. «свои» хвалились, а «чужие» обливались грязью). А там видимость древнего языка (смесь просторечия с церковным велегласием) – и роман готов. Особенно много посылалось на рецензию всякой всячины до 1956 г., когда перестраховщики старались всякими бумагами с подписью обеспечить свой душевный покой.

Близко к этого типа халтуре и консультации всяких кинофильмов и театральных спектаклей. Так, Пашуто консультировал «Рублева», Р.А. Киреева – фильм о декабристах, я – «Смерть Ивана Грозного» и «Иван Грозный» (балет). Как правило, эти консультации нужны театру и кино для видимости, ибо авторы и режиссеры практически абсолютно своих «консультантов» не слушаются, советам их не внимают. Ю.Н. Григорович пригласил меня на прогон ряда кусков балета, затем пару раз был у меня. Поговорили-поговорили. Исчез – и затем премьера.

Хейфиц пригласил меня, чтоб я прочел «лекцию» об эпохе. Эту лекцию они даже застенографировали. И все. Никакого влияния она на спектакль не имела. Постановщик явно исказил смысл всей пьесы. Пытаясь, к тому же, «разоблачить» Грозного, он поручил роль Попову и получился обратный эффект – титан возвысился над пигмеями-боярами. Павленко для видимости пригласили прочитать либретто «Петра I»

---

[153] Троицкий с Сахаровым издал там книгу для чтения по истории СССР, я редактировал иллюстрированную историю XVI–XVII вв. Л.П. Бущика.

(балет). Все дело обычно кончается тем, что консультантов приглашают на премьеру.

Разновидностью халтуры являются всякие конкурсы, членам жюри которых платят «гонорары» за участие. Я был членом одного такого конкурса. Речь шла об учебниках по истории для средней школы (в конце 50-начале 60-х годов). Пролистал уйму всякого барахла. Все представленные рукописи были явно неудовлетворительны. Дело не в том, что авторы абсолютно не знали состояния изучения истории в наше время. Вся эта макулатура была бездарна. Написана суконным языком без какого-нибудь понимания ребячьей психологии.

Один вид халтуры для меня по существу был недоступен: это чтение лекций, в частности публичных. Великим мастером этого был К.В. Базилевич. Я ухитрился все же прочитать какой-то спецкурс по истории общественной мысли XVI в. Но это было исключением из правила. Ездил я с лекциями и в Казань к Литвину, где прочел подобие спецкурса по истории России XVI в.

Ранее (до XVI в.) было распространено в Издательстве АН СССР приглашать в качестве издательского редактора для особо ответственных изданий редактора-специалиста со стороны. Впрочем, в некоторых случаях есть подобная практика и сейчас (А.Г. Кузьмин редактировал «Слово» Рыбакова, Б.Н. Флоря – книгу А.Л. Хорошкевич и т.п.). Мне пришлось редактировать «от издательства» и громадный двухтомник «Очерков» IX–XV вв., и «Историю Польши», т. I (совместно с Удальцовой), и книги М. Смирина, А.М. Самсонова и т. I «Очерков исторической науки» (по просьбе М.Н. Тихомирова). Правда, деньги за это платили порядочные, но и возьни предостаточно. С «Очерками» Пашуто–Черепнина дело шло о формулировках и пр. (время было сложное). Смирин вообще плохо писал (хотя материала у него было предостаточно). С М.Н. Тихомировым нужно было держать ухо востро – а вдруг старик взбрыкнет копытом. К тому же унификация аппарата, стиль и пр. и пр.

У младших научных (научно-вспомогательных) сотрудниц халтура бывает несколько иной. Это составление указателей к книгам (не по издательским ставкам, а по реальным), проверка научного аппарата и т.п.

Халтура в целом развращает историка. Я не говорю уже о том, что иногда она просто препятствует работе (Назаров до сегодняшнего дня еще не кандидат, хотя ему скоро 40 лет, а в Институт он поступил сразу после окончания Истфака[154]). Дело в другом. Все эти редактирования, рецензирования, консультации и прочее способствуют созданию авторитарного образа мышления: ты начинаешь давать указания, рассматривая собственную персону, как [носительницу] истины в последней инстанции. К тебе обращаются, как к тому кладезю премудрости, из которого можно почерпнуть, «как надо» на сегодняшний день интерпретировать

[154] *После окончания МГУ в течение ряда лет В.Д. Назаров пребывал в Институте стран народной демократии, кажется, даже в роли аспиранта.*

историю. Ты начинаешь к тому же верхоглядствовать, поучая при этом ротозеев. Словом, рождается хлестаковщина от истории.

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ПЕТРОВА

Впервые я попал в Ленинград как будто в 1945 или в 1946 г., когда направился в Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ) на поиски книг Волоколамского монастыря, которыми в свое время пользовался сотрудник Отделения Тимофеев. Книг этих я тогда не обнаружил, но некоторые материалы, ранее поступившие туда, все же попались мне на глаза.

Надменный императорский город мне не понравился и своей регулярностью зданий и их помпезностью и их европейским видом (я тогда молился на Святую Русь). Отделанность, искусственность города тогда раздражала. На Невском я чувствовал себя и Евгением из «Медного всадника», и чиновником-бедняком из повестей и романов Гоголя и Достоевского. Угрюмые жандармы зданий, сквозь строй которых я, ничтожный бунтарь, продирался на Васильевский остров, вместе с тем говорили скорее о былом величии «порфироносной» столицы, чем о реальной жизни. Следы военных бед смягчали, очеловечивали облик города, говорили о его страданиях, навечно слившихся с его судьбою. Но призрачность, мертвенность города даже они смягчить не могли.

Позднее, когда я уже сделался частым гостем Ленинграда, это первоначальное ощущение стало смягчаться, город оживать, прошлое приобретало облик воскресшего в настоящем. Снисходительность рождается в человечестве к старости, а юности она чужда. Петербург, это неповторимое творение рук человеческих, напоминал о целой цивилизации в истории России, ушедшей теперь уже в небытие, но являющейся одной из вершин человеческого духа. Разве можно бросать вызов вечному Риму? Собору Парижской богоматери? Они – часть тебя самого. А Петербург – мечта твоих отцов и дедов. Его нужно понять… и простить. Но все это пришло позднее. В те юные годы я жаждал обновления мира московским малиновым звоном.

ЛОИИ помещался тогда в скучном здании Библиотеки Академии наук в нескольких сотах-комнатушках, наполненных вместе с извилистыми коридорами сладчайшим книжным медом. И вдруг – деревянный телефон с вертящейся ручкой – напоминание о давно прошедшем, о том, что ты попал куда-то в былой мир и ощущение временности. На подступах к нелепой библиотеке дивные здания Коллегий (Университет) и Кунсткамеры с перспективой на Медного всадника и Зимний смягчали суровость моего приговора Ленинграду уже в те годы.

Тематика работ в Ленинградском отделении Института истории в миниатюре повторяет нашу с некоторыми особенностями. Историки старшего поколения принимали довольно скромное участие в наших многотомниках (И.И. Смирнов в «Очерках», К.Н. Сербина во «Всемирной истории»). При Н.Е. Носове ленинградцы сами выпустили несколько коллективных изданий – двухтомную «Краткую историю СССР» (1963. Ч. 1), рассчитанную на иностранцев, затем однотомный «Краткий очерк русской культуры» (1967). Принимают они участие и в совместном с ЛГУ издании «Аграрной истории Северо-Западной Руси» (Ю.Г. Алексеев), а ранее и трехтомнике «Восстание Пугачева» (В.М. Панеях). Но все это не занимает значительного времени, у них поэтому монографическая работа в Ленинграде поставлена лучше. Тематика ее больше связана с Севером (А.И. Копанев, Н.Е. Носов). Н.Е. Носов с конца 50-х годов добился того, что стали выходить тематические «Труды ЛОИИ» (чего нет в Москве), а позднее и «Вспомогательные исторические дисциплины». Ленинград – традиционный центр археографии и источниковедения. Поэтому много внимания ленинградцы уделяют публикации источников. После смерти С.Н. Валка заведует археографическим отделением в ЛОИИ А.И. Копанев, имеющий вкус и опыт в подобной работе. Эта работа облегчается тем еще, что ее базой является превосходный комплекс архивных документов (когда-то созданный Археографической комиссией).

Да и само сообщество ученых в ЛОИИ представляло собою кунсткамеру, в которой было намешено все в духе провинциальных музеев с их обязательной «лисой» и героями современного трудового подвига. Серенькой мышкой шнырял по зданию милейший Сигизмунд Натанович, готовый с радостью прийти на помощь любому жаждущему что-то познать в прошлом удивительной страны России. Тут же седой, старомодно вычурный Борис Александрович Романов. Это вроде бы мамонты, осколки разбитых античных шедевров.

Маленькая мышка Валк в пенсне на шнурочке, заросший весь мохом, как меньшевик из кинобоевиков 30-х годов, удивительно напоминает Менделя – букиниста из дивной новеллы Цвейга. Книголюб и поклонник изобразительного искусства, он собрал удивительную библиотеку и приобрел десятка два превосходных картин периода «Мира искусства». Подслеповатый, красноносый Валк вечно суетливо, подпрыгивающее носится со своим стареньким портфелем по ЛОИИ, как родному дому. Жена у него скончалась, и он бесконечно одинок. Размышляет он, шевеля своими тараканьими усами, предпочитая отделываться в сложных ситуациях шуточками, памятуя прошедшие десятилетия и превратности человеческих судеб. Говорит на заседаниях и на лекциях он себе в бороду, так что понять его невозможно. Так-то оно для него (как ему кажется) и лучше. С его смертью в прошлом году отошло в вечность это замечательное поколение петербургских стариков (когда-то юношей), которые знаменовали собою живую связь веков.

Валк – как бы устный летописец прожитого. Его любовь к историографии связана с его энциклопедичностью и отчасти со слабым самостоятельным творческим началом. (Лучшие его этюды – о Ленинградском университете, Романове и Смирнове, впрочем, последний испорчен робостью автора в разделах о послевоенной деятельности Ивана Ивановича.) Валк – ученик Лаппо-Данилевского (в ряде статей он продолжает начатое учителем – прекрасные статьи о полных грамотах и несправедливо обруганная Тихомировым статья о возникновении частного акта 1933 г.). Увы, человек несмелый, когда в 1930 г. разоблачалась школа Платонова, он принужден был слегка бить себя в грудь (см. Зайдель и Цвибак. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. Л., 1930). Уцелел. После Революции он занялся археографией, участвовал в изданиях ленинских сочинений, а позднее (недавно) классических «Декретов Советской власти».

В 1949 г. под его редакцией изданы превосходные «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Чем только он не занимался. И народниками, и Александром III, и историографией Русской правды (не довел до конца). Единственная небольшая книжка «Советская археография» – слабая, бесцветная, библиографического типа – и та подверглась критике в Архивном. Зато превосходным оказалось семитомное издание Валком «Истории» Татищева (после смерти Андреева и Тихомирова завершал он).

Я всегда горячо любил Сигизмунда Натановича. Добродушный, всегда готовый прийти на помощь всем и каждому (пока это не грозит гневом Зевса). Ну, а если становится страшно, то он съеживается и ушмыгивает в свою норку, где тысячи его безмолвных друзей-книг не способны обидеть этого старого, казалось бы, вечно существующего (и в 60, и в 80 лет он был все таким же) доброго человека.

Однажды Б.А. Романов буквально накануне присуждения ему Сталинской премии (за книгу о Дальнем Востоке) произнес на своем юбилее речь, в которой его «занесло» (он пустился в рискованные воспоминания). И действительно, как шутили потом, эта речь обошлась Романову в 100 000 руб. Почуяв, что пахнет жареным, Валк схватил под мышку принесенную им же картину в дар своему старому сотоварищу – и был таков!

Позднее в том, что он так мало писал, он оправдывался своею судьбою. «Это вы, молодежь, такая шустрая. Мы-то знаем, почем фунт лиха!»

Как учитель, он оказался никудышным, и даже больше. Он по своей покладистости наводнил науку прохвостами и невеждами (за некоторым исключением) – и в качестве руководителя и в качестве оппонента. Хотя щедрость его необычайна. Так, он отдал бандиту С.С. Волку почти готовую рукопись о народниках, а тот слопал ее и даже не поблагодарил.

В трудную минуту Слова Валк с удивительной для него смелостью написал превосходный положительный отзыв на мою книгу.

Незадолго до смерти в «Вопросах» Кузьмин напечатал подо[ноч]ную статью дилетанта Андрея Никитина (не окончившего аспирантуру археолога, ставшего журналистом) по вопросу о Русской Правде, в которой тот в грубой форме обругал Валка (подоплека – текст, близкий к Слову, который я использовал для доказательства его вставочного характера). И тут впервые за много лет Валк решил не отмалчиваться, а написал несвойственный для него резкий ответ. Не напечатали. ДС обещает издать в ТОДРЛ. Таков он был, этот замечательный, хотя и слабый Сигизмунд Натанович. Мир его праху...

Валка ленинградцы-историки нежно любили, хотя и могли изредка иронизировать над ним. Романов для большинства из них был божеством, Учителем и Историком по преимуществу. Созданные им две школы: феодалов (Носов, Панеях и др.) и империалистов (Ананич, Ганелин) являются как бы костяком всего Ленинградского отделения Института истории СССР.

Борис Александрович, в отличие от спокойного (суета сует!) Сигизмунда Натановича – весь состоял из голых нервов. Говорил резко и со словесными выкрутасами. Да и во всей манере держаться было что-то этакое причудливое. Седой клинушек бородки и усики, палка на руке, переходы от преданности до слез к крепким словцам. Нарочитая архаика при вполне современном мышлении. Он все время был в позе. Картинность свойственна и его лучшим трудам.

Выйдя из профессорской семьи, он окончил университет у Преснякова. Уже в студенческие годы издал статью «Смердий конь», в которой развивал идеи учителя (это был 1908 г., а в 1909 г. вышло «Княжое право» Преснякова), оригинально интерпретируя источник. Одновременно бывал Борис Александрович и на занятиях у Лаппо. Написал он тогда и статью о служилой кабале конца XVII в. Статья не была издана, но тему (для XVI в.) он передал Панеяху.

Наступил Октябрь. И как многие ученики Платонова, Пресняков, Лаппо, Романов начал работу в архивном ведомстве. Жизнь заставила его изменить тематику. И уже вскоре в поле его зрения попадают материалы о русско-японской войне, дипломатии, которые в 1947 г. выльются в книгу о дипломатической истории войны 1904–1905 гг. (Кстати, учеником Романова был А.А. Сидоров, сохранивший всю жизнь к нему теплое отношение, прикрывший его от ударов судьбы, когда ликвидировано было ЛОИИ).

В 1930 г. Романова постигла судьба других историков «школы Платонова». В 1934 г. он вновь начал включаться в научную жизнь, работал в ГАИМК. Но за 1934–39 гг. удалось ему опубликовать только рецензию на мемуары Ллойд-Джорджа (1935) и два тома лекций Преснякова (1938–1939 гг., подготовка текста и примечания). В то же время работал Борис Александрович в эти годы напряженно. Чего стоит, например,

посмертно изданный разбор книг Воронина и Веселовского о сельских поселениях (1936 г.) в 10 п. л.! Переработанную часть из разбора книги Воронина Романов издал в необычайно интересной статье о жалованной грамоте Олега Рязанского (1940 г.). Огонь своей полемики Романов направил против «робинзонады» (первоначальности и распространенности деревень в 1–2 двора). Никаких обвинений или замечаний, порочивших ученых, как марксистов или т.п. Романов не делал.

Судьба Романова во многом в эти и послевоенные годы зависела от отношения к нему верховного главы исторической науки – Б.Д. Грекова. Борис Александрович с жаром стал заниматься близкими ему сюжетами по истории Древней Руси. Издает комментарии к Русской Правде (Учебное пособие 1940 г.) вместе с Кочиным. Участвует в издании академических комментариев (1947 г.). Эти комментарии легли в основу его блистательной книги «Люди и нравы Древней Руси» (1947)[155]. Книга до сегодняшнего дня остается, пожалуй, лучшей из всего, что написано на эту тему. В чем секрет ее успеха? Каких-либо особых концепций мы там не найдем (это было вотчиной Б.Д., к окружению которого Романов считал себя сопричастным, не избегнув реверансов – иногда самоуничижительных перед этим сильным мира сего). Но в книге было большее: попытка проникнуть в быт, нравы и представления живых людей той далекой от нас эпохи. Его Даниил Заточник (кто бы он ни был по своему социальному происхождению) – это скоморох-философ. Так раскрыть психологическую и жизненную основу законодательства, как это сделал Романов, не удавалось никому.

После войны Борис Александрович принял участие в написании комментариев к судебнику 1550 г., выступив против вульгаризации, характерной для Смирнова. Статьи на эту тему Романова (в общих позициях близкого к теории компромисса С.В. Бахрушина) содержали не только сокрушительную критику доводов Смирнова, но и тончайшее понимание существа правоотношений, отраженных в Судебнике. Беда автора была в том, что он часто не выходил за рамки чисто логических построений – знакомства с актовыми и другими материалами XVI в. ему явно не хватало.

Жизненный и научный путь Бориса Александровича легким не был. БорисАлександрович был одним из немногих историков, который несколько лет (с 1930 г.) провел в лагере (Медвежья гора), а не просто в ссылке. Оттуда он вышел с элементами психического заболевания. Он поселился в г. Луге (имея послелагерный «минус»), где зарабатывал некоторое время тем, что составлял карточки для древнерусского словаря. Затем служил в ГАИМК. Он не оставил после себя каких-либо грандиозных зданий на ниве отечественной истории (может быть, в

---

[155] В данном случае невозможно удержаться от замечания – вполне «патриотического», что это исследование несколько опередило формирование так называемого «антропологического подхода к прошлому» французской школы «Анналов» (изд.).

этом повинно время), но обладал чувством проникновенного понимания российского исторического процесса в конкретных его проявлениях. Но думаю, что заслуга Бориса Александровича перед наукой несоизмеримо велика даже не столько реальными трудами их автора, сколько тем, что он передал факел знания целому поколению молодых ученых, которые смогли благодаря этому избежать искушения чистой фактологии, или вульгарного социологизма, или бездоказательных выдумок.

Для меня Борис Александрович, которого я не раз видел и дома, и в Институте, останется – кроме всего прочего – радушным хозяином, чудесным собеседником, иногда колючим (самолюбивым), но всегда благожелательным человеком.

Из женщин[156] старшего поколения в Ленинграде[157] теперь остались Раиса Борисовна Мюллер и Ксения Николаевна Сербина. Р.Б. Мюллер – тихая в высшей степени интеллигентная женщина, всю жизнь занималась главным образом археографической деятельностью. Впрочем, в свое время выпустила добротную книгу по истории Карелии XVI–XVII вв.[158] Участвовала в издании «Грамот Великого Новгорода и Пскова», «Судебников XV –XVI вв.», подготовила текст дополнительных статей к Судебнику 1550 г. Сейчас уже на пенсии.

Ксения Николаевна Сербина (р. 1903 г.) – ленинградская гранддама[159], вдова погибшего в 30-ые гг. историка Кашина, фаворитка Б.Д. Грекова[160]. Внешне она напоминает артисток типа[161] Еланской, Пашенной[162]. Свою научную карьеру она начала с составления исторических карт (в 1930 г. составляла их для издания «Крепостная мануфактура»). С 1930 г. числится в штате ЛОИИ. Круг вопросов, которыми приходилось заниматься Ксении Николаевне, велик. Тут и книга Большого чертежа (издала ее в 1950 г.), и летописание (издала в 1949 г. Устюжский летописный свод, а в 1963 г. – своды 1497 и 1518 гг. (причем обо всех этих памятниках написала исследования). В1951 г. защитила докторскую диссертацию о хозяйстве Тихвинского монастыря в XVII в. Особой щепетильностью К.Н. Сербина не отличалась. Легко ставила свою подпись на публикациях, готовившихся другими (в частности, З.Н. Савельевой, Р.Б. Мюллер). Это не мешало ей выступать в 1951 г. с разоблачением «космополитических» ошибок Р.Б. Мюллер.

---

[156] *Ред. 2*: историков.

[157] *Ред. 2*: ЛОИИ осталась одна только Ксения Николаевна Сербина..

[158] Р.Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.

[159] *Ред. 2*: дата и.

[160] *Ред. 2*: покойного… (*два последние слова отсутствуют*).

[161] *Ред. 2*: Она – копия.

[162] *Ред. 2*: и женщин этого типа. Высокая, с красивым обликом строгой женщины. Занималась она всем – и летописанием (Устюжский летописный свод и др), и Книгой Большого чертежа и в докторской – хозяйством Тихвинского монастыря. Серьезный и спокойный ученый ленинградской школы. Яша ее костит за летописные штудии, но это – максимализм.

У меня с Ксенией Александровной никогда дружеских отношений не было, какой-то холодок сковывал меня, когда я разговаривал с этой волевой женщиной, принадлежавшей, к тому же, к более старшим ученым.

Молодое поколение ленинградцев попервоначалу создавало у меня ощущение глухомани с ее подвижниками науки. Вот вернулись только что с фронта: и простоватый Маньков, и серьезный, молчаливый Рутенбург (сменивший свою гоголевскую фамилию Копейкин на женину – благозвучную), и увалень Александр Ильич Копанев, только что вернувшийся из гитлеровского плена, где он мужественно противостоял[163] фашистским зверствам, нося с собою непоколебимо веру в землю его крестьянских предков. Рутенбург всегда[164] оставался для меня загадкой. Он сохранял в отношениях известную дистанцию, но наши немногочисленные встречи[165] были всегда радушны. И я рад его успехам: сейчас он стал виднейшим медиевистом – спецом по Италии, воспитанным на чудесных богатствах ЛОИИ (Акты Кремоны и т.п.)[166], чуть было не попал в член-коры (у него была и ученость, и билет, и осторожность). Мы с ним обмениваемся новогодними приветствиями. Он всегда для меня оставался начальником.

Дома мы ожесточенно спорили с Валей, для которой Ленинград всегда был городом ее мечты, где царили Блок и великие зодчие, герои ее архивных тайников и подруги университетских лет.

* * *

Итак, Маньков и Копанев, оба ученика Смирнова, которому тогда преимущественно и доверяли воспитание феодальной молодежи, они по-разному, но уже в те годы стали моими близкими приятелями, а Александр Ильич – другом. Маньков всегда был несколько в шорах (все-таки лицо ответственное по общественному положению, а потом и сам-то, по душе, мягко выражаясь, человек он робкий). [Александр Ильич] уже в те годы стал другом.[...] Александр Ильич мне, восторженно славянофильствовавшему юнцу (Гм! Этому юнцу было уже четверть века), представился эталоном Ильи Муромца, что ли, воплощением лучших черт народа-богоносца. Он [как и Маньков] старше меня лет на пять. Учился в аспирантуре до войны. Стал тогда же кандидатом. Добротно, прочно сделанный, он уверенно стоит на ногах. Их целое семейство самостоятельных жителей села в Вятке, северо-русских выходцев Копаневых. Сейчас их мать пишет мемуары (наверно, с помощью А.И.). Все они знали, почем фунт лиха, но выросли, вышли в

[163] *Ред. 2*: Противоборствовал с фашистским зверством.

[164] *Ред. 2*: Из этой троицы только Рутенбург до сегодняшнего дня.

[165] *Ред. 2*: умницей и великим тружеником.

[166] *Ред. 2*, *доп.*: Но сочетает страсть к документам с умным взглядом на историю избранного им времени.

люди. Их умелые руки, натруженные и на пашне, и в огороде, оказались способными и держать перо, и с винтовкой защищать родную землю. Один из сыновей погиб, один – доктор медицинских наук на военно-медицинской кафедре, двое инженеров (дочь и сын), один – кандидат истор[ических] наук, работающий в Ленингр[адском] Институте истории партии, один – доктор филологических наук (в Институте иностр[анных] языков), один – подполковник медицинской службы. Вот что значит фамилия Копаневы – с гордостью может сказать Александр Ильич, этот, как бы раньше сказали «мужик кряжистый, самостоятельный». Не забитый среднерусский потомок крепостного его предка. К «матери сырой земле», вскормившей и вспоившей его и его предков, Александр Ильич навеки сохранил сыновью благодарность, посвятив по существу именно ей всю свою жизнь. Религия почвы – вот единственная его вера.

Женился Александр Ильич поздно. На дородной, как и он сам, Александре Пантелеймоновне, учительствовавшей в школе. У нее был сын от первого брака, затем она народила и плотоядному Александру Ильичу двух парней. Говорит она нараспев, женщина, очевидно, с характером. Раньше я бывал у них, но потом мне как-то стало из-за нее неуютно. Сам-то – весельчак с широченной улыбкой, в необычных (на «о») острословиях которого так и брызжет истинный талант. Радушие – его стихия. Впрочем, все люди. Кто без греха? Злые языки утверждают, что Александр Ильич (как и отчасти его приятель Аркадий) патологически скуп. Скопидомство его (наследие трудной жизни предков) проявляется во всем. Он никогда ни с кем не обедает, не завтракает, не ходит на банкеты и т.п. (понимая необходимость взаимности и не будучи в состоянии преодолеть своего отношения к трудовой копейке).

Копанев – любимейший ученик Смирнова (как Саша Мальцев – Тихомирова). В свою очередь, и Александр Ильич любит до самозабвения своего учителя. Предан ему, как рыцарь, готов повторять все его бредни, когда идет в бой с противниками шефа (со мною, в частности). Что-то солдатское, нераздумное в этом проявляется несомненно. В нежном отношении к Ивану Ивановичу проявилось также и исконно русское милосердие к больным, убогим, несчастным. К этому нужно добавить и признательность за то, что сделал для него Смирнов, и многое другое. Перечислить составляющие нераздельного чувства – в общем-то затея пустая. Но, конечно, последовательный реализм И[вана] И[вановича] в конечном счете абсолютно чужд трезвому реализму Александра Ильича.

У нас с Копаневым сразу же, сполна, со дня первой встречи установились самые дружеские отношения. Иногда он иронизирует надо мной («Ах, эти ушлые москвичи»), иногда юродствует («Куда нам, лапотникам»), иногда умиляется, но всегда с открытым сердцем и живым чувством. Иногда не разберешь, «восхищение» у него или осуждение на его устах.

Постепенно как-то наши пути-перепутья несколько разошлись и из-за почвенничества Александра Ильича («инородцев» – эстонцев и прочих недолюбливает), но никогда от него ни слова с антисионистским душком я не слышал. Но дружба осталась все такая же. Сам Александр Ильич считает, что мне, де, Лурье и Панеяхи ближе.

Послевоенная жизнь у Александра Ильича складывалась трудно, но он кряхтел, все выносил без ропота. В эру борьбы с космополитизмом ЛОИИ прикрыли. Копанева отчислили (ведь надо же было кого-то отчислять, а он бывший «полоняник»). Он устроился в Рукоп[исный] отдел БАН, потом стал там начальником, получил квартиру. Работал и там на полную катушку (описания рукописей, издание комментированное перевода Буссова – изумительное) и т.п. Совсем недавно перешел обратно в ЛОИИ (долгое время не соглашался, так как проигрывал в зарплате). В прошлом году утвержден в докторском звании (я был оппонентом, но по болезни в Ленинград не поехал).

Работы Александра Ильича прежде всего отличаются фундаментальностью, плотностью (как и их творец) и самородной неожиданностью суждений, не вспышкопускательством, а серьезной оригинальностью. В самом деле. Книга о белозерском землевладении (кандидатская). Его метод географического изучения структуры землевладения, конечно, не единственный из возможных подходов, но новый и плодотворный. А приложение к книге – три карты настолько тщательно выполнены, что до сих пор (а дело было в 40-х годах) не имеют равных. Его датировка двинских актов (в ГВНП) по четвертям столетия была также находкой, успешно реализованной.

Каждую работу выполняет Александр Ильич с удивительной добросовестностью. Его комментарии к «Судебнику 1589 г.» – лучшие в издании судебников. Для, казалось бы, простого дела он вскопал огромный фонд рукописей, благодаря чему показал реальность отношений, зафиксированных в этом странном памятнике. Его описания рукописей, продолжая традицию, стали вместе с тем образцовыми, лучшими по типу и по тщательности в советской науке (кроме, может быть, Описания Музейного собрания Кудрявцева и др.). А перевод Буссова? А учебное издание сборника источников о Болотникове, где он с Маньковым собрал и прокомментировал все известные сведения об этом движении.

Копанев прежде всего самостоятелен (где речь не идет о Смирнове), но не стремится к оригинальности, а к познанию истины. Не он – его личность чувствуется во всем, его видение мира.

Творческая индивидуальность Александра Ильича проявилась отчетливее всего в его докторской, посвященной крестьянам Подвинья XVI в. Это – синтез его многолетних разысканий (начиная с Судебника 1589 г., многочисленных изданий актов и делопроизводственных материалов, кончая многими его статьями).

В целом работа Копанева – гимн во славу смекалки, труда и свободы северо-русского крестьянина, а сам автор – певец созидающего непреходящие ценности труженика русского Севера (вроде Федора Абрамова в литературе). Копанев был одним из тех, кто поддержал (а может быть, и вдохновил) Носова на трактовку северо-русского крестьянина, как свободного, на его теорию предбуржуазного развития русского Севера (интересно, что в комментариях к Судебнику 1689 г. у Копанева эти мысли еще отсутствовали – и время было другое, и автор еще не созрел). Удивительно, как добротность работ у Копанева, обогащающего их глыбами все новых и новых источников, совмещается у него с романтической мечтой о «золотом веке» севернорусского крестьянства. Человек по природе и жизненному опыту осторожный, он в своих убеждениях тверд, хотя на рожон не полезет (см. его спор с Черепниным). Там, где касается дело мечты, Копаневу верить трудно (за родную землю он и муки принять готов, и примет грех плутовства на свою душу).

Иной характер у его приятеля Аркадия Георгиевича Манькова. Выходец, очевидно, из среды городского мещанства, он и темой-то первой диссертации выбрал «Цены в Московском государстве XVI в.». В ней он скопидомно собрал по крупицам громадный материал, превратив исследование в ценнейший справочник. Человек трудолюбивый, он абсолютно лишен творческого начала. Для него истина там, где какое-то утверждение повторяют авторитетные историки. Поэтому он с подозрением относится к новациям Копанева и Носова, склонен разделять банальности старших московских лаптеведов. Выискивать и пересказывать источники, думаю, это самое лучшее, на что он способен.

Человек в общем добродушный (даже может в чем-то и наивно провинциального Пиквика иногда напоминает). Он не умен и не самостоятелен. Для блага всех он стал руководителем при Носове отделом феодализма. Розовощекий, с недоумевающим выражением на круглом лице, пересеченном очками, сквозь которые бегающе сверкают небольшие глазки, он не отличается пышущим здоровьем (побывал однажды в нервной клинике). Женат на дочери тверского краеведа, миловидной Алле Анатольевне Вершинской, провинциальной умничке, работающей в музее атеизма (Казанский собор). У Маньковых две уже взрослых девочки. Конечно, главою дома по существу является Аллочка. С Аркадием Георгиевичем у меня отношения самые добрые, но прохладные, ибо характеры различны, а жизнь так быстротечна…

На научную стезю последний ученик И.И. Смирнова Юрий Георгиевич Алексеев вступил сравнительно поздно[167]. По возрасту же он близок к поколению учеников Романова. Флотский офицер в прошлом, он всячески стремится это подчеркнуть (ходит во флотских шапке и пальто, а

[167] В 1954 г. он кончил Университет, в 1957 г. поступил в аспирантуру, в 1961 г. стал сотрудником ЛОИИ, в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию.

долгое время и в полуморской форме вообще). Небольшого роста, слегка заикающийся, он, несмотря на это, не лишен известной привлекательности и элемента ущемленной гордыни. В быту он избрал манеру разговора и поведения, которая сближает его с некоторыми слегка чудаковатыми героями Диккенса и Достоевского: «Изволите ли видеть… Мой поклон нижайший Наталии Александровне и Сергею Александровичу». Жена Юрочки происходит из рода Римских-Корсаковых.

От своего учителя Алексеев фактически ничего не перенял, скорее его учителем был Копанев (к которому Юрий Георгиевич испытывает чувство почтительного уважения). В ранних работах (в том числе и в книге о Переяславском землевладении) Юрий Георгиевич как бы говорил: «Извините меня, Александр Александрович. Но я остаюсь при факте. Так было в Переяславском уезде. А что было в других, я не знаю». И действительно, книга его представляет собою добросовестно изложенный и систематизированный материал по этому уезду. Никаких обобщений. Никаких сопоставлений. Никакой дипломатики как метода исследования. Что есть, то есть, а от остального «уж увольте». Целая программа. В ней безусловно резон был.

Отношение к литературе вопроса у Юрочки возмутительное, сколько раз я ему говорил об этом[168]. Философия простая: «Если читать труды других, то не хватит времени писать собственные». С близким к нему Копаневым все же у Юрочки были некоторые расхождения. Философия апофеоза культа предков, кровью платившие за завоевание земель инородцев, в общем-то чужда Алексееву. Он – государственник (как мне кажется) в чистом виде, слуга Отечества, созданного могучим гением Петра. Но и сходство (в смысле отстаивания государственного начала)между обоими есть. Так, оба моих друга набросились, как звери лютые, на беднягу Н.Н. Покровского (при обсуждении его книги о старообрядстве в Сибири XVIII в.). Как же! Раскольники выступили против православия, а к тому же подрывали прочность государства. Зато при обсуждении глав по истории культуры одного из коллективных опусов Копанев обрушился на текст с позиции величия древнерусской культуры, а Алексеев все-таки говорил, что было – то было. Отставали[169].

Алексеев после кандидатского периода развития существенно изменился. Он в паре с Шапиро редактировал «Аграрную историю» и познакомился благодаря этому с математическими методами исследования. Его стали волновать такие общие вопросы, как взаимоотношение

---

[168] Впрочем, сейчас он пишет книгу о социальных отношениях по Псковской судной грамоте, где у него масса литературы и – увы – мало (их и в наличности вообще мало) источников. В ней он занимается больше логическими выкладками, чем описанием реальностей. Словом, можно сказать так: поздний Алексеев идет к раннему Зимину, тогда как поздний Зимин догоняет раннего Алексеева.

[169] *Видимо, опечатка.*

волости с вотчиной и государством (Павлов-Сильванский). Он начал заниматься законодательными памятниками (ПСГ), словом, влез в общие проблемы феодализма XIV–XV вв. Что будет в конце концов, пока не ясно. Во всяком случае Юрочка человек самостоятельный, твердый в своих убеждениях, а то, что иногда он в жизни, говоря словами одного ленинградца, «придуривается», так это сущие пустяки.

Среди учеников С.Н. Валка заслуживают упоминания лишь двое – Н.А. Казакова и А.Н. Цамутали.

Наталия[170] Александровна Казакова[171]– тоже питомец еще довоенного[172] Университета[173] (кажется ее учителем был Валк). Человек она добротный, солидный, земной, фантазий не любит[174], трудится всерьез.

Ее муж погиб на войне[175], и она одна воспитывала[176] свою болезненную (сердце) дочку[177]. Да и сама здоровьем не отличалась[178]. С 1963 г. несколько раз побывала в нервной клинике. Внешне этого не скажешь – она как бы воплощенное спокойствие. В течение ряда[179] лет она преподавала в ЛГУ, работала в Пушдоме[180] и, наконец,[181] обосновалась

---

[170] *Ред. 2-а/3*: Наталия. *Текст о Н.А. Казаковой воспроизводится по главе «Птенцы гнезда Петрова» – 2-му или 3-му машинописному экземпляру редакции 1976 г. Однако он имеется и в более кратком – неполном варианте. Это первый экземпляр той же машинописи, скорее всего, с обширными собственноручными поправками и дополнениями, которые далеко не все вошли во второй распространенный вариант. Хотя оба варианта напечатаны одновременно, о чем свидетельствует текст на обороте, посвященный характеристике Иоасафовской летописи. Краткий текст находится на с. 19, а более распространенный (однако его нельзя назвать «окончательным») – на с. 18 оборота сочинения на ту же тему. Рукописные авторские вставки краткого варианта выделены жирным шрифтом, зачеркнутые места – курсивом. Видимо, правка первого экземпляра послужила основой для окончательного текста, который хранится (если он цел?) в личном архиве автора..*

[171] *Ред. 2а/3*: (р. 1915).

[172] *Ред. 3*: Ленинградского.

[173] *Ред. 3*: который кончила еще до войны.

[174] *Ред. 2а*: «фантазий не любит» – *зачеркнуто, ред. 3* – отсутствует.

[175] *Ред 2а*: погиб на войне *зачеркнуто. Вместо этого рукописная вставка*: специалист по истории СССР новейшего периода. В 1949 г. был исключен из партии, снят с работы и тогда же умер от инфаркта. *Ред. 3*: был специалистом по истории СССР новейшего периода. В 1949 г. его исключили из партии, сняли с работы. Тогда же он и умер от инфаркта».

[176] *Ред. 2а*: пришлось одной воспитывать (*рукоп.*), (сердце) – *зачеркнуто*.
Ред. 3: Наталии Александровне пришлось воспитывать свою болезненную дочь одной.

[177] *Ред. 3*: Наталии Александровне пришлось воспитывать свою болезненную дочь одной..

[178] *Ред. 3*: и сама она не отличается здоровьем.

[179] *Ред. 2-а и 3*: многих.

[180] *Ред. 3*: Пушкинском.

[181] *Ред. 2-а*: с 1960 г. (*рукоп.*); *ред. 3*: с 1960 г.

в ЛОИИ. Начала она трудиться с Ганзы[182], в частности[183], издавала и переводила ряд актов[184] для ГВНП (1949 г.)[185]. В[186] прошлом году[187] издала книжку, в которой собраны ее ганзейские штудии, основательные, повествовательные[188], с одной несложной идеей (основанной на большом трудно доступном материале[189])[190]: Россия была добром, Ганза и Орден[191] – злом.

У Лихачева[192] работала над темой[193] о нестяжателях. Выпустила и книжку с сочинениями Вассиана Патрикеева[194] и «Очерки по[195] истории общ[ественной[196]] мысли первой трети XVI в.»[197]. Увлечение Патрикеевым привело ее к находкам, очень интересным[198]. При всей ее рассудочности[199]чувствами определялись генеральные идеи книги: Патрикеев д.б. хорошим[200], а отсюда[201] в духе[202] раннего Носова он «прогрессивный боярин», в плане Каштанова периодизация деятельности этого князя-инока.

К текстологии она пригубилась. Хотя во вкус не вошла. К общественной мысли как таковой оставалась равнодушной. Ее больше волновали политические аспекты мысли: реабилитировала Максима Грека

---

[182] *Ред. 3*: с изучения русско-ганзейских отношений XIV–XV вв.

[183] *Ред. 2*: *зачеркнуто.*

[184] *Ред. 2а*: ганзейских (*рукоп.*) актов.

[185] *Ред. 3*: Уже в 1949 г. издала в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» тексты и переводы ряда русско-ганзейских актов.

[186] *Ред. 3*: Итогом ее работы в этом направлении была книга о ганзейских штудиях, изданная в 1975 г.

[187] *Ред. 2а*: *Зачеркнуто, вместо этого*: в 1975г (*рукоп.*).

[188] *Ред. 2а*: *зачеркнуто.*

[189] *Ред. 3*: Книга добротная, в ней использован громадный иноязычный материал. Идея ее проста: Россия всегда была добром, а Ганза и Ливония –злом..

[190] Н.А. Казакова. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI вв.. Л., 1975.

[191] *Ред. 3*: Ливония.

[192] *Ред. 3*: В бытность в секторе Д.С. Лихачева.

[193] *Ред. 3*: разрабатывала тему.

[194] *Ред. 3*: (1960).

[195] *Ред. 2*: истории (*рукоп.*); *ред. 3*: по истории общественной мысли первой трети XVI в. (1970).

[196] *Ред. 2а*: ественной (*рукоп. вставка*).

[197] *Ред. 2а*: нестяжатели (*рукоп.*).

[198] *Ред. 3*: Увлечение Вассианом привело Н.А. Казакову к интересным архивным находкам..

[199] *Ред. 3*: рассудочности автора генеральная идея книги определялась чувством: герой потому и герой, что он хороший.

[200] *Ред. 2а*: герой (Патрикеев) должен быть хорошим.

[201] *Ред. 3*: ее рассуждения.

[202] *Ред. 2а*: в духе рассуждений (*рукоп.*).

и вступилась за него (по вопросу о суде над ним), когда я пытался написать, что уж не таким «не от мира сего» был этот византийского типа плу[т]. Сейчас она работает над темой (объединяющей ряд ее статей) о русско-западных культурных связях XV–XVI вв. (как бы синтез двух ранних направлений ее научной деятельности).

У нас с Наташей добрые отношения, приятельские. Переписываемся, переспориваемся в статьях (она иногда обижается, но потом все успокаивается). В трудную минуту со «Словом» она, как и Копанев и Маньков, поддержала меня, написав, как и они, отзыв, в котором также выступила за публикацию книги. Надо сказать, что после этого у нее было обострение болезни: прибежала к ДСЛ с жалобой (мнительность, мания преследования), что ее хотят уничтожить за отзыв на работу Зимина. «А Вы не застрелите меня?» – сказала она ему.

Казакова – достойная продолжательница целого поколения видных ленинградских медиевисток (Добиаш, Любименко, Рыдзевская, позднее Скржинская и отчасти Люблинская).

Алешу Цамутали, одного из наиболее толковых учеников Валка, я очень люблю. Отчасти испытываю к нему что-то вроде родственного чувства – ведь он женат на моей ученице Милочке Ивиной. Алексей Николаевич – один из немногих в ЛОИИ представителей истинной, утонченной петербургской интеллигенции. Внешне во всем его облике есть что-то от Смоктуновского. Высокий, сухопарый блондин с выразительными грустными глазами, в которых таится утихомиренный на время нервный заряд. Отец происходил из моряков (где-то пра-пра, наверно, восходят к грузинам, хотя ничего грузинского в его облике нет). Мать – учительница высочайшей образованности. Когда я сказал о своих соображениях, касающихся Слова, Алеше, тот невозмутимо ответил на них: «Для меня в этом ничего нового нет. То же мне всегда говорила мама».

Блокада, которую Алеша пережил в Ленинграде, оставила у него ощущение кровоточащей, никогда не заживающей раны. Тщета мирской суетливости перед грозовым разрядом смерти.

Мягкий и корректный, он вместе с тем полон чувства человеческого достоинства, хотя и ощущает себя, наверно, доживающим свой век, а не дышащим полной грудью. Человек долга, он, как и все достойные ленинградцы, выполняет его всерьез, но без особой страсти. Он занимается историографией (Валк!). Выпустил книгу о народнической историографии, в которой слегка выдал идиоту Иллерицкому и был за это обруган в печати. Сейчас закончил исследование об историографических спорах 50-х годов XIX в. (Кавелин, Соловьев, Асаков). Но особой радости от этого не получил. Его бы была воля и возможность, какой бы прекрасный историк военного искусства из него получился. Память у него феноменальная. Он помнит всех командующих армиями и фронтами и пр. в годы Великой Отечественной.

То, что в течение долгих лет Алеша был секретарем парторганизации Отделения, было счастьем для ленинградцев, но тяжело отразилось на самом секретаре (нагрузка огромная). Дома жизнь складывается сложно. Милочка хорошая псишка, как и он, но он только сдержанный. Дочь долгое время жила с бабкой в Москве, а сейчас перебралась к родителям. А родители (прежде всего, Милочка) мечтают перебраться в Москву. Словом, беда. Алеша в общем не возражает. Если б только ему прибавилось жизнеутверждающей энергии! Он смог бы многое сделать. А так горечь, тоска, бесперспективность одолевают своими цепкими путами этого хорошего человека.

ИПА (Игорь Павлович) Шаскольский – тоже студент довоенного [...] тиного поколения – фигура, представляющая собою смесь комического и наукообразного начал. Сын перекрещенного владельца фармацевтического заведения (аптеки) на Невском. Гладенький, чистенький, в накрахмаленном воротничке [с] вислым носом и громадными залысинами. Когда В.Л. Янин на одном из совещаний попросил меня показать Шаскольского, я ему сказал: «Посмотри там где-то. Он похож на осла». Янин молниеносно отыскал Ипочку. Аристократически равнодушная мина на лице только прикрывает жадное любопытство ко всяким новостишкам. Ипа – первый сплетник в ЛОИИ. Именно он раззвонил о содержании моего доклада о Слове, когда ему проболтался Малышев (тоже хорош!) и содействовал тем самым появлению скопища любопытных на заседании 1963 г.

Как исследователь, он вполне доброкачественный. Знает шведский и другие языки (у Рыдзевской, кажется, учился). Педантичен, но неглубок. Всегда энциклопедичен. Службу несет исправно в книгах о критике норманистских концепций о происхождении Руси и вообще там, где это вызывается необходимостью, начиная с ранних статей, когда он вместе с Александром Невским бил шведов, и в статьях и книге о XVI–начале XVII в. Некоторое время крепил дружбу народов в Карелии, но потом местные историки (если их можно так назвать) изгнали его из Петрозаводска – для этих тугодумов он оказался слишком учен и недостаточно криклив. При своих средних интеллектуальных способностях и ординарности вообще все же Ипа честно зарабатывает свой хлеб трудолюбием и знанием того, что требуется знать в наше время чиновнику, называющему себя историком.

Написал Ипа докторскую о Столбовском мире 1618 г., о русско-шведских торговых связях ряд статей. Признан. Очень тихий, уютный, на все готовый историк, который, к тому же, не делал по жизни зла. Досадная накладочка – попал в фельетон в «Правде» в связи с делом Апостолова и др., укравших, в частности, Тявзинский договор 1595 г. Так ведь ничего особенного он не сотворил, просто «отфутболил» коллекционера к Рябошапко, сославшись на то, что не знает, что за документ у этого любителя древности. И потом – в «Правде»-то только сказано всего навсего: «профессор Ш.», а не Шаскольский, значит, скоро все забудется.

Следующее, послевоенное поколение историков в ЛОИИ возглавляет Николай Евгеньевич Носов[203] Он же уже много лет заведующий этим отделением Института Истории[204]. Носов, как и Панеях, Ганелин, Ананьич – ученик Б.А. Романова[205], некоторое время допускавшегося до преподавания в Университете (после войны)[206] с 1944 г.). Сын профессора-правоведа, Николай Евгеньевич по наследству перенял очевидно отцовскую импозантность и красноречивость (школа «Златоуста» Романова этому содействовала). Фронтовик – контузия изредка дает себя знать. По манерам, кругу чтения, либеральности он, как средневековый феодал, сохраняет преданность своему учителю-сюзерену. Ему претит вульгарный социологизм вообще (и Смирнова, в частности). Хотя от широких построений отказываться он не хочет.

От Романова Носов унаследовал и любовь к живой плоти истории – фактам и документам. Он их как бы смакует, обсасывает, как смачно приготовленные гусиные лапки. Он переживает (и подчас пережевывает излишне долго) каждое слово источника. В этом есть что-то недозрелое, приводящее к осовремениванию (модернизации источников) XVI в., которые нужно исследовать по определенным методическим правилам, ибо ход мысли и стандарты у человека XVI в. были иными, чем у исследователя второй половины XX в.

Николай Евгеньевич – большой барин (в хорошем понимании этого слова). Он со вкусом любит быть значительным человеком. Понимает, что это значит во все времена, и в наши тоже. Пользуется кредитом у направляющих организаций Ленинграда. Несколько раз его пытались съесть московские киты: сначала это был Хвостов, в последнее время – Нарочницкий. Не удалось. А то, что труд по истории пролетариата в Ленинграде получил Гос[ударственную] премию, укрепил положение Носова. Но сейчас беда в одном – у Николая Евгеньевича со здоровьем плоховато. Инфаркт. А это звонок.

Носов сумел достигнуть многого. Он пользовался сочувствием и Тихомирова, и Черепнина (который отнюдь не все его идеи склонен разделять – ленинградцы, с одной стороны, подопечные – он частый оппонент по диссертациям у них, а с другой – они выступают против почти всех его социологических представлений).

У Носова хорошие отношения были с Волобуевым и Рыбаковым. Так что у него были все шансы стать член-корреспондентом. Но теперь все осложнилось (с падением Волобуева). К тому же у Льва свой кандидат – Пашуто. Я желаю, со своей стороны, Носову всяческого успеха. Для ЛОИИ то, что он возглавляет Отделение, огромное счастье. Нигде сейчас нет таких возможностей для развития науки, как в ЛОИИ при

---

[203] *Ред. 2а*: (р. 1924).

[204] В штате института он с 1951 г.. И[сполняющим] о[бязанности] заведующего ЛОИИ стал в 1961 г., когда инсульт стукнул М.П. Вяткина.

[205] После смерти Б.А. Романова Носовым руководил И.И. Смирнов формально.

[206] *Ред. 3*: с 1944 г.

Носове. Носов, опираясь на когорту романовских и смирновских учеников, сумел сделать Отделение цитаделью науки, не допустил засорения авантюристами и невеждами.

Наши отношения с Носовым складывались трудно. Сначала они были приятельскими (Романов!). Затем, когда Каштанов (по моему совету) написал творческую рецензию на первую книгу Носова (о губных старостах и городовых приказчиках), Носов (мнительный и обидчивый) воспринял ее болезненно (и в личном плане, и как противостояние москвичей ленинградцам, извечно существовавшее). Он обиделся на Сережу в Ленинграде (а потом в статье в «Проблемах источниковедения»), смысл которой сводился, что Каштанов вроде как вульгарный социолог. Состоялась дискуссия. В нее я ввязался. К сожалению, сам Сережа (обычная история) увяз в предисловии к своему выступлению, где были одни только ссылки на классиков, а до сути дела так и не сумел дойти. Подобное выступление в Ленинграде только подкрепило позиции Носова. Все ленинградцы поддержали его, а я с Милой Ивиной и Ритой Бычковой, конечно, ничего сделать не могли.

Надо сказать, я несколько раз участвовал во всевозможных обсуждениях. Впервые это было в 1950 или 1951 г., когда обсуждалась рецензия Смирнова на Тысячную книгу. Затем на обсуждении книги Смирнова о Грозном, на Болотниковских чтениях, с докладом о Максиме Греке (уже в конце 60-х гг.). В 1965 г. я приезжал с докладом о классовой борьбе XVI в.

Размышляя по прошествии довольно длительного времени о нашей полемике с Носовым (я напечатал статью в «Вопросах архивоведения», где он и ответил мне, а Каштан все молчал), я думаю, что надо было отнестись ко всему спокойнее. Здравый смысл в выступлении Носова был. С одной стороны, он сам грешил выборочностью привлечения источников и описательно-правовым подходом. С другой – односторонность (через политику все) «системы» Каштанова все-таки существовала. Оба автора пытались свои недочеты изжить. Носов во второй книге привлек уже «глобально» все ж[алованные] г[рамоты] середины века. Каштанов в «Дипломатике» дополнил политический анализ формулярным. Полемика имела свои реальные плоды.

Во время обсуждения «Слова» Носов был приглашен начальством для участия в дискуссии. Но он понял, что эта история дурно пахла (а обоняние у него превосходное), и в столицу не приехал. В тех условиях это было для него вызовом Хвостову. И это несмотря на наши споры и разрыв приятельских отношений.

Постепенно отношения стали налаживаться. Я не говорю о своем чувстве благодарности за то, что он не воспользовался случаем и не пнул меня в 1964 г. Причин улучшения отношений много. Прежде всего для этого была реальная основа – один круг идей, людей и нравственных представлений. К черносотенцам и охотнорядцам Носов всегда относился резко отрицательно.

Я ему в его пути не помеха. Наоборот, его идея о двух путях в истории России XVI в. мне кажется плодотворной (если снять некоторые излишества) и может быть ключом к пониманию Смуты (а вообще-то ее корень – восток и запад в истории России). Итак, когда Носов бывает в Москве, он не оставляет без внимания наш дом. Я всегда считал себя глубоко ему обязанным. Ну, а разница характеров и т.п. – разве же можно найти двух одинаковых людей на свете! Не так ли? Ну вот и хорошо. Парни Носова пошли по исторической тропочке. Старший – славяно-русский археолог.

Второй рыцарь Романова – Виктор Моисеевич Панеях. В Ленинграде за ним укрепилось прозвище «наша совесть». Правда, иногда говоря, что у Панеяха всегда «свои принципы», слегка дружески улыбаются (принципы подчас переходят у Витеньки в упрямство). Если говорить о взбрыкиваниях, то тут он мне напоминает Вадима Александрова. Но только в этом.

Культ Бориса Александровича Романова доведен Панеяхом до предела, прямо приобретает характер иконопочитания. Сам Витенька вышел из среднемещанской еврейской семьи и пробился в науку благодаря своему упорному труду и незаурядному логическому мышлению (первоклассный шахматист, в университете приятель Корчного). Уже на студенческой скамье у Б.А. Романова он написал превосходную вдумчивую и исполненную большого труда рецензию на книгу Манькова («пересчитал всего Манькова», как говорили тогда). Она была благодаря содействию Яцунского (а тот в статистике сам был дока) напечатана в «Вопросах истории».

В характере Вити внешне проглядывает некое пижонство – «это уж вы валяйте там. А я не историк. Мне бы вот посидеть в компании. Выпить. Провести время с девочкой». Словом, любит выпендриваться («я этого не знаю»). Но за всем этим проглядывает не только кокетство и тщеславие, но чувство настоящей ответственности за каждое сказанное им слово. На суждения Панеяха вполне можно полагаться. Если они даже тебе кажутся субъективными, то во всяком случае они за собой имеют огромный фундамент доказательств и глубокую мысль. Когда раз в году он остается в должности ученого секретаря, то выполняет свои обязанности с подчеркнуто чиновничьим усердием. К сожалению, не являясь «членом», он не может продвинуться на лестнице чинов. Но в ЛОИИ его назначили пробивателем работ в Издательство, и эти свои обязанности он выполняет с усердием и добропорядочной солидностью. Последовательный сторонник порядка, он готов вспыхнуть, когда видит какое-либо нарушение законности в делопроизводстве.

Витенька при этом человек компанейский, ленинградцы его очень любят. Он умеет по-хорошему провести время за разговором со стаканчиком в руке, никогда не превысив своих возможностей. Способен под шафе сказать Неупокоеву (тогда он секретарь в Институте): «Кто ты есть? Пока ты секретарь, с тобой считаются. А так ты – полный нуль».

Абсолютно лишен угодливости, но дистанцию с людьми старшего возраста и табели о рангах[207] всегда соблюдает, считая это признаком вежливости (даже со мной, хотя-то уж мы-то с ним дружим так долго). Витенька-формалист? Да нет, не сказал бы, если не считать формализмом поклонение женским формам.

К работе своей относится всегда с чувством полной ответственности (как и другим поручениям) – говорит, что это служба, а служба – дело серьезное. Пижонит, ибо историю любит. Тема его жизни – романовская – холопство. Его диптих (Служилое холопство, холопство в XVI в.) великолепен. В научных построениях он чина не знает, разве что деликатен по отношению к своему учителю. Ну, да это другое дело. Исследования Панеяха основаны прежде всего на адовом труде кодикологического и статистического изучения многочисленных кабальных книг. В анализе законодательных памятников – он прямой продолжатель Б.А. Романова с его логическо-правовой интерпретацией. Некоторая узость (отрыв от всех других проблем холопов и от других источников) у него все же есть. Но зато какая основательность и самостоятельность в выводах. Он убедительно опроверг искусственные построения Грекова (а затем Корецкого) и показал, как постепенно положение кабальных улучшалось, приближаясь к крестьянскому.

До появления работ Носова в ЛОИИ господствовало актографическое направление (как реакция на вульгарный социологизм). Панеях, Алексеев и др. были его глашатаями. Но теперь все изменилось.

В период «Слова» Панеях был в числе тех, которые решительно поддержали меня по существу сделанных выводов и в борьбе за право на мысль. Раньше он частенько бывал у Лихачева на заседаниях отдела (Руфа, Лева и Наташа – его соученики по университету). После Слова, считая поведение Лихачева аморальным, он перестал туда демонстративно являться. И всеже он способен обижаться несправедливо. Речь идет об одном эпизоде, связанным с защитой им докторской диссертации. Горечь после него у нас осталась (взаимно). Я был, и отзыв мой был самый положительный. Но на защите […][208]

К числу учеников Романова[209] отчасти принадлежит и Наталия Николаевна Масленникова, и конечно, ее основным учителем был Д.С. Лихачев[210]. Вместе с ближайшей подругой Руфой Питолиной (Дмитриевой) они были восторженными поклонницами таланта и обаятельной личности Дмитрия Сергеевича. Руфа всегда держалась в тени красавицы Наташи, в облике которой, в пронзительных глазах, странной суровости которой было что-то от Марфы из «Хованщины». Родители псковитянки Наташи – историки. Мать писала кандидатскую по Пскову в Смуту

---

[207] *Написано над зачеркнутым*: чинах.

[208] *Пропуск в тексте.*

[209] *Ред 2а*: по Университету (*рукоп. вставка*).

[210] *Ред 2а*: но кандидатскую диссертацию она писала под руководством Д.С. Лихачева..

(Проскурякова). Преподавала во Пскове, потом стала жить с Наташей. Отец, доцент-медиевист[211], преподавал в Ленинграде. Жил отдельно от Наташи и матери[212]. Руфа в Ленинграде поселилась у[213] Наташи, которая помогала ей, чем могла. Я любил, приезжая в Ленинград, забегать к ним на огонек. Это стало известным Дмитрию Сергеевичу, тот «возревновал» и запретил им принимать меня (об этом мне стало известно гораздо позже). Для него непонятно, наверно, как это так, я мог приехать на один день в Ленинград специально на «Дон Сезара де Базана» по телеграмме Наташи и Руфы без какой-либо потайной причины. А я просто любил эту пьесу и Чеснокова и не меньше любил совершать неожиданные поступки в духе героя пьесы. Вылощенный красавец Лихачев был в душе пошляком-мещанином[214].

Под руководством Д.С. Лихачева строгая, целеустремленная Наташа написала диссертацию о присоединении Пскова к Москве и выпустила в ЛГУ книгу на эту тему (Л., 1955). Наиболее интересные ее страницы посвящены архитектуре и литературе Пскова (Филофею и летописям). Книга написана твердо, скупо и просто (у Наташи мужской характер и железная воля, она всегда внешне холодна, но какая-то дьявольщинка проглядывает в ее спокойном взоре).

Что там дальше случилось в ее жизни, я не знаю. Разговоры – не источник, когда речь заходит о людях, которых ты глубоко уважаешь.

В дальнейшем[215] некоторое время Наташа работала в отделе рукописей ГПБ[216], а затем перешла в Библиотечный институт, где нашла свое призвание как педагог, горячо любящий своих учеников. Досадно, что[217] Руфочка, приобретя в супруга[218] Левочку Дмитриева[219], который безнадежно[220] придыхал по ее подруге[221], прекратила всякие отношения

---

[211] *Ред. 2а*: *определение* блестящий *вычеркнуто*.

[212] *Ред. 2а*: *написано вместо зачеркнутой фразы* Была ли у него другая семья, не знаю.

[213] *Ред. 2а далее зачеркнуто*: у своей подруги.

[214] *Ред. 2а*: *рукоп. вставка*: Так, командировку Вали в Ленинград он рассматривал, как «инспекционную поездку ревнивой супруги».

[215] *Ред. 2а, 3*: После окончания аспирантуры Н.Н. Масленникова (*рукоп. вставка*).

[216] *Ред. 3*: Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

[217] *Ред. 2а*: *вычеркнуто*: шакалица.

[218] *Ред. 2а*: приобретя в супруга *вместо вычеркнутого* подобрав с помощью свата Малышева.
Ред. 3: Руфа, выйдя замуж за Л.А. Дмитриева.

[219] *Вырезан отдельный фрагмент*: вряд ли со стороны ее тут были какие-либо нежные чувства. Брак по расчету с ее стороны и по малодушию с другой. А в общем спокойное счастье. То, что дорога к нему у Руфы связана с предательством подруги, ее не беспокоит. Игра стоила свеч. *Карандашная помета Я.С. Лурье на левом поле*: Неразделенная любовь – самая сильная.

[220] *Ред. 2а*: *слово* безнадежно – *рукоп. вставка*.

[221] Ред. 2а *вычеркнуто*: чьей взаимностью не пользовался.

с Наташей, опасаясь[222], чтобы та своим присутствием не нарушила ее семейное счастье[223]. Вот так-то обстоит дело с женской[224] дружбой[225].

Прошли годы. Наташа постепенно вернулась к науке. Теперь она[226] в группе у Шапиро[227] взялась за изучение землевладения и хозяйства[228] во Пскове XVI–XVII вв. Тема трудная. Но упорство Наташино успешно[229] преодолело все сложности[230]. Естественно и просто она вошла в[231] коллектив аграрников[232]. Стала ездить[233] на симпозиумы. Ей удалось с успехом проложить новые пути в науке и жизни.

С Наташей[234] мы навсегда остались добрыми друзьями. Когда она бывает в Москве, всегда[235] заходит к нам[236]. Печалится нашими бедами, радуется успехами. Раз в год обмениваемся традиционными новогодними приветствиями.

«В семье не без урода». И в романовской, в частности. В семинаре Бориса Александровича[237] некоторое[238] время подвизался[239] однокурсник Наташи Масленниковой[240] Руслан Николаевич Скрынников, причисляющий себя к числу романовских учеников. Но он или[241] сам ушел от Романова[242] или был им изгнан[243] и дипломную[244] писал о Плеханове[245],

---

[222] Ред. 2а *вычеркнуто*: как я полагаю.

[223] *Ред. 2а*: *вычеркнуто* т.е. чтоб у тишайшего Левочки не вспыхнули какие-либо воспоминания, чувства к ней.

Ред. 3: (Лева ранее придыхал по ее подруге).

[224] *Ред. 2а*: *вычеркнут рукоп. текст* благодарностью.

[225] *Ред. 3*: Такова цена женской дружбе.

[226] *Ред. 3*: Теперь уже она стала историком русской экономики.

[227] *Ред. 3*: в группе, которой руководил А.Л. Шапиро.

[228] *Ред. 3*: крестьянства.

[229] *Ред. 2а*: *слово* успешно – *рукоп. вставка.*

[230] *Ред. 2*: все сложности *написано над вычеркнутым* успешно их. *В ред. 3 отсутствует вся фраза.*

[231] *Ред. 3*: в новый.

[232] *Ред. 3*: *слово отсутствует.*

[233] *Ред. 3*: аграрные симпозиумы, с успехом пролагая новые пути в науке и жизни.

[234] *Ред. 3*: С Н.Н. Масленниковой мы остались навсегда.

[235] *Ред. 3*: *слово* всегда *отсутствует.*

[236] *Ред. 3*: навестить наше семейство.

[237] *Ред. 2*: Б.А.

[238] *Ред. 3*: одно.

[239] Ред. 2а: Однокурсник Панеяха и Масленниковой (*рукоп. вставка*).

[240] *Ред. 3*: В.М. Панеяха и Н.Н. Масленниковой.

[241] *Ред. 2а*: *вставка*: или.

[242] *Ред. 2*: Б.А..

[243] *Ред. 2а*: *рукоп. замена* или был им изгнан; *ред. 3*: Но он в конце концов или сам покинул Романова или был им изгнан.

[244] *Ред. 3*: работу.

[245] *Ред. 2*: не то о каком-то другом (*зачеркнуто*).

деятеле[246], довольно далеком от эпохи Ивана Грозного[247]. Затем последовала аспирантура в ЛГПИ у Бернадского о новгородском поместии XVI в., затем работа в[248] Морском атласе, снова ЛГПИ, докторская диссертация[249] и, наконец, после разоблачения[250] фальсификации Кинана бросок в Университет[251], где декану нужен был и возможный противовес[252], и преемник Мавродину. Путь наверх! Как все в карьере Скрынникова заурядно, даже издание книжки о Кинане с помощью звонка!

Смазливый, томный (небольшого роста)[253], с подслеповатыми пустыми глазами в очках, он даже внешне[254] напоминает Лихачева в миниатюре, а если учесть[255] манеру писать, сходство усиливается. Масштабность, правда, не та[256]. Ханжа и подхалим до противности (шмидтовского типа, хотя и[257] без его вертлявости и с большим блеском). Даже В.М. Туроку он прислал свою книгу о Кинане (Владимир Михайлович[258] был просто одним из членов редколлегии Научпопа в Издательстве[259] «Наука», где Скрынников хотел напечатать краткого Грозного), хотя тот был специалистом[260] по Австрии конца XIX–XX вв. Эту же книгу презентовал он и Рахматулину (который занимается XIX в, но работает в редакции журнала «История СССР»), а уж о надписи на книге Черепнину даже Лев говорил с удивлением («Ваши замечательные труды для меня были» и т.п.).

Скрынников дьявольски[261] трудолюбив[262]. Легко пишет, в стиле «поп»[263] (автор[264] более десятка статей в «Знании – силе», «Прометее»[265],

---

[246] *Ред. 3*: жившем в эпоху, довольно далеко отстоящую от излюбленного позднее Скрынниковым времени Ивана Грозного.

[247] *Ред. 2*: (будущего основного скрынниковского героя) *зачеркнуто*.

[248] *Ред. 2а*: работа в.

[249] *Ред. 2а*: *рукоп. вставка*: докторская диссертация 1967 г.; *ред. 3*: об опричнине со ссылкой: Р.Г. Скрынников. Начало опричнины. Л. 196; Он же. Опричный террор. Л., 1969.

[250] *Ред. 3*: разоблачения.

[251] *Ред. 3*: *Далее до конца абзаца* (звонка!) *текст отсутствует*.

[252] *Ред. 2а*: *рукоп. вставки* был; противовес.

[253] *Ред. 3*: *вместо последних трех слов*: небольшого росточка.

[254] *Ред. 3*: *далее*: чем-то.

[255] *Ред. 3*: *замена*: Если же обратить внимание на его.

[256] *Ред. 3*: *замена до конца абзаца*: Правда, масштаб не тот. Впрочем, это дело наживное. Его подхалимский тон вызывает чувство непомерного раздражения..

[257] *Ред. 2а*: хотя и (*рукоп. вставка*).

[258] *Ред. 2а*: В.М. Владимир Михайлович (*рукоп. вставка*).

[259] *Ред. 2а*: Издательстве (*рукоп. вставка*).

[260] *Ред. 2а*: но специалистом-то он был (*рукоп. вставка*).

[261] *Ред. 3*: необычайно.

[262] *Ред. 3*: *доп.*: хотя исследовательской школы у него нет.

[263] *Ред. 3*: *доп.*: чем широко пользуется.

[264] *Ред. 3*: *замена*: У него.

[265] *Ред. 2а*: Прометее (*рукоп. вставка*).

«Науке и жизни» – и[266] об убийстве[267] Дмитрия, и о Симеоне Бекбулатовиче, Курбском, об опричнине, о все том же Кинане). Не[268] лишен блеска фантазий, основательность[269] которых приближается к прочности карточного домика. Полное отсутствие нравственного начала, страстное желание[270] «изобразить ученость», а не понять предмет, губительно действуют на все творчество Скрынникова[271]. Для него как «романтика», сопричастного к бесам,[272] все дозволено. Поиск правды, как таковой, его интересует разве что как игра[273]. Главное, чтоб все видели его, Скрынникова[274]. «Посмотрите, де, какой я умненький, благоразумненький»[275]. Он действительно превосходно интерпретировал Синодик (обратившись и к рукописям, что делает, как правило, очень редко). Хронологический подход его в целом верен[276]. Он впервые широко привлек казанские писцовые[277] книги[278]. Но из всего этого сделал парадоксальный вывод – эти его «открытия» якобы[279] и объясняют сущность опричнины: писцовые книги – первый этап, синодики – второй. Но его сила обернулась слабостью. Поэтому он не смог свести концы с концами в общей схеме,

---

[266] *Ред. 3*: *доп.*: причем на броские темы.

[267] *Ред. 3*: *доп.*: царевича.

[268] *Ред. 3*: *замена*: Руслан не лишен дара.

[269] *Ред. 3*: *замена предложения*: Но основательность его построений при ближайшем рассмотрении оказывается эфемерной..

[270] *Ред. 3*: *замена*: в сочетании со страстным желанием изобразить «ученость»

[271] О книге Скрынникова против Кинана я подробно говорю в полном тексте статьи о первом послании Курбского.

[272] *Ред. 3*: *текст*: как романтика… бесам *отсутствует*.

[273] *Ред. 3*: *замена*: Вместо поиска правды игра в сооружение карточных домиков.

[274] *Ред. 2а*: *зачеркнуто далее*: Вот он и выкобенивается как Петрушка.

[275] *Ред. 3*: *замена*; *вместо*: Главное… верен *читаем*: Главное – это выставить на показ свою персону. Он на заре своей опричной деятельности действительно интересно интерпретировал Синодик убиенных Ивана Грозного, обратившись к рукописям этого памятника (как правило, Скрынников рукописями пренебрегает). Скрынников впервые показал, что убиенные царем расположены в хронологическом порядке.

[276] *Ред. 2а*: Впрочем, для меня еще не вполне ясно, как он соорудил сводный текст синодика – текстология у него покрыта мраком неизвестности («а концы в воду») (*рукоп. вставка*).

[277] *Ред. 2а*: писцовые (*рукоп. вставка*).

[278] *Ред. 3*: *доп. и замена до конца абзаца и еще двух*: для изучения опричнины. Но дальше он не утерпел и решил, что именно эти два памятника и объясняют существо опричнины: книги – первый этап, синодики – второй. А это было абсолютно неверно. Будучи «романтиком», Скрынников предпочитает рисовать картины прошлого по собственному усмотрению, а не доказывать те или иные предположения. Так, у него появляется мифическая «Семибоярщина» уже при Василии III, а она была, как известно, только в междуцарствии периода Смуты). Так, боярин Данилов становится главою новгородского заговора и т.п.

[279] *Ред. 2а*: всего *и* этого (*рукоп. вставки*).

приплел Данилова к «новгородскому делу», преуменьшил в десятки раз губительность новгородского похода и т.п.

Доказывать что-либо он считает лишним. Сославшись на одно свидетельство о существовании в Смуту «семибоярщины» (в занятой поляками Москве), он сделал вывод, что Семибоярщина непрерывно (или с перерывчиками) действовала на протяжении XVI в., во всяком случае с 1533 г. (вывод основан на передержках при его «доказательстве»).

Скрынников все время заботится о видимости науки (ссылочки и т.п.[280]). Ведь неспециалист не разберется, а специалист связываться не будет. В ЛОИИ, правда, Носов и другие не переваривают Скрынникова, знают ему цену[281], зато есть надежные друзья в Москве (Шмидт, Флоря и другие). А когда я попытался в ТОДРЛ в связи с критикой Кинана сказать несколько слов по адресу Скрынникова, то Лихачев (а вслед за ним услужливый Дмитриев) фактически заставили меня большинство реплик снять.

Отсутствие критической научной среды и обстановка фимиамства дает себя знать. В другой среде, может быть, и Скрынников держал бы свои страсти в узде. Ведь первые (печатные) статьи, хотя и основаны были на выборочном материале (и без привлечения архивного вовсе), но не были так бесстыдно жульническими, как последующие.

Романтик-то Скрынников романтик, но знает, в каком направлении он может давать волю своей фантазии (по мелочам, или в споре с Кинаном, Зиминым, или при объявлении Курбского шпионом и т.п.).

Холодная, скользкая, пустая душонка Скрынникова истинных ценностей не создаст. Он будет «в царстве подземном» на сатанинском пиру. Уж это точно. Сейчас он горою стал на защиту правительственных версий конца XVI – начала XVII в. (Самозванец – Отрепьев, Борис – не убийца, опровергая скептиков XIX – начала XX в.). Любопытен штрих. Он прислал в «Историю СССР» статью, в которой доказывал, что Собора 1598 г. не существовало, а все подписи под актом сделаны «задним числом», то есть через год. Статью приняли. Одновременно Скрынников написал письмо Л.В. Черепнину, в котором рассказал о своих выводах. Тот ответил, что после выхода статьи и разберемся, сейчас он так не считает (а Л.В. только что окончил книгу о соборах). Получив письмо Черепнина, Скрынников сразу же написал в журнал, что просит снять свою статью, так как в свете новых данных он пришел к выводу, что его наблюдения были ошибочными. Вот так-то. На ходу подметки режет. А вдруг Лев рассердится… А теперь я приведу несколько выдер-

---

[280] *Ред. 2а*: Иногда он прямо ловится, что их списывает. Так, у меня неверная сноска на страницу издания Шлихтинга, она же и у Скрынникова. На Исайю Руслан ссылается якобы по рукописи (с указанием листа), а по приложенной фототипии можно убедиться, что текст списан у Кинана (тот же случайный пропуск нескольких слов) (*рукоп. вставка*).

[281] Жена Скрынникова (Семенова) работает в ЛОИИ, недавно вместе с другими стала лауреатом Государственной премии. Ее родственница – К.Н. Сербина.

жек из писем Скрынникова ко мне (аналогичным несть числа), с тем, чтобы читатель мог получить о нем некоторое представление по его собственным текстам. Переписка началась в 1958 г., когда вышел мой «Пересветов», а Руслан начал подумывать об опричнине. Работал он тогда (после защиты кандидатской в ЛГПИ, не оставленный почему-то там Бернадским) в Морском атласе.

31.1.1959 г. «В моей коллекции нашлось немного не совсем ординарных марок, десятая часть их, может быть, представляет интерес для настоящего филателиста. Надеюсь, Вы не будете сердиться на меня за этот подарок».

23.09.60 г. «Вы – мой первый читатель и критик. Я давно бы бросил свои опусы, если б не Ваши благожелательные отзывы и моральная поддержка… У меня нет учителей после смерти Б.А. Романова… оказией, посылаю Вам несколько марок».

9.10.60 г. «Для меня Ваша помощь неоценима: без одобрения и поддержки я давно бы забросил тяжкую для моих плеч работу».

4.02.61. «Весною надеюсь прислать Вам несколько серий марок, которые, я уверен, доставят Вам много радости».

Марки сыпались, как из рога изобилия (со спецгашениями в Антарктиде, в частности, где работал двоюродный брат Руслана).

7.02. 60 г. «Дорогой Александр Александрович! Горячо поздравляю Вас с праздником Октября. Для меня эта годовщина знаменательна, так как с неделю тому назад я вступил в партию… Ваш совет дал очень интересные результаты, в частности, подтвердил Вашу правоту» и т.п. фиорєтуры неоднократны («Удивляюсь и завидую, дорогой Александр Александрович, Вашей удивительной работоспособности и энергии» в другом письме).

Но вот настал 1964 г. Обсуждение «Слова». И наш Руслан в письмах уже не писал дифирамбы: ибо он просто их не писал. Мало ли то могло случиться. А в своих статьях, услужливо предложенных тем, кого он считал моими противниками (в частности, Д. С-у) началась атака на Зимина. Книги об опричнине присылались. См. письмо от 19.01.66 г., первое после «ледяного безмолвия». Ведь в 1967 г. состоялась защита докторской (оппоненты – Шмидт, Мавродин, Шапиро). Затем он пытается сделать вид, что ничего не произошло (убедившись, что я уцелел) в кратких письмах от 3 мая 66 г., 22 марта 67 г. Все-таки, а вдруг я что-нибудь учиню. Так спокойнее. Я не отвечаю. И вот выходит его книга о Кинане. Он присылает мне. Я снова молчу. Это начинает его беспокоить – а может быть, книга не дошла? Или… 27.11.73 г. «глубокоуважаемому» А.А. (не дорогому – этикет) пишет письмо, в котором читаем следующие строки: «Мне было бы очень интересно знать Ваше мнение о книге, которую я Вам послал. Из-за рубежа мне писали дважды, что там готовится труд по поводу подложности Пересветова. Ваша книга о Пересветове давно стала классической. Я сам учился по ней и

учу студентов. Надеюсь, что будем с Вами союзниками». Он (и опять в своем стиле) протягивал мне руку. Я ее не пожал.

* * *

Патриархом историков-феодалов в Ленинградском университете является Владимир Васильевич Мавродин, кругленький, развеселый (в одесском духе). Он из тех добряков, которые предпочитают со всеми быть на дружеской ноге, благодетельствовать всем, чтобы не нажить от них (не дай бог) какой-нибудь неприятности. Мавродин – живая история советской исторической науки. Печататься он уже начал с 1934 г., когда ему было двадцать с небольшим. На любую тему писал с равным успехом – звона много, а толку мало. В ходе дискуссии о рабстве решительно поддержал Грекова и был награжден его милостями. К 1971 г. он уже являлся автором 25 книг и 200 печатных работ вообще, подготовил 50 кандидатов и докторов. Прибыл в Ленинград из города Рыльска. В1940 г. выпустил книгу «Очерки Левобережья Украины (до второй половины XIV в.)». Стал доктором и профессором. Затем пошли книги о Древней Руси, образовании единого русского государства, Петре I. Он автор первого тома трехтомного «Восстания Пугачева» и многих прочих работ составитель. Пишет легко и говорит, как пишет. Всерьез Вову Мавродина никто не принимает, хотя недавно чуть не проскочил в член-коры (когда противостоял Волобуеву). В меру пострадал в 1952 г. Но потом снова стал во главе кафедры, ученого совета (старый член партии).

Вот как странно: жил профессор, жил в свое удовольствие, написал уйму, а сказать о нем нечего

К числу учеников Мавродина последнего поколения относится Игорь Яковлевич Фроянов. У него черные курчавые волосы, ассирийская борода. Сам он с юга России. Кончал в Ставрополе у почтенного профессора Романовского. Затем пытался было учиться у меня – но никаких ставок я соорудить не мог. Мы остались с ним большими друзьями. Отправился в Ленинград. Здесь осел прочно. Квартира, защитил кандидатскую, затем докторскую. Об этом еще поговорим. Тема в общем-то одна – социальные отношения в Киевской Руси.

Игорь мне симпатичен. В нем сильна природная, здоровая закваска и провинциальная чистота и непосредственность. Ведь надо же, какую тему он взвалил на свои плечи и все же сумел найти некоторые аспекты решения запутанных вопросов, на которые не обращали внимания его предшественники. К тому же взгляд мальчика на андерсеновского короля всегда несет в себе очищение от скверны. Так было, в частности, и позднее, когда он сказал: «Никакая не категория крестьянства старожильцы, а просто свидетели на процессе, жившие долго в той или иной местности».

По своим взглядам на Киевскую Русь и зависимое население [...][282]

---

[282] *Строка или две в конце страницы 2-го экз. машинописи пропущены.*

Еще бы ему чуточку источниковедческого мастерства. Но какой Мавродин учитель! Забавно, что в статьях, написанных Мавродиным совместно с Фрояновым (а значит, Фрояновым), высказываются суждения, прямо противоположные тем, которые вещал Владимир Васильевич раньше. Но Мавродину все равно – лишь бы скандала не было.

Чем кончится дело с докторской Фроянова, не ясно. В ВАКе ее хотят зарубить. А тут еще Лев в сборнике к 90-летию Дружинина поместил отрывок из своего отзыва на эту диссертацию, получилось резко. Словом, зря. Дал козырь всем Толичкам Сахаровым и пр. Надо бы, чтоб Лев написал письмо в ВАК, подтвердив свое старое мнение, что Фроянов в общем достоин докторского звания. А то обещает написать Лихачев, но что он для Сахарова?!

Нет нужды много говорить о том, что Фроянов был одним из тех, кто решительно поддержал мою точку зрения на Слово.

Кроме Фроянова, Мавродин в науку никого не ввел: одних халтурщиков, да невежд, да, может, нескольких сереньких преподавателей.

В ЛГУ я знал еще двух профессоров – феодалов Пештича и Шапиро. Звезда Сергея Леонидовича Пештича засияла на научном горизонте еще в студенческие годы, когда он работал в источниковедческом кружке М.Д. Приселкова (из него вышли Лурье, Альшиц, Пашуто и др.). Михаил Дмитриевич темой для него избрал Татищева, и с тех пор Татищев и историография XVIII столетия стали темами жизни Пештича (его трехтомник по историографии XVIII в. лучший из тех обобщающих книг по историографии, которые появились с конца 50-х годов). Работа же о Татищеве, законченная чуть ли еще не до войны, только фрагментами вошла в трехтомник. В целом же она не издана. Именно Пештичу принадлежит честь на новом этапе развития науки поставить вопрос об «источниках» Татищева и на ряде примеров показать, что мы имеем дело с текстом, созданным самим историком XVIII в., а не исчезнувшими источниками. Пештич показал, сколь много приносит с собою обращение к рукописным редакциям «Истории» Татищева. Жизнь у Пештича не сложилась. Милый добряк стал пить, впал в меланхолию и по существу от пьянки и умер. Пештич горячо приветствовал постановку вопроса о Слове как памятнике XVIII в.

Александр Львович Шапиро в феодальную науку пришел сравнительно поздно. Образованный аграрник, историк крестьянства XVI–XVIII вв. Историограф. Либеральствующий слегка профессор, он не обладал особенно прочными основами, необходимыми для творческого труда (он схватывает все модное, обобщает, ставит проблемы – организует – и только). При жизни Яцунского он вместе с ним боролся с устюговцами, как выдумывающими «капитализм» в России XVII в., выступил против тезиса о «расшатывании» самодержавия крестьянскими войнами, против «приоритетов», занял компромиссную («расчлененную») позицию в споре о сущности черносошного землевладения (между Носовым и Черепниным) и т.п. Когда Носов выступил с тезисом

о двух путях, а Яцунский к тому времени скончался, Александр Львович начал делать реверансы зав[едующему] Отделением, находя также резон в поисках Николая Евгеньевича предбуржуазных явлений на русском Севере. Светский все же человек Александр Львович.

Одно предприятие, задуманное Шапиро и в значительной степени осуществленное, конечно, переживет нас и будет образцом для ряда поколений. Это «Аграрная история Северо-Западе России в XV–XVI вв.». Издано уже два тома этого коллективного труда, основанного на тщательном (иногда машинном) изучении всей совокупности новгородских писцовых книг по пятинам и землям Новгородского края. Лев говорит: «Я не в восторге: мне нечего из него взять». Действительно, каких-либо новых идей на поверхности этого труда нет, но фундамент систематизированных добротно фактов очень прочный.

К сожалению, я очень редко встречался с Глебом Владимировичем Абрамовичем (всего раза два на симпозиумах). Но к этому очень пожилому (лет 70), но юному душою историку питаю самую горячую симпатию. Глеб Владимирович (для Кузьмина[283] сообщаю: русский по происхождению), племянник того самого члена корр [еспондента] Абрамовича, который издал Киево-Печерский патерик и пр. Он один из участников предприятия Шапиро, хотя соб[284]

Долгое время он отсутствовал, так что к «большой науке» пришел на склоне лет. Красивый, широкой души, жизнерадостный человек, он, конечно же, превосходный лектор и собеседник. Но Глеб Владимирович и необычайно интересный исследователь. Его основная тема кандидатской – источниковедческий анализ новгородских писцовых книг, а докторской (защищал ее в 1975 г.) – новгородское поместное землевладение XV–XVI вв. Фундированность работ Глеба Владимировича всегда сочетается с неожиданной постановкой вопроса, открывающей для науки новые перспективы. То статья о безвозмездных ссудах, которые давали монастыри, чтобы удержать крестьян. То попытка проследить этапы испомещения служилых людей в Новгороде, связав это с перипетиями политической истории. То новый подход к «кризису» 60–70-х гг. XVI в. Читать его работы – чистое наслаждение пиршеством ума.

Словом, Глеб Владимирович – представитель того славного поколения 20-х годов, которые были совестью русской интеллигенции.

Своеобразную, несколько обособленную фигуру среди ленинградских историков представляет Вадим Борисович Вилинбахов. Человек с разветвленным генеалогическим древом, корни которого уходят в немецкий XII в. (отец его – известный ленинградский коллекционер). Жизнь у него сложилась так, что он вроде бы стал (не по своей воле) свободным художником. Все его попытки задержаться на службе (ЛГУ, Петрозаводский университет, Музей религии) наталкивались на его

[283] *Имеется в виду Аполлон Григорьевич Кузьмин.*

[284] *Далее внизу страницы отсутствуют одна или две строки.*

многоречистость и серьезное отношение к ней начальства. Вадим Борисович – один из тех, кто на дискуссии 1964 г. выступил в защиту точки зрения на Слово как на поздний памятник. Кандидатскую диссертацию (по истории русского оружия) он защитил поздно (около 1965 г.). Зато очень давно работает по сюжетам истории Древней Руси, главным образом доказывая западнославянское происхождение Руси. Множество статей на тему он издал в Польше, частью и у нас. Выводы его, основанные на комплексном разборе данных археологии, фольклора и письменных источников, не кажутся мне решающими вопрос. Но во всяком случае такую работу провести было необходимо, чтобы исчерпать все аргументы защитников данной теории, бытовавшей в нашей науке с XVIII в.

Жизнь заставляла этого несколько бесшабашного человека заниматься всем. И Бековичем-Черкасским, и изданием популярных брошюр. Сейчас вот он решил открыть новую страницу в своей биографии, углубиться в этнографию. Все его работы любопытны, но уж очень своеобразны. Мне он симпатичен, хотя большинство ленинградских и московских историков всерьез его не принимает. Сын Вадима Борисовича – молодой историк, работает в музее (Эрмитаже).

Вот и все историки – феодалы Ленинграда, о которых мне хотелось бы упомянуть. Ленинградцев я очень люблю. Подонков типа бывшего зав. отделом Вяткина и жабы Кочина почти не застал и с ними не сталкивался. Молодежь (крикун и фанфарон Свердлов и дотошный Миронов, смекалистый мужичишка[285]) от меня далеки[286]. О [многих я] писал в другой связи – честные труженики, преданные своему делу, лишенные лихорадочного блеска в очах при виде сладкого пирога (кроме Скрынникова). К москвичам они все относятся весьма уважительно, но боязливо и несколько иронически.

Каждый из ленинградских историков представляет собой яркую индивидуальность – это Личности, а не стандартные тени забытых предков (типа римских легионеров или лаптеведов). И вместе с тем у них сильно чувство братства, единства, научного общения друзей по любимой работе.

Приобретя несколько провинциальный вид (особенно после переезда АН из Ленинграда в Москву), коллектив ленинградских историков сохранил некоторые, но очень существенные традиции – главной из них было чувство необходимости абсолютно честного служения науке. Плоховато, конечно, с молодежью. Но, может, это трудности роста? Подождем – наука существует не десятилетия, а века.

* * *

Ленинград славен не только дружным, хотя и небольшим коллективом историков. В нем находится Пушкинский дом с его сектором

---

[285] *Возможно, эти два слова относятся к Миронову.*

[286] *Далее две строки наехали друг на друга и восстановление текста сделано предположительно.*

древнерусской литературы, всемирная известность которого неоспорима. «Имя Пушкинского дома Академии наук не чужой для сердца звук», – писал в своем стихотворном завещании один из гениев русской поэзии Александр Александрович Блок. Ярчайшая фигура на небосклоне древнерусской словесности – Дмитрий Сергеевич Лихачев – чем-то невыразимо похож на Блока. Своей, что ли, строгой красивостью, одухотворенной какой-то отчужденностью от земного мира (всегда на пьедестале), холодной поэтичностью. Не могу выразить чем, но что похож, – это бросается в глаза.

Он не из тех Лихачевых, которые дали другого академика, Н.П. Лихачева. Нет. Он даже с подчеркнутым снобизмом говорит, его дед был простым полотером в Питере. Студенческие двадцатые годы (окончил университет в 28-м). Увлеченность мистическими уклонами[287] дорого обошлась Дмитрию Сергеевичу. Вместе с другими сотоварищами по кружку идеалистов он попадает на Беломорканал или Соловки[288] (там же был и будущий приятель Д.С. – Д.П. Каллистов, незаконный сын Б.Д. Грекова, позднее профессор античности в ЛОИИ). Наследием этого пребывания в местах весьма суровых явилась первая работа Д.С. о блатном говоре («черты примитивизма воровской речи»). А позднее понятия, которыми обогатил Д.С. науку – «конвой» (в сборниках), «поэшелонное авторство» (Слова у Зимина) и, как воспоминание детства, – «этикет».

Думаю, что закалка трудовым энтузиазмом сыграла известную роль и в складывании его мироотношения – с огнем шутить нельзя, это он усвоил прочно. Увы, досадно, что некий писатель использовал наивную доверчивость маститого ученого и сослался пару раз на его рассказы о днях его юности. Экая бестактность.

Уже в 1932–33 гг. Лихачев работает литературным редактором, затем до 1938 г. корректором во всевозможных издательствах. В 1938 г. он поступает в Сектор древнерусской литературы – с этого же года начинается и список его трудов (если не считать статьи 1935 г. о «примитивизме»). В 1938–39 гг. еще только рецензии и одна популярная статья о летописях. Но тогда уже складывается у него тот интерес к Шахматову и летописанию (в 1937 г. редактор «Обозрения» Шахматова), который выльется в книгу 1947 г. «Русские летописи» (докторская[289] диссертация)[290], талантливо написанную, сочетавшую популярность изложения с всплесками красивых мыслей.

---

[287] *Далее зачеркнуты два машинописных слова*: видениями и учениями.

[288] *Два последних слова – рукописная вставка. Фактически на Соловках Лихачев был с февраля 1928 г. до ноября 1931 г., а затем работал бухгалтером на Беломорканале. В 1932 г. освобожден.*

[289] *Рукоп. вставка-сноска в конце страницы*: Кандидатскую (о новгородских летописях) защитил в 1941 г.

[290] *Слова в скобках – рукописная вставка.*

Под крылышком покровительницы умных и покладистых мальчиков В.П. Адриановой-Перетц (зав. сектором древнерусской литературы), женщины решительной и темпераментной, и начал свой путь в бессмертие томный молодой человек, обладавший большим художественным талантом и спокойным характером, и хорошим воспитанием. Сначала, конечно, он, как Глумов, оставался в тени старших по чину, но постепенно становился для них незаменимым.

Нет надобности останавливаться на всех ступенях его лестницы славы. В 1946 г. книга о культуре Древней Руси, проникнутая патриотическими идеями, и в связи с ней досадная полемика с М.Н. Тихомировым, рассорившая обоих ученых на всю жизнь.

В трудные годы издает Слово и ПВЛ (1950 г.) и выпускает книгу «Возникновение древнерусской литературы» (1952 г.), о которой он бы с удовольствием забыл. В ней он выступает резко против формалистов-литературоведов (Скрипиль, Еремин) и классиков филологии в прошлом – за марксистскую науку. Он противопоставляет византинизм господствующих классов народной культуре низов, истинно национальной, не подверженной всяким «влияниям». Россию, народное русское начало – вот что начертал он на своем знамени. Это соответствовало духу времени, и в 1953 г. он избирается член-кором, а в 1954 г. он становится зав. сектором древнерусской литературы. Началась эра его царствования, продолжающаяся до сей поры. Где-то в 1966 г. становится академиком. После 1956 г. Д.С. Лихачев выходит на широкую мировую арену (почетный в ряде академий). После смерти Скрипиля и Еремина и в обстановке «оттепели» он резко меняет курс своих исследований и становится провозвестником, создателем новой текстологии и изучения чисто литературных форм памятников Древней Руси («Поэтика древнерусской литературы», «Человек в литературе Древней Руси» и т.п.).

Д.С. Лихачев начинает слегка либеральничать, он по смерти Конрада возглавляет серию «Памятники всемирной литературы», а по смерти Виноградова (с которым у него отношения не складывались) по существу становится чуть не единственным оплотом науки в Отделении литературы. Таковы основные вехи. Теперь несколько слов о человеке.

Дмитрий Сергеевич, как поклонник и ценитель красоты [...][291] [живет] в мире своих сновидений. Он – мифотворец, создает по вдохновению шедевры.

Красота – главный идол, которому он поклоняется. И его флирт с историками древнерусского искусства имеет глубокую психологическую основу. Удивительно, как в Дмитрие Сергеевиче сочетается все это с бабьим началом мелочности, мещанства, капризности, мнительности. Этот поклонник красоты (холодный и спокойный) всю жизнь находится в атмосфере интриг, комбинаций и т.п. При этом мысль о душе, о том, чтобы остаться в памяти людской несравненным, не оставляет его никогда.

---

[291] *Далее во 2-м или 3-м экз. машинописи одна или две строки отсутствуют.*

Он мастер изящных эссе (которые и составляют основное содержание его книг). Никакой мелочности. Никакой проникновенности к истокам. Никакой доказательности – хочешь верь, хочешь любуйся. А разве красота или вдохновенность требуют доказательства? Для каждодневных, черных работ у Д.С. нет ни терпения, ни времени, ни желания. Эстет губит исследователя. Когда рассеются миражи, окружающие труды Лихачева, останется, пожалуй, только полезная сводка достижений его коллектива в «Текстологии» да хаос недодуманных мыслей.

Он сам и только сам. Все остальные созданы для того, чтобы быть солдатами в армии великого полководца. Как человек мнительный, он всю жизнь живет в надуманном им самим состоянии вечно кем-то преследуемого человека. А дело кончается тем, что Дмитрий Сергеевич «съедает» одного за другим своих противников, среди которых можно встретить и глубоко порядочных людей (как Еремин и Коновалов) и сонм его бывших оруженосцев, которые потом, как он понял, оказались дерьмом (Азбелев, Бегунов, Дубенцов) и просто негодяев (Лапицкий) и плутов (Моисеева). Чистка сектора – неписаный закон Д.С. Что в этом от азарта игрока, а что от инстинкта охотника, сказать трудно.

По своим взглядам где-то в глубине души, вероятно, Дмитрий Сергеевич славянофильствует. Он – глава тех, кому дорога Русь, как искренне, так и пижонски. Но это не Рыбаков. Дмитрий Сергеевич, помилуй Бог, не антисемит (это он уж слишком, нарочито подчеркивает), он – поклонник западной культуры и т.п. Все излишества просто неприличны. Он – человек гуманный, широких взглядов… разве что на донышке души, не доступной взорам посторонних. Недаром он любит повторять: «Нельзя читать в мыслях». Сейчас он с улыбкой встречает ученых с Запада. Ездит. Разве что нужно осудить Чмжевского, Биллингтона и Кинана, когда атакам подвергаются основы русской культуры. Вообще-то лучше, если это делается руками других (Лурье), но в случае необходимости и сам «ДС» (как его зовут в секторе) становится ратоборцем. Руками (кулаками) других он спорит и с Тихомировым (Азбелев) и с Зиминым (сам он фактически прямо со мной по вопросу о «Слове» не спорил, хотя и поместил статью в «Воплях», которая основана была на его выступлении на дискуссии 1964 г.) непогрешимость – вот предел мечты бессмертного Д.С.

Наши отношения были очень неровными. Когда я был ему нужен в его борьбе с Ереминым, он был само благожелательство, мы с Валей были приняты при дворе (конец 40-ых – начало 50-ых), как сейчас Шмидт. Затем с изданием Пересветова и полемики по текстологии, т.е. примерно с 1955–56 гг., отношения становились все прохладнее (как же, он ведь противник, оказывается, этих вульгарных социологов типа Пашуто, Зимина и др.). Затем Слово. Из-за его аморального поведения в ходе этой дискуссии (все делалось тайно за моей спиной, со мной запрещено было разговаривать секторянам, выпущен «Черный сборник», содержавший прямую безымянную полемику с моими выво-

дами). Я не говорю уже о его выступлении в ходе этой дискуссии. Когда я его (и свой ответ) распечатал и стал показывать, чтоб люди знали, кто есть кто, он забеспокоился и написал мне письмо в таком духе: «Я дал Вам текст не для того, чтоб Вы кому-либо показывали». Ну и ученый, который боится, чтоб знали, что он говорил за закрытыми дверями! Зная «богобоязненное [...][292]

[Года] два назад амнистировал (срок давности и опасность Рыбакова–Кузьмина), чему он был рад (ему нужна видимость для совести и Европы)

Последние двенадцать лет, т.е. после Слова, у меня не прибавилось друзей там, и молодежь я просто не знаю. Яша Лурье, Лева и Руфа Дмитриевы, Олег Творогов, Марина Салмина – все достойные люди. (Панченко я совсем не знаю). Беда их состояла в том, что ДС распоряжался их судьбами как небожитель. И докторами, например, они стали становиться только в последние годы (кроме Яши). Так, одокторились Олег и Лева лишь в 1973 г. А Марина и Руфа до сих пор кандидатствуют, хотя по уровню их научного творчества они не уступают самым ученейшим из ученейших мужей-филологов.

Олег Викторович Творогов по образованию лингвист. Источниковедом (и прежде всего текстологом) сделался в секторе. Чем-то неуловимым (носом, что ли, или кадыком, или всклокоченными волосами, или гортанным голосом, или не вполне естественно горящими глазами) похож на петуха. Дядя его – известный Творогов, любитель и хранитель псковских древностей, полусумасшедший старик, автор бредовых статеек о Слове. Думаю, что не только страсть к Слову (Олегу ох как не хочется увязать в Слове, но ДС все время на него нажимает), сколько не вполне здоровая психика у Олега наследственна. Дядю-то своего он отвергает (они в каком-то разладе). Обуянный гордыней, он обладает несомненным достоинством – сильным логическим мышлением при явном стремлении в конечных выводах навязать одностороннее, волевое, а не научное решение спорных вопросов. В истории со Словом он удивил меня полной непоследовательностью в поведении. Наворотил кучу неэтичных поступков (выступления с Левой в ленинградской печати до издания моей книги, был одним из авторов анонимной хроники в «Вопросах», но отказался получать гонорар, так как де текст ее исказили). В Черном сборнике написал статью, в которой походя присвоил себе (без ссылок) ряд моих наблюдений (о зегзице в К-Б и др.), оправдываясь тем, что это-де само собой разумеющаяся очевидность. Он выступал от имени чистой «учености», по зову сердца (где тут болезненный самогипноз, а где прямая ложь или расчет, я не знаю). Недавно положил голову за други своя, став как будто единственным в секторе, кто сопричастен Высшей благодати.

Олег – увлеченный до самозабвения труженик. Работа для него – все. Или мне так кажется? Интересно, какой он в быту? Научная судьба у

---

[292] *Строка нечитаема.*

Олега должна складываться (судя по ее началу) успешно, но в ней есть элементы червоточины, которые, не дай Бог, разовьются по мере его успехов.

В конце концов у нас с Олегом установились спокойные отношения. Иногда (пару раз) бывая в Москве, он заглядывает ко мне на огонек, держится подчеркнуто распахнуто, но внутри всегда настороже. ДС прочно привязал его к колеснице Бояна (он редактор справочника-словаря по Игоревой песне, он участник сессий по Слову и разоблачитель Сулейменова и т.п.). В 1975 г. вышла его первая книга – о хронографах.

Добрейший, милый, богобоязненный Левушка... По видимости, жизнь у него складывается успешно, спокойно и тепло. Семья. Любимая работа. Круг приятелей... Маленькие радости – за бокалом вкусного вина... И все же мне чудится какая-то грустинка во взоре этого хорошего, пусть несамостоятельного человека. Один из моих друзей излишне суров к нему и его творчеству (которое он считает ординарным). У каждого свой предел. У Левы тяга к описательному литературоведению. Всяческие источниковедческие штучки историков он не очень-то любит, посмеивается над ними. Но работы его добротны, основаны на выявленном им рукописном материале. Сначала под руководством В.П. Адриановой-Перетц – труднейшая тема о Сказании о Мамаевом побоище. Затем докторская (недавно вышедшая) – о севернорусских житиях. Она мне кажется интересней ранних работ, хотя и клочковата и не лишена бытописательности. В промежутках все то же Слово – комментированное издание Слова (книга о первом издании, полезная сводка, затем библиография, статьи и проч., издание Жития (Повести) о Михаиле Клопском и др.). Солидный запас прочности.

Руфа спокойно, но твердо сделала Леву из противника ДС (когда тот кокетничал с историками) в его оруженосца (и ДС ведь стал литературоведом в Левином понимании). Может, Лева и способен был на большее, но жизнь и властная, хотя внешне тихая Руфа не позволили в полной мере раскрыться его дарованиям.

Руфе нужен послушный, умненький-благоразумненький муж. Этого она добилась, превратив Леву в домашнее существо, которым она может распоряжаться по собственному усмотрению. Стал ли он от этого счастливее? Кто знает! Наши с ним добрые отношения из-за Слова прервались сначала по воле Д.С. Но потом эта совместная их статья в «Правде» о книге В.П. Адриановой под названием «Труд, побеждающий скептиков» мне показалась недостойным средством борьбы с неназванным противником и глухим упоминанием, что де за рубежом отрицают и пр. Поэтому я, не прерывая отношений с бедным Левушкой, теперь во всех письмах (новогодних) приветствую Руфу и Льва Александровича (а не Леву, как раньше).

Вообще, памятуя о «Слове» (а может быть, и о наших добрых отношениях с ее бывшей подругой Наташей), после 1963 г. Руфа всячески оберегала Леву от моего воздействия (вечером накануне доклада в фев-

рале 1963 г. она, смеясь, сказала: «Ты что, хочешь лишить моего мужа куска хлеба?» В этой шутке звучали и нотки тревоги).

Теперь о Руфе. Она до недавнего времени была объектом восторгов Яши: «Какая умница! Какой текстолог! Какой остроумный человек!» Теперь к его восторгам примешалась нотка горечи (после того, как весь сектор ощерился – надо сказать, не без некоторых оснований – на Клосса в споре его за «Ниловский» приоритет с любимцем Д.С. Г. Прохоровым). С Яшей Руфу до поры до времени (пока это не грозило ей осложнениями) [роднил] иронический склад характера. У этой тихой, молчаливой, конечно же, хищницы житейская цепкость и жажда семейного спокойствия не раз были основными двигателями ее поступков. Об истории ее замужества на Леве (вряд ли со стороны ее тут были особенно нежные чувства) я уже писал. Брак по расчету с ее стороны и по малодушию – с другой. То, что дорога к нему у Руфы связана с предательством подруги, ее не беспокоит. Игра стоила свеч.

Превосходный работник, тщательный исполнитель, прекрасный знаток рукописных собраний, Руфа безусловно обладает острым неженским умом. Так же, как Олег, она незаменима в случаях, когда нужен тонкий текстологический анализ. Но, как и у Олега, этот анализ только показывает ограниченность текстологии; у нее он поставлен на службу определенным заранее ясным для нее (требуемым) выводам. В итоге выяснилась многовариантность стемм различных памятников. Чарующая прелесть стеммы, как окончательного синтеза наблюдений в абсолютную истину, поблекла.

Первая работа Руфы (кандидатская) посвящена Сказанию о князьях владимирских. Это солидный труд. Основанный на огромном рукописном наследии и с блестками текстологических наблюдений. Но мне кажется, что главный ее вывод ошибочен: Зачем в 20-ые годы создавать произведение, являющееся апофеозом противника Василия III (венчан на царство Дмитрий-внук). В Сказании обосновывается переход венца царского на Русь. К тому же, древнейший и интереснейший список (Чудовскую повесть) я подсказал Руфе уже тогда, когда у нее сложилась концепция, и она его недостаточно оценила. И тогда же я написал рецензию, в которой отнес сложение Сказания к 90-м годам XV в. Спор длится по сие время, в нем приняло участие до десятка человек.

Все мои суждения она объявила с усмешкой фантазией, от прямой полемики воздержалась (она спорить не любительница). Затем по заказу ДС она опубликовала капитальную библиографию по истории летописания и принялась за Повесть о Февронии. А тут история со Словом. И вот в XX т. ТОДРЛ, вышедшем уже после дискуссии 1963 г., она не нашла ничего лучшего, как пнуть меня за то, что я, как и Ржига, датируем памятник XVI в (Лихачев в «Человеке» относил вслед за Скрипилем к XV в.). Без каких-либо доказательств. Позднее она отказалась от этого утверждения, но погрязла в сравнительно-исторических, мифологических параллелях (книга и статья ее еще на эту тему не вышли). Словом,

чтобы спасти ДС, она стала искать корни сюжета в фольклорной традиции о любви князя к простой девушке.

В период Слова она была, наряду с Олегом, наиболее сильным оппонентом. По «разверстке» ей отдана была проблема изучения соотношения списков Задонщины между собой («списочков не хватает», – жаловалась она Яше). В основу была положена схема Якобсона (под его влиянием или самостоятельно, не знаю). Ей же подсказал Яша идею о возможности перекрестного влияния К-Б на список (протосписок) У.

Она пользовалась приемами «микротекстологии», что очень опасно. И в итоге, как мне кажется, доказать ей ничего не удалось – тезис остался только прокламированным. Ее статья о Ефросине как писателе сделана добротно, но опять крайне тенденциозно. Вообще у Руфы нарочитость как-то на первый взгляд не чувствуется – она имеет дело с вопросами, где в условиях многовариантности отличие наиболее доказательного решения от просто возможного не столь ясно видно. Изолировав проблему списков Задонщины от Слова, она сосредоточила свое внимание на тезисе о позднем происхождении К-Б списка. Увы, и это оказалось невозможным.

Руфа издала несколько солидных статей о круге чтения в русских монастырях XV–XVI вв. Но все рассуждения о процентах «светских» и «несветских» произведений были чистым умозрением, так как отличить эти два типа произведений друг от друга просто невозможно. Издала Руфа книгу (текст с комментариями) о «Прении Живота со Смертью» (так же солидно, как и Лева «Повесть о Михаиле Клопском»). Руфа – серьезный и там, где дело не касается воли ДС, честный исследователь.

Последней слабостью Д.С. Лихачева стал Гелиан Михайлович Прохоров. Практически я с ним не знаком. Знаю только, что он был учеником Л.Н. Гумилева, разделявшим некоторые его представления. Потом перешел к Лихачеву. Прохоров, по мнению Лурье и Феннела, никудышный текстолог (см. статьи о Лаврентьевской летописи). Но мне нравится широта его постановок о византийском и русском исихазме. Это человек, широко и философски размышляющий, любящий древнерусскую литературную традицию.

Несколько слов об «изгнанниках» из сектора Лихачева.

Лисичка Моисеева, сестра известной ленинградской балерины, человек плохой, льстивый, неискренний, самовлюбленный, лживый, но вместе с тем с довольно развитым интеллектом. Комплекс качеств, хорошо известный нам по «бесам» исторической науки. Ученица Варвары, она написала кандидатскую и издала книгу о Казанской истории. Там было много списков, никакой текстологии и сноп интересных наблюдений (не знаю, верных ли, ибо Моисеевой верить ни в чем нельзя). Моисеева – грузная, велеречивая, немного косоглазая, считает, что обольщать начальство и плести интриги – ее специальность. Почему она не поладила с Лихачевым и ушла в сектор XVIII в., мне так и не ясно.

В конце 1942 г. она предлагала мне вместе с ней заняться Словом (которое-де кажется ей сомнительным): она с позиции XVIII в. на дискуссии 1963 г. (когда все еще не было ясно) заняла вихляющую позицию, ну, а потом прямо «бросилась в объятья подонка Приймы». Последнее ее открытие, о котором она трубит почти год (недавно даже в «Правде» была статья, в которой упоминалось об этом) – бесспорное доказательство подлинности Слова. А дело в том, что в Ярославле Галина Николаевна нашла одну опись книг Спасо-Ярославского монастыря, где упомянут некий хронограф. Ах, ах, ах. Значит, Слово было в Хронографе, хронограф приобретен у архмандрита этого монастыря Иоиля. Здесь домысел восседает на догадке и догадкой погоняет. В монастыре, как показал Дмитриев, было три хронографа, и по описанию (подробному) ни в одном Слова не было. Допустим, этот хронограф был у Иоиля, но где доказательство, что в нем уже тогда было Слово? Может быть, оно позднее попало в конволют с хронографом и было подделкой и т.п. Впрочем, даже Д.С. и Олег (уж на что ратоборцы за Слово), и те считают «открытие» Моисеевой блефом.

А у нее всегда так. Ее докторская диссертация «Ломоносов и древнерусская литература» также содержала «ужасные» открытия – пометы Ломоносова на древних летописях (Кенигсбергской), которые, как оказалось, по почерку могли принадлежать и Баркову. Вся книга, конечно, патриотична (новые данные о гениальности Ломоносова), но вся состоит из: «может быть», «не исключено», «вероятно». В самом деле, Ломоносов (допустим) проезжал мимо какого-либо города, где находились монастыри с древними рукописями. Ну, разве он мог не остановиться там и не обратить внимание на такие ценности? Попробуй спорить, сразу попадешь в нигилисты. Ведь главное – благие намерения Моисеевой (а то, что ими вымощен ад, так кто ж это сейчас уже и помнит).

Бесспорно обладает ледяным скальпелем логического мышления Сергей Николаевич Азбелев. Сначала верный оруженосец ДС. Затем, когда его безмерное честолюбие помутило его разум, он был отстранен от работы в секторе и стал трудиться в секторе фольклора. Если ранее писал статьи против Тихомирова, то теперь стал выступать против теоретических построений и текстологических умствований Д.С. Лихачева (это не столь трудно). В этом его поддерживал и редактор «Русской литературы» Васька Базанов и директор Института Бушмин (оба – липовые член-коры, косящиеся на Д.С.). Но потом он надоел и Ваське, и тут у него не сложились отношения. Мстительный и мелочный Лихачев ставит Сереженьке всяческие препоны: и не пускает в старшие, и гробит докторскую – о фольклорных основах Задонщины, кивая на то, что де это все в пользу Зимина. А дело заключается в том, что в ходе дискуссии 1964 г. Азбелев решительно поддержал меня и нанес ощутимый удар по традиционной концепции. В самом деле, говорил он, если Задонщина – фольклорное произведение (а так считали в то время все), то Слово не может быть его источником, ибо сходство между па-

мятниками текстологическое да к тому же совпадает форма, а не сюжет (в фольклоре из письменных памятников берут лишь сюжет). Словом, он вытащил своих бывших друзей (и я, конечно) на почву текстологии и теперь все считают Задонщину письменным памятником. Все, кроме Азбелева, который продолжает подрубать сук под Словом, фольклоризируя [в оригинале – фольклоризирую!] Задонщ[ину] Я не обольщаюсь поддержкой Азбелева. В ней слышится мне не наука, а [за]данность – смертельная ненависть к Лихачеву и презумпция в основе построений. Кандидатская диссертация Сергея Николаевича была посвящена чисто текстологическому анализу огромного числа списков Новгородской III летописи. Яша ее хвалит.

Ушел из Института некий Дубенцов, прославившийся лишь тем, что издал автореферат диссертации, которая так никогда и не была написана. Вынуждена была уйти милейшая Оля Коновалова, автор интересных статей по стилистике Епифания (ДС вообразил, что могут возникнуть разговоры о нем и о красивых женщинах, и поспешил от нее избавиться). На заре 59-х, кажется, покинул древнерусскую литературу барабанщик Игорь Лапицкий (автор статьи о Шемякином суде и многочисленных выступлений).

Недавно сектор избавился от слюнтяя и амебы Бегунова. Юрочка – человек чувствительный, пригретый в свое время ДС-ом за собачью преданность (как и его друг Сережа Азбелев). Но время шло, этот шахматист, певец, и тяжелоатлет, и текстолог, и знаток стиля, знаток всех языков мира (все это он мог, но очень плохо) начал надуваться, как мыльный пузырь. Надо отдать должное Яше: он уже в первых статьях Юрочки (о кормчих и еретиках) увидел и его глупость, и отчасти нечестность. С годами к этому самовлюбленному Смердякову стало приходить чувство своего великого назначения, которое выпало на его долю в литературоведческой науке. Он вышел на мировую арену. В Болгарии он издал пудового Козьму (которого хотел защищать там как докторскую – случай был бы невиданный). Ни мало не сумняшись, издал в нем текст, который я скопировал и дал ему. Кандидатская о Сказании о погибели Русской земли была еще вполне добротной (ж… у него нормальная).

И вот на Славянском конгрессе в Варшаве он объявил главою литературоведения себя, а Лихачева с презрением третировал. Это было уже чересчур, ДС в гневе изгнал этого, к тому же какого-то скользкого человечка (к начальству Юрочка бегал-бегал, но ничего из этого не вышло).

В годы Слова он сначала отмалчивался (в карикатуре в одной стенгазете он назывался даже «скрытым мазонистом», но потом вполне раскрылся как холуй при начальстве). Мне он в 60-ые годы жаловался на обиды от Лихачева (его вечно кто-нибудь преследует), а то, что он безмолвствует – «ведь все-таки мой учитель». Но ни минуту я его излияниям, конечно, не верил. Затем в статье из Пиксановского сборника клепал на меня… Странная, патологическая фигура – что-то в нем того, наверно, с психикой.

Вот и все секторяне, о которых я мог бы сказать (о Яше и В.И. Малышеве пишу в другой связи). Есть в секторе знойная болезненная красавица Марина Салмина (из рода бояр Шеиных), автор прекрасной книги о Сказаниях про Москву и солидных статей про повести Куликовского цикла. У нас с ней, как и с другими секторянами, отношения добрые. В целом же Сектор древнерусской литературы – значительное явление в нашей науке. «Труды ОДРЛ» – лучшее из советских (и мировых) изданий, посвященных отечественным российским древностям. Заслуга в этом бесспорно принадлежит самому ДСЛ и всем его соратникам. Однако его линия (на создание себе прижизненного памятника), боюсь, приведет к тому, что после его смерти начальство Института (и не только Института) слопает секторян и не поперхнется.

Настало время прощаться с ленинградцами-древниками. Удаленные от столичной суеты, они сохраняют добротную, хотя и провинциально-консервативную основу, на которой только и может строиться истинная наука. Их иронически-брезгливое отношение к вульгарной социологии и «фантазиям», их горячая увлеченность наукой являются залогом их будущих успехов.

НЕСРАВНЕННЫЙ СТЕПАН БОРИСОВИЧ[293]

«Мир держится чудаками». Это ясно, как дважды два. Все основатели вероучений были переполнены чудачеств, как то считали добропорядочные, солидные люди. А разве не чудаками были борец с несправедливостью на земле, мечтатель из Ламанчи или мудрый мистер Тутс? На святой Руси чудаков было предостаточно, и относились к ним, как к посланникам небес. И юродивые, и полководцы, и герои литературных произведений (князь Мышкин и Алеша Карамазов).

Ну, а что уж говорить об ученых. Их чудачества стали темой многочисленных анекдотов и снисходительных усмешек обывателей: «Что с него возьмешь, ведь он такой чудак!». А между тем именно в «чудачестве», в голосе совести, не считающемся с условностями, и лежит путь к истинному познанию. С одним таким чудаком (Н.Г. Бережковым) мы уже встречались. Настало время поговорить о другом.

Степан Борисович Веселовский (1876–1952) окончил юридический факультет Московского университета в 1902 г. Специальным историческим образованием его Бог не умудрил. Поэтому снобы относились к

[293] *Данный раздел, отдельные фрагменты которого дословно совпадают с 3-й окончательной редакцией, опубликован в: Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 58–73 (Сер.: История и память. Учителя).*

нему, как к кустарю, не имеющему-де исторической школы[294]. А между тем плоть от плоти он был москвич, вырос из славной школы московских бытописателей. Женившись на дочери богатейшего текстильного фабриканта Цинделя, Веселовский приобрел значительные денежные средства. Их он пустил «в оборот», показавшийся, наверно, странным его тестю. Он нанял в Архиве Министерства юстиции писцов, которые ему копировали документы XVII столетия. Это ему позволило наиздавать еще до Октября уйму материалов по истории России XVII в.[295] Его первый солидный труд о сошном письме XVI–XVII вв. поражал своими объемами, громадой архивных материалов, множеством конкретных соображений[296]. Но переварить этот материал Веселовскому не удалось. Книга получилась сумбурной, хотя и до сегодняшнего дня служит неисчерпаемой сокровищницей указаний на документы и факты. Все изменилось после Октября. Старыми денежными купюрами из-за полной их ненадобности Степану Борисовичу пришлось оклеивать комнату. В архив он того широкого доступа, которым пользовался ранее, теперь не имел. Да и кто теперь там копировал бы ему новые материалы? И вот нашлась новая обитель, которая привлекла к себе взоры историка. Это – Троице-Сергиева лавра. С помощью жены, отчасти Л.В. Черепнина он примерно в 1925–1927 гг. продолжил в ней собирание документов. Теперь уже речь шла об актах землевладения XIV–XVI вв. из архива Троицкого монастыря. Под сенью Румянцевского музея (тогда уже Ленинской библиотеки) в 1929 г. он вместе с А.И. Яковлевым издает «Памятники социально-экономической истории», где ему принадлежала публикация троицких жалованных и указных грамот XIV–XVI вв. Накануне войны С.Б. Веселовский подготовил к печати сборник актов Троицкого монастыря XIV–XVI вв., насчитывающий более 2000 номеров. И до сих пор историки не сумели освоить этот громадный комплекс уникальных документов, доведя к 1975 г. издание только до 1526 г.

В 20–30-е гг. С.Б. Веселовский собирал и другие материалы – вкладные книги, синодики, акты разных монастырей. Маленький, сухонький, с подслеповатыми глазами и с каким-то выражением брезгливости на лице, Веселовский в жизни походил на Плюшкина или на кого-то из

---

[294] Неполную библиографию трудов С.Б. Веселовского см.: Археогр. ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 401–404. Об архиве Веселовского см.: *Левшин Б.В.* Обзор документальных материалов фонда академика С.Б. Веселовского // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 257–266. См. также: *Черепнин Л.В.* Степан Борисович Веселовский // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 9–41; *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог // Там же. С. 42–56, *Назаров В.Д.* Проблемы феодального землевладения в трудах акад. С.Б. Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР. Кишинев, 1978. С. 212–229.

[295] *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908; Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913; Т II, вып. 1. М., 1917; Акты писцового дела 1644–1661 гг. М., 1977 и др.

[296] *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1915–1916. Т. I–II.

приказных администраторов – дьяков. Он так сжился с миром людей XIV–XVI вв., что и сам составлял его часть. Этот мир интересовал его сам по себе, бескорыстно, без каких-либо опосредований заданностью темы. Веселовский открыл великую истину, что история – это живые люди, а не процессы. Только через людей можно показать давно ушедшее от нас прошлое. Веселовский впервые показал, что сам процесс понимания истины чарующе прекрасен, а писать для историка и публиковать работы – отнюдь не совпадающие занятия. Поступаться своими наблюдениями во имя публикации трудов он не желал.

Чего только не создавал Веселовский. Он составлял указатели к публикациям источников (Валуевскому сборнику, списку служивых людей 1573 г., изданному в 1949 г.), чертил бесконечные генеалогические схемы взаимоотношений внутри того или иного боярского рода, рисовал исторические карты XIV–XV вв. и т.п.

Степан Борисович жил в мире справочников, без которых, как он отлично понимал, наука существовать не может. Историки предпочитают тратить капитал, накопленный их предшественниками, Веселовский один был готов сдвинуть горы, чтобы восполнить растраты, произведенные его коллегами. Во время этой «скучнейшей» работы и происходил тот процесс духовного приобщения к людям прошлого, наследником которого Веселовский себя считал. Карты, созданные Веселовским, давали ему представление о тех необозримых просторах горькой российской земли, на которой жили его герои. Топонимические данные, впервые ставшие именно у Веселовского предметом исторического исследования, показали скрытую от исследователей предысторию землевладения бояр XIV–XV вв. Созданный С.Б. Веселовским «Ономастикон» содержал огромное количество сведений о древнерусских именах и прозвищах[297]. Справочник о дьяках XV–XVII вв. не имеет равных[298].

Множество альбомов с генеалогическими росписями и картотеки по истории фамилий (семей, родов) XIV–XVII вв. создавали надежную основу для изучения служилого сословия, которым столь несовременно было заниматься в 20–30-е гг. То, о чем мечтал Н.П. Лихачев, С.Б. Веселовский сделал предметом реальной работы. И делал это один маленький тщедушный человек, обладавший колоссальным стремлением к познанию. Делал подчас поспешно, со многими погрешностями, без достаточной источниковедческой строгости. Но все же делал, а не занимался шал-тай-болтайством.

У С.Б. Веселовского в работах обнаруживаются зияющие провалы и в литературе, и в использованных источниках. Он занимался дома, и то, что было у него в библиотеке и в его архиве, то и было предметом, о котором он размышлял. С трудами историков ему обычно и делать

[297] *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.

[298] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

было нечего: те озабочены бывали чаще общими построениями, чем конкретной жизнью времени. Но ни один ученый до С.Б. Веселовского не создал такой колоссальной базы для своих трудов, как он. Ни один не подверг ее хотя бы предварительному источниковедческому исследованию, хотя бы с учетом задач генеалогии, исторической географии, как это сделал Веселовский.

Для такой отшельнической работы у Веселовского волею обстоятельств сложились и благоприятные условия. Еще в 1929 г. он стал членом-корреспондентом. Удаленный от земной суеты, он не попал под колесо Молоха в 1930 г.[299]

Отсутствие источниковедческой школы в годы молодости, когда для занятия делопроизводством XVII в. приемы дипломатического анализа не были столь уж существенны, не всегда позволяло Степану Борисовичу понять акты XIV–XVI вв. как явление мысли человека, еще не перешагнувшего рубеж нового времени и мыслившего еще трафаретно («иконописно»). Не знал дипломатики С.Б. Веселовский, но потери от этого возмещало чутье.

С.Б. Веселовский, как и его любимец по исторической части граф А.К. Толстой, всю жизнь шел «против течения». Его ценили как «знатока фактов». Смешно! Факты для Веселовского – лишь материал для размышлений. Мерилом правды для него был не источник как таковой, а жизнь, точнее его, Веселовского, понимание жизни. «Теорию» (любую) он отвергал как занятие умственное, к истории отношения не имеющее. И вот этот одинокий искатель правды всем своим бытием показал тщету ухищрений хитроумных портняжек от исторической науки, пытавшихся приукрасить химерами голых королей, мелькавших в их современности. Мудрую простоту андерсеновского мальчика бросал им, как вызов, Степан Борисович. И ведь надо же такое в наш век положительный, в век несомненного торжества единственно верного Учения! Заниматься... какими-то служилыми людишками, их отцами и пращурами, родовыми связями, весьма сомнительными с точки зрения соцпроисхождения всех этих эксплуататоров. А оказалось, что именно в этом лежал ключ к пониманию реальной истории. И не только глубокой древности. Вот уже сейчас со страниц газет, журналов, книг не сходят рассказы о «династиях» (рабочих в первую очередь), а ведь изучать династии (служилых людей) призывал Степан Борисович за много десятилетий до того, как о них написал автор книги «Возрождение».

---

[299] Судьба могла сберечь Веселовского и другими путями. Ректор МГИАИ 30-х гг. Д.С. Бабурин (в 1938–1941 гг. там читал лекции С.Б. Веселовский) позднее рассказывал, что будто бы брат С.Б. Веселовского учился в одной гимназии с В.М. Молотовым. Однажды при встрече со стариком Степаном Борисовичем Вячеслав Михайлович поинтересовался, избрали ли его в академики. Этого было достаточно, чтоб Веселовский стал академиком. Может быть, то же высокое покровительство спасло Веселовского и от неприятностей 30-х гг.

Степан Борисович – «кабинетный ученый»? Ни в коем случае. Он всегда на передовой линии огня. При этом споры велись по существу, по основным проблемам наших древностей, против попыток подчинить схемам живую плоть истории. Вот он резко и недвусмысленно заявляет, что тезис А.Е. Преснякова (искавшего контактов между старой наукой и новыми установками) о том, что иммунитет идет «от земли», неверен: иммунитет (очень просто) создавался князьями, когда они выдавали грамоты[300]. Бог мой! А как же «земля – основа феодализма»? – «Разбирайтесь сами, – как бы говорил Веселовский, – я пишу лишь о том, что знаю по документам».

Вот уже сколько десятилетий в исторической литературе шел спор между сторонниками «указного» и «безуказного» закрепощения крестьян. С.Б. Веселовский перевел его в иную плоскость[301]. Он считал, что обе враждующие между собой лиги придавали слишком большое значение «в общем ходе развития крепостной зависимости вопросу об отмене Юрьева дня». Основное для Веселовского состояло в вотчинном режиме, породившем крепостничество. Имел ли указ о заповедных годах «общегосударственное или местное значение, остается пока под вопросом. Возможно допустить, что заповедные указы в первое время распространялись не на все государство», но «быстро, если не с самого начала» захватили «большой район». Позднее Б.Д. Греков и В.И. Корецкий примкнули к сторонникам «указной теории», но мне представляется, что прав был С.Б. Веселовский, а не они. Затем в 1936 г. сразу же после призыва обращаться к фактам выходит книга С.Б. Веселовского о селе и деревне в XIV–XVI вв.[302] В анонимном предисловии (написанном И.И. Смирновым) автора заклеймили за идеалистические построения, но снисходительно похвалили за привлеченный им большой конкретный материал. Ученик А.Е. Преснякова Б.А. Романов высказал несколько язвительных замечаний о том, что «робинзонада», провозглашенная Веселовским, фантастична[303]. И жизнь показала, что прав был именно Веселовский, ну а уж с «робинзонадой» разбирались другие.

---

[300] *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; *Пресняков А.Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость // Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии. Вып. 1 (XXXIV). П., 1927. С. 174–198.

[301] *Веселовский С.Б.* Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня) // Уч. зап. ин-та истории РАНИИОН. М., 1928. Т. 5. С. 204–217. Среди историков ходила легенда, что якобы Веселовский обнаружил в архиве указ о закрепощении крестьян, но потом его потерял.

[302] *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси. М: Л, 1936.

[303] *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского): Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков // Тр. ЛОИИ. М.–Л, 1960. Вып. 2. С. 419–477.

В разгар событий конца 1930-х гг., когда «жить стало лучше, жить стало веселее», С.Б. Веселовский обращается к изучению опричнины Ивана Грозного. И ведь надо же, старый дурак публикует капитальный реквием по невинно загубленным – Синодик убиенных Ивана Грозного[304].

В Ташкенте, в пору, когда не только коллеги-историки, но и «мастера культуры» с прямого благословения наследника грозного царя наперебой восхваляли мудрость и дальновидность политики Ивана IV, старый упрямец Веселовский на заседании историков в присутствии графа Алексея Николаевича Толстого разносит в пух и прах его историческую дилогию, противопоставив ей бессмертные творения другого графа Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного» и «Князь Серебряный»[305]. В 1943 г. он пишет и резко критический разбор трилогии Костылева «Иван Грозный» (удостоенную Сталинской премии)[306].

После возвращения в Москву наступает время усиленных занятий опричниной (наиболее интенсивно в 1945 г.). В начале 1946 г., когда ведущий исторический журнал получил респектабельно академическое название «Вопросы истории», Веселовский печатает в нем свою определяющую статью об опричнине. В ней он опрокидывает бытовавший тогда платоновский тезис об антибоярской («благотворной») направленности опричных переселений и репрессий времен опричнины. Не прошло и нескольких месяцев, как в постановлении ЦК ВКП(б) от сентября 1946 г. о кинофильме «Большая жизнь» прямо упоминалось «прогрессивное войско опричников», а Грозный назван был историческим деятелем «с волей и характером». Опять Степан Борисович писал невпопад. Ну, прямо блаженный какой-то! Дон Кихот, что ли? Очевидно, понимая бесперспективность занятий опричниной, Степан Борисович постепенно прекращает свои дальнейшие разыскания в этом направлении, и его работа остается незавершенной. И ведь надо же, что в том же богатом для Веселовского событиями 1946 г. он становится академиком. Его, конечно, боготворил (в душе) Борис Дмитриевич Греков. Противопоставив его кандидатуру С.В. Бахрушину, он на выборах обеспечил успех своему фавориту.

---

[304] *Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М; Л, 1940. Сб. 3. С. 245–366.

[305] Отзыв С.Б. Веселовского не был издан (Архив АН СССР. Ф. 620. № 85). Я тщетно пытался напечатать его в журнале «Новый мир» (в 60-е гг.) и в сборнике, готовившемся Л.В. Черепниным и В.Т. Пашуто («Писатель и историк»). Из указанной ниже публикации отзыв был вырезан в верстке. (От сост.: Публикация выступления С.Б. Веселовского о драматической повести «Иван Грозный» А.Н. Толстого состоялась только в 1989 г. в «Археографическом ежегоднике за 1988 год» (М., 1989. С. 305–313.) См. также: *Веселовский С.Б.* Царь Иван Грозный в работах писателей и историков: Три статьи. М., 1999. С. 35–50.)

[306] Академик Веселовский и образ Ивана Грозного // История и историки. М., 1973. С. 351–376.

На следующий год С.Б. Веселовский публикует работу о последних уделах на Руси[307]. Она стала тем зерном, из которого впоследствии выросло новое понимание двух важных проблем истории России XVI в. – путей политической истории страны этого периода и состава Боярской думы. В статье Веселовский рассматривал историю удельных княжеств и владений служилых князей (которых он также по-старому называл «удельными»).

Нанеся решительный удар по «антибоярской» концепции опричнины, С.Б. Веселовский должен был обратиться к выяснению тех сил, против которых были направлены мероприятия опричной поры. Его первоначальное (карамзинское) объяснение происходившего характером царя Ивана, думаю, вряд ли могло удовлетворить и самого Степана Борисовича. Совершенно естественно он обратился к изучению уделов. Борьбу с ними он рассматривал как продолжение Грозным политики отца и деда. Это было глубоко верное замечание. В работах С.М. Каштанова, В.Б. Кобрина, В.Д. Назарова, Б.Н. Флори, А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова вопрос об уделах и борьбе с ними великокняжеской, а позднее царской власти получил дальнейшее рассмотрение.

Новость постановки вопроса заключалась в том, что в старой науке объединительный процесс рассматривался с позиции Москвы (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.Е. Пресняков), а не с общероссийской. Изучение Веселовским уделов кончало с этой традицией.

Не менее важно было изучение Веселовским особенностей в положении служилых князей, сохранявших некоторые права самовластных властителей своих земель. Дальнейшее развитие науки привело к выводу, что эти служилые князья не входили в состав Боярской думы до начала 30-х гг. XVI в. (по рангу они были выше бояр), а этот совет при великом князе поэтому был лишен того «аристократически удельного» характера, о котором писали С.М. Соловьев и В.О. Ключевский и их последователи. В том же 1947 г. С.Б. Веселовский под покровительством Б.Д. Грекова выпускает книгу, которая подвела итоги его многолетним исследованиям в области истории феодального землевладения на Руси XIV–XVI вв.[308] Его книга на эту тему остается непревзойденным эталоном исторических исследований, написанных за последние десятилетия. И на этот раз не обошлось без покровительства Б.Д. Грекова, который тщетно пытался оградить Степана Борисовича перестраховочным (анонимным) введением. В нем отмечалось значение труда Веселовского, но и вскользь упоминались и его «некоторые утверждения», «вызывающие возражения» (текст написал в основе Л.В. Черепнин). Книга Веселовского неожиданна уже по форме изложения. Как правило, у нас историки цитируют, разбирают конкретный материал на

[307] *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Ист. записки. 1947. Кн. 22. С. 101–134.

[308] *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М; Л., 1947.

страницах своих работ, прежде чем сделать тот или иной вывод. Веселовский же его синтезирует. И сносок-то у него почти нет, и цитат-то совсем мало, а глубина исследования просто непостижимая. Что-то в лучших страницах близкое к В.О. Ключевскому. В книге С.Б. Веселовского дана широкая картина становления и распространения всех форм вотчинного и поместного (условного) землевладения на Руси XIV–XVI вв. Анализ судеб отдельных вотчин служилых людей и митрополичьего землевладения подтверждает общие наблюдения автора. Работа С.Б. Веселовского стала мощным стимулом к дальнейшему исследованию истории землевладения на Руси (работы Г.В. Абрамовича, Ю.Г. Алексеева, А.Я. Дегтярева, А.А. Зимина, Л.И. Ивиной, А.И. Копанева, С.М. Каштанова, В.Б. Кобрина, Л.В. Черепнина и многих других, в частности авторов «Аграрной истории Северо-Запада России»). Книга была первым томом предполагавшегося исследования. Написана она была, очевидно, еще до войны. Второй том должен был состоять из серии работ по землевладению отдельных представителей служилых родов. Этюды и статьи на эту тему написаны Степаном Борисовичем в 30-е гг. (первая из них датирована 1929 г., последняя – 1940 г.). Довести до конца исследование не удалось.

И солнце – не без пятен. Один раз Степан Борисович оскоромился. Речь идет о его рецензии на книгу А.И. Яковлева о холопах. Нет, по науке здесь было все в порядке. Дело было в другом. Я уже писал, что выход в свет в 1943 г. этой книги (получившей в рукописи Сталинскую премию) вызвал гнев в инстанциях. Еще бы! В ней на стр. 298 черным по белому было написано, что славяне («склабос») произошли от рабов («хлап»). Значит, славяне – народ рабов? Идеология фашизма? Надо дать решительную отповедь этому псевдоученому. И вот в ведущем историческом журнале появляются одновременно три рецензии на книгу Яковлева, написанные В.В. Виноградовым, С.А. Покровским (тем самым, которого Сталин назвал «самовлюбленным нахалом»), и... С.Б. Веселовским. Роли между ними распределены были отменно. Хитроумный Виктор Владимирович, виднейший и объективнейший языковед, писал только об этимологии, показывая, что «упражнения» Яковлева ничего с наукой общего не имеют. Подонок Серафим громил автора книги о холопах как антимарксиста. А вот Степан Борисович просто брюзжал на Яковлева за импрессионизм. И за всю ту же этимологию, и за невнимание к Русской Правде и к памятникам феодальной раздробленности, за то, что опубликованные Яковлевым документы носят случайный характер. Но ведь основная-то часть книги (236 страниц из 292) посвящена была концу XVI–XVII вв. Что бы взять и сказать о ее значении. Так нет же.

Веселовский уклонился от этого, сказав, что вернется к этой теме, когда будет написан второй том книги (он, как известно, вовсе не был написан Яковлевым)[309].

---

[309] Исторический журнал. 1944. № 10/11. С. 114–119.

Словом, история не очень-то красивая. Но главное – участие в проработке товарища. Даже если Веселовский был бы во всем прав (чего на деле не было), в сложившейся обстановке надо было бы воздержаться от выступления против своего старого товарища в печати. Что же такое случилось? Или одолела ворчливость? Или виновата ученая нетерпимость? Или близорукость, сродни детской наивности, подвела? Не хочется гадать. Факт удручающий, и возмездие не замедлило. Объявился космополитизм. У всех, как у людей, а у нас, феодалов, нет чтобы найти какого-нибудь Юзовского, взяли и набросились на Веселовского. Причем по иронии судьбы Степан Борисович попал в одну обойму с Яковлевым. Книга С.Б. Веселовского о феодальном землевладении, оказывается, была написана «с позиций буржуазной историографии», как громкозвучно объявил главный блюститель чистоты И.И. Смирнов[310].

После разгрома 1948 г. Веселовский перестал печататься[311]. В последние годы жизни он написал небольшую монографию «Род и предки Пушкина в истории»[312]. В ней содержится синтез его изучения боярских родов XIV–XVII вв. Книга была адресована широким кругам интеллигенции, интересующимся отечественной историей и литературой. Писал Степан Борисович хорошим, простым русским языком, как бы ведя умную беседу со своим читателем. Написал С.Б. Веселовский в книге «Подмосковье» разделы о подмосковных вотчинах бояр и детей боярских XIV–XVI вв. Они основаны были на большом актовом и топонимическом материале. Особенно полезны были списки сел и деревень Подмосковья, названия которых восходили к первым векам истории Московского княжества. К сожалению, текст разделов Веселовского был значительно сокращен издательством и в первоначальном виде не сохранился. По просьбе издательства я добавил какие-то общие слова в качестве предисловия к книге. В нем отмечал и «пробелы» в очерках Веселовского (отсутствие картины заселения Подмосковья до XVI в., «недостаточное внимание» к социально-экономическим вопросам и классовой борьбе) и то, что они дают «отчетливое представление об основных моментах истории Подмосковья XIV–XVII вв.»[313].

---

[310] *Смирнов И.И.* С позиций буржуазной историографии // Вопр. истории. 1948. № 10. С. 113–124.

[311] *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. 1947. Кн. 22. С. 101–131; *Он же.* Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1947. Т. 4. С. 505–520 и публикация: Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Ист. архив. 1951. Кн. VII. С. 300–396.

[312] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 39–139. Эта работа Веселовского была единственным из трудов историков-феодалов, напечатанной в «Новом мире» (1969. № 1. С. 170–203).

[313] Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв. М., 1962. С. 13–44, 369–393.

Книги об опричнине и землевладении служилого люда так и остались недоработанными[314]. И, несмотря на это, они оказали огромное, освежающее воздействие на отечественную историографию. Только после капитального исследования Веселовским земельной политики, направленности опричного террора и социальной структуры опричнины стал возможен коренной пересмотр в понимании этого важного этапа истории России (см. работы В.Б. Кобрина, С.М. Каштанова, Р.Г. Скрынникова, А.А. Зимина). В работах о служилых родах С.Б. Веселовским нанесен решительный удар по тезису о «реакционности» боярства, показано, что объединение Руси вокруг Москвы вызывалось потребностями военно-служилой массы. Пересмотр старых положений о боярстве происходил и в дальнейшем (работы Н.Е. Носова, Н.А. Казаковой, А.А. Зимина и других).

В январе 1952 г. Степан Борисович Веселовский скончался. Судьба Веселовского напоминает мне жизненный путь другого поперечного сумасброда – Александра Александровича Любищева[315].

В домашней обстановке я встречался с Веселовским однажды, когда заходил к нему с Б.А. Воронцовым-Вельяминовым, занимавшимся в ту пору генеалогией. Недавно один из руководящих феодалов в чувствах сказал, что наши классики – Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин. Может быть, и так. Но истинным историком был только Степан Борисович Веселовский.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ

Сейчас еще не приспело время для создания полного жизнеописания Михаила Николаевича. Еще недоступны и его воспоминания, которые он продиктовал в последние годы жизни на магнитофонную ленту. Но все же время безудержных прижизненных дифирамбов и посмертных реквиемов прошло. Отдавая должное Михаилу Николаевичу и как ученому, и как создателю целой школы историков, и как организатору науки, нужно попытаться объяснить «феномен Тихомирова» хотя бы в первом его приближении.

---

314 *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. Книга вызвала большой резонанс у нас и за рубежом. (См., например, рец.: *Дорош Е.* // Новый мир. 1964. № 4. С. 260–263.) *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Он же.* Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова // Ист. записки. 1946. Кн. 18. С. 6–91.

315 О нем см.: *Гранин Д.* Повести // Роман-газета. 1979. № 10.

В семье Тихомирова[316], конторщика одной из московских торгово-промышленных фирм, два сына связали свою жизнь с историей Московской Руси. Это Михаил (р. 1893) и Борис (р. 1895). Но судьбы их были различными. Борис в начале 30-х гг. стал одним из видных социологов, представителей так называемой «школы Покровского» (в 1939 г. его жизнь, тогда, кажется, декана истфака в Баку[317] – трагически оборвалась). Звезда Михаила Николаевича в то время еще только показалась на горизонте. Он был еще «фактоведом», далеким, казалось, от шумного времени.

Окончил он в силу семейных традиций коммерческое училище в Петербурге в 1911 г. (кстати, там историю преподавал ему будущий глава исторической науки Борис Дмитриевич Греков – карточка с автографом Грекова той поры висела в кабинете Тихомирова). В 1912 г. Михаил Николаевич поступает на исторический факультет Московского университета, который и оканчивает в 1917 г. Здесь его учителем, оказавшим сильное воздействие на сложение тематики и методики работы, был С.В. Бахрушин. В 1919 г. Тихомиров опубликовывает свою дипломную работу «Псковский мятеж 1650 г.», которая как бы продолжала статью С.В. Бахрушина о московском мятеже 1648 г.

Итак, М.Н. Тихомиров, как историк, родился после Октября. Его чуткое внимание к голосу эпохи, интерес к городу (семья!), классовой борьбе, любовь к архивным поискам – все это останется у Михаила Николаевича на всю жизнь.

Время было тревожное. Сразу после окончания Университета Михаил Николаевич поехал в Дмитров, где, работая в союзе кооператоров, занимался созданием Дмитровского краеведческого музея. Позднее, в 1925–28 гг., он выпустит ряд работ о городах и селах Дмитровского края, в которых найдет выражение интерес Тихомирова и к исторической географии, и к краеведению.

Весной 1919 г. Тихомиров отправляется в Самару. Работая инспектором народного просвещения, он посещал Иргизские монастыри, где обнаружил интересные архивные материалы. Работая под руководством В.Н. Перетца, он и сам начал в эти годы вести занятия со студентами по древним рукописям[318]. В 1923 г. он составил большое описание материалов архива Аксаковых. Так закладывались те основы интереса Тихомирова к палеографии и описанию рукописей, который он сохранил на всю жизнь.

---

[316] Всего их было пять братьев. Старший, Николай, умер от тифа еще в 1919 г. Окончил гимназию. Был человеком образованным, коммунистом, командиром полка. Второй брат, Сергей, – бухгалтер, […] Именно у него от двух жен было два сына. Третий брат, Владимир, кандидат технических наук, доцент (по сопромату).

[317] В 1927 г. поступил в ИКП, работал в семинаре у Покровского. Написал работы о Разинщине, ремесле XVI в., о крепостном хозяйстве Калужской губ.

[318] Самаре посвящена вторая изданная Тихомировым работа (1923 г.). В 1928 г. Тихомиров поместил статью о «Выписи о втором браке Василия III» в сб. статей в честь В.Н. Перетца.

В Москву Михаил Николаевич вернулся в 1923 г. С 1924 г. по 1930 г. он преподавал географию в техникуме. Преподавал он и на рабфаке. Одновременно он в 1930–37 гг. издал ряд пособий по географии.

Не оставлял в эти годы М.Н. Тихомиров и свои занятия историей (к которым прибавились и занятия над памятниками древнерусской литературы). С 1923 г. он состоял внештатным сотрудником рукописного отдела ГИМ'а. Здесь он принимал участие в описании рукописей и накапливал материалы по древнерусской литературе[319].

Одновременно в 1925–1930 гг. М.Н. Тихомиров работает в обществе по изучению Московского края (там же работал и С.В. Бахрушин), делая на заседаниях доклады и по истории Дмитрова, и первые сообщения по истории Москвы. С этого времени начинается особенно пристальное внимание Тихомирова к московским древностям (также одно из следствий влияния С.В. Бахрушина). В 1929 г. М.Н. Тихомиров совершает поездку в Волоколамский монастырь и начинает интересоваться историей вотчины этого феодала по собранным им документам XVI в. (статья опубликована в 1938 г.).

Итак, в годы господства «школы Покровского» М.Н. Тихомиров был далек от дискуссий по общим вопросам, да и организационно он не был связан с основными центрами исторической науки.

Новые перспективы для Михаила Николаевича открыли постановления партии и правительства 1934–1936 гг. и выдвинутая задача овладеть конкретными фактами. После восстановления исторических факультетов при Университетах М.Н. Тихомиров приглашен был на истфак МГУ, где он ведет семинары (с 1934 г.). В 1935 г. он выпускает свою книгу о Псковском восстании 1650 г., основанную в значительной степени на свежем архивном материале (очевидно, работал над нею он еще в начале 30-х гг.). С 1935 г. он начинает свою работу в Институте истории (получая в этом же году степень кандидата наук по совокупности трудов).

В Институте истории М.Н. Тихомиров включается в работу над двумя объектами, связанными с ученой деятельностью его учителей. Он готовит вместе с другими исследователями тексты Русской правды (тема Грекова) и пишет разделы о Древней Москве для коллективного труда, которым руководит С.В. Бахрушин (первые очерки опубликованы в 1936 г., тогда же рецензия на издание «Русской правды» Юшкова).

Патриотическая тематика, связанная с образом Александра Невского, появляется у М.Н. Тихомирова в 1938 г., когда он пишет рецензию-памфлет на сценарий Павленко и Эйзенштейна «Русь». Рецензия соответствовала постановлению о «Богатырях» Д. Бедного и задачам борьбы со школой Покровского. В 1939 г. последовала статья о борьбе русского народа с немецкой агрессией (XII–XIII вв.). Тогда же в «Большевике»

---

[319] Описание летописных памятников Синодального собрания он издал в 1942 г., статью о Вологодско-Пермской летописи – в 1940 г., найденную рукопись Московского свода – в 1949 г.

опубликована статья об исторических судьбах Западной Украины и Белоруссии в связи с их воссоединением.

Но основными работами предвоенных лет все же оставались у М.Н. источниковедческие. Среди них «Хрестоматия по истории СССР», т. I (совместно с Лебедевым и Сыроечковским) и учебник «Источниковедение истории СССР», т. I (на базе лекций, читанных в Историко-архивном институте).

Статьей о «Вологодско-Пермской летописи» (1940 г.) открывается серия работ о летописях. Эта тема прошла сквозь всю жизнь Тихомирова. В 1940 г. он издает статью о начале московского книгопечатания. В 1939 г. М.Н. Тихомиров защищает докторскую диссертацию, а в 1941 г. издает книгу по ней под заглавием «Исследование о Русской правде»[320]. Лучшие страницы книги посвящены описанию рукописей и сборников, в которых находилась Русская Правда. В 1940 г. М.Н. Тихомиров становится профессором МГУ. Из его семинара 1939 г. вышли любимые ученики Михаила Николаевича – А.Н. Мальцев, В.А. Александров, Е.В. Чистякова, а также С.О. Шмидт.

Началась Великая Отечественная война. Вместе с Университетом М.Н. Тихомиров был эвакуирован в конце 1941 г. в Ашхабад, а в 1942 г. перебрался в Свердловск. Но и здесь он выполнял свой патриотический долг. Он пишет газетные статьи и издает брошюры на тему об Александре Невском и Дмитрии Донском, чей образ, как великих предков, был упомянут в речи 7 ноября 1941 г. Он пишет статью «Великий русский народ» (1945 г.), начинает упорно заниматься темой об исторических связях русского народа со славянами (1941). Здесь же Тихомиров собирает материалы по книге о русско-мервских отноше[ниях] [...]

Две книги Тихомирова как бы продолжают две линии исследования его учителей. Одна – «Древнерусские города» (1946, 2-е изд. 1956) являлась своего рода дополнением к книге Грекова «Киевская Русь» (где города фактически не было), вторая – «Древняя Москва» (1947, «Средневековая Москва», 1957) – создана на базе работы над многотомником по истории Москвы. В 1945 г. выходит «разносная» статья Тихомирова о гипотезе Валка, касающейся происхождения частных актов. В ней он стремится обосновать глубокую древность существования частных актов на Руси, подлинность грамот Варлаама Хутырского и Антония Римлянина. Статья являлась первой ласточкой грядущих боев со скептиками. Такой же характер носит и рецензия на «Древнюю Русь» Аншет Рашиа» Вернадского (1946).

В декабре 1946 г. Тихомиров избирается членом-корреспондентом АН СССР. Отстаивая самобытные начала образования Руси, Тихомиров в 1947 г. издает статью о термине «Русь», который он связывает с южнорусской речкой Рось. Интересна и его полемика с Д.С. Лихачевым.

Свою книгу о древнерусских городах 1946 г. М.Н. Тихомиров писал исходя из модели Пиренна. Поэтому он решительно возражал против

---

[320] Разбор ее см. отдельно.

«славянофильских тенденций». Прямо он этого тогда не писал, но его критика работы Лихачева касалась двух моментов: 1. Попытки Лихачева найти в XIV–XV вв. Возрождение киевских традиций и 2. Тезиса о том, что Россия обгоняла в постановке грандиозных объединительных задач европейские страны. Тихомиров спрашивает: признает ли Лихачев, что Россия отставала от Европы или нет. Ведь, как писал И.В. Сталин, даже реформы Петра были попыткой преодолеть отсталость[321]. С той поры между Лихачевым и Тихомировым отношения приобрели особую остроту.

В 1948 г. началась решительная борьба с космополитизмом. М.Н. Тихомиров решительно выступил против тех, кто искажал русскую историю, будь то Чадвик в Кембридже или Рубинштейн (последний в своем курсе «Историографии» поднимал на щит немецких академиков XVIII в. и не отметил достаточно роль Ломоносова и Татищева). Правда, и самому Тихомирову пришлось услышать немало горьких слов по поводу выпущенного им совместно с С.С. Дмитриевым учебника по истории СССР для педучилищ (1948) от рецензентов в «Вопросах истории» (Зайончковский и Черепнин), со страниц газеты «Культура и жизнь» и во время обсуждения в МГУ.

Но М.Н. Тихомиров продолжал свой труд исследователя русских древностей. В 1949 г. он выпускает т. 25 ПСРЛ (с Московским сводом конца XV в.), тем самым возобновляя классическое издание русских летописей. В 1952 г. он создает кафедру источниковедения в Московском университете и становится ее руководителем. В связи с юбилеем «Слова о полку Игореве» (150 лет первого издания) он пишет статью о Бояне. Тогда же выпускает в свет доклад о добровольном характере присоединения Чувашии к Русскому государству. Словом, работа шла своим чередом. И вот в 1953 г. его избирают в академики, и он становится академиком-секретарем Отделения (был им до 1957 г.), наследником скончавшегося учителя Б.Д. Грекова. В том же году членом-корреспондентом избирают Б.А. Рыбакова, который в свое время займет пост академика-секретаря. После того как директором Института истории назначают А.Л. Сидорова, М.Н. Тихомиров (которого старик ненавидел) переходит из Института истории в Институт славяноведения.

Научная деятельность Тихомирова развернулась после 1953 г. во всю ширь. Он продолжает свои занятия над памятниками Древней Руси (в 1953 г. издает комментированное пособие по Русской правде, в статье о городской письменности выступает против тех, кто все летописание связывает с монахами, в частности против В.Т. Пашуто[322]. Печатает в «Коммунисте» в 1954 г. доклад о 400-летии воссоединения Украины с Россией. В 1955 г. издает книгу о «Крестьянских и городских восстани-

---

[321] «Вопросы истории», 1947. № 4, с. 119–120. Сходно и в реплике на ответ Лихачева в № 11 (со ссылкой на замечание об иге Маркса и Сталина).

[322] Об их отношениях см. раздел о Пашуто.

ях в Киевской Руси», в которой «выдает» мне за критическое отношение к Уставу Всеволода. В том же году читает доклад о Ломоносове и Университете (в связи с 200-летием основания Университета) и под своей редакцией издает т. 1 «Очерков истории исторической науки в СССР». В 1956 г. переиздает «Древнерусские города».

Сдвиги в развитии науки, произошедшие в 1956 г., оказали влияние на деятельность М.Н. Тихомирова. В том же году ему удается воссоздать Археографическую комиссию при Отделении, и с 1958 г. стали ежегодно выходить под его редакцией «Археографические ежегодники» (за 1958 г. вышел в 1960 г.). В том же году под его «наблюдением» стал выходить восьмитомник Ключевского (его готовили мы с Александровым). М.Н. Тихомиров говорил: «Я Ключевского не могу редактировать, я только могу наблюдать над изданием. Все-таки это Ключевский». В 1957 г. Тихомиров переиздает «Средневековую Москву». Переиздания всегда сопровождались доработкой текста. В 1960 г. на конгрессе в Стокгольме выступает с докладом о возникновении летописания. В духе Б.Д. Грекова он озабочен доказать древность русского исторического процесса. Летописание он относит к ярополковым временам, т.е. к эпохе до принятия христианства! Легко и свободно он дополняет достоверные данные ПВЛ рассказами Длугоша и других поздних авторов, открывая тем самым семафор для баснописания его наследника.

Пишет, и издает, и редактирует М.Н. Тихомиров в эти годы много. Со страшной силой. Толстые книги (см. Черепнин) он не любил. «Иная статья ценнее толстой книги», – говаривал он. Долго одним делом он заниматься (в силу особой нервной организации души) не любил.

Что ни год, то книга. 1960 г. – «Присоединение Мерва». 1961 г. – два тома Закона судного (основная работа Л.В. Милова) и «Соборное уложение» (с Епифановым). Университет – основная цитадель соратников Михаила Николаевича. Феодалов из Института истории он не любил, ревниво относясь как к своему основному «альтер его» (как противнику) Черепнину, так и к Новосельскому и Устюгову. Только Шунков и Бескровный, умевшие ладить с сильными мира сего, пользовались [благоволением] у Михаила Николаевича. Зато Белявский, Епифанов – первые люди при дворе ворчливого академика.

1962 г. Второе издание курса «Источниковедения», книга-описание «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных сборниках Москвы». Все чаще Михаил Николаевич для своих работ начинает использовать помощь своих учеников. В данном случае – Б.Н. Флоря. В первом томе «Истории» Татищева Тихомиров пишет статью о русских источниках Татищева. И на этот раз он открывает путь Рыбакову (который будет провозглашать: «Нет, бочками сороковыми!»). В том же 1962 г. Тихомиров выпускает толстую (на это раз) книгу «Россия в XVI в.» (дань своим историко-географическим увлечениям молодости). Была у Тихомирова папка на тему о XVI в., куда он складывал время от времени попадавшиеся ему материалы историко-географического

характера (обработанные сведения писцовых книг и т.п.). Поручил он Флоре просмотреть для книги всякие там «епархиальные известия». Обработал – и вот. Фактически без новой литературы и подчас вопиющими лакунами в составе источников. Но написано с любовью к истории. Просто. Михаил Николаевич писать умел без всяких, «этих, как его», премудростей, и прочее… Пробовал он писать и пьесы (о восстании 1648 г.) и стихи и стилизации под Древнюю Русь (челобитные и т.п.) Что-то от Лескова было у Тихомирова как писателя. Художественного дара он не был лишен.

Последние годы Михал Николав[323] стал сильно сдавать. Прихварывал он давно – печень и почки. Любитель плотно закусить, он был посажен докторами на капусту. Хозяин же он был хлебосольный, всегда для гостей (а его ученики любили заходить к нему на огонек) была и заветная бутылочка или там колбаска и еще кое-что. Тут же оказывался его друг детства – заикающийся, лысый с шишкой на лбу Серега. Этот добродушный любитель скачек и выпить всегда был предметом иронии своего высокого хозяина. Играли с приходившими в шахматы, в картишки перебрасывались, обменивались новостишками. Редко бывал в свете в последние годы Михал Николав, но в курсе тайн мадридского двора всегда хотел быть. Как там у Вас, в Институте истории? Все кушают друг друга? Стал постепенно слепнуть (а глуховатым он был уже издавна). Читал с трудом. Помогали ему. Уже предпочитал диктовать стенографистке свои работы. Некоторые из них носили облегченный от всяких сносок характер. Начал завершать работу по истории возникновения летописания. Не успел завершить. Издал краткую палеографию вместе с А.В. Муравьевым.

После длительной болезни в 1965 г. он умер.

Мыслителем-философом Михал Николава назвать трудно. Но историю и родную землю он любил. Что-то в нем было исконно московское, в духе Погодина, Забелина, Беляева. Приземистый, с еле закрывающими плешь седеющими черными волосами, с недоверчивым взглядом исподлобья маленьких глаз, оправленных старомодными очками, он всем существом своим напоминал обычного Тита Титовича[324], иностранцам он также казался «истинно русской душой» (подходил под штамп). *Да и наверху к старику относились с благодушием: «Ну, прямо Суворов. С большой чудинкой, но предан до конца»*. **Михал Николав отлично понимал, что его медвежьего нрава побаиваются («лучше не связываться»), и он частенько пользовался этим. Он закатывал истерики, хлопал дверью, писал зубодробительные письма и т.п.

---

[323] *Здесь и далее так в тексте.*

[324] «В моей фигуре и в лице, – говаривал он, – все было так посредственно, что это вредит мне всю жизнь» (АЕ, 1965, с. 16). У М.Н. сохранилась зависть к счастливчикам, умникам, красавчикам. Замкнутый в себе, он вещал, а работами даже близких ему людей по существу не интересовался – болезненная некоммуникабельность. В гостях бывал, но редко (раз у меня, у Вадика и Саши Мальцева).

Только рев кругом стоит –
Очищай дорогу!
Сам топтыгин-генерал
Едет на берлогу**[325]

В нем намешано было все: и самодурь, и истерия, и любовь к фимиаму, и трогательная забота о своих питомцах старого холостяка, у которого своих детей не было. Мнительность. Бесконечное брюзжание. И любовь к благолепию. В последние годы собрал с миру по нитке интересное рукописное собрание, которое завещал Новосибирску, тем содействуя возникновению там нового культурного центра по изучению Древней Руси: его ученик Н.Н. Покровский стал организатором там экспедиций по сибирским тропам в старообрядческие скиты за рукописями дедов и прадедов[326].

Школа М.Н. Тихомирова многочисленна и разнообразна по составу. В ней и А.Н. Мальцев, и А.И. Рогов (Саша большой и Саша маленький), Н.Н. Покровский и В.А. Александров, А.Л. Хорошкевич и Л.В. Милов[327], С.О. Шмидт и В.И. Буганов. Последний неожиданно стал «персоной». Он зам. директора! А ведь на заре его деятельности никто не мог этого предполагать. Кончил Архивный, защитил кандидатскую диссертацию по разрядам и позднее вошел в летописную группу, став там правой рукой Михал Николава. Это – типичный смазливый приказчик из пьес Островского. Трудолюбив – не отнимешь этого, – но с мыслями у него туго. А может, это и лучше? Вот что умеет, то умеет: заставлять других работать, быть исполнительным распорядителем, послушным исполнителем воли начальства. После смерти Тихомирова его прилелеял Рыбаков. Вокруг группы по летописям и Буганова сложился определенный круг лиц: Муравьева, Аполлон, Корецкий. А там он подобрал и Станиславского, который у него окончил аспирантуру. Докторскую защитил по Московским восстаниям конца XVII в. Её резко критиковал в «Истории СССР» Павленко. Действительно, с источниковедением в ней «швах». Но принципиально прав он, а не «государственник» Никола. Умеет Буганов пристраивать свои работы. Вот уже три тома подряд он умудрился издать на ротапринте в Институте. И это только начало.

---

[325] *Текст между двойными звездочками приписан А.А. Зиминым на вставкае «на стр. 11», где речь идет об отношениях с учениками (Жарковым, Шушариным, Аполлоном Кузьминым, а между одинарными звездочками напечатан им же на клочке оборота листа в 10 см. Возможно, это остатки предшествующего варианта второй же редакции.*

[326] Жизнь у Коли Покровского была нелегкая. Сначала – баловень судьбы, профессорский сынок. Рано защитил кандидатскую диссертацию (среднего уровня) – об актовых источниках конца XV – нач. XVI в. (я оппонировал). Книга была в печати – как бац! Загремел (это было, кажется, в 1956–57 гг.) вместе с Краснопевцевым и пр. в Университете, где Коля преподавал. Прошли годы. М.Н. удалось его устроить в Суздаль, а потом в Новосибирск. Недавно Коля защитил докторскую и издал книгу о сибирском старообрядчестве.

[327] *Две последние фамилии вписаны А.А. Зиминым над строкой.*

Издал книгу о советской историографии по летописанию, в которой сумел всех перечислить и никого не обидеть. Сейчас у него заканчивает свою диссертацию мой зять (прикреплен): с Виктором Ивановичем у меня давно приличные отношения (конечно, пока это позволяют ему обстоятельства: пока Рыбаков не видит).

Среди учеников Тихомирова – мощная Леля Чистякова, уже защитившая две диссертации (по Ордыну-Нащекину и восстаниям середины XVII в.). Она долгие годы читала курс в Архивном, воевала с Мурашовым и в конце концов ушла в Институт Патриса Лумумбы. Тихомировка и Муравьева, и недавно умершая Д. Тверская (работала долгие годы в ГИМ'е). Еще один ученик – Толя Муравьев – правая рука Тихомирова по кафедре источниковедения в МГУ. Подавал надежды красавчик, умница Шамиль Мухаммедьяров. Он написал прекрасную кандидатскую диссертацию по Казанскому ханству. Затем рано стал начальником в Казани. Легкая жизнь. Успех у женщин. Развелся. И бежал быстрее лани со своей новой подругой в Якутск. Но ему всю жизнь везет. Сейчас он в секторе народов у нас в Институте, а жена – в Этнографии (занимается народными танцами – сама бывшая балерина). По-моему, с серьезной наукой Шамиль «завязал». А жаль.

Тихомировцы – в общем, это марка. Среди них нет вульгарных социологов. У всех у них унаследованный от учителя вкус к конкретной истории. Нравы в отношениях с учениками у Михал Николава были патриархальными. Чуть что – с глаз долой. Так, Жарков был изгнан за обжорство. В Новгороде он ухитрился съесть не только свой обед, но и те жалкие капустные котлеты, которые давались учителю. Ну, что за хамство! Шушарин был отлучен за жадность. Видите ли, он в Венгрии, когда с Михал Николавом был в ресторанах, «ел сухарики и копил на покупки этих, как их, – форминты, штоль. И это русский ученый! Что подумают!» Аполлон был сослан в Рязань за безделье. «Играет себе, понимаете ли, на гитаре. Нет, чтобы летописями заниматься». В опале бывал и Шмидт («меня напечатал в журнале петитом, а Черепнина корпусом. Значит, и Шахматова тоже петитом». И как назло – в посмертном томе «Русская культура» Тихомирова Шмидт снова часть работ издал злосчастным петитом). Саша Мальцев бесчисленное количество раз изгонялся из дома. И только наушник Флоря, кажется, избежал этой участи.

*Среди учеников Михаила Николаевича был и Александр Павлович Пронштейн (женатый на сестре Н.Н. Покровского). Его Саша Мальцев не без основания называл «занудой». Скучный педант, вечно при начальстве. Я с ним познакомился еще в спецсеминаре Грекова, куда, будучи студентом III курса, «захаживал» (Шура учился на четвертом). Кандидатскую Пронштейн защитил по Новгороду XVI в. (ремесло и торговля в ней превалировали). Я оппонировал ему. Поняв ситуацию, Пронштейн перебрался в Ростов, где и стал процветающим профессором. Он там, пользуясь расположением начальства, наиздавал массу

книг. В том числе о земле Донской в XVIII в. (докторская), два издания пособия для студентов, сборник материалов (в первом я был редактором). Издал компилятивную книжку о «Методике изучения истории» и многое другое. Человек он тихий, но оборотистый. После того как он выступил оппонентом по Кузьмину, мы с ним поругались. И с тех пор наши отношения прекратились.*[328]

Жил с 50-х гг. Михал Николав в Замоскворечье (символично), в доме на Котельнической (по чину полагается). Ранее – в небольшом коттедже у Ваганькова, а до войны – в совсем плохих условиях. Именно поэтому он и не собрал большой специализированной библиотеки. А так вообще книг у него была уйма, все больше презенты от многочисленных подхалимов и т.п. И надо же! Закатал всю библиотеку по завещанию во Владивосток – он ездил туда открывать филиал Академии наук. Теперь его библиотека как бы положена в основу библиотеки Отделения. В этом что-то есть («тут эти книжки в библиотеках есть, а там пригодятся»). Только вот беда: ему бы по Древней Руси книжки в Новосибирск, а он их по живому оторвал от рукописей (ведь уж чем-чем, а Древней Русью во Владивостоке никто заниматься не будет). А все гордыня!

Для патриархальной обстановки на Котельнической характерна бесконечная вереница посетителей. То брат, то племянник (родственнички не оставляли в покое именитого и денежного академика – тот плевался, но что сделаешь[329]. То универсанты, то ученики. То просители-посетители. Сам Михал Николав в библиотеки последние годы не ходил. Да и раньше предпочитал только ГИМ, да изредка совершал рейды в ЦГАДА, где Венечка Шумилов на блюдечке с каемочкой преподносил ему редкости («Постниковский летописец» и прочее). Пару раз был и в ОР ГБЛ. Писал дома. Все это накладывало отпечаток на его труды, которые в чем-то упрекнуть можно, но только не в изобилии сносок.

Любил описывать быт и нравы. Иногда выделывал этакие фортели. Вот пришла в голову мысль, что надо писать для народа и переводить в исследованиях летописи на русский язык («Крестьянские восстания»). Или решил переименовать Русское государство в «Российское» – и баста.

Дома разговор обычно шел в иронических тонах. Говорил, конечно, преимущественно хозяин. То слегка иронизирует над лошадиными страстями Сереги и Вадика, то издевается над вертлявостью (от мамочки) Зиги, то поругает лень Саши Мальцева. То осерчает всерьез после того, как кто-нибудь выиграет ненароком у него в шахматы или в карты

---

[328] *Текст между звездочками имеется и на отдельном листе «Дополнения».*

[329] Михал Николав ворчал на своих родичей, понимая, что они его сосут как дойную корову. В конце концов он их наказал: все свои прибытки он вбил в рукописи и книги. А в деньгах досталось его братцам всего каких-либо тысяч 10–12. Да и то Владимир сразу же скоропостижно скончался, а Сергей также недолго пользовался наследством – через год умер и он. Прямо что-то от Егора Булычева в этой истории.

(в одиночестве раскладывал пасьянсы или слушал записи духовн[ой музыки].

Наши отношения с Михаилом Николаевичем претерпели на протяжении лет некоторые изменения, но, как правило, были добрыми. Он мне головомойку устроил при обсуждении главы диссертации, сказав, как можно писать о Волоколамском монастыре, не побывав в нем. И я съездил[330]. Надо сказать, что сам Михаил Николаевич любил поездки по земле русской. Так, в 1951 г. он был в Каргополе (смотрел там рукописи) и других северных городах, в 1958 г. был на месте Ледового побоища. Словом, где только не бывал. После защиты он предложил мне вместе с ним издать книгу ключей Волоколамского монастыря (шла уже корректура, кажется). Я самовольно добавил к ней Долговую книгу, и издание в 1948 г. вышло в свет, к моему удивлению, за редакцией его и моей. Вообще в вопросах авторства М.Н. был крайне щепетилен и старался указать всех имевших какую-либо причастность к труду над изданием той или иной работы.

Следующий этап наших отношений наступил после смерти С.В. Бахрушина (на него М.Н. в конце концов обиделся за «Москву» – тот пытался редактировать Тихомирова, а уж этого-то Михал Николав допустить не мог). Около 1956 г. Михал Николав принял меня в докторантуру к себе, и я под его началом защитил в 1959 г. «Пересветова». Работать он мне не мешал. Прочел бегло. Раздражал его только гуманизм (отголосок споров с Лихачевым). На полях он написал: «А шкуру сдирать (как предлагал Пересветов. – *А.З.*) – это тоже гуманизм?» Меня же он в эти годы сделал своим заместителем по Археографической комиссии, а потом и по II тому «Истории СССР». Отношения у нас были иными, чем у него с учениками. Не то чтоб известный холодок («кто его разберет, все-таки в секторе Черепнина»), но какая-то серьезность им была присуща. Но все-таки Вадик и Саша Мальцев были моими друзьями, а это давало известную гарантию верности. Бывал я у него дома часто, но неназойливо. Писал рецензии на его труды, выступал оппонентом по его ученикам, писал статьи в честь [...]

И вот – надо же! «Слово о полку»! Я ничего заранее ему не говорил, ибо он наложил бы «вето» и тем дело бы и кончилось. А тут еще в 1962 г. меня выдвигали в член-коры, и Тихомиров присоединился к этому выдвижению, хотя его кандидатурой (которую он противопоставлял Черепнину) был В.И. Шунков. Да. Так, являюсь я к старику после ленинградского доклада (февраль 1963 г.). Скандал: «Так что же, этих, как его, значит Вы умник, а я старый дурак? Я позже думал, и прочее, в юные годы. А потом вижу, что не так». Обида страшная. А Михаил Николаевич всегда чувствовал себя ратоборцем за Отечество, его истории

---

330 Из этой поездки в Волоколамский монастырь, где я был с папашей и Лялькой Блохиным, я вывез пару рукописей (синодик Иосифа и опись книг 1595 г.), которые я презентовал в Пущдом Малышеву (*Этот текст находится на отдельном листе* «Дополнения» *и озаглавлен* Сноска в раздел «Тихомиров».

и памятники против всяких, как его. (Кстати, явно никаких элементов даже юдофобства у него не было, но вот и учеников-то тоже из этих как-его что-то я не припомню.)

Отношения прекратились. Мало того, что во гневе выпер меня из замов по Археографической комиссии, а в юбилейном томе (к 70-летию) ответственным редактором уже в корректуре вместо меня поставили Шункова (правда, тот в предисловии оговорился, что том отредактирован мною).

Мало того, он написал разнузданный ответ на вымученные у меня Отделением тезисы о Слове (Зигуша издал их в извлечениях, даже он не смог решиться, чтоб опубликовать их целиком). Была идейка – издать тезисы с ответом Тихомирова, но я бы на это не согласился.

Опаснее было то, что Михал Николав стал кричать, что я, занимаясь ерундой, не редактирую том, проваливаю работу. Сам-то почти не редактировал ничего: он на слух воспринимал текст (ему читали, ибо он уже плохо видел) и вносил кое-какие поправки. Дело могло обернуться для меня катастрофой. Он всунул в редакцию тома Буганова и Бескровного. Те фактически ничего в тексте не изменили, и том благополучно вышел.

Приближался день обсуждения моей книги в Отделении. Узнав, что оно будет за закрытыми дверями, Михал Николав отказался даже прочесть текст и послал письмо в Отделение, где были по моему адресу несправедливо ругательные слова, но сказано было, что шпицрутенами истину не доказывают и что в таких условиях он принять участие в обсуждении не может. Мне потом это письмо показали только в извлечениях. Молодец, старик! В решающую минуту он понял, что к чему!

Уже после обсуждения незадолго до того, как ему лечь в больницу, я все-таки решил навестить его (знаю, душой, шкурой, что старик тоскует – ведь он в какой-то мере считал меня своим наследником, учинившим персонально ему такую пакость). Звонок. Открывает он. Наши глаза встретились. И без всякого раздумья обнялись и поцеловались. Потом был банальный разговор – о том, о сем. Но главное было без слов. В главном все-таки разницы между нами не было. Каждый из нас по-своему любил дело своей жизни и своих близких. Мир его праху!

Одномерных людей не бывает. При всех своих слабостях. При том. что Михал Николав повинен в судьбе сектора (так же, как и Лев, может, чуточку меньше), он сделал для науки много. В первую очередь тем, что содействовал воспитанию целой плеяды учеников, сохранивших лучшие тихомировские качества. Именно Тихомиров, пользуясь властью, данной ему Судьбою, возродил важнейшие начинания, которые могут продлить жизнь нашей науки (Археографическая комиссия, кафедра источниковедения, издание ПСРЛ, издание трудов Татищева, Ключевского и др.). Его немудрящие труды не содержат того повсеместного насилия над историей, к которому прибегали некоторые из его коллег, чтоб втис-

нуть живых людей в стальные оковы схем. А публикации памятников, выполненных Тихомировым, суждено жить долгие десятилетия.

Со смертью Тихомирова осиротели многие обездоленные любители отечественных древностей, которые находили приют под его крылышком. Да, он был нетерпим, мнителен и мстителен, для него, кроме его персоны, не было другого авторитета в научных спорах. Но это во многом было его несчастьем, которое он (я в этом уверен) где-то в глубине души сознавал и каялся Высшему судии. Наверное. В этом во всем было что-то болезненное, тем более Михаил Николаевич нуждается в человеческой жалости прежде всего. Тут ни прибавить, ни убавить нельзя. Се человек, и ничто человеческое Михаилу Николаевичу, плоть от плоти сыну Русской земли, не было чуждо.

ТАКОЙ БОЛЬШОЙ И ТАКОЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЛЕВ

Боже мой! И это Левушка Черепнин… Тот самый, который пленял студентов своим темпераментом исследователя-лектора, раскрывавший перед ними лабораторию творчества ученого. Тот подававший надежды вундеркинд, которому, как полагали, суждено было стать достойным преемником уходивших в прошлое стариков…

Медленно двигается эта гора, сошедшая почему-то со своего основания, не отрывая ног от пола, тяжело дыша и тупо устремившая свой взор куда-то в неопределенность…

Судьба этого человека во многом заставляет поверить даже не в мистическое предначертание, а скорее в ответственность человека за содеянное. «Есть Божий суд…». Лев Владимирович – одна из самых трагических фигур нашей науки. Труды его станут той путеводной нитью, по которой позднейшие историографы смогут проследить пути и перепутья советской отечественной медиевистики конца 40–70-х гг. И в большей мере, чем по трудам какого-либо другого историка. И в то же время они показывают, к чему приводит иссушающая игра страстей, безмерные честолюбивые вожделения, которым в жертву было принесено даже то, что ученый не имеет право отдавать на съедение Молоху. А отсюда и путь в бездну того, кто должен был стать гордостью науки. Что же произошло?

Родился Черепнин в Рязани в грозовой 1905 г. в дворянской семье, живо интересовавшейся историей и археологией (дед Черепнина – археолог, нумизмат и краевед). В гимназии языки ему преподавала тетка Аси Хорошкевич (об этой своей преподавательнице он потом вспоминал с теплотою). После окончания школы (1921 г.) он в 1922–25 гг. факультативно посещал Московский университет (его происхождение не давало

ему возможности рассчитывать на большее). Затем в 1926 г. талантливый и волевой юноша поступает в аспирантуру РАНИОН, являвшейся тогда оплотом старой исторической науки. Он одновременно обучался и западной медиевистике (у Д.М. Петрушевского) и русскому средневековью (у Бахрушина, Яковлева). Помогал Левушка копировать С.Б. Веселовскому акты о [землевладении Троице-Сергиевого монастыря].

Первые труды Л.В. Черепнина появились в печати в 1928 г. Это статьи о борьбе за крестьян в начале XVII в. (Ученые записки Института истории РАНИИОН, т. VII) и издание Русской правды, которая стала надолго его любимым памятником древности. В 1929 г. он помогает изданию Веселовским Троицких жалованных грамот XIV–XV вв. («Памятники соц.-эк. истории XIV–XVII вв.». Т. 1). Свою работу о «Капитуляре де виллис» ему удалось опубликовать только в 1934 г. Тому, как мы увидим, были серьезные причины.

Молодой исследователь, увлеченный уже в те годы новаторскими работами А.А. Шахматова, в своей работе о «Капитуляре» попытался применить шахматовские методы к этому памятнику, расчленив его «по суставам», на логически обособленные куски текста.

Пользуясь поддержкой своих учителей (работавших в Гос. библ. им. Ленина), Л.В. Черепнин поступает на работу в отдел рукописей этой библиотеки. Но события периода «Промпартии» и дело историков (Платонова) положили, казалось бы, конец надеждам Льва Владимировича, обладавшего, наверное, уже тогда честолюбием вундеркинда, если не Жюльена Сорреля. Его учителя (С.В. Бахрушин и др.) в 1930 г. оказались в ссылке, получил соответствующий минус и Левушка.

Возвращение к жизни происходило очень медленно. Все еще находясь вне столицы, в дальних Холмогорах, он пишет и публикует в 1938 г. добротную статью (она основана на свежем материале о классовой борьбе в Московском государстве на юге в 1682 г. – «Исторические записки», кн. 4). Отдав дань эпохе (классовая борьба станет лейтмотивом множества работ Черепнина), Лев написал фактографическую статью в духе его учителей и сотоварищей по московской школе историков. Тема колонизации (в частности и юга) навеяна была своим ученикам (в том числе Яковлеву) В.О. Ключевским.

Урок 1930 г. не прошел даром. Он понял, что шутки с государством победившего пролетариата плохи. Но в это время после разгрома так наз. «школы Покровского» снова стали вершителями судеб истории русской старины учителя Льва. И поначалу казалось, что призыв изучать «факты» (а следовательно, и источники) может дать какую-то тихую заводь в этом океане бушующих страстей. Пока же Левушка вынужден был перебиваться трудом поденщика у своих благодетелей. С Яковлевым издает документы по истории Мордовии (1939, 1940), пишет коротенькие справки в вузовский учебник по истории народов Поволжья, издает материалы по библиографии истории мордовского народа (1941). Одновременно он задумывается и над более широкими

темами. Вместе с Яковлевым он переводит и корректирует Псковскую судную грамоту (1940, позднее использует текст в «Архивах»), а в 1945 г. пишет специальную статью об этой грамоте, где применяет приемы логического расчленения текста, которые ему были столь близки (как Сальери поверил «алгеброй гармонию»).

Любовь, очевидно, никогда не занимала сколько-нибудь значительного места в жизни этого Кая из царства Снежной королевы. Он женится на Евгении Вениаминовне, которая не отличалась какими-либо внешними достоинствами, была тактичной, умной женщиной (врач), но, наверное, и в минуту жизни трудную помогла Льву вернуться к жизни. Красивый, волевой, талантливый юноша (правда, пока опальный) и невзрачная маленькая женщина... Ну, прямо по Достоевскому, который всегда был любимейшим писателем Льва.

Война. Для Льва она ознаменована возвращением в самом начале ее в столицу. В 1940 г. он защищает кандидатскую диссертацию по митрополичьему землевладению (статья вышла еще в 1940 г.). В этой работе Лев в духе Павлова-Сильванского пытался соединить свои увлечения западной медиевистикой с занятиями у Веселовского. Вся статья представляет собою сравнительно-исторический очерк русских и западных институтов. И тут Льва Владимировича поджидала новая неприятность. В статье «Двадцать пять лет исторической науки в области русского феодализма» И.И. Смирнов разносит эту статью в пух и прах. Это было уроком. Отныне Лев, как черт ладана (до недавнего прошлого) будет бояться всяких параллелей с западноевропейским феодализмом. Да так-то и проще. Ничего не сравнивать.

Но в целом сорок второй оказался для Льва счастливым годом.. Защищена была кандидатская. Принят он был в конце года в докторантуру (к С.В. Бахрушину) и по приглашению А.И. Андреева начал преподавать источниковедение и вспомогательные дисциплины в Архивном. Он находился в расцвете своих творческих возможностей: ему в 1942 г. было 37 лет. И вот – проклятая неосторожность. По просьбе Андреева он в 1944 г. издает учебник по хронологии и метрологии, а в 1946 г. палеографию, соавтор – пок[ой]ный Чаев, текст палеографии которого Черепнин существенно дополнил.

Неосторожность заключалась в следующем. До войны вспомогательные исторические дисциплины (в частности и хронологию, и метрологию) читал Н.В. Устюгов, издавший их тогда же на ротапринте. Устюгов ушел на фронт. Позднее Тихомиров (вместе с Рыбаковым) поднял бучу, что Черепнин – плагиатор. Он-де списал у Устюгова и т.п. Все эта сущая ерунда (тексты я сверял)[331]. Но что-то было в том, что один находился на фронте, а другой издавал книги по его теме. Казус с учебником прошел

[331] Черепнина преследовал в этом смысле рок. Так, в своей статье об историографии Смуты он говорил об Иоакиме примерно,то, что вскоре напечатал близкий некоторое время к нему С.К. Шамбинаго. Выводы Льва о Русской Правде (ИЖ. 1941. № 3) совпали с книгой Тихомирова.

сквозь всю жизнь Черепнина и неоднократно всплывал на поверхность, хотя сам [...] прямо ни в чем Льва не обвинял, предпочитая, чтоб из его слов подобные выводы делали собеседники. Со Львом внешне он находился в дружеских отношениях (на «ты»), но его за «шустрость» недолюбливал и написал довольно резкую рецензию на его палеографию («ВИ», 1947, № 12), где настаивал не на историческом рассмотрении элементов палеографии, а на тематическом (позднее в новой «Палеографии» это замечание Лев учел).

Так или иначе, но основное внимание Лев уделял своим «Архивам», которые в первом варианте были завершены и защищены как докторская в 1946 г. (оппоненты – Тихомиров, неоф. С. Покровский и др.). Книга об архивах – эпоха в отечественном источниковедении, актовых и законодательных источников. Мы все в какой-то мере ученики Черепнина (в этой области). Основную ценность книги автор видел в том, что ему удалось применить шахматовские методы к новым типам источников. Логически смысловая интерпретация во многих случаях давала плодотворные результаты. Но была в этом методе и червоточинка – она давала возможность волевых решений спорных вопросов, позволяла изучать документы не всегда в связи с эпохой и членила по логическому принципу памятники законодательные на разные хронологические пласты, чего в жизни, очевидно, не было. В кулуарах Лев гордился тем, что он не оставил ни одной духовной и договорной не передатированной. Это очень характерно для него: не поиск истины, как таковой, прельщал его, а поиск новизны. Самоутверждения. «Правда – это мое откровение». «Все дозволено! Что есть истина? Пойди докажи. Ничего доказать нельзя или: все доказать можно. Поэтому никакого морального преступления нет в выборе того, что тебе нравится, того, что служит, и т.п.». Так подготовлялось последующее превращение источниковедения, как средства научного поиска, в средство искажения, фальсификации (это словечко в другой связи Лев вскоре будет очень часто применять) истории.

Началом грехопадения Черепнина было уже анонимное предисловие к книге С.Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси»[332]. Традиция гласит, что просил предисловие написать сам акад. Греков, чтоб спасти книгу Веселовского. В нем говорилось, что автор «вопросы землевладения [...] сводит главным образом к вопросам правовым», «возвращается к объяснению истории с чисто биологических позиций», «иммунитет [...] рассматривает лишь как правовую категорию» и т.п.[333] Конечно, в предисловии прямо не сказано, что работа написана «с позиций буржуазной историографии», как это позднее сделал И.И. Смирнов, по мнению которого в предисловии «даже зату-

[332] В списке его трудов говорится: «(без подписи. Член автор. колл.» (Сб. Феодальная Россия. М., 1972. С. 9).

[333] С.Б. Веселовский. Указ. соч. М.–Л., 1947. Предисловие. С. 2–3.

шевывается методологическая порочность книги С.Б. Веселовского»[334]. Зато позднее М.Н. Тихомиров всласть накуражился вокруг предисловия (зная его автора): дав высокую оценку книге, он прибавил: «Покойный ученый довольно неровно говорит в своей книге о формах феодального землевладения.. Впрочем, это могло зависеть и от редактора книги, скрывшего свою фамилию как в предисловии, так и в выходных данных [...] это предисловие явно дезориентирует читателя своей поверхностностью и теоретической беспомощностью»[335]. В чем проявилось последнее, М.Н. так и не сказал.

Но если предисловие можно как-то оправдать, то позднейшие поступки – очень трудно. Наступил 1948 год. Еще в начале этого года Л.В. в статье о ПВЛ (подписано к печати 20/VII 1948 г.) Черепнин пишет панегирик Шахматову (Ш[...] «уничтожил ту грань, которая отделяла историческое источниковедение от исторического исследования... рассматривает... в тесном взаимодействии... как нечто целостное... с исключительной смелостью... реконструирует... Метод Шахматова далеко выходит за рамки изучения летописных текстов. Его применение к анализу памятников законодательства и актового материала даст блестящие результаты»[336]. Речь, конечно, шла о работах самого Черепнина, которые он (докторская диссертация, защищенная в 1946 г.) сам рассматривал как опыт применения шахматовского метода к источникам законодательным и актовым.

И вот, помню, началось. Прибегает отв. ред. т. I «Архивов» Льва мой учитель С.В. Бахрушин с корректурой тома в дрожащих руках. Что делать? Началась борьба с буржуазным объективизмом и космополитизмом. Чем она могла кончиться, никто предугадать был не в состоянии. Но опыт и С.В. и Л.В. 1929–30 гг. говорил о многом. И вот появляется заключение (подп. к печ. 11/XI 48 г.) под названием «Критика буржуазных трудов по актовому источниковедению». Здесь досталось и Лаппо, и Веселовскому и не успел трижды петух прокричать – и Шахматову (ссылка на «Ист. зап», кн. 25. есть). Бросив одну фразу о «технических приемах Шахматова», автор задался определить, в какой мере они представляют научную ценность. И оказалось, приемы применялись «в ограниченном плане буржуазной идеологии», не ставит задачи «за историей текста выявить движущие социальные силы», «не показывает... не дает никакого материала для суждения о формах господства класса феодалов». «Поэтому надо решительно возражать против механического применения источниковедческих приемов Шахматова при изучении повествовательных источников или актов»[337]. Следовательно, против работ самого Черепнина. О, бессмертная унтер-офицерская вдова!

[334] «Вопросы истории», 1948. № 10. С. 124.

[335] См.: М.Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 9.

[336] «Исторические записки», кн. 25, 1948. С. 293–294.

[337] Л.В. Черепнин. Русские феодальные архивы. Ч. 1. М.-Л., 1948. С. 453.

И началось. Сказав «А», Л.В. Черепнин решил, что терять уже нечего и надо заслужить право на жизнь, которое, как он думал, могло для него в те годы находиться под вопросом. Второй том «Архивов» был испорчен вульгарным социологизмом (первый в основном тексте не пострадал): он начинался с «Марксизма и языкознания», затем еще шло шесть цитат из других работ классиков. Это ладно. Но вот набор банальностей со словечком «классовая» во всех родах и падежах был приторен.

В злосчастном 194? г. в «Вопросах истории» № (будь он неладен) появляется рецензия Черепнина и Зайончковского на учебник Тихомирова и Дмитриева (подвергавшийся критике и в «Культуре и жизни» и на заседании на истфаке). В конце делался вывод, что «благородную задачу воспитания советского юношества в духе патриотизма и гордости за свою Родину может выполнить только учебник, который написан с марксистско-ленинских позиций. Этому требованию рецензируемый учебник не отвечает. Он может только повредить в выполнении этой важной задачи» [...][338]. А ведь Зайончковский был приятелем Дмитриева и позднее клялся, что он хотел спасти его («другой бы написал еще хуже»). Не помогли объяснения: друзья разошлись на всю жизнь. Лев уверял, что концовку ему приписали. Не спасло приложение: М.Н. сделался на всю жизнь его злейшим врагом[339].

И рухнули все сдерживающие (моральные) препоны. В том же 1949 г. появляется статья Льва, бичевавшего Лаппо-Данилевского, книга которого «явилась выражением взглядов буржуазии, испугавшейся революции» (речь идет о «Методологии истории») и т.п. Но мертвые одно дело. Требовалось осудить живых. И вот появляется филиппика против «школы Лаппо»[340] (С. Валк, Б.А. Романов[341], А.И. Андреев и др., которые, к сожалению, не сумели полностью преодолеть методологии своего учителя»). Далее вскользь упоминались статьи Андреева о поездке Петра в Англию (влияние-де Запада), Валка о ленинградской школе, Андреева еще за программу в МГИАИ курса источниковедения (программа не была издана), Романова за «Люди и нравы».

И все это было написано о людях, так много сделавших для самого Льва, приютивших его (Веселовский, Андреев) в трудные для него годы, когда, в частности, и он сам был объявлен частью какой-то надуманной школы. Брр! Это понимал сам Лев, обходивший сторонкой своих бывших учителей и сотоварищей. А те (во всяком случае Вес. и Андреев) не были взбешены, им было просто грустно, они говорили: «Мы все по-

---

[338] *Вставки, сделанные рукой А.А. Зимина на полях страницы, трудно читаемы.*

[339] Позднее Михал Николав со слезою говаривал (*далее рукописный текст А.А. Зимина, трудно читаем*).

[340] «Вопросы истории», 1949. № 2. С. 42, 51.

[341] Кстати, Романов был учеников Преснякова, а не Лаппо. Он был страшно возмущен. Написал вскоре (1950 г.) разгромную рецензию на издание Льва ДДДГ, но Греков ее не издал.

нимаем. Бедный Лев Владимирович, пусть он не думает, что мы к нему что-нибудь питаем. Пусть заходит». Вот так-то все это было. И в заключение того года анонимная статья-передовица в «Вопросах» «Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода». Спасибо вряд ли Лев скажет составителям его библиографии, раскрывшим секрет его участия в написании этой статьи. А в ней, в частности, говорилось, что «одной из форм уклонения от постановки больших теоретических проблем... является уход в область задач чисто археографического порядка»[342]. И это пишет историк, готовивший [духовные договорные грамоты русских князей]. Опять все та же вдова.

Молниеносная трансформация Льва во многих вызвала чувство удивления, а у вершивших судьбы исторической науки – и недоверие. И не только у них. Косо смотрели на шустрость Льва его бывшие сотоварищи Новосельский (по РАНИОН'у) и Устюгов. Помалкивал, но с явным неудовольствием, первый марксист среди ранионовцев В.И. Шунков. Главный ленинградский борец за чистоту И.И. Смирнов всегда считал Льва каким-то не таким и потом снова высказался в рецензии на его «Образование», упрекая Льва в вульгаризации, отстаивая даже историческую ценность... трудов Милюкова!

Чужаком Льва считали и университетские лбы типа Епифанова и Белявского, которым куда ближе был кондовый Михал Николав.

В ведомостях И.И. Удальцова присматривались с недоверием ко Льву. Конечно, всякое бывает. Но он какой-то не такой, как все. Ему нельзя стукнуть по плечу и сказать: «Надо, брат Лева», т.е. поговорить попросту, без всякой там интеллигенщины. Вот Михал Николав – другое дело. Тот, во всяком случае, искренен... наколбасит, накричит, но сделает, что надо. Свой. Замоскворецкий[343].

Лев рвался вверх один, вне какой-либо лиги, а это всегда обречено на провал (он прошел, когда попал в струю противоборства Жукова с Рыбаковым). Да и кто поддерживает его? Беспартийные историки типа Нечкиной, Дружинина.

Правда, говоря о Льве, начиная с конца 40-х гг., нужно иметь в виду, что его тенью на всю жизнь в это время был В.Т. Пашуто, руководивший и направлявший. Этот современный Вергилий вел Льва по всем кругам исторической науки конца 40–70-х гг. нашего века. Много ошибок Лев совершил именно потому, что считал Пашуту все понимающим, все знающим в той области, в которой он был сначала новичком.

Бывают смерти, открывающие простор для жизни, говорил как-то В.О. Ключевский (в неоконченной статье о падении крепостного права). В 1950 г. умер зав. сектором С.В. Бахрушин (его место временно занял А.А. Новосельский, вскоре сделавшийся зам. директора Института Истории, и К.В. Базилевич, крупнейший специалист по истории России

[342] «Вопросы истории», 1949. № 11. С. 5.

[343] Они все ошибались: если б сказали, Лев бы сделал все. Но – опять трагическое отсутствие взаимопонимания.

XIV–XV вв. (гл. обр. во внешней политике). Его труд «Внешняя политика России» в 1952 г. был издан под ред. Л.В. Черепнина. Он и вообще как бы занял его место в истории науки (дописывал и переписывал его разделы в «Очерках», писал соответствующие разделы в учебнике и т.п.). В 1950 г. Л.В.Ч. выпустил классическое издание «Духовные и договорные грамоты» великих и удельных князей.

Переломным же в шествии наверх был для Л.В. Черепнина 1951 г. В этом году он стал зав. сектором феодализма, каковым пребывает по сие время. Еще в 1949 г. К.В. Базилевич начал дискуссию о периодизации истории СССР периода феодализма (в самые драматические годы). Эта дискуссия (для капитализма статью писал Дружинин) должна была как бы создать основу новейшей концепции истории феодализма – построенной на «Кратком курсе» и других трудах основоположников. Итак, производственные силы и отношения варьировались во всевозможных сочетаниях. Рента – критерий выделения этапов. Централизованное государство, ускоренное и пр. В разгар сражений по вопросам периодизации Базилевич умер, и статья Черепнина и Пашуто как бы подводила итоги дискуссии (статья открывалась цитатой Сталина) о том, что никакая наука не может существовать без свободы мнений (языкознание), затем авторы упоминают поставленную товарищем Сталиным «перед нашими [учеными задачу исследовать] историю России в связи с историей других народов СССР». Далее говорилось, что развернутая нашей партией борьба против буржуазного объективизма позволила историкам глубже понять классические указания И.В. Сталина о сущности государства, а замечательные высказывания И.В. Сталина относительно «взаимоотношения базиса и надстройки создали новые возможности углубленного исследования и проблем периодизации»[344].

И далее – оказывается – «Принципы периодизации разработаны в гениальном произведении И.В. Сталина "О диалектическом и историческом материализме"... И.В. Сталин отмечает три момента... Таким образом, согласно учению И.В. Сталина» и без конца все тот же И.В. Сталин. «Классики марксизма-ленинизма В.И. Ленин и И.В. Сталин дали не только общие теоретические указания по вопросам периодизации. Они наметили основные принципы периодизации истории феодального строя в России.

Все так просто. В № 2 «Вопросах истории» за 1953 г. Л.В. Черепнин пишет статью «Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.)». Она начинается словами: «Новые гениальные труды товарища Сталина» (речь шла о языкознании и экономических проблемах) «выдвигают перед нами задачу изучения объективных законов» и далее сплошной Сталин («во всей широте выдвинул проблему», «совершенно очевидно, что замечательное идейное богатство, содержащееся в трудах И.В. Сталина, должно быть положено и в основу изучения

[344] «Вопросы истории». 1951. № 1. С. 52, 53.

основных проблем истории феодального общества», стр. 38–39), «сталинское определение собственности на землю... является дальнейшим развитием» и так на полном серьезе на протяжении всей статьи (82 сноски на классиков и 73 – на другие источники и литературу.

Но, увы, статья запоздала и не могла быть оценена по достоинству: в марте того же года великий кормчий уже умер.

На некоторое время Лев Владимирович перестает теоретизировать (если то, что он делал раньше с цитатами, можно назвать занятием теорией). В 1953 г. издаются две части «Очерков» под его и пашутиной редакцией (IX–XVI вв.). В 1955 он пишет для доклада на римской конгрессе (X) историков «Основные этапы развития феодализма в России». В 1956 г. выпускает под своей редакцией с компанией т. 1 вузовского учебника Истории СССР, т. 1, Русскую палеографию и Русскую историографию до XIX в. (за последние два труда получает Ломоносовскую премию).

И вот в 1957 г. он становится членом партии. Старые грехи уже забыты. Он ездит по Европам: 1958 г. – в Румынию, в 1959 г. – в Стокгольм и Париж (в обоих случаях занимается упорно в архивах). В 1959 г. начинает выпускать под своей редакцией «Историю» Соловьева. И вот, наконец, новый этап творчества: 1960 г. «Образование Русского централизованного государства». Толстенная книга. Я помню, как она создавалась, как Лев резал на кусочки источники и раскладывал их по рубрикам, как ему не хватало времени (он скомкал основную часть книги). И все же дело не в этом. В конечном счете его настигло возмездие. После «Архивов» и своего грехопадения он уже ничего проникновенного, правдивого создать не смог. В лучшем случае это были энциклопедического характера полусправочники и полуучебники (типа «Русской палеографии» и менее солидной «Русской историографии»). Книга, которая должна была стать делом всей жизни («Архивы» задумывались сначала как источниковедческое введение к ней), не состоялась. [...][345]

Новый этап исторической науки после XX съезда застал Черепнина врасплох. Если просмотреть его сочинения за 1956–1964 гг., то картина будет следующей. Лев Владимирович уже не выступает с теоретическими «руководящими статьями». Он предпочитает обобщать, подводить итоги, говорить о вкладе в науку и т.п. Вместо критики дореволюционных историков – издание Соловьева (с 1959 г.). Вместо критики своих – разоблачение буржуазных фальсификаторов (статьи, особенно 1962 г.[346]) и выступления на мировых конгрессах историков. В 1959 г. создана в секторе специальная группа по информации о выходящих в свет работ буржуазных историков.

И все же Черепнин остался собою. Вольт с Шахматовым повторился. На этот раз героем стал Покровский. В своей монографии 1960 г.

[345] *Приписка карандашом*: (далее 3 стр. нет копии).

[346] Ср. Л.В. Черепнин. Во всеоружии вести борьбу с буржуазной историографией. – «История СССР», 1962. № 1. С. 200–208.

Черепнин разоблачал Покровского в духе решений ЦК 1934–36 гг. и двухтомника «Против антимарксистской концепции Покровского». Он писал, что Покровский «не сумели прийти к подлинно марксистскому пониманию истории» (стр. 101), «к феодализму Покровский подходил с позиций буржуазной методологии» (стр. 102), «концепция социально-экономического развития России... надумана. Она построена на базе буржуазной методологии» (стр. 105), «ошибочные взгляды, ...осуждены в известном постановлении» (стр. 106).

И опять не успел прокукарекать петух. В № 9 «Коммуниста» появилась статья М. Нечкиной, Ю. Полякова и Л. Черепнина «Некоторые вопросы истории советской исторической науки». На следующий год она была с небольшими изменениями напечатана в сборнике к XXII съезду партии[347]. Ею этот сборник открывался. Итак, статья начиналась с цитаты доклада Хрущева на XXI съезде, который подчеркнул «большое воспитательное значение истории» (стр. 58)[348]. В ней уже трудам Покровского дается иная (положительная в целом) оценка. «В книге Покровского была отражена классовая борьба, массовое революционное движение, разоблачал русское самодержавие... Это была глубоко отличная от буржуазно-дворянских обобщений книга, которая сыграла большую роль в воспитании молодого поколения и широких масс трудящихся (стр. 62). У Покровского были ошибки, но он вел страстную борьбу против буржуазных концепций. Воспитывал в этом духе историков-марксистов. Авторы ставили вопрос о необходимости издать труды «выдающегося историка-большевика» (стр. 63)[349]. О постановления 1934/36 гг. авторы не упоминали. Финал – в 1966 г. начали издаваться «Избранные труды» Покровского, одним из их редакторов был Черепнин.

Хорошо у статьи было три автора. Но вот в 1962 г. в статье после XXII съезда («Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма») Л.В. Черепнин писал: «С марксистских позиций он попытался дать обобщение русского исторического процесса в своем четырехтомном труде»[350]. Он делает критические замечания в адрес двухтомника «против» концепции Покровского, ссылаясь на речь главы Идеологической комиссии Л.Ф. Ильичева на XX съезде партии, уже прямо характеризуя Покровского как «видного историка-марксиста» (стр. 51).

---

[347] М.В. Нечкина, Ю.А. Поляков и Л.В. Черепнин. О пройденном пути. – В сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». «История СССР». М., 1962. С. 13–15.

[348] Имя Хрущева со ссылкой на его доклад на XXI съезде партии появилось у Черепнина уже в 1959 г. (Л.В. Черепнин. О постановке исторического образования в средней школе. – «История СССР», 1959. № 2. С. 24).

[349] Во втором издании статьи сказано было, что Покровский «много поработал над созданием марксистской концепции истории России, хотя при решении этой сложной задачи далеко не все удалось ему» (стр. 15).

[350] «Вопросы истории», 1962. № 1. С. 37.

Никаких конкретных замечаний о недостатках в изучении феодализма в период «культа личности» в итоговой статье Черепнина не было. К самокритике он не был расположен (только сетовал на «отсутствие новаторских обобщений» и догматизм… приверженность к привычным понятиям, цитатам» (стр. 61).

Цитаты Сталина были изъяты. Наступила пора нового обращения к Ленину. Черепнин был в первых рядах. Он пишет статью, в которой разбирает проблему истории и современности в трудах Ленина послеоктябрьского периода[351]. Нельзя сказать, чтобы он был специалистом по этой тематике. Но Черепнин все мог.

В 1969 г. Лев издает две объемистые статьи, посвященные Ленину и Марксу и Энгельсу как источниковедам. Цитатами они были нашпигованы преизобильно.

В 1965 г. Черепнин возвращается к тематике своей юности и выпускает в свет статью (по существу, небольшую монографию) о Русской Правде, в которой развивает и раздробляет свои старые выводы. Разбору этой и других работ Черепнина о Русской Правде я посвятил особый этюд. Повторять его не буду. Скажу лишь, что сплав текстологических и социологических догадок привел лишь к тому, что труд его приобрел научно-фантастические контуры.

Наступило время, когда Черепнин мог дать реванш всем тем, которые в «смутные годы» пытались его укусить. Он вместе с Маловым и Пашуто в «Коммунисте» печатает статью о принципе партийности в исторической науке[352]. Пока еще он только обрушивается на буржуазных зарубежных исследователей. Но это было лишь началом.

В 1967 г. Черепнин подводил итоги развития феодальной науки за 50 лет[353]. Статья состоит из бесконечного числа реверансов.

В 1968 г. Черепнин выпустил в свет книгу «Исторические взгляды классиков русской литературы», в которую вошли печатавшиеся им на протяжении ряда лет статьи о взглядах Пушкина, Толстого, Блока и т.п. Это, пожалуй, самая бездушная книга Льва. «В основу нашей работы, – пишет он, – легло эпистолярное, мемуарное, публицистическое наследие русских писателей»[354]. При этом «в задачу книги не входит разбор художественных произведений на исторические темы с целью выяснения специфики воплощения в литературных образах событий прошлого» (стр. 5, 9). Итак, получается чудовищный замысел: написать книгу о представлениях писателей, не разбирая их художественных про-

---

[351] Л.В. Черепнин. История и современность в работах В.И. Ленина послеоктябрьского периода. – «История СССР, 1963. № 2. С. 23–34.

[352] В. Пашуто, В. Салов, Л. Черепнин. Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. – «Коммунист», 1966. № 4.

[353] Л.В.Черепнин в сб.: «50 лет советской исторической науке. Некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России». – «История СССР», 1967. № 6.

[354] Удивительно, но Черепнин отказался от использования мемуаров, писем и дневников тех лиц, которые знали писателей.

изведений. И действительно, Черепнин пишет о том, что говорил сам Пушкин о своем «Борисе Годунове»: а самой исторической драмы не касается. Принцип рассказать о писателях вне их творчества, правда, Черепнин последовательно выдержать не смог. Но получилась картина дикая. Упомянув о народных истоках «Песни о Калашникове», Черепнин от разбора ее отказался.

Но где как не в самих художественных произведениях можно найти основные исторические идеи их творца. А в письмах? Черепнина не спасают и многочисленные громкие фразы о величии тех или иных писателей, и стремление «реконструировать» их системы взглядов по письмам и пр., как взгляды записных историков, просто смехотворно. В тактичной, но суровой рецензии Саши Формозова («Новый мир», 1969, № 4) дана справедливая, но слишком мягкая оценка книги, которую не смогла дезавуировать поспешно написанная контррецензия Нечкиной («История СССР», 1970, № 3). Кукушка (см. юбилейные статьи Черепнина в ее честь 1961 г. и статью 1971 г.) спасти петуха не могла.

На закате своей деятельности Лев Владимирович вспоминает дни своей юности и возвращается к тематике старых лет. Его книгу «Берестяные грамоты как исторический источник» (1969 г.) он рассматривает как своеобразный третий том своих «Архивов» (в беседе со мной). Грамоты на бересте для него – «это фрагменты рассыпавшихся архивов» («подземные архивы»). В книге Льва Владимировича мы встречаемся и с лучшими и с худшими сторонами прежних работ. Он тщательно изучает каждую грамоту, прежде всего с логически смысловой точки зрения, и применяет «терминологический» анализ и даже формулярный (в сравнении с московскими актами). Но по-прежнему (и даже в большей степени) анализ дается вне живой истории – т.е. в данном случае вне конкретной истории Новгорода. Сам по себе. Опять Кай и ледяные кубики. Деление грамот по тематическим главам: земля, крестьяне, дань, суд и т.п. Это напластование поздних лет не улучшает, а усугубляет дело: грамоты искусственно пришпиливаются к темам, тогда как очень часто одна грамота могла давать ответ на различные вопросы. Отрадно, что под старость лет в специальном труде Лев Владимирович признал возможность многовариантного подхода к интерпретации источника (он дает иногда несколько возможных прочтений текста и т.п.). Словом, книга о берестяных грамотах при всех своих недочетах все же продолжала традицию логического (шахматовского) источниковедения актовых материалов, создателем которого и был Лев.

Одновременно Лев начинает давать бой тем, кто в «смутные годы» пытался опровергнуть те догмы, на которых держались его «теоретические представления», выработанные в конце 40-х – начале 50-х гг. Он в 1968 г. выступает с докладом об абсолютизме, повторяя общие места их «Очерков», участвует в дискуссии о переходе от феодализма к капитализму, пишет статью об историографии вспомогательных дисциплин за 50 лет.

Против чего же конкретно воюет в эти годы Лев, что он защищает, так сказать, «посмертно реабилитирует», беря запоздалый реванш?

В 1972 г. Лев Владимирович публикует обширный раздел в совместной с В.П. Пашуто и А.П. Новосельцевым книге «Пути развития феодализма» под названием «Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности». В нем он выступает против двух групп своих оппонентов. Он прежде всего считает, что «нет оснований отказываться от взгляда на феодальную собственность на землю как основу производственных отношений классового антагонизма» (стр. 12). В былые года это звучало так: «феодальная собственность на землю» – «основа феодализма» (Сталин. Экономические проблемы). Полемика ведется со скрытым подтекстом (в наше время не так уж часто называются по именам оппоненты) – но адресат угадывается: это – Данилова и Гуревич. Далее, Черепнин отстаивает тезис о том, что черносошные земли не земли свободные, а феодальные. Тут уже оппоненты названы по именам. Это – И.И. Смирнов, а также Алексеев, Копанев, т.е. ленинградская школа.

В том же году Черепнин в статье об изучении летописания расправляется с подонком Кузьминым («История СССР», № 4).

Тогда же под громким названием «К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных дисциплин» он выпустил в свет статью, в которой слегка шлепает по заднице назойливого Шмидта[355]. Решительно критикует он Л.П. Жуковскую, которая когда-то возражала против его расширительного представления о палеографии (стр. 45–50)[356]. Со ссылкой на Каштанова смягчает свою когда-то суровую оценку Лаппо-Данилевского, но отвергает излишества в отношении к Лаппо, встречающиеся у Шмидта. Наконец, продолжая старинный спор, Черепнин отвергает критические замечания Носова и Копанева, рассматривавшие копийные книги просто как сборники копий, а не как орудие политической борьбы.

В конце 1972 г. Л.В. Черепнин был избран академиком. Учитывая и это обстоятельство, и общую обстановку, он счел, что надо выступать снова с постановочными статьями, в которых прекратить общее «умов брожение». Так, в совместной с Минцем и Нечкиной статье «Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития» (1973 г.), исходя из итогов мартовского совещания историков 1973 г. (при отделе науки, разгромившего «волобуевщину»), он писал: «Перед специалистами по феодализму стоит задача продолжить критику взглядов некоторых историков, недооценивающих роль базисных явлений в раннефеодальный период (читай: Гуревич, Данилова, Фроянов. – *А.З.*). Вызывает возражения и утверждение, будто развитие централи-

---

[355] «Источниковедение отечественной истории». Сб. I. М., 1973. С. 33.

[356] См. также: Л.В. Черепнин. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины. – В сб.: «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». М., 1974. С. 15–20. Критика здесь усилена.

зованного государства в России происходило не на базе экономических процессов, а главным образом в силу государственных потребностей военного и внешнеполитического характера (Неужели же имеется в виду Сталин? Нет, конечно, скорее всего дискуссионная статья Авреха. – *А.З.*) …необходимо… не ограничиваться общей характеристикой отсталости, застойности, не сосредотачивать внимание на изменениях в государственной надстройке, но всесторонне изучать, хотя и медленные, но постоянно действовавшие изменения в области развития производственных сил и производственных отношений» (конечно же, Аврех, Милов, Павленко и др. – *А.З.*)[357].

И снова Л.В. Черепнин выступает в журнале «Коммунист» с теоретическими статьями. В первой из них (1973 г.) о крестьянских войнах он выступает против тех, кто «понимает борьбу крестьян лишь как сопротивление отдельным феодалам или как выступление против определенной формы феодального строя. С этим вряд ли можно согласиться». Спор ведет автор во всяком случае с неназванным по фамилии Павленко[358].

Он отвергает (опять не называя фамилии) тезис Шапиро, что о расшатывании крепостнической системы крестьянскими войнами говорить нельзя, ибо после крестьянских войн самодержавие выходило окрепшим. По Черепнину, каждая из войн приближала крепостническую систему к гибели (стр. 86).

Апофеоз на новом пути Черепнина – статья «Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций». Здесь уже все в старых традициях, только что фамилии вслух не названы.

Первый вопрос – Киевская Русь: «Некоторые историки предлагали вычленить две модели общественного развития Киевской Руси. Но ведь существует объективная истина, которую и надо стремиться познать». Это прямо против Фроянова. «Мы считаем теоретически несостоятельным предложение о пересмотре деления исторического пути человечества на пять общественных формаций». Это что, о Даниловой, что ли? Анонимность позволяет автору реконструировать какие-то мнимые суждения, отдаленно что-то напоминающие, и вести с ними решительную борьбу.

Уже давно доказано, что ни о каком «втором издании» (Энгельс) крепостного права в России говорить нельзя: процесс усиливался, а не повторялся, как думал Греков. Так нет же, Черепнин считает, что можно говорить о двух изданиях, как «двух формах феодальной зависимости на разных стадиях» (стр. 66). Чистая абракадабра, только чтоб осталась в неприкосновенности цитата, относящаяся к тому же не к России, а к Пруссии.

Зачем Черепнин выступает против трактовки «смердов» как свободных крестьян (Горемыкина, С. Покровский и отчасти И. Фроянов), и

---

[357] «История СССР», 1973. № 5. С. 9.

[358] «Коммунист», 1973. № 13. С. 79.

против тех, кто считает черносошное землевладение землевладением свободных крестьян, а не феодальным (речь идет о ленинградской школе – Копанев и др.). О точке зрения Носова (два пути) сказано осторожнее, чем ранее (в статье об итогах за 50 лет): «Был ли неизбежен для России тот путь развития, который привел ее в рамки крепостного права (о существовании «второго пути» даже не сказано. – *А.З.*)? Проблема требует дальнейшего изучения» (стр. 67).

Затем вопрос о «едином государстве». «За последнее время некоторые исследователи перестали употреблять термин «централизованное» государство. Действительно, В.И. Ленин употреблял его применительно к позднефеодальному государству, то есть к абсолютизму. Но ведь «централизация» – понятие историческое… Зачем же отказываться от этого термина, точно передающего существо смены двух политических форм: политическое расчленение страны и государственной централизации» (стр. 68): ведь Маркс и Энгельс «говорили о централизации, противопоставляя ее раздробленности времен средневековья».

Тут Черепнин спорит с А.М. Сахаровым и А.А. Зиминым.

Высказывается мнение, «что абсолютистское государство в России не было результатом внутреннего развития, а являлось продуктом заимствования из более передовых стран» (стр. 69). Подобную чушь в дискуссии об абсолютизме даже противники традиции Аврех и Павленко не говорили. «Взаимосвязь двух процессов – нарастания классовой борьбы и формирования аппарата абсолютистского государства – не всегда в полной мере учитываются» (там же. Против Павленко). Далее снова критика его же по вопросу о том, что «крестьяне вели борьбу не против феодализма, а против крепостничества, как «варианта» феодализма» (стр. 70). Об этом Черепнин писал уже в статье с Нечкиной и Минцем. Здесь Черепнин идет дальше, говоря «вряд ли правильно, анализируя программные требования крестьянства, отказываться от понятия «идеология». Надо только не забывать об исторически ограниченном его характере» (там же). Это против статьи Овчинникова и Литвака в «Вестнике АН», на которую письмо наверх написал Преображенский, а также против Рахматулина и Павленко. Далее снова Черепнин пишет о расшатывании (стр. 71).

Переходя к проблеме «всероссийского рынка», Черепнин критикует тех, кто это понятие связывает только с торговлей, а не с производством и зарождением ростков капитализма (Павленко, Данилова, Милов и др.). Против тех же исследователей выступает он и тогда, когда отстаивает существование расслоения крестьянства в XVII–XVIII вв., а не только неравенства.

Смысл статьи Черепнина предельно ясен – назад, к золотому веку 1949–52 гг., когда он и Пашуто вместе с Устюговым и др. были законодателями мод, создавали новую концепцию, основанную на мудрых указаниях т. Сталина. Все новое в науке, появившееся за последние четверть века, он предлагал сбросить «с корабля истории на[…]». Так и словом

и делом отвечает маститый академик, совесть нашей науки, на решение мартовского совещания 1973 г., на котором говорилось о необходимости решительной борьбы со всякими отступлениями от марксизма.

В 1974 г. по просьбе В.В. Мавродина Л.В. Черепнин выступил оппонентом по докторской диссертации Игоря Фроянова. Согласился выступить, потом, прочитав рукопись, увидел, что она во многом резко не соответствует тем прописям, которые он постиг из трудов Грекова. Отзыв его был по выводу положителен, по содержанию критичен. Так вот из [...] отрывок (основную часть) Черепнин поместил в сборник к 90-летию Дружинина.

Статья огорчительная прежде всего потому, что автор так «реконструирует» взгляды Фроянова, что скорее напоминает обвинительное заключение, чем научный труд. А ведь диссертацию Игоря до сих пор еще ВАК не утвердил и Сахаров с компанией хотят ее завалить. Итак, оказывается, что «основная направленность монографии Фроянова (и критическая, и позитивная) идет по линии пересмотра представлений Б.Д. Грекова о генезисе феодализма на Руси»[359]. В любой работе по истории Древней Руси содержится пересмотр представлений по тем или иным вопросам своих предшественников. То же самое мы находим и в книге Фроянова. Но никакой «антигрековской направленности» (криминал!) там нет.

Далее: «Главное, что хочет доказать автор, это [...]ность рабства и его значительная роль в общественном развитии». В статье Черепнин усилил критику Фроянова сравнительно с отзывом на диссертацию. Так теперь концепция Фроянова «во многом близка ко взглядам Горемыкиной (а не просто близка). Ранее Фроянов «правильно» возражал против некоторых взглядов Щапова. Теперь слово «правильно» уже снято. Ранее Фроянов не показал положение свободных крестьян, так как «этого нельзя сделать из-за отсутствия источников». Теперь эта оговорка снята. Следовательно, у читателя создается впечатление, что показать было можно. Наконец, снята концовка, в которой говорилось: «Я отдаю должное творчеству И.Я. Фроянова, оригинальности его суждений, эрудиции, ряду интересных соображений. Думаю, что обсуждение его работы будет способствовать дальнейшему изучению истории Древней Руси». [...][360]

[...]тературе концепций» (стр. 21). Противопоставление Фроянова всем остальным исследователям нелепо (по крайней мере): у каждого есть что-то свое в оценке явлений. Есть множество точек зрения. Фрояновская одна из них. А вот стремление представить Фроянова чуть ли не сторонником рабовладельческой формации – это совсем неправда (ср. стр. 16, где Черепнин пишет о близости Фроянова к точке зрения взглядов Горемыкиной).

---

[359] Л.В. Черепнин. Еще раз о феодализме в Киевской Руси. – В сб.: «Из истории экономической и общественной жизни России». М., 1976. С. 16.

[360] *Пропуск текста.*

Так, последователь Шахматова, блистательно начинавший с реконструкции феодальных архивов и отдельных актов и тем, чтобы обогатить нашу науку, кончает «реконструкцией» мнимых взглядов молодого исследователя с тем, чтобы удобнее было бы его «разнести».

В конце 1975 г. Лев завершил большую книгу о Земских соборах XVI–XVII вв. и дал мне (как обычно) в качестве рецензента для выступления на секторе. Все было на высшем уровне. Каждый из рецензентов (Зимин, Клибанов, А.Н. Сахаров) старался оттенить достоинства и пр. И оставаясь наедине со своей совестью, я грустил. Нет, не за дифирамбословие. А за Льва.

Книга Льва вызывала у меня разные чувства. Некоторые (Архивы в своей основной части, Грамоты) меня восхищали или во всяком случае радовали. Некоторые возмущали (Писатели), «Палеография» поражала энциклопедичностью и т.п. Но читая Соборы, я скорбел за Льва. Мне было его жалко уже потому, что теперь он не может. Он еще делает вид, что пишет что-то. На самом деле повторяет приемы механически. У него нет уже сил. Процесс разрушения организма зашел далеко. Он пересказывает грамоты, что-то вскользь говорит о терминах, пересказывает литературу (даже его социологических штампов – и то уже нет). В спорных вопросах вместо блеска неожиданных (пусть и субъективных) решений – отговорки, частично тот прав, частично этот или голое: «Мне кажется, что что-то (какой-либо сомнительный собор. – *А.З.*) было» – без всяких доказательств, конечно. Бедный, бедный Лев!

«Школа Черепнина»! Печать ее создателя отметила почти всех его учеников. Это – вульгарный социологизм и стремление к карьере, основе благополучия. Сколько раз его ученики продавали за понюх табака (он служил в этом примером). Первым отвалился Анатолий Михайлович Сахаров, ставший теперь зав. кафедрой в МГУ, словоблуд-социолог и т.п. Университетская среда его обязывала. Второй была Люся Данилова, затем Вадим Корецкий, потом Филипп Грекул (о них я уже писал). Универсанты Леонтьев и Горский и мгаишник Селезнев заняты повседневщиной. Андрей Сахаров (теперь ведает худ. литературой в Главпечати, а был глав. ред. Издательства АН, выгнанный сверху за излишнее славянофильство в руководящих статьях в «Молодой гвардии» и т.п.). Но ему, конечно, гораздо ближе Рыбаков (тот это отлично понимает), а Лев со всем мирится и ждет, как тот продаст его с ходу. Лев остался один рядом с честолюбцами Назаровым и м. б. отчасти Синицыной. Один.

И все же его безумно жалко. Он не такой откровенный хам, как Рыбаков. При его полном равнодушии к людям, он сохранил еще остатки воспитания (наряду с французским языком принцип – не делай человеку зла, если он не делает его тебе). Он хочет только одного – покоя, чтобы ни с кем не надо было ссориться. Чтобы все было тихо. Он, которому

было так много дано, устремившись к звездам, обрел только холод логических, не имеющих смысла выкладок. История его жизни и творчества – это история заблуждений. Страшно подумать, что останется от его работ через десятилетия. И все ради химеры.

Мы с ним близки (в той мере, в какой можно с ним быть близким) вот уже тридцать лет… Странная близость… Болтаем о пустяках… О каждодневных событиях в жизни околонаучной. До переезда в Черемушки я провожал его после заседаний почти до его Козихинского. У нас были даже общие знакомые – Абрам Борисович Певзнер – фармацевт, папашин приятель. В годы Слова он держался осторожно. Не выступал. В отзыве сказал, что не разделяет мою точку зрения, но книгу надо издать. Позднее при одних из выборов ему вспомнили эту «беспринципность». Но в общем-то попридерживал меня (слегка) всегда. Не брал учеников и т.п. Сидит дома, пишет, смотрит телевизор.

Полное одиночество. Разве что Назаров? Пашуто? Или вот куклы – удивительная галерея кукол со всех частей света. «Больше всего люблю разговаривать со своими куклами», – шутя говорит Лев. Горечь в этой шутке несомненна.

И так, как пушкинский Борис, Лев может сейчас сказать: «Достиг я высшей власти», какой-то там год «я царствую спокойно. Но счастья нет моей измученной душе». Убив в себе царевича Дмитрия (божественную искру стремления к правде и человечности), Лев потерпел полный творческий крах. Все, что сделано им после первого варианта (1946 г.) «Архивов», в большей или меньшей степени отмечено печатью этого краха. Все непра[…] Скороспелые суждения в лучшем случае, времени-то нехватает: ведь Лев как Будда, сидит на всех заседаниях, тупо уставясь в одну точку. А их так много, к тому же поездки по странам, кулуары. Заведование и пр. Даже такой дьявольски работоспособный человек, как он, не может раздвинуть пределы времени. А вечно надо что-нибудь выдавать «на гора», чтобы быть на поверхности науки. Отсюда микроподелки в сборниках, установочные пустышки или полубиблиографические, перечневые обзоры к съездам и юбилеям, биографические очерки ушедших или процветающих коллег[361] без какой-либо мысли, с перечнем резюме их работ.

Возмездием Льву были и потеря творческого гения (Синяя птица улетела), и полное одиночество. Ну, прямо как Понтий Пилат сидит он в своем академическом кресле в лунном луче догорающей жизни, окруженный сонмом подхалимов. Избрание в академики сыграло роковую роль даже в том, что было повседневной жизнью Льва. Потеряв в

---

[361] Исключение составляет статья о Богословском, написанная в отличном от старого Льва ключе (в духе нечкинского Ключевского): здесь творчество дается динамично, как элемент биографии (с использованием архивов), тон умиротворенный: все-таки Богословский был нашим братом, академиком (см. трактовку причин, почему Богословский не ушел из Университета в годы реакции словами самого М.М.: де хотел, чтобы дело Ключевского не пропало).

жизни стимул (честолюбивые вожделения), он сразу же сдал, склероз медленно завоевывал свои позиции. Вот он и сидит за столом, почти не реагируя на происходящее, идет по коридору, не отрывая ног от пола, еле садясь в свою академическую машину. Бедный Лев, такая сломанная жизнь была [...] у человека, способного когда-то на многое в науке.

МОЙ ДОБРЫЙ И СТАРИННЫЙ ДРУГ

Мой добрый и старинный друг Яша Лурье (р. 1921 г.) – сын виднейшего советского античника С.Я. Лурье. Казалось бы, с юных лет ему самому предназначена судьбою светлая дорога вундеркинда к звездам. И действительно, уже в студенческие годы он попал в семинар М.Д. Приселкова, в котором стал не только поклонником таланта учителя и его кумира АА. Шахматова, но и наметил темы дальнейших работ – время Ивана III. Первые студенческие работы Лурье поражали глубиной проникновения в источники (включая Нумизматические – страсть к собиранию монет Яша сохранил на всю жизнь). К этому времени относятся первые его открытия – разрушен был миф о В. Гусеве как творце Судебника Ивана III. Никаких авторитетов – только свидетельства источников – стало девизом Яши на всю жизнь.

Дальнейшая судьба складывалась у Яши непросто. Война. Преподавание в Сибири. Защита кандидатской диссертации о русско-английских отношениях второй половины XVI в. Лекции английским морякам в Архангельске. Работа в ЛГПИ. Лектор Яша превосходный, конечно, для тех, кого интересует логика, а не эмоции (стиль также яркий и простой одновременно). Работу со студентами Яша всегда любил. Да и сейчас, когда представляется возможность прочесть спецкурс в ЛГУ (по летописанию), он старается этим воспользоваться. Но... в годы борьбы с космополитизмом ему пришлось со своей работой в ЛГПИ расстаться (отец принужден был отправиться преподавать в Одессу, где позднее и умер). Несколько лет безуспешные поиски работы. И тогда под эгидой Д.С. Лихачева выпускает блестящее комментированное издание «Посланий Ивана Грозного» в серии «Памятников литературы». В дальнейшем подобные издания стали стихией Якова Соломоновича (великолепное издание «Повести о Дракуле», «Александрия», наши совместные издания «Послания Иосифа Волоцкого». «Сочинения И. Пересветова», второе издание «Хожения Афанасия Никитина» и «Стефанит и Ихнилат»)

Несколько лет работал он в Ленинградском музее истории религии и атеизма. Под эгидой этого учреждения он совместно с Н.А. Каза-

ковой (ей принадлежит небольшой раздел о стригольниках) издает книгу «Антифеодальные еретические движения XIV – начала XVI вв». В ней, кроме исследования, содержалась и публикация интереснейших документов. Так судьба как бы столкнула на одной дороге научных поисков Яшу и Александра Ильича Клибанова. Любопытно, что даже докторские они защищали в один день в 1960 г. Яшу в конце концов приютил (принял в сектор) Д.С. Лихачев, и защищал он диссертацию на степень доктора филологических наук на тему «Идеологическая борьба в русской литературе конца XV – начала XVI в.». Нет более разных по духовному складу людей, чем Алексадр Ильич и Яша. Синтез и анализ, поиски новых источников и источниковедческий пересмотр (на основе рукописной традиции) старых, памятники еретического вольномыслия и сочинения гонителей еретиков, вертикально-хронологический раз [...] одного течения мысли, и горизонтальное рассмотрение совокупности направлений, философское осмысление еретических учений и подход к ним, как явлению общественно-политической мысли по преимуществу. Таковы основные различия в подходах Александра Ильича [и Яши]. Каждый из них имеет право на существование, а вместе они составляют гармоническое целое. Даже темперамент у них разный: Яша – отчаянный спорщик, тактичный Александр Ильич предпочитает о точках расхождения не говорить, он как бы рисует картину своих взглядов, не вступая в какие-либо споры. Импозантный, красноречивый (Златоуст) Клибанов и маленького росточка с тоненьким голосом остроумный, как-то неожиданно из вечного юнца, перескочив зрелость, превратился в седого старика.

Итак, Яша стал литературоведом. Но особенным. Он попытался написать несколько интересных проблемных статей по теории литературного процесса (проблема косвенности в художественном изображении, спор о реалистических тенденциях древнерусской литературы и т.п.) Но все это пустяки. Не удалось ему и выйти в литературу поздних веков. Своим кумирам – Ильфу и Петрову и Булгакову он посвятил пару статей, а о Шварце и Зощенко, кажется, и вовсе ничего не написал. Но вот то главное – Яша стал крупнейшим текстологом древнерусской литературы (что ли Оксманом[362] древнерусской письменности). Школа Приселкова не прошла даром. В секторе он – главная после Лихачева фигура. Но положение его сложно, ибо он в известной степени чужак. Сохраняя чувство глубокой благодарности к Дмитрию Сергеевичу, он в то же время больше всего дорожит самостоятельностью своих мнений и не склонен идти в колеснице победителя. С Лурье вынуждены считаться и в силу его крупных научных заслуг и работоспособности, и в силу огромного научного авторитета за рубежом. А работает Лурье действительно много. Вот недавно вышла книга под его редакцией и при его участии «У истоков русской беллетристики», а на днях вы-

---

[362] *Оксман Юлиан Григорьевич (1895–1970) – выдающийся пушкинист, текстолог.*

ходит книга по летописанию XIV–XV вв. Она является синтезом и итогом работ, которым посвятил Яша несколько десятилетий жизни. Сейчас он крупнейший специалист в области изучения древнерусского летописания, единственный человек, который сохранил и развил традиции Шахматова – Приселкова. Скоро выйдет очередной том ПСРЛ, в котором он печатает изученную и введенную им в научный оборот Погодинскую летопись.

Впервые я увидел Яшу на его докладе в музее у Бонча около 1947 г., когда он делал, по-моему, один из самых неудачных докладов в жизни – о летописных источниках по истории ереси конца XV в. И источников никаких не было (интересных), и мыслей. А он сам у меня вызывал только чувство раздражения (вундеркинд!). Начало нашей дружбы относится к началу 50-х годов. Чтобы спасти «Послания Грозного» от Лапицкого и иже с ним, я сначала написал внутреннюю рецензию (в которой посоветовал обезопаситься соответствующей цитатой), а потом и журнальную. Наша дружба выдержала испытание временем. И ведь надо же! По видимости, у нас все различно. Прямо трудно сыскать вопроса, по которому бы у нас была одна точка зрения. И все же в главном – мы едины: право на свободную мысль и обязанность благожелательного отношения к людям – неписаные условия дружбы. Да и любовь к спорам у нас едина. А так – извечные несогласия в вопросах о ближнем и дальнем, о том, что люди во все времена одинаковы (Фейхтвангер) или есть временные и национальные различия, в оценке сатиры, реализма и романтики.

Меня всегда радует активное восприятие жизни Яшей. Его все волнует, он всему сопричастен. Вот это и называется настоящей интеллигентностью. Судьба Яши зачтется Дмитрию Сергеевичу как одно из самых добрых дел, совершенных им. В дни Слова Яша был всегда со мною. Правда, именно он оставался «истинным скептиком», считая, что в каждой из точек зрения есть свои рациональные моменты, что доказать никому ничего не удалось. И ведь мужество Яши нужно оценить, учитывая, что он находился в самом «логове зверя» (секторе ДС) и сумел сохранить независимость от мнительного и деспотичного начальника.

Яша – театраломан и киноман. Ему я обязан своей любовью (хобби) к истории кино. Он частенько раньше приезжал в Москву и на фестивали, и в Белые столбы с отношением: для работы необходимо посмотреть фильм, скажем, излюбенного им Чаплина «Диктатор». Жена Яши – «ученая дамочка», как бы сказал В.И. Малышев, – Ирина Ефимовна Ганелина, один из крупнейших кардиологов, реаниматоров (знакома по конгрессу с Бернаром). Сын – веселый и добрый попрыгунчик Лева сейчас занимается народниками (прикреплен к аспирантуре в Саратове), водит экскурсии по Петропавловской крепости.

РОЖДЕННЫЙ БУРЕЙ[363]

Значительнейшим[364] из ленинградских отцов науки или, во всяком случае, богатырем был Иван Иванович Смирнов (1909–1965)[365]. Он принадлежал уже к другому поколению ученых, чем Валк, Романов, Андреев, – был рожденным бурей. Но это делало его только более ответственным за судьбы истории, которые творились молодым поколением строителей новой жизни.

Иван Иванович происходил из духовной среды (он даже состоял в каком-то родстве с И.А. Голубцовым). Мне кажется, что уже это может объяснить некоторые черты характера позднейшего Смирнова – преданность букве писания, апостольскую[366] нетерпимость, веру в идеалы, как основу миропорядка. Кончив в 1925 г. иваново-вознесенскую школу, он некоторое время учился в Иваново-Вознесенском политехническом, затем «по болезни» перевелся в Вятский педагогический, где учился под руководством видного марксиста тех лет С.Н. Быковского. Уже здесь он обнаруживает интерес к трудам Покровского, истории классовой борьбы в Новгороде, становится руководителем антирелигиозного семинара, делает множество докладов, посвященных основам марксистского понимания исторического процесса. Ведет он активную комсомольскую деятельность и, будучи «выдвиженцем по русской истории», с рекомендацией Вятского комитета ВЛКСМ поступает в 1930 г. в ИИМК. Годы были боевые. Иван Иванович, борец по натуре, человек огромной воли и острого логического мышления, включается сразу же в активную идеологическую жизнь. Его вступительная работа посвящена была критике книги С.М. Дубровского как «типичного представителя механистов» (Дубровский в те годы подвергался разгрому во многих дискуссиях. С ним еще предстояло встретиться Смирнову много лет спустя). Основой спора были цитаты из Маркса и Энгельса[367].

ГАИМК в эти годы кипел страстями, был котлом, где замешивались новые концепции и из которого на свалку истории выбрасывалась

[363] *О времени создания этого текста можно судить по одной из обороток, где «Храм науки» датирован 1975 г. Скорее всего, этот текст следует отнести к ред. 2а. Заголовок (1-й экз. машинописи) напечатан позднее основного текста (2-й экз. машинописи).*

[364] *Слово* Значительнейший *вместо* третий (*первый экземпляр машинописи), как и заголовок напечатаны позднее основного текста* (*2-й экз. машинописи*).

[365] Я здесь не упоминаю о сотоварище С.Н. Валка и Б.А. Романова – А.И. Андрееве (1887–1959), о котором пишу в разделе «Храм науки». Послевоенная деятельность Андреева сначала была связана с Москвою, а затем после 1949 г. – с комиссией по истории науки в Ленинграде и только в последние годы – снова с ЛОИИ.

[366] *Рукоп. вставка.*

[367] Фактические сведения о биографии И.И. Смирнова взяты в основном из историографической статьи С.Н. Валка (Сб. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л., 1967).

«пена» буржуазных построений. И.И. Смирнов шел в авангарде идеологической перестройки. Смирнов смело опровергает идеи В.В. Струве и С.В. Ковалева по древней истории, якобы не понимавших и ревизовавших самое существо марксизма. Он громил Равдоникаса за теоретические ошибки по вопросам доклассового общества[368]. Руководителем его по аспирантуре стал Б.Д. Греков. В этой связи основной темой своих занятий Смирнов избрал проблему крепостничества.

Ради чистоты идейного наследия И.И. Смирнов готов был опрокинуть кого угодно. Так, во время дискуссии о рабстве в 1933 г. по докладу его руководителя Грекова И.И. Смирнов был в авангарде тех, кто (в отличие от Грекова) настаивал на существовании в Древней Руси рабовладельческой формации. Развивая высказывания т. Сталина об особенностях развития многонациональных государств на Востоке Европы, И.И. Смирнов со всей силой присущей ему убежденности доказывал реакционный характер этого процесса (в отличие от прогрессивного процесса создания национальных государств). Примитивизация марксистских положений и отсутствие достаточных конкретных знаний сказывались во всех тогдашних сочинениях Смирнова (в частности, в тезисе о капиталистической природе мануфактур в России). Классовая борьба в России XVI в. стала темой ряда его статей.

В 1935 г. он стал отв[етственным] секретарем редакции журнала «Проблемы истории докапиталистических обществ». Наступили трудные для Ивана Ивановича годы – разгром школы Покровского, одним из ярчайших представителей которой он являлся. Фактически в 1936–37 гг. он ничего не печатает (кроме анонимного предисловия к книге Веселовского «Село и деревня». (И с Веселовским Ивану Ивановичу придется еще встретиться позже.) В 1937 г. происходило обсуждение деятельности ГАИМК, Н.Л. Рубинштейн должен был делать разбор трудов Смирнова, но вскоре ГАИМК перестал существовать, и обзор не состоялся.

В 1938 г. Смирнов был зачислен в ЛОИИ – Греков, конечно, содействовал этому. Надо было перестраиваться и заниматься не социологией, а историей. Сначала намечена тема по истории Белозерского края (позднее ее разрабатывал ученик Смирнова – А.И. Копанев), но потом произошла какая-то заминка. Смирнов написал в эти годы большой очерк истории СССР для БСЭ до начала XVII в. – 10 п.л. Но опубликован он не был. В 1938 г. он пишет статью о внутренней политике Лжедмитрия, где в духе постановлений партии и правительства громит Покровского, а заодно и Лжедмитрия I как ставленника польских интервентов.

В обстановке патриотического подъема [времени] Великой Отечественной войны Смирнов пишет брошюры о Минине и Пожарском и

---

[368] Он даже договаривается до того, что историки не должны заниматься историей материальной культуры, а «созданием марксистской истории техники». Это было уж слишком, и редакция журнала отметила у него «ряд загибов левацкого характера».

Иване Грозном (1942–44 гг.). Сам он вместе с ленинградскими историками эвакуируется в Ташкент, где находились и московские историки.

Тут надо сделать некоторую паузу. Уже в то время Иван Иванович был тяжело болен и лишь с трудом передвигался. У него стала развиваться страшная болезнь – сухотка спинного мозга, которая в конечном счете и привела его к смерти. Постепенно атрофировались мышцы, кисти рук скрючивались, грудь неестественно выгибалась вперед. И вот тогда-то начался настоящий жизненный подвиг Ивана Ивановича, ставящий его в один ряд с Николаем Островским и многими другими героями нового общества. Колоссальным усилием воли и разума он боролся за жизнь, которую для себя он видел в служении марксистской исторической науке. Он нашел в себе силы и огромный запас мужества, чтобы начать по существу всю свою жизнь с самого начала. Засесть за учебу. И это тогда, когда он фактически был оторван от архивов и только с помощью друзей и учеников мог рассчитывать на какие-то крохи новых документов.

Сначала это была тема по политической истории Русского государства XVI в., которой он начал заниматься еще в 30-ые годы (появилась и брошюра о Грозном, и этюд о суде над Максимом Греком, где он в духе времени обвинял публициста как турецкого шпиона). В эти же военные годы (1942–44 гг.) Смирнов написал и исследование о Судебнике 1550 г. и о Беседе валаамских чудотворцев. Для всех работ Ивана Ивановича характерно стремление к пересмотру старых традиций и новому осмыслению фактов, которое он в силу своей нетерпимости объявляет единственно марксистским. Так, «Беседа» из боярского произведения становится крестьянским, а реформы 50-х годов – чисто дворянскими.

Вернувшись вместе с другими сотрудниками ЛОИИ в Ленинград в 1945 г., И.И. Смирнов резко меняет тему своего исследования и в 1947 г. защищает докторскую о «Восстании Болотникова» (опубликована в 1949 г. и сразу же получила Сталинскую премию).

Причины, по которым Иван Иванович обратился к восстанию Болотникова, в общем ясны. Классовая борьба всегда манила его к себе. А о Болотникове специально упомянул в беседе с Эмилем Людвигом т. Сталин. Задача историков – идти в ногу со временем, служить делу Коммунистической партии. Т. Сталину и вопросам исторической науки как раз в 1949 г. Смирнов и посвятил особую статью. Попутно, продолжая линию на защиту чистоты марксизма, он громит П.П. Смирнова за немарксистское представление об образовании Русского государства (1946 г.) и С.Б. Веселовского, писавшего «с буржуазных позиций» (1948). Снова появляются его теоретические статьи (1950 г. о периодизации). Словом, в эру борьбы с космополитизмом Смирнов снова стал активным защитником чистоты.

Монография Ивана Ивановича – одно из лучших произведений советской исторической литературы по проблемам феодализма. В ней присутствует и умный взгляд исследователя, ценящего сведения источ-

ников, и тонкий источниковедческий анализ (правда, иногда уж слишком запутывающий простые вещи в угоду авторскому построению), и неразработанная существенная тема, и многое другое.

В конце 1950 г. мы еще вместе с ним выступали на дискуссии по докладу Дубровского о культе личности Грозного, в котором он, в частности, обрушивался и на Смирнова. Доклад Дубровского, бездарный по существу, своей задачей имел ниспровержение не культа Грозного, а того, другого, который был пострашнее царя Ивана.

В 1953 г. в предисловии к одному документу, опубликованному Королевой, я высказал пару замечаний о путях движения восставших болотниковцев в Москву. В 1955 г. Смирнов ответил мне особой статьей. Она обсуждалась с моим участием в Ленинграде. Начался «кобылий спор» (сыр-бор разгорелся из-за коня Истомы Пашкова).

Теперь и мне терять было нечего, и в 1958 г. я в тех же «Вопросах» выступаю с дискуссионной статьей (И.И. Смирнов отвечает в том же году), где уже ставлю под сомнение правильность решения Смирновым общих вопросов истории восстания: Болотникова считаю только кульминацией восстания, а саму крестьянскую войну начинаю с Хлопка и кончаю Заруцким. В целом, несмотря на поддержку ленинградцев, Смирнов потерпел поражение.

В своей книге 1958 г. Смирнов уже несколько раз обращался к критике Зимина, в частности, за то, что я Тысячную книгу считаю только проектом реформы. На все это я отвечаю книгой «Реформы Ивана Грозного» (1960 г.), в которой критикую и общие взгляды на суть реформ, изложенные Смирновым (как на дворянские, отстаивая концепцию Бахрушина и Романова), и частные выводы.

А тем временем с 1957 г. Смирнов уже перешел к книге о социально-экономических отношениях (смердах, холопах и закупах) XII–XIII вв. Книга вышла в 1963 г. и наполнена была полемикой со мною, со взглядами на смердов, комментариями к Русской правде (позднее я ответил Смирнову в «Холопах на Руси»).

Иван Иванович не только был исследователем. Он воспитал целую школу молодых историков (в Университете он преподавал в 1947–1956 гг.). Среди учеников его – Копанев, Маньков, Алексеев и даже частично Носов. Но странные были ученики у Ивана Ивановича – по существу они ничего от своего учителя не переняли. И даже наоборот.

Решения XX съезда партии поставили впервые Смирнова в тупик. Привыкший к беспрекословному выполнению партийных решений (он всегда был верным сыном партии), Смирнов как-то растерялся и не знал, какую линию ему теперь держать[369].

На время по общим вопросам он решил воздерживаться от категорических суждений. Думаю, что его ученики начали оказывать на него некоторое воздействие. Оно чувствуется в его «Заметках» 1962 г. о книге

---

[369] *Ред. 2а*: какой же линии поведения ему теперь придерживаться?

Черепнина, в которых говорится и о крестьянской свободе и о позитивном значении трудов Милюкова. Прочитал бы Иван Иванович образца 33-го года труды Смирнова 62-ого года, вывод его был бы однозначен: этот, позднейший Смирнов, кто он такой? Не скрытый буржуй ли?

Рассказ об Иване Ивановиче подходит к концу. Когда я пришел учиться истории в Университет, я не застал покровщиков в чистом виде. Одни уже кончили земное существование, другие переменили окраску, третьи поутихли, четвертые вернулись все такими же после 1956 г. И только Иван Иванович оставался носителем боевой науки начала 30-х годов, в каких бы ни приходилось ему выступать ипостасях. Это была незаурядная личность, по-своему целостная, волевая, которую многие боялись, но перед которой многие и преклонялись. Во всем его облике было что-то пророческое, непогрешимое – даже в заблуждениях.

САТАНА ТАМ ПРАВИТ БАЛ

Среднего роста, крепко сколоченный, со спортивным брюшком в жилете, быстрым, уверенным шагом идет он в свой кабинет, погруженный в свои тревожные мысли. На его мясистом лице, обрамленном остатками зализанных черных волос, выделяется только покляпый нос, как бы тянущий всего этого человека к земле. Тяжелый взгляд не замечает встречных. Он направлен или в сторону, или все в ту же грешную землю даже тогда, когда его мясистая рука в сильном пожатии как бы пригнетает к полу и без того склоненного в почтительном приветствии сослуживца. Бархатисто рокочущим баритоном он бросает ему несколько покровительственных слов и устремляется вперед. Зато на эстраде Рыбаков – чародей. Он по натуре свой иллюзионист-импровизатор. К своему выступлению – сеансу черной магии – он никогда не готовится, полагаясь на свои чары. Его задача не убедить слушателя, а заворожить, передать слушателям магнетические волны собственной убежденности. Его волевой импульс дополняется колдовским действом, атрибутами которого бывают обычно всевозможные схемы, карты, рисунки, диапозитивы. Таинство псевдоученых рассуждений и образность изложения, помноженные на авторитет ученого и притягательную силу власти, довершают дело. «Нельзя, чтобы было не так, раз такой человек так уверенно говорит».

Впрочем, сам-то Рыбаков отнюдь не такой простак, чтоб верить самому себе. Уж кто-кто, а он-то знает, чего стоят карточные домики, сооруженные его разгоряченным воображением.

Отсюда его дикий страх перед тем, что в один прекрасный день даже легкое дуновение свежего ветра разнесет карточные лепестки

его сооружений на все четыре стороны. И чудится, ох, как чудится Рыбакову в каждом встречном его грядущее возмездие. Это можно назвать мнительностью, а может быть – это страшный зверь, «скребущий сердце-совесть».

В Средние века, говорят, ученые продавали душу дьяволу, скрепляя договор собственной кровью. Приобретали они славу, золото, женщин. Теряли – всего ничего, пустячок – бессмертную душу и Царство Божие. И вот Рыбаков решил – бога нет, все выдумки, прожить бы в спокое и благоденствии жизнь, а там… пусть растет лопух. Но... не получилось. Сверлит что-то непонятное душу – мысль о неизбежности расплаты, о приближении Судного часа.

Он-то знает, что обречен, что стал сопричастен Злу и поэтому лютой ненавистью ненавидит все, несущее в себе хоть маленький проблеск чистоты и правды. «А если замазать все грязью, ведь тогда никто не узнает, что существует в мире чистота. Может, попробовать?». И вот он замешивает в своей реторте дьявольскую смесь клеветы, злобы, обрызгивая ею всех тех, кто встречается на его пути, – «все такие, не я один», и близкие и дальние. «Нет правды на земле, но нет ее и выше», – говаривал старинный приятель Рыбакова Сальери. Но «мальчики кровавые» не дают ему покоя. Не мог он в юности забыться в разгульных страстях своей неуемной чувственности, не может найти покоя и сейчас. Не охранит его от возмездия и тот боксер, с которым он в одиночестве прогуливается по утрам по Ленинскому проспекту. Судьбы тиранов известны. Предопределены.

Как же возрос сей ядовитый цветок на ниве российской науки? Отец современного российского шовинизма сам-то наполовину татарин. Обычный парадокс. На Святой Руси известны деспоты с Востока и в годы татаро-монгольского ига и много веков позднее. Родитель Рыбакова – старообрядец, как будто владелец какой-то мелочной лавочки, а позднее профессор в доморощенном университете покровителя старой веры крупнейшего туза-промышленника Рябушинского. Живут Рыбаковы долго. Отцу его за девяносто. Рыбаков-сын всем складом своей души – наследник старого быта, ставший в новых условиях продолжателем славных традиций Замоскворечья или Охотного Ряда. Вот он бы размахнулся, если б не большевики! Он насоздавал бы гигантских предприятий, товариществ, «акционерных обществ», которые, правда, лопались бы и разваливались, ввиду недобросовестности их творца... Но времена изменились. И Рыбаков вынужден был сначала просто смириться и избрать иную жизненную стезю.

Собственно говоря, систематически Рыбаков никогда не учился. Кое-что усвоил. Наверно, с жадностью и нетерпением перелистал много ученых книг, став археологом, наследником московской школы вещеведов В.Д. Городцова. А уж вещи-то Рыбаков любил, они как бы воплощали реальные ценности, ради которых, черт побери, стоило жить! Стяжатель по натуре, он мог только любоваться старинными

ценностями, помещенными в застекленных витринах Государственного Исторического музея, который приютил его на заре туманной юности (1931–1938 гг.). Родился Рыбаков в 1908 г.

Кругом кипел ударный труд. Пролетариат строил Новый мир. В нем Рыбаков не сразу нашел место, соответствующее его вожделениям. Ведь анкета его была не из лучших. Позднее он любил изображать себя гонимым юношей, страдавшим за свою беспредельную любовь к отечеству (конечно, от «жидов»). Так или иначе, Рыбаков в 30-е гг. затаился. И даже больше, он готов был заняться торговлей теми самыми святынями, в любви к которым позднее он так горячо клялся. В годы покровщины он громко тявкнул в журнале «Антирелигиозник» на воинствующих церковников (1934 г.). В статье, оплевывающей «святую церковь», все же чувствовалось нескрываемое восхищение иезуитизмом осифлян, особенно их кострами, на которых кончали жизнь русские вольнодумцы. Вот было славное времячко-то на Святой Руси при Иосифе Волоцком! Но чем Иосиф Второй хуже? Может, «договоримся»? И договорился!

Много лет спустя в узком кругу он неоднократно пижонски говорил: «Не я пришел к Советской власти, а Советская власть ко мне». Это было полуправдой. Резкий поворот в конце 30-х г. к Александру Невскому, Дмитрию Донскому и их наследникам, конечно, был – Университет и Исторический музей раскрыли двери С.В. Бахрушину (у которого некоторое время учился Рыбаков) и другим старым ученым. Но этим дело не ограничивалось. Тихий, сообразительный юнец сам понял, что должен пробить его час. И вот началось его стремительное движение вперед. Почва была расчищена. Соперников было не так уже много (археология – наука молодая, к тому же состав ученых поредел в конце 50-х, а фактология тогда ценилась).

Среди ученых-историков волею Случая в конце 30-х безраздельно царствовал Б.Д. Греков, сочетавший солидную видимость (седая шевелюра) ученого незапамятных времен и необходимый лоск социологических построений. Именно он по замыслу Рыбакова и должен был отворить ему Врата Рая. Греков тогда вел затяжную войну уже не столько со сторонниками рабовладения в Древней Руси (они в большинстве своем раскаялись), а с теми, кто недооценивал степень… (развития Руси), преувеличивал роль (варягов) и т.п.

Среди них был и прежний учитель Рыбакова С.В. Бахрушин. В игре Бориса Александровича козырным тузом был академик Греков. На него и была сделана ставка. Сами вещи должны были вопиять об исторической прозорливости академика. Вырванные из мира, в котором они существовали, размещенные на витринах и в запасниках музеев, они могли быть сложены в любую конфигурацию. А уж играть в кубики Рыбаков был мастак. Это не то, что археология. Археологом Борис Александрович всегда был никаким. Хотя грехи тянули его вниз, сам он, как горный орел, парил над поверхностью земли. Задача была простой:

доказать древность, исконность и великолепие русской материальной культуры. Пожалуйста. Требуется доказать древность российской государственности. Пожалуйста.

Так появляется статья об антах-руссах VI в., «предшественниках» полян, северян и т.п. К началу Великой войны готов и огромный фолиант «Ремесло Древней Руси», за который он удостоен в 1941 г. докторской степени. Сама наука, да что там, сами вещи свидетельствуют о глубокой прозорливости академика! И в «Киевской Руси» появляются уже ссылки на рукопись труда Рыбакова, а сам он, став в 1944 г. зав. сектором в Институте этнографии АН СССР, удостаивается в 1945 г. ордена Трудового Красного Знамени. А после издания книги 1946 г. и ее резюме в «Истории культуры Древней Руси» он дважды получает Сталинскую премию (в 1949 и 1952 гг.)

Итак, первый путь к славе выбран правильно. Но был еще и второй – не через науку, а через ее Отдел. Вступив в 1951 г. в члены партии, он становится в том же году деканом истфака МГУ, а в 1952–54 гг. – проректором. С 1951 г. он зав. сектором в ИИМК'е (Институте Археологии). Наконец, в 1953 г. – член-корреспондент АН СССР и награда – орденом Знак почета. Вспомним, это благословенное время – конец 40-х – начало 50-х гг., когда общественность клеймила позором космополитов и прославляла научный гений Мудрого провидца. Рыбаков в это время оказался на должной высоте. Он сторицей платил по векселю. Тут уж не отделаешься простой древностью.

И вот Рыбаков мчится в Крым, где на научной сессии доказывает мудрость и гуманность такой дальновидной меры, как выселение крымских татар, ибо сама наука свидетельствует, что славяне были исконными насельниками этих земель. Вот он чертит циркулем круги и кружочки (1952 г.), которые с несомненностью подтверждают вывод Рыбакова о том, что хазар (иудеев) вроде как бы и вовсе почти не было (они где-то ютились у ворот Северного Кавказа). И о каких вообще иудеях в русской истории может идти речь? Попутно вместе с хазарами был уничтожен и один из главных соперников Рыбакова – Артамонов (добравшийся до дворцов Эрмитажа). Статью в «Правде» под псевдонимом Иванов злые языки (о, эти доброжелатели!) приписывали Рыбакову, исходя из общности аргументации обоих авторов. Но ведь в списке трудов Рыбакова эта статья не упомянута. Так к чему же наводить тень на плетень!

Наконец, на точных свидетельствах археологических и иных данных Рыбаков доказывает мудрость Великого кормчего и прозорливость научного гения Б.Д. Грекова. В статье «Древние Русы в свете трудов И.В. Сталина» (1953) показано существование чего-то могущественного (государства, что ли?) на Руси уже в VI в. Увы, по недосмотру составителей библиографии трудов Б.А. Рыбакова в нее внесено из заголовка только первые два слова[370].

---

[370] Б.А. Рыбаков. Библиография. М., 1968. С. 34.

Итак, все ясно. Крупный ученый, принципиальный борец за чистоту, энергичный и вместе с тем беспрекословно послушный Отделу... Чего еще лучшего можно желать? Именно он достойно пронесет слегка залатанное знамя истинно русской науки. Умиление стариков почти единодушно. Особенно рад-доволен Тихомиров. Ведь Рыбаков – нашинский, замоскворецкий, не то, что этот, как его, Черепнин и прочее. Ну, а мелкие шалости. Так ведь кто из нас без греха. И вот в 1953 г. член-корреспондент, а в 1958 г. – академик, в промежутке (1956) директор Института Археологии. По иронии судьбы все это происходило в период Оттепели. А отношение к Оттепели у Бориса Александровича однозначно («Я никогда не прощу Хрущеву, что он отнял у меня сына», – в сердцах говорил он как-то одному из коллег. Красное словцо он любит).

Наконец, взята последняя вершина – на выборах в Академию баллотируется сам зав. отделом науки С.Д. Трапезников. Положение его сложное. Опять эти математики мутят воду. Но, слава богу, есть же на свете такие принципиальные ученые, как Рыбаков. И вот он выступает с громоподобной речью, в которой славит ученость Сергея Павловича и обличает некоего Сахарова, который в кулуарах с кем-то сговаривается. Правда, Рыбакова одергивает Келдыш. Правда, Трапезникова не выбирают. Но что значит эта мышиная возня? Рыбаков не только отныне пользуется полным кредитом, но уже вскоре жизнь показывает его дальновидность в отношении к этому смутьяну Сахарову.

И вот, когда старики-маразматики начали все больше и больше удивляться деяниям этого Титана науки, было уже поздно: Рыбаков прочно воцарился на Олимпе и его назначение директором Института Истории, а затем академиком-секретарем Отделения было уже только естественным завершением блистательного восхождения на Джомолунгму. По пути он стал и отцом всех любителей российских древностей, не моргнув, он заглотнул тихомировцев, а также других прочих искусство-, литературо- и т.п. ведов.

Теперь посмотрим, каков же реальный вклад Рыбакова в науку. Прежде всего, он считается археологом. Не получив систематического образования, он не вкусил и радостей повседневного кропотливого труда. Обуреваемый страстями, нетерпеливый, он вечно рвется к звездам. Главное для него – оглушительные выводы, а не жалкие черепки повседневности. А история (и археология) не терпит татарских набегов. Нет, пожалуй, ни одного мало-мальски приметного археолога у нас, который был бы столь неудачлив в своих поисках, как Рыбаков. Что это – случайность? Неумение копать? Или отмщение?

Уже места раскопок выбираются Рыбаковым умственно, а не научно. Он заранее как бы рассчитывает на оглушительный успех. Таинственная Тьмутаракань, песенный Путивль, опричная Александрова слобода. Не может быть, чтоб там не было самых малюсеньких находочек. Ну, а уж превратить их в легенду как-нибудь Борис Александрович сможет! Но,

увы, – нуль. Ни-чего. Приезжает на место раскопок Рыбакова Каргер – и, пожалуйте, уникальные открытия фундамента древнего собора. Роют ров вокруг церкви в Путивле – «Именно здесь и должны быть вещи. Ведь входя в храм, молящиеся бросали на пороге ненужные вещи». Ни-че-го. «Гм. Понятно. Вокруг церкви совершали крестный ход, поэтому там и быть-то ничего не должно». А раз так – на самолет и в Москву. Встреча с Ярославной не состоялась.

В Любече, на холме найдены две-три ямы. Обычные. «Но ведь в них, обратите внимание, видны какие-то слои. Ведь это присыпки между этажных деревянных перекрытий дворца: дерево сгнило, присыпки рухнули и образовали слоеный пирог». Находка века – многоэтажний небоскреб Киевской Руси. И вот сооружается макет дворца, который (наподобие реконструкций портретов Герасимова, но без их достоверности) начинает кочевать – на обложки многотомной «Истории СССР», в школьный учебник, в кабинет директора Института Археологии. Никаких отчетов, научных обоснований, краткое сообщение – и концы в воду!

А другие, трудяги, что-то находят. Вот, например, новгородцы. И археолог Древней Руси, когда-то до войны пытавшийся связать свою судьбу с Новгородом, позднее не удосужился ни разу побывать в этом Эльдорадо русской археологии! Но червь зависти гложет его душу. То он (в работе об эпиграфике) объявляет граффити Софии Киевской не менее существенным источником, чем всемирно известные берестяные грамоты. То он, пользуясь своей академической властью, становится редактором издания грамот, вставляя от себя реплики в выводы Арциховского. То, наконец, он совершает «ошеломляющее открытие»: прочитав неверно текст одной грамоты по фотографии, он передатировал все находки. А когда ошибка его была наглядно показана на дискуссии с новгородцами, то, подводя итоги обсуждению, он заявил: «Итак, мы видим, что в ходе обсуждения новгородцы вынуждены были пересмотреть свои взгляды».

Итак, с археологией не получилось. Да вообще-то кому нужны эти черепки? Большому кораблю – большое и плавание. Археология сделала свое дело: она стала фундаментом монумента Славы. На этом ее роль можно считать законченной. Вперед – в историю, литературу, географию, метрологию и в другие, как их там называют, науки. Все они нипочем творцу новых ценностей.

Вихрь закружился со страшной силой к началу 60-х годов. Первой жертвой стали былины. Наука, говорите, особая? Фольклористика и ее законы? Смешно! «Командовать парадом буду я». А все те, которые... так ведь они наследники старого, формалисты (ах, было бы старое времячко, я бы и не так назвал этих Проппов, попадись они мне под горячую руку). Нужно осветить Авгиевы конюшни светом исторической мысли. А это значит вот что. «Силы потайные!» и былины уподобляются летописи, определяются год и место их создания чуть ли не с

математической точностью. Если ранее изучались все записи былин, выявлялись первоначальные чтения, то теперь для Рыбакова достаточно выдернутых кусочков из тех текстов, которые «подходят» под его концепцию. Если ранее исследователи исходили из жанровых особенностей былин, то теперь Рыбакову достаточно случайных созвучий в именах, географических названиях, видимой похожести летописных и былинных ситуаций и т.п. А в случае чего и имена не важны, ведь они могли позднее быть испорчены, заменены другими и т.п. И вот берется груда былинных вырезок, обрезков и рассыпается по летописному древу. Скальпелем своей воли раскладывает эти вырезочки Рыбаков в причудливые фигурки – и, пожалуйте, полюбуйтесь, разве не удивительна эта неожиданная мозаика. А для вящей убедительности набор обязательных слов «несомненно», «итак, мы пришли к выводу», «отсюда вытекает» и т.п. Колдовской напиток готов – пейте на здоровье? Правда, организуется в начале 1964 г. дискуссия по работам Рыбакова у фольклористов, во время которой очень тактично (интеллигентность, помноженная на боязнь начальства) разбиваются все химеры. Но, смешно! В итоге дискуссия оказалась гласом вопиющего – о ней никакой информации не было, материалы ее так и не были изданы, и только Проппу и Путилову удалось издать несколько полемических статей. Но кто их прочтет? А книга-то остается! К тому же и среди фольклористов есть тоже ученые, типа М.М. Плисецкого или даже вихляющей А.М. Астаховой, которые ищут правду там, где ее громогласно провозгласил Рыбаков. Затем пришел черед летописей. Сейчас уже поиски реального Кия в антском Хильбудии кажутся детскими забавами сравнительно с тем, как исполосовал летописи Рыбаков. Пробежав «мысленным оком» Шахматова, Рыбаков понял, что в шахматовском методе есть нечто, для него весьма удобное. Оказывается, дошедшие до нас летописи сохранили лишь фрагменты первоначальных летописных сводов. А какие они были на самом деле, первоначально? А, естественно, такие, какими их хочет видеть Рыбаков. Шахматов говорит, что рукою летописца водили мирские страсти? Верно, всеми водят страсти (а уж особенно Рыбаковым). И соблюдая внешние признаки работ Шахматов (выявление недошедших сводов путем текстологического сличения), Рыбаков начал создавать киевских, черниговских, переяславских летописцев, живших при дворе каждого князя, прославлявших своих патронов не меньше, чем сам их творец своих. Как грибы после обильного дождя, возникли летописчики, летописцы, своды и хроники, конечно, с самых незапамятных времен – скажем, князя Ярополка X в., жившего до княжения Владимира, крестившего Святую Русь.

Вот, право, беда, что Кирилл и Мефодий изобрели славянскую письменность в IX в., а то можно было бы отнести время жизни Нестора-летописца к родам Кия или, скажем, апостола Андрея. Методика работы очень проста. Вот князья в летописи обмениваются пространными монологами. «Обычная манера изложения в средневековых

хрониках» – скажете Вы. Куда там! Нет у Вас настоящего ведения историка – это не больше не меньше их послания из княжеских архивов. Ну, чем не открытие берестяных грамот, не дающих покоя Борису Александровичу?!

И снова чертятся графики, производятся подсчеты отдельных слов, употребленных в различных «пластах» – сводах. Словом, ничего реального, кроме чистых догадок. Впрочем, и «чистота» их внушает сильные сомнения.

Все самые двусмысленные, сомнительные источники становятся под пером Рыбакова важнейшими элементами исторических построений, начиная от легенд Ш. Ногмова (Кабарда XIX в.), кончая рассказами В.Н. Татищева. Спор о «татищевских известиях» имеет почти двухсотлетнюю давность. Кто он был, Василий Никитич Татищев, последним летописцем, тщательно передававшим – увы – несохранившиеся летописи, или первым историком Нового времени, помещавшим в свое повествование свои размышления на исторические темы в летописной манере повествования. Спор с Рыбаковым ведется в привычной для него манере. Прежде всего те, кто сомневается в достоверности татищевских известий, зачисляются в разряд «скептиков», «нигилистов» и т.п., якобы считающих нашего выдающегося историка фальсификатором, а ну, попробуй, после этого защити отличную от Рыбакова точку зрения! А доказательства? Такого, например, сорта. У Татищева якобы есть сведения, «которых не было в известных летописях, а позднее они отыскались. Следовательно, татищевские сведения – достоверны. «Здесь достаточно будет одного примера». И Рыбаков приводит рассказ Татищева о тиунах Ратше и Тудоре – оно якобы есть только в Московском своде конца XV в., который «не был в руках Татищева». А раз так, то историк пользовался какими-то другими недошедшими до нас летописями. «Следовательно, одно Татищевское известие перешло из разряда подозреваемых Татищевских вымыслов в разряд достоверных летописных сведений»[371]. Трудно сказать, что перед нами: невежество или сознательный обман. Дело в том, что данное сведение есть в Воскресенской летописи, которой пользовался Татищев. Следовательно, в данном случае это не было «татищевским известием».

У Рыбакова нарушена естественная методика исследования. Необходимо было, сличив две редакции «Истории» Татищева, выяснить приемы работы историка. Затем нужно было сличить первую редакцию «Истории» с источниками, которыми заведомо известно пользовался Татищев (для той же цели) и уже после этого посмотреть, в какой степени можно (или нельзя) объяснить «новые» (т.е. не отражающиеся в сохранившихся источниках) фактические и стилистические данные манерой работы Татищева или недошедшими летописями. Работа, конечно, трудоемкая. Но не проведя ее, доказать ни один из тезисов нельзя.

---

[371] Б.А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 186–187.

В трудное положение поставил Рыбаков литературоведов, обративши свое благосклонное внимание на «Слово о полку Игореве», решив отстоять и этот памятник от наветов скептиков. И здесь со страшной силой бурелома он начал выворачивать дубы, поддерживавшие здание, сооруженное многими поколениями иконописцев. Причем, как всегда у него бывает, используя приемы, применявшиеся в науке, доводя их до бессмыслицы. Здесь и перестановка листов.

В самом деле, мог дойти до нас текст с перебитыми листами? Такое бывает? Да, бывает. А почему же нельзя допустить, что и в данном случае? Ведь писал же, скажем, Соболевский. Все допустить можно. Но подобные случаи настолько редки, что практически исходить из них, значит покупать билеты в лотерею, рассчитывая, что именно на них падет выигрыш «Москвича».

Или вот, почему не сосчитать количество букв на предполагаемых листах рукописи XVI в., чтоб выяснить вставку? Ведь высчитывали другие исследователи. Словом, все, как у людей. Но есть и новации. А почему не мог автор миниатюр Радзивилловской летописи держать перед собой Слово? Ведь нарисован же на ней князь Игорь, садящийся на коня! В тексте летописи об этом не говорится, а в Слове есть о «златом стремени, следовательно, рисовальщик читал Слово – иначе откуда бы ему знать, что при выезде из города князья садились на коней!

И в случае со Словом червь зависти гложет его душу. Даже плохенькие выводы Скептика 60-х гг. не дают ему покоя (о вставках Мусина, о Пирогоще, о летописи, как источнике Слова). Как диккенсовский Иов Троттер, он расправляется очень просто – перелицовывает ливрею на обратную сторону. Не летопись – источник Слова, а Слово – источник летописи и т.п. Чего только ни насочинял Рыбаков в своих двух книгах о Слове! Как медведь, обрушил он со страшной силой камень на мирно спавшего путника, так и он набросился на Слово – и полетели клочки по закоулочкам. Оказалось, что прикосновение к Иконе приводит к тому, что от нее ничего не остается. Можно только сдувать пылинки. Брр! Даже скептики так не куражились над этим сокровищем поэзии. Что ж дальше будет? А ясно что – молчание (стыдливое), как в случае с былинами (недавно вышла книга «Добрыня Никитич» в Памятниках мировой литературы, так там Рыбаков просто не упомянут). Но это потом. А сейчас Слово – проверка благонадежности и преданности академику. И вот присягу на верность в рецензиях на книги Рыбакова приносят Кузьмин и Рогов, Кучкин и Шмидт.

Еще в конце 40-х Рыбаков вылез с докладом о русской картографии на заседание нашего феодального сектора. Он считал, что тогда было самое время отстоять русский приоритет и заклеймить западных картографов XVI–XVIII вв. как гнусных воров, присвоивших себе достижения самой передовой в мире русской науки. Но тогда не получилось. Были живы Бахрушин, Базилевич и другие ученые, которые не оценили вклад Рыбакова в изучение отечественной картографии.

Время прошло, и вот читатель получает новую книгу Рыбакова. Методика работы нам знакома. Вот, например, карта Дженкинсона – 1562 г. Ее первооснова – «старый чертеж» 1497 г. Основания? В составе России не показаны Югра, Пермь, Смоленск, Стародуб. Но там есть Казань, Рязань и Псков (присоединены в 1510–1552 гг.). Ничего не значит – их сюзереном был Иван III. Так неточности карты английского путешественника превращаются в тончайшие размышления русского картографа конца XV в. (Нет нужды говорить, что русских «чертежей» XV в., относившихся, как правило, к порубежным территориям, вовсе до нас не дошло.)

Итак, виват отцу русской исторической картографии. И на конгрессе славистов в Варшаве С.О. Шмидт на этот счет здравицу произносит, вызывая улыбки присутствующих иноземцев. Но это – издержки. А вот распоряжение академика-секретаря Рыбакова о том, что С.О. Шмидту необходимо выделить годовую премию за участие в конгрессе – реальность.

Итак, победоносное шествие Рыбакова по отечественным древностям продолжается. Какой будет его очередная благая весть, кто знает. Известно лишь то, что она с неподдельным восторгом будет принята почитателями его таланта. Расчистка начнется позже. Она неизбежна.

Но восторг нужно организовывать, причем так, что он должен быть по зову сердца. Не обладая дюжим умом, но не лишенный таланта иллюзиониста, Рыбаков усвоил ряд простых и древних, как мир, истин, которыми он руководствуется в жизни. Первая из них – цель оправдывает средства. Цель – удовлетворение испепеляющего душу честолюбия, жажда власти. Средства – ложь, насилие подачки и т.п.

Во лжи он виртуоз. Собственно, кто это придумал, что люди должны говорить правду? Совесть? Но ведь сказано уже, что совесть – химера, так что ж кивать на нее. Во лжи и в интриге Рыбаков виртуоз. Примеров тому неисчерпаемое множество. Прямо словечко сказать без лжи не может, уже по привычке. Вот заседание экспертной комиссии по государственным премиям. Обсуждается работа Лихачева. Есть отзыв Азбелева. Но – «его мы читать не будем, ибо Азбелев – кляузник, выгнанный из Института» (на самом деле Азбелев перешел из одного сектора в другой). Но заседание закрытое (ох, как любит Рыбаков закрытые заседания, где никто не сможет возразить, уточнить, поправить). В Киеве после доклада на вопрос о судьбе работ Зимина о Слове ответ: «Зимин фактически отказался от своих взглядов и забирает статьи из редакций журналов». На заседании ученого совета Института Археологии: «Надо усилить контроль... Вот, например, М.В. Нечкина рекомендует студентам свои труды, в которых она выступает против Ленина». Никаких студентов у Нечкиной, конечно, нет. «Нужно усилить контроль над деятельностью архивов. Ведь вот ездит же Зимин по архивам и выдирает листы, содержащие дату рождения Иоиля Быковского» (отголосок споров с Кузьминой о дате рождения Иоиля и поездки Зимина в архивы превращается в нелепый вздор).

Или вот еще: «Моя совесть ученого не позволяет мне голосовать за плагиатора» (о Черепнине на узком выборном заседании академиков). Ведь надо же так оболгать Черепнина, и все потому, что он в нем видит возможного конкурента. К тому же, Черепнин – человек иной (дворянской) культуры, ставший к тому же социологом. А вот социология-то для Рыбакова всегда была ножом острым. Стиснув зубы, произносит он скороговоркой сакраментальные формулы, гордясь своим «объективизмом». Орудие лжи приобретает тем большую силу, что связано оно с отсутствием гласности и полной подчиненностью академику.

С Институтом Археологии дело обстоит просто. «Мой институт – моя вотчина», беспрекословное подчинение – вот удел всех его «коллег». Всякий мятеж влечет за собой немедленную расправу. Вот проголосовали члены Ученого совета против невежественной диссертации одной болгарки (ВАК ее все же утвердил) – и из Совета изъяты Монгайт, Цалкин, Ильин. Вышел из повиновения Зимин – и вот уже вылетает вслед за ними и он. Повздорил (под шафе, но публично) с ним Федоров – и вот уже вышел приказ о выговоре за оскорбление директора и новое изъятие из Ученого совета. Редакция «Советской археологии» тасуется по усмотрению все того же Рыбакова. «На конюшню» (в лабораторию) ссылаются менее именитые сотрудники за элемент неповиновения. Все в руках директора превращается в орудие власти – он выделяет (кому угодно) средства на экспедиции, дает звания (старшего), ставит на защиту, помещает работы в план издания, утверждает и отклоняет темы. Сам. Один.

Или вот еще случай. Ученый совет Института Археологии должен был утверждать решение совета Ленинградского отделения. А Рыбаков заявил, что ленинградский совет решил не переаттестовывать (т.е. выгнать) научного сотрудника Воробьева, для чего у совета якобы были веские причины. Но Воробьев – видный специалист по археологии Японии и Китая. На вопрос о количестве у него работ Рыбаков ответа не дал. Выяснилось, что работ было 30. Но, поспешил заметить Рыбаков, Воробьев «противопоставил себя коллективу, общественным организациям». «Когда он был членом избирательной комиссии, то подделал избирательный бюллетень. Для расследования этого были вызваны даже представители Уголовного розыска. Ну, а как было с экспертизой? «Она, – сквозь зубы произнес Рыбаков, – не доказала причастность Воробьева к подделке». Итак, получилось, что вместо того, чтоб наказать клеветников, Рыбаков счел нужным поддержать расправу с Воробьевым.

«Кадры решают все», – говаривал кумир Б.А. Рыбакова. Поэтому если очистить от смутьянов институт не удается, то, во всяком случае, их можно запугать и изолировать, а вот уж набирать-то новых людей – тут нужна осторожность (бдительность, как говаривали в старину). Прежде всего, ни одного иудея. Впрочем, как он признается в узком кругу ревнителей расовой чистоты, особенно страшны полукровки (знаем всех этих Шеловых и т.п. – и Шелов вылетает из замов). Правда, одна

накладочка произошла. В Институт из Университета принят был некий Штиглиц. И он – о, ужас – оказался не немцем, а нечистым духом, запросившимся в Израиль!

Никакого даже самого малейшего прорыва в Адовой твердыне. Везде должны быть свои люди. Зам директора Института Истории ранее зам. зав. летописной группой испытанный тихомировец Буганов в «Вопросах истории» – Малюта Кузьмин, в «Истории СССР» – он сам, зав. славянской археологией – его восторженная поклонница Плетнева. Все органы печати под надзором. Даже Пашкевич с критикой Рыбакова угодил в спецхран. В самом деле, покушаясь на академика, не опорочивает ли он тем самым советскую науку? А раз так – то и саму Советскую власть! Вот только Университет не всецело подвластен его могуществу. Когда-то Арциховский даже не скрывал своей неприязни к Рыбакову. Но время идет, и Артемий Владимирович углубился в заботу о своем здоровии. Правда, появился талантливый Янин, заноза в сердце (как и Новгород в целом). Но нельзя ли его купить? Угроза тем более страшная, что по распоряжению Пономарева (увы, его не удалось превратить в поклонника таланта Бориса Александровича) в «Коммунисте» должна была появиться рецензия Янина и Арциховского на т. 1 «Истории СССР» под ред. и при участии Рыбакова. Рецензия резко отрицательная. И вот Янин проходит в члены-корреспонденты. Рецензию он фактически снимает (сначала волынит). Знал ли о ее существовании Рыбаков? Трудно сказать. Я даже не думаю, что он так уж очень хотел выбрать Янина – просто поманить, пообещать. Итог же однозначен – Янин в колеснице Рыбакова. На время, конечно.

...И вот постепенно складывается философия капитулянтства. Приниженные, пристращенные стыдятся своего положения, и единственное утешение для них – самообман, убеждение, что они «по доброй воле сделали выбор», не подчинились насилию, а пришли к выводу и т.п. Эту «философию» выразили лучше всех милейший Н.Н. Воронин, простоватый Авдусин, а по существу – она стала общим местом: «Рыбаков пользуется весом наверху. Нам всем надо поэтому его поддерживать. В противном случае, если падет Рыбаков, погибнет в наше трудное время и археология». Итак, предел мечтаний самого Рыбакова, формула «археология – это я» овладела массами. И в самом деле? Чем Вы недовольны? Ведь всем тепло и сыро. Рыбаков, расчленив коллектив на отдельные индивидуумы, даст заниматься античными геммами, римскими монетами и т.п. Он любит Россию. Это ведь только смутьяны наводят тень на плетень. Ой, не доведет все это до добра. Большому кораблю – большое и плавание.

И вот Рыбаков победоносно шествует вперед в окружении своего «гадючника» (как близкие к нему люди называют это окружение), который он же сам откровенно презирает.

И все равно ощущение складывается такое, что он все время балансирует над пропастью. Круг его представлений (а это уже плохо, что у

него есть какие-то представления) не полностью, а лишь сегментом входит в общепринятый мировоззренческий круг. Поэтому его употребляют, где-то понимая его недостаточность. Поэтому все время Рыбакову кто-то противостоит – то Жуков, то Хвостов, то теперь Нарочницкий. А почти нескрываемый антисемитизм Рыбакова не моден. Отсутствие теоретической податливости и гибкости, неумение найти форму полного слияния с современностью, сама тематика (что такое археология и Древняя Русь в период столкновения двух миров!) все это делает его человеком временным. А его неистовый темперамент может быть поводом к катастрофе. Но это все еще пустяки. Есть более страшное для него возмездие – Божий суд. Он неизбежно будет. И кара, которая постигнет Рыбакова, – ясна: полное забвение.

ВАЛЕЧКА-ДУШЕЧКА

Ну, бывает же такое. Прямо одно лицо. Различить, где Валечка Янин, где Леонид Леонов можно только по разнице в возрасте и сопутствующим этому данным. Среднего росточка, с залысинами у откинутых назад волос, маленьким мазком усиков, кругленький, румяный, с веселыми, хотя и подслеповатыми глазами. Излишняя в его возрасте полнота и несколько остекленевший взгляд, когда Валечка хочет напустить на себя серьезность. Я уже давно его люблю. За брызжущий неожиданностями талант, за жизнелюбие, преданность любимому делу, за обаяние, которого у него бездна. Понимаю все его недостатки, а поскольку он стал начальником, то и скрывать их от читателя не буду. И все же ему так много дано, и, что дано, он не использует во зло. Таланты надо беречь.

В общем-то Валентина Лаврентьевича Янина породила та же городская чиновно-мещанская среда, что и Рыбакова и Тихомирова. Поэтому Валечке свойственны в известных дозах те же черты, что можно обнаружить у его высоких предшественников по академическим креслам – законопослушность (хотя и с червоточинкой где-то внутри, без самообмана)[372], Тит-Титовское самодурство (цивилизованное, но все же обидчивость, надутость, самолюбование), тоска по березкам (но с поправкой на возлюбленного им Паустовского, у которого он даже однажды сумел получить автограф).

[372] Как-то на банкете, уже сильно под шафе, Валечка, обводя замутненным взглядом универсантов типа Толи Сахарова, Епифанова и Белявского, сидевших напротив нас, шепнул мне наклоняясь: «До чего ж я их ненавижу». Могу его понять. Уж они его всласть подрессировали.

Валечка – киплинговский кот (и в облике его есть что-то от холеного Барсика. Мурр!). Он старается ходить сам по себе, как бы между добром и злом, никого не задевая, ни с кем не ссорясь (став член-кором, он уже изредка позволяет себе негодовать на кого-то). Вот пример. Еще в студенческие годы (Валечка кончал в горячий 1951 г.) на одном из собраний встал вопрос об исключении откуда-то (из комсомола или из Университета, не знаю) его приятеля Седова. Решительно проголосовал против этого третий приятель – Саша Формозов. Валечка же произнес пламенную речь, из которой ясно было, что исключать Седова не надо. Но когда дело дошло до голосования, Валечка присоединился ко всем (что поделаешь, жизнь, нельзя же стенку лбом пробивать).

Жизнь в Университете требует жертв. Валечка вошел в мощные ряды, взяв тем самым на себя серьезные обязательства и в теории и на практике (как-никак дисциплина!). Шутки шутить, отделываться смешками теперь было нельзя.

В дни Слова он выступил на обсуждении с длинной речью, в которой после общей благожелательной к подсудимому фразы занялся только одним вопросом – «белой» – и по специальности (нумизматика) и можно было занять промежуточную позицию текст: с «белой» в свете нумизматики XIII в.[373] Сам по себе. Но для него в тех условиях и эта позиция была делом благородным, в котором звучала дань уважения и сочувствия к тому, кто подвергался экзекуции. После проработки он был одним, кто приехал меня навестить в Узкое, где я жил две недели, и где, кстати, находился и учитель Янина, участник дискуссии Арциховский.

И в других научных вопросах Валечка все время где-то посредине. И грамота Антония Римлянина для него не XII в. (Тихомиров), но и [не] фальшивка (Валк), – составлена позднее XII в., только и всего. И устав Всеволода не XII (Тихомиров), не конец XIV в. (Зимин), а, скажем, XIII в. Середка наполовинку. [...] И в отношениях с людьми. Он не антисемит. Упаси Боже! Марк Алешковский даже у него был близким приятелем. Но все же все эти Минцы и прочие тошнотворны для него.

Его жена, умненькая Светочка, нумизмат-восточник, зав. отделом в ГИМ (училась вместе с моей Валей и значительно старше Янина), мудро ведет корабль их семьи, управляя своим баловнем судьбы – супругом. А жизнь у них поначалу была в общем-то не ахти какой легкой, скорее наоборот. Обитали они в какой-то хибарке под Москвой, и электричка была их основным транспортом. Только уже став член-кором, он получил не по чину, а за собственные кровные кооперативную квартиру (и здесь не как все, а по совести).

---

[373] По докторской 1962 г. у Янина были оппонентами Н.Н. Воронин, Монгайт А.Л. и я. Мою книгу он прочел дважды (первый раз она показалась убедительной, во второй не все доказательно, как он мне сказал осторожно. В 1962 г. Янин организовал отзыв Арциховского в период смешных потугов выбора меня в «коры».

Поначалу Валечка (как и его Артемий) ненавидел Рыбакова[374], издевался над галантностью Лихачева. Вообще Валечка острослов. Ему на зубок не попадись. Он говорит, не переставая (шутки, анекдоты, случаи – все в рамках). Институт Археологии и кафедра МГУ находились на ножах: слопать Университет Рыбакову не удалось (и преподавал там не археологию, а читал обычно несколько лекций на первом курсе по древности и Киевской Руси). И вот наступил 1966 год. Как раз незадолго до академических выборов вышли первый том многотомной «Истории СССР», (гл. редактор тома и всей серии до Октября Рыбаков), а вскоре и второй. Тогда из «Коммуниста» позвонили и попросили Арциховского и Янина написать рецензию на первый том. Писал Янин, как в таких случаях бывало не раз. Задание было Пономарева, который остро не любит Рыбакова. Ситуация складывалась очень острая. Валечка показал рецензию мне и Монгайту. Блестяще. Остроумно и серьезно. От Рыбакова только пух по закоулочкам пошел. Дело становилось серьезным. «Коммунист», и вдруг резкая критика. И вот, как на зло, выборы.

Янин становится членом-корреспондентом, причем рекомендует его Рыбаков. Выборы тогда были в своем роде особенные: был установлен возрастной ценз для академиков и член-коров.

Что случилось на выборах, не знаю. Известно ли было Рыбакову о рецензии Янина, тоже не знаю. Мне сдается, что вообще-то он не хотел его избирать, а думал, что дело ограничится тем, что он поиграет с Яниным в осла и клок сена. Но обстоятельства сложились так, что Янина выбрали (его никто не знал, в склоках он не участвовал, Рыбаков представил его как ученого, надо завалить было других и т.п.). Стечение обстоятельств[375].

Но так или иначе, рецензия света не увидела. Сначала Янин взял ее для доработки (надо учесть второй том «Истории»), затем просрочил сдачу в журнал. За добро надо платить добром, не так ли, Валентин Лаврентьевич?

На одном из банкетов (посвященном получению новгородцами Государственной премии) Янин, прикованный отныне к колеснице Рыбакова, с раздражением сказал: «Не Минца же мне поддерживать».

Болезненно обидчивый, он постепенно начал ссориться и с приятелями. Еще очень давно он разошелся с Сашей Формозовым. Он понимает, чем вызвано расхождение. Вряд ли их только «развела» Светочка,

---

[374] Уже в университетские годы Янин отлично разбирался, кто есть кто. Однажды он спросил у своего приятеля: «У тебя нет человека, разоблачению которого ты бы посвятил жизнь?» – «Нет». – « А у меня есть. Это Рыбаков». – «Не слишком ли это узко?» – «Нет, что ты. Сначала на нумизматическом материале, затем на памятниках сфрагистики». Вряд ли сейчас Валентин Лаврентьевич будет доволен, если ему напомнят эти слова [Третий экземпляр авторской машинописи находится на обороте 41-й страницы статьи о наместниках, второй экз. профессиональной печати в].

[375] Правда, надо иметь в виду, что у Янина был билет в вечность. А без него в бессмертные (во всяком случае в член-коры) историков не пускали примерно с 1948 г.

заботившаяся о покое душевном своего мужа[376]. Но теперь он поругался с Данькой Авдусиным («Дубина Балдусин» нашего курса). Именно Данька «выкрикнул» кандидатуру Валентина в членкоры на факультете. Но теперь... Валечка не очень склонен предаваться лекторской деятельности, нудной и трудоемкой. Данька же педагог и никудышный историк (в своем Смоленске он завяз в трясину Черной могилы)[377]. Конечно, трения между ними возникли о нагрузке и т.п., но главное – о месте науки и педагогики в работе кафедры. А тут еще финансовый вопрос (о суммах, отводящихся на раскопки). Словом, для взаимных обид причины были. А зря. Оба они ребята хорошие, хотя каждый в своем роде.

Ко мне Валечка относится по-прежнему хорошо. Хотя наши отношения немного охладились (у каждого своя жизнь, а я плохой собеседник и гурман). Покойный Марк Алешковский говорил, шутя: «До выборов Валентин смотрел на Зимина снизу вверх. После –Зимин стал смотреть на него сверху вниз. В этом что-то есть. Кроме того, после выборов я прямо сказал Вале: «Валечка, имей в виду, что теперь ты правды, особенно о себе, не услышишь ни от кого, и от меня в частности. Слишком большая власть дана тебе. Опасно. Придется тебе самому разбираться». Не найдя, что сказать, Валечка ответил односложно: «Ну, и зря».

Когда в Каунасе ходили на поклон все приближенные, старающиеся пробиться в друзья (Корецкий, Горский и др.), хоть бы чокнуться с ним (дело было в ресторане), то я не присоединился к их процессии. Светочка удивлялась, почему я не подошел. Ответ был однозначным: «Подхалимов и так достаточно. А все-таки я постарше твоего благоверного».

Изредка Янины бывают у нас, раза три мы были у них (когда я чувствовал себя получше). Встречи всегда радушны, дружески раскрепощенные. Только иногда Валечка начинает рассказывать про турусы и колесы своих грамофонных пластинок или забавные историйки, ерничая и благуря, тогда становится не по себе. Вот когда речь заходит о его планах, новых придумках, тогда интересно. Слушать же других Валечка не привык. Ему просто это неинтересно. Словом, ну Михал Николаевич, и только.

Но так – мы добрые приятели. Когда возникает необходимость, он выступает оппонентом у моих (Каштанов, Бычкова), а я у его учеников. Ездил я как-то по его просьбе с докладом на одну новгородскую конференцию. А его экспедицию считаю лучшим, что есть у нас в ар-

---

[376] Светлана – хранительница семейного очага. Друзей близких у ее мужа нет. Она одна царствует дома. И зачем другие? Но знакомых, приятелей – уйма. Янины – семейство хлебосольное.

Ах, женщины-женщины! В них великая мудрость. Сама природа создала в них охранительный инстинкт. И Валентина Борисовна заботилась, чтоб Александр Львович [Монгайт] не задирал Рыбакова. И Ирина внушает быть не столь задиристым с Лихачевым.

[377] Почему-то существует в Университете и даже шире мнение, что хорошим педагогом может быть плохой ученый. Альтернатива не столь однозначна.

хеологии. В Новгород он влюблен. От чисто археологических проблем его освобождает Б.А. Колчин, от организационных – мой крестник Хорошев.

Школу новгородцев-учеников он создал. Но отношения у него с ними и манера обучения мне не нравятся. Прежде всего он дает параллельные темы (Хорошев: Церковь в Новгороде, Посадники в Новгороде) и даже иногда – куски его темы, которые он развивал или собирается заниматься. Поэтому даже в хороших работах получается славословие: «как правильно писал Валентин Лаврентьевич», «согласно верному наблюдению В.Л.» и т.п. Получается беда. Человек теряет самостоятельность и (и потому) превращается в ухудшенный вариант Янина. Это недопустимо. А потом В.Л. теряет к нему интерес. Хор поклонников-славословов совсем не то, что плеяда учеников. Аспирант не должен повторять пройденный его учителем путь и его может быть и «правильные» выводы, а идти своей дорогой.

Жизнь всегда ставит Валентина Лаврентьевича в трудные жизненные ситуации. Как-то он говорил мне, что любит больше всего науку и не хочет вмешиваться в «дрязги». Но что такое дрязги? Что такое чистая наука («Мы рождены для вдохновенья, для звуков чистых, для молитв»). На проверку получается, что Валечка стремится уйти от обострений, от подводных камней. А они тут как тут, и приходится выбирать. Вот один из наиболее типичных случаев.

Аполлоша Кузьмин попросил Янина, чтоб тот выступил у него оппонентом по докторской. Другие оппоненты (на все готовый и все знающий, но никогда не занимавшийся летописями Пронштейн) и дуб и невежда Епифанов из Ун-та. Учитывая, что оба они в лучшем случае «специалисты» по периоду XVI–XVIII вв., древник Кузьмину был просто необходим. А тут еще он всем нашкодил. Трудно. И вот он обращается к Янину – и член-кор, и близок к его шефу Рыбакову (говорят, что даже Рыбаков бывал у Валечки дома). Валентин Лаврентьевич думал не слишком долго и согласился. Опять же Рыбаков, а потом «почему бы и «не»? Универсант. Мало ли их становится докторами.

Написал предварительный отзыв, что-де можно ставить. И вот тут-то все и началось. Марк сказал ему: «Валентин, что ты делаешь, Кузьмин – подонок, а работа его г...но». Надо сказать, что специально Повестью временных лет Янин не занимался. Когда на одном дыхании он написал блистательных посадников (наверно, месяцев за шесть) и принес мне рукопись, я ему сказал, что все хорошо, но только есть еще история летописания и Шахматов. Он отнесся к этому замечанию серьезно и проштудировал Шахматова в части новгородских летописей. Но то Новгород, а Повесть временных лет? Дал прочитать работу Марку, тот разнес ее (Марк Кузьмина знал отлично, а уж ПВЛ тем более, увы, его рецензию на Кузьмина так и не издали). Что делать?

Верный своей линии поведения, Янин написал отзыв, в котором писал: «Я по этой теме не специалист, ничего сказать не могу, а особенно

дать общей оценки работе. Но вот что касается методики работы, то она мне представляется неудачной, хотя выводы могут быть правильными, – я этого не знаю». Не тут-то было. В деканате бедного Валечку прищучили. Что значит «не специалист»? Детские разговорчики. Давай общую оценку – и шабаш. И вот, когда надо было окончательно выбрать между злом и добром, Валечка (надо отдать ему справедливость) выбрал добро, хотя подозревал, к каким неприятностям это может привести. Его вывод был «не достоин искомой степени». Когда позднее его допекали, «что ж ты тогда соглашался», Янин тоже стал в позу: «А что же отказываться? Тогда кто-нибудь другой благословил Кузьмина. Нет, надо давать открытый бой, я ведь в предварительном отзыве написал, что заслуживает быть поставленной на защиту, а не заслуживает степени». Как-никак, но резон в этом есть (выдуман он задним числом или присутствовал заранее, кто знает).

Накануне дня защиты поздно вечером Янин звонит ко мне и говорит: «Ты знаешь, что я написал об Аполлоне? Что он г..нюк». Я так и плюнул с досады. Ведь проблема защиты Аполлона уже долгое время стояла передо мною да и не только передо мной. Мне звонил Яша и говорил, что он хочет выступить, прочитав автореферат. Я ему отсоветовал, зная настроения в Университете. К тому же, подобное выступление означало выражение недоверия Янину, а этого я делать не хотел (надо сказать, что ни о том, что Валечка согласился быть у Аполлона оппонентом, ни о всем прочем он не говорил мне, из чего можно было сделать заключение, что он хочет его благословить в науку. Звонить же Янину и говорить свое мнение, которым никто не интересуется, я считал для себя невозможным). Если б Янин сказал о своем выводе хотя бы за несколько дней, то и я и Яша выступили бы и результат процедуры мог быть несколько иным, хотя в целом бы оставался благоприятным для Кузьмина. На защиту я не пошел, но послал зятя.

Дело кончилось, как и можно было ожидать, полным фиаско члена-корреспондента. Аполлон гарцевал на белом коне (тему-то он знал в отличие от сердитого оппонента). Он вспомнил не существовавшие в природе свои «старые разногласия» с Валентином Лаврентьевичем, ответственным редактором книги Марка Хаимовича (Алешковского – для истфака это звучало). Он якобы и пригласил В.Л. в оппоненты, чтоб открыто, по-научному с ним поспорить. Валентин взял второй раз слово, что-то невнятно говорил, что де он лишь о методике, выводы могут быть и верными у Аполлона. Тот же победоносно объявил: «Вот, видите, в выводах у нас с Валентином Лаврентьевичем даже и разномыслия нет». Выступление Валентина универсантские мудрецы из ученого совета рассмотрели как взбрык «кабинетного ученого» (все «они немножко с приветом, эти академики») и подавляющим (удручающим) большинством проголосовали «за».

С тех пор Кузьмин подло и мелко мстил Янину. То упомянет его среди поддерживавших Зимина всяких Монгайтов, Кобриных и Кли-

бановых (пропустив Николаеву, Азбелева). То объявит, что Янин хочет растворить историю во вспомогательных дисциплинах и т.п. То с помощью Бовыкина пытался вывести Янина из Ученого совета Института Истории СССР (оказалось не по зубам).

Валечка человек с хобби – он собирает дореволюционные пластинки (певцов), составляет их каталог. У него несколько тысяч пластинок. Некоторое время он чем-то коллекционным ведал при чем-то.

Он устраивал нам несколько раз чудесные концерты. Любит его семейство живность. Увы, жаль, что детей у них нет. А это было бы так хорошо для воспитания чувств.

Историей Валентин интересуется целеустремленно – Новгород – и только. И книги собирает лишь по этой теме. Ну, что ж. Можно это понять.

У Янина ясная, четкая мысль, стремящаяся к неожиданным решениям. Что-то есть общее с Рыбаковым в любви к этим неожиданностям. Но в отличие от него Янин легко отказывается от своих построений, если находит иное решение загадки. Пожалуй, что слишком легко и беззаботно. «Посадники» Янина – превосходная книга. Она написана целиком в духе «источниковедения системы». Она как бы бросает тебе вызов – придумай, если можешь, лучшее объяснение всей этой массе сведений о посадниках, и ты признаешь свою беспомощность в споре. Может быть, когда-нибудь найдется кто-либо, кто сумеет дать более простое объяснение. Но пока это сделать невозможно, а значит, цель достигнута. Книга стала неприступным бастионом янинской мысли.

Популярная книга о бересте написана красиво, проникнута истинным пафосом научного поиска. Она одна из лучших книг подобного жанра, который мне, увы, недоступен.

В основу работ Янина всегда положен большой труд, что заслуживает одно уже глубокого уважения. Опасна только страсть его к «хохмам», которая сближает его с «романтиками».

Янин произносит иногда общие формулы, но пристрастием к ним не грешит. С глубоким почтением относится к предкам (он посвятил свой двухтомный свод печатей Лихачеву, как я Слово – Шахматову). Но он и сын своего времени. За эти десять лет со дня избрания он никаких должностей особых не наполучал, разве что спас аграрный симпозиум, став во главе этого полезного предприятия. Но, ей-богу, мне смешно, как он на первое и последнее заседания являлся «в регалиях» (со значком лауреата).

По общим взглядам на историю и жизнь у Янина есть точки соприкосновения с Рыбаковым[378]. К березкам он чувствует естественную слабость. Но Носов с его двумя путями (предбуржуазным в том числе) и Копанев с его свободным крестьянством для него чужды. Уж какая там свобода в этой феодальной Руси! А сходство с Западом смешно. «Славя-

[378] Любопытно, что фактически Янин, как Рыбаков, не археолог. Он по кандидатской диссертации нумизмат-историк, затем сфрагист и т.п.

нолюбом», кроме всего, быть легче – просто можно говорить – «у нас не так», или «у нас раньше» и т.п., не зная даже сравнительного материала усадеб. Но и тут Янин прогрессирует. Он отказался от своей мысли, что Новгород – просто совокупность 3000 боярских усадеб. Может, пойдет дальше. Найдет место и для города и народного веча.

Люди не боги. У всех есть человеческие слабости. Валентину Лаврентьевичу я ничего не прощаю: кому много дано, с того много и спрашивается. Но я люблю его. Радуюсь, когда мои ученицы (Бычкова, Петрова) пользуются его покровительством. Надеюсь, что его время еще впереди и он много полезного принесет науке.

БЕСЫ

«Было бы болото, а черти найдутся» – гласит мудрая русская пословица. А тем более, если сатана верховодит в этом болоте. И ведь надо же. Учеников у него нет (своих), а все же в сопутствующих ему лицах недостатка нет. Кем бы ни был порожден бес, его так или иначе тянет к сатане (пусть духовными отцами его будет кто-либо из других сильных мира сего – Большой Лев, Михаил Топтыгин и т.п.).

Итак, что же отличает эту теперь уже не молодую (около сорока лет) поросль, надежду науки. Прежде всего, у них, как и полагается у нечистой силы, холодный, иногда хорошо развитый разум. А уж чего нет, это сердца. Отсюда проистекает все остальное. Это – стая хищников, сознающих свою силу именно в стайности (одному не совладать), сообщество гангстеров. И в то же время каждый за себя и только о себе и мыслит («продать – зарезать хоть бы что», как пелось в одной блатной песенке начала века). Если нет сердца, так в чем же радость жизни? В борьбе за эрзац удовольствия – и прежде всего эти игроки бесконечно тщеславны. Чем меньше в них личностное начало (личины у них разные, а суть одна), тем сильнее тоска по нему и стремление заставить других верить, что каждый из них всерьез.

Есть в них и особенность, порожденная временем, и пришли [они] уже после Двадцатого [съезда]. Поэтому они стараются показать, что именно они-то и есть те чистые и непорочные, которые и сменяют вульгарных социологов прошлых лет. Поэтому на своем знамени они начертали факт ...с довесочкой «источниковедчески осмысленный», или «теоретически препарированный», «интерпретированный». А ведь в этом хвостике вся суть дела и заключается. Все бесы тянутся к факту, но до чего-то, какого-то предела, а там нет да нет сплутуют. Чтобы угодить какому-то начальству, чтобы покрасоваться перед современниками (в бессмертие души они, конечно, не верят, хотя некоторые и прикиды-

ваются, что...). Словом, чего-то не хватает. А раз нет главного (души), то и факт ускользает куда-то, как синяя птица. Вот наваждение бесовское! Да все так – а службишка-то требует расплаты. Начальство готово смотреть сквозь пальцы на мелкие шалости (в козла играй, но дело знай), следовательно, его надо обслуживать, чтобы выбиться в люди. И вот начинается хоровод – «В нашей корзиночке много цветов... Как Вы хороши. Любит Вас флоречка ото всей души». И забыта верность источниковедческому факту (Шахматов уменьшается до стеклянной палочки с портретом великого ученого, которой в реторте замешивается дьявольское зелье).

Итак, бесы (в отличие от лаптеведов) – рационалисты, честолюбцы, лишь прикрываются покровом фактов. Все они древники (не дети «Нового периода»). Ученость у них страшнейшая – попробуй тут разобраться, где правда, а где ложь! Но они профессионалы. Этого у них не отнимешь. Как правило, все они вышли из стен Университета.

Раньше всех определился Вадим Корецкий. Я уже где-то писал историю его грехопадения. Черт с ним, повторю. А потом вычеркну (люблю мартышкин труд). Подскакивающая походка. Удивленные глаза, собирающие кусочки кожи на лоб в обыкновенную гармошку. Бормочущая сосредоточенность нервического человека. И сделанность. Во всем, в оттопыренных пальцах, поправляющих отлично сидящие модные очки. В позе. Искусственной инфантильности. Наигранном радушии. Ему даже по сердцу, что над ним слегка сильные мира сего иронизируют – высший знак доверия. Не злой, но, конечно, с раздутым самомнением и комплексом (на начальство снизу вверх, а на других сверху вниз).

С ним познакомился где-то в начале 50-х, когда его учитель (Лев), говоря о нем, как о будущем светиле науки, пригласил меня быть оппонентом у него на дипломе. Тема – классовая борьба в годы опричнины. Тогда учитель играл в классовую борьбу и, естественно, любимый ученик ему подыгрывал. Диплом – смесь надерганных невпопад общих положений, несколько забавных соображений о Федоре Косом.

Диссертацию (а я опять оппонент) он писал о закрепощении крестьян. Старые качества остались (и потом навсегда). Прибавились новые находки. Корецкий становился кладоискателем. Клондайк неожиданных открытий манил его. Пусть наскоком, с жадностью, присущей всем хищникам Дальнего Запада. Но все же все это требовало труда. А как это звучит: «В найденных нами документах». «Нам удалось обнаружить». Музыка! И действительно, в делах XVII в., идя вслед за Самоквасовым, Корецкий разыскал интересные новгородские дела конца XVI в., упоминания о законодательстве того времени и т.п. Но умнее от этого он не стал. Тогда его работа имела смысл не только как кладбище находок, но и как какие-то коррективы к Грекову (в русле его методики). Впрочем, книга вышла очень поздно и безумно отстала по методике от того систематического изучения источников, которое на своем знамени начертали ленинградцы. Не говоря о том, что к систематическому,

спокойному труду наш «попрыгунчик» не способен (поэтому писцовых книг у него фактически нет). Рецензия Панеяха, Скрынникова, выступления Анпилогова, впрочем, его не ограничили: вторая книга (о Крестьянской войне и законах) написана в тех же бессмысленных крикливых тонах (Вадим – человек неумный), а по существу бессвязно (романтизм). Была в ней и еще одна черточка… Но для того, чтобы ее понять, вернемся назад.

Итак, наш кладоискатель продолжал свою деятельность. Лев, из обители которого он не вылезал, устроил его в сектор религии и атеизма (все-таки специалист по Феодосию). Здесь он кое-что начал – кое-что сделал. Но заскучал – не так-то валом валили находки. А уж к ним он привык. Как-то на время наш Вадик сник. Единственная отрада – аграрные симпозиумы, где он с радостью выступал (чета Горских – его ближайшие друзья).

У Вадима (человека незлого) чувство самосохранения ох как развито. Лев перевел его к себе в сектор (после конца атеизма), но он должен был заниматься крестьянами чуть ли не XVIII в. Тогда Вадим решил сделать ставку в своей большой игре на академика Рыбакова, и в один момент маханул в группу по летописанию, не сказав ничего Льву. И как ножом отрезало – никаких встреч с прошлым благодетелем (Рыбаков всякие штучки не любит). Как бы и не был никогда знаком со Львом (даже диссертацию, написанную у Льва, издал не под его редакцией). Для того удар был страшнейший. Вроде бы любимого сына потерял. Но показать свое недовольство – нельзя, как бы кто-либо чего-либо не подумал. Установился в отношениях светский модус вивенди (последняя любовь Льва Вадим № 2 – Назаров всячески оттирает неблагодарного предшественника даже от дверей кабинета шефа). Промашку дал Вадим № 1. А впрочем, кто знает? При Буганове он первый человек на посылках. Снова (в летописании XVII в.) посыпались, как из рога изобилия стрррашные открытия. Платить? Ну, что ж! Можно доказать, что у Татищева были сотни не дошедших до нас источников (в духе Рыбакова). Можем. Мы все можем. Пожалуйста, «Келейник Иоаким» и как их там зовут. Вот уже и докторская позади. А дальше.

До Слова у меня с Вадимом были искусственно радушные, что ли, отношения. Но есть же пределы. Дальше них он идти не может, уж извольте. И теперь хоть он по-прежнему при встрече глупо улыбается, но предпочитает обходить сторонкой. А я его поддразниваю (при обсуждении его книги, на симпозиумах), не воспринимая всерьез его вскриков «романтического» порядка. Он мне платит сполна. Но по-Петрушечьи.

Последний ученик Льва (не по времени, а по существу) Вадим № 2. Это – волк. Сейчас он еще его верный оруженосец, но друзья его (Флоря и др.), да и сам он давно душою в стане бесов. Волевой, холодный, расчетливый и самолюбивый – знакомые все черточки характера, не правда ли? М. б. еще помноженные на тщеславие и надменность его одного из польских предков. Владислав Дмитриевич Назаров с детско-студен-

ческих лет вундеркинд. Но вот странность-то – до сих пор не защитил диссертацию, а парню 39 лет, и он в Институт попал сразу же после Университета. Мне это не понять. Возможно, сыграли роль его запутанные семейные отношения (он вынужден был оплатить квартиру для первой жены и помогать сыну). Поэтому он много халтурил (я думаю, написал сотни энциклопедических статеек… и [заметок для] «Вопросов»). Вообще-то статей у него уйма. Как и положено ученику Льва, он социолог, декретирующий свое понимание истории. Большинство же для него «быдло», которое он склонен поучать с высоты своего величия. Как будто тему своей кандидатской (Законы второй половины XVI в., или Сводный судебник) он отложил, чтоб из нее сделать докторскую, а в кандидатскую диссертацию превратить находки материалов 40-х гг. из Гос. древл. (в свадебных разрядах, которые я частично по-глупому с ошибками – он их подметил, использовал в статьях о дьяках). Словом, с диссертацией не все ясно. Любит, как и Вадим № 1, хотя и не с такой страстью, поиск (актов XVI в. в основном). А может лучше – «любил»? Сейчас он крутится вокруг «Актов Русского государства», а больше вокруг уже беспомощного Льва, который сует его всюду, не может без него ничего.

Вадим ждет своей минуты. Мне он сказал, что в партию поступит сразу же после защиты (сейчас ему-де как-то неудобно). Он рожден повелевать и добьется этого. Знает что можно, кого можно бить. Такое отношение у него и ко мне. Он знает, что пока мы спутники, но я ему в общем-то мешаю, и он сметет меня с пути, если и когда представится возможность. Поэтому он всегда в стороне. Любит историческую книгу. Пожалуй, один в секторе, кто реально ее собирает (собирал). И собрал целеустремленно превосходную библиотеку по своей теме – XVI в. – Смута (как раз когда умирали киты феодалов). Собирал значки (гербы городов) также целеустремленно и основательно. Куда мне до него. Вечно крутится в «бомонде сектора», распоряжаясь, руководя во всех редакциях сборника, поучительно теоретизируя, секретарствует в отделе и т.п. Вот он весь такой. Волевой, собранный, злой (Вадим № 1 в общем-то тряпка).

К ученицам Льва относится и Нина Васильевна Синицына. Плосколикая, с бесцветными глазами, спрятанными в дужки очков. Волевая и ледяная рационалистка. Словом, все, как у людей (простите, у бесов). Путь этой себялюбки не был однозначно простым. Она начинала с поисков. В чем суть истина, как добраться до прочных основ науки. Кандидатская работа – Федор Карпов. Сначала ее прельщали поиски ответа в философско-историческом осмыслении – а отсюда тяга к идеям А.И. Клибанова. Но уже вскоре между ними пробежала мышь, и Синичка махнула рукой на философствование. «Ничего доказать нельзя». Затем ее прельстила текстология, точнее кодикология. Она занялась сборниками Максима Грека. Но и тут ее постигло разочарование – оказалось, что и текстология дву- иногда и трехзначна. Наконец, она обратилась к

палеографии, вот здесь, очевидно, зарыта собака, думала она, следуя за Б.М. Клоссом. Но, увы, оказалось не так-то просто. Трактовка почерков XVI в. наткнулась на стену нерешенных и неразработанных проблем. И где у Клосса были интересные решения, объясняющиеся комплексным подходом, там у Ниночки оставалось одно ощущение тождества почерков или принадлежности разных почерков одному лицу. Искусство ради искусства. Поиск тождественного почерка не давал научно ощутимых результатов. А жизнь, если правды нет, «все слова. Слова. Слова». То плюнь на все и заботься о своей шкуре. Ниночка пошла по пути своего учителя. Она стала, как все «передовые-прогрессивные» в секторе. Оформила свое отношение к жизни.

Но одиночество и тоска остались ей уделом. Поиски удовольствия в кино-модерн и т.п., думаю, радости ей не доставили.

У нас с ней когда-то были в общем-то неплохие отношения, но потом она плюнула на них – что они могли ей дать, кроме бессмысленных для нее размышлений? Вот Клосс, Фонкич, Флоря, Назаров – это другое дело.

Гладенький, прилизанный, в чистом накрахмаленном воротничке шахматист Володя Кучкин был в свое время учеником Михаил Николаевича. Но был прогнан им за его «ехидный нрав» и примостился при А.Н. Насонове в секторе источниковедения, принимая участие в издании ПСРЛ, выполняя при Арсении роль, ну, что ли надсмотрщика, контролера над массой (Каштанов, Улащик, Бычкова и т.п.). Кучкин во всеуслышание кричит, что он ученик Насонова. И в самом деле, летописи и историко-географическая тематика близки к насоновским страстям. Но учеником? Насонов не мог быть учителем вообще.

По своей натуре, как и полагается бесу, Володечка человеконенавистник, ему бы только поиздеваться над кем-либо, ух, как это он любит (особенно над нижестоящими). От папочки – старого строителя новой жизни (в Гражданскую в Сибири или на Урале) он взял, очевидно, только то, что оба – упрямы и оба историки (Кучкин-папа занимался советизацией казахского аула – след военных перипетий. В Алма-Ате была Панкратова и др. историки). От мамочки – ехидство (национальная ирония имеет много модификаций). Сестричка у Володечки – ведущая журналистка на театральные темы в «Комсомолке». Но удивительно в Кучкине-сыне какое-то внутреннее хамство, сопряженное с наглым цинизмом. В грязи копаться (как и другие бесы) он мастак.

Кандидатская диссертация о «Житии» (простите – Повести) Михаила Тверского состоит из двух частей ровнехонько. В первой, взяв схемы летописания Шахматова плюс Насонова, он проиллюстрировал на микровариантах их правильность для Повести. Что ж. Полезно. Если не врет. Вторая часть – вскрик – «Я тоже ученый»: попытка доказать, что пространная (внелетописная) редакция Повести более древняя, чем летописная. Вот тут-то Кучкина легко, как плута, схватить за руку. И списки поздние (не ранее XVI в.) и традиционная история подобных повестей иная, да и конкретные доказательства гроша ломаного не стоят.

Кучкин – автор многих этюдов, частично на историко-географическую тему XII–XIV вв. (все-таки он в секторе исторической географии у Бескровного, об отдельных памятниках (спор со мной о подделке данной Саввы), о древности Татищевских источников (конечно, конечно, – Рыбаков), рецензии на книгу Рыбакова о Слове и т.п. Его любимое присловье в споре: «Не доказано». В нем есть резон, ибо система доказательств часто не дает окончательной уверенности в доказательстве того или иного суждения. Но противопоставляет этому он еще менее доказательные выводы.

В конечном счете, он выбирает то, что ему нравится (включая членство – так удобнее и спокойнее жить, а покой он и Ниночка, та особенно, умеют ценить).

Долгое время я играл с Володечкой не то, чтобы в приятели, но в коллеги (и марки-то он показывал мне свои, и т.п.). Но вот пришло время «Слова». Он выклянчил, чтобы его впустили вне списка на обсуждение (ох, любопытство!). Но за все надо платить. И вот он с Твороговым стали авторами анонимного обзора в «Вопросах» (ред. обзора – Бромлей), где поливали меня грязью. Творогов написал письмо, что его текст искажен и серебренники получать отказался. А Володечка не таков. Он упорствовал (сам черт ему не указка: ведь вел же он кляузу о квартире в высотном доме с собственным папашей, которая обсуждалась и осуждалась на закрытом партийном). Когда я его прищучил, сказав в лоб, что он автор, он мне признался. С тех пор я ему руки не подаю, хотя с год, наверное, он с ехидной улыбочкой вежливо (да здравствует галантность) говорил мне «Здравствуйте, А.А.», потом кивал головкой, потом надоело.

Наказание? Творческое бесплодие. Крохоборство, как форма мышления. Ну, об остальном не мне размышлять.

Маленький, плешивенький. С тонзуркой, окаймленной курчавыми блондинистыми волосиками (как быстротечно время), стреляющий бегающими глазенками, вкрадчиво говорит что-то кому-то на ухо Боря Флоря. Он все знает, все понимает, но: «Я человек маленький. Меня и с работы уволить можно». Один из тихомировского питомника подхалимов. Он не социолог (Льва не любит, но побаивается). Нет, не та школа, он, так сказать, фактовед. Крупный специалист (память, как у Рогова, дьявольская) по фактикам, затерявшимся в губернских ведомостях, в польских архивах, где-нибудь в других закоулках научного лабиринта. Лакейски-смердяковское начало в нем превалирует. Он сладострастник и сплетник по натуре. Для него, как и для Кучкина и Назарова, главное выискать слабинку в работе, но не только. И в человеке. «Все хороши». Отец его пал смертью храбрых в Отечественную. Был он астрономом (румынского происхождения). Но Боря в мамочку.

Итак, на ушко он может себе такое позволить. Сказать о своих находках, дискредитирующих русских послов за рубежом (знакомому астроному) и когда простодушный собеседник спросит: «Когда же

Вы напечатаете об этом?». Тот, ржа, как моложавый жеребец, скажет: «Что Вы! Что Вы!». Ведь темочка-то у него продиктована-то теперь совсем другими замыслами (он при Королюке, был во всяком случае): «Русская кандидатура на польском престоле в XVI в.». Вот это пойдет. Патриотично.

Флоря – блистательный редактор. Он умеет вползти в душу автора, как бы изнутри заметить несообразности логического порядка. Умеет указать и мелкие ошибочки, пропущенную литературу и т.п. Впрочем, и в своих рецензиях и статьях он часто кого-то да продолжает. То Каштанова (в статьях об иммунитете), то меня (статьи о Дворовой тетради, Тверском дворе). Сам же в припадках истеричного самобичевания может сказать и горькие слова об отсутствии у него творческого потенциала. Флоречка – лакей, обслуживающий хозяина (то помогает Тихомирову, то пишет статью о земских соборах «под» Шмидта и т.п.). Сейчас он подкидывает материальчики Руслану… Он не волк, как Назаров, а маленький шакал, питающийся падалью. Поэтому он лучше других бесов. На много ли?

Когда надо – он свою службу знает («тварь дрожащая») и с наигранной (в истерике) серьезностью будет громить Шушарина (по заказу Королюка) или Зимина (когда-то нужно будет, а это нужно всегда теперь).

Наши отношения с ним определялись моим местом на иерархической лестнице. Всегда он меня побаивался, хотя и говорил обо мне другие сладкие слова (об интуиции и пр.). Тем более я пользовался до поры до времени фавором у его шефа. Но вот «Слово». Любопытство Боречки и жажда поделиться новостишками не знают предела. Я ему дал еще рукопись с условием никому не давать (это еще до ротапринта). Он прочел. Получаю обратно (мнение Флори – начальственное – «не доказано») – вижу в нем письмо его дружка Рогова (как закладка). Спрашиваю: «Кому-либо давал?», «Нет, нет, ей-богу». – «Врешь! Рогову давал» (а Рогов – главный с Флорей наушник при Михал Николаве). Тот смутился.

После этого я несколько лет с ним не разговаривал (к его удовольствию – ему спокойнее). Но пакость ему учинил: в рота-варианте написал: «С особым чувством благодарю Бориса Николаевича Флорю за те ценные советы и сочувствие, с которым» и пр. Вот, небось, он перепугался-то – ведь такое шефы его не прощают.

Позднее, когда все утряслось, а у меня восстановились отношения с его новым шефом – Королюком (Флоречка бежал из Археографической в Славяноведение, почувствовав, как крыса, что там дальше служить – дохлое дело). И он соизволил ответить на протянутую мною руку вместе с амнистией. Но вообще-то предпочитает и сейчас обходить меня стороной. Дело ясное, что дело темное. Надо быть предусмотрительным.

Сходство с Кучкиным (любовь к деталям) несомненно. Но Флоря, в отличие от Кучкина, искренне готов помочь тем, кому не опасно, а особенно тем, кому полезно. Он хочет одного, чтобы ему дали спокойно

трудиться, не втягивали в «аферы» и пр. Ах, но как трудно оставаться спокойным в наш беспокойный век!

Друг Флори – «Саша Маленький» (Рогов)[379]. И у Тихомирова-то воспитывались вместе, и в Археографической мимолетом были, и Королюка обслуживали. Кто следующий будет их хозяин? У Саши ясно – Рыбаков. Но тот далеко. А может, и Литаврин. Не попробовать ли? Ведь он такой крупный ученый и понимает, что есть такое наука, кто ее умеет ценить.

Отец Саши Рогова – в славные тридцатые начальник политуправления военно-морского флота. По мемуарам известен своей страстью к мордобою, за что и прозван «Иваном Грозным». Сынишка его (Александр Иванович) вырос подобием царя Федора. Во всяком случае, выбито из него все, что напоминает душу, привито беспрекословное подчинение начальству. Осталась только тоска по душе, причудливо выражающаяся у Маленького. Он, обладая феноменальной памятью, влюблен и в древнерусское искусство, и в «обряд» (который знает лучше некоторых служителей культа), и если уж пошло на откровенность, он убежден, что верит в господа бога и во всяком случае в святую православную церковь. С последней убежденностью (гипотетической) я спорить не буду, а вот в первой я позволю себе усомниться. В самом деле, о какой «любви к богу» может идти речь у нашего Сашеньки, когда людей-то он не любит и не замечает. Кимвал он звенящий. Себя старается он просто убедить, что вот с людьми-то как-то не сложилось, а вот Иисуса-то Христа он всей душою (знаю я эту «любовь к дальнему» при отсутствии «любви к ближнему»). Посмотрите, как он вещает. Он с устремленными к небу или ввысь глазами скорее читает проповедь (на людей-то он и не смотрит). А рот – выдает: что-то змеиное в его рисунке безусловно есть.

Какой историк Саша Рогов? В соответствии с прозвищем – Маленький. И о какой его творческой деятельности может идти речь, когда души-то (главного начала творчества) у него, как и у других бесов, вовсе не существует. И вот за счет эрудиции появляется библиография маленьких собраний рукописей, описательная книга о Стрыйковском и т.п. Но вот, что знает Саша, то знает. А знает он, что Святая Русь – Земля обетованная. Все остальное морока. Поэтому Рыбаков для него (и он для него) находка. Вот из таких мальчиков и формируются позднее идеологи погромщиков, национал-убийцы. И ведь исстрадался-то он как за правду, как Аввакум: сняли его спецкурс в Университете по истории русской церкви (и только-то). Ну, а так за его шалости можно пожурить. Он же станет руки по швам, шаркнет ножкой и о здравии, не моргнув, выпьет штоф водки. И жены-то на него не нашлось. Беда да и только!

Ко всем перечисленным бесам можно было бы добавить моего Алека Станиславского, ленинградского Руслана. Но о них я писал в другом

---

379 *Саша Большой – А.Н. Мальцев.*

месте. Суть не в конкретных личностях, а в явлении. Бесы в общем-то составляют элиту научно-технической обслуги. Они принадлежат (несмотря на свою гуманитарную специальность) отнюдь не к «лирикам», а к «физикам» (водораздел проходит не в профессиях, а в душевном складе). Считая себя частью интеллигенции, они с презрением смотрят на носорога Аполлона рязанского (Кузьмина). В большинстве они даже где-то там по секрету европейцы (Флоря, Корецкий, Кучкин), а не охотнорядцы. Но все это ничего не значит. Они будут делать то дело, которое им поручит сам Сатанаил. А Аполлон при нем исполняет небольшие, но почтенные палаческие функции (Малюта Скуратов, так сказать).

Аполлон кончил что-то в Рязани, затем стал учеником Михал Николава в Университете. Последним учеником Тихомирова и первым был подобран Рыбаковым. От Тихомирова (а позднее и Рыбакова) Аполлон воспринял и тематику работ – Повесть временных лет, Татищев, Слово. Ему близка и охотнорядская философия, и варварская методика исследования. Интеллигентским чистоплюйством он не грешит.

Судьба его покрыта мраком неизвестности. Если мне не изменяет память, кто-то говорил у М.Н., что у Феба «наверху» есть «рука». Но вот, что он пишет, так сказать, писатель по линии чистоты к Сенечке и т.п., так уж это точно. Проверено жизнью. Дружит он на подобающем уровне с Муравьевой (дочь бывшего председателя Комиссии контроля, ученица М.Н.), с Бовыкиным, частично с Бугановым. Возрос на тихомировской ниве. Его кандидатская – рязанское летописание-примитив: если есть в Никоновской, у Татищева, в «Рязанских достопамятностях» и т.п. сведения о Рязани, значит, это отголоски недошедших до нас рязанских летописей. В духе шефа. Грешен и я: санкционировал (по просьбе М.Н.) своим выступлением его ахинею, не предполагая последствий, к которым это приведет.

Зародыш «кузьминщины» вырос на рязанской почве. Магическое «а может быть», как ключ к решению всех проблем, и тематически многоисточниковое летописание стало прообразом для развлечений Кузьмина в работе о ПВЛ.

Вторым одобрил Кузьмина Н.Н. Воронин. Бедный, добрый Николай Николаевич! Он, заброшенный, одинокий, больной, так ценил человеческое участие. А Кузьмин сумел в последние годы его жизни сделаться для него ниточкой, связующей с миром. Николай Николаевич искренне считал его своим другом и решительно отвергал все горькие замечания об Аполлоне, которые высказывал в письме его старый приятель ДСЛ. К Аполлону Н.Н. прильнул как к роднику чистого чувства.

И все же перед смертью М.Н. прогнал Аполлошу, ибо тот лентяйничал, готовя (он поступил в летописную группу) один из томов ПСРЛ. «Все играет на гитаре». Он даже отказался редактировать его книгу (попросив это сделать милейшего безропотного Н.Н. Улащика). Аполлон был сослан в Рязань. Казалось, в его карьере поставлена точка. Не тут-то было. В Рязани он издал первую книгу о ПВЛ и серию

статей. Тихомиров умер в разгар эпопеи со Словом. Я пробивал свою статью в «Истории СССР». Нужен для редакции ответ против. И тут-то Рыбаков (он был членом редколлегии) и предложил Аполлошу. Тот написал ответ. Жаль, что редакция его отредактировала. Он начинался выразительно: «В то время как партия борется против волюнтаризма в политике, нужно покончить с волюнтаризмом в науке», т.е. с Зиминым. Мне было наплевать, что он написал в статье по существу (от невежды ничего ожидать нельзя). Но начало статьи я запомнил и с тех пор ему так же, как Кучкину, не подаю руки (церемония с поклонами так же повторилась).

И вот происходит необъяснимое: Аполлошу назначают в «Вопросы истории» к Трухановскому в замы редактора, и он снова обосновывается в Москве. Конечно, дело без Рыбакова не обошлось. Но только ли? В дальнейшем Трухановский был взбешен от деятельности Аполлона, который, казалось бы, все делал, чтоб перессорить Труха с влиятельными историками (академиками и Лих., а Трух метил и сам в академики). Но ничего сделать с Фебом он долгие годы не мог. И только в 1975 г. Кузьмин после какой-то «накладки» был смещен и по звонку (и конкурсу) устроился профессорствовать в МГПИ.

В «Вопросах» же (в своей епархии) Аполлон творил все, что хотелось. Печатал приятелей и нужные ему статьи. Он воинствующий шовинист и антисионист (так можно теперь назвать более простой термин). Кого ни обличал Аполлон. Сначала меня, затем Монгайта за его камень (в «Сов. археол.»), потом Котляра (за его статьи по Слову, причем был представлен читателю Лихачевым как «подающий надежды», что это за «надежды», Д.С. вскоре узнал на своей шкуре), вслед за этим Добрушкина и Лурье (Татищев), Пештича (Татищев). Аппетит все рос. После казуса на докторской (см. раздел о Янине) обличал Янина, Лихачева («два направления»: историческое – он, Кузьмин, Рыбаков, Тихомиров – и формалистическое, Лихачев, Лурье и пр.)[380]. Вслед за этим Черепнин. Кто там следующий? Да, Сулейменов, за позитивизм. (Когда Аполлона в МГПИ спросили, «а что сие значит, позитивизм»[381], он ответил: «отрицание внеисточникового познания истории», он имел в виду марксизм, а получилось, что он стал проповедником «боговдохновенного», «религиозного источниковедения»). Обжегся он на Шахматове, которого подверг сокрушительной критике за все, в частности за отрицание (какового не было) многоисточникового происхождения летописей, формализм и т.п. Перестарался. Ну, письмишко Сенечке о неблагополучии в т. I «Источниковедения» (Павленковском) с критикой Литвака, Лурье и т.п. это, конечно, не грех. Письмо о Черепнине в пери-

---

[380] Поворот судьбы: ДСЛ получил то же, что сам в свое время сооружал против Скрипиля, Еремина.

[381] Термины у Кузьмина всегда имеют смысловую нагрузку: «волюнтаризм», «позитивист», последователь М. Блока, А. Мазона (подбор фамилий у него всегда специфичен), «скептик», «формалист» и т.п.

од выборов в Отделение тоже можно понять – по зову сердца[382]. Но вот к чему ж в печати и против стольких. Прав Гапоненко, который на заседании редакции «Вопросов» посоветовал сосредоточиться на ком-нибудь одном (ну, скажем, Лурье), ведь при закрытых дверях, по-свойски Аполлон говорил, что Лурье автор «антисоветской» или «антимарксистской» статьи в американском журнале. Поди проверь. А речь-то шла о статье против Вернадского и др., опубликованной законным путем в защиту научного источниковедения.

По мере того как фигура Кузьмина становилась одиозной (перестарался, как Шевцов в «Моли»), Рыбаков стал делать вид, что он-де его не одобряет (Рыбаков, как и некоторые другие царствующие особы любят показать, что они не такие уж, как отпетые громилы, поиграть, так сказать, не то что б в либерализм, но в благодушие). Он, кажется, уклонился от совета Кукушкину взять Аполлона в Университет (там он некоторое время был на полставки, как незаменимый для Университета специалист, там защитил докторскую, там и печатает ее). Тонко чувствующий ситуацию Толичка Сахаров также перестал его поддерживать в критическую минуту (мало ли что вранье, а ведь поговаривают, что у Аполлона и с мозгами не все в порядке – мания преследования что-ли, а может это все наветы «их»).

Доктором после долгой задержки Аполлон все-таки стал, хотя Лихачев писал и в ВАК и его председателю, писал и Лурье, и я. «Контр» статьи Аполлона начали приедаться, тем более, что он все громче и громче ругал оппонентов. Не напечатали ответ в «Русской литературе». Не издали ответ на тройственную статью в «Вопросах истории». Не видно, чтоб напечатали ответ на мою статью в «Известиях ОЛЯ». Словом, надоел этот борец за правду.

Перейдя в МГПИ, он сразу же показал себя на теоретическом заседании, на котором он обобщил свои неопубликованные письма и ответы и обрушился на идейных противников. Тут было «не всех советских историков можно назвать марксистами» и ссылка на 100 000 ренегатов и почему-то кивок на Жоржа Марше. Словом, у присутствующих отвисли от удивления челюсти. Ничего. Скоро они из его уст не то еще услышат. Объединившись с Бовыкиным и Бугановым, он под крылышком Рыбакова при покровительстве Незримого Лица может еще попить кровушки у многих ученых. Но на это вроде бы не похоже. Не то время. Поживем, увидим.

На этом, пожалуй, можно и кончить рассказ о бесах. Они еще свое слово скажут. Ждут только случая. А пока собираются с силами, приглядываются, объединяются, проникают в поры науки и т.п.

---

[382] Еще раньше, желая выслужиться перед Михал Николавом, Аполлон «доверительно» рассказывал встречному-поперечному о Льве и Пашуте в 48–50 гг., об Устюговской истории и т.п. Ничто тайное не остается таковым. Если Пашуто уклоняется от открытого противоборства с Аполлоном (а на ушко говорит «черт знает что такое» – мне, конечно), то Лев не таков.

Вот ведь какой возникает вопрос. Как быть с теми молодыми юнцами, которые приходят к тебе. Ты видишь, что профессионально (технократически) они вполне соответствуют необходимым требованиям, а морально – нет. Поддерживать их, или отойти в сторону. Или сказать «Стоп!». В общем-то это в какой-то мере проблема атомной бомбы. Нужно ее сооружать или нет. Я окончательно не могу дать ответ на возникающую коллизию (все та же: «добро и истина»). Конечно, крайности в конкретном человеке бывают редко. Конечно, ты не имеешь права предрешать за юношу, каким он может обернуться через много лет. Но все же. Наверное, надо поддерживать профессионально грамотного человека, если он сейчас непосредственно не является распространителем зла, препятствием для других более человечных людей. Только в крайнем случае ты можешь сказать пилатовское: «Без меня» («я умываю руки»), если не имеешь сил противоборствовать злу.

Порождение стынущей планеты, холодеющих сердец, умных машин бесы, неужели они идут на смену людей? Не хочу в это верить.

ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ НАШ ПАШУТО

Он и сейчас, когда ему скоро стукнет шестьдесят, не потерял еще прежней обаятельности. Высокий, стройный, с широкой улыбкой, обнажающей ряды красивых и прочных зубов, Володька Пашуто и внешне походил на героя американских фильмов 30-х годов[383].

Сейчас из-под нависших, рано поседевших бровей на вас глядят уже выцветшие глаза, появились резкие морщины, а нос приобрел хищный вид. Но было совсем другое. Таким ли был ты, расцветая, «Скажи, фонтан Бахчисарая»

Прошлое Владимира Терентьевича темно и непонятно («не надо его ворошить», – сказал бы наш герой). Говорят, что он вышел из семьи судовладельца, баржи которого шастали по Волге. Судя по фамилии, у него есть что-то белорусское.

В ЛГУ он входил в кружок источниковедов, который вел М.Д. Приселков, и на всю жизнь сохранил вкус к серьезной науке. Его сотоварищи считали Володьку этаким глуповатым простаком. Просчитались. Ум у Володьки не склонный к глубине познания отвлеченных истин, но вполне деловой, прагматический, а учиться он умел. Далее война. В.Т. Пашуто покидает свою первую супругу, пункты которой могли только испортить его биографию, поступает в Высшую дипломатиче-

---

[383] Без меры галантен (дамам целует ручку, на пальце золотое колечко). Остроумен. Весь собран, лаконичен.

скую школу, где находит среди преподавательниц иностранных языков новую, верную подругу жизни – Наталью Александровну, дочку известного медика-профессора. Цепкая хищница, она стала надежным руководителем Владимира Терентьевича в водовороте жизненных передряг.

Не ясно, по каким причинам, но дипломатическая карьера Пашуто не состоялась, и он в последние годы войны оказался в аспирантуре Института Истории у самого академика Грекова.

Печатать свои труды Владимир Терентьевич начал еще в студенческие годы. Первая работа была посвящена Александру Невскому (УЗ ЛГУ. № 36, с. 62–89). Уже в этой статье проявились две черты, характерные для всего дальнейшего творчества Пашуто, – выбор ударной темы (в данном случае – патриотична) и связь ее с исследованием (летописей). Александр Невский, помянутый в тяжелом 1941 г. т. Сталином, стал вечным спутником Пашуто. Не менее девятка работ посвящено ему. Это и популярные книги («Александр Невский и борьба русского народа за независимость». М., 1951 г., «Героическая борьба», 1956 г. – Невский из заголовка выпал, и разделы в академических Очерках 1953 г. и учпедгизовские Очерки XII–XIII вв. 1960 г., и книга в ЖЗЛ в двух изданиях 1974–75 гг., и т.п.). Все было нормально. Включая даже рассказ об ордене Александра Невского. Источниковедение? В меру. Если не препятствует. Так Шаскольский установил, что с Александром сражался Ульф Фаси, а не Биргер. Гм... Пусть будет и тот и другой. В Житии есть подвиги – откинем святых угодников и оставим возвышающие душу геройские деяния.

Вторая тема, также появившаяся у Владимира Терентьевича на студенческой скамье, – Даниил Галицкий (УЗ ЛГУ. № 67, 1941, с. 25–82). Затем последовала статья небольшая о борьбе Даниила с иноземцами (ИЖ, 1943, № 3–4, с. 37–44). Галицко-Волынская Русь стала темой диссертации Пашуто, защищенной в 1949 г. и опубликованной в 1950 г. в виде книги.

Этюд из нее о Киевской летописи 1238 г. издан был в 1948 г. (ИЗ, т. 26, с. 273–305). Для Пашуто, как исследователя летописей и в этой работе, и в работах о Литве характерна, я бы сказал, имитация шахматовского метода. Летопись у него одна (для сопоставления материала почти нет). Вот он и кладет в основу рассуждений о недошедших летописях тематически-логический принцип: говорится о Литве, значит сведения относятся к Литовскому летописцу и т.п. Конечно, подобные рассуждения, как и находимые им «вставки», нелогичные переходы – только видимость учености (как и манеры Пашуто – видимость интеллигентности).

На защите диссертации произошел досадный казус, который в дальнейшем сказался на карьере нашего героя. Пашуто страшно боялся своего оппонента М.Н. Тихомирова и приготовил письменный отзыв, где резко отвечал на его замечания (безрассудной храбростью Владимир Терентьевич никогда не отличался).

Михаил Николаевич выступал в примирительных тонах и вдруг –получает резкую отповедь (а год-то был 1949-й). Перестроиться на ходу

Терентьевич не смог (он ведь всегда все по бумажке читает). Старик рассвирепел, на раут не поехал, и с тех пор на всю жизнь затаил к нему ненависть.

Уже в аспирантские годы Пашуто обладал деловитостью, а точнее умением извлекать из всего определенный результат. Он некоторое время ходил в домашний семинар к Яковлеву – это ничего ему не дало. Зато тему минимума о дипломатической деятельности Грибоедова он издал в 1947 г. (ИЗ, т. 24, с. 111–159)[384]. В 1946 г. он напечатал рецензию на перевод Кросса ПВЛ, начав свою борьбу с иностранцами, не прекращающуюся по сие время («Ученые зап. Славяноведения», т. I, 1946 г., том, кажется, изъят из-за поворота в отношениях с Тито).

Пашуто в эти годы попробовал преподавать в Архивном, но ему нужны были более широкие горизонты. Одно время он работал в аппарате «Вопросов истории» (все это наряду с работой в Институте истории).

А годы-то были серьезные. На них реагировал Терентьевич однозначно. Встретился как-то на улице со своим старым другом Яшей. В это время прорабатывали его отца, а его самого изгнали из ЛГПИ. Лицо Терентьевича не расплылось в улыбке, твердо попрощался с ним и, отвернувшись, сказал: «Ну, звони, друг». А телефона у Пашуто в эти годы не было. Все стало на свои места.

Космополитов Пашуто не выносил.

В многотрудной борьбе с объективистами, космополитами и иже с ними Владимир Терентьевич занял твердую партийную позицию. Сначала он под флагом защиты Шахматова разнес в пух и прах формалиста Еремина за книгу о «ПВЛ» (как и Л.В. Черепнин в этом же году (См. ВИ, 1948, № 6, с. 105–106). Затем, поддерживая все передовое, марксистское, историческое (Д.С. Лихачева), он пишет рецензию «За марксистско-ленинскую историю литературы» (на тт. V–VII ТОДРД). Он их в целом одобряет, но находит еще в них «крупные недостатки», хотя путь, избранный Лихачевым, одобряет. Среди недостатков – работы о влиянии на Мономаха какого-то римского писателя, ненужные сведения о переводе «Слова о полку» на древнееврейский язык. Авторы не вполне уяснили значение указания о классовой борьбе И.В. Сталина. Но, конечно, в первую очередь отсутствие борьбы с зарубежными фальсификаторами (Мазон и др.), а также статьи формалистов Скрипиля и Еремина[385]. Именно в эти годы В.И. Малышев шутливо прозвал В.Т. Пашуто «пятым классиком».

---

[384] Внешняя политика стала также «темой жизни» Владимира Терентьевича не столько из-за благодарной памяти к Дипломатической школе, сколько из-за приобретенных им там знаний английского и немецкого (французский знала Таточка, которая посвятила себя семейному очагу). Статья о Грибоедове опровергает традиционное представление о том, что Грибоедов до 1826 г. не проявил себя как дипломат. Патриот, ничего не скажешь.

[385] В 1951 г. Пашуто выпускает хвалебную рецензию на издание ПВЛ Д.С. Лихачевым попутно поместил туда [...] рец. на Кросса (ВИ. № 7, с. 117–121. Позднее

Черт попутал меня, в 1949 г. я вместе с Пашуто под инициалами А.В. напечатали в «ВИ» (№ 3) хронику о заседании ученого совета 24–28 о борьбе с космополитизмом. В том же году В.Т. Пашуто по особому заказу обрушивается на одного из своих учителей, А.И. Яковлева, который дошел до того, что опубликовал панегирик буржуазному ученому Ключевскому (№ 8, с. 138–148 – «редколлегия «Записок» отошла от принципа большевистской партийности и допустила грубую политическую ошибку, напечатав статью А.И. Яковлева», с. 140).

В статье о политике папской курии на Руси в XIII в. (ВИ, 1949, № 5, с. 52–76) Пашуто принципиально и резко выступает прожив католических фальсификаторов типа Аммана, защищавшего мысль о мнимой ошибке Александра Невского, отказавшегося от союза с курией. В книге Аммана «фальсифицирована как история папства, так и история Руси, Литвы и Прибалтики» (с. 54). Курия — агрессор, а Невский нейтрализовал ее действия.

В 1951 г. Пашуто вместе с Черепниным фактически пишут итоговую статью по вопросам периодизации (ВИ, 1951, № 7, с. 117–121), давая установки для всех феодалов[386]. Возглавляя партийную организацию Сектора, Пашуто уверенно ведет его коллектив вперед к торжеству подлинно марксистско-ленинского понимания истории.

Эти годы Пашуто, направлявший и перестройку миросозерцания Л.В.Ч., был занят вместе с ним работой над Очерками истории СССР и первыми опытами по истории Литвы[387].

Казалось бы, еще немного, и Пашуто станет бессмертным. Три события этому помешали. Но и на старуху бывает проруха. В 1952 г., борясь с буржуазной историографией, он выпускает статью, в которой обрушивается на Шахматова как на буржуазного источниковеда. Когда речь шла о фальсификаторах или космополитах, куда ни шло. Но Шахматов – краса и гордость науки. «Не мог оценить он нашей славы. Не мог терять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал». Тут и архивные данные о Шахматове как о кадете, и цитата, что «мы плачем о гибели русской культуры» (ВИ, 1952, № 2, с. 51). К крайне идеалистическому направлению отнес он походя и труды своего учителя М.Д. Приселкова. Одновременно он твердо, непреклонно заявил, что основное направление – это то, которое руководствуется гениальными трудами т. Сталина.

умиротворенный Владимир Терентьевич благодушно одобрил тт. VIII–IX ТОДРЛ (Известия ОЛЯ, 1954, т. XIII, в. 2, с. 187–194. Правда, слегка критикует Д.С. за то, что тот отказывает феодалам в патриотизме (перестарался, так сказать, Димочка). Д.С. в это время брезгливо относился к В.Т., но считал, что для дела он полезен (как защита от упреков в объективизме и пр.)

[386] См. подробнее: «Такой большой и такой несчастный Лев».

[387] См. статью о хозяйстве Литвы (ВИ, 1947. № 8, с. 74–81), о т.н. Прусской правде в сб. в честь Грекова, 1952 г. (с. 112–116), имитируя на этот раз приемы работы академика над славянским правом. В 1951 г. издает популярную книгу о Невском, начинающуюся с упоминания о том, что «великий вождь советского народа» И.В. Сталин упоминал героя книги.

Старики забеспокоились: мальчик очень рвется, сегодня Шахматов, а завтра – они. Пора бы его унять. И образовалась стена безмолвия.

При всех несомненных достоинствах В.Т. одно, которое ему не мешало, – одиночество. Он думал прорваться к пирогу только вдвоем с Черепниным. Но такого не бывало.

Впрочем, пока еще В.Д. Пашуто не ощущал вакуума.

В 1953 г. он вместе с Черепниным выпускают огромный двухтомник по истории СССР IX–XV вв. «Очерки», который пронизан весь указаниями классиков, и прежде всего трудами т. Сталина, в том числе «Языкознанием» и «Экономическими проблемами», запоздалым отзвуком той же эпохи была статья его с Даниловой о товарном производстве на Руси до XVI в. (см. ВИ, 1954, № 1, с. 117–136). Написана она в духе указания т. Сталина о том, что товарное производство лишь обслуживало феодализм[388].

Итак, первая причина, замедлившая движение Пащуто вперед, может быть сформулирована коротко – зарвался. Статья о Шахматове и др. дали только наукообразное основание для того, чтоб возмутиться этим «коньюнктурщиком». Вторая – смерть Сталина и начавшаяся борьба с пережитками культа. Они как бы перечеркнули многое из того, чему верою и правдою служил Пашуто. Третья – смерть покровителя Терентьевича (так некстати) Б.Д. Грекова (в конце 1953 г.). А Пашуто уж все сделал чтоб быть наследником его трона (и рец. на книгу Грекова «Золотая Орда», и выпущенная в 1955 г. книга «Помезания», представлявшая собою копию с грековского «Винодола», и работа за Грекова в «Очерках» и т.п.). Такая досада! Приходилось все начинать сызнова.

Прежде всего надо работать. И вот после нескольких лет упорного труда в 1958 г. выходит обстоятельная книга «Образование Литовского государства». Она задумана еще в «грековском ключе». И методика та же: было земледелие в XII, значит было и в IX и т.п. Но материал использован огромный и его систематизация полезна, хотя общие выводы нуждаются во внимательном подходе к ним[389].

Первые поражения. Удар нанес М.Н. Тихомиров, разгромивший статью Пашуто для «Всемирной истории». Новый текст раздела I написан Рыбаковым, а к Пашуто подключен Воронин (т. III вышел в 1957 г.). Публичное обсуждение ротапринтного текста главы Пашуто в Отделении (его главою был Тихомиров) было свирепым.

---

388 Т. Сталин в этом докладе, прочитанном в октябре 1951 г., упоминается однажды скромненько, как указавший в «Экон. проблемах» – только. Времена менялись.

389 Попутно второе издание Невского, но без культа – «Героическая борьба русского народа» 1956 (нач.: «Великий русский народ в течение своей многовековой истории не раз вставал на защиту родной земли»). Борьба прусского народа за независимость» (ИССС‍Р, 1958. № 6, с. 54–81), Христбургский (Кишпорский) договор 1249 г. – «Проблемы источниковедения», т. VII, 1959, с. 357–390), «Очерки истории СССР», XII–XIII вв. М., 1960 («Трудами Б.Д. Грекова и его коллег установлено, что Древняя Русь представляла собой раннефеодальное государство», с. 3).

Новые друзья появляются в новой среде. Как-то ко мне обратилась Н.П. Кончаловская (жена Михалкова) с вопросами по истории Москвы. Разговор со мной ее не удовлетворил: для ее детских виршей «Наша древняя столица» нужен был политический редактор, а не научный. Такого она и нашла в лице Пашуто (он был ред. вып. 3 «Столицы», 1953 г.), а потом близким лицом к этому семейству.

Против кого бороться в новых условиях (а без борьбы Пашуто не мог обходиться) было ясно: с зарубежными фальсификаторами. И появляются многочисленные, разножанровые работы Терентьевича (не думаю, что они принесли ему особую славу). В 1955 г. рецензия вместе с Мерпертом на «Золотую орду» Вернадского, а в 1958 г. статья против Хелльманна, о его концепции образования Литовского государства (ВИ, 1958, № 8). («Так называемое изучение Востока» – идеология западно-германского реваншизма». – ВИ, 1959, № 3, с. 60–76). Историки ГДР – другое дело (можно и похвалить Винтера за его труд о папстве – 1961) А вот писаки ФРГ – те должны быть решительно осуждены[390]. Попутно достается и Чингиз-хану, которого якобы китайцы делают своим знаменем[391].

Разбирать все эти сочинения вряд ли есть особый смысл – они имеют отношение к публицистике, а речь у нас идет о Пашуто как об историке. Меня только раздражал герм «остфоршер», как бранное: ведь изучением Востока (остфоршунг) занимались и коммунисты, и объективисты, и реваншисты, а все это смешивается воедино. Чего добился Пашуто своими статьями? Во всяком случае, что его пока в ФРГ не пускают как «персону нон грата». Попытался он во время конгресса историков «навести мосты», пригласив к себе г. Штекля, заявив в печати, что де он, Штекль, эволюционирует в лучшую сторону, к чему это приведет – не знаю[392]. Итоги борьбы с реваншистами Пашуто подвел в небольшой

[390] Всех работ Пашуто в этой области не сосчитать. Например, «Историки немецкой неофашистской концепции истории России», ВИ, 1962, № 10, с. 61–79; о мнимой соборности Древней Руси. В сб.: «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962; брошюра вместе с В.И. Саловым и А.Л. Хорошкевич «Против фальсификации истории нашей родины». М., 1961; Аграрный вопрос в России в освещении современной буржуазной историографии. ВИ, 1964. № 7, с. 88–105; «Остфоршунг перестраивается» – В кн.: «К критике западногерманского империалистического остфоршунга». М., 1966, с. 141–150. Совместно с Е. Черняком и М. Нечкиной: «Эволюция исторической мысли в середине XX в. – Доклад на XII конгрессе историков. – ВИ, 1965. № 12, с. 3–18; Совместно с В. Саловым и Л. Черепниным. Принцип партийности в исторических исследованиях и его современные критики. – «Коммунист», 1966. № 4, с. 72–79.

[391] Призраки феодализма и призраки прошлого – Ист. СССР, 1964. № 2, с. 188–204. И.Я. Мерперт, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. Чингиз-хан и его наследие. – «История СССР», 1962. № 5, с. 92–119.

[392] В.Т. Пашуто. Профессор Штекль размышляет об уроках истории. – ВИ, 1968. № 8, с. 30–48, ср. «В ущерб истине» (О Цернаке).– «История СССР», 1968. № 5, с. 235–257. Штекль издал рец. Пашуто на Цернака с контрответом последнего ([…], 1970, Bd. 17, […] I. 77–85).

книге[393]. И опять поспешил (Пашуто всегда немножко забегает вперед, а зря): в том же году отношения с ФРГ начали налаживаться. Новых опусов Пашуто против остфоршеров пока не видно. Подумывает Пашуто о книге «Под колесами истории», в которой хочет разобраться в белоэмигрантской историографии. Он ездил с Подъяпольской в Прагу и привез оттуда архив видного историка Флоровского (ВИ, 1970, № 3, с. 160–161).

Вторая тема, которая занимала воображение Владимира Терентьевича, – это «писатель и историк». Он даже составил на эту тему сборник, который «похерил» Хвостов, опасаясь всяких коллизий. Первую статью на эту тему Пашуто написал в 1963 г. («Средневековая Русь в советской художественной литературе». – «История СССР», 1963, № 1, с. 83–113). Затем Тарковский и Кончаловский пригласили его быть консультантом к Рублеву – и, пожалуйста, – предисловие: «Возрожденный Рублев». – «Искусство кино», 1964, № 5, с. 159–160. Опять осечка: Югов, громила в литературе, пишет разухабистую отповедь («Литературная Россия», 31 мая 1963 г.). Пашуто отвечает («О достоверности художественного историзма» – История СССР, 1963, № 1). Проходят годы. Острота спора утихает, и вот уже Пашуто протягивает руку примирения: «За творческое содружество историков и писателей» (ВИ, 1973, № 4, с. 191–195), ср.: «Писатель и историк: Содружество». – «Литературная Россия», 1973, № 31, 3 августа.

А тем временем жизнь проходит. На выборах в член-корры Пашуто регулярно проваливают (на него косо смотрят и универсанты-погромщики и старики). Но у Пашуто есть удивительные качества: умение целеустремленно работать, совмещая несовместимые подчас жанры.

Так, он пишет несколько работ о государственной структуре Древней Руси[394]. В них систематизирован по рубрикам материал, а выводы или примитивны, или неверны (например, о «соборах» или вече с классовой его природой).

В 1968 г. выходит новая книга Пашуто – «Внешняя политика Древней Руси»[395]. Я думаю, что это – лучшее из всего, что им когда-либо было создано. Просто диву даешься, какой огромный материал положен в основу этой книги. Собранный по крупицам, благодаря превосходному знакомству с разноязычной литературой вопроса последнего пятидеся-

---

[393] В.Т. Пашуто. Реваншисты – псевдоисторики России. М., 1971.

[394] Они обобщены в совместной монографии с А.П. Новосельцевым и др.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 11–127. Пашуто написал два раздела: Черты политического строя Древней Руси и Особенности структуры Древнерусского государства. Идея последнего была рассмотреть Древнюю Русь как империю (в духе высказывания Маркса), с имперской политикой в отношении народов. Но потом эту идею зарубили, да он не очень за нее держался.

[395] Часть ее, написанная вместе с А.П. Новосельцевым, опубликована отдельно в виде статьи [«Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.)]. – «История СССР», 1967. № [...], с. 81–108.

тилетия (и никаких реваншистов: в предисловии лишь глухая отсылка к предшествующим опусам автора). В книге проявился сполна весь склад систематического мышления автора: все разложено по полочкам (странам) и собрано в два хронологически разделенных раздела. Никаких особенных вскриков нет. Да это и хорошо. Надежный свод материала. Конечно, хорошо было бы дать динамическую картину политики (как у Королюка), со всеми странами одновременно год за годом. Но это уж роскошь. Спасибо и за, что есть.

В смутные институтские времена Пашуто был членом парткома (того самого) и чуть не наделал опрометчивых шагов (хотел идти в ногу со временем), но как-то вовремя одумался. Не на того, друзья, напали.

Неожиданно фортуна проявила к Владимиру Терентьевичу [милость] с приходом Рыбакова в директора. Борис Александрович в новосозданном институте «Истории СССР» соорудил сектор древнейших государств (включая Киевскую Русь). Заведующим сектором он назначил В.Т. Пашуто, которого-то в общем раньше совершенно не переносил. В чем тут дело, не знаю[396].

Предоставленный ему шанс Пашуто использовал на полную катушку. В сектор он взял только Новосельцева и Щапова – очень сильных молодых ученых. В основном же он набрал молодежь, знающую разные языки, серьезную, дисциплинированную (Чичуров – ученик по Университету Каждана). Получился небольшой, но очень сильный сектор. Также удачно выбрал основную цель работы сектора – издание корпуса источников по истории древнейших государств. Конечно, никакого корпуса в обозримое время не будет, но выйдут отдельные полезные издания, что уже важно[397]. Созвал всесоюзное совещание по поводу корпуса и пр.[398]

Совместная книга с Новосельцевым и др. «Пути развития феодализма» для Пашуто была «проходной» (раздел: «Страны Прибалтийского региона», с. 252–324), повторявшей старые мысли о двух формах синтеза (славяно-балтийская и немецко-балтийская). В приложении тексты и переводы договоров немецкого Ордена XIII в. Одна (прибалтийская) реакционная, другая (литовско-русская) подготовляла дружбу народов.

В 1974 г. в содружестве с другими авторами Пашуто выпускает в свет превосходную иллюстрированную историю СССР и пишет вместе с акад. Н.М. Дружининым статью об акад. Л.В. Черепнине. С последним в 1975 г. составляет доклад для конгресса в Сан-Франциско. С акад. Б.А. Рыбаковым – рецензию на книгу акад. Нечкиной о Ключевском (ВИ, № 5, с. 161–165), статью о корпусе источников. Все готово для новой попытки совершить прыжок в бессмертие.

---

[396] В.Т. Пашуто. Древняя Русь и Венгрия. – В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968, с. 345–351. Сборник в честь 60-летия Б.А. Рыбакова.

[397] См. В.Т. Пашуто. О плане работы сектора на 1971–75 гг. – «История СССР», 1969. № 6, с. 19–31.

[398] Корпус древних источников отечественной истории. М., 1973 (ротапринт).

В 1973 г. Пашуто возобновляет борьбу за чистоту и публикует статью: «Некоторые общие вопросы летописного источниковедения». – Сб. «Источниковедение отечественной истории», вып. I. М., 1973, с. 64–77). В ней он разбирает вопрос о методике и методологии источниковедения. В статье он пытается отстоять свою статью о Шахматове, внося в нее незаметно коррективы («техническая методика Шахматова наследуется нами полностью», с. 71; «Текстология партийна лишь в ее исторической части, а не технической»; метод советского летописного источниковедения «в корне отличен от метода… А.А. Шахматова»).

Вот пока и все. Но Пашуто еще не исчерпал всех своих возможностей. Будем с интересом ждать его новых трудов. Думаю, что характерная черта для него та, что он – двуликий Янус (журналист и историк).

Наши отношения с Пашуто внешне всегда были приятельскими («Сашка черт», «Володька»). Братья по оружию. Но забавно. С 1960 г. мы живем с ним в одном доме, а я у него был один раз: когда ему нужно было принимать Мюллера (свидетель защиты на всякий случай). В годы Слова он написал в целом благоприятную рецензию (в черновике более определенной, но он потом состорожничал). Во время дискуссии он находился в Америке и в ответ на вопросы плел, что де Зимин не совсем Слово относит к XVIII в., а лишь частично. Таковы дела.

Таков «хороший парень наш Пашуто», как написали некогда студенты Архивного на книге о Русской правде в одном четверостишии.

АЛЬМА МАТЕР

Исторические факультеты Университетов и Педвузов после их ликвидации возобновили свою деятельность после известных решений по истории.

Первый прием был осенью 1934 г. Следовательно, я уже принадлежал к пятому выпуску (прием 1938 г.). Первые годы еще были наполнены «усушкой и утруской» (ведь молодежь, а особенно университетская принадлежала к элементу, легко поддававшемуся на демагогические вскрики типа: «Молодежь – барометр революции».

С первых же дней к работе на истфаке (в феодальной части) были привлечены все лучшие, сохранявшиеся к тому времени силы.

Уже на второй год (1935 г.) курс Истории СССР открывался лекциями М.В. Нечкиной (древнейшая часть)[399]. Она открывала курс вос-

[399] М.В. Нечкина уже летом 1934 г. включена была в коллектив по написанию элементарного курса Истории СССР (школьного учебника), В дальнейшем она принимала и участие в конкурсе на лучший учебник, а потом, в 1960 г., выпустила учебник для седьмого класса.

торженно-артистически. «Вы только подумайте, что на том месте, где мы сейчас находимся, когда-то гуляли бронтозавры и птеродактили. А сейчас наша страна уже строит новое общество. И вот рядом с нами в Кремле сидит и думает о грядущем человек, к которому прикованы взоры всего мира». Не ручаюсь за точность в передаче текста, но смысл был такой. Далее Киевскую Русь читал Б.Д. Греков – разжевывая, как для учащихся младших классов школы. Затем XVII в. излагал К.В. Базилевич, а Петра и более позднюю эпоху косноязычный В.И. Лебедев (1894–1966)[400]. Затем наступало время Н.М. Дружинина. «Морозное утро 14 декабря 1825 г. Чу! Слышится дробь барабана. Это Бестужев, молодой гвардеец(?), выводит на Сенатскую площадь гвардейский экипаж».

Семинарские занятия уже тогда вели С.В. Бахрушин, М.Н. Тихомиров, В.Е. Сыроечковский (в 1935 г. он выпустил книгу «Гости – сурожане» и потом все время занимался русско-крымскими отношениями).

Заведующим кафедрой истории СССР до XIX в был В.И. Лебедев (феодальная формация где-то была по соседству с хронологическим членением, но уже не определяла ее).

В мое время (1938 г.) чтение лекций уже было построено по другому принципу: читался единый курс до XIX в. на двух потоках: К.В. Базилевичем и В.И. Лебедевым XIX в., Нечкиной и Дружининым).

Я слушал Лебедева – скучища была страшная: не мог толком по складам прочесть то, что лежало перед его глазами. А лежал-то его курс, преисполненный бессмысленным набором дат, имен и примитивных социологических формул. Семинар в нашей группе вел С.В. Бахрушин. Это, конечно, было событием. Сергей Владимирович не сюсюкал, а разговаривал с нами как со взрослыми людьми, которые пришли узнать, что такое наука. И все тянулись, старались быть достойными его доверия. Здесь в семинаре Сергея Владимировича определился и мой интерес к истории Древней Руси и мое восхищение гением Шахматова.

Все, казалось, было на месте. И ученые и лектора. И полное совмещение научной и педагогической деятельности («как у людей»).

Но были некоторые тревожные черты уже в то далекое от сегодняшнего дня время, которые развились позднее. Дело в том, что «совмещение» в одном лице ученого и педагога было не органично, оно складывалось не из преподавания и творчества в одном учреждении (Университете), а из двух, не связанных между собою служб – в Институте истории и на истфаке. А так как старики соскучились по Большой науке, то все их помыслы главным образом были в Академии, а не со студентами. Сил на все не хватало. Преподавание терпело ущерб, ибо старики частенько подхалтуривали, полагаясь на свою память, запасы прошлого и т.п. К тому же нужно учесть огромную нагрузку, легшую на их плечи (вообще нагрузка преподавателей у нас кошмарна, чем и объясняется, отчасти, слабость научной работы в педагогических

[400] 1894–1966 (*рукоп. вставка*).

заведениях). Наступила война. Академия (историки) эвакуировалась в Ташкент, Университет – в Ашхабад, потом в Свердловск. Разрыв между заведениями начал обозначаться четче.

После реэвакуации на время снова воцарилась гармония. Курсы читали снова по кусочкам. Резкий разрыв относится к 1950–52 гг., когда умерли К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин и Б.Д. Греков. Приход во время Черепнина не слишком компенсировал утрату, хотя, безусловно, способствовал на время (50-е гг.) сложению его школы и притоку способных студентов в состав медиевистов. Но это было уже концом. Пришедший к руководству кафедрой Рыбаков вообще не был заинтересован в ее жизни (археологической кафедрой заведовал Артемий[401], и Рыбаков его заменить (феодалы) не мог) – его мечты и планы были далеки от Университета. Впрочем, истфак ему нужен как опора. Он читал главным образом лекции. Причем прочитает сумбурно-импрессионистически (с чертежами, новыми фантазиями) несколько лекций, а потом, сославшись на командировку или еще на что-либо, бросает курс, который подхватывали А.М. Сахаров и др. Словом, далее Киевской Руси дело у него не шло.

Затем (где-то около 1969 г.) к руководству пришел папа Жора. Началось сонное царство. Георгий Андреевич Новицкий происходил, как и его лучший друг Базилевич, из интеллигентной военной[402] среды (его отец был врачом). Был он человеком богобоязненным и послушным. В 20-е годы, как и многие из его друзей, работал по музеям. Поэтому в дальнейшем стал читать курс музееведения и заведовать кафедрой с одноименным названием (пока она существовала). В 30-е гг. он воскрес. Стал считаться специалистом по истории России XVIII в., ибо в ВПШ или АОН читал лекции на эту тему и выпустил их отдельным изданием. Затем потянуло его на Ливонскую войну, но больше двух маленьких статеек на эту тему он так и не осилил, трижды был женат. Вторая жена – Е.Н. Ошикина – работает в ОР ГБЛ. Третья – Алечка Рынжа (училась со мною в одной группе). Восторженная лемешистка (полуцыганка, полуполька). Несколько лет тому назад скончалась. Их дочка Катя Новицкая стала лауреатом международного конкурса (фортепьяно).

Папа Жора гренадерского роста, с не менее солидным животом и лысиной, с легким грассированием, в общем-то был человеком добрейшим. Мирно дремал на семинарах, которые вел, заседаниях и т.п.

Делал всегда то, что ему поручали, указывали, предписывали. По этому развалил кафедру окончательно.

Надо иметь в виду, что Университет имеет и воспитательное значение, поэтому подбор его кадров определяется особыми качествами преподавательского состава. Впрочем, не всегда приводит к желаемым результатам. После 1956 г. в окружении студентов феодалов все время

---

[401] *Артемий Владимирович Арциховский.*

[402] Военной *написано поверх печатного*: офицерской.

бывали «накладки». То Краснопевцев и К° организуют кружок по изучению марксизма. Гремят. То Вадим Борисов увлекается церковщиной и становится «диссидентом» (и это ученик Черепнина). То, наконец, Амальрик-сын. Отца его, приятеля Казакова и Монгайта, я знал. Это был человек шаляпинского диапазона и внешности. Гордился, что является потомком одного из крестоносных королей. Буйного темперамента и свободолюбия. На фронте в подпитии как-то сорвал со стены и стал топтать ногами Портрет. Скандал. Что делать? Побоялись даже доложить начальству (ибо нагорело бы всем) и по-тихому отправили его в штрафные батальоны. Проявил там чудеса храбрости. Был ранен. Вернулся на истфак. А там в это время деканом был Михал Николав[403]. Тот потребовал с него документы. Александр Сергеевич разбушевался и стал стучать на него палкой по столу: «Какие-такие документы? Я жизни своей не щадил, а Вы тут в тылу окопались, а теперь мня не пускаете». Все дело окончилось благополучно, но старик запомнил этот случай».

После окончания Университета Амальрик-папа так и не устроился на постоянную работу. Это было ему не по нутру. Он подрабатывал составлением карт в БСЭ. Вместе с А.Л. Монгайтом выпустил пару популярных книг на тему «Что такое археология?». Его сынок воспринял размах и разгул своего папочки.

Но стал он борцом за правду. Однажды явился ко мне с рефератом о норманизме, в котором громил Рыбакова. Я ему сказал, что, конечно, может он и прав, но нужно учиться, и «гусарским наездом» истину не доказывают. Но, очевидно, систематическая учеба была ему не по нутру. Дальнейшая его жизнь – страница жизни нашей страны, а к истории нашей феодальной науки она уже отношения не имеет.

Итак, в результате длительного процесса формирования кафедра истории СССР приобрела следующие контуры. Оговорюсь, что я знаю ее плоховато. Преподавал я в университете только один год (по протекции П.А. Зайончковского, кажется в 1952 г.). Мне пижонистый состав студентов явно не понравился, и я переходить на полставки туда не решился – не помню даже, предлагал ли мне это кто-нибудь).

В прошлом году заведующим кафедрой стал ученик Л.В. Черепнина Анатолий Михайлович Сахаров. Толечка на год-два младше меня. Уже, следовательно, в возрасте и теперь, как и папа Жора, с брюшком и лысиной. Но до папы Жоры ему в импозантности далеко. Воевал (кажется, в СМЕРШ'е). Кончал университет и защищал диссертацию под началом Льва о городах XIV–XV вв. Формировался Толечка в период борьбы с космополитизмом и стал теоретиком. В его построениях (конечно, чисто схоластических) заметна была тенденция преувеличить роль государственного начала в русском историческом процессе, особливость России и утверждение о слабости города, как преимущественно поли-

---

[403] *Здесь и далее так в тексте.*

тических, а не экономических центров. Словом, на Востоке Европы, как учил нас творец исторической науки, не то, что на Западе. Диссертация Толечки была схоластична, но выпустил он книгу поздно (1959 г.), очистив ее от словестной шелухи. Получилась она довольно компактной и не дурной (в справочном отношении). В дальнейшем с большой наукой Толечка завязал, но наиздавал-таки он много (с А.В. Муравьевым небольшие «Очерки по культуре Руси IX–XVII вв.», М., 1962, лекции «Образование Российского государства в XV–XVII вв.», М., 1969, пособие для поступающих в ВУЗ и др.) Прежде всего Толечка любит выступать в дискуссиях и так просто с теоретическими построениями. Он непременный консультант в Министерстве Просвещения, Высшего образования, а также Наверху. Частенько бывает в ГДР, где так же стал кем-то вроде консультанта по историческим вопросам. Вот беда только, что пристрастился к хмельному зелью Анатолий Михайлович. Одно время был совсем плох. Но теперь вроде очухался – все-таки как-никак стал начальством. У Толечки двое парней. Один из ник уже где-то работает в Америке и на последнем всемирном конгрессе (или симпозииуме во время конгресса) даже переводил папочкин доклад американским слушателям.

К плеяде черепнинских учеников принадлежит и еще один Толечка – Анатолий Дмитриевич Горский. Ну, прямо Маяковский с виду. Грива волос, резковатые (жесткие) черты лица. Но только вот талантом не похож (дубоват). До Толечки № 1 ему далеко. Шустрости не хватает. Но принципиален – за единый Аз готов отдать на растерзание хищникам зазевавшуюся дичь. В 1960 г. выпустил первую книгу «Очерки соц-эк. положение крестьян Северо-Востонной Руси XIV–XV вв.». В 1974 г. вторую – «Борьба крестьян за землю в XIV–XV вв.». Соответственно, две диссертации. Скучно. Нудно. Хотя в последней есть и новейшие математические подсчеты и формулы (это для нескольких десятков, в лучшем случае сотен актов). Дотошен и трудолюбив. Представляю, как мухи дохнут во время его занятий со студентами. О его супруге (Наташе) мне уже приходилось писать в другой связи.

Наконец, третий львовец – Алексей Константинович Леонтьев, небольшого росточка, болезненный, веснушчатый парень (теперь – увы – среднего возраста). В 1961 г. выпустил книгу «Образование приказной системы в конце XV – перв. полов. XVI в.». У него (как и у Горского по кандидатской) оппонировал я. Шел от моей статьи, делая выводы более обтекаемые и не так однолинейными (приказы не возникли в середине XVI в., а зародились в конце XV в.). Опять могу сказать, что о работах Горского: скучно, серо. Затем вот уже 15 лет, как Леонтьев не пишет вовсе ничего. По-человечески этот простоватый парень даже вроде бы ничего. Но ведь он доцент Московского университета!

Но основную скрипку на кафедре, конечно, играют не Горский и Леонтьев, а Михаил Тимофеевич Белявский. Вот это волк. Скажу вам, тот еще.

Волчий оскал не прикрывают даже усы на приподнятой верхней губе. Смуглая кожа, обтягивающая продолговатое лицо, увенчанное гривой лохматых волос. Резкая манера поведения (со всеми на «ты») этого человека с палочкой. Казацкий вариант Джона Сильвера. Он всегда в азарте. Всегда «по зову сердца». И тогда, когда он, вываливаясь с кафедры, обращается к Михаилу Николаевичу во время обсуждения его учебника: «Чему Вы нас учили, и что написали в этой книге, Михаил Николаевич?» И тогда, когда с дрожью в голосе и слезами в горле говорил, как он помнит, любит и ценит ушедшего в вечность своего учителя, все того же Михаила Николаевича. Две его книги («Ломоносов и основание Университета» и «Крестьянский вопрос в Уложенной комиссии») банальны, но показывают, что основами ремесла он владеет. В них все, как надо. Он даже позволяет себе вольности в духе ушедшего прошлого – какой там капитализм в феодальной России XVIII столетия!

Белявский – самая ударная сила всех кампаний, передовой борец за все насущно необходимое для сегодняшнего дня. Жалость? Смешно и ему, и тем, кто ему подобен.

Под стать ему Петр Павлович Епифанов. Конопатая коротышка с мясистым лицом и сладенькой улыбкой, сменяющейся злым выражением – тупого лица. В конце войны он еще работает в ОР ГБЛ, где издает в 1946 г. «Военные уставы Петра I». Затем – Университет. От науки он отошел сразу же. Пописывал только статейки в духе времени. В 1946 г. статья в МГУ о начале регулярной армии при Петре I продолжала еще прошлую тематику. Затем в годы борьбы с космополитизмом и осуждения Тито Коминформом появляется статья Епифанова о Юрии Крижаниче, как о папском шпионе. Славу она создала Петру Павловичу, но какую? Затем «годы безмолвия». Какие-то статейки вокруг Древней Руси, издание Уложения (пособие) вместе с Тихомировым, которому он всегда ластился. И, наконец, года три тому назад в эпоху «300 страниц» докторская из статеек об армии XVII – начала XVIII в. Все было на этом окончено.

Среди преподавателей истфака есть также милая тихая умница Нина Борисовна Голикова. Она все время в тени, хотя работы ее весьма интересны (Политические процессы при Петре I. М., 1957 и, кажется, недавно вышла книга об Астраханском походе Петра). Но она исключение на кафедре.

Появляется и молодая поросль. Так, ученик Б.А. Рыбакова О.М. Рапов защитил в 1970 г. кандидатскую диссертацию на тему о феодальном землевладении в домонгольской Руси, в которой говорит о развитии феодального землевладения уже в X в. Сейчас Рапов набирает только силу, находя пока ей применение на ниве администрации. Надо поработать за тех, кто сейчас пожинает заслуженные лавры.

Университет и Институт истории (при всем их сходстве) – земля и небо. Феодалы-универсанты люто ненавидят счастливчиков, окопавшихся в Академии, тогда как им приходится вкалывать. Из Университе-

та берутся кадры для Института, когда нужно найти руководителя науки (Бовыкин, Лаверычев, Ковальченко, но также и Волобуев).

Когда нужно разгромить Гуревича, то в Университет на закрытое заседание кафедры медиевистики приглашаются не специалисты из Академии, а железоблочные Епифановы и Белявские кафедры русского феодализма.

Конечно, в Университете еще есть кафедры, на которых теплится феодализм. Это – созданная М.Н. Тихомировым кафедра источниковедения. Там сейчас после Толи Муравьева руководит Ковальченко. Работает там и Леня Милов (последние годы частично). Очень сильная кафедра у археологов. Единственная в своем амплуа, она имеет превосходные традиции кузницы кадров. Ну, а новгородские раскопки вообще чудо.

Есть в Университете и своя серия «История» в «Вестнике МГУ (5 выпусков в год, прибежище для аспирантских работ). Существует и особое издательство, которое развернуло свою работу с конца 50-х гг. Книги выпускает сравнительно небольшим объемом, но зато практически все, которые написаны преподавателями (этих книг не так уж много). Словом, жизнь идет своим чередом.

Университет – для меня лично школой не был (за исключением семинара у С.В. Бахрушина). Тут были и свои причины (я окончил только три курса в нем – началась война, и последний курс я заканчивал в САГу в Ташкенте). Но для большинства думающих ребят он был временем самоопределения. Тут решался вопрос, кем быть, куда идти в дальнейшем и в научном отношении, и в нравственном.

Из Университета, куда в общем-то поступали самые интеллектуалы из числа школьников, расположенные к истории, вышли и бесы, и люди, достойные называться историками (А.Л. Хорошкевич, в частности). Обработка мозгов одних ломала, других закаляла. Одни становились честолюбцами, другие – влюбленными в науку.

В Москве существовало и еще несколько ВУЗ'ов, из которых выходили историки. Это Институт международных отношений (из него Г.А. Некрасов), до войны ИФЛИ (не знаю, кого он дал в науку), три педагогических института: МГПИ им. Ленина (ранее им. Потемкина), Институт им. Либкнехта (а позднее закрыт) и Московский областной пед. институт (там преподавал историю феодализма слепец Шевяков, некоторое время В.Т. Пашуто, а в последние годы вспом. ист. дисц. Каштанов и Санин вслед за ним).

Среди преподавателей-феодалов в Педагогических институтах были и люди довольно интересные. Это в первую очередь И.И. Полосин (1891–1056). В 1916 г. он окончил Московский университет у А.И. Яковлева и с 1917 г. работал в библиотеке им. Ленина, с 1922 г. по 1929 г. он работал в Институте истории РАНИОН. К этому времени относятся блестящие статьи Полосина по крепостному праву, выдающееся издание «Записок опричника» (Г. Штадена). Далее известные события и в 1934–40 гг. мы застаем Полосина проф. Курского пед института,

с 1940 г. он уже преподает в Ин-те им. Либкнехта (профессор еще с 1926 г.). Затем эвакуация в Ташкент, где я слушал его блистательные, искрящиеся тонкими наблюдениями лекции по методике преподавания истории. В последние годы Полосин преподавал в институте им. Ленина.

Полосин – один из первых романтиков в науке. Он пытался рассмотреть многие вопросы истории России сквозь призму сравнительно-исторических представлений. Широта кругозора у него необычайная. Каждая большая работа поражала оригинальностью. Он впервые в 20-е гг. поставил вопрос об изучении уставных крестьянских грамот, составлявшихся в ходе реформы 1861 г. Он написал работы о дьяке Тимофееве (1949), издал с комментариями Псковскую ссудную грамоту (1952) – источниковедческие фантазии так и сыпались фейерверком из этих работ. Он выдвинул гипотезу о том, что «Пересветов» было только псевдонимом Ивана IV (1945), написал оригинальную статью о пожаре Москвы (1950). Но темой жизни, так и не завершенной Полосиным, была, конечно, опричнина царя Ивана (см. статью «Споры об опричнине», 1945 и др.): его точка зрения сводилась к тому, что опричнина так никогда и не была отменена, просуществовав в качестве двора до 1917 г.

Удивительный был этот красивый, галантный с изюминкой надменности человек с бабочкой вместо галстука. Чем-то он напоминал мне Володьку Королюка. А в общем-то (возможно из-за утонченно нервной организации, а м.б. из-за обстоятельств) оказался он великолепным неудачником.

Среди профессоров Désинститутов был П.П. Смирнов (1882–1947) и В.Н. Бочкарев. Павел Петрович в 1907 г. окончил Киевский университет, где и преподавал до 1923 г. В кружке Довнар-Запольского написал первые работы об Орловском уезде по писцовым книгам XVI в.[404] и двухтомный труд «Города Московского государства» (1917–1919 гг.) Затем произошла авария: его обвинили в участии в чем-то. И вот 1927–34 гг. профессорствует в Ташкенте, где выпускает ряд работ о городе и классовой борьбе середины XVII в. В 1939 г. вместе е А.В. Шестаковым выступает защитником рабовладельческой формации в Киевской Руси[405]. В 1943 г. его выдающаяся книга «Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII в,» (вышла в 1947–1948 гг.) получила Сталинскую премию[406]. В 1946 г. П.П. Смирнов явился зачинателем дискуссии по вопросу о причинах образования Русского централизованного государства, которые он, в конечном счете, сводил к развитию производительных сил (земледелию), а точнее, к появлению «сохи-суковатки». Статья вызвала бурю негодования, но сильного лишь негативной стороной.

---

[404] В «Очерках» Довнар-Запольского (1910).

[405] Позднее в этом духе он издал статью о восстании холопов в Киевской Руси (по Герберштейну и пр. поздним источникам). («Ученые записки МГПИ им. Потемкина», 1947).

[406] Еще в 10-х гг. он издал уникальные челобитные дворян XVII в.

С 1938 г. до смерти преподавал (вел общий курс) в Архивном, где во время войны был и ректором.

Павел Петрович, как мне представляется, был крупнейшим советским историком-феодалом после С.Б. Веселовского. Ему присуще было сочетание архивного трудолюбия со спокойной, уверенной и смелой мыслью. По взглядам своим он, конечно, был экономист, но отнюдь не вульгарный. Так, он впервые в науке проследил перипетии политической борьбы при дворе в первой половине XVII в., он показал существо деятельности правительства Б.И. Морозова. Его вывод о том, что дворяне имели большое значение в событиях 1648 г., стал прочным завоеванием науки (его поддержали и Н.В. Устюгов и А.А. Новосельский). Интересно было все, написанное Смирновым. Если не со всем можно было согласиться, то, всяком случае, во всем он, превозмогая трудности, старался писать честно.

Я видел П.П. Смирнова только пару раз в Архивном. Это был приземистый человек с красным носом, седыми бобриком волосами…

Валентин Николаевич Бочкарев рано в молодости ослеп, поэтому научная работа для него была делом трудным, требовавшим огромных усилий и его самого, и помощников,

Еще в 1906 г. в Юхнове он издал книгу о Стоглаве. После революции он работает в Ярославле (во всяком случае с 1922 по 1929), где пишет несколько статей по истории края (о вотчине Ярославского монастыря, о сенатской ревизии нач. XIX в., о предпосылках революции 1917г., об архиве Елагиных). Занимается немного Уложенной комиссией (печатает статьи в Твери в 1923–26 гг.).

Затем мы уже застаем Валентина Николаевича в годы войны, пишущим статьи о героической борьбе русского народа (Александр Невский, борьба русского народе в XIV–XV вв.) и Богдана Хмельницкого. К концу 40-х гг. он написал докторскую диссертацию о феодальной войне в период правления Василия II, из которой изданы в 1946–1947 г. небольшие фрагменты в Саранске и МГПИ им. Ленина, где В.Н. Бочкарев читает общий курс. Саранск в это время был в какой-то мере вотчиной. А.И. Яковлева, к которому В.Н. Бочкарев был близок (позднее именно он написал некролог Яковлева). Сестра В.Н. Бочкарева, Зинаида Николаевна, работала в археогр. комиссии Яковлева, а потом в секторе источниковедения.

Я встречал Валентина Николаевича при забавных обстоятельствах. Меня как-то послали «ревизовать» Пединститут и поручили посетить лекции Бочкарева (это было, наверно, в конце 40-х – начале 50-х гг.). Узнав об этом, он всю лекцию посвятил пересказу цитат из классиков по вопросам образования централизованного государства. Бедняга! А вообще в его облике было что-то неистребимо провинциальное, и в лучшем смысле (добродушие), и в рутинном (пересказ заученных фактов, разжевывание материала). Формально именно он был учителем В.Б. Кобрина по аспирантуре (по опричнине). И за это ему спасибо.

Ученик оказался достойным и сейчас продолжает преподавание в Пединституте, уже в качестве доцента.

В начале 70-х гг. Бабурин в качестве зам зав. кафедры (а завом там был вездесущий Минц, которого во время борьбы с космополитизмом «перепихнули» туда из МГУ) пригласил меня читать лекции на курсах усовершенствования преподавателей Педвузов страны. Я читал там курс советской историографии периода феодализма (до XVIII в.) с упором на обзор работ последних лет. Посетители курсов слушали лекции-беседы (лекций было обычно штук шесть, я давал свою оценку работ, много книг притаскивал с собою, говорил о людях и планах). Всего ходило не больше 10 человек. Да и то это было уже значительное число: большинство стремилось урвать время для работы в архивах. Но вообще-то преподаватели на меня производили самое приятное впечатление – они искренне и глубоко любили свое дело. Замученные «нагрузкой», «воспитательной работой» и условиями провинциальной жизни, они не могли следить за поступательным ходом науки, но живо им интересовались. И те обрывки сведений, которые я им сообщал, тщательно записывали и обдумывали Тут же на курсах я консультировал и некоторых из них по темам (В.Г. Мирзоева в связи со его книгой о былинах, Г. Айплатова в связи с его работой по истории волнений у народов мари и т.п.).

Сейчас на кафедре в Пединституции ситуация забавная. После изгнания из «Вопросов» Э.Н. Бурджалова перебросили в Пединститут, но там ему поручили не его тематику (мало ли что может намолоть), а кинули на феодализм, который он и читал, не занимаясь этими сюжетами никогда. Теперь же там и Н.И. Павленко (читает сибарит историографию) и [...] А.Г. Кузьмин и В.Б. Кобрин. На пенсию консультанта ушел историк техники Виргинский. Последний за последние годы воспитал ряд учеников по XVI в. (Латышева написала работу о Житии Филиппа, Севастьянова о Горсее – кандидатские темы, Эскин написал хороший диплом о Стародубских князьях XV–XVI вв.

Но вообще-то педагогические институты в науку людей не вводят. И срок обучения там маленький (четыре года) и задачи там иные. И даже не могу сказать, кто из современных ученых является питомцем педвузов.

Колоритной фигурой был Александр[407] Антонович Савич (1890–1957). Учился в Петербургском и Московском университетах. Затем начал преподавательскую деятельность (с 1921 г.), профессор с 1926 г. Сначала работал в Минске (1922), где занимался просвещением XVIII в., униатскими школами (обобщающая книга «Нариси з істории культурних рухів XVI–XVIII вв.». Киев, 1929). Преподавал в Ярославле, но больше всего в Перми (во всяком случае в 1925–1931 гг.). В Перми находился тогда архив Соловецкого монастыря. Это дало толчок к за-

[407] *Имя исправлено рукой А.А. Зимина* (*вместо* Алексей).

нятиям Соловецкими материалами (монография «Соловецкая вотчина», 1927 г.) и колонизацией. Печатал статьи и книги по истории Урала.

Новый этап деятельности Савича относится к периоду борьбы со школой Покровского (см. его работы в сборнике 1939 г.). Основной тематикой его работ сделалась борьба русского народа против иноземных захватчиков, особенно против польских интервентов в начале XVII в. В 1935 г. ему присваивается степень доктора исторических наук. Преподавал в различных педагогических институтах (судя по его работам, во всяком случае в 1941–1947 гг. в городском им. Потемкина, в 1939–1941 гг. им. Либкнехта, где-то до 1949 г. – им. Ленина). После 1941 г. почти не печатался. В 1946 г. принял участие в «Истории СССР», в 1947 г. напечатал статью о борьбе за Белоруссию и Украину в 1657–1667 гг., и статью совместно с С.В. Бахрушиным о борьбе против поляков за Москву в 1612 г. (очевидно, из первого варианта «Истории Москвы», в окончательный не вошла) и, наконец, в 1949 г. – некролог о В.И. Пичете, с которым, очевидно, был близок еще по Белоруссии[408]. Причины долгого безмолвия неясны. Поговаривали, что последние годы он сотрудничал с Московской патриархией. Его жена (Нина Георгиевна) работала в группе Яковлева, а сейчас археограф в секторе Буганова. Совершенно бесцветная личность. Сам же Савич был очень обходительным и широко образованным человеком.

Для нашей науки характерна концентрация научных сил в Москве и Ленинграде. Периферийных ученых, занимавшихся отечественными древностями, почти не было за последние лет тридцать. Исключение, конечно, составляют те из них, кто занимается историей народов (блестящий и удивительный ученый В.Д. Димитриев, занимающийся историей Чувашии, Усманов, специалист по татарам и т.п.).

Кроме А.П. Пронштейна, можно назвать еще двух ученых, с которыми я сохранял добрые отношения до их смерти – это Н.П. Долинин и Д.П. Маковский.

Николай Петрович Долинин (1906–1968) после окончания Ярославского педагогического института в 1928 г. стал работать преподавателем в г. Иванове, с 1946 г. – в Днепропетровске, с 1957 г. – в Донецке. С 1939 г. – член КПСС, воевал. В 1949 г., окончив курсы диссертантов в ВПШ, защитил под руководством С.В. Бахрушина диссертацию о развитии русской общественной мысли в России в начале XVII в., с тех пор до последних лет жизни занимался последним периодом Смуты. Подготовил большую докторскую диссертацию и буквально накануне ее защиты скоропостижно умер (работа попала в отдел рукописей ГБЛ). Это был добрый, милый человек. Седенький, с пенсне на цепочке, он самозабвенно любил историю. Вечно растрепанный, пишущий

[408] Правда, в 1953 г. за его подписью вышли параграфы о Смоленском княжестве X–XIII вв. и о народах Поволжья IX–XV вв., но они написаны были Савичем, очевидно, еще до войны (статьи о народах он печатал в «Истории в школе» еще в 30-е гг.).

со страшной силой, но очень разбросанно, он с величайшим трудом пробивался в прессу. Я помог ему издать статью в «Международных связях» и чуть ли не переписал его интересную книгу о «Подмосковных ополчениях 1611–1612 гг.» (1958 г.). Он мне много писал, рассказывая о своих поисках, недоуменных вопросах и т.п. Был горячим сторонником изучения классового аспекта событий 1610–1613 гг., в которых видел отзвуки буржуазных элементов развития.

Совершенно другого типа человеком был мрачный Даниил Павлович Маковский (умер тоже около 1968 г.). Это смоленский краевед по своему существу. В молодости получил политэкономическое образование.

На темы местных смоленских древностей стал печатать статьи еще с конца 30-х гг. В 1948 г. издал небольшую книжку «Смоленское княжество», на следующий год вместе с Н.В. Андреевым – «Смоленский край в памятниках и источниках», ч. 1.

Но в науку Д.П. Маковский вошел сравнительно поздно, на закате своих дней. В достопамятном для всей нашей страны 1956 г. он выступил с докладом о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве России XVI в. В 1960 г. выпустил на эту тему книгу, которую в расширенном вдвое варианте опубликовал вторично в 1963 г. («Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке»). Книга вызвала со стороны московских универсантов бурю негодования. Действительно, ее «техническая часть» (сноски и методика использования документов) была слаба. Но значение этой книги состояло в том, что впервые за много лет сказано было об общности путей России и других европейских стран, тем самым нанесен решительный удар всяким бредням о «Востоке Европы» как цитадели «особого пути». С тех пор мысль Маковского остается в науке (она в более скромной форме повторена Н.Е. Носовым, А.И. Копаневым и др.).

Следующая книга Маковского – «Первая крестьянская война в России» (1967). Она слабее предшествующей. Но очень важна по существу: говорит о крестьянской войне, как о событиях с 1603 по 1613 г., изучает базу ее на разных этапах и сдергивает покров святости с образа Болотникова. Буря повторилась. В 1968(9) г. состоялось обсуждение ее в Университете (1969, «Вопр. ист.» № 9), превратившееся в разнузданный погром. Никто, кто бы мог поддержать его, на заседании не присутствовал. Он приехать отказался, Не был и я.

Последняя книга Маковского осталась неизданной, она относилась к развитию товарно-денежных отношений в Киевской Руси.

Человечек Маковский был средней (его земляки терпеть не могли, говорили о нем разное), но в науке сумел сказать своеобразное самостоятельное слово. У нас с ним были самые добрые отношения[409].

---

[409] Среди других может быть упомянут Иван Степанович Шепелев. Он преподавал в Пятигорском педагогическом институте. В конце 40-х – начале 50-х гг. выпустил ряд статей по первому ополчению, учился в Ленинграде в докторантуре у И.И. Смирнова и выпустил книгу «Освободительная и классовая борьба в

В последние годы много сделал для организации научного центра по изучению северно-русских древностей Петр Андреевич Колесников (в Вологодском Пед. Институте). На базе открытого в Вологде Северного филиала Археографической комиссии, используя покровительственное отношение местных властей, П.А. Колесников (ученик Н.В. Устюгова) выпустил три тома «Северного археографического сборника» (1970–1973) и ряд сборников по истории Севера. Он предпринимает издание сотниц по истории Севера XVI в. Сам он защитил докторскую диссертацию по истории северного крестьянства XVI–XVII вв. (1972). На сессии к нему в Вологду собираются ученые из Москвы, Ленинграда, Сыктывкара и других городов.

Давние традиции в изучении и преподавании российской истории сложились в Саратовском университете. Здесь в 20-х гг. преподавали ученики С.Ф. Платонова – разносторонний и яркий С.Н. Чернов и обстоятельный П.Г. Любомиров (книгу его о нижегородском ополчении, опубликованную еще в 1913 г., переиздали в 1939 г.). Из стен этого университета в начале 20-х вышли видные впоследствии историки Н.Г. Аполлова, Е.Н. Кушева и Е.П. Подъяпольская.

После войны изучение отечественного феодализма связано с именами Л.А. Дербова и Г.Д. Бурдея. Дербов принадлежит еще к довоенному поколению учеников С.В. Бахрушина. Его работы, вышедшие в 40-х – 50-х гг., посвящены различным дипломатическим аспектам Ливонской войны (падение Ливонского ордена, русской кандидатуре на польский престол и т.п.). Они были для своего времени весьма приличными. В дальнейшем, милый и спокойный Леонард Адамович отошел от этой тематики, стал заниматься историографией XVIII в. и выпустил в 1974 г. книгу об исторических и общественных взглядах Н.И. Новикова (докторская диссертация).

Сотоварищ Дербова по Университету Григорий Давидович Бурдей в 50-е гг. «боролся» с турецко-крымской агрессией на русском юге в 1550 – начале 1570-х гг. (в 1962 г. выпустил типа брошюры книгу о турецкой войне 1569 г.) Человек недалекий, он отличался трудолюбием, прекрасно знал литературу вопроса – и только. Его приголубил Володька Королюк, и под его покровительством он опубликовал пару статей в Ученых записках славяноведения. Но и Бурдей сейчас переходит на занятия историографическими сюжетами. Оторванность от архивной базы, библиотек, слабая подготовка, отсутствие необходимой научной среды и «текучка» (преподавательской и общественной работой загружены все основа[тельно]) во многом определяют уровень науки на местах.

В Саранске выпустил статьи три по русско-польским отношениям первой трети XVI в. А.В. Кузнецов (сейчас он в Могилеве). В 196[...] г. защитил диссертацию. Работы очень серенькие.

Русском государстве. 1608–1610 гг.» (1957). В ней весь материал вопиет против догматики Смирнова... Но сказать этого прямо (о крестьянской войне) Шепелев не решился. Позднее работал в Воронеже и Волгограде, издал статью о Заруцком.

Комическую фигуру представляет собою вечный доцент Григорий Николаевич Анпилогов. Длинный, как Пат, со всклокоченной шевелюрой, он вечно что-то говорит выспренное, на эстраде и в семинаре, для самого себе по преимуществу, но вполне в духе эпохи. Конечно, он с сильным «приветом». Напечатав в 1941–48 гг. две статьи о Сенате при Петре, он фактически на долгие годы затих. Но только в 60-е гг. бросился в архив, стал заниматься закрепощением. В итоге сборник документов по концу XVI – началу XVII в., а также статья против Корецкого. И все, бедняга.

Университет, конечно, не может сохранить всех своих дипломников и аспирантов-феодалов, и они разбредаются по белу свету. Попадают в Институт истории (Данилова, Синицына, Назаров), Славяноведения (Флоря, Рогов), Педвузы (Кобрин). Некоторые уезжают из Москвы (нет мест и прописки). Так, у Сахарова защитила диссертацию Л.М. Марасинова. Она обнаружила уникальные псковские грамоты и тщательно и любовно издала (1966). Но места ей в Институте не нашлось.

У Новицкого в 1963 г. защитил диссертацию В.Н. Балязин об отношениях России с Тевтонским орденом в начале XVI в. Затем он некоторое время работал в Магадане, а потом я помог ему обосноваться в редакции истории БСЭ. Он – добрый человек, хотя и не очень усидчивый историк.

Наконец, В.В. Каргалов у Рыбакова защитил диссертацию о Руси и Золотой Орде. Затем он стал важным чиновником в Министерстве просвещения. Пользуясь своим положением, он издал штук пять-шесть полупопулярных книг: Древняя Русь, а затем Московское княжество в художественной литературе, о Золотой Орде, об обороне южных границ в первой половине XVI в., последнюю тему он пытался защитить, как докторскую. Пока не прошло. Но уверен, что выйдет. Человек он пронырливый.

А.Н. Сахаров, защитив у Льва диссертацию о митрополичьих крестьянах XVII в., стал видным чиновником. Сначала Наверху, затем в Издательстве АН (гл. ред.), а теперь зав. отд. художественной литературы в Госкомиздате. Маленький, юркий, он всецело с Рыбаковым. Сейчас готовит докторскую по дипломатии Киевской Руси. Защитит (статья о Кие тому порукой).

СЫНЫ НАДЕЖДЫ

Очистительный вихрь Двадцатого съезда должен был проникнуть и за крепкие стены Храма науки. Дело ведь шло даже не о том, что рухнул девиз некоторых историков – «Не надо ворошить прошлого», но

о том, что менялись общие представления о Правде, улучшался общий климат, в котором произрастали плоды научных посевов. Состояние шока у всех служителей культа, в том числе у феодальных, было настолько глубоким, что практически пересмотры старых представлений стали фактом только через несколько лет.

Сначала все напоминало у феодалов плохую оперетку. Вернувшись в 1954 г. из долгого отсутствия старый зубр времен социологии С.М. Дубровский (1900–1970), потрясая козлиной бородкой, в духе поповско-схоластических рассуждений прошлых лет набросился на «культ» Ивана Грозного. Произошло бурное обсуждение. Итоги его вместе со статьей Митрофановича напечатал в «Вопросах истории» (1956) Э.Н. Бурджалов, пытавшийся превратить свой журнал в «передовой, прогрессивный». Затем началась эра «свободных дискуссий». В том же журнале напечатали мою статью о крестьянской войне. Ответил И.И. Смирнов, защищая свой тезис о Болотникове в духе беседы с Эмилем Людвигом. Споры продолжались. Стали раздаваться голоса тех, кто сомневался в капиталистическом характере мануфактур и т.п.

1963–1964 гг. были годами спора о Слове, который многие восприняли как борьбу с квасным патриотизмом и борьбу за свободу исторической мысли.

О дискуссиях наших советологов я уже не говорю. Это особое дело. Во главе тех, кто выступал за активное переосмысление догм «Краткого курса», находились Э.Н. Бурджалов, а позднее В.П. Данилов, С.И. Якубовская и другие.

Особенно значительную роль в этом процессе сыграла школа Сидорова, которая одно время воплощала собою все лучшее, что сохранилось в нашей науке к 60-м гг. нашего столетия.

Формирование школы Сидорова в Московском Университете приходится на переломные 1949–1957 гг. (из 52 подготовленных Сидоровым остепененных учеников 36 защитились в эти годы). В начале этого периода стояли события эпохи борьбы с космополитизмом, одним из застрельщиков которой был Аркадий Лаврович, в конце периода уже прозвучал набатный колокол Двадцатого съезда, который разбудил в Аркадии Лавровиче жажду очищения от скверны[410].

Обстановку истфака конца 40-х – начала 50-х гг. хорошо передает К.Н. Тарновский: «По коридорам его шли люди в шинелях и военных гимнастерках, еще не снявшие погоны и не отвыкшие от привычки надевать ордена в праздничные дни. Бывшие фронтовики стали студентами. Они были на 5–10 лет старше своих однокурсников, пришедших в университет прямо со школьной скамьи, и лучше представляли, зачем пришли, чего хотят и что нужно для того, чтобы получить больше знаний. Наука им давалась в общем труднее. И не потому, что запас школьных знаний основательно уменьшился за годы службы в армии.

---

[410] *Подробнее об А.Л. Сидорове см. раздел «Первосвятитель в храме» («Первосвященник в храме»).*

Просто они иначе подходили к предмету, стремились охватить и понять его глубже, разобраться доскональнее, взять от университета максимум того, что он может дать. Таких студентов не нужно было заставлять учиться, опекать, контролировать. Они ждали и требовали от преподавателей совершенно иного – капитальных знаний, доверия в ходе работы, бескопромиссности при оценке полученных результатов. Еще ценили они масштабность и новизну замыслов своих наставников, актуальность предлагаемой ими проблематики, чтобы она была по существу, а не только внешне созвучной с главными животрепещущими вопросами современности»[411].

Все это так. Как и молодые офицеры, вернувшиеся из-за заграничных походов 1812–1813 гг., фронтовики-истфаковцы 1941–45 гг. были полны надежд на то, что теперь наступит новая жизнь, и они будут ее творцами. Сидоров подбирал себе учеников прежде всего из состава фронтовиков Те шли к нему не только из-за того, что их прельщала тематика истории русского империализма, а их учитель не вмешивался в процесс их творчества, но и потому, что Сидоров своим покровительствовал – давал возможность надеяться на радужные перспективы (ведь он был кроме всего прочего и Директором Института истории). Почти все ученики Сидорова совмещали научную деятельность с общественной.

Формирование школы Сидорова завершилось к 1957 г. За 1952–56 гг. 10 его бывших дипломников стали кандидатами. Став редактором «Исторических записок», Сидоров в его 10 томах (1955–57 гг.) поместил не менее 11 крупных исследований девяти своих ведущих учеников. В 1957 г. в Академии создан был Научный совет по теме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской революции», превратившийся в рупор школы Сидорова (материалы сессий совета печатались в фундаментальных сборниках. Синтез представлений Сидорова и его учеников находится в т. VI обобщающей «Истории СССР» (ее редактором был Аркадий Лаврович).

Итак, основная деятельность учеников Сидорова развернулась уже после смерти Сталина и даже больше – после XX съезда и проходила в новой научной атмосфере. Почти все лучшие ученики Сидорова попали в Институт в бытность их учителя директором.

Тенью Аркадия Лавровича (своеобразным злым Гением) был Михаил Яковлевич Гефтер (р. в 1918 г., в штате Института с 1951 г.). Миша – типичный образец демагогов-схоластиков. Даже внешне (манерами) он старался напоминать творца теории империализма в России. Он всегда шел в ногу со временем, изображая этакого рубаху-парня (поза, довольно часто встречающаяся в определенной среде). Он всегда на эстраде. Всегда в первых рядах. Время менялось, и он вместе с ним. Особенно резко изменился Гефтер после 1956 г. Началась его борьба за

---

[411] К.Н. Тарновский. Путь ученого. – «Исторические записки». Т. 80. С. 21.

«истинную теорию». Гефтер отошел от конкретной истории, стал «теоретиком». Сначала он фактически под сенью Жукова ведал сектором «Всемирной истории», где был специалистом по всем векам и народам. Затем Жуков (под началом Губера) создал сектор по теоретическим вопросам истории. В нем ведущую роль снова играл Гефтер. Замысел был простой – Жукову необходим был аппарат, который бы готовил ему материалы, которые дебатировались зарубежными историками на всемирных конгрессах. Но значение сектора вскоре переросло начальный замысел. Сам Миша занялся изучением ленинского наследия. «Вперед-назад к Ленину» – был девизом первого поколения, разбуженного XX съездом. Миша начал работу по изучению Полного собрания (в досоветской части). Так, он показывал, что по отношению к земледелию и крестьянству Ленин до 1905 г. подчеркивал развитие капитализма, а позднее, исходя из уроков Первой русской революции, отмечал силу крепостнических пережитков в деревне и т.п.

В переполненной аудитории сектора обсуждались сложнейшие теоретические вопросы, готовились сборники. С горящими глазами Люся Данилова и некоторые востоковеды возвращались к вопросу о том, что имели в виду классики, говоря о восточном способе производства. Замелькали мысли о том, что «рабовладельческий строй» – не правило, исключение. Стали поговаривать, что первую формацию классового общества лучше называть «раннеклассовым обществом», не решая, рабские или феодальные черты в нем преобладали. М.А. Барг и другие историки стали утверждать, что необходимо использовать опыт структурализма применительно к историческому процессу. Складывались, таким образом, какие-то зародыши нового теоретического центра исторической науки. Кончилось дело страшнейшим разгромом. Появились резкие (разгромные) статьи в газетах и «Коммунисте». Мне всегда эта возня в секторе Гефтера была глубоко антипатична. В ней что-то было надуманное, хлестаковское. Неужели же Гефтер, человек опытный, не понимал, к чему его деятельность вела? И все несерьезно, пижонски.

Сам Гефтер был отстранен от всех постов и сейчас получает плату, как своеобразную пенсию. К тому же он долгое время еще и раньше болел (кажется, спазмы мозговых сосудов).

Но основная деятельность школы Сидорова связана с П.В. Волобуевым. О нем я уже говорил[412]. Павел Васильевич, продолжая дело Сидорова, как бы синтезировал, объединил всех его учеников, занимая среднюю осторожную позицию по всем сложным вопросам. Наиболее радикальные были А.Я. Аврех и К.Н. Тарновский.

Арон Яковлевич Аврех (р. 1915) человек волевой, нетерпимый, углубленный в свои построения. Кандидатом он стал в 1954 г., в 1960–61 гг. служил в «Исторических записках» у Лаврыча, а затем попал в сектор XIX в. В 1967 г. защитил докторскую диссертацию по III Государствен-

---

[412] *См. раздел «Первосвященник в храме».*

ной думе. Объект его раздумий связан с судьбами русского самодержавия. Спорщик Арон неисправимый, язвительный и логически спаянный воедино стремлением бросать вызов противникам именно с трибуны. [...][413]

Арон и Павленко живут на Песчаной неподалеку от Павла Васильевича. Они являлись его мозговым кабинетом (правда, П.В. достаточно толковый человек, чтобы избежать резкостей и крайностей). Но, думаю, в бесплодные дискуссии по абсолютизму и «переходу к капитализму» он влип не без их влияния. Аврех в глазах противников П.В. – основной жупел, против которого направлен весь огонь (любопытно, что Гефтер даже в меньшей степени, ибо он как-то держался в годы царствования ПВ – был в другом – Всемирном – институте.

Словом, если крамола, ищи Аронов. Особенно люто ненавидит Арона Бовыкин. Сейчас продолжается возня вокруг последней сданной в печать книги Арона (Бовыкин, как член Ученого совета, написал резкую критику). Арона перевели в сектор источниковедения (так сказать, изолировали). На обычный (раз в пять лет) конкурс его не поставили, отложив дело до осени (время – целительный бальзам, авось оно прояснит ситуацию – так думают даже благожелательно относящиеся к Арону некоторые Отцы Отечества). А тем временем жизнь уходит. Уже во время жарких дебатов Весны историков Арон получил инфаркт прямо на трибуне. Ходит, согнувшись в три погибели.

Жена Арона – профессор новой истории в МГПИ, сын был балбесом лет пять назад. Что из него получилось, не знаю. Арону я всею душою сочувствую, хотя его нетерпимость и самоуверенность раздражает.

Костя Тарновский мне глубоко симпатичен. Родился он в 1921 г. в семье журналиста. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию (по империалистической металлургии). С 1958 г. в штате Института. В связи с «Очерками исторической науки» занялся советской историографией периода империализма (первая книга на эту тему вышла в 1964 г.). Его докторская диссертация (защищал около 1971 г.) на сходную тему – одно из лучших (если не лучшее) произведений на тему отечественной историографии. Ее значение состоит в том, что автор дает анализ явлений науки, в которых он сам досконально разбирается (а что, например, знает Нечкина, когда пишет о Боярской думе Ключевского). Явления исторической науки Константин Николаевич органически связывает с биением времени. Он как бы синтезирует все новое, что было в нашей науке об империализме, показывает взаимосвязь всех наиболее честных и компетентных трудов, как единого направления (это-де «новое направление» ему позднее инкриминировалось, как смертный грех, и от этого понятия П.В. позднее открещивался, как от наваждения). До работы Тарновского существовали как бы различные труды и разнообразные ученые. Теперь стало ясным, кто есть кто, о чем идет речь. Сыны от-

---

[413] *Приписка карандашом рукою А.А. Зимина*; далее фрагмент об Ароне из «Все флаги в гости». *В данном издании он называется «Коллеги».*

ечества выступали в его работе, как единая когорта на смертный бой с догматизмом, ложью, глупостью и невежеством.

Если Арон – холодный стилет рацио, то Костя – пожар пламенного сердца. Оба они не солдаты, а воины. Костя к тому же Рыцарь. Да, все дети Сидорова немножко Наполеоны. Но так хочется, чтобы люди были счастливы (нетерпение сердца), а наука делалась чистыми руками! Поэтому кто сможет их осудить.

В дни Партбюро Мечты Костя был душою всех начинаний Виктора Петровича и других мечтателей. Он с открытым забралом выступал в защиту справедливости. Все это забыть нельзя. И не забыли и те, у кого память служит началам зла.

Ведь надо же! В цитадели мрака они пробудили надежду на торжество света. Они добились, чтоб треть сотоварищей стала на их сторону (хоть на время), треть заколебалась (болото) и только треть бескомпромиссно выступила против.

Вот уже пять лет, как диссертацию Тарновского не пропускают в ВАКе (книгу из издательства вернули), пользуясь услугами Багановых, Шараповых и т.п. Его отправили «в ссылку» в сектор историографии к Бескровному. Как и в случае с Ароном, «волынят», не ставя его на переаттестацию. Но Костя твердо стоит оплотом совести нашей науки. Я его люблю всей душою. Ему трудно, ох, как трудно. Я уже не помню, сколько у него было инфарктов. Дома совсем тяжело. Но деревья умирают стоя.

Добрый и мудрый, слабый и твердый Андрей Матвеевич Анфимов (р. 1916). Защитил кандидатскую в 1956 г., после чего зачислен в штат Института. Чем-то напоминает А.А. Новосельского. Сын земли, он все свои труды посвятил русскому крестьянству предвоенной поры (см. книгу «Земельная аренда», 1961 и др.). Ему доставалось много, били долго, особенно С.М. Дубровский, знавший, какие ярлыки можно наклеивать (сам Митрофанович писал о Столыпинской реформе еще в далекие 20-е). Обвиняли Анфимова и в том, что недооценивал он развития капитализма в деревне, не видел в ней четкого классового расслоения, переоценивал феодальные пережитки (в отрезках и т.п.). В решительную минуту кругленький «глава аграрников-капиталистов» И.Д. Ковальченко нанес Анфимову серьезный удар «под дых», так сказать, «от имени науки». В годы подъема Анфимов был и председателем месткома много лет и зам. пред. Аграрной комиссии и симпозиума (дело, которое он любил), а Волобуев назначил его зав. сектором капитализма (правда, не совсем по его департаменту, но что поделаешь!). Нектар власти стал оказывать опьяняющее воздействие. Вместе с тем атаки на Анфимова все усиливались. Он слегка стал прикладываться к рюмочке. Одолели болезни. И вот после нагоняя у директора он не выдержал и на защите докторской диссертации Осиповой (которую Нарочницкий сделал ученым секретарем Института за решительную борьбу с Волобуевым) Анфимов выступил с покаянной речью, признал свои

ошибки. Тактика выкручивая рук дала свои плоды. «Это я, чтоб не выступать в печати. А по отрезкам я не признал», – оправдывался Андрей Матвеевич в близком кругу… Бедный, слабый Матвеич! А как быть с теми, кто шел рядом с ним (М. Симонова, Минарик из ГИМ'а?). А как быть с чувством локтя? Ведь ты отвечаешь не только за самого себя.

Милый Корнелий Федорович Шацилло (р. 1924) кандидатскую писал о судостроении и после ее защиты в 1958 г. попал в штат Института. Докторскую защитил в 1968 г. и выпустил книгу «Россия перед мировой войной (вооруженные силы)», М., 1974. В 1967 г. в «Вопросах» № 4 напечатал превосходную статью о Мясоедове, в которой развеял миф и о его «шпионской» деятельности, показав, что он был для придворных сфер козлом отпущения. В годы директорства Волобуева он пару лет был секретарем партбюро, тактичный, интеллигентный. Затем его назначили зав. сектором империализма. Приход Нарочницкого сопровождался отстранением Корнелия Федоровича от должности.

Валентин Алексеевич Емец (р. 1925) кончал ИМО, где некоторое время преподавал Сидоров. В Институте он с 1955 г., стал кандидатом в 1959 г. Написал большую работу по внешней политике России, которую сейчас марьяжат в издательстве (мой однокашник полковник И.И. Ростунов из Института Военной истории в качестве редактора всячески тормозит ее выход).

Среди учеников Сидорова был и Станислав Александрович Залесский (р. 1922). В 1962–63 гг. он был ученым секретарем в «Исторических записках», напечатал там одну статью. Затем с наукой не совладал и ушел в БСЭ, где стал толковым редактором по департаменту военной истории. Пан Залесский – в течение долгих лет был приятелем Н.И. Казакова, участвуя в его пиршествах. Пристрастия к сладкой жизни, возможно, и были одной из причин, вынудивших Залесского отойти от науки.

Таков основной круг наиболее близких учеников Аркадия Лавровича. К ним в годы Надежд тянулись и ученые из ЛОИИ и некоторые старики. Только ВПШ–АОН–ИМЭЛ занимали враждебную позицию ко всяким «новшествам». Впрочем, как и положено, среди апостолов должен был объявиться и Иуда. Его роль блестяще исполнил Валерий Иванович Бовыкин (р. 192[…]). Выйдя из весьма ответственной семьи, Валерий («тихий мальчик») был плоть от плоти сыном Университета. Здесь он в течение многих лет являлся заместителем декана. Только Волобуев вытащил его себе в заместители в 1968 г. Круглолицый, с рачьими глазами и сальным взглядом, Валерий долгое время играл в чиновную интеллигенцию. Работы у него были гладенькие (последние – на внешнеполитические сюжеты), без каких-либо углов – самостоятельных мыслей, но достаточно квалифицированные. Но раскрылся Валерий только тогда, когда началась атака на Павла Васильевича. Тут он подумал, что настает его время – и как пантера кинулся на своего сотоварища. «Сейчас или никогда» – наверное, думалось ему. Волобуев

пал. Но Бовыкин не получил, что хотел, – его кресла. Он метнулся к Рыбакову (стал его ученым секретарем). Но Рыбакову нужны преданные люди, а не змеи за пазухой. К тому же работать (вкалывать) Валерий не привык. Словом, он был списан на старое место в Институт. Но и здесь через некоторое время Нарочницкий понял опасность соседства с Валерием – и он покатился далее – стал зав. сектором двух революций (т.е. того, что осталось на развалинах сектора империализма). Думал одно время пойти по дипломатической линии (ЮНЕСКО). Что-то не сработало (пока). Друзья растаяли (среди них ранее был и Янин). Как будто остался только Кузьмин. И осталась досада – так хорошо задуманная акция сорвалась. Пасквили – усердие по «зарезанию» чужих работ – вот это такие мелочи, что и говорить-то о них, как о заслугах, противно. Удастся ли воскреснуть надежде? Но теперь Валерия уже все знают. Эффекта неожиданности у этого маленького Хвостова не будет.

Весна в одном полушарии на одной широте приходит одновременно. Весна историков не была исключением. Она не была скоротечной (несколько лет – большой срок). Сыны надежды бесстрашно шли вперед, с глазами, обращенными назад. И не только они. Поэт-трибун как бы указывал им путь. Что же написали эти ересиархи на своих знаменах? Недруги приписывали им создание особой концепции исторического процесса в России. В самом деле, исходя из тезиса о среднем уровне развития русского капитализма, они вслед за Сидоровым подчеркивали силу государственного капитализма в России и слабость капиталистических отношений в деревне. Скажем прямо, в этом были неизжитые черты довесеннего понимания истории («на востоке Европы»). Противники «школы Сидорова» вопили, что Волобуев и другие «отрицают социалистическую природу Великого Переворота». А ведь Данилов отрицал и необходимые материальные предпосылки коллективизации (степень ее подготовленности). Что же получается? Разбой: -изм всякий. Государство да еще в крестьянской среде. Брр! Это, конечно, были злостные наветы.

Но сыны надежды обращали свои взоры и в глубь веков. Какой там «капитализм в XVII в.», когда его и в XIX было не столь уж много. Какая там двуединая основа самодержавия (феодалы и буржуи), когда буржуи-то не существовали. Крестьянство – вот социальная база царизма. И вот одна за другой проходят кровопролитные дискуссии: о переходе от феодализма к капитализму (с докладом Даниловой, Павленко и др.) и о сущности русского абсолютизма (по докладу Авреха). Самое забавное, что обе стороны обвиняли друг друга в культизме: одна говорила о своих противниках как о «приоритетчиках» («у нас все, как на Западе, даже раньше»), другая видела в попытке рассмотреть Россию как вековечно отсталую страну со спрутом-государством – пережиток эпохи культа. Одна выдавала специфику за общие закономерности. Другие сводили общие закономерности к специфике. Каждая из сторон имела свой резон. Ведь в России было все – синхофазатрон и лапоть.

Она была затиснута между Европой и Азией. Ее две (дворянская и крестьянская) цивилизации опирались на эти противоречивые тенденции. Да, крестьянского было больше, да, европейского меньше. Но ведь было же оно, черт побери!

Концепции школы Сидорова продолжали дискуссии 20-х гг. о характере русского империализма. Сами ребята думали, что можно творить историю на трибуне. Они заблуждались. И все же с их именами связано начало того процесса переоценки ценностей, который является неизбежным условием движения вперед.

СОЗВЕЗДИЕ ВУНДЕРКИНДОВ

Волею обстоятельств я еще в аспирантуре одну из своих тем писал под началом С.Д. Сказкина. В свое время я слушал его лекции в Университете, пересыпанные бисером цитат в духе средневековых трактатов. Говорил он бойко и обладал почтенной сединой. Как будто, он происходил из казачьей среды. Он представлялся знатоком средневекового крестьянства и католической культуры. Был он в почете, допущен к чтению лекций, составлению вузовских учебников и пр. Когда-то в блаженные времена РАНИИОН'а Сказкин написал зауряд-книгу о русско-немецких отношениях при Бисмарке и почил после этого на лаврах. Да уже в 40-х гг. на основе спецкурса написал книгу о вторичном закрепощении крестьян, которая вышла тридцатью годами позже (он был тогда в академическом сане) в той же первозданной примитивности, какой обладала при ее создании. Так вот, занимаясь историей землевладения и русского крестьянства XVI в., я должен был по плану познакомиться с тем, как жили-были крестьяне в соседних странах. Отсюда – Сказкин и тема о школе Кнаппа и прусском крестьянстве. Именно в это время я познакомился с Мишей Баргом, слава о талантах которого была громкоголосной среди наших аспирантов. Но его крикливость, талмудизм и навязчивость отталкивали меня от этого новоявленного гения из школы Косминского. Школа, впрочем, была серьезной, да и сам ее шеф в какой-то мере продолжал строгие традиции русской медиевистики с ее интересом к судьбам крестьянства и со статистико-экономическим подходом к источникам.

Вскоре я, познакомившись с Валей, вошел в круг ее друзей. Ее ближайшей подругой была ученица Неусыхина Ленка Огородникова, язвительная умница, с которой у нас установились откровенно неприязненные отношения. Кончились они тем, что постепенно Валя отдалилась от нее. Приятелями Ленки и Вали были Арик Гуревич (ученик

Косминского) и Фира Шифман, его жена, ученица, кажется, Неусыхина. Вокруг Александра Иосифовича группировались наиболее талантливые медиевисты. В Неусыхине, как ученом, привлекали его раздумия над большими социологическими проблемами (становление феодализма) с тщательным, филигранным анализом памятников (варварских правд). В Неусыхине-человеке и педагоге привлекали его снисходительное и доброе внимание к ученикам, его ученость и доступность. Человеческая мягкость и твердость в убеждениях. Ученик Неусыхина – это была марка, и высокая. Впрочем, среди неусыхинцев были люди разные. В их числе и А.И. Данилов, позднее ставшим министром просвещения РСФСР. В то время он баловался историографией, разоблачал ошибки старика Фюсселя, поражал импозантностью и увлеченностью наукой. Из той же среды вышел Вас. Вас. Дорошенко, позднее чл. корр в Риге, мрачновато-методичный, ученый-педант, но человек явно с высокой профессиональной выучкой.

Но кружок-то неусыхинский составляли не они, а друзья. Среди них был вундеркинд № 1 – Саня Каждан (чем-то смахивавший на Ботвинника). Человек огромной работоспособности, целеустремленности. Он меня всегда поражал своей ученостью, эрудицией, а также точной расчетливостью и в общем-то ординарностью построений. Из более молодых медиевистов – это Толя Шевеленко (долгие годы потом работавший в «Вопросах истории»), пустышка Мери Абрамсон, отчасти Лидка Мильская (ее отец – писатель Тихон Семушкин). Близки были к ним красавчик Шура Кан (сын гонимого в те годы профессора Новой истории), Юра Бессмертный.

Вся эта молодая поросль сулила светлое будущее отечественной медиевистике. У них была серьезная школа. У них было знание языков и, конечно, понимание глобального характера медиевистики как науки, т.е. стремление не отстать от мировых стандартов. Они имели вкус к общетеоретическим построениям, которые должны были освободить науку от мертвящей схоластики. Наконец, у них была научная среда, в которой можно было проверять свои выводы, и живой интерес к истории. Думаю, что в нашей науке 40-х – 50-х годов самое значительное явление, которое сулило надежды на скорый подъем медиевистики.

И вот сейчас забиваются последние гвозди в этот гроб с надеждами. Канкан во время обсуждения т. I «Истории крестьянства» (а ранее в Университете книги Арика) показал, что «отцы» современной медиевистики уже порвали всякие связи с реальной наукой. И фанфарон-иезуит Данилов, и мрачно-злой человеконенавистник Чистозвонов, и жаба Удальцова сохранили с тех далеких лет учебы только обрывки роскошных одежд, под лохмотьями которых виднеются клочки их волчьих шкур. Боже мой! О чем говорили эти ученые попугаи! И о цитатах, и о «французиках из Бордо», на которых неосмотрительно ссылаются авторы «Истории», и об отсутствии Сибири в книге по истории Европы,

что означает отдачу этого благодатного края на разграбление китайцам. Отсутствие специальных параграфов об отцах теории многозначительно оценивалось как несомненный выпад. Нормально-преувеличенный листаж глав по истории России до XII в. рассматривался как дискриминация Отечества (почему не вдвое больше, почему не с IV в., как у других народов, т.е. со времени, когда Руси вовсе не существовало). Словом, полный мрак…

Как же все это случилось? О самых общих причинах мне не хотелось бы сейчас говорить. Гораздо поучительнее несколько слов сказать о героях, об их пути к краю бездны.

Миша Барг. Профессор Вышей школы профдвижения или что-то вроде этого после судорожных попыток самовыражения, а точнее – модничанья с «моделями» и структурализмом (осужденным Даниловым на страницах «Коммуниста»), он поутих, сделался ручным и покладистым. Видимость блудословия и откровенное низкопоклонство. Весь он какой-то сделанный, неправдашный. В душе – никакой, обуянный лишь борьбою за самосохранение. Кимвал звенящий.

В том же офисе работает и Миша (Михаил Абрамович) Заборов, когда-то школьный друг Анечки. В отличие от друзей-медиевистов, он не отличался талантами, был зауряд гелерте-ученый, профессор, но обладал достаточным добродушием и покладистостью. И тема-то у него не для размышления, а описания – историография крестовых походов. Усердный, податливый. Ни к чему особенно не стремится, абы жизнь прожить (увы, такова жизнь).

Толя (Анатолий Абрамович) Шевеленко когда-то был приятелем Бориса Филомафицкого. Более поворотлив, чем Миша, но в общем то же самое. Оба запаслись билетами, дающими им пропуск в элиту. Оба прекрасно поняли, что им доступно, что нет. И оба служат. Тянут свою лямку. На досуге мечтают, размышляют о своих неудавшихся судьбах.

Круг вундеркиндов распался. Шура Кан решил, что хватит, без дураков. Пример отца научил жизненной осмотрительности. Получив также «пропуск в бессмертие», он стал главою группы скандинавистов в Институте всеобщей истории. Но, увы, жизнь подшутила над усердным Шурочкой: его бывшая жена с сыном отвалили в Страну Обетованную, а группу расформировали и снова надо пробивать дорогу к Звездам. Самовлюбленный циник, старающийся быть хорошим, уже никого больше не обманет. Вряд ли он добьется заветных целей.

Сходна же судьба и другого вундеркинда – Юрочки Бессмертного. Обаятельный, мыслящий и жаждущий обновления науки, он старается убедить себя и всех, что он сможет сохранить человеческое достоинство, идя по кромке льда с иммунитетной грамотой в кармане. На деле же это оборачивается пустословием, фразерством, полной духовной капитуляцией и бессовестным подхалимажем перед сильными мира науки. Он подписал письмо, осуждающее от имени фронтовиков из-

раильских экстремистов. А ведь перестарался. И письмо оказалось ненужным. Саша Некрич правильно поступил, заявив, что националистические документы не подписывает (письмо было от имени ученых одной национальности).

Ах, эти письма-письма. Когда-то их писали «в защиту». И это было страшной ошибкой. Сколько из-за них пострадало хороших людей, а результатов, как правило, достигнуто не было. Многие лишились работы. Взяты на карандаш и т.п. В.В. Иванов, ученый с мировым именем, гордость нашей науки, до сих пор лишен возможности защищать докторскую. А письма с сообщениями об идейной крамоле да и просто доносики о житейских дрязгах. Их вред описать даже невозможно.

Двое из старых друзей нашли себе место в жизни, сохранив по разному нерастраченные ценности юных лет. Саня Каждан отлично разобрался в ситуации и стал Иосифом Флавием (он написал чудесное послесловие к этому тому Фейхтвангера) или Зюссом. Его программа очень четко выражается в его жизни: задираясь, стать жизненно необходимым для Зиночки Удальцовой (эдакой Екатерины II современного византиноведения). А за это получить возможность безбедного и тихого существования у нас и славу крупнейшего ученого страны в его области за рубежом. Союз был заключен. Должен же быть в византиноведении хоть один ученый – ведь все-таки это наука на экспорт. Тут нужна видимость. И Саня своей ученостью создает видимость благополучия в одной из отраслей исторической науки. В рамках древностей он может позволить себе некие аллюзии, понять которые могут десяток гурманов. Нечто напоминающее Я.С. при Лихачеве. Хотя Лихачев не Зина и престижный Яша, конечно, к святыне творчества самого Д.С. отношения не имеет.

Время касалось и Сани. В период «оттепели» в нем обнаружился превосходный публицист. Его рецензии и статьи (на исторические и около исторические темы) в «Новом мире», в «Науке и религии», его научно-популярные книги были блестящими и по форме и по содержанию. Правда, поражала трансформация. После брошюры, где развенчивался миф о Христе, статья в «Науке и религии» о возможности его исторического существования. Ну, что же, растем, братец, растем. Византия давала много материала для исторических размышлений. Когда время изменилось, Саня ушел в дивный мир книжек по науке, «спекулумов» и прочих роскошных яств на празднике разума. В общем-то можно и так. Доброе имя в науке у Сани останется. Конечно, за счет других. Ведь та же созданная им Зина будет со страшной силой давить на других, в том числе его же приятеля Арика. Ведь злость и зависть ее беспредельна. Ну, что поделаешь с этим – надо же жить и о себе подумать в первую очередь. Только вот беда – судьба подшутила над этим атеистом. Его сын (такой же дотошно серьезный, видный, кажется, молодой математик) отрастил пейсы, увлекся Библией, стал правоверный и отъехал в Гарвард. Всякое бывает.

Кто бы мог подумать, что женственно красивый и мягкий Арик, беспечный баловень судьбы, в конце концов станет таким непреклонным, таким самостоятельным историком. С его именем навсегда будет связана новая страница в нашей медиевистике. Впрочем, особенных радостей жизнь ему не стала даровать уже после окончания аспирантуры. В нем что-то неуловимое есть от Марка Блока, «Апологию» которого он издал.

Жил он в Москве, а работал на «выездах» в Калинине (в столице ой как трудно Гуревичу устроиться). Сравнительно недавно, когда серия статей его по культуре средневековья появилась на страницах журналов, его приняли в Институт философии, где он под эгидой Юдина стал редактором предполагавшегося издания «История культуры» (т. 2: Средневековая культура). Но это начинание, задуманное широко (по регионам, философским проблемам), лопнуло. Сектор ликвидировали, но Арика перевели в Институт всеобщей истории к Жукову. За сравнительно короткий срок (в 60-е гг.) Арик издал ряд замечательных книг о становлении феодализма в Норвегии (кандидатская работа на ту же тему в Англии), о викингах, о средневековой культуре (ее категориях) и о генезисе феодализма вообще. Именно последняя вызвала скандал и закрытое обсуждение на двух кафедрах в МГУ, где всякая мразь типа Белявского и Сахарова, а также Сапрыкина и К° поливали грязью новоявленного еретика. Так, отказавшись от сладкого пирога, Арик, легкий, ясный, увлеченный наукой, может дышать полной грудью и познавать мир удивительных ушедших в далекое прошлое деяний.

Коротко говоря, смысл его работ о раннем средневековье сводится к следующему. Школа Неусыхина, опиравшаяся на старую европейскую традицию (Арик – на новую), давала социально-правовую интерпретацию становления феодализма. Варварские правды – основной источник для неусыхинцев, а категории «литов», «сервов», штрафы-«солиды» для них – основные понятия, вокруг которых и вился разговор. Создавалась искусственная картина процесса, который должен был происходить. Но происходил ли он на самом деле? Законы гласят одно, а что говорит сама жизнь? Так вот Арик обратил свое внимание на совершенно иной пласт источников – саги, жития, акты стали предметом его исследования. Не нормативы капелюсиньких кусочков территории того или иного домена или страны, а широкий исторический фон и жизнь, как она происходила. Читая работы Неусыхина (и Грекова), ты абсолютно не представляешь себе, когда все эти явления (правовые) были, как они соотносятся с конкретной историей. У Арика – полнокровная жизнь.

Неусыхин и его школа шли от канона: землевладение – основа феодализма. Арик во всяком случае для ряда стран (в том числе Норвегии) доказал, что основу отношений составляло подчинение личности (так, кстати, было и на Руси, где земель дополна, а вот людей не заманишь в тенета барского хозяйства, приходилось захватывать рабов). Все это

было полным переворотом в медиевистике любезного отечества и вызвало дикий вой. В изучении культуры Арик, настаивая на необходимости регионального подхода (кусочек Тойнби), выявлял общие черты в жизни группы национальных объединений. Он пытался представить самую суть миросозерцания средневекового человека, комплекс его представлений, как он отражается в правовых памятниках (сходно с Б.А. Романовым), в «чертовщине» и подобных легендах и т.п.

До Арика у нас культура рассматривалась как совокупность ряда явлений в литературе, искусстве и т.п. Арик показал необходимость подхода к культуре как к самораскрытию человеком своего духовного мира. И это было необычно. Конечно, многое навеяно опытом европейской науки. Но ведь наука не имеет границ. В его работах сделан был тот мощный рывок вперед, который мог бы вывести всю нашу медиевистику на новые рельсы. Но недреманное око заметило это.

Какой он молодец, Арик! Такая независимость духа! Такое веселое спокойствие и чувство собственного достоинства, пусть несколько сдобренное повышенным чувством собственного достоинства, в какой-то мере в целях самозащиты («великолепное презрение» Ахматовой – «и в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас»).

Такова судьба созвездия вундеркиндов. Все окончилось моральной капитуляцией большинства из них. Ради хлеба насущного, права на умственный труд все оказалось перечеркнутым. И только Арик Гуревич (и отчасти Саня Каждан) несут достойно знамя нашей науки.

Особое место среди неусыхинских птенцов занимает Олечка Чайковская – знойная красавица (бабка – грузинка), потомица П.И. Чайковского. Очень светская женщина, умница, и вместе с тем энтузиастка. Жизнь складывалась у нее трудно. Работа в энциклопедии, затем «Вопросы истории». В период «оттепели» она выступила с громовой статьей в «Вопросах» против Смирина, в которой пыталась пересмотреть вопрос о реформах и крестьянской войне в связи с проблемой «буржуазной революции». Дело была далеко не в том, кто прав, а кто не прав. Дело все в том неотъемлемом праве на мысль, котором Алена Чайковская пыталась воспользоваться. Как еретичка, она фактически была отлучена от истории. А как человек живой и талантливый (и очень светский одновременно) она нашла себе приют в журналистике. И отныне до сих пор она один из лучших авторов «Литературной газеты», специалист по темам человеческой морали, судопроизводства и криминалистики (написала один роман на криминальные сюжеты). Все ее статьи читаются с огромным интересом. Многое не издано (статья о двух памятниках Гоголя и другие. Алена борется, как может, и с казенной несправедливостью (и в статьях, и помогая обиженным), и с тупостью, злобой, подлостью, распространившимися на Святой Руси. Она молодец наперекор всем чертям! Сохранила человеческий образ и честно выполняет свой жизненный долг.

ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК НА НИКОЛЬСКОЙ

Никольская (позднее улица 25 Октября) соединяет Кремлевскую площадь с площадью Дзержинского. Если на нее посмотреть с вертолета, то она, наверно, напомнит тропу, заполненную спешащими мурашками – человечками, торопливо устремляющими свой бег от Детского мира к ГУМу. Примерно в середине Никольской возвышается причудливый фасад здания, стилизованный под XVII в. (со знаками зодиака и т.п.). На этом месте в XVII в. помещалась Типография рядом с Греко-латинской академией, а теперь Московский историко-архивный институт. Во дворе дома расположен теремок с лестницей, ведущий в две каморки – одну из них занимала кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Низкие своды, опирающиеся на декоративные столпы, маленькие окошки в решетках. Наконец, расписанный под звездное небо потолок с изображениями всяких раков и козерогов. У стен – витрины с редкостями (дар проф. Колесникова[414]): древние (XVII в.) свитки и книги из воеводских канцелярий, матрицы печатей и всякие старинности, поражающие нередких экскурсантов.

Кого только не было в тереме-теремке до недавних пор. Но вот появился медведь (точнее, тигр) Сергей Ильич Мурашев (ректор Института), и от обитателей теремка (а заодно и от всего Института) остались только воспоминания. Но об этом позднее.

В марте 1947 г., незадолго до защиты кандидатской диссертации [...] Александр Игнатьевич Андреев, тогдашний зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин (до него кафедру вел геральдист В.К. Лукомский, умерший в 1946 г.). Прийдя к заведованию кафедрой, Андреев сумел создать первоклассный центр по разработке вспомогательных дисциплин. На кафедре работал Черепнин. Он вел общий курс источниковедения, включая XIX в. Курс, частично застенографированный, не опубликованный, интересен был тем, что Лев Владимирович уделял особое внимание методике источниковедения. В отличие от учебника Тихомирова (справочника – кладбища источников), Черепнин выбирал отдельные примеры источников разного типа и на глазах у завороженных слушателей проделывал с ними чудеса, чтоб раскрыть богатство его содержания. Вернувшийся с фронта Н.В. Устюгов вскоре перешел вместе с А.А. Новосельским на кафедру Истории СССР. Там Алексей Андреевич стал читать общий курс истории СССР вместо умершего весною 1947 г. П.П. Смирнова, а Николай Владимирович – вести спецкурсы и семинары[415]. По исторической географии на кафедре

---

[414] Он когда-то работал на кафедре.

[415] Курс истории древнего мира вел В.К. Никольский (ум. в 1953 г.), а вслед за ним С.Л. Утченко. Средние века читала доцент Себенцова, новейшую историю позднее Ю. Писарев и т.п. Курс по государственным учреждениям «на часах» некоторое время вел П.А. Зайончковский.

Андреева стал читать курс В.К. Яцунский. Благообразный, с пышной копной седых волос, он в те далекие годы часто ходил в широченной толстовке, так сказать, представитель старой интеллигенции. Экономист по образованию и интересам, он в историю пришел поздно, но сумел сразу же в ней занять прочное место, пришелся по душе самому Б.Д. Грекову. В 1949 г. создана была комиссия по истории земледелия под его началом, в ней Яцунский в 1958 г. стал главою[416]. Яцунский защитил докторскую по истории исторической географии (за рубежом). Никаких книг он других так и не написал, в архивах работать не умел, но идей в его голове было много (о промышленном перевороте, о Ленине-статистике). Он решительно, но как-то пижонски в последнее десятилетие жизни (умер в 1966 г.) боролся с шустрыми конъюнктурщиками, выступая от имени «чистой науки», хотя сам был мастером закулисной дипломатии. Он часто и легко выступал на собраниях, посвященных знаменательным событиям, в том числе подписке на займы. Близок был с Новосельским и до поры до времени с Устюговым.

Яцунский был зачинателем борьбы секторян – «капиталистов» с лаптеведами. «Куда нам там, лаптем щи хлебать только можем». Словом, все было в России тускло, отстало. Отчасти поэтому, а отчасти за мою шустрость он в душе не любил меня. Он был первым, который на кафедре выступил против моей классификации источников по темам за возврат к видам (но что такое «виды» никто так сформулировать не смог). Так сказать, либеральный западник наших дней. Не добрый, а иногда изображающий из себя добренького, не старовер, но играющий роль представителя чистой науки. К людям относился с долей высокомерного презрения.

Ученицей Яцунского стала Ольга Михайловна Медушевская, ранее начинавшая у А.И. Андреева. Это тактичная, спокойная, сдержанная, но благожелательная женщина[417]. Позднее она стада на кафедре преемницей Яцунского. В прошлом году, наконец, защитила докторскую о каких-то методологических вопросах источниковедения (интересную прежде всего учетом разноязычной литературы).

На кафедре к моему приходу уже подвизалась Елена Ивановна Каменцева, одна из самых любимых учениц Н.В. Устюгова с довоенных лет (кандидатскую диссертацию писала по новгородским записным книгам). По архивному делу Елена Ивановна пустила и свою дочь. Ну, что сказать о самой Леле? Вздорная, надутая ложной значительностью, злая и ворчливая дурища. Правда, надо отдать ей должное. Она сделала много для издания учебников по вспомогательным дисциплинам (совместно с Устюговым издала метрологию в 1965, геральдику и сфра-

---

[416] Секретарем при Грекове была погибшая в 1949 г. его ученица И.Л. Перельман, затем Н.И. Павленко, перешедший в наш сектор в 1952 г. (при его учителе Новосельском). Возглавлял комиссию после Грекова К.В. Сивков.

[417] Одно из «скрещений судеб»: ее мужем был Юрка Цейтлин, брат Людмилы, работавший в ФБОН.

гистику в 1963, и саму хронологию в 1967 г.). В 1966 г. она защитила докторскую диссертацию о палате мер и весов XVIII–XIX вв. с основным выводом, что за этот период никаких изменений в метрологии не произошло. Шипящая, льстящаяся к начальству, Каменцева меня всегда не могла терпеть.

Незадолго до меня на кафедру пришла Александра Тимофеевна Николаева, защитившая кандидатскую на тему о таможенных грамотах («всероссийский» рынок тогда был модным сюжетом). Жизнь у немудрящей Тимофеевны сложилась трудно. Муж тяжело болел психически (Якобсон). Сын, учившийся в Архивном, получил из-за компании, в какую он попал (а может быть и из-за наследственности) длительный срок, несчастный, но сохранивший душевную доброту (при всей мнительности и резкости). Александра Тимофеевна с удивительной нежностью всегда относилась ко мне. С незапамятных времен она читала у нас в Институте курс палеографии, а после смерти А.Ц. Мерзона – и феодальное источниковедение. Была среди тех, кто в ходе пресловутой дискуссии 1964 г. до конца поддерживала меня, но что она могла сделать? В 1968 г. она защитила докторскую диссертацию по русской историографии источниковедения XVIII в. (Н.И. Павленко и я были ее оппонентами). Александра Тимофеевна много лет была заведующей кафедрой, давая возможность всем работать, как им подсказывала совесть.

Долгие годы до самой скоропостижной смерти на кафедре преподавал Александр Цезаревич Мерзон (1915–1959). Александр Цезаревич принадлежал к довоенному поколению учеников С.В. Бахрушина. Фронтовик, он, провоевав 1941–1944 гг., лишился ноги.

Много лет был редактором в Госполитиздате, где выпускал литературу по военной и отечественной истории. Незадолго до смерти принят в сектор по написанию Всемирной истории Института (по редакторской части). Его кандидатская по таможенным книгам Устюга XVII в. вышла уже посмертно (1960 г.). В 1956 и 1957 г. выпустил два небольших, но добросовестно написанных лекции-пособия о таможенных и писцовых книгах. Александр Цезаревич читал в Институте курс феодального источниковедения. Одно время мы хотели издать его лекции, отредактировали их, снабдив научным аппаратом, но издать не удалось. Эти лекции (в общем-то банальные – А.Ц. всегда говорил и писал то, что проверено жизнью) интересны были своей методической частью и изложены в доступной форме. Они (и в этом их также достоинство) не были перегружены фактическим материалом, содержали историографические очерки, но – увы – преизобильны были плоскими социологическими формулами!

Работал А.Ц. у нас на кафедре через силу («на часах»), относился к своему труду предельно добросовестно. Мягкий человек (небольшого росточка, с большущей лысиной, круглым то улыбчивым, то серьезным лицом) вошел органически в состав кафедры, которую он полюбил, стремясь вырваться с редакторской работы. Лекции читал медленно, давая возможность студентам их записать, к ребятам был расположен.

Тихая, скромная, не броская Ирина Александровна Миронова была на кафедре ученицей Л.В. Черепнина, хотя писала кандидатскую по XVIII–XIX в. («Записки Якушкина как исторический источник»). У нее, обладающей к тому же под внешней мягкостью упорным характером, несомненно способности неразвившегося – увы – из-за обстоятельств времени и места историка. Уже в одной из тем минимума (о Пересветове) она показала умение работать в архиве над сложными источниками, отыскивать интересные тексты и делать самостоятельные выводы. Миронова стала на кафедре читать курс источниковедения XIX в. Вечно загруженная учебной работой, затем профсоюзно-партийной, она вынуждена была сочетать все это с семьею (она замужем за историком А.И. Юхтом, ведающим «Историческими записками» после ухода Авреха и Пирумовой), она же мать, кажется, двоих парней. Человек предельной добросовестности, она принадлежит к числу тех, на которых везут все текущую работу. Вечно не успевает, опаздывает, но несет свой крест с достоинством и безропотно.

Вскоре после меня А.И. Андреев пригласил в Архивный бывшего аспиранта Института Истории Моисея Наумовича Черноморского. Ему суждено был практически стать зачинателем источниковедения советского общества в нашем институте (пожалуй, и не только в нашем – его программа стала общеуниверситетской). Мося – ученик П.И. Лященко, по своей страсти – экономист (с уклоном в статистику), что у него сочеталось со стремлением к познанию истории. Кончал ЛГУ, фронтовик, потерял в боях ногу. Мы с ним были приятелями по аспирантуре («Саша–Мося»). Докторскую защитил поздно по статистике 20-х гг. XX в. Человек увлеченный, даже излишне, речь идет о цифрах. Говорит не очень правильно, сумбурно. Строго ведет, как солдат партии, генеральную линию, всегда с подъемом утверждает ее на всех крутых поворотах. В жизни – человек добрый (жена его Саррочка Асташкевич работала в музее истории Москвы, характер у нее суматошный да еще напористый, так что даже такому добряку, как Мося, приходилось с ней туговато). Самозабвенно относился Мося к своим дипломникам и спецсеминарникам.Студентам на лекциях его было скучновато. Именно этим и объясняются следующие стихи:

Днем и ночью. Ночи и дни.
Мучат меня приводные ремни.
Может сегодня, а может на днях
Возьмусь и повешусь на этих ремнях[418].

Свой курс Мося создал буквально на пустом месте. Он не ахти, но сводку материала содержит. Мося всегда совершенствует курс в духе и в свете последних решений. Но свет светом, а работа шла своим чередом.

[418] Дело в том, что курс Черноморский строил исходя из сталинского определения о профсоюзах, комсомоле и др., как о «приводных ремнях». Отсюда у Моси – источники по истории комсомола, профсоюзов и пр.

Вот и весь в основном костяк кафедры[419]. В женской части он сохранился и до сегодняшнего дня. Но кафедра находилась не в безвоздушном пространстве, а в Институте, переживая также все повороты, которые совершала историческая наука в целом.

Когда я пришел в Институт, его директором был еще Д.С. Бабурин, создатель основного коллектива преподавателей. Позднее при встрече (а он в последние десятилетия работал на кафедре истории СССР в МГПИ и несколько последних лет был ее заведующим) со мною Дмитрий Сергеевич гордился тем, что привлек в институт крупных ученых. Так, до войны там лекции изредка читал С.Б. Веселовский[420], курсы источниковедения – М.Н. Тихомиров и С.А. Никитин и т.п.

Надо сказать, что и в МГПИ Бабурин привлек Л.М. Зак, Н.И. Павленко, В.Б. Кобрина, на некоторое время К.Н. Тарновского, меня и на один год С.И. Якубовскую. Последние трое преподавали на курсах усовершенствования преподавателей педвузов при МГПИ (частично и Павленко).

Приняв меня на работу, А.И. Андреев поручил мне вести занятия (курс некоторое время, до своего ухода в 1949 г., он читал сам, как и некоторое время курс по общему источниковедению). Под редакцией Андреева начали выходить учебные пособия (Черепнина) и возобновились «Труды» (в частности, вышел кафедральный том).

Гром грянул среди ясного неба с началом борьбы против космополитов. Начались проработки. На всех заседаниях прорабатывали Андреева за то, что он нераскаявшийся ученик Лаппо-Данилевского. К тому же – о, ужас – он издал в «Трудах» отрывок из мемуаров внука С.М. Соловьева, ставшего священником. Обстановка накалилась до предела, и Александр Игнатьевич вынужден был покинуть насиженное гнездо (он и жил-то в помещении Института) и в 1949 г. уехать в Ленинград. Ушел на преподавательскую работу Черепнин, но его кусали не столь явно.

Главными инициаторами избиения были Владимир Васильевич Максаков («Максюков»)[421], глава архивной учености в институте. Когда-то он был членом РСДРП неясной фракции, затем верным соратником Покровского по Центрархиву и блюститель нравственности. Он любил закатывать длинные речи, бил себя в грудь, негодовал, боролся и делал все, что положено было делать еще в дни его юности. С видимым сочувствием кивал в такт его слов лысой головой и седой бородой лопа-

---

[419] В 1950 г. на кафедру поступил Шмидт, ушедший вскоре на кафедру истории СССР, оставив за собой кружок студентов по источниковедению. О нем я уже писал. Некоторое время в конце 40-х – начале 50-х вел дипломатику на кафедре (практические занятия) Саша Мальцев. С 1954 г. он уже преподавал в Университете. Несколько лет обучала студентов С.И. Якубовская.

[420] Я только присутствовал на докладе Веселовского на кафедре о завещании Грозного, видел загадочную улыбку Андреева, но в чем был ее смысл, так и не понял.

[421] Дочка В.В. Лидочка (кончала МГУ) создавала историю агитпоезда М.И. Калинина в стенах Института истории. Вечно юная, бурная, она во все времена находилась в авангарде всего передового и прогрессивного. Одно время была приятельницей моего Коли Казакова. Дочь Лидочки училась вместе с моей Наташей.

той историк архивного дела, патриарх архивоведения, облеченный в генеральскую мидовскую форму Илья Лукич Маяковский («Лукич»), третьим обличителем был мумеобразный Анатолий Васильевич Чернов. Этот Беликов в пенсне служил проректором. Говорил мало, отдельные слоги его напоминали скорее мычание. Как он мог что-то читать, я просто удивляюсь. А на его плечах находился курс феодальных «госов» (государственных учреждений). Написал он две пудовые диссертации (по Поместному и Разрядному приказам XVII в., где они сейчас пылятся, не знаю. Выпустил из печати лишь маленькую книжонку о вооруженных силах России XV–XVII вв., составленную из полных текстов его разделов в «Очерки истории СССР».

Четвертым в хоре был Константин Сергеевич Митяев, создатель новой дисциплины – делопроизводство. Будь он неладен, теперь на нее целый факультет соорудили. Начинал Константин Григорьевич с таможенных книг XVII в., но что-то не сработало, и он забросил это свое увлечение. О делопроизводстве он пел, как выдающийся тенор, где можно и кому нужно. Вообще это был человек, закатывавший глаза от восторга своею собственной работой. К тому же и поклонник Вертинского. Таков был этот медоточивый любитель изящных искусств и канцелярских формул.

Итак, дело было сделано. Андреев, Черепнин, а заодно и Бабурин покинули стены Архивного института. Наступило для него трудное время. Недолго продержался в нем ректором какой-то математик, а около 1950–51 гг. матушкой-ректриссой стала мордатая Анна Сергеевна Рослова. Я с этой выдвиженкой встретился еще в МГУ, когда она вместе со Стишовым (будучи, очевидно, аспиранткой) ревизовала деятельность всех этих Бахрушиных и ему подобных. В Архивный она попала из аппарата отдела науки (откуда ее, очевидно, «спихнули»). Рослова в разные времена была разной. В последние розовые годы она (будучи одновременно и заведующей кафедрой истории СССР) благоволила (свысока, конечно) Николаю Владимировичу и другим ученым (Корнильевичу). Вела она архивный корабль с приличествующей ее положению твердостью и даже суровостью

Несмотря на «зигзаги истории», Архивный в 40–60-х гг., безусловно, давал для историков, специализирующихся по истории СССР и специальным дисциплинам, гораздо более солидную подготовку. Я уже не говорю о том, что состав кафедры был сильнее феодалов МГУ. Дело в том, что в Архивном открывалась возможность знакомства с рукописным материалом буквально с первого курса, а источниковедение и другие дисциплины занимали более значительное место в общей системе подготовки студента. А в МГУ специализация начиналась на IV курсе. Это было уже поздно. К тому же тесная связь преподавателей Архивного с Институтом истории создавало перспективы для продолжения работы после окончания Архивного (именно оттуда вышли Павленко, Троицкий, Тихонов, Курносов, Томашевский, все мои ученики, Булыгин, Буганов и др.).

Произошли перемены и у нас на кафедре после ухода Андреева. В Вольтеры нам был дан некий майор Василий Иванович Самойлов, известный склонностью выпить, но не своими трудами (через несколько лет он ушел и вскоре умер), мне он подарил только свою лекцию о Павле I размером страниц 20. Началась перестройка в свете трудов по языкознанию, экономических проблем, необходимостью решительной борьбы с космополитизмом и объективизмом.

Ох, и досталось тогда старику Лаппо-Данилевскому (он наверно уж извертелся совсем в гробу). Именно в те годы я и предложил в целях борьбы с формализмом классификацию источников по темам, а не по видам. Ее, кстати, охотно принял Черепнин (см. т. 2 «Архивов»). Конечно, все можно. Сейчас я думаю, что было бы желание, классификация найдется (как показал опыт Л.Н. Пушкарева, даже докторскую на этом можно защитить, хотя практическое значение любой из них приближается к нулю. Перестроили и палеографию в духе рецензии Н.В. Устюгова (в хронологическом и тематическом плане). Курс лекций по дипломатике одно время читал я, но вскоре его ликвидировали, сведя к вводным беседам по дипломатике перед практическими занятиями.

Лекции мои тех лет сохранились, но курс до конца доведен не был. «Изобретением» тех лет была практическая дипломатика XVI в., которое подхватил и Лев и старый дипломатический волк в Киеве Введенский.

Шли годы. Основные кадры постепенно старели, а фактически смены им не было. Заведующей кафедрой стала А.Т. Николаева. Для кафедрян это было благом. Но вот беда – с ней абсолютно не считалась Рослова. Вслед за Тимофеевной кафедру получил Евгений Алексеевич Луцкий. Маленький, щупленький, близорукий, носатый блондинчик, он, казалось, обладает эликсиром вечной молодости. Увы, сейчас я вижу, что [это] не так. Сын известного сподвижника Лазо, Евгений Алексеевич является моим учителем: на третьем курсе МГУ он читал нал лекции по истории СССР советского периода. Лекции хороши были уже тем, что содержали большой фактический материал. Остального ожидать в те годы было трудно. Да к тому же Евгений Алексеевич женился на нашей студентке-активистке Марии Ивановне Гришиной (сейчас она преподает в МГПИ). Если некоторое время тому назад (во всяком случае, лет десять или скорее пятнадцать) Евгений Алексеевич был человеком твердых убеждений (за что ему всегда по всем линиям попадало), то теперь это безвольная развалина, готовая на все, чтобы продержаться еще год-два на кафедре. Его специальность – история крестьянства в первые годы после Октября. Несколько раз его работы заваливали, и только недавно этот «вечный доцент» получил, наконец, докторскую степень за работу «Ленинский декрет о земле». Евгений Алексеевич тонкий источниковед. Его этюды о Ленинских работах, документах 1917 г. всегда поражают глубиной проникновения в источник. Мне всегда он казался очень человечным. Но сейчас он окончательно раздавлен годами, окружением. Дни его пребывания на кафедре сочтены.

Падение Рословой, возмездие за содеянное ею, привело к неожиданным результатам. В 1961 г. кафедра истории СССР выпустила учебник по историографии под редакцией В.Б. Иллерицкого и М.А. Кудрявцева. Иллерицкий возрос в темные годы на критике Рубинштейна. Сам он невежда, пытавшийся сыграть на интересе к революционным демократам. Его кандидатская о Белинском как историке и докторская о революционных демократах (Чернышевский и др.) как бы противостояли космополиту Рубинштейну, который всю историческую мысль сводил к заимствованиям и профессионалам из дворянско-буржуазной среды. Убожество и скудоумие Иллерицкого видны невооруженным глазом. Иного типа человеком был его соредактор Иван Архипович Кудрявцев. Старый икапист[422], он долгое время служил в редакции «Вопросов истории». Кандидатскую защищал на тему «Карамзин в исторической литературе». Мужик простоватый, мне кажется, искренний, верный сын. Оба они ко мне относились в общем-то неплохо. Так вот они поручили Рословой написать ответственнейшую главу в учебник о взглядах Маркса и Энгельса. 4 апреля 1962 г. в газете «Литература и жизнь» появляется статья за подписью доцента Л. Якобсона (мужа Николаевой) и учителей И. Дроздова и Е. Ястребовой под заглавием «Шесть ученых и один плагиатор», в которой показано, как целыми абзацами списывала Рослова у Конюшей, Котова, а в главе о Покровском – А.М. Панкратовой. Скандал. Доброжелатели стараются его замять (среди них Устюгов, Яцунский и вертлявый Никифоров). Создается комиссия, утверждающая, что никакого плагиата нет, организуется письмо академиков (Дружинина и Тихомирова). Словом, шито-крыто. Но в дело впутываюсь я (см. раздел об учениках). Пишу письмо в газету, где показываю на других примерах «методику» работы Рословой. Газета решает ни те, ни другие дополнительные материалы не печатать[423].

Все на время затихает. Но скандал настолько явный, что Рослову потихоньку с ректоров убирают, оставляя на подставки. К власти пришёл хитроумный Никифоров (он незадолго до этого перешел в Архивный из ИМО, где разругался со всеми).

Историки торжествовали. Наконец-то ректор – настоящий ученый. Действительно, Никифоров – ученый, профессор, доктор (по Петру), лауреат гос. премии. Он в проректоры взял В.И. Кострикина (милейшего), отстранив буйвола Селезнева. Но уж очень он благоволил историкам и третировал архивистов. А между историками и архивистами в институте была исконная вражда: архивисты считали, что для работы в архивах нужен минимум истории, а историки вообще не считали архивные дисциплины наукой, а так, чем-то прикладным. Обстановка накалялась.

И вот судьба горько надсмеялась над победителями. В 1967 г. далеко не добровольно Никифоров ушел из ректоров (и из Архивного в Институт истории) и началось царствование Сергея Ильича Мурашова, от

---

[422] *Икапист – историк коммунистической партии.*

[423] Эта идиотка списывала даже из диплома моего болвана Вовки (та же ошибка в названии работы Маркса о Фогте).

которого избавились с облегчением в аппарате Министерства Просвещения. Сергей Ильич оказался человеком серьезным. За редактирование одного из учебников по истории КПСС он стал профессором, а потом по совокупности и доктором. В Архивный его прислали искоренять крамолу. «Либерал» Никифоров допустил, чтоб где-то на вечернем учился не то Гинзбург, не то Галансков (из этих: крикунов), на курсе с Натальей подвязалась дочь Якира. Из института вышел и сам Якир-сын. Были и еще какие-то нездоровые явления. Словом, все это нужно было пресечь – и вот явился Мурашов, человек железной воли. С собой он привел себе одного из замов – Ширикова (из ИМЭЛ).

Но Мурашов ничего не мог бы сделать, если б с ним не связывали надежды на реванш архивисты. Он понял это, и альянс был заключен. Селезнев стал снова проректором. Чтоб приблизить институт к задачам времени, создан был целый факультет делопроизводства (с математикой, научной организацией труда и пр.).

Началась борьба историков и кафедры марксизма с ректором. Ее «знаменем» был дубина Иллерицкий. Кончилась она естественно тем, что Кудрявцев, проф. Н.Н. Яковлев (специалист по 1905 г.) были под тем или иным предлогом отстранены от работы. Л.М. Зак, Е.В. Чистякова сами сбежали. Ушел Пережогин с КПСС в ИМО, изгнан допустивший зигзаги Вербин, ушел политэконом Мельцер, ушла с архивной кафедры во ВНИИДАД проф. Рудельсон, и только Шмидт, несмотря на лютую ненависть к нему Селезнева, ускользая мимо пальцев, уцелел. Об Иллерицком я не говорю: он получил уже пару инфарктов и сейчас перешел на должность консультанта. Разгром был полным. Письма в вышестоящие не помогли – крамола была искоренена[424]. А если Сергей Ильич немного и переусердствовал, то для пользы дела. Были и накладки. Кто-то наладил фотографию нагих муз из числа студенток. Так ведь выяснили и строго предупредили, что не идеологический вывих, а человеческая слабость. С которой, конечно, надо решительно бороться.

Во всей этой свалке я не принимал никакого участия. В общем-то и в целом наша кафедра была от нее далеко (потому и уцелела), хотя партии разделились. (А.Т.Н. поддерживала Селезнева, а ненавистные ей Шмидт и Каменцева и прочие – «протестантов-крикунов»). Так или иначе, но кафедра всегда была и сейчас еще пока остается лучшим, что есть в Институте. В ней еще жив андреевский дух, память об учителях (Черепнине, Яцунском, Устюгове). Ее основные члены знают, что такое наука. Пусть во многом они не могут быть зачинателями нового, но они сохранили традиции истинной науки.

Беда их, как и вообще преподавателей ВУЗов, – в тяжелейшей нагрузке, которая падает на их плечи. И не только учебная, а еще и воспитательная (плюс, конечно, общественная работа). Ну, как тут в таких условиях думать еще о науке? А ведь в большинстве это и женщины.

---

[424] Ушла блестящий знаток иностранных архивов Бржестовская. Сошел с ума Нелидов. Умер Куликов. Ушли в царство теней все отцы архивоведения и старики-историки.

И вот изо дня в день изнурительный, порой однообразный труд. То, что у них оказалось так мало учеников, объясняется именно тем, что им было безумно трудно в жизни и они не могли дать ребятам то, в чем они нуждались. Да и древность была не в почете. А к тому же всякие совместители отнимали у них кадры. Беда.

Моя работа в Институте обычно ограничивалась семинарами на первом курсе (палеография), иногда на втором (источниковедение), изредка я читал спецкурсы (по публицистике XVI в., по методике источниковедения, по Слову). Основной все же была работа в спецсеминарах и с дипломниками. Не всегда это удавалось (раскладка часов и т.п.). Название семинаров бывали липовые («Методика источниковедения», «Историография источниковедения»), но они давали мне возможность разнообразить тематику, учитывать и студенческие, и свои интересы. В годы работы на кафедре издал несколько брошюр-лекций (о методике актовой археографии, о публицистике XVI в., о судебниках), некоторые (Каменцевой и Николаевой) выходили под моей редакцией. Участвовал в создании программы источниковедения в мерзоновском варианте (XV–XVI вв.).

Иногда у меня были небольшие схватки с архивистами (с дурой Каменцевой и шустрым Чернышом) как по вопросам передачи древних текстов (против максимального упрощения) и по историографии археографии (против стремления «заклеймить» правила издания ГКЭ, т.е. Лаппо). А вообще-то меня удивлял этот разрыв «ученых-археографов» с кафедры с археографической практикой. Они изучали обычно правила издания, а не их реализацию. А ведь гораздо важнее посмотреть, как правила осуществлены (т.е. есть ли ошибки и т.п.).

Итак, пришел час расставаться с кафедрой. Только за год до этого (в 1972 г.) начальство удосужилось присвоить мне профессорское звание (хотя доктором я был с 1959 г.). Отговорок и причин было много. (С 1964 г. мешало и Слово). Последние годы я уже работал не на полставки, а на «часах», что фактически не давало никакой материальной компенсации, но давало возможность сохранять радость общения со студентами. Но и это кончилось. Часов не оказалось, на полставки мне нельзя было, так как я (в отличие от Шмидта) никакого общего курса не читал. Примерно в 1973 г. с Архивным я распрощался. Воспользовавшись выходом моих «Холопов», члены кафедры (по инициативе А.Т.Н.) написали мне трогательное письмо (перед составлением которого Луцкий очень волновался – можно или нет такое делать).

Но факел остается гореть. Дело не в Тоне Чикуновой, которой я руковожу после ухода Чистяковой при написании ею диссертации. Тоня сейчас ведет там практические занятия, ранее была лаборанткой (жена Комисаренко, руководителя моей Натальи, ученика Устюгова). Дело в том, что уже четыре года преподает палеографию и труднейший древнерусский язык моя ученица Женя Маматова. Связь поколений сохранена[425].

[425] Кроме нее, на кафедре ученик Луцкого Синцов. Он – шустрый: за неделю после критики Мурашова и др. переделал свою диссертацию по историографии советского крестьянства так, что вместо похвалы В.П. Данилову там он подвергался

Но всем остальным преподавателям кафедры смены нет. А ведь самой младшей из них (Мироновой) уже под пятьдесят. Кафедра становится уже прошлым Института. А жаль.

Кроме МГИАИ, я один год преподавал в Университете. Это было в 1951/52 учебном году. Пригласил меня туда П.А. Зайончковский. Вел я там практические занятия па первом курсе. Но для Епифановых, Белявских я оказался ненужным. Затем недавно года четыре вел занятия на курсах МГПИ, читая лекции (штук 7–8) по советской (главным образов новейшей) историографии отечественного феодализма до XVIII в. (далее несколько лекций читал Павленко). Народу было немного, человек 8–10. Поэтому я мог держаться совершенно свободно, беседуя, размышляя о проблемах и направлениях, о школах и дискуссиях. Народ все это был уже в возрасте (доценты, преподаватели педвузов), внимательно все записывали (ведь где им при их нагрузке все перечитать, а в курсе науки им быть хочется). Приехали они, главным образом, чтобы оторваться от повседневности, а частично некоторые, чтоб поработать в архивах. Посещали далеко не все лекции (не все предметы). Но у некоторых лекторов они охотно бывали. Вот и все мои педагогические опыты. Лекции в МГПИ я очень любил, но болезнь моя заставила их прекратить.

РЕБЯТА СТАНОВЯТСЯ ВЗРОСЛЫМИ[426]

Как уже неоднократно говорил[427], встречи с людьми для меня были всегда дороже[428] знакомства с книжным словом. Ученики были для меня дороги, как добрые и увлеченные жизнью люди, к тому же стано-

---

уже разносу. Как будто Синцов слишком балуется водкой. Сверху (из ректората) был спущен на кафедру только что защитившийся Дурновцев. Кто и что он, покажет время.

[426] *Глава опубликована: Александр Александрович Зимин / Сост. Л.Н Простоволосова, В.Г. Зимина. М., РГГУ. 2005. По сообщению Л.Н. Простоволосовой, она полностью соответствует третьей редакции, хранящейся или хранившейся в личном архиве А.А. Зимина. Текст публикации 2005 г. вычитан В.Г. Зиминой, которая сняла все редакционные поправки. Поэтому считаем его аутентичным текстом и по нему подводим варианты.*

[427] *Это придаточное предложение, уместное лишь в общем контексте книги, снято в публикации 2005 г.*

[428] *Ред 3, далее*: преданий старины глубокой. Живое слово воздействует непосредственнее, чем книжное. Путь от сердца к сердцу естественнее, чем от разума к разуму. Это во многом определяло и состав моих учеников, которые прежде всего были моими друзьями, а потом уже «историками» или «архивистами». Как правило, это все добрые.

вящиеся продолжателями нашего общего дела[429], тружениками на ниве исторической науки.

Что такое «школа»? Понятие это многозначно[430]. В лучшем случае[431] это содружество[432] людей, связанных едиными нравственными ценностями. В быту же часто бывает и иначе. Всякий, учившийся у кого-либо чему-либо, вправе говорить, что он является «учеником» такого-то. Иногда школа – единство людей, развивающих методику или тематику своего шефа. Это в общем-то не обязательно, а иногда и[433] губительно, ибо[434] каждый исследователь – неповторимое явление. Он может[435] лишь рассказать о себе, а воля слушателя – усвоить или отбросить то[436], что он узнает.

Путь от сердца к сердцу для меня всегда был дороже пути от слова (мысли) к разуму, одно и не исключало другое[437].

Преподавать я начал в МГИАИ с 1947 г., когда туда меня пригласил А.И. Андреев (зав. кафедрой вспом. истор. дисциплин и одновременно ведущий историк сектора феодализма). Я должен был вести[438] занятия по дипломатике (излюбленной Александром Игнатьевичем) и палеографии. Слава Богу, что меня избавили от каких-либо «курсов». Прежде всего у меня не было никаких лекторских данных, а потом, мне кажется, что вещать с кафедры прописные истины не столь уж заманчивая миссия. Курсы тогда читали Черепнин (источниковедение), Новосельский, а ранее П. Смирнов (история СССР). Семинары давали мне возможность вести беседы со студентами так, как мне хотелось. Разговор шел обоюдный, и не превращался в декларации. В Архивном я трудился более 25 лет, а потом меня «выперли» («совместитель» и пр., формально, так как я не читал лекции: по Положению не мог совместительствовать на полставки, а на «часах» держать-де не могли (не было фонда).

Говоря об учениках, я остановлюсь только на тех, кто у меня писал дипломы и диссертации. Правда, некоторые, работавшие у меня в спецсеминарах, тоже в общем-то оставались моими учениками, хотя

---

[429] *Ред. 3*: *замена*: ребята, труженики.

[430] *Ред. 3*: *замена*: Школа – понятие многозначное.

[431] *Ред. 3*: *замена*: смысле.

[432] *Ред. 3*: сотрудничество.

[433] *Ред. 3*: *далее вставка*: просто.

[434] *Ред. 3*: *искл.*: ибо.

[435] *Ред. 3*: *замена*: лишь передать свое, личностное отношение к миру, а уж воля слушателей что-то в этом усвоить..

[436] *Ред. 3*: *замена*: исходя из своих собственных представлений. В подавляющем большинстве мои ученики принадлежали к содружеству единомышленников. Но бывали люди и иного типа..

[437] *Ред. 3*: *искл.*: Преподавать.

[438] *Ред. 3*: *замена текста*: Преподавать… вести *на* Начав преподавание в МГИАИ в марте 1947 г., я первоначально вел практические.

формально (часы!) я вынужден передавать руководство их дипломами другим товарищам по кафедре[439].

Всего придется рассказать о нескольких десятках человек и 80-ти с лишком дипломников и диссертантов.

Впрочем, ученики ли они были? Нет, я всегда подходил (следуя заветам С.В. Бахрушина) к своим студентам, как сотоварищ по работе, что-то говорил им, что знал, чему-то сам учился у них. Но прежде всего я внушал им с первого курса (а особенно со второго), что они не школяры-учащиеся, а уж сразу же должны почувствовать вкус меда и быть становящимися учеными. Пусть их темы первых сочинений еще не столь большие, но выполнены они должны быть по всем правилам науки, ничем по самому существу не отличаться от любой работы академика или профессора, разве что быть свежее по подходам к теме и методике. Поэтому сразу же я требовал овладеть гаммами исторического творчества (оформление работы, сноски – этому я уделял очень большое внимание и был немилосерден ко всяким неряшествам в этой части). Итак. У меня ребята писали не эгзерсизы, а научные работы, то лучше, то хуже, но всерьез, а не игрались в науку.

Правда, уровень науки нашей (феодализм) к тому времени настолько возрос, что сразу, вот так с налета написать серьезный труд было нельзя (не только студенту, но и любому ученому). Поэтому работу в семинарах (даже иногда на первом курсе) я строил так, чтоб ее финалом могла быть дипломная работа (в случае, если студент захочет продолжать научный труд), а может быть, даже диссертации и уж во всяком случае работа, которую в той или иной части в принципе можно будет издать.

Никто не знает, как сложится конкретная судьба того или иного студента. Но в общем-то в среднем было ясно, что в дальнейшем его ждет тяжелый труд, и если ему не помочь в студенческие годы, он закиснет, зарастет мохом или покроется паутиной. Поэтому я стремился строить работу так, чтоб к окончанию Архивного у студента была основательная «диссертация» или во всяком случае-то архивный материал для нее был бы собран (как его собирать при 8-ми часовом рабочем дне...). Иногда это удавалось, и тогда у студентов после окончания института стимул к продолжению занятий наукой сохранялся.

Сейчас я вижу, сколько я ошибок допустил в определении тематики студенческих спецсеминарских и дипломных работ. Увы, пусть другие относятся более ответственно к этому. В конце своей преподавательской деятельности я больше стал прислушиваться к желаниям самих студентов и более учитывать индивидуальные возможности каждого.

Мечтал я в свое время осуществить пятилетний цикл обучения студентов какой-либо отдельной группы. I курс – палеография и мо-

---

[439] Не буду писать о первых учениках по семинарам, таких как С.М. Троицкий, Ю.А. Тихонов, Б.В. Левшин, [Л.Г. – *ред. 3*] Сырченко, [В.А. – *ред. 3*] Цикулин. У них была особая судьба, не связанная со мною. А.Л.Х. и В.Б.К. в разговорах тоже считают себя причастными к школе их друга, который не может считать их своими учениками, но рад, что они всегда были его друзьями.

жет быть семинар по истории СССР, II курс – семинар по дипломатике (позднее по источниковедению), III–IV курсы – спецсеминар и спецкурс, V курс – дипломная работа. Хотя это мне в полной мере не удалось сделать, но какие-то куски этого плана осуществлялись. Но главное было, как я уже говорил неоднократно, – помочь каждому стать самим собою, а не навязывать что-нибудь извне. Так, это в полной мере удалось для целого ряда учеников. С.М. Каштанов прежде всего стал самим собою, даже я бы сказал, что он во многом ближе Черепнину (в методике), чем ко мне. Моя цель была охранить его от ударов судьбы, [помочь] выйти на широкую дорогу науки. Видя его беспомощность в житейских делах, я стремился сделать все, чтобы они его не коснулись, а вместе с тем, чтобы он получил возможность занять свое место под солнцем. Поэтому уже в студенческие годы я привлек его к «Очеркам истории СССР» (небольшие разделы о финансах), заставил его заняться одной троицкой книгой, а работу помог ему издать и т.п.

Если говорить о методе, мне удалось привить ему бережное и вместе с тем шахматовское отношение к источнику. А позднее мы параллельно пришли к выводу о недостаточности этого метода (он в своей «Дипломатике» «казуально-хронологический метод» дополнил формулярным анализом).

Нужно знать возможности каждого студента и требовать полного осуществления этих возможностей, а «на себя» примеривать никого нельзя. Каждый прекрасен по-своему. Я вот абсолютно лишен образного мышления, не способен к языкам, не хватает мне данных и для философского осмысления истории, не умею писать так, чтобы читателям – всем, а не историкам, было интересно. Увы! И нечего пыжиться. Нужно хорошо делать то, что можешь. Биться головой о стенку смешно, а может быть даже печально.

В современной высшей школе, как я уже говорил, главное не лекции, а семинары. Лекции в настоящем их виде являются изложением прописных истин, повторением «учебника» (тоже смешной вид книги для студента). Спецкурс – совсем другое дело. Там лектор вводит слушателя в лабораторию творчества, показывает, как можно доказать ту или иную мысль, раскрывает веер суждений различных историков и т.п. Словом, лекция имеет значение прежде всего для того, чтобы слушатель не столько «изучил» их проблематику, сколько, чтобы он ознакомился с методикой научного мышления, поиска истины, причем одного человека – лектора и отчасти его предшественников и оппонентов по теме.

Совсем другое дело семинар, где преподаватель и студент, а точнее студент с незаметной для него помощью преподавателя решает ту или иную проблему по существу, применяя знакомую (а иногда и новую) методику исследования. Совместный труд, радость познания должна быть у обоих творцов – ученика и учителя. Так, мне когда-то очень хотелось превратить занятия по палеографии на первом курсе в лабораторию творчества студента. Поэтому я иногда прямо с первого занятия давал

им какие-нибудь сложные тексты XVI–XVII вв., настойчиво прививая им мысль, что палеография – это не завитушки и крючочки, а скорее кроссворд, требующий прежде всего размышлений, а не справочных пособий. Путь от Остромирова евангелия к Ипатьевской летописи и Угличскому делу (все гладенько, по векам) я считал абсолютно неверным. Нужно и в палеографии учить ребят размышлять, а не вдалбливать сведения о типах букв по векам.

Очень любил я, пользуясь кредитом у С.В. Житомирской, переносить на весь второй семестр работу в Отдел рукописей. Здесь уже у каждого был свой текст, и «списать» ни у кого было нельзя. Каждый становился ученым. Он должен был не только «транскрибировать» текст, а и осмыслить его, написать краткое резюме содержания, объяснить непонятные слова, составить заголовок и т.п. (один – древний, один XIX в., документы за полгода). Думаю, что радость знакомства с настоящими документами (а не фотокопиями) несравненна. Она давала заряд для будущего. Аромат эпохи доходил до каждого. Задумывался я и о том, чтоб использовать студентов и для дела (приятное с полезным). Например, один год они копировали троицкие писцовые книги, некоторые были сопричастны к Ключевскому. Но в общем делал я это бессистемно, а зря.

Когда-то я мечтал с первого по пятый курс работать над одной темой (русско-византийские отношения). Сорвалось. А у некоторых моих ребят это получилось. Мингалев привел ко мне Рыкова и Добрушкина. Даже больше. Из рыковского Курбского и добрушкинского Татищева выросли в конечном счете кандидатские диссертации, и даже перспективы для дальнейшей работы. Но как надо было целесообразно работать им уже на первом курсе? Главное – неповторимость проделанной работы и ее поэтапность. Два раза одно дело делать нельзя. Так, Рыков на первом курсе описывал рукописи Курбского (это близко было к занятиям палеографией на этом курсе). Добрушкин по печатному тексту легко мог сравнить две редакции Татищева. Словом, каждый год они возводили последовательно этаж за этажом своих небоскребов. Конечно, известная целостность проделанной за каждый год работы имела и побочные прелести. Она давала возможность «выхода» – докладов в кружке у Шмидта, статей и т.п.

Рыков и Добрушкин – явления исключительные. Но Каштан, например, в архив (ГБЛ, ставший для него вторым отчим домом, как и для меня) пошел уже на втором курсе. На третьем курсе ко мне подошла Рита Бычкова и попросила дать тему по XVI в. Теперь оба они уже много лет продолжают заниматься своими темами студенческих лет (Каштан и после докторской, а Рита генеалогией и после выхода книги и кандидатской). Но зазнайства я не терпел. Так, когда Каштан сделал доклад в семинаре на втором курсе по архивным материалам, я на глазах у ребят, разинувших рты от изумления, разнес его в пух и прах, доведя чуть ли не до слез. Я знал, что он любит науку и человек сильный духом. Поэтому нужно было сразу же снять все возможные напластования

в работе («честолюбие», самоуверенность и т.п.). Цель была достигнута. Никаких супер-гениев. Каждый в своем роде. Все это придавало новые силы и его дипломная должна была стать кандидатской (моя неисполнившаяся мечта юности), но бюрократизм помешал этому, хотя работа была блистательна и приглашенный в оппоненты Л.В. Черепнин, как и кафедра, рекомендовали ее к защите, как диссертацию.

Но что же объединяет всех моих учеников (если не брать печальных исключений. Начнем с [...][440] очень большой. Но это ничего не значит. Туда идут (шутливо говоря) все двоешники Советского Союза, питающие к тому же отвращение к математике. Но если разобраться, кто в конечном счете поступает (откинув блат, анкеты и т.п.), то картина будет несколько иная. Один год я преподавал в университете, да и универсантов, бывших студентов я отлично знаю и без этого небольшого опыта – это, как правило, честолюбцы-рационалисты. Поступающие в Архивный обычно знают, что перспектив пробиться наверх у них будет маловато. Это – труженики, часто провинциалы, сохранившие чистоту помыслов и душевную теплоту. Они – труженики, не всегда способные стать Архимедами, но, обручившись с историей, становятся ее верными, преданными спутниками «на всю оставшуюся жизнь» (как поется в одном добром телефильме про врачей в Великую войну).

Все эти качества в той или иной мере были у моих учеников.

Стоп. Дорогой читатель. Пойми и прости. Я буду говорить о своих детях и друзьях. Буду говорить то, что звучит в моем сердце. Но не суди слишком строго, если кое-что я оставлю только для одного себя. Ведь есть же на свете что-то более значительное, чем «вся правда».

В подавляющем большинстве мои ученики беспросветные, безнадежные идеалисты (в житейском смысле слова, не в философском). Ко мне шли они не за лаврами (как шли к Сидорову или к имя рек такому-то), а чтобы выпить сполна дурманящую чашу познания прошлого, чтоб быть сопричастными тому, что их сделало людьми, вспомнить с благодарностью своих отцов и пращуров. В самом деле. Ну, кому нужна древность. Если когда-то начальство усиленно отваживало ребят от древности на современную тематику, то позднее они в своем большинстве отлично поняли, что «жизнь есть жизнь» и что у «феодалов» перспектив реальных почти нет. А ведь кушать надо. И древностью стали заниматься считанные единицы тех, кто считал, что «не хлебом единым».

Этого мало. Работенка-то у меня трудная, характер скверный. Нужно вкалывать. Не каждый на это способен, а особенно в юные годы, когда прямо голова кружится от стольких радостей, которые тебя окружают. Что я мог предложить вместо всего этого? Надежды? Они были часто призрачны (я не обладал должным «весом», чтоб гарантировать устройство судеб многих из моих птенцов). Голубую жизнь в семинарские

[440] *Строка обрезана. В ред. 3*: [того что] в Историко-Архивный институт конкурс был всегда очень.

годы? Нет, чего нет, так нет. Ребята шли, причем те, которые были истинными тружениками, влюбленными в историю, а если докопаться до истоков, которые были озарены великим счастьем – добротою своих сердец, любовь к этим нелепым, грубым, подчас жестоким, но все же прекрасным, как говаривала моя тетка Вера, людям.

Не все мои семинаристы продолжали дальше путь со мною, это так понятно. И поэтому вдвойне приятны мне дары, полученные в прошлом году: книга Лебедевой о подготовке Нюрнбергского процесса (у меня занималась Герценом) и Кулешовой – о русско-испанских культурных связях 20–30-х гг. XX в. (у меня занималась Ключевским) с добрыми надписями.

Итак, вот список дипломников. Начнем, пожалуй:

В 1951 г. у меня защищались В.Н. Автократов и С.А. Левина, учителями которых до ухода из Архивного были А.И. Андреев и Л.В. Черепнин. Они принадлежат в числу наиболее сильных студентов, которые когда-либо учились у меня. В.Н. Автократов писал диплом о вставке в Хрущевскую степенную. Уже в студенческие годы он отличался тщательностью, скрупулезностью исследования (наверное характер и наследие Андреева). Позднее он много сделал для подготовки АФЗХ, ч. 2. Он сделал для меня тщательную копию Описи Царского архива и принимал участие в ПРП, ч. 3 (интереснейшая работа о Правосудии). Работа о Хрущевской была выше всех похвал (частью издана в ТОДРЛ. И палеография и сравнения с памятниками общественной мысли.

Владимир Николаевич – настоящий историк-архивист. Позднее в бытность зам. начальника ЦГВИА он у меня защитил тонкую, на мозаичном материале основанную диссертацию о Военном приказе Петра I. Затем пошел по архивному ведомству (его жена – нач. ЦГАДА). Сейчас он зам. нач. ВНИИДАД. С самозабвенным увлечением он построил новую систему архивоведения как науки, основанную на новых подходах к истории (математика, теория информации и т.п.). Она абсолютно недоступна для понимания современных боссов архивного дела и, конечно, не будет никем принята (пахнет иноземщиной), но в истории архивного дела Автократов займет одно из ведущих мест. Так или иначе, но фактически он – мозговой центр ВНИИДАДа.

Особой духовной близости с ним у меня никогда не было. Он при всем сказанном верно несет свою службу, у него своя жизнь при начальстве. Он любит плотную, смачную жизнь, застолье. Ну, а мне все это ни к чему. Не та конструкция – слаб брюхом.

Иной была судьба С.А. Левиной. Она в общем то, если рассуждать формально, «не сложилась»: замуж она не вышла, в большую науку (по понятным причинам) не попала. И все же. Она, умница и труженица. Ее работа о Воскресенской летописи – блестящая. Четыре фрагмента из нее изданы (в ТОДРЛ и Трудах Архивного). Работа в шахматовском ключе (которым в свое время увлекался Большой Лев).

После всевозможных перипетий Светлану на работу взял в Изд. АН СССР (ему это зачтется, как и многие его добрые дела, на Страшном суде). С тех пор Светлана Арамовна стала лучшим редактором издательства. Она обладает, как редактор, пониманием своих задач: в основной текст она не вмешивается, а все, что касается аппарата, стиля – здесь она тончайший и надежнейший помощник. Конечно, ей трудно. Особенно при ее независимом характере (щит самоуверенности). Но знамя науки она несет. И Лев и Каштан, и я, и многие другие сохранят к Левиной глубочайшую благодарность. Вместе со мной Светлана издала Иоасафовскую летопись, а вместе со Шмидтом Опись 1614 г.

Выпуск 1952 г. был целиком моим. Некоторые из выпускников занимались у меня с первого (или второго) курса. Именно с этих курсов начинается работа Цаплина над Кологривовыми, Кузнецова над разрядными книгами. Курс был очень сильный. Многие из ребят были фронтовиками. Разница в возрасте с учителем тех, кто поступал в Институт в 1947 г., была небольшой. Это создавало особенно дружескую обстановку[441].

На первом курсе приема 1947 г. я вел семинар по истории СССР. Он состоял из чтения и комментирования Русской Правды (I семестр) и студенческих докладов. Тема, конечно, не ахти какая веселая. Но я-то сам был увлечен в эти годы ею. А состояние увлеченности передавалось. К тому же, я настаивал, чтобы ребята не повторяли то или иное суждение о смердах и т.п., а прежде всего старались осознать смысл конкретных статей источника. Между прочим, именно эти занятия и легли в основу комментария в Р.П.р., который я вскоре издал (вып. I ПРЛ).

В эти годы параллельные занятия Русской Правдой в некоторых группах вел В.Т. Пашуто, вскоре бросивший это дело. Пашуто с его американизированной улыбкой, опытом в источниковедческих штудиях (Приселков!), организованностью, конечно, производил самое приятное впечатление, выгодно отличаясь от его косноязычного напарника. Но в общем-то ребятам было скучновато. Об этом красноречиво свидетельствовали многочисленные стишки и пометы на учебных пособиях по Русской Правде. Приведу из них два:

Сижу, гляжу, молчу, зеваю.
Тебя, проклятая, читаю.

И еще:

Ваш Зимин просто ерунда
(Хоть он и нравится кому-то).
Пашуто наш – вот это да!
Хороший парень наш Пашуто!

---

[441] Да, кстати. Я старался всех звать по имени и отчеству. Сначала это вызывало улыбки (школа не изжита была), а затем... В самом деле. По именам звать нельзя (это или показатель особо близких, дружеских отношений, или высокомерия). По фамилии – казенно. А тут – полное равенство: как они меня звали, так и я их.

Все дипломы выпуска 1952 г. были выше всех возможных похвал. Работа В.В. Цаплина раскрыла историю светского солеварения на русском Севере в XVI – начале XVII вв. на примере судьбы варниц Кологривовых. Экономика и генеалогия сплетались в этой работе воедино. ЦГАДА и ЛОИИ (оттуда я ему привез выписки) дополняли т. I Сб. ГКЭ. Увы, работа осталась неизданной, хотя сравнительно недавно Е.И. Заозерская использовала ее в своей монографии «У истоков крупной промышленности»).

Судьба работы Цаплина во многом объясняется его личной судьбой. Все было хорошо. Аспирантура, казалось, обеспечена. Но вот на выпускном экзамене в присутствии директорши и представителей райкома он «врагов народа» назвал просто «уклонистами». ЧП. Время было серьезное. Четверка по основам означала, что в аспирантуру его (во всяком случае на это год) путь закрыт. На следующий год он поступал все-таки. Но Рослова дала место для Яцунского, а не по феодализму. Сева плюнул на все и остался тянуть лямку в своем Главном Архивном управлении. В истории с плагиатом Рословой в тексте «Историографии», поднятом Якобсоном, мужем Николаевой, я принял посильное участие, написал в газету соответствующее письмо и Рослову потихоньку сняли с ректоров – не рой другому яму!). Сева «завязал» с наукой. Жил он где-то в районе Раменского. Времени у него мало. Воли и выдержки не хватило. А тут еще страсть к Бахусу. Но так или иначе вкус к науке он сохранил (сейчас он, кажется, зам. зав. Отдела комплектования и экспертизы). Во всяком случае он один из самых знающих и думающих деятелей ГАУ.

Некоторое время назад он принес мне посмотреть свой труд о судьбе архивов на оккупированных немцами территориях. Это работа высочайшего класса, основанная на грандиозном (местном) материале, собранном в ГАУ. Он думал защитить ее хотя бы «закрытой», но как будто и это не удалось. Но картину он нарисовал интереснейшую (какие и как вывозились архивы, кто спасал, а кто драпал, что и как сохранилось и т.п.).

Олечка Лобачкова (позднее Суханова) – веселая умница писала о переписке Грозного с Курбским (в это время как раз вышли «Послания Грозного»). Она тщательно изучила все архивные материалы Москвы, но, увы, ей не хватило времени для работы в Ленинграде и потому труд остался незавершенным. Тема же позднее стала одной из центральных (Кинан, Скрынников, Рыков и т.п.). Позднее она в ЦНИА в Ленинграде стала зав. отд. Синода. В трудные для меня минуты она всегда выручает меня. Так было и со «Словом», и с «Сумерками». Дружбу нашу (хотя бы в письмах-поздравлениях) мы продолжаем хранить и до сегодняшнего дня[442].

Н.И. Кузнецов, медлительный, спокойный, написал тщательно выполненную, спокойную работу о разрядных книгах. Ее фрагмент издан

[442] Как я себя ругаю за то, что сразу же не начал собирать дипломные работы моих птенцов. То, что сохранилось, главное – поздние работы. Причем очень мало.

в т. 10 ТОДРЛ. Конечно, работа во многом еще носила описательный характер. Но фактически она была за 50 лет первой на эту тему. В.И. Буганов приступил к ней позднее. Да и то вопросам содержания книг Буганов уделял меньшее значение, чем Кузнецов. Николай Иванович сейчас работает в каком-то секторе ИМЭЛ.

Неудачно сложилась научная деятельность у милого и скромного А.Г. Кравченко. Виноват в этом, возможно, частично и я. В связи с выходом в свет т. 25 ПСРЛ (Московский свод) и своими архивными поисками я дал ему тему о Московском своде конца XV в. с учетом рукописи Беляева (позднее изданной как Сокращенный летописец). Андрей Гаврилович написал спокойно-описательную работу. Кусочек Беляевской летописи он издал в ТОДРЛ. Но – летописание такая тема, которая требует особого склада мышления, его у А.Г. не было. И до сих пор мы переписываемся по новогодним дням. Работает он, кажется, где-то в техническом архиве. Андрей Гаврилович – скромный, благожелательный человек, с каким-то невыразимо грустным, немножко горьким взглядом.

Наиболее успешно в научном отношении сложилась судьба у Реджинальда Васильевича Овчинникова. Пришел он ко мне поздно, на четвертом курсе. Написал толковый диплом – Хронографы и летописи как источник по истории восстания Болотникова (О, мой друг, Иван Иванович!). Но путь к науке тогда у него только начинался. Далее – публикация о восстании в «Историческом архиве», полемика со Смирновым о «путях» в «Вопросах» (у добродушного, окающего и прихрамывающего Реджа сильный логический ум – шахматист первой категории – и завидное трудолюбие). Классовая борьба – стала ведущей темой работы Реджа.

После Архивного он перешел на работу в отдел публикации ЦГАДА. Здесь он издал превосходную публикацию о русско-индийских отношениях XVII–XVIII вв. Здесь же увлекся Пугачевым, с которым он не расстается до сих пор, являясь лучшим знатоком архивов на эту тему. Но… вступил в единоборство с полусумасшедшим Веней и вынужден был перейти в Архивный на кафедру археографии. Он издал книгу об архивных разысканиях Пушкина в работе о Пугачевском бунте (написанную у меня как кандидатскую диссертацию). Это очень трудоемкая работа, которую выполнить никто, кроме Реджа, никогда бы не смог.

Когда Павленко стал зав. сектором источниковедения, по моему совету он пригласил к себе Реджа. Редж участвовал в трехтомнике о Пугачеве, в «Вопросах» издал ряд манифестов пугачевских. Сейчас завершает докторскую о материалах канцелярии восставших пугачевцев. Для меня Редж – один из самых близких по духу учеников. Встречаемся мы редко (Жизнь!). Любим перекинуться в шахматишки. Поболтаем о том о сем, но всегда чувствуем теплоту сердец друг друга.

Наконец, Сазикова, скромная, трудолюбивая. Увы, с ней единственной мы как-то не поддерживаем контактов. Она писала работу о за-

гадочном «Сводном судебнике», известном тогда только по изданию XVIII в. и статьям Андреева. Выход в свет «Судебников XV–XVI вв.» сделал подобную работу необходимой. Увы, до конца она ее не довела, но написала добросовестную дипломную. Только много лет позднее я издал памятник по всем спискам, а вслед за тем к Судебнику обратился и Назаров.

Итак, первая плеяда дипломников у меня была очень сильной и дружной. Правда, я наделал с ними еще много ошибок. Уж слишком привязывал их темы к биению времени и собственным замыслам. Это и максимализм требований затрудняли работу ребят. Прекрасные начинания не всегда были завершены. Но навык работы с источниками все они получили.

Через два года, в 1954 г. у меня защищались С.М. Каштанов, Л.И. Ивина и Пермитина[443]. Ну, что можно сказать о Сереже? Он, конечно, самый талантливый из историков его поколения. Сильный логический ум, огромное трудолюбие, блестящее знание иностранных языков и литературы. Это далеко не все. Самостоятельность, любовь к схематическим построениям при тончайшем логическом анализе. А главное – добродушие, помноженное на непомерное свинство (думаю, что виной последнего нервная структура личности). Я его люблю всей душою, но прощать ему ничего не буду. В самую тяжелую минуту («Слово») он был один из немногих, которые старались облегчить мое единоборство. Сережа перевел, в частности, всю статью Якобсона против Мазона (и сложную и большую одновременно) с французского. Да что там говорить! Если вспомнить все, что он сделал для меня (титаническая работа над библиографией зарубежной и т.п.), то прямо руки опускаются от того, как все это описать. По-своему, по-каштановски. Без лишних слов («Ну, я пойду, Александр Александрович»). Тишайший, он напоминает очень милого жителя подземелья, который роет свою нору, трудясь всю жизнь. В науке… Ну, не перечислять же мне все его труды. Он неповторим в своих поисках истины XXI века. В жизни. С друзьями он готов раствориться в их ласке, отвечая им тем же. Если б у него было только больше отваги, меньше отчаяния и самоуглубленности… Остаться самим собою – это так много в наше время. Бурное веселье и жизнелюбие (в стиле Гаргантюа) у него сменяются периодами мрачного отчаяния и самобичевания. Глубокое внутреннее одиночество со стремлением быть в среде ближайших друзей и подруг.

Несравненный, хотя и непереносимый в быту Сережа (представляю, сколько хлебнули с ним трудностей его супруга и трое детишек).

Милочка Ивина, как и Сережа, навсегда останется моим другом, дружит она и с Сережей, как и в прежние годы. Умница и труженица,

---

[443] Пермитиной я дал «Книгу ключей», недавно изданную Тихомировым и мною. Это была ошибка. Девочка она была неплохая, но справиться с такой темой ей было трудно. В дальнейшем наукой она не занималась, и о ее судьбе я ничего не знаю.

она написала оригинальную дипломную и диссертацию. Тему я ей дал сходную со своей (Землевладение Симонова монастыря)[444]. Она скопировала по всем архивам все симоновские акты (фактически подготовила их издание). А диссертацию построила в ином, чем у меня плане: связав историю землевладения (по периодам) с обстоятельствами политической истории России XIV–XVI вв. Позднее она вышла замуж за интеллигентного и милого ленинградского ученого Алешу Цамутали и уехала в ненавистный ей Питер, где стала работать в ЛОИИ.

В 1955 г. у меня кончал Дима Тебекин (он писал по образцу Каштана о жалованных грамотах, но более позднего периода – 1584–1613 гг.). Собрал богатый архивный материал (со списком грамот в приложении). Написал умную, содержательную работу. Но дальше наукой заниматься не стал, так сложилась жизнь. Говорят, что этот мягкий, тактичный Дима стал каким-то видным чиновником в Совмине.

Через два года, т.е. в 1957 г. Архивный кончила у меня милейшая мявочно-кисявочная тетя Женя Мяф(Маматова). Она также принадлежит к числу моих самых преданных друзей. Жизнелюбивая, непременная участница (а ранее и староста) шмидтовского кружка она со своей бесконечной добротой является как бы душою – всех молодых и теперь уже не совсем юных источниковедов. Она обладает удивительным даром быть незаменимой открытой собеседницей, радующейся возможности общения с людьми. Простая душа. Человек с несомненным поэтическим даром и в какой-то мере музыкальным, она нашла себя в преподавании. В Архивном вот уже четыре года она ведет палеографию и занятия по древнерусскому языку. До этого она лет пятнадцать работала с увлечением в отделе рукописей ГБЛ, вела там также экскурсии по выставке. Дипломную она писала по писцовым книгам Рузского уезда (это стало и темой диссертации). Составленная ею карта уезда тщательна и фундаментальна. Вообще в работе над темой она показала обычное для нее трудолюбие (скопировала 900 лл. текста книги, составила картотеки, списки владельцев, статистические таблицы и т.п.). Но – увы – на работу ей обычно не хватало времени – она давно уже закончила заочную аспирантуру, а защитила (с блеском при полном зале ее друзей) только несколько дней назад. Но ее можно понять – ведь есть большие ценности, чем писцовые книги – это радость повседневного общения с такими милыми, хорошими друзьями, как Света Киницкая, как Ира Покровская, Каштан, Галя Лялина, Нелька и многие другие.

В 1958 г. диплом о книге «Сошного письма» защитила Кира Острикова. Умная, волевая, но, увы, прихварывающая, она во многом представляет собою полную противоположность Жене. Одинокая, резкая в суждениях, с обостренным чувством самоанализа. Работа у нее превосходная; собрав большой архивный материал, она показала изменение текста (и отчасти роли в описательной практике) «Книги», которая

[444] Сережина тема навеяна диссертацией Льва (в те годы я размышлял над его книжкой, над ее сильными и слабыми сторонами).

служила основным руководством для писцов XVI–XVII вв. До нее известна была одна случайная публикация текста, а исследований на эту тему вовсе не было. Теперь и датировка памятника стала иной и сама «Книга» заиграла всеми красками. Но… так как значительную часть большого текста составляет совершенно необходимое описание, диплом остается неизданным. Последний раз я пытался пристроить его в сб. по дипломатике к Павленке. Не вышло. Но надежды я не теряю.

Жизнь, очевидно, у Киры не сложилась. Как интересно в Архивном учиться и как мало он дает возможности для будущего. Живет она в черте Большой Москвы и работает секретаршей в каком-то техническом институте. По великим праздникам мы обмениваемся приветствиями и видимся раз в три года. Но ее я считаю одним из своих истинных друзей.

Зато М.Е. Бычкова выдержала все испытания судьбы и прочно заняла свое место в науке. Непонятны бывают конкретные судьбы человеческие. Впрочем, в случае с Ритой многое объясняется ее качествами и сцеплением обстоятельств. Упорство и целеустремленность Риты отменны. Судьбу свою она связала с весьма дефицитной профессией – генеалогией. Тема – Государев родословец (как бы параллель бугановским разрядам) – очень трудоемка. Словом, получилась и отличная диссертация и солидная книга. В трудные годы Рита помогала мне в единоборстве (написала интересную статью о М.Н. Сперанском и Слове, кое-что перевела из Мазона). Она попала в сектор Новосельского, участвовала в издании ПСРЛ, а затем последние годы – АГР. Не скажу, чтобы последняя работа ее очень заинтересовала – ее мысли все с генеалогией, со связью ее памятников с общественной мыслью и т.п. Последнее время она занялась польским языком. Вместе с И.Б. Грековым при благосклонном покровительстве Б.А. Рыбакова (и моем полном сочувствии) она стала участвовать в польско-русских симпозиумах. Словом, наука стала ее второй жизнью.

Странно, что у Жени, Риты, Киры, Гали Лялиной, Светы Киницкой и других участников кружка «зигуридов» (Кира, правда, в работе кружка не участвует) не сложилась личная жизнь. В чем тут дело, понять не могу. Женя говорит, что просто им негде было встречаться с ребятами (в Архивном учились в основном девчонки, в ГБЛ работали женщины, равно как и в других архивах). Доля правды в этом есть. Но все же. Внешне – милые. Душою добрые и ясные. А в жены берут хищниц! Ведь надо же. Может быть, у девчонок слишком большие, идеальные требования? Может, время такое, когда семья перестает быть ячейкой общежития? Не знаю.

В 1959 г., скромная умница Верочка Шидловская защитила у меня работу о польских революционерах середины XIX в. (тему выбирала сама, зная польский язык). Работа была основательной. Часть ее издана в трудах Института славяноведения. Вероятно, пунктик биографии (несмотря на славную революционную деятельность деда) не дал ей

возможность пробиться в большую науку. Вынуждена работать в одном из малоинтересных отделов ГБЛ.

Эдик Радзинский – это явление в истории нашей культуры, бесспорно крупнейший драматург нашего времени. Небольшого росточка, ладно скроенный. Веснушчатый и барашком огненно-рыжих волос. Веселые, стреляющие искрами глаза и широченная добродушная улыбка. А ведь начинал свою жизнь он как историк. Ко мне тоже пришел со своей темой (об основателе светского театра в Индии Герасиме Лебедеве). Работал он на совесть. Сидел в архиве. Переписывался с каким-то индусом. Жаль, что работа не издана (он ее оставил у своей первой жены, когда поставил точку в их отношениях). И все же работа не прошла даром. На ее основе он написал и поставил в ТЮЗе свою первую пьесу – «Любовь моя, Индия!». Очевидно, сказалась дурная наследственность: его отец (когда-то журналист), был драматургом, точнее тем, кто из сочинений других авторов делает пьесы (так, инсценировал «Преступление и наказание» –«Петербургские сновидения»).

Эдик – весь дитя своего поколения, выросшего в атмосфере после 1956 г., в спорах «физиков» и «лириков». Студенческо-аспирантская молодежь стала героем его следующих пьес, которые ставил в Театре Комсомола талантливый Эфрос. Это – «Вам 22, старики», «104 страницы про любовь». Потом пошли «роковые» пьесы, кончавшиеся тем, что рано или поздно отправляли в архив. Это – «Снимается кино» (переживания кинрежа, идущего на компромисс). Дело кончилось разгромом театра, а Эфрос с Яковлевым, Гердтом и Ши[...]том вынуждены были уйти на Бронную. Здесь – «Обольститель Колобашкин» (об архивистах, машине времени, «Мефистофиле» Колобашкине, фальшивой «Песне о деве Февронии» – см. «Слово»). Продержался четыре представления. Далее благополучный спектакль «Все о женщине» в филиале МХАТ с Дорониной (у лучшего драматурга страны должна быть лучшая актриса, как у Артура Миллера). Текст пьесы частично использован в телевизионном супер-гиганте (все-таки [...]серий) «Ольга Ивановна».

После затишья снова буря – «Турбаза» в Моссовете (с Савиной и Пляттом). Снова только три представления. И казалось бы, что особенного? Обыкновенная турбаза в каком-то северном монастыре, этакий ноев ковчег с семью парами чистыми и семью нечистыми. Здесь и дельцы – критики-художники и экскурсоводши, и весь подобающий колорит. Но на что он посягнул? Святыня! Благополучно прошла серенькая пьеска – «Монолог о браке». Зато «Беседы с Сократом» в театре Маяковского с Джигарханяном – это полный триумф. Я уже писал об этом отдельно. Пьеса – вариант «Мастера и Маргариты», но написанный мрачно, человеком нового поколения.

В пьесах Эдика поднимаются насущные вопросы современности, как правило, шутя и играя, беззаботно на первый взгляд и во всяком случае беззлобно. И вместе с тем в них заложены вечные нравственные идеалы, хотя общий взгляд автора излишне мрачен (если в нем разобраться).

Во всяком случае он создал мир своих (Радзинского) героев, живущих своими представлениями, говорящими на искрящемся остроумием (в духе Уальда) особом языке. Умение двумя-тремя штрихами нарисовать живой образ – потрясающее. Слабой стороной пьес является обычно сюжет и динамика. Герои, как правило, разговаривают (это особенно неудачно в кино – фильмы его «Про любовь», «Москва, любовь моя», про японскую балерину и т.п.).

Один из главных героев у него – интеллектуал ученый, писатель, режиссер-капитулянт. Героиня – наивная женщина (пусть излишне податливая внешне), но чистая душою (в стиле некоторых героинь Достоевского – Соня Мармеладова и т.п.). Столкновение нравственных и интеллектуальных ценностей, чем бы конкретно оно не кончилось (хотя бы трагедией), всегда, по Эдику, говорит о несравненной силе начал нравственных.

Эдик не максималист, он за то, чтобы жить, дышать полной грудью. Но ему грустно, когда его герои ищут компромисса, оказывавшего в конце концов страшное влияние, растлевающего душу. И все же ценою собственного падения они несут какую-то хотя бы небольшую радость людям.

Как странно складывается жизнь у Эдика. С одной стороны, она все время бьет его: каждая постановка пьесы требует огромной борьбы за право общения со зрителем, и не только самого Эдика, а целых коллективов театра, друзей-драматургов и т.п.[445] Его сборничек пьес был урезан (Сократа и Турбазу сняли чуть ли не в корректуре). В «Театре» вышли Кико и Колобашкин. Все время на острие ножа. И вместе с тем огромный зрительский успех, который – увы – слегка его избаловал. Но будем надеяться, что здоровое начало в нем победит, залог этого и его талант, и его мягкий, веселый, общительный нрав и стойкость, когда дело заходит о главном.

Его пытаются уласкать (как поэта-протестанта в юности), отпускают на показ за рубеж – «посмотрите, у нас и такие есть»). Пока ничего из этого, к счастью, не вышло. Эдик мой друг, думаю, навсегда.

В 19[60] у меня кончал один забавный ученик – один из тех студентов-философов, которых было так много со Старой Руси. Это Всеволод Всеволодович Катагощин. Сейчас он где-то работает на периферии в архивном ведомстве и связь у нас с ним давно потеряна. Работу об Иосифе Волоцком (Просветителе – в те годы мы с Яшей занимались Иосифом) он написал посредственную, но неожиданные мысли в ней были. Его глубокие карие глаза мне запомнились на всю жизнь. Он мог долго говорить о проблемах человеческой совести и о поисках счастья. К такому типу людей (вечных студентов) принадлежали А.В. Игнатов (1969 г.) и Григорян (1965 г.). Первый – настоящий русский человек. Был бы он чудесным краеведом, широко интересующимся различными

---

[445] Баталии ведутся и на страницах газет, и в кабинетах всевозможных боссов, и при встречах и беседах с разными лицами.

аспектами местной жизни. Но [...] любовь к зеленому змию. Сейчас он в Кургане и изредка присылает мне поздравительные открытки. Григорян от науки отвернулся начисто ле[...] Да и пошел-то он ко мне из-за своего приятеля Мингалева. А так ведь парень неплохой.

Зато вполне земной (хищницей, как показала жизнь) была златокудрая Эрика Чумаченко. Диплом 1960 г. О Ключевском-источниковеде (в этот период как будто я вернулся к Ключевскому и издавал его сочинения) стал основой ее диссертации, а потом и книги. Эрика обрела себе доходное местечко в Архиве АН СССР, где издавала сочинения Веселовского (в Архиве работает и моя ученица, хорошая девушка Аллочка Панфилова, писавшая диплом у Николаевой). Выжав из меня все, что ей нужно, она плюнула на меня и ушла искать новых покровителей. Вышла замуж за какого-то болгарина, который решил осесть в Москве. В работе она – наглая халтурщица. За нее делали работу все, кроме нее самой. Я за нее проверял весь аппарат диссертации (в корректуре). Каштан проделал подобную работу с «Исследованием о служилых людях» Веселовского. Но когда дело дошло до «Дьяков» Веселовского и выяснилось (в корректуре), что там она ничего не делала, даже покладистый Левшин был взбешен и изгнал ее из Архива. Сейчас она подвизается в ВНИИДАДе, пристанище всех халтурщиков.

В 1961 г. диплом у меня защищала Наташа Захарьина, ставшая женою моего кузена Вовки Комарова (которого я «всунул» в Архивный). К сожалению, потом они разошлись, но Наташа так и осталась одна, выгнав Вовку, воспитывая свою дочурку.

Наташа работала ровно, серьезно. Но ей нужен не то чтобы хлыст, но повседневный надзор. Ибо в жизни она ценит больше всего покой. Тема-то у нее была трудноватая – «Записки Таубе и Крузе как источник истории опричнины». Очевидно, я ее дал напрасно, ибо тема требует хорошего знания иностранных языков, в первую очередь немецкого. Поэтому дипломная работа не переросла во что-нибудь более солидное. Но мне все-таки кажется, что удовольствие от работы Наташа получила. В дальнейшем она стала секретаршей в секторе Королюка. Наукой так и не начала заниматься, замкнувшись в своей семье. Мне Наташа всегда очень нравилась – в ней есть какое-то обаяние девочки-мальчишки. Некоторое время она бывала у нас, а потом жизнь есть жизнь. Только от своей тетки (Жозефины Григорьевны), которая продолжает поддерживать с нею связь, я узнаю о ее судьбе.

Судьба Светланы Печуро была просто тяжелой. Я не знаю причин, но чуть ли не в школе она попала в лагерь. У меня она занималась земщиками в годы опричнины (как бы вторая сторона работы Кобрина). Работала с увлечением (она вообще такой человек, который активно любит жизнь). Кусочек диплома издан в МГИАИ. Затем работала в ЦГАДА, где ее за правдолюбие съел Шумилов. Она очень любит ребят, в воспитании которых находит свое счастье. Это – прирожденный педагог, человек истинной пламенной совести.

Наконец, Сметанина взяла тему о вкладных записях на рук[описях] Егоровского собрания ГБЛ (подобными сюжетами занимался Тихомиров. Я считал, что Сметаниной легче будет работать дальше, ели она попадет в сферу влияния академика. План осуществлен был только наполовину. Диплом Сметаниной, действительно, старик издал в «Ежегоднике». Но и только. В дальнейшем Сметанина поступила в ЦГАДА, где и продолжает трудиться. Никаких дружеских связей с ней у меня никогда не было. Не тот она человек.

В 1962 г. у меня заканчивали учебу несколько интересных ребят. Среди них Света Мордовина и Алик Станиславский. Это была первая супружеская пара среди моих учеников (по типажу в них что-то от героев «104-х» страниц). Он томный красавец, умный честолюбец типа Жюльена Сореля и других героев Стендаля (как мне обидно видеть его склоняющимся в позе Глумова перед Бугановым). Циничный, со вкрадчивыми манерами, он любит только себя. Иссушающую жажду славы он передал и Свете, в общем-то доброй и простой девчонке. Работы они написали превосходные. Света – о Земском соборе 1598 г. (собор 1566 г. интересовал меня, а соборы вообще Шмидта). Ее работа состояла из тома, содержащего все биографические сведения об участниках соборных деяний. Нашла и издала в Записках ГБЛ она один из списков приговора Собора. В отдел рукописей мне удалось Свету устроить на работу, но она в хранении не задержалась долго (астма). Затем и она, и Алик работали на Бородинской панораме, затем Алик устроился в Архив АН, а Света в конечном счете в отдел публикации Института Русского языка.

Алик написал основательную дипломную о памятниках Смуты, возникших в ходе Смуты (один из ее фрагментов я напечатал в «Арх. Еж.», единственном томе, который я редактировал). В 1963 г. Алик помог мне, раздобыв много интересного из ЦГВИА о сухопутном шляхетском корпусе XVIII в. Света и Алик частенько захаживали ко мне, и я считал их близкими друзьями.

Наступил 1964 г. «Слово». В один прекрасный день Света звонит ко мне: «Александр Александрович, не будете Вы возражать, если дальше я буду работать у Шмидта?» Речь шла об аспирантуре по теме, в которую я вложил вместе с ней столько сил. – «Вы подумали, Света?». – «Да». – «Ну, тогда мне с Вами не о чем больше говорить». И все. На этом наши отношения с супругами Станиславский–Мордовина кончились. В тяжелую минуту из всех моих учеников продали меня только они. Конечно, виновата жизнь (у них она была нелегкой)[446].

Но все же. Если б речь шла о другой теме и с другим руководителем, но в данном случае. Фи, как некрасиво.

В дальнейшем Света защитила свой собор. Алик блестяще сдал в летописную группу экзамены. Но не был принят. Хвостов неожиданно

---

[446] Так, в Ленинграде Алик играл в карты с кем-то в холле отдела рукописей, об этом сообщили в Москву. Практику ему не зачли. Пришлось на полгода отсрочить окончание Архивного.

передал ставку в Ленинград (а он был руководителем группы). Думаю, что Рыбаков узнал или о его пункте или о бывшей близости ко мне. Позднее все же Алик защитился по разрядным материалам у Буганова (не то в заочной аспирантуре, не то по прикреплению). Рыбак рыбака видит издалека. Теперь его друзья Корецкий, Скрынников и иже с ними. Шефы – Шмидт, Буганов.

О Верочке Кулешовой я уже писал. Ее работа об источниках первого тома Истории Ключевского (Русская правда и т. п.) была вполне хорошей. Но дальше – Испания.

Тихая, сосредоточенная В.М. Моргайло очень серьезно работала над проблемой «Иоакимовской летописи» Татищева. Кусочек ее я издал в «Арх. Ежегод.». Но, увы, времени не хватило – главным образом для изучения Стрыйковского. Несмотря на осторожность в выводах, она была на правильном пути (Татищев меня всегда интересовал в связи с моим пристрастием к «темным» проблемам). Позднее Моргайло стала работать в архиве г. Москвы и мы не встречались.

Наконец, Екатерина Аркадьевна Шингарева. Ее работа была как бы продолжением Светиной (и моей по собору 1566 г.) – изучение состава Земского собора 1613 г.. И в этом случае список участников представлял собою добротное справочное пособие. Но кто мог напечатать подобные списки объемом не менее 6–7 листов? Поэтому они благополучно остались в рукописи. Сама Катенька удивительно милая, скромная, но волевая умница. Семейная традиция связывала ее с историей русской культуры (не говоря об отцовской линии, мать ее почти всю жизнь была ближайшей подругой Е. Пешковой). В дальнейшем она перешла на работу в архив МХАТ и счастлива миром сказки, в который она попала. Ее на время «переманили» в отдел рукописей ГБЛ на зав. отд. хранения (с лучшими материальными условиями), но сердцу не прикажешь – и она вернулась к своим героям «Синей птицы» и «Чайки». «Не хлебом единым». Она – влюбленный в своих «художников», человек, озаренный светом мечты.

Наступил двухлетний перерыв. Дипломники выходят обычно из спецсеминаров. А это «часы», в которых заинтересованы другие члены кафедры. Конечно, и у меня были «поблажки», так как считали, что ко мне «пойдут» писать дипломы, а к другим, может быть и нет. Поэтому так мне часто давали семинары, хотя... Впрочем, не всегда. Словом, новая волна дипломников началась уже со времени «Слова», она выросла в связи с ним и относится к 1965 г. (спецкурсники предшествующего 1965 г.). Я ухитрился года три читать спецкурс по Слову под причудливым названием «Источники по истории русской общественной мысли XII–XVIII вв.». Сходило. Никто не задумывался. Первые дипломы приятелей – Григоряна (Задонщина) и Мингалева (Сказание). О первом из них я упоминал (тему я ему дал напрасно, не учитывая его характера), а вот Валерий Сергеевич «вышел в люди». Сейчас он зам. декана факуль-

тета делопроизводства. Последнее доброе дело, сделанное им, – прием моей Натальи лаборанткой на одну из кафедр факультета.

Самое характерное для Валерия – это, пожалуй, серьезность. Все на полной серьезности, с чувством ответственности. В Архивный он пришел не юнцом. Он, кажется, всю жизнь свою был взрослым. С начальством умеет ладить без какого-либо подхалимажа, но как человек, знающий свое место в том аппарате, в котором он служит. Работу написал на трудную тему. Конечно, в полном объеме он и в дипломе и в диссертации (1971 г.) с ней совладать не смог, но разумное самоограничение (Основная редакция памятника) позволила ему сосредоточиться на рукописном материале и сделать интересные выводы. После Архивного работал в Вильнюсе по технике (ЭВМ) архивного дела и был приглашен в Москву, где уже осел в последние годы прочно. Отношения у нас самые добрые, хотя встречаемся очень редко.

Женю Бешенковского (1969 г.) я очень люблю. Это человек, для которого сам процесс работы доставляет неизъяснимое наслаждение. Бородатый, заикающийся слегка, с веселыми и кажущимися застенчивыми глазами. Свой восемнадцатый и меньше начало XIX он знает для его возраста досконально (особенно архивы о литературе, мысли, политических деятелей). Ироничный ум освобождает его от преклонения передо всякими авторитетами.

Диплом – исторические труды Ф.А. Эмина (1735–18.04.1770) – выявил все его сильные и частью слабые стороны. Прекрасное знание архивов позволило ему воссоздать биографию этого авантюриста-писателя-историка (он в МИД'е разыскал его паспорт, оказалось, что он из Турции). Женя бросил вызов Шлецеру, оценка которого повторялась всеми, говорившими об Эмине. Женя показал манеру работы Эмина с текстами: его таблицы свидетельствуют о том, как историки XVIII в. списывали друг у друга, компилируя свои труды. Наконец, генеральная идея о двух типах исторических трудов того времени (морализирующих и академических) весьма плодотворна. Текстологическое изучение историографии дало явные плоды. И дальше находки и открытия следовали одна за другой. Новые сочинения А. Тургенева (издание в Саратове). Открытие библиотеки Ломоносова и его книга. Работа о Вещем Олеге и судьбе этого сюжета в XII – нач. XIX в. (включая Пушкина) и т.п.

Ломоносов все время волнует Женю – и проблема Богданов–Ломоносов, и его «Краткий летописец», и Свиньинский сборник, и отчеты Ломоносова, и полемика с Миллером по варяжскому вопросу (по протоколам АН). Иногда полет фантазии заводит Женю и излишне далеко, но всегда опорой для него является надежный фундамент фактов.

Женя работал в Московском областном архиве, сейчас в отделе рукописей ГБЛ. Там от него воют: все время исчезает, не склонен «вкалывать», а ходит по каталогам, ведет нерегламентированную жизнь. Конечно, для других, кто отрабатывает честно свои восемь часов, это обидно. Конечно, в этой разбросанности и безответственности Женя по-

винен. Сара хочет прямо выгнать его. Но ведь такие, как он, – гордость науки. Таланты надо уметь беречь.

В тот же год, что и Е.Б. Бешенковский, у меня защищала диплом М. Рашковская о мемуарах Кареева (кусочек его она позднее в содружестве с мужем издала в «Арх. ежегоднике»). Муж ее – талантливый парень из круга ФБОН, занимающийся Тойнби. Сама она – скромная, спокойная женщина.

Шестьдесят девятый был «девятым валом» в моей педагогической деятельности. Он из волн морских выплеснул четырех мушкетеров. Каждый из которых был личностью! Д'Артаньяном среди них был Женя Добрушкин (приятель Жени Б.). Увлеченный наукой, немного женственный по натуре (тощий, длинный, с кургузой лопаточкою черной бородкой, добрыми глазами). Он на себя взял тяжелый крест; разобраться в Татищеве, продолжив дело Пештича. Работа дипломная. А затем и кандидатская были удивительно интересны. Он в основу их положил в общем-то не столь сложную методику, которую использовал в совершенстве. Это – сличение текстов. Сначала двух редакций Татищева, затем первой редакции и сохранившихся текстов и только после этого разбор татищевских известий. Суть дела в том, что Женя как бы вжился в саму работу, перевоплотился в историка Татищева, думал вместе с ним и за него. Так появился на свет второй творец текстологической историографии, по существу нового раздела истории исторической науки. Трудность работы Жени была необычайна. Он смог проделать целиком работу, пожалуй, только для одного 1113 г. Черновую – для первых десятилетий после конца ПВЛ. А ведь для того, чтобы различить, где приемы Татищева (повторяющиеся), а где (если есть) следы призрачных источников, необходим полный анализ памятника. Это было сделать невозможно. Но главное – путь намечен. Женя издал много статей. В аспирантуру ему был путь заказан. Я даже Павленке хотел отдаться, чтобы он принял его, но, увы, ничего не получилось. Тогда Женя доделал диссертацию, будучи на работе в ЦГАДА. Сейчас он во ВНИИДАД'е. Борьба Жени за научное изучение Татищева была не только научным, но и гражданским подвигом, учитывая, что Рыбаков воевал со скептиками, считающими Татищева фальсификатором.

К сожалению, нервный подъем Жени, бескомпромиссного борца в студенческие годы, сейчас (надеюсь временно) как-то спал. Он предпочитает теперь музыку Баха, воспитание сына. Его жена – Наташа – очарование – собирается ему преподнести нового наследника. Пока на науку он махнул рукой. Думаю, что сказывается, кроме всего прочего, «кризис жанра». Он не может найти тему. Я ему советовал взять или одного Болтина, или его полемику с Щербатовым. Он что-то говорил об исторической стилистике XVIII в. А воз пока и ныне там. Очевидно, в отличие от Жени Бешенковского, он не изжил еще потребность в повседневном надзоре над ходом его работы.

Юрий Дмитриевич Рыков («Портос») – человек основательный, трудолюбивый. Он упорно работает и над своим Курбским и фактически является основным столпом, на котором держится группа древников в ОРГБЛ. Во многом Юра – антитеза Жене Добрушкину. В нем нет любви к пламенным фантазиям, он земной человек, любящий добротный материал конкретных памятников. Он лишен излишней нервности, во всяком случае внешне сохраняет спокойствие в сложных житейских ситуациях.

Когда один авантюрист из числа учеников Робинсона пытался его обобрать (Уваров К.), использовав результаты его кропотливой собирательской работы по Курбскому, Юрий Дмитриевич сохранил полное спокойствие. И это, несмотря на то, что первоначально его шеф Кудрявцев благоволил к Уварову, пока не распознал его бандитское нутро. Закончив заочную аспирантуру, Ю.Д. защитил а Архивном диссертацию и продолжает размышлять над Курбским. Ю.Д. любит Русь, и не только древнюю, но и цветущую сейчас. Человек он скромный, но сохраняющий чувство собственного достоинства. Сейчас он нашел счастье в браке с моей ученицей Юлечкой Петровой. У него, думаю, большое будущее. Недавно он был принят в кандидаты партии.

В свое время я предлагал Н.И. Павленко своих учеников для аспирантуры, так из этого поколения он остановил свое внимание на Аксенове (Арамис) – ему было проще, ибо у Аксенова уже к концу Архивного был партбилет. У меня Аксенов работал два года (в отличие о Жени и Юры, пришедших ко мне на первом курсе). Ему я дал тему о Мусине-Пушкине как источниковеде. Интерес к ней у меня понятен без лишних слов. Сам Аксенов – в общем человек милый, скромный, обремененный семьею, написал вполне основательную работу. В ней интересно было собрание писем Мусина, тщательно подготовленное автором после разносторонних разысканий (обзор его издан в «Археографическом ежегоднике»). В письмах Саша нашел много любопытных сведений, рисующих образ графа. Работу Саши характеризует повествовательный стиль и фундаментальность охвата материала.

У Николая Ивановича, как я писал, Саша стал генеологом купечества XVIII в. Диссертацию защитил и работает в секторе источниковедения.

Четвертый (Атос) из моей плеяды любимцев – длинный, немного сутулый, как бы стесняющийся своего дефекта речи, черноволосый Коля (Николай Кириллович) Фомин, приятель курчавого Юры Рыкова. Он взял себе в качестве диплома писцовую книгу 20-х гг. XVII в. как источник истории служилого класса XVI в. Меня всегда удивляло, как Суздальский уезд, опора-де аристократии, вошел в опричнину. Это был последний островок «платоновщины». Надо было проверить. К тому же ясно, что основой для построения общей картины служилого землевладения XVI в. являются первые послесмутные книги (для самого XVI в. остались лишь крохи). Итак, Коля взял на себя адов труд. Выявив всех «прежних» землевладельцев (и существовавших с XVI в.), он собрал все

материалы для биографии (по типу работ Светы и Кати), чтобы в частности уточнить время действия героев. Конечно, в итоге платоновский вывод затрещал: в Суздале преобладала мелкота, а не знать. Упорство Коли, скромность и увлеченность делом не знают предела. Получилась огромная книга с ценнейшим справочным материалом.

Работает Коля Фомин сейчас в Туле. Женился. Сын. Изредка по-прежнему охотится (он – мастак в этом деле). И все время думает об истории и при возможности продолжает писать небольшие статьи. Сейчас мы с ним в Туле к юбилею 1380 г. затеяли местное издание «Задонщины» (по спискам, а также реконструкцию). Не знаю, что получится, но он работает серьезно и над этим изданием. Изредка Кириллыч приезжает в Москву. Конечно, на нем как на труженике, в его Архиве воду возят.

В том же году на вечернем факультете защитила дипломную Кима Григорьевна Межова. К этому времени она уже была вполне взрослой женщиной с двумя детьми и мужем. Работала в архиве финансового ведомства и… увлекалась историей. Мы с ней ввиду ее интереса к определенной тематике остановились на Бонче как историке сектантства (архив Бонча недавно поступил в ГБЛ). Дипломная у Кимы была трудная, что такое история, труд историка, научная работа Кима узнавала как откровение, но училась упорно, самозабвенно. Затем она прикрепилась в аспирантуру и защитила недавно диссертацию на тему Бонч как собиратель материалов по истории русской литературы. И теперь показала она свое желание стать историком, учиться и совершенствоваться. Теперь она ищет возможности работать на исторической ниве. «На часах» ведет семинары и читает лекции в Областном, есть весьма проблематичные возможности и в Архивном… Но она молодец, любит ребят. Все время размышляет и в конечном счете из нее выйдет настоящий педагог-историк. Думаю, что это ее призвание.

Кима заглядывает к нам «на огонёк», балует нас билетами в театр (она культорг), помогает в трудную минуту болезней, вообще опекает наше семейство.

Последняя большая группа дипломников у меня была в 1972 г.[447] Целых семь человек. Не считая зятя и Даниленко, которых я передал другим членам кафедры после окончания спецсеминара. Каждый из этой группы интересен сам по-своему. Для меня большой неожиданностью была Олечка Петрова. На первом курсе незаметная, тихая, особенно не блиставшая никакими данными. И вот постепенно начался раскрываться ее характер, ее влюбленность в дело, которому она решила посвятить всю свою жизнь – т.е. генеалогии. Кстати, позднее она вышла замуж за моего Юру Рыкова, хотя придыхали по ней многие. И почему, собственно говоря? Маленького росточка, с гладко причесанными по-старомодному волосами, предельной скромности. Секрет ее обаяния

[447] *Перед фразой*: Шмидту, так как там тогда училась *часть текста нечитаема.*

ясен – это тоска лучших ребят по чистоте душевной, доброму старому семейному очагу (со «сверчком на печи»), с хозяйкой, которая и милая и волевая, могущая вести корабль семьи между рифов жизненных тревог. Сама она из Тамбова – и невыразимая прелесть этих старинных русских городов с их особым складом девушек у ней есть сполна. Оля взяла тему «Генеалогия и архивное дело». Проблема перспективная. Она сумела не только войти в нее, освоить совершенно новый ракурс и сделать целый ряд интереснейших открытий. Например, архивы генеалогов, пометы на полях их книг и т.п. Олечка без назойливости умеет расположить к себе собеседника. Ее научным консультантом что ли сделался тоже тамбовчанин последний генеалог прошлых лет Ю.Б. Шмаров. Семейство Яниных относится к ней с нежностью. Сейчас Олечка работает в архиве МХА[...] (но временно), прикреплена в аспирантуру Института истории и воспитывает грудного младенца.

Среди остальных ребят в Институте истории (в аспирантуру пробился только Юра Мельников. Он написал у меня спокойную и полезную дипломную о Русском временнике (по рукописям). Сейчас пишет диссертацию о 80-х гг. XVI в. (приход Бориса к власти). Вероятно [...] ограничит[ся] источник[ами] по [местничеству]. Женился на сокурснице из Куйбышева. Возможно, уедет к ней. В общем, он человек размышляющий, покладистый, добрый. Яркий, остроумный, неожиданный Юра Фаев работает сейчас в архиве Куйбышева (они все друзья – Юра, мой зять), но собирается перейти в газету. Диплом писал об интересном архиве историка Замятина из ГЛБ (надо, чтоб ушедших не забывали!). Но дальше он – увы – работать над темой не сможет. Нужны шведский и Москва.

Писала диплом у меня по дневникам Смирновой-Россет Ирина Смирнова (дочь сотоварища по Ин-ту истории А.Ф. Смирнова). Сейчас папочка пристроил ее к какому-то хлебному месту.

Алла Майорова, строгая, волевая, писала у меня об архиве Ржиги. Сейчас она в Саратове и как будто, следуя доброму совету, налаживает дружеские связи с местными историографами. С ней мы обмениваемся дружескими приветствиями.

Последним моим выпуском был 1973-го года. Самый забавный, настоящий историк – Дима Карев. Внешне не блестящий, он обладает неиссякаемой жизненной энергией и умением проникать в душу истории, которую он любит всерьез и надолго. Он писал работу об архиве Любавского, перезнакомился с родичами покойного. Написал солидный труд (куски его будут изданы в «Ежегоднике»). Он преподавал во Владивостоке, служил в филиале, сейчас перешел в университет, где у меня в заочной аспирантуре и преподает (в частности, вспомогательные дисциплины).

К сожалению, поздно ко мне пришел милый, тактичный Володя Рыбин. Он занимался «Золотаревским летописцем» до меня, но так как это тема каштановской жены, то пришлось дать другую – «Хроно-

граф 1629 г.». Время ему нехватило. Он описал не все списки, а работа нуднейшая. Но если он доведет ее до конца, ей цены не будет – так она важна. Вступил он в переговоры с О.В. Твороговым, что полезно для обеих сторон. Словом, жизнь у него только начинается.

Обо всех тех, которые в той или иной мере учились с другими моими учениками, не напишешь. Примечательно еще несколько моментов. Прежде всего почти все они прошли через шмидтовский кружок, в котором они от встреч между собой, с видными учеными стали сопричастны научной атмосфере. Никакой корпоративной замкнутости, отчлененности у моих учеников от других кружковцев не было.

Так называемая «школа Шмидта» – практически складывалась уже когда я ушел из Института. Ну, да это другой вопрос.

У меня же когда-то мои питомцы собирались изредка – когда защищали дипломы, по праздникам и т.п. Некоторые из них (Сережа, Рита, Женя) и сейчас в дни рождений и болезней не забывают меня. Из наших встреч памятны две – когда многие из моих птенцов собрались в день пятидесятилетия. И встреча в день пятидесятилетия Октября. Все мы любили петь (я больше старинные городские, они – студенческие). Увы, тексты знали не все. На последний юбилей я напечатал на машинке «юбилейный цикл», который мы хором дома и исполнили с небольшими историческими комментариями. Это – история России от Гостомысла до сегодняшнего дня. Начинался этот цикл с Олега («Как ныне сбирается...»). Затем классовая борьба периода феодализма («Из-за острова...»). Усиление феодального гнета (Калина, Малина, Рябина, Пряха). Рост протеста (Чуркин). Абсолютизм и Петр (Дело было под Полтавой), Отечественная война (Скажи-ка, дядя), Колониальные захваты (Хаз Булат). Рост кап. отношений (Коробочка, Ах Вы, сашки-канашки мои). Царизм и его оплот дворянство (По улице пыль поднимая). Разложение госп. класса (Накинув плащ). Народники (Укажи мне такую). Рабочий класс (Кузнецы). Студенты (От зари до зари). Рев. движение (Варшавянка). Война 1905 г. (Варяг). Кризис верхов (Вертинский, цыгане). Октябрь (Интернационал). Гражданская война (Наш паровоз. За власть советов, Яблочко, Цыпленок). Разруха и восстановление (Кирпичики, Гоп со смыком). НЭП (Чубчик, Мы на лодочке, В стране далекой юга). Индустриализация (Гудит, ломая скалы). Культ (Когда нас в бой). Отечественная война (Вставай, страна огромная, Эх, туманы и т.п.) Дружба народов (Москва–Пекин, Индонезия – любовь моя). Студенчество и Архивный (Я не знаю, где встретиться...). Борьба за мир (Пусть всегда будет солнце) и т.п. Пели мы до хрипоты с часу дня до глубокого вечера...

Жизнь неумолимо идет все дальше и дальше в неизвестность. Птенцы разлетаются в теплые края. Одни ищут сердечного тепла, другие – хоть каплю видимости благополучия. Но пусть их всегда согревает Солнце, частицу которого каждый несет в своем сердце. Моя же благодарность им за то, что они превратили мою жизнь в праздник, бесконечна. [...]

Не мне судить, что останется в сердцах моих учеников от лет нашей дружбы. Я их не забуду никогда. Они были наполнены добротой и лаской многих десятков чудесных ребят, из которых вышли достойные люди. Только в общении с ними я понял, чего ждут от историка люди. Они раскрыли передо мною совершенно новые аспекты науки, дали мне возможность жить одной жизнью и с ними и с быстротекущим временем.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЗЯТЬ

Зять как зять. И с виду приличный. И рассуждения заурядные. Нет в нем и какой-нибудь особой злости, скорее даже мягкость в обращении. Жить бы да радоваться. И науку-то любит. И с дочкой песни поет. И за бабами не ударяет. И водкой не излишествует.

Высокий. С лисьим личиком. С бараньими волосами (которые он нет да нет оглядывает в зеркало, прихорашиваясь перед отходом). С волчьей походкой. Сын своего времени, порождение валовой продукции. Родившись в семье тружеников, всю жизнь в поте лица добывавших себе хлеб насущный, этот единственный сыночек был их надеждой и мечтою. Шустрый, умненький, он решил выбиться в люди. Учился, думаю, с увлечением, будучи избавлен от всех повседневных хлопот. Итак, с детских лет окружен умилительными взорами. Все для него – это он усвоил отлично. Это стало для него программой жизни. А родители? Они сделали свое дело и фактически их для него не существует. Его путь – к звездам. Он с уверенностью считает, что человек без честолюбия – не человек. И твердо идет по намеченному пути. Странная вещь бывает иногда от соприкосновения с цивилизацией. Появляется уверенность, что именно там ключ ко всему. «Всему лучшему в жизни я обязан книгам», – говорил Горький. И зять уверен, что все в книгах. Чем больше он их прочтет, тем будет умнее. Увы, роковая ошибка. Не в книгах, а в искре Божьей, заложенной в твоей душе, как частице, связующей тебя с миром, заложен секрет синей птицы. А зять от Бога заурядчеловек. Обыкновенный. В этом заложена трагедия, так как аппетиты зятя непомерны.

У зятя несколько жизненных устоев. Первый – «Не учите меня, не трогайте меня. Я хочу только одного, чтоб меня оставили в покое». Первое время он прислушивался, приглядывался, приучивался. Пелена традиционных представлений, почерпнутых из периодики, спала. Ну, и что же? К чему это привело? А вот к чему: «Знаем этих ученых. Говорят одно, а думают другое. Вы во всем виноваты, говорили красивые слова, а что делали? Нет уж, батенька, меня не проведешь этими словами.

Я хочу только одного в жизни – заниматься любимым делом. Вы говорите, что каждый должен быть самим собой. Хорошо, я им буду». А отсюда – стремление всему противоречить. И, как бы это выразиться – медленно, но неуклонно наращивать зависть. Ишь-ты, интеллигенция. Меня презирает, потому что я от земли. А в то же время употребляет. Мы вынуждены вкалывать на работе, составляя карточки, картотеки, а он сидит себе барином и пописывает. Да, ишь-ты, и книжек уйма. Вот бы мне («Вздыхать и думать про себя: "Когда же черт возьмет тебя"»).

С Наташкой получилась неудача. Увидив его смазливое личико приказчика, она решила добиться своего и добилась, дуреха. Но она не поняла главного: когда девица добивается юноши – конец, любви не будет. В жизни должно быть наоборот. [...] Любит ли он ее? Да он вообще никого, кроме себя, и любить-то как следует не может. Главное – чтоб Наталья стала его прислугой. А та находит удовольствие в домашней возне. И вот он внушает ей: Зачем перешла из ЦГАДА в лаборантки? Там бы работала себе. Да и денег больше. А здесь – девочка на побегушках. Нет, я люблю правду. Зачем вы заставляете ее защищать диссертацию, ведь она не хочет заниматься наукой. Я вот дал ей книгу Дербова, она ее неделю носит, не прочла». Все время приземляет ее, отнимает самую маленькую мечту. А та – вся мироновская, находит счастье в семье и даже больше – ради него готова перегрызть глотку разлюбленным родителям.

Для зятя – я кость в горле. И не даю ему сожрать целиком и полностью Наталью. И мешаю запекать Сергея в больницу. И являюсь укором его бездарности (через зятя можно понять и Мартынова и Дантеса). И препона к наследию (особенно книги). И вот он еле сдерживает свою ненависть. Не здоровается (такая привычка при встрече). Старается не встречаться вообще. Еще бы! Ведь он-то из-за меня страдает. Я убегаю к ним, оставляя одну Валю с Сережей, а та звонит ему («Если Вы не заложите в больницу его, я к Вам не приду»). Ведь я ему когда-то сказал, предупредил, что в случае повторения, вызову машину. (А раз и этого не делаю, то, значит, можно растоптать мой авторитет.) «Эгоист!» – что он, не понимает, что мне дышать даже трудно, а не то что оставаться («А я не знал» – для чего ж тогда дано человеку сердце). Вале нужно уходить самой, но она не хочет. Больница? Впереди столько у Сережи, что хочется отдалить этот срок. Хоть день – хоть два – «Ты жил, старик» (Мцыри). Чтоб он по-своему мог вспомнить эти дни горького счастья.

Зять на уровне эпохи. Наслаждение для него – азарт борьбы, футбол, хоккей. Преддверие войны. Обыкновенный мещанский фашизм. А штучки-дрючки не про нас. Вторя обрывки чужих сентенций, пересыпанные благоглупостями, вызывая на работе иронические усмешки.

Но в общем он трудолюбив да и пишет неплохо – стиль нормальный, средне-человеческий.

Зять не знает духовного наслаждения. «Посмотри, как красиво!» – «А что это означает?». Удивительно, как все он рассматривает через

призму здравого смысла, даже рассудочности, а не через чувство. Что это, особенности личного склада? Или отравленность полу-знаниями, наркотизм разума?

ЧТО ЗА КОМИССИЯ, СОЗДАТЕЛЬ?

Очень странное учреждение эта Археографическая комиссия. Создана она была Тихомировым в 1956 г., когда он был академиком-секретарем при Отделении исторических наук. Комиссия сразу же превратилась в вотчину академика. Состав ее (человек пять) был случаен, определялся личными отношениями Михал Николава. Тут и Бем – главный редактор издательства «Восточная литература» (он был ученым секретарем), тут и Долдобанова, секретарша из Отделения истории, здесь скользкие ученички Т-ва Рогов, Флоря, Павлов-Сильванский и Шеламанова (первые двое ушли в Славяноведение, где также работал Тихомиров, не желавший при Сидорове иметь ничего общего с Институтом Истории). Сюда пришла по звонку Бардина со своей ставкой некая Тамм с накрашенными губками и злющими глазами. Ни одной книги сотрудники комиссии так и не издали, хотя возможности у них были большие.

К архивной деятельности комиссия отношения не имела. Больше всего на свете старик боялся, что его заставят что-нибудь координировать (он – кустарь по характеру). Чем занималась комиссия? А ничем... Какие-то случайные доклады ставились. Пару раз «наскоком» съездили в Сибирь в экспедицию, ничего не привезли. Вот что хорошо, это начали издавать «Археографический ежегодник» (правда, из-за этого подхалимничавший перед Тихомировым Хвостов закрыл «Проблемы источниковедения» (Новосельского). В Ежегодник совал все, что придется, авторов, более или менее близких к нему. Хорошо, что феодализм там занимал важное место, но для прикрытия помещались и актуальные статьи. Тогда такое могло быть (ведь это конец 50-х годов). Сам старик соорудил и парадную комиссию (как в старое доброе время), в которую включил любителей древностей (включая И.А. Голубцова, В.И. Малышева). Из начинаний Т-ва пока ничего не вышло. Павлов не выпустил ни библиографию палеографии, ни описания писцовых книг. Не вышел сборник по советской палеографии. Пока еще не издан и каталог рукописей до XIV в. (по смерти Тихомирова я настоял, чтоб включили XV век). Сначала замом Тихомирова был я (тогда я был у него с год и в докторантуре). После Слова[448] он меня вытряхнул (и даже с титула

---

[448] Узнав о моей позиции от Павленко, он срочно перенес отчетное заседание «Ежегодника» из Москвы в Ленинград, представив там себя гонимым (Селезневым, конечно, а не мной) и нуждающимся в поддержке.

Ежегодника, который я готовил, и он был посвящен Тихомирову). Затем председателем комиссии был Шунков, а после его смерти под влиянием Рыбакова – Шмидт (противовес мне). Этот последний стал заниматься больше игрою, чем делом. Он превратил Ежегодник в разменную монету. Ставка – академики. Одна за другой стали появляться статьи академиков и о них.

Зигуша – страшное дерьмо. Нет, он не картинный злодей (типа Рыбакова). Он просто никакой. Мыльный пузырь да и только. И все пыжится, что–то изображает… весьма значительное и глубокомысленное.

Нет, он не картинный злодей. Баловень судьбы (сын лейтенанта, тьфу, академика Шмидта, героя Северной Илиады), он вырос под тенью славы отца, но в семье изнеженной львицы Маргариты Эммануиловны Голосовкер, окололитературной дамы (она в 1941 г. составила книгу-альбом «М.Ю. Лермонтов»). Ее брат был интересным философом (В.Э. Голосовкер), автором примечательной книги «Кант и Достоевский»). Итак, мы были с детства ненаглядной крошкой, сибаритом, слегка интересующимся всем понемногу, а больше всего блеском светской академической жизни с ее утонченным ритуалом взаимных дифирамбов.

Увы, своих талантов папаша Зиге не передал. Он это отлично понимает. Но знает также, что это не столь уж плохо для сладкой жизни, а может быть, в совокупности с другими качествами даже хорошо (меньше вызывает зависти, скорее снисходительное покровительство: «бедняга, он не талантлив», не то что, скажем, «я – академик такой-то»). Когда Зига шел в колеснице Михал Николава и до лавров ему было далековато, тот заставлял его работать, хотя и понимал его качества. Уже на третьем курсе он обратил внимание на фигуру Адашева и с тех пор до докторской диссертации исключительно крутится вокруг него. Первые работы были написаны им сравнительно добротно. Что такое наука, Зига знает отлично. У него масса сносок, хорошо собраны источники (за видимостью, наукообразностью он следит – все должно быть, как у людей). Широта привлеченных (часто не относящихся к делу материалов) соседствовала с полным отсутствием мысли. Тогда он не позволял еще себе этакое парение – и школа не та, и чины небольшие. Его интересовало слегка в общем все, нахватает во всем, что лежит на поверхности, что модно, поразительно. Он знает обо всем. С умным видом говорит банальности, придавая значение своим словам, которые его не имеют. В последнее время это увеличилось – для работы времени и желания больше не было, а положение обязывало к руководящим указаниям, широте постановок вопросов и т.п. У него появились теперь этакие эрзац-мысли маниловского типа: «а почему бы и не… А может быть…» Эмпиреи без какой-либо ответственности. Докторскую защитил в виде совокупности статей («Исследования по»). Из трех не связанных друг с другом статей выпустил в прошлом году первую (!) книгу под типичным названием «Самодержавство» (и значительно, и бессмысленно). Чтобы

создать впечатление своей учености, он разбрасывает по миру свои статейки – или мини-этюды о второстепенных вопросах (ох, какая глубина и солидность) или постановочно-направляющие доклады.

Трудиться ему не к чему. Светская жизнь. Концерты. Визиты к академикам и в различные офисы (Главное архивное и т.п.). Командировки. В частности, Италия, Франция, ГДР, Швеция. Конференции. Заседания (страсть как интересно). Все это отнимает так много времени. Он весь издерган. На месте сидеть не может. От природы заикаясь, он лечился от этого недуга и стал неплохим лектором, хотя и витиеватым. Фраза у него обгоняет фразу, создавая плетение словес, уснащенное ссылками на блестящие исследования таких-то исторических звезд. Впрочем звездой телеэкрана он стал и сам, ведя программы по истории СССР.

Жизненные устои у него твердые. Он должен быть хорош со всеми (сильными мира сего). Льстить бесстыдно, беспробудно (авось, что-нибудь и останется – ведь слаб человек-то, податлив на красивые слова). К начальству – полное послушание. В быту – видимость либерализма («я-то понимаю, но»). Верой и правдой служит академикам. Сначала был Тихомиров. Один срыв. В годы космополитизма: Лев и Петруша Зайончковский выругали учебник Т-ва. В Университете устроили его обсуждение, на котором выступали как раз те, кто позднее надрывно говорил о своей пламенной любви к старику (в частности, Белявский). Обмотавшись шарфом (болели зубы, что ли), явился Зига и что-то под нос бормотал осудительное. Все это вызвало скорее смех. И слава богу!. Память людская коротка. Все забылось. Ведь Зигушины слова всерьез никто не принимает. Ссора со мной Тихомирова обеспечила ему рывок вперед. Рыбакову же он обязан Комиссией…

Есть у него перед наукой и несомненная заслуга. Это студенческий кружок, которым он руководит уже 25 лет. Поступив в Архивный на кафедру СССР, он вскоре освоился и взял на себя руководство кружком источниковедения (Архивный в это время оставил Лев, который ранее вел кружок). К Зигуше тянулись первокурсники, раскрывши рот, слушавшие с эстрады интеллигентную речь с атрибутами учености. Шмидт купался в славе и, действительно, не оставлял без внимания учеников – учениц у него фактически не было. Странное дело: он предпочитал иметь среди учеников всяких «лбов», но с билетом, чем умников. Впрочем, настоящих учеников у него до недавнего времени не было: на старших курсах ребята шли ко мне, продолжая посещать и кружок. Только после того, как я фактически отошел от Архивного, у Шмидта появились истинные ученики (с Наташкиного и Володькиного курсов – Чирков, Амосов, Новосадский и др.). Кружок часто собирается. Тематика его широка. Шмидт организует выступления «имен» (Андроников, Рыбаков, Янин и др.) Все слушают с восторженными глазами. Докладов студентов гораздо меньше. И обсуждения хуже, чем могли бы быть. Непременным участником всех заседаний является мой Каштан, который, как и многие другие «старички», выступает в прениях. По об-

разцу Шмидта Каштан завел кружок в Областном пед. институте, где он некоторое время преподавал. Ну, а уж реклама в связи с юбилеями кружка поставлена образцово (и в газетах, и в журналах). Выпущено два сборника студенческих статей и др. Словом, кружок для многих был лучшим местом для знакомства с наукой, светлым воспоминанием о годах, проведенных в Институте.

В Институт Истории Шмидт сделал скачок не сразу. Сначала он стал зам. ред. «Истории СССР». Вот тогда-то у него и произошла ссора с М.Н. Он напечатал одну из статей старика петитом, тогда как Черепнина – корпусом. Умысла никакого в этом не было. Мнительный Михал Николав усмотрел ущемление. И разозлился всерьез.

Затем Зигуша из журнала (который формально был при Ин-те) попал в сектор многотомной истории к Фадееву. И уж оттуда в наш. Не выполнил план (ничего не написал), но вовремя перешел в другой сектор, невыполнение «списали», а там и Комиссия подвернулась. Шмидт будет в царстве небесном. Он продукт гнилостной среды, незаменим для сферы интриг и кулуаров. Вот эпизод, весьма характерный для него. Он возвращается из командировки, встречает меня (сектора на втором этаже, на первом – Отделение и Институт Археологии) и сразу спрашивает: «Ну, как тут дела?! Короче, что нужно знать на первом этаже, пока не поднялся на второй?»

Наши отношения всегда были неприязненные, но внешне любезные («Зига»–«Саша»), ведь он на курс младше меня, и мы учились еще вместе в Ташкенте. Всегда он смотрел на меня, как лисица на виноград, ожидая только мгновения, когда можно будет съесть («Уж зелен-то как»). Всегда не соглашался со мной (в запас!). Делал мелкие пакости (не брал статьи, печатал тихомировскую рецензию на Слово и т.п.). Но и я решил, что ни одно его слово не останется без ответа (отсюда, между прочим, и мои контр-работы: о Выписи, о Царском архиве, о «ревунах», о «романтизме», словом, на изничтожение этого пузыря).

* * *

Зигуша – страшное дерьмо[449], Меня все время раздражает, что он пыжится, изображая некую значительную персону, чем пытается скрыть полную душевную опустошенность.

---

[449] *Нижеследующий текст – рукописный 1968–1969 гг. (находится в моем архиве). По-видимому, он принадлежит к комплексу «Непродуманные мысли». Считаю необходимым помещение этого фрагмента, полезного для понимания умонастроения автора, постепенно смягчавшего свои резкие, порой и чересчур резкие оценки людей, как в данном случае. Однако в целом в характеристике Шмидта А.А. Зимин в целом был прав. Даже на пятых чтениях памяти А.А. Зимина академик Академии образования не удержался от бестактности по отношению к первой жене А.А. Зимина – А.В. Новской, обвинив ее в том, что она своим неловким движением во время родов сама погубила («задушила») детей. Конечно, откуда холостяку было знать, что высшая стадия токсикоза беременности (эклампсия) сопровождается катастрофическим повышением давления и*

Баловень судьбы, воспитанный в гнилой академической среде «нового типа», он рос под сенью героя-отца, покорителя ледяных просторов, в семье, оставленной папочкой изнеженной гурманки Маргариты Эмильевны Голосовкер (ее брат, между прочим, интересный то ли философ, который вечно не вполне в себе, автор примечательной книги «Кант и Достоевский»). Итак, мы были с детства вундеркиндами, интересовались всем и понемногу, но воспитались сибаритами по преимуществу.

Абсолютная бездарность, думаю, ощущается Зигой отлично. Однако ранее, когда он шел в колеснице академика (М.Н.[450]), тот заставлял его все-таки делать дело – и с третьего курса университета до «докторской диссертации» Зигуша пронес одну тему: «Россия середины XVI в.». Работы об Адашеве, царском архиве и др. были еще сделаны по принципам доброй науки: они поражали кругозором (а Зига старается «быть на уровне», всегда стремится все знать и фигурять своими знаниями), обстоятельностью и отсутствием мыслей. В последнее время все наоборот: Зига не дает уже себе труда серьезно трудиться, с умным видом говорит банальности, придавая особое значение фразе. И вместе с тем у него появились «фантазии» маниловского типа: «...а почему не могло бы быть и этак». Опять все то же «романтическое» направление.

Он органически не может трудиться. Этому лбу уже за 46 лет – а ведь книг у него еще нет. Ходит в концерты, в общество, побывал во Франции, в Италии, ГДР, Швеции и т.п. На одном месте он вообще усидеть не может, он вечно должен быть в движении, на людях, что-то изображая. Но это изображение все-таки подчинено известным устоям: видимость непосредственности и либеральности при *полной* службе начальству Верой и Правдой. Он всегда при Рыбакове и Хвостове и том, кто ему сегодня больше платит.

Семьи у него нет. Думаю, что это не случайно. В отношении к людям – голый расчет. Единственная его заслуга перед жизнью – это кружок в Архивном институте. Здесь он блаженствует: сцена ему обеспечена. Вначале ребята поддаются аромату либеральных фраз, а потом понимают, что перед ними – пустоцвет. Сам же он приближает к себе кого попроще (из народа), поисполнительнее, кто с трудом может в нем разобраться, а зато котируется на общественном торжище. Кружок для него – опыт руководства паствой, к которому он себя готовит. Он будет в бессмертных – это абсолютно ясно. За время пребывания в Институте истории он ничего не сделал. То был зам. редактора «Истории СССР»,

---

страшными непроизвольными судорогами. Мать погибла от того, что в быту называется апоплексическим ударом, а дети – от судорог. Эта мелкая, но гнусная и абсолютно бессмысленная бестактность меня поразила... Я уж не говорю о произвольных сокращениях текста Тихомирова об А.А. Зимине в сборнике 1968 г. «Русская культура XVI–XVIII вв.» 1968 г. Об этом я говорила в докладе на секторе в 1969 г., почему и перестала печататься в «Археографическом ежегоднике» вплоть до 2011 г. (по инициативе Е.Н. Марасиновой и из благодарной памяти В.В. Дорошенко).

[450] *М.Н. Тихомиров.*

блаженствуя от того, что мог вращаться в свете, то он зам. зав. сектора «по написанию» (Фадеева, который его возненавидел за безделье и наушничество, будучи сам гадом куда большей консистенции). Оттуда сбежал к Черепнину: но работу свою о внешней политике России XVI в. так и не написал: Хвостов его отечески пожурил, но снял ее из плана. К тому же Зигуша был уже в другом секторе – методологии. Вот здесь для него открылся полный простор – можно болтать сколько угодно и ничегошеньки не делать, редактируя, сочиняя общие доклады и т.п.

Холóдный, скользкий, он никогда не смотрит в глаза, и все пыжится, и пыжится, раздуваясь, как мыльный пузырь.

Лесть, лесть, липкая и безоглядная, лесть, размноженная на чинопочитание. Вот избирают Черепнина в академики, того Черепнина, которого он откровенно ненавидел (Тихомиров!)[451]. И все изменилось на следующий день после заседания Отделения С.Ш. провозгласил Черепнина крупнейшим историком в своем докладе в Кремле (в Оружейной палате). Через несколько минут лишь после избрания Общим собранием он уже был на заседании нашего сектора – и через М.М. Зайцеву передал о счастливом известии всем. Он сразу же сказал Л.В.: «В день, когда Вас избрали академиком, я подписал очередной том «Ежегодника» со статьей Черепнина». А вскоре вручил том «Ежегодника» с масляной надписью: «Редакция считает за честь публиковать статьи Черепнина на страницах своих изданий».

Да разве один Черепнин! Вот том за 1971 год. Здесь кого только нет – Нечкина – археограф, стенограмма Дружинина, Перетц, о Губере, Тихомировские чтения, Лихачев и т.п. Статейки превратились в визитные карточки. Появились бесконечные хроники и др. материалы журнального типа. Конечно, имя бездельника Шмидта стало склоняться и спрягаться в издании, где видное место заняли статейки его учеников. Стал бессовестно раздуваться миф о «великом историке» Тихомирове. Ежегодно собираются «Тихомировские чтения», на которых выдумываются заслуги покойного академика, причем те, которых не было. Издаются сборники его трудов. О качестве одного из них я писал специально. Разменной монетой стал и состав Археографической комиссии, который формируется (как и состав Ежегодника) самим Шмидтом[452]. Меня он не вытряхнул пока, но в Ежегоднике одну из статей отказался печатать, т.к. де она носит генеалогический характер, а этими вопросами занимается Павленко. Явный предлог. Так «любимый ученик» в лучах славы старика рвется на академический Олимп. Впрочем, сам-то Т-в цену Зигуше отлично знал, но ценил его преданность. Бум и блеф

[451] А ко Льву он относился прохладновато – побаивался его и Т-ва. Но теперь Т был мертв. Все изменилось.

[452] Шмидт на работу взял дочь С.В. Житомирской, тем самым превратив Отдел рукописей ГБЛ в свою вотчину. В редакцию «Ежегодника» ввел зам. дир. Института славяноведения Дьякова, не имеющего никакого отношения к археографии, но «нужного» человека (комиссия по тихомировской традиции административно связана с Институтом славяноведения).

сопутствуют теперь деятельности Зиги и его комиссии. Обладая респектабельностью (академическое происхождение!), Зига забавляется бирюльками самозабвенно, крутясь при сильных мира сего (Рыбаков, Лихачев, Отделение). А так как он бездарен (это любят ученые мужи), обходителен, льстив и неопасен, то быть ему в царстве небесном! Великая «собачка дворника» работает безотказно. Правда, Рыбаков держит его лишь до поры до времени (все-таки полукровка, мама Голосовкер для Рыбакова страшнее черта). Но уж очень Зига старается заслужить милость этого академика (выступает с рецензиями на его книгу о Слове, выступает на защитах его учеников, расхваливает бесстыдно на конгрессе славистов, принимает учеников Рыбакова в Комиссию и т.п.).

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СКАЧКИ

Как будто Анатоль Франс сказал, что надо ученым благословлять небо, что в Бессмертные попадают олухи царя небесного. Если б туда выбирались настоящие ученые, то всем другим было бы крайне обидно. А так у каждого остается смутная надежда, что именно он и есть настоящий Творец науки и именно поэтому он и не удостоился быть сопричастным лику бессмертных.

Как бы то ни было, но кого-кого, а олухов или просто бездарностей среди «бессмертных историков» хоть пруд пруди. Вот примерный список академиков за последние годы (единовременно по Отделению числится примерно чертова дюжина академиков): Патриарх академиков – Исаак Израилевич Минц (с 1946 г). В том же году с послов в Англии в академики был переведен И.М. Майский, но он в прошлом году умер. В 1953 г. академиками стали Н.М. Дружинин (ему благополучно исполнилось в прошлом году 90 лет), П.Н. Поспелов и умерший в 1966 г. М.Н. Тихомиров. В 1958 г. выбраны в действительные члены Академии Е.Н. Жуков, М.В. Нечкина, Б.А. Рыбаков и скончавшийся недавно С.Д. Сказкин. В 1962 г. академиком стал секретарь ЦК Б.Н. Пономарев. В 1964 г. академиком стал В.М. Хвостов (умерший в 1972 г.). Затем к лику бессмертных были сопричислены Б. Гафуров, А.П. Окладников, А.А. Губер, скончавшийся в 1970 г. Б.В. Пиотровский, в 1972 г. А.Л. Нарочницкий и Л.В. Черепнин и в 1974 г. Коростовцев.

Посмотрим теперь, чем известны эти «отечества отцы». О Борисе Николаевиче Пономареве вряд ли стоит сейчас специально говорить. Это – фигура общесоюзного масштаба, и историки КПСС о нем еще напишут много, Петр Николаевич Поспелов, ныне уже совсем мараз-

матик, тоже ведь некоторое время был секретарем, директором ИМЭЛ, автором каких-то разделов «Краткого курса». И.М. Майский – человек европейски образованный. В свое время (Гражданская война) он входил уже в РСДРП, потом стал большевиком. Написал он уйму, все воспоминаний и политических книг. Биография его также принадлежит истории, а не историографии. Б. Гафуров в свое время тоже был секретарем, но в Таджикистане. Написав популярную историю таджикского народа, он не только стал Историком, но и директором Института Востоковедения, так сказать, главою отечественного востоковедения, наследником Бартольда, Крымского, Крачковского и других титанов. Человек, как говорят его сослуживцы, в общем покладистый, друг Е.И. Жукова.

Нынешний глава исторической науки Евгений Михайлович Жуков также числится по департаменту востоковедения: еще до войны он написал популярную книгу по новейшей истории Японии (его учителем был гуманный и мудрый Николай Иосифович Конрад). Затем с наукой он не очень дружил. А все потому, что некогда. В ведомствах он работал весьма серьезных. Правда, самоубийство его первой жены на время прервало блистательную карьеру. Но вскоре все вошло в прежнюю колею. Еще членом-корреспондентом он стал и.о. академика-секретаря (1957) и вскоре после этого академиком. Под его началом вышли «Всеобщая история» и «Советская историческая энциклопедия». Человек Евгений Михайлович равнодушный, но не вредный. Сам пакости делать не будет, разве что по указанию сверху.

И опять женщины. Какая-то там история с женой его наследника Юлика Бромлея – и вот в начале 1970-х гг. он в полуопале (директором института Всеобщей истории, которым он предусмотрительно стал при разделении институтов в 1968 г., он продолжал оставаться). На его место приходит его враг Хвостов. Только в 1975 г. Жуков снова занимает отделенческое кресло.

Жуков начисто лишен охотнорядского привкуса, что уже само по себе хорошо. Словом, как руководитель науки в сложившихся условиях Жуков даже благо, ну а как ученый... Это уже другое дело.

Правой рукой Жукова был Александр Андреевич Губер, сгорбленный старичок с бегающими глазками. Так же, как Жуков, автор одной популярной книжки (на этот раз об Индонезии и Филиппинах). Вместе они работали где-то там. Губер последние годы возглавлял советское бюро историков и незадолго до смерти выбран на конгрессе в Москве президентом ассоциации историков. Ушлый, дошлый человечек, жизнел[юб] любой ценой.

О Владимире Михайловиче Хвостове и его отношении к науке я писал в другой связи[453].

---

[453] См. «…в храме» (там же о А.Л. Нарочницком). А М.Н. Тихомирову, Л.В. Черепнину и Б.А. Рыбакову посвящены отдельные этюды книги.

Несколько слов хочется сказать и о наследнике престола Жукова, ныне члене-корреспонденте Юлиане Владимировиче Бромлее. Юлик – человек родословный. Его предком был Шервуд Верный, настучавший на декабристов и получивший поэтому свое прозвище. Шервуд – архитектор Исторического музея – также числится в предках Юлика. Ну а по фамилии уже ясно, что Юлик является наследником Бромлеевских заводов. Но не только. Дедом Бромлея был реформатор отечественного театра К.С. Станиславский. Его незаконным сыном был В.С. Сергеев (Юлик также незаконный), блистательный лектор и профессор МГУ, специалист по истории Древнего Рима. Следовательно, самой судьбою Юлику предуказано быть историком (мать Юлика – преподавательница английского языка на истфаке МГУ). Какой-то красноватый румянец, бесцветные бегающие глазки и остренький (прибалтийский) нос, вечно поддергивающийся, как бы принюхивающийся к обстановке.

Юлик родился в 1921 г. Служил в армии. Кончил Университет. И понял, что путь к славе лежит через передние сильных мира сего. Реально (а он – холодный игрок по натуре) – через семью Б.Д. Грекова. Он стал другом сынка академика Игоря и вошел в доверие к самому академику. Понимая, что через феодальную Русь не пробьешься, он решил сделать своей вотчиной славяноведение (наука молодая – кто знает, что будет). Кандидатская диссертация его посвящена была аграрным отношениям и классовой борьбе Хорватии ([...]), а докторская – генезису феодализма в Хорватии (прямо по Грекову).

Человек современный, Юлик знал отлично, что одного покровительства и научных трудов мало, нужно хлеб насущный добывать административным рвением. И вот он становится ученым секретарем Отделения, изучает в тонкостях всю академическую кухню, становится (как Глумов) незаменимым для всех (особенно для Жукова) своим плоть от плоти. И дело сделано – в 1966 г. сразу же после защиты докторской получает освободившееся от Толстова место директора Института этнографии. Маленькая, но все же вотчина. В том же году он уже делается членом-корреспондентом.

Работы у Юлика вполне академичны. В них и знание латыни, и знакомство с разноязычной литературой. И столь любезные сердцу Бориса Дмитриевича ренты и общины. И какие-то подобия самостоятельных суждений в рамках общей схематологии.

В институте он пользуется почти всеобщим сочувствием: во всяком случае пакостей не делает, дает всем заниматься своими делами. Пришлось и ему самому стать этнографом, А что? И вот появляются теоретические доклады-статьи на тему о том, что есть этнос, нация и т.п. С усердием, присущем с детских лет, Юлик доказывает, что западные и восточные немцы представляют собою две разные нации, и т.п. Словом, все, что соответствует духу времени. И, конечно, не как-нибудь там вульгарно, а со всеми аксессуарами науки. Вот уже все до-

клады собраны в небольшую, но все же книжку. Жизнь идет. Разъезды по конгрессам. Работы уже совместно с соавторами. Словом, все, как у людей.

Да вот беда: накладка произошла с патроном. Дело в том, что сам Юлик, как человек ледяной, нуждается в допинге. Им у него стали жены. Первой была Ирина Михайловна Рассчетнова (во втором замужестве Пушкарева). Этакий в стиле купеческой оторви голова бабец (ныне доктор исторических наук). Но что-то у них не сложилось. И вот вторая жена – Наташа – красотка (в жены он ее взял прямо после школы, заставил окончить Архивный заочно, превратил в кандидата). Темперамента у Натальи оказалось с избытком. (Наука у нее актуального разреза: «Неуклонный рост материального благосостояния рабочего класса». Что-что, а эту тему она достаточно хорошо знает как надо излагать). О ее похождениях слагаются легенды. Одна из них привела к падению Жукова. Естественно, что как всякого временщика, падение коснулось и заместителя академика-секретаря, который потерял этот свой пост (под напором коалиции Рыбаков–Хвостов). Теперь перспективы казались безнадежными. Даже те, кто мог бы его поддержать на выборах в академики, предпочли ему более реального в сложившейся ситуации Манфреда. Но тот не прошел, оставаясь все равно заслоном отделяющим Юлика от заветного академического кресла.

Последнее время забрезжал свет надежды. В 1975 г. Жуков снова вернулся на пост академика-секретаря, его заместителем, конечно, сделался Бромлей. Рыбаков потерпел поражение. Но этого было недостаточно, и вот Бромлей соглашается занять в Президиуме хлопотливую должность зам. ученого секретаря Скрябина по общественным наукам. Не мытьем, так катаньем – вот очевидный ход его размышлений: «Надо спускаться на грешную землю сверху».

У меня с Юликом отношения старинные. Во время диссертаций он крутился вокруг, советовался, был вроде как бы приятелем. Именно он сагитировал нас снимать дачу в Жевневе (где несколько лет жил он, а в тот год и М.Н. Тихомиров). Затем Наташа нас как-то развела (женихался он с нею еще в Жевневе). Наступил год Слова. Юлик, как ученый секретарь Отделения, вел все «дело». Вроде как бы благожелательно. Но, услышав, что в Известиях ОЛЯ печатается хроника о моем первом докладе в Ленинграде, как бы невзначай «стукнул» Жукову, тот распорядился ее снять. Так о первом заседании в печати не появилось ни слова. Постепенно Юлик стал меня слегка обходить стороной (чтоб не подумали, что он в каких-то там отношениях со мною). После обсуждения именно он редактировал возмутительную хронику, написанную для «Вопросов истории» Кучкиным и Твороговым.

Годы проходят. Прошлое забывается. Я снова в минимальной, но стал все же в какой-то степени нужен Юлику. Как ни в чем не бывало.

И все же я ему буду навсегда благодарен, он приютил моего бедного Сережу [...][454]

Главою историков советского периода в составе академиков является Исаак Израилевич Минц. Ушлый-дошлый, переживший всех и вся. Какой ценою, известно немногим. Ведь в 1948–49 г. его имя было жупелом, он был переведен из МГУ в МГПИ. Общественная биография Минца – дело особое (кажется, именно его отчасти вывел Ю. Трифонов в романе «Дом на набережной» под фамилией Гончука). Писал он немного, больше редактировал. Но вот уже на закате дней издал трехтомник «Великая Октябрьская революция». Получил Ленинскую премию. Что в этом труде написано Минцем, а что его секторянами, известно только членам «авторского коллектива Минц и К°».

Археологи Окладников, Рыбаков и Б.Б. Пиотровский. Первые два – явные авантюристы. Последний – директор Эрмитажа – автор книги об Урарту. Говорят, скучный, но ученый.

Покойник С.Д. Сказкин написал когда-то в 20-е гг. книгу о внешней политике Бисмарка и после этого не грешил наукой, числясь признанным специалистом по позднему средневековью (лекции о вторичном закрепощении крестьян, опубликованные незадолго до смерти, отличаются схоластикой и глубоким незнанием современной литературы и источников, написаны они были еще к 40-м гг.). О нравственном облике этого академика мне писать просто не хочется.

Науку в составе бессмертных представляют Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина, Л.В. Черепнин и, кажется, Коростовцев. Нечкина, безусловно, человек талантливый, но как ученая – абсолютно бессовестная. Дружинин уже в начале 50-х гг. покончил с наукой (как женился на Елене Иоасафовне). О Черепнине я уже писал.

Не правда ли, дорогой читатель, в целом – картина вполне в духе Анатоля Франса?

Посмотрим теперь, «как делаются академиками».

Для примера возьмем шоу 72 и шоу 74. Нарочницкий в 1972 г. прошел одним голосом (сравнительно с Манфредом). Говорят, что старый маразматик Майский при выборах запутался и по ошибке вымарал тех, за кого хотел проголосовать (Манфред, Черепнин) и проголосовал за тех, кого хотел вычеркнуть (Нарочницкий, Бромлей). Путь в академики Нарочницкого был долог и лежал через АПН, куда он проник благодаря Хвостову. Работа в журнале «Новая и новейшая история» и по изданию дипломатических документов давали для этого солидные шансы. Так, в журнале он напечатал какие-то материалы, связанные с мамашей Дружининой. Ездил он также к Окладникову и презентовал ему экстра-охотничье ружье. Но прославился наверху речью о Ваське – коте и других ревизионистах незадолго до выборов.

История выборов Черепнина – история его мытарств, по меньшей мере, в течение 12 лет. Сложилось так, что его поддерживала группа

---

[454] *Далее текст не пропечатан (обрезан).*

ученых да к тому же беспартийных (Сказкин, Нечкина, Дружинин), которая сама по себе сделать ничего не могла. Блокировал путь Черепнина мощный треугольник из Тихомирова–Рыбакова–Жукова, используя поддержку партийной элиты (Пономарев, Поспелов) и рыхлость болота (Майский, Минц). За годы выборов противники Черепнина провели в члены-корреспонденты В.И. Шункова (1962), А.М. Самсонова (1964), М.П. Кима. Затем, в 1966 г. единственный раз выставлены были возрастные цензы в член-коры и академики, и Черепнин не выставлялся.

Затем академиком стал Б. Гафуров. В 1970 г. место предоставлено было только по истории культуры (чтоб блокировать выборы Черепнина) и прошел Б.Б. Пиотровский. Наконец, наступил 1972 г. Черепнину Рыбаков противопоставил М.П. Кима (демагогия: «надо укрепить прослойку академиков-специалистов по истории советского общества»).

Средства, которыми боролись с Черепниным, вряд ли можно предусмотреть какими-либо правилами игры. Тихомировым и особенно Рыбаковым была пущена в ход утка о Черепнине как о плагиаторе, списавшего свою метрологию у Устюгова в то время, как тот выполнял свой патриотический долг и воевал с фашистами. «Моя совесть не позволяет мне голосовать за плагиатора», – вопил обер-бандит Рыбаков.

Старик Тихомиров плакался Майскому, испытавшему прелести гонений: «Вы подумайте только, в 1949 г. Черепнин написал на меня рецензию погромную. А знаете, это чем в те годы могло обернуться? Ведь у меня погиб в 37-м году брат».

Но к 1972 г. Тихомиров уже умер. Сказка о плагиате стала уже приедаться. К тому же произошла перестановка сил: Жуков и Рыбаков резко разошлись: первый стал во главе «интернационалистического» направления, а второй – националистического (в составе Отделения).

Минц, Майский и Гафуров пошли вслед за Жуковым. К ним примкнули молодые корреспонденты Бромлей и Ю.А. Поляков[455], а также Дружинин и Нечкина (с ее мужем, братом когда-то погибшего наркома земледелия Яковлева-Эпштейна). Словом, дело окончилось тем, что на этот раз Черепнин прошел блистательно (против трое – Рыбаков, Окладников и, наверно, по ошибке Майский)[456].

На выборах в члены-корреспонденты два места из четырех остались вакантными, ибо голоса «разошлись» (прошел Ковальченко). Чуть-чуть (не хватило одного голоса) не прошел А.О. Чубарьян, тогдашний ученый секретарь Отделения (он хотел повторить вольт Бромлея). Сын зам. директора Ленинской библиотеки ушлый Александр Аганович в

[455] Ю.А. Поляков р. в 1921 г. Учился вместе с Сашей Мальцевым. Мать у него того происхождения, которое не устраивает Б.А. Рыбакова. В 1965 г стал доктором, а в 1966 г. членкором (докторскую о переходе к НЭПу издал в 1967). Импозантен, все время на виду, борется с ревизионизмом В.П. Данилова и иже с ним.

[456] В предшествующие выборы во втором туре Черепнину не хватало одного голоса. Майский согласился проголосовать за него. Но произошло то же самое, ибо «отвалился» Минц.

науке себя ничем не проявил, кроме как популярной книгой о Ленине и Брестском мире. Ему совсем мало лет. Рыбаков по известным причинам его смертельно ненавидит. «Гусарский рейд» чуть не удался – а уж стыд-то был бы какой! Пару голосов не хватило и С.Л. Утченко, которому так и не удалось пробиться в бессмертные член-коры (в этом году он умер). На пятки ставленникам Жукова наступали рыбаковская Зина Удальцова и зам. Пономарева по его ведомству Ульяновский, которому пора на пенсию и нужно искать тихую заводь! Рыбаков в какой-то мере компенсировал свое поражение при выборах по всеобщей истории в членкоры выборами по истории СССР. И.Д. Ковальченко, универсант, конечно, его кандидатура. Ее поддерживали также Янин, Волобуев и др. Иван Дмитриевич, конечно, ученый. Но этого мало – он кругленький, вечно лавирует, хотя с ясными-ясными глазами старается предстать в виде этакого добродушного рубахи-парня. Редактор журнала «Истории СССР». Сравнительно молодой человек.

Еще в 1966 г. был проведен эксперимент с возрастным ограничениями при выборах в академики и член-коры. Смысл его был ясен – Академия нуждается в пополнении своих рядов, которое могло быть использовано в качестве администраторов. В результате членкорами стали Ю.В. Бромлей, Ю.А. Поляков и неожиданно В.Д. Янин[457]. Все это, так сказать, младотурки. Люди вполне толковые, резко отличные от академиков. Но в целом эксперимент не удался, и в следующие выборы вернулись к старой практике. В 1970 г. избран был в член-коры П.В. Волобуев. Это была победа Рыбакова (Пашуто и другие «соискатели» академических званий решили не препятствовать своему директору и кандидатур не выставили). Жуковской кандидатурой за отсутствием более подходящих оказался пустозвон В.В. Мавродин. К тому же он был почтенного возраста. Словом, противостоять Волобуеву он не мог.

Выборы 1974 г. стали полным поражением Рыбакова. Они происходили в ожесточенной сваре. Беспрецедентным было уже то, что после нормальных трех туров ни одно место не было заполнено. Так велико было противостояние враждующих групп.

Замысел Рыбакова отгадать было нетрудно. Чтобы заблокировать Манфреда и Бромлея, он, несмотря на протесты Гафурова, взял вакансию академика по востоковедению. Он рассчитывал провести сравнительно молодого Тихвинского (директора института Китая), и спокойно передать ему бразды правления Отделением. Ясно, для Жукова и Гафурова это было зарез, и вот они противопоставили ему Коростовцева. Это старый (75 лет) и, по отзывам, серьезный египтолог-фактограф. В молодости моряк, бывавший в Египте. Потом он долгое время отсутствовал. В кандидатах в академики был и Ульяновский.

С тем, чтоб не допустить Чубарьяна, Рыбаков взял ставку член-кора не по всеобщей истории, а уже – по средним векам. Он полагал, что на

[457] *О Янине и обстоятельствах его избрания см. «Валечка-душечка».*

этот раз у Зины Удальцовой соперников не будет. Не тут-то было. Жуков противопоставил ей В.И. Рутенбурга, серьезнейшего и сравнительно молодого (около 60-ти) медиевиста из Ленинграда, автора ряда книг и изданий по истории Италии эпохи Возрождения. Выдвигался и А.Н. Чистозвонов. По отечественной истории специализация была сужена до истории СССР советского периода. Ставленником Рыбакова был молодой декан истфака Кукушкин. С ним противоборствовал Л.С. Гапоненко, вот уже в течение ряда выборов безуспешно выставлявшийся Минцом, Поляковым и другими. Но никто не получил необходимого большинства, хотя претенденты и их сторонники развили бурную деятельность. Звонки, просьбы и пр.[458] Так сам Лука просил Льва поддержать его хотя бы в следующем туре, если не пройдет Е.Н. Городецкий (одна из кандидатур Жукова, Нечкиной). В случае, если в Отделении не избрали бы никого. В итоге нервы не выдержали у Рыбакова. Дело грозило ему, как академику-секретарю, серьезными осложнениями. И вот он решил плюнуть на старика Коростовцева, пропустить его в синклит, если его противники из Отделения проголосуют за Кукушкина. Баш на баш. И просчитался.

Коростовцев прошел, а все кандидаты в члены-корреспонденты снова не получили необходимых 2/3 голосов (в том числе и Кукушкин)[459]. Жуков мог торжествовать победу. Падение Рыбакова было предопределено.

Выборы для одних – рулетка, для других– подготовка к будущему. Бромлей пока «обкатывал» свое имя (пусть старики привыкают). Пашуто в 1962 г. говорил: «Сейчас мы только гарнир на блюде». Статья Бромлея об Окладникове в «Правде», Жукова о Манфреде в «Правде» (рецензии на их труды), Носова в «Коммунисте» имели целью не только выборы текущие, но для некоторых борьбу «за голоса» на будущих.

При обычном соотношении сил часто проходит «третий радующийся» (тихий) – лбами сталкиваются два первых кандидата. Поэтому каждая из групп «играет» на нескольких лошадях («третьим» прошел Шунков в 1962 г.). В последнее время буйволы все бессовестнее толкают своих ребят, невзирая ни на что, не соблюдая камуфляжа (Чубарьян, Кукушкин, едва-едва защитивший докторскую диссертацию). На всеобщем курултае академиков случаев провала историков почти не было. Завалили только Трапезникова (зав. отд. науки[ЦК КПСС]).

Особенно смешно так называемое «общественное мнение», сравнивающее достоинства и недостатки тех или иных кандидатов (кандидатов выставляют и «поддерживают» выставленные учреждения, а

[458] В 1972 г. в раж вошел, казалось бы, спокойный Ю.А. Писарев. Он бегал по своим друзьям (Поляков, Бромлей и др.), собирал подписи под выдвижением в членкоры. В конечном счете, получил пяток голосов. Играющие на скачках любят делать ставки (голосовать) за нескольких с целью выяснить, какая из лошадей имеет больше шансов попасть в обойму.

[459] За Городецкого уже в первом туре голосовало только 7 человек (а надо минимум 21).

в некоторых случаях «группа ученых», академиков и пр.). Наиболее достойные ученые в состав бессмертных не попадают. Не вошли в их сонм А.И. Андреев, С.Н. Валк, П.А. Зайончковский, А.П. Дьяконов, М.Д. Приселков, А.Н. Насонов, А.И. Клибанов, Я.С. Лурье, Н.Н. Воронин, А.П. Каждан, А. Гуревич, А.Д. Монгайт, не стал академиком один из величайших ученых-искусствоведов В.Н. Лазарев, а также М. Алпатов.

Если в академики ученые прорываются, то в члены-корреспонденты теперь это бывает сделать очень трудно. С 1949 г. вообще беспартийные (кроме Нечкиной) член-корами не избирались, Ведь долгое время вопрос о кандидатурах решался предварительно на партгруппе[460]. Теперь членкор – это, прежде всего, чиновник (директор, редактор журнала и т.п.) или кандидат в чиновники. Нужно же компенсировать благородные усилия молодых честолюбцев на ниве научной администрации!

Итак, ипподром заполняют жадные до зрелищ зрители. Скоро выведут соревнующихся жеребцов. Надо делать ставки. Приближаются скачки 1976 года.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ПАЛАДИНЫ

Средневековые университеты отражали иерархическую структуру общества. Традиция их была сильна настолько, что все эти доктора и магистры и кандидаты заполняли многочисленные храмы науки даже в XIX и XX вв. Мне до сих пор эта косность непонятна. В самом деле, если у автора работы есть ученая степень или звание, то это не делает ее саму по себе несущей в себе свет истины. В самом деле, не есть ли сохранение степеней свидетельство слабости науки? Авторитетом творцов хотят прикрыть прорехи их творений и удовлетворить их безмерное тщеславие. Брр!

Революция в общем-то содействовала некоторому очищению науки от пережитков средневековья. Но вот наступил приснопамятный для историков 1934 г. и первой группе историков (в их числе были Б.Д. Греков и С.Б. Веселовский) присвоены звания докторов исторических наук, а на следующий год создана была специальная комиссия по присуждению степеней. Затем начались и защиты диссертаций.

Но степени вводились не только для удовлетворения тщеславия. Их обладателям передавали и весьма существенные материальные блага. Разрыв в материальном обеспечении «остепененных» и «бесстепенных»

[460] Теперь порядок кандидатур в списке для голосования «обкатывается» на чаепитии у президента, где высказываются о кандидатах предварительные суждения. Но реально это еще многого не означает.

сотрудников даже и сейчас очень велик. В системе Академии градации такие: 89–120 р. – младший (и технический) сотрудник без степени, до 200 р. – младший со степенью, 400 р. – старший доктор, 500 р. – зав. сектором доктор. И началась «ловля счастья и чинов». Ажиотаж борьбы честолюбцев охватил науку не в меньшей степени, чем соревнование на производстве и состязания в спорте. Создавалась пирамида, по стенам которой ползли муравьи, а чаще трутни науки.

Кандидатскую диссертацию я защищал в 1947 г. Процедура тогда была сравнительно проста. Прежде всего надо было сдать «минимум», состоявший, как и сейчас, из трех частей: а) философия (еще бы!), б) язык (у нас два – иностранный и народов), в) специальность. Последняя часть постепенно упрощалась. Вместо четырех тем (три по периодам, четвертая по Европе, параллельная) позднее стало две темы и реферат по специальности, практически совпадавший с темой какого-либо раздела диссертации. Затем шеф подыскивал двух оппонентов (кандидата и доктора) из числа более или менее сведущих людей и, конечно, благожелательных к нему и диссертанту. Наконец, помещалось объявление в «Вечерке», где указывалось место защиты, оппоненты и число[461]. И начинался обряд посвящения, превращавшийся в спектакль по заранее известному плану (отзывы диссертант получал заранее).

Вся дальнейшая история с диссертационными требованиями – это судорожные попытки как-то ограничить «поток диссертаций» и бессилие сделать что-либо серьезное. Так, уже к 1950 г. стали требовать печатный автореферат диссертации. Затем возникло требование публикации «основных положений» диссертации в печати. И тут хитроумные диссертанты находили всевозможные способы, чтобы обойти рогатки. Что такое «основные положения»? Стали указывать одну – в лучшем случае две статьи, статьи, находящиеся «в печати», тезисы (ротапринт) студенческих и иных докладов. Ученые записки и другие периодические издания (скорее, скорее) стали заполняться статьями соискателей, которых (бедняг) жалели, холили, так сказать, растили кадры. Появились специальные «аспирантские» сборники (часто на ротапринтах), которые никто не читал. Поток рос и рос. Фабрика диссертаций работает без перерыва. Особенно по «актуальным» темам. Газеты время от времени разоблачают пройдох и жуликов, использующих этот источник обогащения. Но, увы! Есть спец. зал в Ленинке (диссертационный), полный читателями, которые списывают со страшной силой у своих предшественников. В самом деле, смешно: что значит неопубликованная диссертация – или хлам, или свидетельство безобразия (отсутствия возможности для издания), в обоих случаях для науки она пропадает. Кстати, мертвым грузом лежат и тысячи работ студентов, в которых содержится ценнейший материал. Не налажена даже публикация аннотаций или перечней защищенных дипломов. Тогда какого черта они защищаются?!

---

[461] Позднее из объявления оппоненты исчезли (уйма места пропадала зря). Потом исчезли и сами объявления (несколько лет назад).

Для контроля над диссертационной игрой создана была так называемая Высшая аттестационная комиссия (ВАК). По идее в ее состав (обновляемый каждые два год на треть) должны входить крупнейшие специалисты. На практике члены ВАК'а – так сказать, проверенные ученые-чиновники, которые должны бдить и предупреждать крамолу. Как правило, утверждаются все работы (иногда дело затягивается посылкой на дополнительную рецензию). Смешно, что иногда от имени «дополнительного» зависит судьба диссертанта, работа которого одобрена специалистами. Иногда автора приглашают в ВАК, чтоб он дал ответ на замечания дополнительного. Иногда заставляют переписать две-три страницы. Сейчас усилилось воздействие на неугодных диссертантов. Так, марьяжат вот уже много лет Тарновского, докторская диссертация которого (советская историография по империализму) является прекрасным и умным синтезом, написанным с твердых научных позиций. Марьяжат и Фроянова. Дело в том, что его диссертацией (конец 1973) был в общем-то недоволен Лев (роль рабство в Киевской Руси и пр.). Громилы с истфака, конечно, этим воспользовались. Вот и тянется канитель без конца и предела.

Итак, система защит не оправдала себя и стала накладной государству. Отменить ее не в силах пока никто, ибо все начальники, от коих зависит решение вопроса (и прежде всего специалисты в актуальной тематике) лично заинтересованы в ее существовании. Речь идет о прибытках для чиновников. Но все же усложнения для новоприбыльных растут. Так, теперь надо, чтоб оппоненты были не своего офиса. Для отзыва диссертация направляется в третье учреждение (так сказать нейтральное), т.е. не туда, где выполнена работа, и не туда, где защищается. Но все это только декорум.

Диссертации защищаются аспирантами – очной и заочной аспирантур. Ранее некоторое время существовала докторантура. Прием 1942 г. дал Новосельского, Черепнина и Устюгова, прием 1956 г. – меня. Но потом эту фабрику по изготовлению профессоров закрыли. Об аспирантуре мне приходилось говорить (перенести сюда раздел из «Феод. Вотчины[462]»). Это – существенный фильтр. После Университета и других учебных заведений рекомендацию в аспирантуру дают очень немногим (а без нее не принимают), причем учитываются не только данные по академической линии, но и по общественной. Без подобной рекомендации можно пытаться поступить в аспирантуру после того, как отслужил три года. Но это уже становится невозможным для большинства ребят: появляются семьи, аспирантской стипендии не хватает, птенцы разлетаются по всей стране, подготовка (при неизвестном ранее результате) осложняется (все подзабылось). Требования велики: нужно не только знать учебник, а быть в курсе движения науки (хотя бы в общих чертах).

---

[462] *Речь идет о главе «Служители феодального культа», в первой редакции именовавшейся «Феодальной вотчиной».*

Правда, эти требования – часто лишь регулятор потока. Чаще всего заранее известно, кого возьмут (своих учеников, по звонку и т.п.). Но конечно, в принципе для людей талантливых дверь (при всех анкетных данных) не закрыта. В феодалы теперь идут редко – ведь на кафедре в МГУ учат такие лбы, что к ним хорошие студенты не идут (к тому же лбы с институтом не связаны). Да и вообще феодализм трудное и бесперспективное дело. Поэтому аспиранты у нас за последние годы в целом очень слабые[463].

Существенным источником пополнения полчища паладинов является сравнительно недавно введенный (лет десять, что ли) институт прикрепления. По положению прикрепленным предоставляется право защиты диссертации и сдачи минимума. Это очень облегчает дело для тех, кто совмещает работу и подготовку диссертации. Так у меня защитился Женя Добрушкин, а сейчас будет защищаться Володька. «Прикреплена» и Наталья.

Совершенную нелепость устроили несколько лет тому назад, когда ограничили кандидатские диссертации размером в 180 стр. [...], а докторские в 300 стр. Для гуманитарных дисциплин, где все дело в системе (и количестве) аргументов, это просто зарез. И что это вообще значит – мерить диссертацию «на пуды»? Нелепость, которая, однако, открыла дорогу халтурщикам (Так, А.М. Сахаров сразу же защитил докторскую на тему о дореволюционной историографии образования единого Русского государства, которая по объему меньше соответствующей главы в монографии Черепнина).

Задерживаются защиты часто чрезвычайными событиями (год с лишним не было защит после разделения нашего Института, год, пока не создали недавно новый состав экспертных комиссий и президиума ВАК). Или вот случай. А.Л. Литвин (из Казани) формально под руководством И.И. Минца, а фактически сам подготовил диссертацию (докторскую) по крестьянству Среднего Поволжья в Гражданскую войну. Началось обсуждение в МГПИ (там работал Минц). Алексей Львович собрал большой материал, напечатал много работ. Словом, монография у него получилась солидная. Сначала дело тормозил Щагин (друг-приятель А. Кузьмина) всякими придирками. Затем послали работу на рецензию В.П. Данилову. Тот волынил, но в конце концов сказал «добро». Приближалась защита. В.Б. Кобрин как-то звонит Литвину: «Тут сказано, что диссертацию послать в Ин. ист. Но оттуда оппонент. А в протоколе заседаний кафедры не указано, куда послать на рецензию Что делать,

[463] Ограничивает приток аспирантов еще наличие «спущенных» из Президиума ставок. Каждый претендент идет по тому или иному сектору. Правда, при Волобуеве пытались ввести систему: не сектор, а человек. Но она провалилась. И вообще-то в ней не было (с учрежденческой точки зрения) полного резона. Часто претендент в аспирантуру, необходимый для развития той или иной отрасли, слабее, чем два-три идущих по другому сектору, где, в общем-то, кадровой нужды нет. Так как же быть? Ведь аспиранты набираются, по идее, для Института, а не вообще.

куда послать? Что написать?». – «В Воронеж». И Кобрин переправляет Институт на Воронеж. Зав. кафедрой Бабурин протокол подписал. Приближался день защиты. Автореферат напечатан. День назначен. И вот кто-то замечает происшедшее: «Ага! Опять этот шахер-махер!». Защиту отменяют и потом более года снова ее не ставят (Бабурин боится – ведь формально он несет ответственность, а тут пенсионный возраст). В конце концов Литвин защитился, но, по-моему, до сих пор еще не утвержден.

Ареопаг, так сказать, решающий судьбы, быть или не быть посвященным в паладины, институт забавный. По идее в него должны входить видные ученые (у нас в Институте два Ученых совета, где есть феодалы: так называемый Малый, т.е. по истории досоветского общества, председатель – Л.Г. Бескровный, и Большой, общеинститутский. Защиты обычно происходят на Малом, на Большом только утверждаются решения малого. Фактически ученые советы формируются Директором, а последние годы при участии «верха». Произвол в выборе при соблюдении некоторого декора велик. Дело в том, что абстрактно всякие нежелательные казусы (голосование закрытое) возможны. Следовательно, их надо предотвратить. Я был в нескольких советах – в Малом (в позапрошлом году Бовыкин меня при очередной чистке вышвырнул), в Археологии (в период заигрывания со мной Рыбакова, когда вышло решение – чтоб в совете были ученые из нескольких смежных институтов). После Слова в 1964 г. он меня вышвырнул. Был я и в совете Архивного (там одно время позарез нужны были доктора, чтоб получить право на организацию защит). В связи с болезнью я все реже и реже посещал его. «Надобность» во мне к тому же прошла. Защита проходит обычно так. Присутствуют главным образом друзья и почитатели молодого таланта. Члены совета или дремлют, или находятся в кулуарах (некоторые успели еще заранее расписаться – «для кворума»[464] – и вообще не присутствуют). Длинно и нудно говорят и говорят. Кто-то и что-то. Слушают только самые дотошные. Оглашают «данные» о диссертанте, затем минут 20 вступительное слово, затем официальные оппоненты (которым диссертант может отвечать по отдельности или скопом), затем для приличия хорошо, чтоб выступил кто-нибудь из неофициальных (зачитывают и отзывы на реферат). Затем голосование. Обычно ранее дело заканчивалось пьянкой в ресторане или реже дома. В последние годы это стало считаться недопустимым, и эти пьянки стали потайными с ограниченным числом участников.

Я защищал кандидатскую диссертацию о своем дохлом Волоколамском монастыре в 1947 г. Оппонентами у меня были Новосельский и Черепнин. Народу набилось в маленький кабинет на Волхонке много – это была одна из первых диссертаций послевоенного поколения аспиран-

---

[464] Ох, уж этот «кворум». Сколько беспокойств приносит он диссертантам, прежде всего его нужно обеспечить.

тов. На кафедре я тряс бородою (положил ее на алтарь Купидона вскоре после защиты – так сказать, «расстригся» перед свадьбой). Все было ганц аккурат, включая и милый спор со Львом о том, какие – золотые или серебряные – печати были у грамоты кн. Ярослава Волоколамску (недошедшей до нас).

Докторскую диссертацию я защищал в 1959 г. О злоключениях в связи с постановкой на защиту ее я уже писал. Трудно было и с оппонентами. Андреев умер. Новосельский, Насонов отказались. В итоге были Гудзий (которому я сам написал позитивную часть отзыва, Воронин и Шунков (последний куда-то уехал, оставил, как полагалось, отзыв, а дополнительно выступал Сальников). Защита была в большом зале Комакадемии. Народищу была уйма (в том числе, студентов, друзей и пр.). Много было и будущих соискателей – защита была одной из первых для поколения ученых после 1934 г. Выступали и неофициальные оппоненты С.А. Покровский и Ю. Сальников (вскоре умерший от кровоизлияния в легкие, молодой и шустрый правовед). Ход защиты мои друзья записали на пленку, но она, кажется, погибла у Сережи во время его увлечения бит-музыкой. Дело кончилось большущим празднеством в «Праге».

Провалов диссертаций на моих глазах не происходило (хотя в редчайших случаях они были). В одном случае я даже явился спасителем диссертанта. Речь идет о докторской диссертации Кабузана по росту народонаселения в России (XVIII–XIX вв.). Этот ученик В.К. Яцунского из Архивного отличался упорством, трудолюбием и увлеченностью своим делом. Но вообще-то он был к тому же парень шустрый, хотя и не очень склонный к построениям. Так, для Луки Гапоненко он изготовил всю статистику в его докторской. В ведомстве Бескровного он был незаменим для написания работы по населению Дальнего Востока. Для членов Ученого совета (главным образом «капиталистов») работа Кабузана показалась плохой, так как содержала огромное количество таблиц и минимум мыслей. Я подумал: хорошо ли это или плохо для подобного рода работы. Если б автор стал мудрствовать, то возникла бы реальная опасность, что все фактические данные были бы перевернуты с ног на голову. Поэтому я решил, что уже тот труд, который заложен автором в собирание, выявление и систематизацию, достоин поощрения и проголосовал за. При подсчете голосов выяснилось, что мой голос был решающим (необходимо 2/3 от состава членов совета). В общем же, когда мне диссертант не симпатичен, я предпочитаю не приходить на заседание, но не голосовать «по злобе». Словом, я в эту игру не играю (так было с Мордовиной, Станиславским, Кучкиным). И уж, конечно, я никогда не слушаю всю эту скучную ахинею, которую несут во время защиты, предпочитая проголосовать «до» защиты или проводить время в кулуарах. Спектакли с плохими исполнителями не для меня.

Чуть ли не единственный случай, когда я проголосовал против, причем с открытым сердцем, почти не скрывая этого от диссертанта, относится к защите Шмидта. Этот бездельник и халтурщик представил в качестве докторской совокупность своих избранных статей («Изыскания») по истории России XVI в., в значительной части совпадавших с темой кандидатской диссертации. Дело было в 1965 г. незадолго до смерти Тихомирова. Тот ему обеспечил оппонентов (маразматик Арциховский, который заявил: «У нас не было книги до XVI в., теперь она есть», и др.) Выступать против на заседании я не мог (дело «Слова» на время закрыло мне рот).

Сам я выступал оппонентом раз тридцать (семнадцать раз из них по докторским). В последние годы я собственно даже не мог ездить, ограничиваясь отзывами (Батура, Копанев, Фроянов). Качество оппонируемых работ было разное, причины, по которым я выступал, – тоже (иногда – просто неудобно было отказать соискателю или его шефу). Качество отзывов у меня тоже было различным. Конечно, большое место занимало славословие (иначе бы могли «завалить» диссертацию – присутствовавшие моржи часто не понимали, в чем дело, а всякую критику воспринимали как сигнал к голосованию черными шарами). Но из некоторых отзывов получались в конце концов рецензии (Леонтьев, Горский, Панеях, Янин), статьи (Спасский) или даже комплекс работ (Соколова).

Лучшими из диссертаций, по которым я выступал, докторские работы Спасского, Янина, Копанева, Панеяха. Серьезные докторские работы защищали Соколов о песнях про Ивана Грозного и Мордухович о Крижаниче. Превосходна была кандидатская диссертация В.Б. Кобрина по составу опричников, а также кандидатские Л.В. Алексеева о Полоцкой земле, добротные, хотя и рангом ниже, кандидатские Горского, Леонтьева, Буганова, Покровского.

Под моим началом защитили кандидатские диссертации человек пятнадцать (а Каштанов, он был первым кандидатом у меня в 1958 г., и докторскую). Девять из них выросли из дипломов. Те, кто пришел ко мне со стороны, оказались и наименее верными учениками. Среди них Я.Н. Щапов, затем Юрочка Лимонов. Отошла от меня и Колычева. Никак не может защититься Рябошапка о Тявзинском договоре 1595 г. (особенно в связи с казусом, о котором уже шла речь). Только Н.П. Воскобойникова, великая труженица, продолжает сохранять хотя бы в новогодних письмах и встречах доброе отношение (она работает в ЦГАДА).

Другие защитившие меня ученики оказались достойными людьми, любящими науку (Е.М. Добрушкин, С.М. Каштанов, Ю. Рыков, Е.П. Маматова, В.Н. Автократов, М.Е. Бычкова, К.Г. Межова, Л.И. Ивина), только Э.Г. Чумаченко стала халтурщицей.

Думаю, что и другие мои ученики также так или иначе будут включены в орден паладинов исторической науки.

НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Основа современного комплекса периодической прессы, печатавшей статьи на исторические темы, сложилась после решений 1934–36 гг. Правда, главный исторический журнал – «Историк-марксист» существовал еще с 1926 г. Он дотянул до 1941 г. (вышло 6 номеров). Затем он слился с недавно созданным (в 1937 г.) «Историческим журналом». От него-то он воспринял и новое название, а от старого – редактора (Е. Ярославского). С 1945 г. переменилось и название (стало – «Вопросы истории») и редактором стал респектабельный акад. В.П. Волгин. На страницах журнала – о чудо! – стал печататься не только акад. Греков, но и С.Б. Веселовский.

Период «космополитизма» связан с именем нового редактора – маразматика А.Д. Удальцова (с 1949 г.) и П.Н. Третьякова, шустрого археолога, слависта, побывавшего в штате на самом верху, а затем ставшего чл.-кор. (с № 4 1950 г. до № 3 1953). В журнале возобладали общие статьи по самым актуальным вопросам. Феодалам постепенно там места не осталось. Правда, некоторое время там служил В.Т. Пашуто. Но он службу нес исправно и напечатал свою статью против Шахматова и Черепнина против Лаппо.

Начали выходить с 30-х гг. и другие сборники и журналы[465].

Еще в 1933 г. вышел первый том периодического сборника «Проблемы источниковедения», второй и третий в 1936 и 1940 гг. Редакторами были в сб. 3 – С.Н. Валк и Б.Д. Греков. В сборниках печатались солидные статьи по источниковедческим сюжетам, главным образом феодального периода. С 1936 г. под редакцией Грекова стали выходить сборники документов, получившие название «Исторический архив». До войны их вышло три, затем издание возобновилось в 1949 г. и до сб. IX (1953 г.) его редактировал Греков (сб. X в 1954 г. – Новосельский). Затем издание получило иное наименование. Издание источников вообще поставлено у нас из рук вон плохо. Скучнейшие сборники наполнены случайным отрывочным материалом. Систематически издавались всего несколько серий и юбилейных сборников.

Лучшим из изданий у историков были и остаются «Исторические записки» (т. I вышел еще под ред. Лукина, а т. II в 1936 г. под ред. Грекова). Скоро уже выйдет сотый том издания (пока 95). До т. 44 (1953 г.) редактировал издание Греков, затем Сидоров с т. 45 (1954 г.), а в последние годы – А.М. Самсонов (с № 82). Александр Михайлович Самсонов[466], несмотря на приближающееся семидесятилетие (р. в 1907 г.)[467], все тот же бравый, статный гренадер, каким он был всю жизнь. Краси-

[465] С 1939 г. выходил «Военно-исторический журнал». Зато в 1938 г. оборвалась серия общественных наук «Известий АН СССР».

[466] *Фамилия вписана карандашом.*

[467] *Год рождения А.М. Самсонова – 1908.*

вая седина копны его волос только подчеркивает молодость его духа. В 1931 г. он закончил ЛГУ. В трудные 30-ые никогда не делал опрометчивых или неблагородных поступков. Воевал и в Финляндскую, и в Отечественную. Затем в Институте истории в военно-историческом секторе (с 1948 г.). Военная выправка и жизненный опыт развили в нем чиновные черточки: наука для него была лишь дополнением, воспоминанием о прожитом (книги: «От Волги до Балтики 1942–1945», М., 1963 – о своей гвардейской 3-й армии; «Сталинградская битва» в нескольких изданиях – капитальный, добросовестный труд). Но чиновник из Александра Михайловича получился странный. Обладая необыкновенным благодушием и красивым благородством характера, он не способен был на «большую игру». В его мире это производило известное впечатление: это был человек, который «пакости не сделает», а в пределах дозволенного даже склонен делать и добрые дела, которые, конечно, на Страшном суде зачтутся. «Рыбаковщины» в нем абсолютно нет. Он был ученым секретарем Института истории, затем РИСО, с 1961 г. директором издательства АН. Оттуда снят за либерализм (около 1969 г., припомнили и книгу Некрича). В 1955 г. я отредактировал го книгу «Антифеодальные народные восстания и церковь» (его лекции довоенного периода). С тех пор у нас с ним самые добрые отношения. Он помог издать «АФЗХ» ч. 2 и «Иоасафовскую летопись».Сейчас мы с ним вместе работаем в «Исторических записках».

Его добрая, красивая и строгая улыбка мне очень нравится. Вроде и ничего-то особенного во время мимолетних встреч не скажет, разве что спросит о здоровье, о работе. А за этим чудится истинное, [...] ное отношение (забавно, что как член редакции «Истории СССР» он был против издания моей статьи, говоря: «Для А.А. это будет лучше» – как он, значит, понимал мои интересы, своеобразно, но искренне). С 1964 г. стал членом-корреспондентом (подфартило желание большинства, т.е. Жукова и др.)[468].

Огромная заслуга в издании сборников[469] принадлежала секретарю сборников, в прошлом журналисту И.У. Будовницу (до т. 66, 1960 г.), далее некоторое время в 60-х гг. его заменяли А.Я. Аврех (№ 66–79, 1960–1961), С.А. Залесский № 71–73, 1962–1963), Н.М. Пирумова (№ 74–81, 1963–1968) и, наконец, сейчас А.И. Юхт (с № 82). Все это люди серьезные и обладающие несомненным вкусом к науке. Но особенно все-таки хочется помянуть добрым словом Исаака Уриелиевича. Маленький, лысенький, с вывороченными губами, мясистым носом и добрыми светлыми глазами. Ну, словом, вид типичный. Однако мать у него была славянкой. Он до самозабвения любил историю. Еще в 1946 г. выпустил свою книгу «Русская публицистика XVI в.». Это была в общем-то популярная сводка (мыслителем Исаак Уриелиевич не был),

[468] *Далее текст 2-го экз. машинописи оборван, так как строка съехала вниз, за счет чего верхнее поле стало очень широким.*

[469] *«Исторических записок».*

но написана она была с увлечением. Исаак Уриелиевич всю жизнь сохранял прямо собачью преданность Борису Дмитриевичу. Редактировал и обрабатывал его книги и т.п. Любил русскую природу. С мешком за плечами исходил доли и веси матушки России. Что такое настоящая наука, отлично понимал. Веселовский, Черепнин, а также многие другие находили прибежище на страницах «Исторических записок» Конечно, нужна была и видимость. Появлялись в «Записках» поэтому и статьи на актуальные темы. Их Исаак Уриелиевич редактировал особенно тщательно, уделяя внимание и научному аппарату и тексту. У нас с Исааком Уриелиевичем были самые сердечные отношения. В «Записках» были и отделы источниковедения и историографии (в последнем И.У. согрешил – напечатал в трудные годы статью о Приселкове). В Записках как бы «обкатывались» предварительно главы серьезных монографических исследований.

В последние годы И.У. стал больше заниматься наукой. Он выпустил прекрасный справочник – наименований древнерусских литературных произведений, книги об общественной мысли XI–XIV вв., а также о житиях святых (под вполне благонамеренным названием «Монастыри и борьба с ними крестьян»). В последней он уже использовал и рукописные тексты. Хотя методика работы его оставалась старой – описательной. Ну что ж. Он сделал все, что мог. Сделал на совесть с полной отдачей всего себя любимому делу.

Хотя у «Исторических записок», как, впрочем, и у других изданий, есть редколлегия, все дело решают редактор и ученый секретарь. Члены редколлегии (в «И.З.» состою пока и я) могут только отклонить или согласиться. А формируют издание не они. Изредка могут помочь кому-либо проникнуть на страницы сборников. «Записки» – издание безгонорарное (деньги платят только в журналах), но оно в отличие от всех других дает возможность напечатать сравнительно большие статьи – до 5–6 листов. В идее 3 периода отечественной истории должны по негласному соглашению иметь равные объемы. Практически не так. При Грекове феодализм представлен был шире. При Сидорове империалисты заполонили издание. При Самсонове растет юбилейный характер «Исторических записок» (целые тома посвящены политическим и историческим юбилеям –1825, 1905, 1917, рождение В.И. Ленина, съезды партии и т.п.). Словом, феодалам приходится туго, но это и дает возможность сохранить издание. Обычно теперь в год выходят два тома. Издание это – общеинститутское.

Первые послевоенные годы не внесли существенных изменений в состав исторических журналов. Некоторые сборники возобновились. С 1944 по 1952 г. выходила серия истории «Известий АН СССР» (по 6 №№ в год). Прервалась она в разгар борьбы с космополитизмом. С 1946 г. выходит «Преподавание истории в школе» (по образцу химии, русского языка. и др.). Вот уже лет пятнадцать, а то и более, редактирует его А.С. Кара-Мурза, с которым я учился на одном курсе. Начинал

он ранее и кончал позднее меня. То чрезвычайные события, то война. Его брат погиб в самолете в 1945 г., он читал нам историю Дальнего Востока.

Алексей Сергеевич – человек маоцзедуновского склада. Волевой и честолюбивый. В науке карьеры не сделал, ибо в свое время пытался в Университете, находясь на общественных должностях, съесть Сидорова, но поперхнулся. Мне всегда страшно смотреть в его черные бездонные глаза, хотя я для него «Саша» и вообще при случайных встречах он даже склонен потрепать меня по плечу.

Коренной перелом в составе и содержании журналов и сборников с исторической тематикой относится к середине 50-х гг. Еще в 1954 г. на смену «Известиям» пришли «Доклады и сообщения Института истории АН СССР» (вышло 12 №№ до 1957 г. включительно под ред. зам. директора Л.С. Гапоненко). Заметного влияния на историографию этот мотылек исторической журналистики не оказал.

Зато «Вопросы истории» на время стали самым боевым журналом времени. С 1953 г. (№ 6) по 1957 г. его редактировала Анна Михайловна Панкратова. Но дело было даже не в ней (милой, увлеченной новым временем женщине из окружения Покровского), а во времени и в зам. ред. Э.Н. Бурджалове (пришел из высших инстанций). «Вопросы» начали систематический пересмотр всех положений, появившихся в конце 30-х гг. – начале 50-х. Их дискуссионный отдел стал как бы лабораторией, в которой должна была выкристаллизоваться истинная марксистская наука, опиравшаяся на ленинские основы. И... наука стала превращаться в публицистику. А так как сопротивление (инерция) было велико, то Бурджалову приходилось «во имя добра» диктаторствовать. Картина получилась знакомая. В нашей феодальной волости больше всего досталось Грозному от невежественных (слепца) Шевякова и Дубровского. Запахло дискуссиями начала 30-х.

У Грозного только переменили знак плюс на знак минус и все оставили на прежнем месте. Культ обернулся культом наизнанку, феодалов стали утеснять – актуальная тематика снова оказалась главной (раньше об этом только говорили, но из-за безопасности давали простор древникам. К тому же и патриотизм. И Греков у руля). Все это лихорадочное словоизвержение продолжалось недолго. Постановление ЦК. Бурджалов снят. Панкратова скоропостижно в мае 1957 г. скончалась. М.б. на сердце повлияли нервы. (Панкратова была как бы щитом: с 1953 г. академик, член ЦК на XIX и XX съездах партии, редактор учебника для школы и т.п.).

После кратковременного и бесцветного редакторства С.Ф. Найды (из МГУ) с 1960 г. редактором стал В.Г. Трухановский. Международник (член-кор.), молодой сравнительно и жизнедеятельный чиновник, он перестроил всю работу так, чтоб журнал не потерял веса. Его ставка была на популяризацию науки: он ввел всякие небольшие статейки полупопулярного характера о занимательных событиях и людях и лик-

видировал всякие дискуссии. Ушли разделы рецензий и библиография. Все стало ясно и стабильно.

С «вопросами» этого периода у меня связан ряд тяжелых воспоминаний. Во-первых, хроника об обсуждении «Слова» в 1964 г. Во-вторых, приход примерно в 1970 г. в редакцию А.Г. Кузьмина, ставшего зам. Трухановского. О Кузьмине я писал уже в другом месте. Скажу лишь только, что во время его пребывания в Вопросах (до 1975 г. включительно) мне туда двери были закрыты. С величайшим трудом от Трухановского удалось избавиться.

Среди новых изданий, с которыми я был так или иначе связан, назову «Вопросы истории религии и атеизма» (т. 2 – 1954, т. 12 – 1967). Ст. 5 (1958 г.) я был членом редколлегии сборников, печатал там статьи.

Сборники находились на уровне научной полемики по вопросам религии. Они были ликвидированы после закрытия соответствующего сектора и на их базе возникло иного типа издание при Академии общественных наук.

Недолго просуществовали «Научные доклады высшей школы. Исторические науки» (1958–1961). Они должны были как бы быть центром изданий для всех высших учебных заведений страны. Редактором был П.А. Зайончковский, который заботился, чтоб издание отвечало всем необходимым научным требованиям (кстати говоря, напечатал статьи Каштанова и Зимина). Теперь же существует только серия «Истории» при «Вестнике Московского университета», но она ([...]№№ в год) явно недостаточна для того, чтоб удовлетворить запросам авторов: в ней чаще всего печатают свои статьи диссертанты, которые необходимы «публикации».

Более длительной и плодотворной оказалась жизнь журнала «История СССР», который начал выходить в свет с 1957 г. Его редакторами были М П.Ким (1957–1960), В.Д. Мочалов (1960–1965), Ю.А. Поляков (1966–197[...]), а после него Ковальченко. Среди замов вначале был Шмидт, а при Полякове и Ковальченко – Л. Милов. Журнал отличается более серьезным освещением тем по отечественной истории, чем «Вопросы» (в редакции его Л.В. Черепнин и – увы – Рыбаков), в «Вопросах» по существу никого не было, после Кузьмина – Рыбаков).

Юрочка Поляков напечатал мою статью о «Слове» (к которой довеском был Кузьмин). Это уже одно показывает отличие журнала от «Вопросов». Печатанье проходило со скрипом. Сначала сняли корректуру, затем добавили Кузьмина (по совету Рыбакова). В журнале есть раздел об иностранной библиографии.

Оживилась поначалу и издательская деятельность в области архивоведения и публикации. На смену «Историческому архиву» пришли «Материалы по истории СССР», вып. 1–7 (1955–1959), но это издание Новосельского приказало долго жить. Иное название нужно было для того, чтобы выпускать журнал «Исторический архив» вместе с ГАУ (1955–1962). И в целом было вполне академично. Здесь издавались и

материалы и на разные темы (от источниковедения до архивоведения), печатала[…] Редактором был человек со вкусом – В.И. Шунков. В редакции принимал участие и я. С № 5 редактором стал Чугаев (б. ред. Госполитиздата), но скоро [из] редакции вылетел. Погорел Шунков, кажется, на публикации материалов о МХАТе, в которых говорилось о распрях основоположников этого театра (Поляков в «Истории СССР» погорел, кажется, на публикации записок Шульгина или что-то вроде этого).

Воссоздавалось издание архивных журналов с трудом. Еще с 1956 г. для ограниченного круга читателей издавался «Информационный бюллетень Главного Архивного управления». Ему на смену пришли «Вопросы архивоведения» (1959–1965), которые теперь (с 1966 г.) называются «Советскими архивами». Это издание и по объему раза в два меньше «Исторического архива» и по значению уже – носит преимущественно ведомственный характер, хотя кое-что просачивается туда и из древностей (в редакции Л.Г. Бескровный). Там напечатана была наша полемика с Носовым.

В 1955 г. А.А. Новосельский возобновил издание «Проблем источниковедения» (вып. IV). В редакции, кроме него, были еще А.И. Насонов и Л.Н. Пушкарев. Это все серьезные люди, благодаря которым высокий уровень издания был обеспечен. Но… т. XI (1963 г.) оказался последним. Роковую роль в издании сыграл разгон сектора, ненависть Тихомирова, позиция директора (Хвостова) и формальная ссылка на существование подобия «Проблемам» – «Археографического ежегодника» (его первый том за 1958 г. вышел в 1960 г. (О нем я писал в другой связи).

Закрывать издания легче, чем их восстанавливать. После воссоздания сектора источниковедения во главе с Павленко начался выпуск другого издания – «Источниковедение отечественной истории» (т. 1–1973, далее номера тома: за 1975 г.). Павленко решил отказаться от кустарного периода «Проблем» (полна-полна моя коробочка). Он ввел в издание разделы: 1. Теория и методика источниковедения. 2. Историография источниковедения. 3. Конкретные проблемы. Первый том вышел интересным, хотя единства во взглядах авторов (скажем, у Лурье с Пашуто) не было. В редакции издания были Лев, Якубовская, Ковальченко, Бовыкин, аз и др.

С 1968 г. в Ленинграде при ЛОИИ выходят ежегодно «Вспомогательные исторические дисциплины». Их редактором был Валк. После его смерти Носов создал редколлегию (ввел в нее Янина) и сам стал во главе этого издания. Сборники очень интересны и, несомненно, их значение более важно, чем «Археографический ежегодник» в нынешнем его виде.

Такова основные издания, специально посвященные вопросам истории и смежным дисциплинам, которые выходили на протяжении последних сорока лет и где печатались работы по феодальному периоду отечественной истории. Кое-что проникало и на страницы других жур-

налов. В популярной форме – в «Науку и жизнь» и «Знание – сила». Особенной известностью там пользуются статьи Руслана, умеющего с важный видом подносить банальности. Рецензии на исторические книги в последние годы печатал в «Новом мире» С.М. Троицкий. Масса статей и публикаций смежного характера издаются литературоведами в их изданиях (прежде всего в ТОДРЛ). Кое-что встречается в «Вопросах археологии», в руководящих журналах (статьи Черепнина в «Коммунисте» др.).

Но все это так мало. Если сравнить с периодикой конца XIX–XX вв., то можно убедиться, что вряд ли она выросла («Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Летопись занятий Археографической комиссии», «Журнал министерства народного просвещения», Чтения в обществе Истории и древности Российских при Московском Университете», «Известия ОРЯС», издания генеалогические – ЛИРО, Известия Историко-родословного общества в Пб., и т.п.).

Два основных пробела в издательской деятельности ощущаются очень явственно: отсутствие изданий для публикации документов (и, в очередь, воспоминаний, писем, дневников) и отсутствие научно-популярного издания (типа «Хистори ту дей»). В секторе феодализма, как я об этом уже писал, своего органа нет. Статьи по так называемым частным вопросам, особенно для ученого, не имеющего еще своего имени, напечатать почти невозможно. Особенно трудно напечатать работы по краеведческой тематике. Труды местных университетов и педвузов почти не справляются с изданием работ преподавателей, необходимых для «остепенения», куда уж там работы любителей старины. Краеведческих обществ, имеющих свой выход в печать, как, скажем, в 20-ые гг., нет. Остаются заметки в газетах, в местных литературных журналах, путеводители по древностям – и только. Сколько бился замечательный мценский краевед Соловьев, чтоб издать свой труд по истории края, ничего не получилось.

Порядок публикации статей абсолютно ненормален. Все решается за закрытыми дверями. Автор обычно отсутствует. Его по существу ставят в безвыходное положение, навязывая замечания подчас некомпетентного рецензента или члена редколлегии (а то и просто недоброжелатели): другого выхода у автора обычно не остается, как полная или частичная капитуляция. В тех редколлегиях, в которых я участвовал, дело решается без участия автора. Как можно поступать подобным образом! Даже «прогрессивный» Павленко в корректуре выкидывает по замечанию кого-то там со стороны (Бовыкина, что ли) статью Каштанова из «источниковедения». Ведь статья утверждалась редколлегией, ученым советом, потом – раз, и нет ее. Как не бывало! Ужас. А члены редколлегии даже и вообще не поставлены были в известность. Или вот мою статью о Слове в 1968 г. уже хотели печатать в «Исторических записках». Договорились с Лихачевым, что в следующем томе будет его ответ. Утвердили. А Гапоненко, тогда зам. директора (точнее и.о. директора), узнав,

что приходит директорствовать Рыбаков, – хлоп, и выкидывает статью, предполагая, что она может тому не понравиться. Впрочем, хитроумного Луку это не спасло. Рыбаков его ненавидел и сразу же по приходе в Институт избавился от него (Лука ушел в ВПШ).

Такова картина тех возможностей для феодалов, которые им представляет периодическая пресса.

КОЛЛЕГИ

С иностранцами-коллегами мое знакомство состоялось довольно рано. Если говорить точнее, речь шла не о встречах с ними, а об их работах. Вообще-то «языки» всегда были моей ахиллесовой пятой. Способностей никаких. А тут еще время, когда в школе изучали по учебнику на немецком языке историю пятилетки. Впрочем, ходил ко мне домой толстый лысый немец с седенькой бородкой. Но ничему он меня так и не научил – все это мне казалось таким далеким от бурлящей вокруг жизни. Впрочем, поскольку тогда пижонства у меня было хоть отбавляй, я умудрился перевести известный отрывок из второй части «Фауста»:

Там были у меня такие строки:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
кто каждый день их с бою добывал.

Перевел тогда я и «Лесного царя».

В университете я решил взять сначала английский, а затем французский языки. Ну, первая часть программы была частично выполнена, а второй помешала война. Преподавательницей у нас была серьезная женщина Ратгауз (в соседней группе – мать Юлика – БРОМлей). Наш тараканиус Домбровский был способен только на то, чтобы поселить к нам отвращение к латинскому языку. Ничему, кроме двух-трех сентенций по-латински, начала «Галльской войны» и первых куплетов Гаудеамуса я в итоге не знал.

Только позднее я понял основную ошибку своих занятий языками. Я дотошно пытался переводить все слова и тем самым превращал занятия в страшную скучищу, теряя самое главное – представление о духе языка. Читать книги при такой «системе» было невозможно – больше десятка страниц осилить было нельзя. Практики в разговорной речи не было никакой. Запас слов увеличивался скудно.

В аспирантуре я снова вернулся к языкам. На этот раз все началось снова здорова – т.е. с немецкого. Мне это было необходимо, так как самая капитальная работа о Русской правде, которой я тогда бредил, принадлежала Гетцу. В итоге главное из его четырехтомного труда стало

мне доступно. В аспирантуре язык пригодился для чтения книги Аубина по закрепощению крестьян в Пруссии. Но наиболее основательно я потрудился в период работы над Пересветовым, ибо единственная книга на эту тему принадлежала В. Филиппу. Ее я перевел с небольшим пропуском. Этот интересный и благородный исследователь посвятил книгу своему учителю Соломону, что в условиях фашизма уже само по себе было подвигом. С Филиппом мне встретится не удалось, хотя в бытность в Берлине я передал его приятелю Амбургеру книгу для него о Пересветове. Изредка мы продолжали обмениваться оттисками, но больше он присылал мне свои «Форшунги». Приглашал он меня на славистскую конференцию в Западный Берлин, где он преподает в университете, но – увы – это было после Слова и поездка не состоялась.

В аспирантские годы нам полагалось изучать и язык народов СССР. Я схитрил и стал изучать польский (в память о своей бабке). Учила меня маленькая мышка, умная и спокойная женщина – эмигрантка из Польши (еврейка по национальности). Она была влюблена в польскую культуру. Благодаря занятиям с нею я выучил много польских стихов Мицкевича, Словацкого, Б. Немцовой. Язык мне давался очень легко. Теперь я уже с десяток лет читаю польские книги, выписываю «Пшекруй» и с помощью Риты изучаю польские киножурналы. К словарю я практически не обращаюсь, пусть кое-что не понимаю, но зато сам язык мне стал почти родным (но не разговорный).

Более или менее систематическое знакомство с иностранной литературой по истории России началось в конце 50-х гг. в связи с моей работой над Россикой. Свежий ветер 1956 г. сделал эту работу возможной, хотя трудности оставались (и спецхран, и отсутствие литературы 30–40-х гг.). В самом деле, прежде чем двигаться дальше, надо было посмотреть, что было сделано за рубежом. Лабуда или вещи, с которыми надо считаться. Ведь ранее работы были за семью печатями. Обращаясь к ним, необходимо было креститься и говорить: «Тьфу, тьфу, нечистая сила!». Работку я себе выдумал каторжную. Необходимо было не только излазить спецхран, но и многие славистские журналы, справочники и т.п. Конечно, многое сделано халтурно (с присущей мне спешкой и небрежностью), но все же кое-что получилось. Помогла и картотека ФБОН и бюллетени, которые выпускала эта библиотека, и справочники. Картина прояснилась, но работа осталась в портфеле. Позднее пытался Каштан сдвинуть ее с места, но, увы, ничего из этого не получилось.

Итак, до 1945 г. Россика (в интересовавшей меня части, т.е. до начала XVII в., развивалась преимущественно в эмигрантских кругах не только среди старых историков (Милюков, Вернадский, Кизеветтер, Шмурло, Баумгартен, Сухотин, Ельяшевич), но и среди тех, кто занялся историей России на чужбине (Мошин, Соловьев, Андреев). Кроме того, выходили многочисленные довольно бессмысленные «Истории России» или работы по внешней политике, истории церкви и общественной мысли.

Только несколько книг стали важными вехами в зарубежной историографии России. Это – книга Денисова о Максиме Греке с расшифровкой его происхождения, Мазона о Слове и Флоровского «Россия и Чехия».

Только после войны в связи с возросшим интересом к России (а в Америке особенно, после запуска спутника) начала складываться местная историография России. Эмигранты встретили ее снобистски, враждебно. Дело было и в национализме русских за рубежом и, конечно, в борьбе за кусок хлеба, на который покушалась английская, американская и немецкая молодежь.

Ученые-эмигранты, сделав свое дело (как глашатаи русской науки на Западе и воспитатели местных кадров), должны были уступить место под солнцем или во всяком случае работать со своими учениками рука-об-руку. Всякие перемещенные историки и литературоведы (бежавший националист Оглоблин, автор истории Коми Ульянов, Парамонов-Лесной) ничего науке не дали.

Второе поколение старой эмиграции было еще промежуточным, третье уже денационализируется. Правда, у нынешних историков России встречаются те, у которых бабка или дед были выходцами из России. Этим в какой-то мере объясняется интерес некоторых из молодых историков к истории их туманной родины. Конечно, многое определяется и сохранением семейной традиции, особенно знание диковинного языка (немцы приобрели его и на войне и в плену). Но все они – явление местной, зарубежной, а не русской историографии.

Так или иначе, когда я впервые (и в последний раз) оказался за пределами России – на симпозиуме в ГДР (в Берлине) о Шлецере-Ломоносове-Палласе, я уже представлял состояние зарубежной славистики (особенно после съезда славистов в Москве в 1958 г.). Организатором симпозиума был академик Винтер, который занимался в то время русско-немецкими культурными связями XVIII в. После Винтера теперь уже в ГДР почти никто не занимается древностью. Крепко сбитый, с напускным немецким добродушием, этот австриец по происхождению представлял собою тот тип ученых Германии, который позадержался на Востоке этой страны. Расстрига поп (католик), он во время войны подвизался в Праге, поэтому не очень-то пользовался доверием чехов. Писал он книги с кинематографической скоростью. Тут и Россия и папство, тут и книги по истории Австрии XIX в. Качество у всех их было, очевидно, плохое (за папство я уверен). В лучшем случае это был наспех сколоченный свод довольно банальных фактов и пустых слов. Незаурядный организатор-предприниматель, он сумел сколотить при Берлинской академии группу молодых ученых, которых посадил на родственные ему темы (Гофман о Миллере, Грау о Татищеве и др.). С целью укрепить престиж он всячески налаживал научные контакты с нашими учеными. Издавал дневники Мессершмидта, бывал в Институте истории науки и техники и т.п. Обещал издавать труды советских ученых (Пашутину Литву и моего Пересветова почти перевели, но

не издали – все лопнуло). Издал он и переписку Шлецера. Конечно, готовили издания его мальчики, а он снимал со всего сливки. Меня он дружески похлопывал по плечу, конечно, до Слова, а там я стал для него ненужным, хотя и сохранил ко мне теплые чувства.

Некоторое время у меня сохранялись добрые отношения с робким и послушным тружеником Петером Гофманом, который написал уйму рецензий на труды советских ученых. Он (в отличие от Винтера хоть плоховато, но знал русский (вермахт!)). Маленький, плешивенький хотя и молодой, обремененный семьей, он как историк был совершенно бесцветным. Все время он старался показать свою лояльность. Мне стало в конце концов с ним безумно скучно, и как-то наши отношения сами собой умерли.

Иной тип Эрих Доннерт – специалист, так сказать, по истории России XVI в. У нас даже книги одинаково названы: «Россия на пороге (у него – заре) Нового времени». Он был деятель, активно внедрявший марксизм в науку в своем Галле. Знаниями (в отличие от дотошного Гофмана) он не обременен. По характеру – типичный компилятор. О совести у него тоже представления относительные. На чем-то споткнулся (не угадал какого-то дуновения ветра) и находился некоторое время в полуопале. Он регулярно присылает мне свои бесчисленные рецензии и статьи-перепевы наших. В свое время я помог ему напечатать статью в «Исторических записках» – и все. Никаких отношений с этим холодным чиновником от науки у меня не сложилось. Пусть с ним общаются Шмидт, Сахаров, Пашуто и Дружинина – основные наши спецы по ГДР. У Пашуто еще один ученый из ГДР в обойме – по Древней Руси Видера (профсоюзный деятель почтенного возраста, брошенный на науку). Он добросовестнее Доннерта, но, увы, абсолютно бездарен и уверен, что наука – это то, что делается у нас в свете теории.

На одном я нарвался. Это г. Рааб. Моложавый, но с красивой проседью худощавый мужчина был фактическим главою немецких славистов. Очевидно, это был человек неуемного честолюбия. Он учил теории своих коллег, командовал, представительствовал. Во время конгресса славистов я ему дал взглянуть машинопись своей статьи о Булеве. Он ее не вернул, увез собой домой. Затем издал на ту же тему свою работу (конечно, без ссылки на меня). Рааб занимался, конечно, Словом, Пушкиным, т.е. всем комплексом тем, характерных для славистов широкого профиля. Ничего серьезного не создал.

Отношения с немцами год от года становились все холоднее. Я их перестал интересовать – зачем нужен опальный историк. Разве что Зигрид продолжает посылать регулярно свои новогодние приветствия. Дочь генерала вермахта, перешедшего на сторону Новой Германии. Волевая умница небольшого росточка, худощавая, с холодноватыми глазами и правильными чертами лица. Вышла замуж за какого-то комсомольского деятеля, народила детей, потом развелась и снова замужем. Училась в

МГУ у Кости Тарновского и почувствовала к науке вкус. В Берлине она и ее подруга приставлены были к нам для братской помощи. Позднее пару раз заходила ко мне в Москве. Дисциплинированная умница.

В Берлине же я познакомился с добродушным, жизнерадостным круглолицым Рышардом Волошиньским. Он – зам. нач. архива в Варшаве. Год стажировался в Москве (русско-польские научные связи первой трети XIX в.), бывал у меня. До этого занимался польско-французскими связями XVIII в. Увы, темы далекие от меня. Наша дружба осталась дружбой сердец, а не общих научных интересов. Другом Рышарда был Анджей Витольдович Поппэ. Это человек совсем иной. Несколько мрачноватый, с трезвым, скептическим складом характера. Его тема занятий – Древняя Русь (он ученик Гейштора, преподает в Университете). Занимался он и русской церковью того периода, и литературой, и всякими мелочами. Все работы его впечатляют солиднейшей проработкой источников и энциклопедическим знанием литературы вопроса. В издаваемых им вместе с Феннолом и Мюллером «Средневековой России» его библиография – образцова. Реалистический (прагматичный) склад характера привел его к противоборству с Шахматовым – ох, уж эти своды и фантазии! И это очень полезно: любое построение должно быть проверено огнем критики, только тогда выяснится, что в нем от бессмертия. А в наш век романтизма трезвость особенно необходима. Постепенно у нас с Анджеем установились доверительные, теплые отношения.

Но вообще-то с поляками-учеными отношений особенных не было. В одной, пожалуй, Польше не было рецензии на моего Пересветова, хотя именно к польской истории он имел некое отношение. И Ловмяньский слишком мастит. И Бардах как-то чужд. С Василевским я встречался лишь однажды – не произвел особого впечатления. Русско-польские феодальные симпозиумы сейчас – вотчина Рыбакова и его клеврета Игоря Грекова. В них активно принимает участие Рита Бычкова – и все.

Из румынских ученых когда-то на заре туманной юности крутился вокруг Тихомирова и меня ушлый Д. Богдан. Совсем недавно (после Слова) завязались дружеские отношения с Костантином Мечевым. В этом году он впервые был у меня. Костантин в науку пришел поздно (до этого преподавал). Занимается древнеболгарской литературой и немного русско-болгарскими связями. Он очень радушный простой человек, сохраняющий глубокую любовь к России. Сейчас он перебрался из своего града Перника в Софию, где работает в кирилло-мефодьевской комиссии (автор книг о Цамблаке, Клименте Охридском и пр.). В них популярное изложение соседствует с глубоким интересом к настоящей науке. Меня тронуло его душевное отношение в самую тяжелую для меня пору борьбы за Слово.

Совсем недавно дружеский обмен письмами установился со старым чешским ученым, специалистом по древнечешской литературе

Олдржихом Краликом (Оломуц). Он ученик Фрчека. Когда поднялась дискуссия со Словом, он написал статью в Славию в духе построений своего учителя, но статью не издали. И только в прошлом году ему удалось опубликовать книгу об архетипе Задонщины. Она целиком в ключе Фрчека. Слово он не упоминает (не упоминать о Слове в связи с Задонщиной могут только скептики, ибо сторонник древности Слова не может объяснить соотношения редакций 3. без указания на то, что то или иное чтение объясняется прямым влиянием Игоревой песни). Я ему все свои работы послал. Он их знает, кое-где критикует. И вообще, чтоб не заподозрили в скептицизме, старается как бы отмежеваться от меня. Бедняга! Но дух ученых страны Краледворской рукописи еще жив!

Из югославов я встречался в свое время с Радойичичем (их член-кор., занимавшийся древними сербско-русскими связями). Мрачный, скользкий тип. Совсем иное дело – мой ровесник Витомир Вулетич (Новый сад). Участник борьбы о фашизмом, друг Советского Союза, воспитанник в духе новой идеологии, он вместе с тем стал видным ученым. Его тема – литература Россия XIX в. в ее сопоставлении с сербскими писателями того времени, влияние России на югославскую литературу. У него несколько серьезных книг. Бывал у меня. Хотел напечатать статью о дискуссии по Слову, но ничего не получилось (у сербов сходные песни о Косовом поле). Вот тебе и хваленая свобода Югославии, которой так гордится Вулетич, этот красивый, спокойный и серьезный ученый. Впрочем, кажется, цену их свободы он вскоре познал на своем опыте. Он кого-то не того защищал и был за это исключен из Союза коммунистов. Это, конечно, предлог. Все дело, наверно, в любви его к России. Словом, теперь мы приветствуемся только на Новый год, да он изредка передает мне с оказией поклон да какую-нибудь свою работу, дружба наша остается на все времена.

В Берлине в том же 1960 г. на симпозиуме я встретился с ученым, который стал одним из самых больших друзей – с Людольфом Мюллером. Он, как и я, делал сообщение на тему о Шлецере и русских летописях. Он происходит из старинной протестантской семьи (отец его при Гитлере, протестантский епископ, что ли, подвергался гонениям – два месяца сидел), а по женской линии пра-дядя у него был Шлецер. Возможно, это повлияло на его громадную любовь к русским летописям (Шахматова боготворит). Мюллер, конечно, сейчас крупнейший славист за рубежом (он года на два старше меня). Человек, озаренный светом внутренней духовности, он чем-то напоминает Паганеля. Длинный, худой, с горящими подслеповатыми глазами и улыбкой добросердечия. На кафедре он напоминал мне аиста. Служил в вермахте, будучи взят из Университета. Затем вернулся снова к науке. Он ученик Д. Чижевского (от него, наверно, перенял широту подхода к литературе). Мюллер дважды доктор (а теперь член Тюингинской академии) Филологии и теологии. Он начинал с Соловьева, Бердяева. Да и сейчас он является одним из издателей и переводчиков сочинений В. Соловьева на немецкий язык. Русская

культура – его любовь. Его она интересует всесторонне. Он, поэт в душе, переводит для себя Блока, все стихотворения Соловьева и других русских поэтов. Правда, в переводах излишне педантичен и рассудочен. В Берлине он прочел и свою блоковскую «Незнакомку». Да и сейчас, отправляясь на велосипеде на работу, он по дороге в уме сочиняет строки своих переводов. Недавно в своей серии (семинарская серия в Тюбингене, издается на ротапринте) он выпустил свои переводы цикла русских поэтов на тему «Бог – человек – мир». Религиозная тематика очевидно, еще от предков XVI в. и от гуманного склада его души. Первые были еще слишком обзорны («Протестантизм в России в XVI–XVII вв.», но уже в них чувствовалась серьезность, вдумчивость и широта познаний автора. Как относился к фашистам? Прямо я его об этом не спрашивал. Но он приводил слова своего гимназического учителя, сказанные тем после начала войны 1941 г.: «Эти безумцы губят Германию». Думаю, что-то вроде этого свойственно было самому Людольфу.

Работы Мюллера по Иллариону, житиям Бориса и Глеба уже говорили, что это выдающийся ученый, продолжатель Шахматовской традиции. Глубина познаний Мюллера потрясающа. Острый и сильный логический ум может проникнуть в самые глубины источниковедческих штудий. Воля несгибаема и душевность в быту (немного «не от мира сего»). Живет в Тюбингене со своим многочисленным семейством: тремя сыновьями, дочерью, собакой.

Отношения наши складывались постепенно. Мне он сразу показался родным человеком. Но переписка... с ученым ФРГ... Долгое время мы, словно по взаимному уговору, ограничивались посылкой оттисков и сухими, лапидарными строками кратких писем. Зато три последующие встречи – три соприкосновения с чашей пиршества мысли и радости. Все осложнялось (а может быть, и к лучшему – испытание дружбы) тем, что сам Мюллер занимался Словом и в традиционном духе. Он издал перевод и готовит солидное комментированное издание (шутя, он грозился посвятить его трем друзьям его, скептикам – Феннелу, Унбегауну и мне). Для этой работы (в частности) он решил разобраться в сути спора. А я решил ему в этом помочь – дать у себя дома прочитать рукопись. Спор для меня был особенно важен. Ведь на этот раз речь шла о человеке, безукоризненно честном и благожелательно относящемся ко мне, не говоря о его сильном уме и знании предмета. Ничего, кроме гордыни разума, не могло препятствовать пониманию аргументации оппонента. Прежде всего он привел свою энциклопедическую статью о Слове. Я ее в пух разнес. Рассуждения о скептиках и, главное, изложение их взглядов сделаны со слов их врагов. Так, главным аргументом у скептиков, оказывается, было то, что в XII в. не могло быть такого произведения. Конечно, Людольф легко торжествовал победу, разбив этот тезис. Но так скептики не считают. Для них главные аргументы – источниковедение и язык. А в общем-то решает совокупность всех объяснений.

Прежде чем спорить, я выработал своеобразную «конвенцию» спора. Без соблюдения ее условий спор терял бы смысл. Они сводились к следующему. 1. Слово – не символ веры, а объект науки. 2. Поэтому доказывают свою точку зрения обе стороны (обычно сторонники древности ничего не доказывают, а только опровергают). 3. Решает наилучшее объяснение, а не просто возможное. Итак, Мюллер приступил к чтению (внимательному). Вскоре оказалось, что к спору он фактически не готов. Задонщиной он не занимался (позднее он дал эту тему одной своей ученице – к чему она пришла, так я и не знаю). Он бросался из стороны в сторону. В конце концов пришел к выводу, что решать будет вопрос – язык. В общем, обе стороны остались при своих мнениях. Ни одного сколько-нибудь существенного аргумента «против» моих представлений он не привел. Это была победа, которой, однако, обольщаться было нельзя: спор должен был продолжиться, когда Мюллер снова вернется к теме и попытается продумать всю систему моих доказательств. Надо сказать, что до сегодняшнего дня к своему Большому Слову так и не вернулся. Заманчиво было бы считать, что понял трудности полемики (при его разбросанности и занятости тысячей разных дел). Но может быть. А может быть, глубокой вере Мюллера в свое озарение (глас Божий). Слишком сильная воля.

Когда мы с ним смотрели «Петербургские сновидения», то он слегка подтолкнул меня, когда Порфирий П. сказал Р-ву: «Я-то знаю, что ты убил старуху, но доказать этого не могу». Вот «так и я, – сказал Мюллер, – знаю, что Вы неправы, но пока доказать не могу».

Причина расхождений кроется также в разной методике исследования. «Система Шахматова» (или Конан-Дойля) столкнулась с «системой систем» (или Агаты Кристи). Людольф очень милый, но немножечко старомоден (приехал в Россию в галошах и с зонтиком). То же и с его методом работы. «Людольф, как Вы творите?» – спросил я его. «Очень просто. Сначала у меня возникает Арбайтсгипотез, а затем я проверяю ее конкретным материалом». (Людольф дововольно сносно говорит по-русски, но пишет он по-немецки, а я ему отвечаю по-русски.) «Если материал ее подтверждает, то хорошо, если нет, то я ее отбрасываю и ищу другую». – «О нет, мой милый Людольф! Этот метод давно и безнадежно устарел. Дело в том, что материал может в Арбайтсгипогез укладываться, но торжествовать победу рано: ибо он может укладываться (да притом еще лучше) в десяток других. К сожалению, у нас существует многовариантность решений. Поэтому нужно проверять не одну гипотезу, а сразу же все возможные объяснения. И если Вам посчастливится найти какое-либо, которое лучше других объясняет Вашу сумму фактов, то она и будет искомой гипотезой». «Конечно», «наиболее», «лучше» и т.п. категории не вполне четкие. Но что поделаешь! Сам же Людольф в его статьях по Слову этим правилом пренебрегает и дает конъектуры чисто логические, исходя из шахматовского-шлецеровского «чистого разума». Мне кажется, что у

Людольфа в характере есть чисто немецкие черты, ярко выраженные (воля, вера в разум и т.п.).

Это прекрасно: человек – сын своего народа. Но каждый народ обладает только частью истины, вся она – в сердцах всего Человечества.

Что же касается немецкого педантизма, то тут Россия научила Мюллера своему ритму жизни. Итак, мы договорились, что он придет ровно в 10.30. Но в условленный час Мюллера не было. Опоздал. «Извините. Задержался. Зашел в Институт, там обещали перепечатать доклад, но задержались несколько». – «Вот тебе и хваленая немецкая аккуратность». – «Вы увидите, следующий раз я буду точен», И опять опоздание. «В чем же дело?» – «Извините. Получилось недоразумение, мне обещался позвонить один господин из Президиума Академии, и его ждал-ждал, но он опоздал со звонков. Но вот завтра Вы увидите мою точность». На следующий день до Людольфа была у меня сестра и я уже знал, что перекрыли улицу в связи с приездом или отъездом кого-то. Мюллер опоздал и на этот раз. Смущенный, он сказал: «Очевидно, все-таки я не самый аккуратный немец». Все повторялось и в последующем (то встретил в холле знакомого, то еще что-то).

Что меня поразило в Мюллере, так это сочетание узости и глубины с отсутствием широты. Русскую литературу, философию, древности он знает досконально. А вот кто такой Хемингуэй, и слыхом не слыхал. Не знает и современную немецкую литературу. Ей-богу, у нас знают больше, во всяком случае шире средние интеллигентные читатели. – «У меня просто на все не хватает время. И лекции, и работа, и с семьей надо побыть», – оправдывался он.

После 1960 я больше за рубежом не был. В 1963 г. должен был ехать на конгресс славистов, напечатали даже доклад, но из-за Слова не пустили. Позднее не пустили и в ГДР на юбилей реформации. Жуков не разрешал и печататься за рубежом («не целесообразно»). Получал я приглашения в Гарвард, Сорбонну, Зап. Берлин, но о поездках не могло быть и речи. В своих ответах я благодарил за приглашения, но дурака старался валять поменьше (т.е. ссылаться на болезни, занятость и пр.). Единственное исключение – библиография по ранней новой истории (издающаяся в США), в которой я несколько лет печатал списки вышедших работ (своих).

Ну и что? Со славистами меня разлучить не удалось. Ну, а впечатления от стран и народов мне рассказывала Валечка, которая по своей библиотечной линии ездила часто. Практически со всеми интересными русистами-феодалами я так или иначе встречался в Москве. Шум вокруг Слова при этом играл второстепенную роль. Главное – это то, что слависты смотрят на нашу страну, как на Мекку. И действительно, в чем-чем, а в этой области нами сделано много. Приезжают к нам учиться, работать в библиотеках, заниматься в архивах. Столица все-таки – мы, они пока еще провинция. Но такое положение может и измениться. Работает молодежь по-разному, есть и среди них серьезные

ученые. Запретительные меры (или ограничительные) в части архивов просто смешны. Некоторые говорят красивые слова о... приоритете (наследие 1949–1951 гг.) в издании троицких актов! Некоторые говорят о нецелесообразности разглашать порочащие дипломатию XVI в. данные посольских книг! Боже мой! Как не ясно, что чем больше и скорее войдет в научный обиход новых источников, тем для науки будет лучше. Не говорю о самих научных трудах. Границ наука не знает.

У «них» есть свои трудности – и с печатанием (финансы), и с литературой, и со «школой», и с преподаванием и т.д. Если у «нас» противоестественен разрыв науки и преподавания, то у «них» преподавание необычайно широкого профиля (вся русская литература и т.п.). Это требует особенно усиленных занятий и пожирает львиную долю времени. А работать как у нас (до изнеможения) они не привыкли – есть все-таки жизнь еще с её радостями! Семья, веселье, поездки, встречи и т.п. О «человечестве» и о далеком будущем они не столь упорно думают, как у нас, в России. Сегодняшний день прекрасен для них уже сам по себе. И тем не менее приезжающие в Россию стажеры (не говоря уже о профессорах) тщательнейшим образом готовятся к своим поездкам. Они уже к этому времени знают по теме всю литературу, особенно новейшую (досконально!), штудировали печатные источники и имеют необходимые представления как о месте хранения рукописных материалов, так и о том, «кто есть кто», т.е. с кем они могут посоветоваться, у кого получить помощь (вне официальных лиц). К нам едут за живой водой познания живой науки в первую очередь. Конечно, библиотеки и архивы – это хорошо. Но для многих феодалов они совсем не обязательны и нужны прежде всего так, для общего ознакомления, видимости. Ну, какие можно сделать открытия за два или даже девять месяцев, когда все архивы измусолены на протяжении многих десятилетий.

Гораздо большее значение имеют контакты с учеными. Университет к иноземцам прикрепляет какого-нибудь лба типа Сахарова или [Белявс]кого. П.А. Зайончковский скорее исключение, чем правило. У [...]санов, Троицкий и т.п. Но большинство приезжающих отлично знают, кто им нужен. Обычно они просят устроить им консультацию-встречу с тем или иным лицом через наш иностранный отдел. Я всегда в таких случаях соблюдаю необходимый для начальства порядок, т.е. встречаюсь на официальной почве (в институте) вдвоем-втроем с кем-либо из сопровождающих лиц. Ведь о всех встречах и общениях ты обязан давать в отдел отчеты (как и краткое резюме получаемых писем). Вот насчет писем я нарушаю – уж очень противно. А только об официальных встречах пишу краткие резюме.

Итак, встречи с живыми людьми. Это в первую очередь дух сегодняшней России и ее науки. Через ученых они могут навести справки (более детальные) и о состоянии вопроса (библиография у нас не «ах»), кто чем сейчас занимается, об архивах и т.п.

Доклады и сообщения, которые делаются на заседаниях сектора, носят, как правило, формальный (отчетный) характер: обеим сторонам они нужны в первую очередь для «галочки». Истинных, прочных связей между учеными других стран и нашей (историков) пока нет. Посмотрим, что будет дальше.

С прекрасной Францией у меня дружба не сложилась. Правда, вскоре после дискуссии по Слову осенью 1964 г. в Москву приезжал патриарх славяноведения и «скептицизма» Андре Мазон. Мы с ним, несмотря на сложность ситуации, встретились. Я подробно рассказал ему о своих построениях. Выслушал он все это спокойно, я бы даже сказал равнодушно (возможно, он ожидал каких-либо сенсационных находок и т.п.). Был он разочарован тем, что я не мог ему дать рукописи книги для ознакомления. Но я посоветовал ему обратиться к Жукову. Ведь как-никак Андрей Альбинович был почетным (иностранным) членом нашей Академии наук. Обращение подействовало, и Мазон получил возможность прочитать ротапринтный вариант работы и стенограмму обсуждения. После его отъезда поднялся страшный шум, исходивший из канцелярии Жукова (Бромлей). Смысл его сводился к следующему: «Мазон, ознакомившись с работой Зимина и материалами дискуссии, пришел к выводу, что не только Зимин, но и он сам заблуждался относительно Слова».

Зига, насколько мне известно, не менее четырех раз говорил об этом. Я, конечно, сразу же написал письмо Мазону с прямым вопросом. Ответ был однозначен: «Не верьте. Вас запугивают». Позднее в издании рукописи М.И. Успенского о Слове Мазон сказал несколько теплых слов о моей работе. Переписка наша с ним была немногословной. Обменялись мы оттисками работ. В частности, Андрей Альбинович прислал мне уникальный экземпляр книги Денисова о Максиме Греке (весь ее тираж погиб по время немецкой бомбежки Лувена). Уж чего-чего у нас не болтали о Мазоне: и что он «еврей», и что он шпион, и т.п.

Это был маленький сухонький старичок с седой копной волос и французской клинушком бородкой с вислыми усами. Он напоминал тех самых Бержере и т.п. ученых, о которых писали Доде и Франс – наивных скептиков. Андрей Альбинович принадлежал к числу славистов старого типа – энциклопедистов, знатоков культуры славянских народов в целом – и языка, и литературы, и философии разных периодов. Мазон открыл уже в 20-е гг. зарубежного Тургенева, издав массу его материалов (в последнее время частью в «Литературном наследии»). Тихомиров в свое время в «Вопросах истории» его поливал грязью как немецкого прислужника, выпустившего Слово им в угоду. Это ложь. О Слове вообще Мазон писал до немцев, а выпуск книги (если уж выдумывать то да се) мог иметь совершенно противоположное значение тому, который пытался придать Тихомиров. Во всяком случае, позднее Мазон не подавал ему руки.

На смену Мазону в качестве главы французских славистов пришел Р. Порталь, специалист по экономике России XVIII–XIX вв. Это уже

иной ученый. Историк. Исследователь узкого профиля. Делец. Так как он не переносил Мазона, то со мной никаких контактов не установилось, тем более, что и по тематике общих точек соприкосновения не было. И вообще во Франции историей России интересуются, прежде всего, когда между этими странами устанавливаются контакты [...] XVIII в. Впрочем, среди молодежи, с которой познакомился [Каш]танов, есть и такие исследователи, как Бенигсен (в связи с работами в турецких архивах касается и XVI в.), Водов – специалист по дипломатике XIV в., Рублев (писал о налогах XIV в. и татарах).

Забавная фигура – Димочка Шаховской. Ему лет тридцать с небольшим. Формально занимаясь Шмелевым в каком-то северофранцузском провинциальном институте, он увлекается и русской генеалогией (особенно зарубежных фамилий). Отдавая дань восторга своим предкам, он продолжает дело некоего Иконникова, который издал много генеалогических справочников тиражом по 25 экз. Кое-что из них Димочка сдал в отдел рукописей ГБЛ. Кстати, в начале 40-х гг. сначала в Афинах, а затем в Америке выходил небольшой журнал генеалогического характера «Новик», в котором участвовали Ю. Арсеньев и Савелов. Димочка собирает сведения главным образом о семьях, волею судеб оказавшихся за рубежом. Увез себе жену из Союза и ежегодно проводит некоторое количество свободного времени на Святой Руси. Тягостное впечатление производят эти потомки «игрою счастия обиженных родов». Те, кто не ассимилировался в иноплеменной среде, остаются чужеродными вкраплениями в европейских и прочих землях («и мы для них чужие навсегда»). Так, Димочка костит на чем свет стоит французов за их скупость, их эгоизм, черствость и т.п., жалуясь на то, что им (эмигрантам) закрыты все дороги. И действительно, уж где-где, а во Франции с нескрываемой иронией относятся к тем, кто бежал после разгрома монархии на Запад. Опыт 1789 г. у них в памяти!

Потомки эмигрантов сохраняют чиновные разграничения сфер. Так Димочка входит во «второй круг» эмигрантов, менее знатный, чем Трубецкие, Оболенские и т.п.

Вообще генеалогией занимаются многие старики за рубежом (о, эти воспоминания!). Мне и Голубцову писал какой-то старик Шиловский из Франции. Дважды приезжала из Штатов в Москву и Ленинград некая госпожа Аферика. Сначала она издала книгу о М.М. Щербатове, а сейчас пишет работу о Щербатовых вообще. Какие-то размышления на этот счет возникли и у меня для XVI в., а позднее и в связи с А.П. Щербатовой-[К]аменской.

Из эмигрантских ученых Франции на конгрессе славистов 1958 г. я знал тогда глубокого старика Д. Стремоухова, ну прямо князя из «Дядюшкиного сна»! Тщетно он приглашал меня и Лурье посидеть за рюмочкой ликера... Однажды мне удалось повидать проф. Флоровского из Праги. С ним у нас сохранилась дружеская переписка. После его смерти Валя была у его вдовы, виделась с Савицким и вдовою Макси-

мовича. Флоровский один из немногих эмигрантских историков (его погрузили на корабль в Одессе что-то около 1923 г. и вместе с группой других ученых выбросили за рубеж), который сумел найти себя, как историка, за пределами России. И это объяснялось прежде всего тем, что он выбрал смежную тему – русско-чешские отношения на протяжении многих веков. Пашуто и Подъяпольская вывезли часть его архива на Русь (Пашуто задумал написать труд «Под колесами истории» об эмигрантских историках). Флоровский через своего брата, жившего в Штатах, доставил мне машинописную копию одной статьи Сухотина из «Новика» (об опричниках).

Более неприязненными у меня были отношения с А.В. Соловьевым. В период разрыва с нами Тито выслал его в Женеву (Соловьев как будто сохранял русское гражданство). В общем-то Соловьев оставался всю жизнь кустарем. Занимался он преимущественно термином «Русь» во всех видах, а позднее баловался «Словом о полку» и отчасти Задонщиной. Переписка у нас с ним была скудная. Его воинствующий национализм и скрытый антисемитизм мне глубоко претили.

С учеными-историками ФРГ особых контактов (кроме Ферочки и Людольфа) практически у меня не было. Одна из причин была сдержанность М. Хеллмана (к тому же он занимался славянскими странами, а не столько Русью) и г. Штекля-отцом зап.-нем. русистики. Штекль – автор и издатель «Ярбюхер», основного журнала по истории России с прочными научными традициями. Сам он специалист по XVI в. Первая книга – о казачестве в XVI в., затем об отношении к немцам в летописях, потом о завещании Грозного, учебник по истории СССР, масса статей о земских соборах, чинах, Герберштейне. Для всего его творчества характерна блестящая библиографическая осведомленность. Статьи его проблемны, но односторонне. Так основной тезис – свет с Запада (и в проблеме реформации, за что был мною обруган в славистском докладе 1963 г.).

Вера Григорьевна («Феерия фон») Лилиенфельд принадлежит по возрасту к моему поколению славистов (года на три постарше). Ее родители жили когда-то на Кавказе. Затем к Мировой войне оказались в Прибалтике, а затем в Германии. Словом, русский язык и любовь к русской культуре были семейной традицией Веры Григорьевны. Жизнь Верочки была тяжелой. Мужа потеряла на войне. Дочь родилась у нее больной и потом умерла. Жила она в ГДР. Преподавала в каком-то проте[...]ском институте (ученица К. Онаша). Выпустила основательную книгу о Ниле Сорском (с использованием рукописей). На заре деятельности ей сильно всыпали за то, что она отказалась считать Слово более гениальным творением, чем Песня о нибелунгах. К теме о Слове она предполагает вернуться. В конце концов ее добровольно выпустили в ФРГ, где она и преподает в Эрлангене (тема – русская культура).

Ферочка – человек думающий. Ее волнуют вопросы о том, чем жив человек, куда двигается человечество. Для нее люди и доброе начало

в них – дело кровное. Она не проповедник, но лектор. Мюллер ее приятель, хотя характеры у них разные (Ферочка более земная). Сейчас Ферочка больше занимается Византией, монастырскими уставами (Нил!). На последней конференции в Оксфорде ее доклад был лучшим (о Лаодикийском послании и связи его с талмудом). У Ферочки много друзей среди русских ученых. Национальной ограниченности она начисто лишена.. Переписываемся мы редко, но добрые отношения между нами сохраняются неизменно. Друзей я выбираю интуитивно и почти безошибочно. На всю жизнь.

Толстый благодушный Хеллман внешне антитеза подтянутому, строгому, сухопарому Штеклю. Он далек от штеклевской конкретики, склонен к глобально-славянским обобщениям, может писать легко обо всем и ни о чем. Самый фундированный немец сейчас Карстен Герке (кажется, где-то в Швейцарии). У него блестящая книга о пустошах в России XVI–XVII вв., историография общины, а также блестящая фундированная статья об историко-географическом факторе в истории России. Ученик Хеллмана Н. Ангерманн (Гамбург) – автор средненькой книжки о Ливонской войне и нескольких статей о русско-немецких связях конца XV – XVI в. Скучный зауряд-историк. Сейчас в ФРГ много молодых ученых (школы Штекля и Хеллмана). Трудно сказать, что из них будет далее. Это Рюсс, автор работ о Филофее и Курицыне и др.

Из ученых других европейских стран я встречался с К. Стифом (Дания). Это сухопарый, седой, сдержанный фольклорист и литературовед. В общении оказался милым и благожелательным человеком. Позднее – увы – как-то наша переписка оборвалась. Вероятно, научные интересы были разными и не создавали основу для научного общения.

Замечу для ясности, что ни один из серьезных зарубежных ученых в разговорах никогда не касался «скользких тем». Вообще все ясно было и без слов. А к чему могут привести неосторожные реплики, они отлично понимали. И вообще никаких расспросов, разве что о здоровии близких. Забавно, что многие из иностранцев боятся неосторожного общения больше, чем мы. Случаи «выдворения» им хорошо известны, а к тому же «у страха глаза велики».

Из итальянцев я однажды вел беседу в Институте с молодым А. Данти, автором обстоятельной работы о Пересветове. Позднее он прислал мне свои оттиски работ, где ставился вопрос о Задонщине. Собственно говоря, это были вопросы по теории текстологии – Данти отстаивал мысль о возможности случаев, когда существуют не один, а несколько архе[...] Выводы его – как бы компромисс между ленинградцами и мною. Ко[...] вернулся из Италии, он сказал, что Данти тяжело болен. Беда. Особенно близкими у меня сложились отношения с английскими учеными. Слово в их формировании не имело решающего значения, но, конечно, оказало некоторое влияние. Старик-библиограф Симмонс (с которым мы стали обмениваться оттисками недавно) остроумно назвал Игореву песнь – «Пильдаунским манускриптом» (имея в виду

липовую челюсть «первобытного» человека). Песни Оссиана, конечно, склоняли многих английских славистов в пользу признания и Слова липой. Но в общем-то дело было не в этом.

Ранее всего переписка завязалась у меня с Н.Е. Андреевым, преподававшим в Кембридже и являвшимся специалистом по живописи и литературе России XVI столетия. Он родился где-то в Прибалтике, затем оказался в Кондаковском институте в Праге, где в «Семинарии» издал ряд работ. После 1945 г. перекочевал в Англию. Как будто женился на какой-то англичанке. Во всяком случае в английский период своей жизни он писал все менее и менее. Книги так и не написал, издал сборник своих статей. То он жаловался, что Феннел перебежал ему дорогу с Грозным, то кто-то обскакал его с земскими соборами. Дело, конечно, было не в этом, а в отсутствии истинного желания творить. По письмам он на меня производил самое неприятное впечатление своей льстивостью, национализмом и пр. качествами. Эпизод со «Словом» поставил точку на наших отношениях, хотя он продолжает ежегодно присылать английские календари к Рождеству.

На конгрессе славистов я видал тетку Елизабет Хилл (наполовину русскую), а также Коновалова (сына мин. Врем. Прав.), в то время он был главою английских славистов, издателем ОСП. К науке он имел отдаленное касательство (издавал грамоты по русско-англ. отношениям). Сборник я так и не получил: он прямехонько угодил в спецхран, хотя ничего в нем одиозного не было. Очевидно, все дело было в рус[...] и русских буквах некоторых статей XVI–XVII вв. (не уверен, что это делал он сам). Был снобом с массивными чертами лица, типичный «руководитель» все равно чего.

Настоящим большим другом моим стал Джон Феннелл. Года на три старше меня. Женат на Марине Лопухиной, родившейся в далеком Харбине (по матери – Осоргиной, дядя – один из Трубецких, владелец «Узкого»). Эта волевая женщина (потомок последней царицы – Лопухиной, наверное, и последней святой Ульянии Осоргиной – нач. XVII в.). В честь Ульянии Феннелы назвали свою дочь Льяной (она окончила Оксфорд, но предпочла работу в Сити науке). Сын – Николай кончил у Андреева Кембридж. Весёлый парень, сейчас он по обмену год преподает в Ереване английский язык и культуру. Однолеток с моей Натальей. Вообще Марина дома создала очаг благоговения перед русской культурой. Джон как будто даже предпочел веру ее предков религии своих. Побывав на войне, Джон стал славистом. Русский знает в совершенстве (с англо-российским аристократическим стилем разговора). Сестра Марины замужем за другим византолого-славистом, блестящим лектором в Оксфорде проф. Д. Оболенским. Я его однажды видел, но он мне показался настолько надменным, что решил с ним не знакомиться (специально, при случае – там видно будет).

Джон написал сначала обобщающую книгу об Иване III, затем последовали прозаические переводы Пушкина, хрестоматия с Оболен-

ским, «История Курбскогого» и «Переписка с Грозным» в прекрасных переводах. Далее книга о России XIV в. Еще более солидная. Джон увлекся источниковедением летописания и Шахматовым. Сейчас он написал ряд превосходных статей о XIII в., которые, наверное, войдут в новую книгу. Затем, после ухода в отставку Коновалова, стал главою кафедры славистики – «ноблес об оближ» – стал больше заниматься литературой и выпустил с группой авторов два тома русской литературы; Древняя Русь и XIX в.

Джон любит и знает свое дело. Но по-другому, чем Мюллер. Спокойный по своему характеру, жизнелюб (скорее «толстовец», чем «достоевец»), он живет не в порыве, а размеренно и со вкусом. У [...]рина вед[...] своей семьи, избегая[...] Джон охотно разъезжает с лекциями по Штатам, общается с коллегами (так же, как любят путешествовать и его дети).

Джон написал две содержательные статьи – одну о Задонщине, другую о дискуссии по Слову, вызвав неудовольствие и ответ ДСЛ (которого избрали почетным доктором в Оксфорде). Полное единомыслие по этому трудному вопросу не может не радовать меня. Каждая наша встреча – буря радости. Дружим мы семьями и, думаю, навсегда.

Совсем иным был маленький и черненький бородатый Роберт (Боб) Смит. Профессор из Бирмингама, отец многочисленного семейства, п[...]тель Каштана. Если Феннел скорее «консерватор», то Смит ближе к [...]циалистам» или как их там еще называют в Британии. Скромный, с уютным чувством юмора. Написал первую книгу о земледелии в Киевской Руси, затем стал заниматься земледелием XV–XVI вв. В нем нет ни капли светскости, он естественен и открыт. С ним просто, уютно. Джон недавно говорил, что Роберт тяжело (психически) заболел. Ужасно жаль. Он настоящий, сердечный человек и вдумчивый глубокий исследователь.

Пару раз встречался я с Райаном (как и Шаховской и Во), который увез жену из России. Работает по библиотечному делу. Видел нескольких учеников Фаннела. Но это уже иное поколение, с которым душевной близости у меня нет. Забавной была встреча с одной шотландской писательницей (ее муж – редактор крупнейшей шотландской газеты). Ее для очередного романа интересовала тематика, связанная с русско-украинскими отношениями феодальной поры.

Япония – страна загадок. Это банальное утверждение не объяснено до сих пор. Возможно, дело объясняется тем, что на заре человечества японская цивилизация слишком рано отделилась от потока жизни, сохранив органическую связь с природой и не приобретя чувства обособленности не только личности, но и народа (а отсюда и противостояние божества и народа). Может быть, этим и объясняется полная обособленность японской цивилизации (в ее духовном субстрате) от всех других, а отсюда уверенность, что общение с другими культурами не может

повлиять на сердцевину японской культуры, японскую душу, если так можно выразиться. Поэтому японцы охотно перенимают все лучшее, что накоплено другими народами без всякого страха что-то утерять в своем естестве. «У нас все как у людей» – вот их девиз. Все новое в технике (лицензии), в культуре и т.п. есть у японцев. Мне становится страшно, когда я смотрю японское ревю с их многонациональными номерами. И все же ощущение, что все это делается (включая сек[...] номера) чисто механически, подражательно, душа при этом отсутствует, оставаясь чистой, витая в надзвездном пространстве, ажурно прекрасной, вечно японской. И в кино есть свои Годар (Осима), Антониони и т.п. Вот чего нет, по-моему, у японцев – это индивидуального творческого начала – все подражательно. Такая же ситуация в науке вообще, и славистике в частности. Здесь есть все. И сторонник древности Слова, и продолжатели Мазона (точнее, Пашкевича с его проблемой Руси и Слова). Здесь выходят сборники (типа журнала) по древнерусской литературе (надо же!), где печатаются и статьи и переводы памятников на японском языке. Все работы очень фундированы, отличаются превосходной осведомленностью в литературе – и ничегошеньки нового в них нет. Вот, например, Юкио Ито. Он занимается серединой XVII в. Так вот у него о земских соборах 1549–1550 гг. больше статей, чем у самого Шмидта. Приезжал он как-то на конгресс историков, а затем просто в командировку. Встречался с ним, и переводчиком в частности. Чтобы перевести ему вставку из Хрущевской степенной. Из множества суждений он обычно выбирает наиболее простое, без всяких источниковедческих штучек-дрючек.

Еще один японец написал статью о юном Ключевском, в которой по существу повторяет и расширяет мою работу на эту тему.

В США феодальная русистика начала бурно развиваться только после того, как американцы были потрясены полетом наших спутников и решили присмотреться, что же это за народ, русские. Отпущены были средства, появилась молодая поросль. Удивление кончилось – луна – кончились и средства, и сейчас опять положение трудноватое.

После войны русскую науку в Америке представляли в основном старики-эмигранты. Лидерами их были Якобсон и Вернадский. Авантюрист, не имевший представления о чести и совести (как говорил близкий к нему М. Чернявский), Ромка Якобсон (из круга молодых лингвистов 20-х гг. – Виноградов, Оксман и др.) стал крупным языковедом и из Чехии после войны перекочевал в Штаты. Какие фортели он выкидывал со мною, я уже как-то писал. Повторю лишь о них вкратце. Во всяком случае он обладал сильным логическим умом и сумел стать главой структуралистов, последователей Трубецкого. В Америке его или ненавидели, или принадлежали к его свите (в основном дамочки типа дочери Чижевского или ученые иудейского вероисповедания).

Во время съезда этнографов я пытался с ним познакомиться. Пришел на заседание и услышал, как он меня поливает грязью (Слово – он

считал своей вотчиной. В свое время он выпустил сборник с разгромом, как ему казалось, окончательным, Мазона – и вообще Слово для него кредит на случай возвращения на Русь и во всяком случае в эмигрантской среде). После подобных речений Якобсона («безграмотно» и т.п.) я отказался даже от попытки встретиться с ним. Вечером после этого доклада звонит мне лиса-Виноградов и говорит: «Вот тут у меня Рома Осипович. Он хочет познакомиться с Вашей книгой. Ведь у меня ее нет – у нас всех ее забрали (все врет: книга была у него). – «Александр Александрович, с Вами говорит Якобсон. Я сейчас готовлю очередной том своих сочинений и мне необходимо ознакомиться с Вашей книгой. Вы можете мне ее дать?». – «Как-то у нас с Вами странно складываются отношения, Роман Осипович. Мы еще с Вами даже не знакомы, а Вы обращаетесь с просьбой о книге, которая даже не издана. Потом Вы пользуетесь любым способом, чтобы по моему адресу говорить недостойные вещи». – «Ах, Вы об этом. Ну, это я просто так, для красного словца». – «Нет, Роман Осипович, я считаю, что пока моя книга не издана, отклики на нее в прессе недопустимы». – «Ну, хорошо. Как хотите. У меня есть ее конспект. Текст ее я все равно достану». – «Это уж как Вам угодно».

Достал-таки[470]. Откуда – не знаю. Но в томе он поливал меня грязью снова. Такого не было и в нашей литературе, где разбора рукописи не было вовсе. У Якобсона уже звучало «в блестящей статье Б. Рыбакова» в газете «Известия» и подобные соловьиные трели. А между тем, не говоря о моем тезисе об Ипатьевской летописи, как источнике Слова, он его принял и поэтому перенес дату Слова в начало XIII в. Словом, типичный гангстер. Глубину учености Якобсона я не могу оценить в языкознании. Но вот что касается Слова и Задонщины, все для меня ясно. Это – стремление к наукообразному флеру, трюкачество, честности ни на грош, но зоркий и сильный ум, несомненно.

Патриархом славистов-историков в США стал г. Вернадский. Он – сын известного академика, деятельный член кадетской партии. Еще до эмиграции выпустил солидную книгу о масонстве. Затем Прага и активное участие в кружке евразийцев. Первые книги на русском языке носили скорее популярный характер (Очерк истории культуры, Древняя Русь). Евразийские идеи остались на всю жизнь с Вернадским. Это – влияние Востока на Русь (неославянофильство) и географии, как фактора развития страны. Вернадский стал последним (пока) русским историком, автором многотомной истории России с единой концепцией. Его шеститомник доведен в общем до Петра. Правда, наиболее сильные разделы относятся к Руси Древней (влючая монгольский период).

---

[470] Откуда – не знаю. Не от Лихачева ли? Одно время «Моутон» объявило о фотоиздании моей книги. Слава богу, нашлись соображающие люди и [понимающие] полную неэтичность подобного «издания. Идейка-то была, очевидно, якобсоновская. Издательство его «ручное». Если бы она была осуществлена, я бы устроил гр[…], не говоря уже о том, что теперь книга стала […]

В дополнение к шеститомнику он выпустил еще параллельно «Аншент Рашиа» (расширенный вариант одного из томов). Для работы Вернадского характерны хорошее знание специальной литературы и [...] все то же неоромантизм, который столь пагубно влияет на науку. Вот только один пример. В Акад. Списке Русской правды есть текст «А в смерде и в хопе 5 гривен». Совершенно ясно, что «в хопе» – описка. Надо; «холопе». Это соответствует и пр. ред Русской правды и главное тому, что в Акад. Списке (в летописной части) слог «ло» часто пропускается. Проблемы, словом, нет. Так Вернадский вы[...] У Константина Багрянородного термин, отдаленно напоминающий чтение «хопе», который там означает «пастушеские племена» и на этом основании объяснил текст Акад. Списка. Ну, прямо Б.А. Рыбаков. Со своей евразийской точки зрения он антинорманист и склонен «Русь» (наименование выводить из Средней Азии (роксаланны) и пр.). И все же его поиски связи русского исторического процесса с историей Востока имеют и разумное содержание. Это – перспективно и необходимо. Без этого двуединую основу Руси не понять.

Отношений с теперь уже покойным Вернадским у меня не сложилось. Слыхал, что какие-то добрые слова он говорил в мой адрес, со скорбью упоминая о моих заблуждениях, касающихся Слова.

Нет у меня отношений и с семейством Рязановских. Одного из них (того сына старика, который занимается XIX в.) я видел в Институте, парой слов обмолвился. Холодный, американизированный делец. Его брат, кажется стажировался у Рыбакова, ярый антинорманист, судя по паре статеек, которые я просматривал. Подобным же «антинорманистом» был некий С. Лесной («в миру» киевский проф.-этномолог С. Парамонов). Он бежал из Киева и в Австралии стал правительственным этномологом. Своим коштом издал 7–8 выпусков «Русь, откуда ты», наполненных антинорманистическим кустарным бредом с вызывающими репликами по адресу «противников». Издал он и 4 выпуска о Слове. Облаял меня, как «прислужника большевиков» в Возрож[...] за работу о Слове, о которой ничего не [...]

Среди украинского «землячества» в США есть две ветви. В чем они различаются, право, не знаю. Одну из них возглавляет дружок Якобсона мюнхенский украинец Прицак. Он уже грозится лет 12 написать и издать книгу об ориентализмах Слова. Этот востоковед, очевидно, человек «ученый», но убежден, что он ко всему прочему псих (см. статью о «деремела»). Тип, напоминающий по складу характера Марра. Только его энциклопедичность параллельна бесплодию. Кажется, он «президент» Украинской академии. Вторую группу украинцев возглавлял Шевелев (Шерех). К ней принадлежит Пеленский, приезжавший как-то в Союз. Он писал что-то (и выпустил книгу) о русско-казанских отношениях, делал у нас доклад о развитии идеологии на Руси, относящейся к проблеме Орда–Казань–Русь по летописям.

Уже скончался некто Марк Шефтель, из киевлян первой волны эмиграции. Тоже приятель (как и Прицак) Якобсона. Писал что-то о Судебнике 1497 г. и небольшие статеечки, не имеющие научного значения[471].

Судебнику 1497 г. в Америке повезло. Занимался им еще один американский исследователь, правовед г. Дьюи. С ним я познакомился на конгрессе славистов, но далее «здравствуйте-прощайте» дело не пошло. У Дьюи масса статей по памятникам права XIV–XVI вв. и по правовым институтам XIV–XVII вв. Есть на ротапринте и издание текстов (переводы). Он аккуратный, спокойный и слишком уж «правильный» исследователь для того, чтобы быть интересным. Банальностей у него хоть отбавляй. Так и кажется, что перед тобою аспирант, который добросовестно сдает экзамен по заданной теме.

К историкам нашего поколения относился М. Чернявский. Это был крикливый, пустопорожный человечек. Модник по натуре, лектор по призванию и никакой как историк. Мы страшно ругались из-за оценки Чернявского, как личности, с Яшей. Растрепанный, взбалмошный, он все время говорил напоказ. Мог отстаивать в угоду студенчеству «ультралевые» идеи и тонко рассчитывать, в каком учебном заведении ему будут больше платить. Вечно в позе. Вечно что-то обличает. То американский капитализм. То кого-либо еще. Готов был (на словах, думаю) лететь (летчик) защищать Израиль. Крупнейшие историки у него Яша, Каждан, Гуревич и – увы – автор этих строк. Об этом он мог кричать и на заседании редакции «Вопросов истории» и в кулуарах. Вечно хотел быть в центре внимания, хотя человеком был неуживчивым. Мог ругать Якобсона и в то же время входил в его круг. Покровителем его был явно сомнительный Тредгольд, редактор «Рашен ревю»[472]. В своих работах Чернявский тоже, как в жизни, оставался пижоном, развивая обрывки чужих идей (о русской культуре и общественной мысли феодального периода – Запад–Восток и Россия и т.п.)

Судьба Чернявского оборвалась неожиданно: он покончил с собой, говорят, на личной почве (ушла любимая им жена).

В Институте я однажды видел ученичка Чернявского, некого Голперина. Он пишет диссертацию о «Сказании о Мамаевом побоище». Говорил он довольно откровенно: «Я пишу работу, чтоб доказать правильность идеи моего учителя». Заранее для него ясно (в частности), что это памятники конца XIV в. В архиве он был, чтобы взять пару-две сноски.

---

[471] Среди ученых-эмигрантов, уже скончавшихся, в Америку переселился И. Денисов (фактически там ничего не создавший) и О. Бакус, автор интересной книги о русско-литовских отношениях, точнее о знати XIV–XV вв. Любопытны и его статьи (о Курбском и пр.). М. Раев, начинавший с Иосифа Волоцкого, прочно перешел на XVIII в., написал ряд интересных работ. Он поддерживал научные контакты с С.М. Троицким.

[472] Тредгольд как-то прислал мне галиматью о XV–XVI вв. общественной мысли России (глава из книги, где основной тезис должен был быть – влияние Запада). Я даже ему не ответил.

На этот раз мнения у нас с Яшей совпали – бездарность Голперина вопиет (см., кстати, его рец. на книгу Кинана). Никакого желания даже говорить на научные темы с типами подобно Голперину у меня не было.

Знакомство со специалистами происходило и по переписке, и в ходе их командировок, и на конгрессах и симпозиумах. У нас был конгресс славистов в 1958 г. и конгресс историков в 1970 г. Всякие русско-польские (п/р Рыбакова), русско-английские, русско-итальянские комиссии для меня недоступны. Из-за отношения ко мне нашего начальства я, в свою очередь, старался уклоняться от официозных встреч. К тому же, они сами по себе были не столь уж интересны. Тот, кто хотел побеседовать со мной, и с кем мне было интересно, находили эту возможность помимо всяких комиссий.

Наиболее интересен был съезд историков, происходивший в МГУ[473]. Вся работа его находилась под строжайшим контролем Сенечки. Роли были расписаны заранее. («Кому быть хвалимым и хулимым» установлено абсолютно точно.) Все выступления в прениях заранее просматривались. Никакая отсебятины не допускалась. Шла борьба не на жизнь, а насмерть между двумя идеологическими мирами. А между тем, приезжавшие часто об этом и не догадывались. Они с гораздо большим интересом знакомились с московскими древностями, беседовали с коллегами, посещали увеселительные заведения (театры, концерты).

Но бой есть бой. И вот А.И. Клибанов дает баталию какому-то клерикалу. Твардовская и Аврех разоблачают фальсификации Р. Пайпса (у того был забавный доклад по XIX в.). Сам Пайпс – фактически лидер русистики в США. Из мухи часто изображался если не слон, то тигр во всяком случае. В итоге можно было доложить о полной победе на съезде. Фальсификаторы были повержены в прах (наиболее одиозные их доклады остались только на языке подлинника). Среди выступавших в прениях в процентах было неизмеримо больше праведников, чем волчищ. Я бывал избирательно. Однажды на секции сословно-представительных учреждений у Льва даже выступал (он входит в какую-то межд. организацию по подобным учреждениям). Элегантное, но скользящее выступление Александра Ильича мне не понравилось. Но Аврех – хорош! Не может без того, чтоб над кем-либо не поиздеваться (высокомерно, поучительно). В свое время он в 1949 г. в Университете на полном серьезе громил космополитов. (Очухался позднее.) Потом он громил «лаптеведов» и явился зачинщиком дискуссии по абсолютизму. А в промежутке походя «долбанул» Пайпса. У нас с ним был предварительный разговор: публицистически-памфлетный тон его выступления мне не понравился, я сказал ему, толку не было. Но есть все-таки Воздаяние. Беднягу Арона уже вскоре начали прорабатывать самого (в связи с

[473] На конгресс пускали по пропускам. Но фактически пройти мог любой, ибо спросить о пропуске при иностранцах сторожа не решались. В фойе полное изобилие от […] до бутербродов с икрой.

Волобуевым), и чем все это кончится, неизвестно. Дали ему концепцию (крестьяне – опора самодержавия) и т.п.

Наиболее интересной была секция византиноведения, в частности любопытен доклад американского византолога Шевченко «Записка греческого топарха» (Шевченко – крупный ученый из Думбартон Окса, но мне он несимпатичен – типичный Воланд с фотоаппаратом на пузе, хищный, бессердечный, самовлюбленный). «Записка» – грех моей молодости, о ней я писал работу на III курсе, связывая ее с русско-болгаро-византийскими отношениями X в. (две Болгарии, «Климаты» и пр.). Некоторые, ссылаясь на астрономические пр. данные, относят к тому времени к Крыму (тонкий серьезный ученый Геннадий Литаврин в последнее время). Так вот Шевченко обратил внимание на отсутствие подлинника «Записки» и счел ее подделкой начала XIX в., связав ее с именем видного византолога того времени Ф. Гаазе. Гром среди ясного неба. А тут еще Слово. Наши ребята (старик Сюзюмов, Литаврин, сладкопевец Фонкич) сделали все, чтоб подорвать доверие к тезису Шевченко. Тщетно. Санечка безмолствовал и лишь улыбался.

Но вообще-то, пожалуй, среди наших ученых лишь византологи сумели наладить постоянные контакты со своими коллегами. Причин тому несколько – и международный характер темы, и прочные русские традиции, и наличие у нас ряда серьезных ученых. Русисты у нас зарубежную литературу знают плохо (Ася и Каштан – да Пашуто и м.б. Флоря – исключение). Льву всегда иностранные работы называю, а иногда и просто даю я (в «Образовании», в частности). Но так долго продолжаться не может: два параллельных потока не могут раздельно существовать (они это понимают, дело за нами).

Ученик Прицака – Эдвард Кинан[474]. Американский Рыбаков. Начал специализацию он по советскому или околосоветскому Востоку. Затем перешел на русско-казанские отношения. Если для Рыбакова ключ к истории фальшивки, которые он объявляет подлинными документами, то для Кинана – подлинники, которые он считает фальшивками. Был у нас, но с его любовью к трюкачеству попал в историю: под фамилией Э.Э. Кинанов отправился в вояж на Валаам (туда въезд иностранцам воспрещен). Был за это выдворен. Имя его появилось в брошюре о бдительности. Словом, въезд ему на Русь был «заказан», и он вынужден пробавляться тем, что ему здесь раздобудут его ученики, и брать темы, в которых архивы не имеют решающего значения. Кинан – организатор. Он создал в Гарварде довольно серьезную группу учеников-феодалов.

---

[474] С Кинаном я не встречался. Обменялись мы только парой писем. Он писал рецензию в «Критике» на мои «Реформы». Это было сразу после Слова, когда отношение к моей персоне было любопытствующее. Вообще Кинан охотно пишет рецензии, считая себя специалистом во всп.-ист. дисциплинам. Он написал положительный отзыв на двухтомник Янина. Походя как-то выругал Каштанова (подтекст – за марксизм) и т.п.

Остроумный, блестяще владеющий русским языком, Кинан, конечно, незаурядный ученый. Беда его в том, что он явно склонен к сенсационным откровениям и к саморекламе (это всегда сопутствующие явления). Все началось с ярлыка Ахмед-хана Ивану III, сохранившимся в списке XVII в. Кинан объявил его фальшивкой. Это не вызвало ни у кого никаких эмоций. Все может быть! Причем у Кинана в статье всякие восточные параллели – кто в них разберется! Выступал (как и Пеленский) в дискуссии в «Славик ревю» со статьей о присоединении Казани к России. Затем написал статью о «Казанской истории». Рассмотрев бегло две редакции (а не списки), пришел к выводу, что вторая первоначальнее, а поэтому памятник – поздний, начала XVII в. В стокгольмском архиве обратил внимание на водяной знак одного известного послания Грозного и сделал вывод о существовании в XVI в. на Руси бумажных предприятий. Вывод с восторгом был прокомментирован Лихачевым в «Литературной газете». И вдруг – бац! Переписка Курбского с Грозным – подделка XVII в. Автор первого послания Курбского – известный писатель Харя Шаховской. И вот началась свистопляска. Выступил и сам Лихачев и Н. Андреев (его статью прореферировал Кузьмин). Но особенно отличился Руслан, издавший книгу и не менее пяти статей на эту тему – на одном (плохом) уровне. Книга же Кинана любопытна. Он обнаружил у Курбского (кажется, с помощью Прицака) пара[...] с Исаей, украино-русским писателем второй половины XVI в. Д. Во собрал [...] все палеографические данные о Первом послании Курбского: оказалось, что рукописи не старше 20-х гг. XVI в. Словом, материал для размышления был, но у Кинана все очень легкомысленно, хотя и наукообразно. На мои работы он абсолютно не ссылается (чтоб не заподозрили в зиминизме, что ли? А одному ленинградскому коллеге он писал, что его Харя – «не какой-то там Исиль Быковский»).

Сейчас Кинану мерещится полный переворот: перенесение XVI в. в XVII. Так, Во пишет о переписке тур. Султана с Грозным, как памятнике XVII в. (но против этого тезиса никто не спорил). Кинан уже делал доклад об «Истории» Курбского. А там – Пересветов и т.п. Пора бы и остановиться. Так или иначе, работа Кинана имела и позитивное содержание, хотя бы в том, что приковало внимание исследователей к теме, которая весьма интересна. Чем больше споров, тем лучше. Ну, да Кинана никто практически не поддержал (Во не в счет – он очень осторожен, и только). Впрочем, отлично понимаю, что аргумент «от числа сторонников» ничего не стоит.

Встал вопрос – как нам реагировать с Яшей. Вначале мы решили не присоединяться к общему хору хулителей. Ни к чему. Но выход в свет работ Скрынникова изменил дело. Теперь появилось больше возможностей для объективного суждения. Я написал большую (текстологическую) работу о Первом послании Курбского – частью печатаю в ТОДРЛ (впрочем, по требованию Лихачева я вынужден основную часть по-

лемики против Скрынникова снять. Но главное осталось – позитивные взгляды автора статьи. Разбойники сняли и наиболее дорогую для меня часть – текст послания по всем известным мне спискам.

Ученик и друг Кинана Дэниел Во мне глубоко симпатичен. И своей скромностью, и своим трудолюбием, и глубоким тонким взглядом на источник. Ведь надо же – познакомился только у нас с рукописями и стал одним из самых глубоких исследователей водяных знаков. Его последние работы о петровских «Курантах» также отличаются фундаментальностью. Мечтает же он заняться Турцией (да и жену вывез из России востоковедшу). Превосходна его скрупулезная работа (в духе каштановской кодикологии) о том, как Строев вырезал куски рукописей из библиотек, в которых он работал, как он похищал целые рукописи и куда все это попало. Пока работа не издана.

Жены в работах учеников Кинана играют заметную роль. Так, жена Григория Шоско (выходец из семьи белорусских эмигрантов) занимается новейшей математической техникой. Это милый, увлеченный работой парень. Так вот Григорий решил ее приспособить к своим разысканиям. Кинан дал ему необъятную тему – троицкое землевладение. Григорий ее несколько ограничил – XVI в. (позднее, уже в Штатах, он решил свести дело к Дмитровскому уезду, во всяком случае пока. Разработав сложную методику сокращенной копировки актов, Григорий год не вылезал из наших архивов (в основном ГБЛ) и научил копировать свою жену. В результате его работы (а также сделанных им микрофильмов) у него оказался богатейший архив, думаю, что в части троицких актов даже более полный, чем у Веселовского (а уж тот работал дай боже). Жена помогает ему и в машинной обработке актов. Впрочем, пока результаты работы не вполне ясны – в печати я ничего еще не видел. «Математик» использует и некий Р. Хелли в работе о холопах XVI в., которую он пишет. Первая работа его была о крепостном праве. Он прислал мне и некоторым другим холоповедам по пуду своих таблиц, в которых разобраться было невозможно. Е.Н. Кушевой он прислал рукопись своей рецензии на наши работы о холопстве. В ней содержится полный разгром моей книги. Разгром по меньшей мере странный: никаких фактических соображений, а в основном упреки в вульгарной социологии. Читать подобные «разгромы» всегда омерзительно.

Еще два-три ученика Кинана посетили Москву и Ленинград. Это некто Плавшич, веселый, разбитной, не утруждающий себя наукой парень. Он не больше не меньше решил изучать всех дьяков и все приказы XVI–XVII вв. Был еще какой-то тип, кажется Орчард, занимающийся приказами с контрольными функциями (Челобитным). Никакого серьезного впечатления оба они на меня не произвели. В Ленинграде кто-то из учеников Кинана занимается Хронографом ред. 1620 г. или чем-то вроде этого. Словом, размах у Кинана широкий. Что-то из этого получится. Уж очень он сам плут.

Двое из заокеанских коллег стали моими друзьями, хотя наши встречи – увы – с ними весьма редки. Это – Густав Алеф и Роберт Крами. Густав, преподающий в Орегоне, выходец из Европы, примерно моего возраста. Кругленький, благодушный, трудолюбивый человек. У нас стажировался год, жил почти со всем семейством (у него жена и трое парней). Своим предметом (Алеф человек целеустремленный) он избрал историю служилого класса XV в. Его работы о Боярской думе, о Ямском приказе, о государственном дворе отличаются солидностью, хотя некоторой расплывчатостью в выводах. Он написал также статьи о государственном гербе (связь его с австрийским орлом мне кажется сомнительна), о печатях. Постановка же им проблемы государева двора безусловно плодотворна. Густав пишет длинные письма, в которых обычно делится своими мыслями в ходе работы, а также о житейских радостях и печалях. Такой тип исследователя, скромного и целеустремленного, мне глубоко симпатичен. Густав вместе с Фенеллом организует конференции русистов-феодалов. Сначала одна была в Орегоне, затем в Зап. Берлине, в прошлый год – в Оксфорде.

Роберт Крами некоторое время в Йеле учился у Вернадского, затем у Чернявского (полная антитеза Крами), потом он сдружился с Алефом. Тема у него сходная (Боярская дума), хотя и другого периода (XVII в., особенно первая половина). Методика у обоих сходна с нашей: выявление реальных биографий членов думы, как предварительное условие для определения смысла перемен, происшедших в ее составе. Крами – ученый поколения скорей Каштана. Стройный, со спокойным чувством человеческого достоинства, Крами производит сразу же располагающее к нему впечатление. У него все на полном серьезе. Скорее он напоминает англичанина (ну, скажем, Алека Гиннеса из «Моста через реку Квай»), чем типичного американца. Тактичный (корректный) и вместе с тем благодарный за доброе внимание, он никогда не будет рассыпаться в комплиментах – ведь он – настоящий мужчина. Но сделанное ему добро никогда не забудет.

Жизнь у Роберта складывается тяжелая. Жена – медиевист-интеллектуалка – тяжело больна нервной болезнью. Роберт окружил ее, беспомощную и хрупкую, заботой и вниманием. Детей своих иметь нельзя. Они взяли из приюта мальчугана, отец которого негр, а мать – полька, и Роберт стал ему отцом и матерью. А парень темпераментный, нервный. Хлопот с ним не оберешься. И все Роберт сносит со стоическим спокойствием и верой в добрую природу человека. Чертовски не повезло ему с работой. ЭВМ высчитала по его данным, что его-де не следует оставлять в Йеле, и поэтому он нашел себе другое место в затрапезном городке на Западе. Но потом пришло письмо, в котором Йельский университет извинялся за недоразумение: оказывается, машина что-то перепутала и он вполне может продолжить там работу. Но было уже поздно. Вот тебе и техника!

Роберт – гуманист по своему существу. Любимый писатель у него – Достоевский. Несмотря на свою природную сдержанность (защитная броня от ударов Судьбы), он сердечен и искренен с близкими к нему людьми. Первую (превосходную) книгу он написал о выговском старообрядстве, используя ленинградские архивы. Во второй о Думе он много и всерьез работал над боярскими книгами в ЦГАДА.

Вот как будто и все американские ученые. Об остальных могу сказать совсем мало. На экономическом съезде в 1970 г. виделся я с Уолтером Кирхнером – специалистом по прибалтийско-русским отношениям в XVI в. (очевидно, выходец из Германии). Прислал мне свою книгу некто Грабовский об «Избранной раде» (весь ее сюжет, что рада не дума, а неофициальный кружок, мог бы уложиться в одну статью). Говорят, он женат на богатой женщине и издал книжку «своим иждивением». Посвятил ее... Плисецкой, Максимовой и Бессмертновой (я ее подарил Григоровичу). Больше как будто Грабовский наукой не балуется.

Видел однажды в коридоре Института Биллингтона – который у нас является «жупелом», из-за своей книги «Икона и топор», в которой дает философскую схему истории русской культуры с древнейших времен до Евтушенки. Мне эта книга показалась кое в чем забавной. Во всяком случае чувствуется живая мысль. Словом, всех не перечислишь. Но даже из того, что я рассказал, читателю должно стать понятным, что русистика из «краеведения» (каковым она была для мировой исторической науки лет 50 назад) постепенно становится частью истории, как науки во всемирно-историческом процессе. Она волнует не только отечественных историков, но и ученых всех стран, где поставлено изучение истории более или менее широко.

Мне легко было бы стать в позицию обиженного (по типу одного моего друга, решившего, что если нет полноты общения, то не нужны паллиативы). Но я считаю такую позицию глубоко неверной. Нельзя, чтоб о нашей науке и наших ученых судили по Рыбакову и им подобным. Максимализм всегда ведет в пропасть, в данном случае тоже.

Успехи русистики (я говорю о своем периоде, конечно) за рубежом меня радуют. Чем больше и чем серьезней будут заниматься историей нашего отечества (без относительно [...]), тем история России из вещи в себе будет превращаться в вещь для всех. «Искажений» я не боюсь (кстати, в подавляющем большинстве работ никаких концепций вовсе нет, преобладает стремление выяснить истину, ввести в научный обиход систематизированную группу фактов, «концепции» подчас переходят в этих работах независимо от воли авторов вместе с теми работами, которые они используют), научное общение между учеными всех стран – необходимое условие прогресса русистики. Оно будет предохранять и нашу науку от «романтиков». Настало время и для координации тем, для совместных поисков и публикаций и т.п. Как все это будет на деле, поживем – увидим.

ВО ГЛУБИНЕ АРХИВНЫХ РУД

Каким жестоким и неблагодарным существом может быть человек вообще, и ученый, в частности. Как легко мы забываем, что наша работа принадлежит нам, собственно, в какой-то самой ничтожной доле. Как правило, по любой нашей теме писали наши многочисленные предшественники, нас учили и учителя истории, т.е. в какой-то мере плоды нашего творчества вызревают на многовековом древе нашей науки. Но дело не только в этом. Мы часто забываем тех тружеников, без помощи которых сделать нам ничего было бы нельзя. И машинисток, и типографщиков, и библиотекарей, и архивистов. Они также причастны к вызреванию заветных плодов. А мы своей совестью исследователя отвечаем перед ними за то, чтоб не обмануть их надежд.

Может быть, я чувствую все это так остро, [потому] что моя мать и многие близкие мне родственницы были машинистками, а Валя и Наташа – архивисты. Может быть... Но не только поэтому. И даже не потому, что я преподавал в Архивном институте. А потому, что испытал на себе те бесценные дары внимания архивистов и других сотоварищей по науке, за которые я им низко кланяюсь.

В архив (ЦГАДА) я пришел еще в 1944 г., вскоре после этого в Отдел рукописей ГБЛ, затем Отдел рукописей ЛОИИ, рукописный отдел ГИМ, Пушкинского дома, БАН и некоторые другие архивы. Из всех них наиболее квалифицированным и благожелательным к посетителю был и остается ОР ГБЛ. Для меня он стал родным домом.

В 20–30-ые годы отдел рукописей, скромный по своим возможностям, (как и многие аналогичные учреждения) был приютом для тех, кого Великая Буря сорвала с насиженных мест, медвежьих уголков старинного быта. С незапамятных времен отечественными древностями ведал там Георгий Петрович Георгиевский, уже почтенного возраста скопидомный хранитель рукописных богатств. Позднее он одновременно состоял в членах Синода православной церкви. Сам – сын просвирни одной из церквей на Смоленщине. В 1947 г. он уже умер.

На выдаче рукописей работала строгая, но доброжелательная Анна Алексеевна Ромодановская (ее сестрой была известная художница). Анна Алексеевна была незаменимым помощником всем тем, кто впервые соприкасался с духовными ценностями, хранившимися в Отделе.

Основным нервом, душою отдела была Елизавета Андреевна Коншина (из известной купеческой семьи), долгие годы сохранявшая и в трудные дни дружбу с моим учителем Сергеем Владимировичем Бахрушиным. Она – близкая подруга М.П. Чеховой и Книппер (отдел – хранитель чеховского наследия). Строгая (с мужским характером курсисток начала века) Елизавета Андреевна была бесконечно предана своему делу. Себя она с излишней скромностью считала «девочкой на побегушках ее величества русской литературы». Елизавета Андреевна и была воспитательницей нового поколения работников Отдела. Работали в нем

милая Н.К. Швабе, немного шумная, темпераментная А.К. Аскарянц и другие. Нет, они были не горничными, а весталками в Храме Науки.

Перелом в работе Отдела связан с появлением нового заведующего, которым в 1944 г. стал Петр Андреевич Зайончковский, пробывший на этом посту до 1953 г., когда он ушел в Университет. Сын врача, сам в 1917 г. еще 12-летний кадет, он учился в Пединституте, в 1931 г. был принят в партию[475]. На приеме ему задан был коварный вопрос: «Где бы Вы были в Гражданскую войну, если бы были старше?». Он, не кривя душой, ответил: «Наверное бы, у белых». Откровенный ответ понравился, и Петра Андреевича приняли в партию. Затем война и контузия.

Царствование Петра Андреевича оказалось для Отдела очень благотворно. И не потому, что он как-то реорганизовал его работу. Отнюдь. Он занимался своим делом. Писал докторскую работу на отдельских материалах о военной реформе и в связи с этим издавал четыре тома «Дневника Милютина». Но его значение состояло в том, что он не только предохранил в сложные годы борьбы с космополитизмом состав сотрудников от перетряски, но пополнил его теми, кто в дальнейшем составил славу отдела. В 1945 г. в отдел пришла С.В. Житомирская, постепенно взявшая на себя трудную и неблагодарную организационную работу (наряду с научной). В 1946 г. отдел пополнился двумя студентками истфака – К.Н. Майковой и В.Г. Лапшиной (с 1947 г. – Зиминой). В 1947 г. в отделе начал работать тактичнейший Борис Александрович Шлихтер (сын наркома ленинских времен), *простоватая Лариса Максимовна (из агитпропа ун[иверситета]), осуществлявшая партийное руководство*[476] и «столп» древностей Илья Михайлович Кудрявцев. Кончалось время отдельных энтузиастов – начиналось время планомерного научного описания рукописей. «Записки» отдела, которые стали выпускаться ежегодно, превратились постепенно в лучшее издание архивного ведомства. П.А. Зайончковский давал простор для всех новых начинаний в Отделе. Без какого-либо особого воображения и первоначально без широких знаний, он искренне и увлеченно любил историю и ценил ее документальную основу. В 1950 г. он защитил докторскую диссертацию. С 1948 г. преподавал в Университете, в 1952 г. ушел из Отдела, став директором Библиотеки МГУ (до 1954 г.).

Постепенно и как-то поначалу незаметно Петр Андреевич превратился в крупнейшего историка России XIX в. Под его началом защитили диссертации 40 человек (в том числе и моя супруга). Сложилась «школа Зайончковского». Ее темой преимущественно стала крестьянская реформа 1861 г. О своих учениках Петр Андреевич всегда пекся.

Восемь книг Петра Андреевича (о падении крепостного права, 1954 г., 2-ое изд. – 1960, 3-ье – 1968 г.; Проведение в жизнь реформы 1861 г., 1958; Кризис самодержавия на рубеже 70–80 гг., 1964; Россий-

---

[475] В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию «Кирилло-Мефодиевское братство» – *приписка А.А. Зимина.*

[476] *Текст между звездочками приписан на верхнем поле страницы.*

ское самодержавие в конце XIX в., 1970; Самодержавие и армия на рубеже XIX–XX вв., 1973, не говоря об уже названных военных реформах 1952 г. и подготовленной книге о гос[ударственном] аппарате перв[ой] пол[овины] XIX в.) дают широчайшее полотно российской истории XIX столетия. Они вводят в научный оборот уйму разнообразного и свежего материала.

Ничего подобного до Петра Андреевича в историографии России XIX в не было, да и, думаю, долго не будет По блеску и глубине мысли и тщательности обработки материала работы П.А. Зайончковского могут уступать отдельным монографиям различных ученых, но в целом они составляют такую надежную основу науки, которой можно только удивляться. Создавая свои труды, «не мудрствуя лукаво», Петр Андреевич, к счастью для науки, не искажал общей картины событий, служивших объектом его исследования, ну а если и встречаются у него огрехи (из-за спешки, нервного характера), то кто без греха!

Петр Андреевич сделал и еще одно большое дело. Он наладил издание мемуаров видных государственных деятелей XIX в. – Милютина, Половцева, Валуева. Наконец, под его редакцией и [при] повседневном участии издан [труд], ставший незаменимым справочным пособием («Справочники по истории дореволюционной России», 1971). В ближайшее время начинает выходить под его редакцией многотомный библиографический указатель изданных мемуаров, подготовленный сотрудниками разных библиотек. Используя самоотверженный труд многих энтузиастов, ПА умеет заразить их и своей увлеченностью.

П.А. Зайончковский добился признания и за рубежом. Он подготовил несколько крупных исследователей (Т. Эманс и другие). В его честь издан сборник в Америке, а сам он в 1967–73 гг. стал почетным членом Американской ассоциации ученых и членом Британской Академии. Его за рубежом считают крупнейшим советским историком.

В быту Петр Андреевич не ровен. Галантность (по-старинному щелкнет ножкой) сочетается иногда и с невнимательностью. Розовым он стал лет двадцать назад (грех рецензии на учебник Дмитриева – чего скрывать – был). Любимый его вопрос: «А он порядочный человек?». По-детски тщеславен («А у него есть монографии?»). В Университете он одинок (некоторое время около него вертелись Ванька Федосов и Толя Сахаров). Со своей Ирусей воспитал приемную дочь. Славянофильских крайностей (охотнорядских) лишен (среди его приятелей были Марголин и Окунь), но, конечно, гордится, что он – русский человек.

Колоритной фигурой являлся и Илья Михайлович Кудрявцев (р. в 1907 г. в духовной среде, брат его – известный артист МХАТ, хобби которого было «Слово о полку»). Учился он в МГПИ у Н.П. Сидорова, который был просветителем толстовского типа. Мой друг Игорь Катарский (сокурсник и близкий друг Ильи Михайловича) считал Илью могучим дубом народной мудрости. От своих предков-поповичей Илья

получил в наследство феноменальное упрямство, любовь к церковно-поучительной литературе и поучающий тон (он себя считал оракулом, мнения которого обладают непогрешимостью). Уже с ранних пор он был тяжело больным человеком: ходил с мощной палкой, ибо что-то у него было с ногами. Женат он на бывшей артистке. Эта «глыбища», по словам моего Игорька, не говорил, а изрекал.

Сделал Кудрявцев для отдела, куда пришел уже немолодым сложившимся человеком, очень много – и сам, и как глава группы древников. Илья – максималист. Это несло с собой тяжелые последствия. Когда он описывал рукописи, все обстояло сравнительно благополучно. Его описания (машинописные) добротны и раскрывают хорошо содержание рукописей. В 1951 г. под его редакцией и при его участии был издан т. I описания основного в ГБЛ «Музейного собрания». Вавилонская башня оказалась недостроенной: описаны всего *450 №№ (за 1862–1885 гг.) из 5000–6000 до 1947 г. включительно*[477], причем все они имели краткие описания в ежегодных отчетах Румянцевского музея. Описание, действительно, лучшее в советской науке. Но оно страдает излишествами. И языковые комментарии Н.Б. Тихомирова слишком пространны, и описания слишком скрупулезны. Выдержать такой тип описания до конца было невозможно.

Тогда задумано было новое издание – путеводитель по всем фондам ОР ГБЛ, содержащим древнерусские рукописи. Начали работу над ним примерно в 1962 г., прекратив ежегодную публикацию описаний текущих поступлений. Воз и ныне там. Путеводитель превратился в мамонта, благодаря максималистским требованиям Кудрявцева. Он теперь уже будет (по идее Кудрявцева) томов из четырех. В нем чего только не будет насовано (и писцы, и записи и т.п.). Только в конце прошлого года как будто завершили (для отчета) первый том, составленный самим Кудрявцевым. Илья Михайлович уже вот года четыре как ушел на пенсию, стал плохо видеть и т.п. К нему прикрепили чтеца, но, конечно, это все паллиатив. Что будет с Путеводителем, который по первоначальному замыслу должен был содержать краткий обзор, так и остается неясным.

Характер у Ильи Михайловича тяжелый, как бывает у некоторых правдолюбцев (типа Аввакума). Сначала он производит впечатление этакого Ильи Муромца, мудреца, праведника-подвижника, страдальца за народ. Оборачивалось же все это тиранством могучего Ильи, самодурством, насилием над человеческой личностью. Поэтому самыми любимыми для него людьми были тихие труженики, безропотные исполнители его воли. Меня или такого типа людей (в отделе – Кобрин) он не переносит. Считал или выдумщиками или конъюнктурщиками, или бездельниками, или халтурщиками, во всяком случае пенкоснимателями, пользующимися благами, созданными такими тружениками, как он.

---

[477] *Текст между звездочками подвергся исправлению: цифра* 450 *написана поверх машинописной –* 600, *текст в скобках написан над строкой, а текст после цифр – под строкой.*

Сторонник порядка («кесарю кесарево»), хотя и с философским подходом, он где-то в глубине души (прямо ни-ни) не любит инородцев. И тут его покарал Бог. Любимая дочь его вышла замуж за еврея. Разговаривает он баском, в котором чуть слышно могучее русское «о». Без чинов, все по зову сердца. Таков Илья. Однозначную оценку его личности дать нельзя. У нас с ним всякие отношения прекратились после «Слова». И как ученый он исполнен противоречиями. Трудолюбие сочетается с органическим отсутствием творческого начала, а может быть, и неприятием его, как «умствования» (воля и бессознательная вера в наитие свыше – основа выводов). Его кандидатская диссертация о Повестях о стоянии на Угре и издание Артаксерксова действа (первая русская светская пьеса, обнаруженная им) – вещи добротные, но неинтересные.

Любимец Ильи – Николенька (Николай Борисович) Тихомиров – языковед. Блестящий знаток языковых особенностей рукописного материала, особенно древних (XII–XV вв.). Его каталог рукописей ГБЛ XII–XIV вв. (опубликован в «Записках» ГБЛ) уникален по точности характеристик (в описательной части). Выходец из поповской среды, он, как и Илья, упрям, старомоден, лишен творческого начала. Ничего так и не защитил. На мир (особенно на шустрых) он глядит из своего холостяцкого исподлобья. Ущербность «человека из подвала» (отношение к «умникам» – губителям русской культуры) причудливо соединяется в нем с увлеченностью работой и бескорыстной самоотдачей.

Болезнь глаз и обиды на то, что его недостаточно ценят (после ухода Ильи) заставили его перейти из группы древников в Читальный зал, где он стал завед[ующим] группой обслуживания читателей.

Совсем иного типа человек Людмила ~~Васильевна~~ Тиганова, пришедшая к власти после ухода Ильи. Окончила она Университет, защитив диссертацию по какой-то чисто литературоведческой теме. Тиганова принадлежит к довольно распространенному виду холодных красавиц-блондинок, которые умеют добывать себе место под солнцем. Злая и честолюбивая, Тиганова все время рвалась к власти, успеху и семейному благополучию. У нее оказалось все – и семья, и партбилет, и степень. Группа древников мала для ее аппетитов. К тому же группа переживает тяжелое состояние – приходит молодежь. Путеводитель движется слабо. Вот бы Тигановой сейчас уйти оттуда с «повышением». Равнодушная к тем, кто ее окружает (кроме разве инородцев, которых она откровенно ненавидит, и, может быть Неволина, которого она с известных пор также возненавидела). Вот и бегает она к Высокому начальству, благосклонно рассматривающему «поток информации».

Отделу всегда везло с искусствоведами. Талантливая О. Витлина (Попова), ученица В.Н. Лазарева, работающая сейчас в Институте славяноведения. Т.Б. Ухова, автор превосходного каталога художественных особенностей рукописей ГБЛ (см. Записки). И, наконец, блестящий Неволин, гордость Отдела, тонкий художник, собранный, молчали-

вый юноша, художник по своему духовному складу, он мне глубоко всегда был симпатичен, хотя я с ним никогда не болтал по душам (так складывалась жизнь нелепо). Его сдержанность и целеустремленная преданность делу сочетаются с несомненным талантом и умом. Он несколько лет целеустремленно работает над указателем-справочником к украшениям древнерусских рукописей. И если он будет завершен, он тотчас станет событием.

Не прижился в Отделе Владимир Борисович Кобрин, человек открытой души, весельчак, остроумец, человек, преданный любимому делу. Ему, конечно, было душно и тяжело работать с Кудрявцевым. Его все время пытались привязать к столу, а он рвался на широкие просторы. Складывалась характерная для Отдела коллизия: «Мы вкалываем, трудимся, а «“они” работают налево». Кто прав в этом споре? Каждый посвоему. Одни – величайшие труженики в Отделе, Другим свойственен и полет мыслей, и они не хотят всю свою душу отдать только описанию рукописей. Этого И.М.К., Н.Б.Т. и другие понять не могли.

Владимир Борисович Кобрин окончил МГПИ и формально его руководителем диссертации был слепой В. Бочкарев. Диссертация В.Б. Кобрина о социальном составе опричнины (и прежде всего, тщательно составленный список опричнины с подробной биографией каждого лица) была и остается после изысканий Веселовского самой добротной работой по истории опричнины. Без нее не обходится ни один исследователь этого важного вопроса российской истории. В конце концов Кобрин плюнул на Илью и ушел на преподавательскую работу в МГПИ, где пользуется горячей любовью студентов. Одновременно он пишет понемногу и большую работу о служилом землевладении XVI в.

Жизнелюбивый человек, Владимир Борисович готов в минуту жизни трудную прийти на помощь ближнему. Так, я вечно ему буду благодарен за его горячую поддержку в дни баталии о Слове (на дискуссии 1964 г. и не только на дискуссии). Мне нравится его трезвый реализм и основательность творчества. Умея отбросить «романтические бредни», он не страдает и ползучим эмпиризмом. В его работах чувствуется живая жизнь, осмысленная умным исследователем, которому дороги герои его сочинений. В.Б. большой друг и мой, и моих ребят (Женей, Риты, Каштана и других). Он горячо любит свою жену (работает в ГИМе и дочь, которую он балует и лелеет). Работала в группе древников и Е.П. Маматова, *теперь Ю.Д. Рыков, а в другой группе»*[478] Е. Бешенковский.

Я остановился только на одной группе (древниках) одного из отделов (обработки) ОР ГБЛ. Он ближе всего мне по тематике.

Заведующей ОР ГБЛ вот уже 23 года является Сарра Владимировна Житомирская (кончившая МГУ медиевистка, защитившая диссертацию под руководством Коган-Бернштейн). Ей поначалу пришлось переучиваться, но она этим не смутилась. Мудрейшая Сарра уже вскоре после

---

[478] *Текст между звездочками написан автором зелеными чернилами над и под строкой.*

поступления в Отдел стала его основным движущим началом. Она была увлечена не только описаниями, публикациями и пр., но и организационной работой. К последней у нее есть несомненные способности и вкус. Она достаточно хорошо знает каждого из сотрудников (кто на что способен). Это дает ей возможность хорошо использовать все их реальные возможности. Как и моя Валя, она в своей семье осуществляла партийное начало (ее муж в прошлом году скончался). Павел Абрамович Ямпольский был одним из виднейших физиков-атомщиков, любящим жизнь[479].

В библиотеке Сарра Владимировна всегда была одним из важнейших элементов, которые составляли мозг этого учреждения. Только новый директор (Сикорский), решивший единолично быть мозговым центром, резко отстранил Сарру от сотрудничества с ним.

Сарра Владимировна хорошо разбирается в человеческих страстях и умеет парить над ними, становиться в спорах третейским судьей. Она с чувством достоинства ведет все сношения с именитыми читателями и является одним из деятельных участников общеархивных совещаний по важнейшим вопросам при ГАУ. Свои личные страсти она умеет подчинять несгибаемой воле и холодному уму.

Таковы, в частности, у нее были отношения с И.М. Кудрявцевым, которому она доверяла практически решение всех вопросов, касавшихся древников. Осмотрительность, выдержка, ледяное спокойствие помогали ей возвыситься над бурей человеческих страстей. Наладив добрые отношения с учеными (главным образом, литературоведами), Сарра Владимировна вместе с другими энтузиастами не только обосновала право на самостоятельное бытие Отдела рукописей (от поглощения подобных отделов в единые государственные «центральные» архивы), но содействовала тому, чтобы поднять уровень работы Отдела и Записок. Будем справедливы к ближним: практическую работу в этом отношении прежде всего осуществляла ее заместитель Валентина Григорьевна (когда Сарра ратоборствовала в верхах), а с ней и другие сотрудники отдела. Каждый обзор в «Записках», публикации и т.п. подвергались скрупулезному редактированию, становились серьезными научными трудами, не уступавшими, а часто превосходившими по качеству работы, печатавшиеся в журналах и сборниках.

В основу подбора кадров (в целом очень удачного) Сарра Владимировна (сама хороший знаток человеческих достоинств и пороков) клала, конечно, в первую очередь деловые качества, но, безусловно, человеческие учитывала в полной мере. Конечно, как и у каждого человека, у нее были свои слабости, симпатии и антипатии. Но в целом они были не столь явными.

---

[479] У Сарры Владимировны двое взрослых детей, создавших уже свои семьи. Но она сумела сохранить и с ними, и с женой сына, и мужем дочери ровные отношения. Дочь свою она пристроила в Археографическую комиссию к Шмидту. Муж дочери – способный историк-аспирант.

К числу наиболее ярких сотрудниц группы XIX–XXв. принадлежит Мариэтта Омаровна Чудакова. Дерзкая девчонка (когда-то), смелая и яркая исследовательница. Ее книга о К. Кулиеве – дань уважения кавказским предкам. Недавно – «Беседы об архивах», которую будут с упоением читать все мало-мальски интеллигентные люди. Книга о Ю. Олеше, статьи и рецензии в «Новом мире». И к тому же умница – тактичный муж Саша Чудаков, ученик Виноградова, автор книги о стиле Чехова.

Мариэтта много лет работала над архивом М.А. Булгакова, и составленный ею обзор материалов – по существу первый в нашей литературе документальный биографический очерк этого писателя объемом свыше 10 а.л. Конечно, в Отделе не все довольны тем, что Мариэтта пишет свои работы подчас за счет отдельского времени. Но ведь и я писал все основные свои книги за счет институтского времени («сверх плана»).

За последние десятилетия на научные основы было поставлено в Отделе и комплектование фондов. У древников, правда, поездки были малоэффективными (см. статью Кобрина в «Новом мире»), но это объясняется реальным положением вещей в центральных районах страны, где у стариков и их наследников остались сущие крохи старинной рукописной традиции. Иное дело современность. В Отдел поступили ценнейшие фонды. Известную роль сыграло и нежелание некоторых наследников. Но многое зависело и от личной инициативы, знакомств и настойчивости самих комплектаторов (в частности, К.И. Бутиной). В последние годы, к огорчению ЦГАЛИ, в Отдел попали архивы Булгакова, Чуковского, Брюсова.

Большое значение имело и решение Отдела принимать на хранение архивы ученых-гуманитариев. Так, в Отдел попали материалы Бонч-Бруевича, А.Л. Сидорова (который конфликтовал в последние годы с руководством Института истории), Ш.М. Левина, Сыромятникова, Любавского, Ржиги и многих других.

По своему качеству научная обработка фондов в Отделе не может даже сравниваться с теми суммарными описями, которые есть в других архивах. Справочный аппарат Отдела (картотеки и др.) также очень полезен, хотя пробелы в нем есть, и порой существенные.

Правда, «потогонная система» Отдела, мне кажется, не столь безупречна, а тщательность обработки порой излишня (она способствует росту числа необработанных фондов). Но это «издержки» производства – и только.

Читатель в Отделе – не лютый ворог, а товарищ в совместной работе по изучению отечественной культуры. Сочетание в одном помещении библиотеки и архива существенно облегчает работу исследователя. Здесь у некоторых исследователей (как у Каждана, вылезшего из стен Отдела) своеобразная лаборатория творчества. Ни в одном архивном заведении я не встречал такого благожелательного отношения к любому читателю (будь он студент или профессор), как в ОР ГБЛ. Если б по-

пытаться суммировать то количество рукописных материалов, которое было введено в науку посетителями Отдела[480], то, вероятно, удивлению его колоссальными размерами не было бы предела.

И вся работа сотрудников проходила в условиях, когда материальные блага, получаемые ими, в общем-то были ничтожны. И в то же время сама стабильность состава основного костяка сотрудников Отдела (даже в нижнем звене его – в хранении и читальном зале) говорит о многом.

Зато совсем другая картина в отделе рукописных книг ГИМ. Созданный на базе Синодального собрания, отдел хранит коллекции древнерусских рукописей (собрания Уварова, Хлудова, Чудовское, Епархиальное и др.). Все они находятся в идеальном состоянии, ибо большинство их имеют печатные описи, а некоторые – рукописные, составленные М.Н. Сперанским, А Седельниковым и, кажется, Тихомировым (который много лет работал там). Превосходна и картотека Отдела и расклеенный Тромонин с дополнениями для определения филиграней. Словом, работать да работать. Так нет же. Марфа сделала все, чтобы отравить каждую минуту пребывания читателя в Отделе.

Марфа Вячеславовна Щепкина (дочь известного палеографа) – маленькая сухонькая старушка (кажется, только в прошлом году ушла на пенсию). Она удивительно мне напоминала крысу в очках и халате. Вероятно, она была уникальным знатоком палеографии и украшений рукописей (недаром ей за что-то присудили степень доктора). Но вот человечек она была мерзопакостный, пышущий презрением и ненавистью ко всем «вертопрахам», обожающая приживалок и богомолок (в мое время в Отделе работало трое-четверо. Одна – милейшая Т.Н. Протасьева, еще старушка какая-то для выдачи рукописей, вечно вяжущая чулок, и кто-нибудь из молодых девочек для обучения). Работы у них не было никакой (рукописи описаны) – занимайся себе всласть наукой. И они кое-что сделали (неплохое завершение описания Синодального собрания Протасьевой, краткий путеводитель, работы Л. Костюхиной о почерках XVII в. и т.п.). Так как они считали себя безумно занятыми, то отдел работал всего дня два в неделю, попасть в него была мука мученическая. Этого мало. Марфа, изображая собачью преданность отечественным древностям, вечно поучала всех читателей, как надо держать руки, закладочки, защипочки, переворачивать листы и т.д., бесконечные ее замечания бесили даже тишайших. Баба-яга была, конечно, богомольной ханжой, заискивавшей перед начальством (в частности, перед Мишей Тихомировым) и менторски поучавшей нижестоящих. Она создала особый стиль работы Отдела, который вынуждены были поддерживать и другие сотрудники. Наши отношения с ней всегда были глубоко враждебными (надо сказать, что она была автором пары статей о «Слове», в которых она «устанавливала» тип

[480] Румянцевское собрание, пополненное собранием Ундольского, Большакова и других, после Октября выросло в значительное созвездие первоклассных фондов: в ОР ГБЛ поступили собрания МДА, Троицы, Егорова и многих других.

почерка и т.п. этого памятника). Только, пожалуй, Татьяна Николаевна умела находить с ней общий язык, держась при этом с чувством собственного достоинства.

Наверху Исторического музея помещался отдел письменных источников. Это – настоящая трясина. После Октября отдел пополнился десятками дворянских архивов, сданных туда на хранение («все переменится, – думали их владельцы, – и мы их получим обратно»). В итоге, учитывая, что в Отделе работали три-четыре старушки (вроде глуховатой и добросердечной С.И. Сакович), образовалась трясина. Что хранится там, неизвестно. Сотрудницы больше заняты своими работами, диссертациями, публикациями (так, Индова, когда-то работавшая там, выпустила под своей редакцией сборник материалов о Пугачеве по богатствам ГИМа)[481]. Сейчас в Отделе работает милая, строгая и серьезная дочь И.А. Голубцова, некоторое время служившая в ОР ГБЛ.

Особенно безобразно обстоит дело с актами. Собрания Уварова и Щукина (основные) не описаны. Акты лежат в шкатулочках в трубочках, перевязанных ленточками. В итоге их богомольные старушки потаскивают и продают коллекционерам – поди, проверь.

Один из случаев произошел с грамотой псковской 1519 г. Ее принес в ОР ГБЛ А.Н. Робинсон, сказавший, что получил ее в наследство от своей бабушки. Они подготовили ее к изданию в «Записках». В ходе работы Каштан увидел, что эта грамота есть в его списке, но показана как хранящаяся в ГИМ – это сведение он получил от меня. Следовательно, кто-то уже позднее ее присвоил. И, вероятно, не одну. Несколько лет назад я в корректуре очередных «Записок» увидел среди новых поступлений грамоту 70-х годов XVI в., также известную по списку Каштанова как хранящуюся в ГИМе. Впрочем, и в ОР ГБЛ попадаются материалы, уворованные в свое время (до войны) из ЦГАДА – среди них здоровая таможенная книга по одному из южнорусских городов XVII в.

Третье московское хранилище из числа содержащих рукописи – ЦГАДА. Там с войны безраздельно царствовал Веня (Вениамин Николаевич) Шумилов (хотя в первое время начальники архива менялись – среди них был Джинчарадзе и др.). Веня – фигура колоритная. Явный шизофреник, холостяк с бабьим голосом. Псих-то он псих, но в определенную сторону. При начальниках он проявлял собачью преданность (для Михал Николава из закромов выбирал припрятанные им на всякий случай редкости). Когда же сам в конце своего жизненного пути стал начальником, то его характер раскрылся в полной мере. Он стал подслушивать, подсматривать, тиранил всех, выискивал несуществовавшие «нарушения» (разного рода). Главное начальство смотрело долгое время на его слабости сквозь пальцы – человек вроде ученый, службу несет исправно. Бдит. С вышестоящими стоит по стойке смирно. Что же еще

[481] Издание памятников в обоих отделах носит случайный характер. Так, Тихомиров и Щепкина переиздали две грамоты XII в., С.И. Сакович – фрагмент из московской таможенной книги и т.п.

нужно? Никакие протесты сотрудников, письма в печати группы ученых не помогали. Только когда он по какому-то поводу повздорил с Беловым (тогдашним начальником ГАУ), он получил отставку. Не будучи в состоянии пережить такого унижения, Веня покончил с собой. Так завершилась жизнь этого вампира, студента одного из первых выпусков МГУ (после 1934 г.).

Отношения у нас с Веней были разные по форме (времена менялись). Некогда он даже не давал мне сочинения Грозного, так как в моем отношении стояло «Пересветов». И только после того, как я сказал, что есть гипотеза, согласно которой Ивашка Пересветов – псевдоним царя Ивана, Веня со вздохом («ох, эти ученые») вынужден был дать требуемые рукописи. Посольские дела XVI в. некоторое время считались чуть ли не спецхрановским материалом (нельзя забывать и того, что все архивы находились в ведении ГАУ при НКВД).

В ЦГАДА работали и несколько энтузиастов (главным образом, в отделе публикации), выпустивших ряд высококачественных изданий (Шевцова, Демидова, Овчинников). Но безрадостной картины они не меняли. Сам Веня издал несколько путеводителей, составленных крайне небрежно, но они все-таки были хоть тлеющим огонечком свечи в огромных залежах архивного сырья.

После Вени к власти пришла из аппарата ГАУ М.И. Автократова (суровая немочка), которая стала вести себя тактичнее, но поблажки сотрудникам не давала. Для моих каждый визит в ЦГАДА был мукой-мученической: надо было брать отношение из Института, звонить из проходной, чтоб заказали разовый пропуск и т.д.

С ЦГАДА связана «кража века», всплывшая в 1975 г. Речь идет об Апостолове и, кажется, Смирнове, выпускниках МГИАИ с курса Добрушкина. Один из них служил референтом у «книголюба» зам. президента Академии Педагогических наук Маркушевича, другой работал в ЦГАДА. Так вот эти ребята ухитрились наворовать уйму ценнейших материалов. В частности, последние годы в ЦГАДА хранились трофейные материалы XII–XIX вв. (всемирно известные, так что пользоваться ими было нельзя). Среди них ряд ганзейских документов, письмо Наполеона и т.д. Апостолов ухитрился свистнуть [их], равно как и огромную кипу ценнейших гравюр (оказавшуюся у Маркушевича). Погорели они на украденном Тявзинском договоре 1595 г. Им занимался мой идиот [Рябошапка] («Рябожопко»), как уж они его стащили, не знаю. Но в Ленинграде в апреле Р[ябошап]ке предложили чуть ли не купить этот документ. И мой идиот, вместо того чтобы сразу сообщить о случившемся (ведь дело пахло международным скандалом), не обратил на это внимания и только месяца через 4 выписал договор в ЦГАДА. Когда там ему не дали, то он с усмешкой сказал, что и нет-то его вовсе, так как он его видел у такого-то комиссионера (позднее Р[ябошапка] отделался партийным взысканием и тем, что теперь с защитой ему придется сильно повременить. Знаток масляных пятен и высоты букв не мог узнать

документа, который он неоднократно держал в руках!). Процесс был закрытым. Ревизия обнаружила многое (потаскивал монеты или марки на выпивку и святой Венечка). Один из парней схлопотал десятку, другого определили в дурдом. Архив отделался легким испугом, несмотря на фельетон И. Шатуновского в «Правде» – «Автограф императрицы». Маркушевича с вице-президентов вышибли.

В Ленинграде все хранилища отечественных древностей камернее. Чудом, конечно, является Пушкинский дом. И не потому, что там хранятся какие-либо редкости. А потому, что его большое собрание создано энтузиазмом одного человека – Владимира Ивановича Малышева. Небольшого росточка, с гладкими черными волосами, мясистым носом и оттопыренными ушами, этот пензяк удивительно напоминает Чебурашку или медвежонка гризли. Владимир Иванович Малышев – старый холостяк, всю жизнь проводит среди рукописей. Правда, любил побывать и на футболе, а раньше – ох, грехи наши тяжкие – и водочкой побаловаться. Сейчас же (учтите его мнительность) еле дышит, в посте и молитве проводит свои дни.

Рукописями начал увлекаться еще до войны. Затем фронт. Поступление в партию. Возвращение к любимому делу. С рюкзачком за плечами исходил он отдельные районы Карелии и всю Пинегу (певец Пинеги – Федя Абрамов – состоял у него в приятелях, но капризный и обидчивый Владимир Иванович чего-то не поделил с упрямцем Федей).

Кумир всей жизни Владимира Ивановича – огнепальный Аввакум. Он собрал все издания и исследования о протопопе (кроме издания в Летописях Тихонравова). Масса списков с сочинений Аввакума обнаружена была им во время странствий. Несколько интересных аввакумовских материалов он сам издал. И наконец – Заволоко нашел и подарил в Пущдом автограф аввакумовского Жития, который недавно был издан фототипически.

Щедрость души Владимира Ивановича необычайна. Кому только он не указывал списков в просмотренных им или найденных им рукописях. Ездя каждый год на Пинегу, он собрал многие сотни (если не тысячи) замечательных рукописей, которые раскрыли мир духовной красоты северо-русского крестьянина. Он издал и описание рукописей, и обзор их. Вообще-то Владимир Иванович человек по-детски тщеславный, любящий, когда добрым словом поминают его тяжелый труд. Увы, он человек слабый, грешный. Когда в бытность на Соловках острослов Федя спросил у Владимира Ивановича: «Володя, если бы кликнули клич – кто хочет, пусть принимает добровольное участие в восстановлении этой обители, пошел бы ты?», с обычной шутливой улыбкой Малышев ответил: «Пошел бы, но потихоньку».

Владимир Иванович – не философ. «Концепщиков» он добродушно недолюбливает (Всегда меня спрашивает: «Ну, как там пятый классик поживает?»). Зато как автор описаний и исследователь конкретных памятников – он выше всех похвал. Его издания – исследования Повести

об осаде Пскова и найденной им Повести о Сухане – добротны, как и он сам.

Д[митрия] С[ергеевич]а он недолюбливает и всем об этом говорит. Но … в то же время, страха ради иудейска, готов согнуться в перегиб, когда это нужно будет. Капризный и добрый. Честный и плутоватый. Любит поплакаться в жилетку, пожаловаться на свою горькую судьбу, и знает, как и что сделать, чтобы добиться нужного. С начальством всегда дружит, а то и снисходительно похлопывает его по плечу: «Старайся, мол, Володя». Поддерживает самую оживленную переписку с иноземцами. Мазон бывал у него дома. Помог изданию сочинений Успенского. На каждом углу, подсмеиваясь над древниками, говорил, что «Слово» – фальшивка (в его представления о суровой красоте древнерусской христианской письменности оно явно не укладывалось). Написал краткий осторожно-положительный отзыв на мою книгу (с приложением печати). Организовал отзыв Пановой. Но в решающую минуту струсил и, отговариваясь, что, де, он не специалист, да и здоровьишко не то, на обсуждение не приехал. Я некоторое время в дисциплинарных целях с ним не общался. Он слегка костерил Лихачеву Зимина и его сторонников (*он тогда писал Д[митрию] С[ергеевич]у, что боится, чтоб «дружки Зимина (Лурье) не зарубили его статью*[482]).У него было любимое дело, и ради него он готов был иногда и согрешить, чтобы от*да*вать[483] в тиши свои проступки. Для зарубежных ученых-славистов Малышев чуть ли не эталон русской души. Его товарищи по сектору знают его слабости, но прощают (не все). «Саморекламщик», как я его шутя прозвал, Малышев умеет сорганизовать о себе статью (пусть даже автором будет подонок Югов – Малышев снисходителен к подонкам). Но он же будет организовывать и письма в газету с целью спасти могилу Аввакума, и т.п.

Все отклики о себе и деятельности своей он тщательно вклеивает в альбом, помогая потомкам. Ну, что ж. Неплохо. На заседания сектора обычно не ходит, считая все это пустой болтовней. Спорить же вообще не мастак.

К его 60-летию был издан сборник статей, основанный на материалах Пушдома. Меня участвовать в нем не пригласили, хотя я передал в Пушдом уникальные рукописи (Синодик Иосифа Волоцкого, опись библиотеки XVI в.).

Отношения с Владимиром Ивановичем у меня самые добрые, семейные (несмотря на заминку 1964 г., когда этот автор гипотезы об Иоиле отрекся от него, как апостол Петр). Приезжая в Москву, он всегда заглядывает к нам, охает и кряхтит, жалуясь на горькую судьбинушку и притеснения со стороны Д[митрия] С[ергеевич]а. Сколько раз он

---

[482] *Вписано между строк и на левом поле фиолетовой ручкой.*

[483] *Слово напечатано в конце строки, на этом экземпляре не пропечаталось, слог* да *добавлен рукой автора. Можно предположить чтение:* чтобы отдавать отчет в тиши своим проступкам.

говорил, что ему невмоготу, и он вот-вот перейдет в ОР ГБЛ. Но слова остались словами. Одинокий странник, над «учеными дамами» он, конечно, посмеивается и от общения с ними уклоняется. Вот такой он, этот бескорыстный подвижник, которому не чуждо ничто человеческое.

Превосходно поставлено дело в рукописном отделе БАН. Все материалы имеют капитальное опубликованное описание (4 тома) и легко доступны исследователю. Заслуга в этом В.Ф. Покровской, много лет проработавшей там, А.И. Копанева (об этом я уже писал) и М.В. Кукушкиной (она недавно, в 1975 г., защитила докторскую диссертацию о монастырских библиотеках Русского Севера). Маргарита Владимировна – милая, скромная, знающая женщина, она всегда мне была глубоко симпатична. Уверен, что она продолжит славную традицию своих предшественников.

Архив ЛОИИ сложился на основе собраний рукописей Археографической комиссии[484]. О них дает общее представление солидный «Путеводитель по архиву ЛОИИ». Но, конечно, путеводитель путеводителем, а с описанием (тщательным) многих собраний дело обстоит не так уж здорово. Дело в том, что квалифицированных работников в архиве предельно мало. Одно время там сидели тихо дремавшая старушка-вдова П.А. Садикова и Зоя Николаевна Тимофеева (дочь известного издателя волоколамских книг, трагически погибшая под автобусом в 1976 г.). Зоя Николаевна была исполнительным, серьезным тружеником. Она участвовала в подготовке многих изданий, была блестящим знатоком почерков XVI–XVIII вв. Вот такие-то «рядовые» архивные труженики и составляют истинный «суд совести» нашей исторической науки.

Совершенно иную картину представляет собою во всех отношениях рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Когда-то крупнейший библиотечный центр (все-таки императорская библиотека во главе с отцом, а потом сыном Бычковыми) выродился в зауряд-библиотеку, о былом величии напоминает разве что здание в середине Невского да изношенные деревянные стеллажи и антресоли. При сменявшихся многочисленных начальниках древности этой библиотеки со [времени] войны находились в ведении Н.Н. Розова и Д.Н. Альшица (Е.Э. Гранстрем описывала гл[авным] обр[азом] византийские [рукописи]. А ведать было чем, и не просто ведать, но и работать – [множество] неописанных старых собраний и коллекций, к которым прибавились после Октября многие монастырские и др[угие] сокровища. Но не такие люди Розов и Альшиц, чтобы убивать свою жизнь за описаниями.

Николай Николаевич Розов, как и Кудрявцев, происходит из поповичей, хотя внешне чем-то напоминает приказчика или купчика (высокий, кудреватый, заикающийся). Илью напоминает только упрямством. Любит порассуждать, в меру поработать (я не знаю, есть ли у него

[484] К ним добавились архивы Антониева-Сийского монастыря [Н.П.] Лихачева и др. *Приписка автора зелеными чернилами.*

что-нибудь, кроме статей по кандидатской о Белом клобуке, описании Титова, работ по Иллариону и размышлений в полупопулярной книжке о рукописях вообще). Претензий у него много. В отличие от Малышева, к Лурье и ему подобным относится откровенно плохо. Матушку-Русь чтит. К Лихачеву до поры до времени относился скептически (фантазер), но потом решил, что более удобной для него будет поза «в перегиб». Глуповат, велеречив, претенциозен. За свои неоспоримые заслуги перед наукой (а точнее перед Д.С.) академик решил, махнув рукой, согласиться на присуждение ему докторской [степени] практически ни за что.

Альшиц – неразвившийся вундеркинд со сложной судьбой. Человек с несомненными литературными и логического порядка способностями, он был, вероятно, с детских лет влюблен в самого себя, глубоко презирая всех окружавших его людей. Наглая самоуверенность сочеталась со страстью к хохмам. Кружок Приселкова дал ему первую работу, тематика которой прошла в дальнейшем через всю жизнь – приписки к Лицевому своду, автором которых он считал Грозного. В 40-ые годы после окончания войны он поступает в РО ГПБ, где остается на всю жизнь. Правда, в самом конце 40 – начале 50-ых – вынужденное отсутствие, продолжавшееся несколько лет. Позднее его бывший друг Я.С. Лурье и дальний родственник И.У. Будовниц решительно прекратили с ним всякое знакомство.

Возвращение не сулило лавров на той стезе, которую он избрал. Пришлось искать другую, и один из авторов студенческих капустников превращается в драматурга. Сначала пьеса Д. Аля «Опаснее врага», поставленная Ленинградским театром комедии. В ней он вымещал свою злобу по отношению к не признававшей его ученой братии. Надо работать. Эффектные находки – дело случая или кропотливого труда. Случай больше не подворачивался (после списка членов двора 1573 г. и Эрмитажного списка разрядной [книги], но это было еще в 40-е годы). Пьесы – еще одна о суде над Джоном Ридом. Дальше что-то не получалось. Альшиц вечно хотел быть на виду, играть какую-то роль (сочинил X песню Онегина, в которую один простак даже поверил). Затем начались попытки приковать внимание к работе: книжка с описанием Эрмитажного собрания – здесь все по-новому: тематический принцип, благодаря которому рукописи разрезаны на кусочки. Раздался единодушный взрыв негодования архивистов. Пытался собрать статьи по частным вопросам и защитить как диссертацию. Тоже почему-то не получилось. И вот этот теперь уже сильно лысый когда-то красавец-авантюрист со стальной волей его стеклянных глаз – остался не при чем. Сыграть хоть сколько-нибудь большую роль в науке ему так и не удалось.

С Альшицем у меня сразу же установились отношения, окрашенные взаимным чувством неприязненности, с Розовым они пришли к тому же постепенно. А так как они оба работать не слишком любят (по разным причинам), богатейшие собрания ГПБ остаются неописанными, а карто-

теки – заброшенными. Повезло только актам, которые начал описывать А.И. Андреев, позднее работал старик Гейман.

Провинциальные архивы я практически не знаю. Был налетом в Ярославле и Владимире, Киеве и Чернигове (в связи со «Словом» заглядывал в рукописные отделы в Киеве и Казани). Впечатление – тяжелое. Только луч света – Николай Петрович Визирь, работающий в Рукописном отделе Университетской библиотеки в Киеве. Фронтовик, потерявший ногу на полях Отечественной войны, он с самозабвением трудится над изучением рукописных сокровищ украинской культуры. Тактичный и доброжелательный, он мне понравился с первого взгляда в 1963 г. и остался на всю жизнь моим другом.

Работа в архиве дает неповторимое чувство преодоления временного барьера. Ты становишься современником создателя того или иного рукописного сборника, соучастником земельного дела, о котором говорят правовые грамоты, которые ты держишь в руке, и т.п. Каждая отметина на полях рукописи, каждый потемневший уголок от частого перелистывания манускрипта приводит меня в состояние трепета. Тщательно выписанные инициалы, ровный спокойный (еще иконописный) строй полууставных слитых воедино строчек, неожиданный всплеск золотой красоты миниатюр и причудливого плетения орнамента. И все это надежно и прочно заботливый мастер сберегает на века, переплетая в надежно укрепленные досками кожаные переплеты с соответствующими «жуками» на углах и застежками на обрезах. И вот стоит этот сборник в келье, ожидая обращения к нему читателя, который ищет в нем забвения от житейских невзгод, в той укрепляющей душу и тело силе, о которой повествуют жития русских и византийских страдальцев за веру.

Казалось бы бессмысленное по предельной однообразности работы подведение вариантов к одному тексту по десяткам списков, для меня было увлекательнейшим занятием. В бесконечности повторения мозг находит удивительные закоулки мыслей, которые спрятаны за, казалось бы, обычными словами Послания Курбского или Челобитной Пересветова. Сколько мыслей пришло именно во время этой «механической» работы! Вот если бы упростить процесс (поручить дело кому-либо другому), то сразу пропадет та необходимая проникновенность в памятник, без которой работа становится набором банальностей. Мысль парит, она свободна во время такого труда и мучает тебя неожиданными вопросами и решениями. Не говорю уже об осмыслении (и не только фрейдистском) ошибок писца. Почему такая конструкция фразы, такой, а не иной набор слов? Вот сменился почерк. А почему? Как твоя драгоценная жемчужина оказалась в этом заурядном сборнике? С какого текста списана твоя копия, над которой ты корпишь? Куда же девались все авторские экземпляры? Просто пропали или уничтожены, так как обветшали и были заменены другими текстами (списанными с них)? И вообще – чудо преодоления земного притяжения. Ты кудесник, отправившийся на крыльях машины времени в далекое прошлое. Сможешь

ли ты воскресить его? Конечно, нет, но представить свой собственный образ ушедших, конечно. Лишь бы только кривое зеркало страстей не исказило этот образ до неузнаваемости, не превратило его в карикатуру или пародию.

Итак, да здравствуют Архивы и их сокровища»! Студенты МГИАИ уже давно сочинили свой гимн (на мотив «Кого-то нет»), в котором есть такие полные оптимизма слова:

И пусть нас ожидает путь тернистый,
В архивы дружно мы пойдем
И лет, пожалуй, через двести
(другой голос: «триста»)
Мы их в порядок приведем!

МОЙ АРХИВ

Бумажки я любил и собирал всегда. Даже тетрадки, записки, выписки и конспекты мне бывало страшно жаль выкинуть. С ними связано столько воспоминаний! Поэтому кое-какие дневники, записные книжки, даже альбомы со стихами («кто читал, тому известно») сохранились в моем архиве... Постепенно здравый смысл все же торжествовал и некоторую чистку архива я стал производить, конечно, с известным ущербом для содержимого. Так, я оставлял только письма, а конверты выкидывал. Получалось, что не всегда можно определить дату письма. (Последние лет десять я сохраняю конверты для коллекционирующего их Соломона Ханоновича Авербуха – когда он приезжает ко мне, он отбирает необходимые для него экземпляры[485]). Я всегда уничтожал черновики законченных работ, авторские тексты изданных статей и книг. А в общем-то зря. Ведь работы выходят в «усовершенствованном» всякими редакторами виде. Добро, если такой редактор, как Светлана. А если журнальный? Ведь подчас текст правится очень сильно, особенно в так называемых коллективных работах. А вот книги часто сокращаются до необходимого издательского объема. Так, до 20 лл. сокращены были мною «Холопы» (выпущен раздел об «уставе о холопах»), недавно «Вотчина» на целых 5 листов (я снял разделы об истории библиотеки Волоколамского монастыря, жалованных грамотах, вкладных книгах, житиях, о соборе 1503 г., об истории Волоколамского княжества): принцип был такой – опускать или что издано, или что имеет боковое «касательство» к основной теме. В «Опричнине» опущены

[485] Сам я в переписке (особенно с Яшей) чисел не ставлю – надо доставить наслаждение определить эту дату самому, правда, я проставлял «условно читаемо»).

дополнения, которые есть в статьях о Соборе 1566 г., об историографии (в статье ГДР), об учреждениях в годы Опричнины, о землевладениях в опричные годы. Если б переиздавал эти книги, я бы все это вставил на свое место (так же, как и раздел о сочинениях Вассиана [Патрикеева в книге] «Россия на пороге»).

В последние годы я решил кое-что оставлять, а то творческую историю и лабораторию исследователя проследить невозможно будет (так, увы, я ранее уничтожил первые тексты книги о «Слове»). В книге об «Архиве» я оставил отдельные страницы первого и второго варианта работы. А вот в «Сумерках» я оставил буквально все черновики, врезки-вставки и т.п., чтоб все было ясно. Зато в «Храме науки» у меня есть первый вариант (рукописный 1974 г.) отдельных этюдов и окончательный (авторский) 1976 г. (промежуточных нет).

Потеряно не так уж много рукописей. Я сам уничтожил «Песнь освобожденного разума» (1942 г.) – годы были военные. Куда-то задевались некоторые ранние работы (в частности, доклад о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.), нет большого числа внутренних рецензий (части большой рецензии на очерки XVII в., а также части рецензий, которые я не перепечатывал). Но в целом архив мой сохранился довольно хорошо[486].

Кроме моих личных материалов, в архиве сберегаются и материалы родных, друзей. Так, у меня хранится часть архива Анечки. Есть и рукопись Я.С. Лурье – главы в книгу о Пересветове, которую мы с ним хотели написать по предложению Ю.Н. Короткова в ЖЗЛ в 60-е гг. Но вскоре его оттуда сняли, а с Симановым работать было невозможно. К сожалению, довольно поздно я стал собирать дипломные работы (и часть диссертаций) моих учеников. Они представляли большой интерес: ряд из них не изданы (работы Фомина и др.), а основаны на свежем архивном материале и содержит интересные наблюдения. У меня хранится и первый вариант книги Саши Мальцева, как я его создал (до внедрения в работу Вадика Александрова и Лени Милова). Наконец, и весь архив Вали за последние тридцать лет ее жизни также находится дома[487].

Чтоб облегчить использование материалов, я, естественно, все время проводил их систематизацию, порой довольно сложную. Так, переписку я разделял по папкам: Переписка с ленинградцами (3 папки), с иногородцами ([…] папки), иностранцами (3 папки), с учениками, с умершими друзьями и коллегами, с москвичами. Переписка по Слову находилась отдельно. Отдельно помещались письма в связи с 50-ти летием и защитой докторской диссертации.

Что из переписки хранить, решалось просто – все. Мы с Валей однажды поспорили: хранить ли стереотипные поздравительные открытки к праздникам. Мне кажется, что несомненно они представляют интерес. Дело даже не только в круге лиц, по тем или иным причинам связанным

[486] Кое-что из отзывов восстановлено по моим [записям] из архива […].

[487] У Аси […] нашей совместной работы «Россия во времена Ивана Грозного» (14 п.л.).

с тобой и не в формулярах («дорогой», «уважаемый» и т.п.). Интерес представляет и хронологический диапазон в поздравлениях (от до такого то года) и то, к каким праздникам тот или иной адресат посылает поздравления. Открытки рисуют и степень близости с адресатом и уровень подхалимства. Интересны и перерывы в «потоке приветствий» (когда, например, Лихачев перестал подписывать мне секторские поздравления, а когда возобновил). Малышев, например, не подписал поздравление Соловьеву как антисемиту.

Выписки из материалов также представляли для меня большой интерес (особенно архивные), хотя они находились у меня в полном беспорядке и условно разложены были по работам, к которым относились. Особенно важны были копии материалов Ключевского, по которым нами с Раей (ею в первую очередь) подготовлены четыре тома его неизданных трудов (из которых вышел лишь один). По тем же материалам (результат работы 1947–48 гг.) изданы позднее Сочинения Ключевского и еще кое-какие мелочи. Сейчас я папку с материалами отдал А.В. Гулыге, который собирается писать о Ключевском как о социологе (мы с ним собирались издать «Думу» в серии памятники исторической мысли, но пока ничего не вышло). В архиве находятся сделанные мною в 1945–46 гг. копии приходно-расходных книг Волоколамского монастыря XVI – нач. XVII вв. (я тогда уже понял, что «выписками» ограничиваться нельзя) и ксерокопия из подготовленных Маньковым к изданию этих же книг за XVI в.

Выписки из источников в архиве надо хранить, ибо они помогают не только восстановить лабораторию исследователя, но иногда могут стать отправными пунктами для дальнейших поисков (например, в архивах Веселовского, Любавского, Замятина). Среди моих каракуль могут представить интерес сотни просмотренных рукописей из архива ГБЛ с указанием находящихся там памятников.

А вообще, кому это нужно? Говаривал мне мой друг Никола, который все рвет и уничтожает. «Свинья ты, свинья, – отвечал я ему.– Как ты можешь отвечать за тех, кто будет после тебя? А еще историограф называется. Смотри, какая картина. Ведь у нас почти нет архивов историков прошлого. Только разве архив Ключевского, Погодина и еще десятка два второстепенных – и все. Ни Татищева, ни Болтина, ни даже Соловьева, Карамзина, не говоря о других. Да, может быть, твои бумажки могут никому не пригодиться, а может быть… Не имеешь ты права распоряжаться будущим».

Но можно посмотреть на вопрос и еще шире. У нас так мало архивов, которые бы давали материалы для восстановления духовного облика любого человека – кто б он ни был. Конечно, особенную ценность представляли бы архивы обыкновенных тружеников, живущих на селе или работяг в городе. Но и архивы чиновников-«интеллигентов» тоже могут дать материал для эпохи. И уж конечно более важный, чем листки по учету кадров, «автобиографии», составляющиеся по шпаргалкам-

болванкам, хранящимся дома. Итак, архив необходим для того, чтобы дать представление о том, что жил да был некий субъект в 20–70-х гг. XX в. Сохранить этот архив – дело твоего долга перед теми, кто придет вслед за тобою. И особенно историк это должен понимать. Он должен не только собирать архив, но и создавать его – его память и впечатления дают для этого достаточный материал. Важно их реализовать в дневниках, воспоминаниях, работах, письмах. Ранее десятилетиями это боялись делать – теперь надо наверстывать упущенное.

И этого мало. Твой архив – это память не только (и не столько) о тебе самом, сколько о людях, тебя окружавших, о науке, о жизни. Нельзя, чтоб это все исчезло без следа. Недопустимо.

И вот, когда мне исполнилось пятьдесят лет, я решил привести свой архив в порядок, начал прежде всего с так называемого научного наследия. Дело в том, что у меня к этому времени накопилось много в разное время написанных статей, этюдов, лекций (дипломатика), находившихся в полуфабрикатном состоянии. С ними надо было что-то делать. Еще тогда я готовил «Пересветова» для немецкого издания, я сделал к нему ряд дополнений в связи с литературой более позднего (чем 1958 г.) времени. Потом много исправлений и кое-каких дополнений я делал в подборки оттисков своих работ. Наконец, накопилось по всем, волновавшим меня сюжетам, большая литература, к которой мне хотелось выразить свое отношение. Поэтому я принял решение: собрать все свои статьи (изданные и неизданные) в пять сборников (история, литература, источниковедение, историография и дипломатика) и привести тексты в удобочитаемый вид. Без оглядки на то, будут ли все эти сборники храниться в одном экземпляре или когда-нибудь будут изданы. Трудности были необычайные. Оттисков многих статей уже к этому времени у меня не было. Многое приходилось перепечатывать (а все это требовало времени – о, машинистки! – и денег). В результате к сегодняшнему дню более или менее приведен в порядок только один сборник – публицистика и фольклор. Остальные находятся на разной степени готовности. Но мне стало ясно, что всю начатую работу нужно продолжать. Конечно, мое «единоборство» со всей выходящей литературой волнующих меня вопросов безнадежно – но я обязан своих детей довести до своего последнего дня.

Много времени отняло и дополнение «Опричнины» и других работ (необходимо было расправиться с халтурщиком Скрынниковым и с другими).

Наконец, кое-что написал я и для «архива». Неизданные работы у меня занимают, как мне кажется, наиболее интересную часть архива. Я не говорю сейчас специально о книгах. Статьи были неизданными, ибо они носили историографический характер. Так, я решил посвятить «сильным мира сего» несколько разборов их трудов, чтоб, которые заглянут в мой архив, поняли бы, что многое уже постигли их предшественники. Так, еще в 40-х гг. появился большой обзор книги Ти-

хомирова «Исследование о Русской Правде», затем я написал разбор «Поэтики» Лихачева, работ по Русской Правде Черепнина. Написал разбор книги Щапова о церковных уставах (я был ее редактором и мог только свое несогласие выразить в выступлении на секторе – печатать, конечно, разбор было нельзя). Сохранилось и выступление по книге Корецкого на секторе.

Кое-что было не издано по другим причинам. Ну, как, например, было напечатать о бегстве Курбского и той лжи, которую написал по этому поводу Скрынников? Ага, защищаешь ренегата! – раздался бы вой. Не издан был обзор новых находок в ГБЛ – он уже устарел. Зарубежная историография не была издана и по щекотливости тематики и потому, что проверить «де визу» все оказалось невозможным, несмотря на то, что этим занимался Каштан и еще человек пять (Хорошкевич, Назаров, Бычкова, Щапов, Шестобитова). Экземпляр с исправлениями по первоисточникам находится у Каштанова. Лекции по дипломатике я не довел до конца (только издана лекция о методике издания и частично о фальсификации актов). А сейчас уже многое устарело. К тому же, гораздо серьезнее это может написать Сережа Каштанов.

Итак, к лету 1976 г. вырисовались контуры двадцатитомника Трудов (девятнадцать томов, один в двух частях), над которым мне следует в ближайшее время работать. В наш век Самоиздата – думаю – подобные самоиздания (мое не рассчитано на публикацию другим путем) имеют большой смысл: они лучше, чем что-либо воплощают авторское начало. Девять томов не издавалось вовсе. Три из них («Сумерки», «Слово и дело» и «Храм науки») я не хотел бы, чтобы издавали в течение ближайших, скажем, двадцати лет. Дело в том, что там героями выступают здравствующие сейчас люди. Поэтому всякое появление о них в печати размышлений мемуарного типа при их жизни, конечно, неморально. Один – «Непродуманные мысли» – вряд ли целесообразно в таком виде вовсе издавать.

Пять томов составляют сборники статей, а шесть – монографии, в первоначальном виде изданные. Все эти монографии и опубликованные статьи даются мною в последней редакции (книги по авторскому экземпляру с дополнениями и исправлениями). Кое-что из статей надо учесть по сборникам оттисков и по отдельным изданиям (Устав Всеволода по моему тексту сб. в честь Грекова, где очень много дополнений).

Размещение материала по томам условно. Первые четыре тома хронологически (заглавия я изменяю на более лаконичные – «Реформы» на «Избранная рада» и т.п.). «Василий III» у меня назвался «Россия на подъеме». Но так как подъем бывает только в стране после Великих Потрясений, то его в Комитете по печати изъяли и пришлось давать иной заголовок – «На пороге». Он не точен, ибо «порог» распространяется на весь XVI в., а не только на время правления Василия III.

Затем идут четыре тома монографий, дающие разрезы общества (XV–XVI вв.) тематические: источники, экономика, политика и культу-

ра. Далее – библиография и пять томов сборников статей. Затем Слово и последние монографии. Но до того, чтоб довести работу по комплектованию и редактированию всех этих начинаний, ой, как долго еще. И все же – дальше идти нельзя. Даже доделывать свою «Возрожденную Россию» (1480–1505) буду позднее (хотя написана почти половина книги плюс полная хронологическая канва, страниц на 70 с лишком с указанием всех источников

Но… нет какого-то внутреннего стимула писать эту книгу (все то же, Иван III, Иван IV, Василий III и т.п.).

Мне хотелось бы, чтоб архив мой хранился в ОРГБЛ, где прошла вся моя жизнь, где работает Валя. Если возникнет надобность разобраться в архиве, то к нему мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь имел отношение, кроме Вали, С.М. Каштанова, А.Л. Хорошкевич, Е.Б. Бешенковского, а в случае необходимости и Я.С. Лурье (он, увы, в Ленинграде).

Август 1976

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Итак, надо подводить итоги. Допустим, сначала «творческие». Хотя для меня так называемое творчество – несоизмеримо с радостью живого общения с друзьями старшего, моего и младшего поколений. Факел горящих человеческих сердец, освещающий путь к счастью. И если в нем есть и моя искорка, то, значит, жизнь прожита достойно. Но во всяком случае именно люди, а не книги всегда составляла главное в моей жизни. Стоп. Хватит парить в надзвездии. Вернемся на грешную землю.

Вот передо мною список опубликованных трудов (о неизданных что специально говорить). Его я вел систематически, испытывая радость – чего греха таить – от каждой новой строчки. Примерно такое же, какое испытывает игрок в рулетку, приобретая не вполне заслуженную сумму из банка. Сейчас список закончен (как у людей!). Попытаемся в нем разобраться.

В годы аспирантуры (декабрь 1942 – декабрь 1946 гг.) жизнь складывалась трудно. В 1943 г. переезд из Ташкента в Москву. В 1944 г. 3 апреля смерть Анечки. Весь год я был потом только с ней. Ее диплом о холопах был закончен в это время. Ну, о другом как-нибудь потом.

Аспирантура (первый военный набор) была в те годы делом серьезным. Нужно было сдать два языка (иностранный, у меня – немецкий – и язык народов СССР – я взял польский). Нужно было разработать четыре темы (по трем периодам и параллельную зарубежную) так, чтоб они находились в круге общей проблематики, связанной с диссертацией.

У меня диссертация была посвящена хозяйству Волоколамского монастыря, следовательно, тематика социально-экономическая (Киевскую Русь С.В.Б. мне категорически отказался дать во избежание скандала, а вот Волоколамский монастырь вроде как бы был «моден»: и Тихомиров издал о нем статью, и Греков упоминал о его архиве, и архив был и речь шла о XVI веке, которым все больше и больше занимался С.В.Б. и тема спокойная). Итак, первая тема минимума у меня была историография Земских соборов и влияние восстания 1643 г. на Соборное уложение. (восстанием 1648 г. когда-то занимался С.В.Б.). Я собрал довольно большой историографический материал, увлекся проблемой источников Уложения (сейчас, кстати, не решенной – покойник В.М. Чернов старик, ученик Юшкова свой колоссальный неизданный труд на эту тему сдал как будто в Саратове в архив). Доклада, впрочем, я так и не написал, все дело ограничилось тезисами, в которых историография соборов связывалась с историей исторической мысли вообще и общественных движений. Сообщение на секторе встречено было вполне благодушно.

Следующую тему – крестьянство Пензенской (Анечка), Тверской и Самарской губерний по материалам Приложений к Трудам ред. комиссий накануне реформ разрабатывалась мною под руководством Н.М. Дружинина, который очаровал не только меня, но и всех, кто мог с ним общаться. Три губернии – с барщиной, оброчной смешанной формой эксплуатации. Идея у меня была социологична (в духе тогдашних увлечений): чем выше уровень производительных сил, тем более должны были обнаруживаться тенденции к денежной ренте. Для доказательства я брал в каждой губернии по два уезда: экономически более развитый и более отсталый. Рассматривал группы крупных, средних и мелких поместий (последнее условно – ведь в Приложениях имения свыше 100 душ, но были данные и о частях имений, деревнях и пр. ниже 100 душ). Сравнения и бесконечные таблицы привели к выводу о том, что наиболее жизнеспособным было среднепоместное дворянство. Затем, в более развитых уездах денежная рента была более отчетливой (даже в барщинной Пензенской губернии). Теперь мне кажется эта попытка несколько упрощенной. А тогда я воевал со Струве (подспудно и с Дружининым) – последний в учебниках говорил, что загнивание связано с землей: в нечерноземных губ. дело шло к денежной ренте, а в черноземных – к барщине. Думаю, что характер русского мужика надо иметь в виду (палка «не пропьет урожаю»), но были и другие тенденции. Но и в этом случае работа не была бы мною написано, хотя опять собрана была уйма материала.

Третью тему «Ленин о столыпинской реформе» писал у Панкратовой. Здесь я нарочно ограничил себя только Лениным: собрал тщательнейшим образом все цитаты и выстроил их в хронологическую дорожку.

Четвертая тема (Сказкин) – школа Кнаппа и закрепощение (вторичное) в Пруссии. Время это все съело много, а толку вряд ли было

хоть сколько-нибудь. А вот хорошо организованный Пашуто свою тему Грибоедов-дипломат сумел даже напечатать (след его дипломатических увлечений военного времени: он учился в дип. Школе при ИМО).

Сдав минимум, я пошел в архив. Сначала был чистым котенком, не умеющим не только ловить мышей, но и даже слизывать молоко. Я срисовывал буквы с приходных книг ЦГАДА (палеографии начисто не знал и освоил ее в ходе работы). Но это, а также источниковедческая закваска привели к тому, что я решил все документы (сначала приходно-расходные книги, а затем и акты) переписывать. Таким образом у меня дома образовался архив. И хотя акты я копировал с небольшими сокращениями, но фонд их оказался достаточно полным, чтоб позднее издать его целым томом АФЗХ. Были и «накладки» – так, в Ленинграде я проморгал те книги, которые из ГАФКЭ (ЦГАДА) вывез накануне войны Тимофеев. Или я просматривал книгу за книгой все учительные и пр. книги в ГБЛ и только потом узнал, что есть их опубликованное описание. Были и находки – Долговая книга 1532 г. (ее я «всунул» самостийно в издание Книги ключей, которую готовил Тихомиров, пригласивший меня в соучастники издания. Надо отдать должное старику: он поставил меня, аспиранта, наравне с собою в редакторы книги).

Углубляясь в тему, я от первоначального ее плана ушел и хозяйство монастыря отложил до второго тома, который не написан и до сего дня. Осталось – источниковедение, землевладение, соц[иальный] состав, идеология и политика иосифлян. Так как без идей я тогда прямо не мог и существовать, то в диссертации проводилась мысль, что землевладение и социальный состав влияли на идеологию и политику иосифлян. Сначала они были проудельные, затем провеликокняжеские. В работе обосновывался тезис об иосифлянах как воинствующих церковниках, а не просто как о холуях великокняжеской власти. Тезис потом стал общепринятым.

Тема позволила мне войти в гущу XVI в. Монастырь был микромиром, отражавшим жизнь страны в целом.

С 1947 г. я стал работать в Отделении истории референтом у Грекова по Отделению (Тифлисова была по Институту истории), ибо других ставок тогда не было. Работал я там год. Мне поручили разобрать архив Ключевского, который недавно был приобретен после смерти сына историка Отделением (первая часть архива хранилась в ГБЛ). Весь 1947 г. прошел у меня с Ключевским (в 1948 г. была издана «Книга ключей»). Вместо описания я в основном занимался копированием материалов, в результате чего у меня дома собран был очень большой фонд неизданных статей и пр. документов Ключевского. Именно они и стали основой издания «Сочинений» и «Дневников» историка. В 1951 г. я издал небольшой обзор фонда Ключевского в ГБЛ. Мои мечты о написании книги о Ключевском оказались неосуществимыми. Издана была только статья о формировании мировоззрения историка, где, в частности, подчеркивалась разночинная основа творчества молодого

историка, влияние Буслаева и отчужденность его от Соловьева (до Думы). В общем у меня сложилось впечатление, что путь Ключевского (близкий к Чехову) был от нигилизма 60-х гг. к скептицизму 90-х. Не был издан готовившийся тогда том «Научного наследия» (ред. Андреев), где должны были быть опубликованы листов 15 неопубликованных статей историка (наступило время «космополитизма»). Не изданы три тома неопубликованных трудов, подготовленных Р. Киреевой и мною. под ред. Нечкиной (уже в 60-е гг.). Это первый курс истории России, том спецкурсов (Методология, Зам. влияние, всеобщая история) и том неопубликованных статей пр.

В связи с диссертацией Черепнина в 1948 г. издана моя статья о духовных, основанная на Волоколамских материалах. Первые публикации и статьи мои были основаны на «отбросах» диссертации – восстание Болотникова по приходным книгам (1947), краткие летописцы (1950), народные движения (1952) и др.

С января 1948 г. я работал уже в секторе феодализма (на месте, вернее на «единице» покойного милого С.К. Богоявленского). Вскоре начался достопамятный период борьбы с космополитизмом. Ох, и наговорился я в те годы. На кафедре вспом. дисциплин (там я работал с весны 194[...] г. по приглашению Андреева), понаписал в «рабочих» рецензиях и т.п. Силы небесные, святые угодники что ли уберегли меня: не напечатал я в этом духе ничего, за что б потом можно было бы краснеть… Кроме (нечистый в лице В.Т. Пашуто попутал) одной хроники Ученого совета по разоблачению. Для «Вопросов». И что, собственно, казалось, такого. Просто краткое резюме происходящего. Но почему-то подписались с Пашуто мы скромно: «В.А.» (страшно ругался Альман – он подписывался сходно). А в результате – одного из учеников С.Я. Лурье, ссылаясь на эту хронику, сняли с работы. И опять возмездие – самое плохое, что обо мне было написано – это анонимная хроника о Слове в тех же «Вопросах» в 1964 г. Словом, как аукнется…

В секторе меня подключили к группе, занимавшейся подготовкой Актов XIV–XV вв. (Черепнин, Новосельцев, Андреев). На мою долю выпала сверка и копировка актов из ГБЛ. Одновременно я решил начать для себя фронтальное изучение собраний Отдела рукописей для поисков некоторых материалов по истории и литературе. Дело в том, что основная масса собраний в ГБЛ поступила после 1917 г. и никогда специально не изучалась, да и описана была глухо («сборник» и т.п. без раскрытия содержания). Так вот все эти «сборники» и «летописцы» я и решил просмотреть полистно. Результаты превзошли все ожидания. Обнаружен был считавшийся утерянным Троицкий список НПЛ (его я и издал вместе с Насоновым, который в это время как раз издавал НПЛ, – 1950 г.). Найден был замечательный памятник – полный текст Дворовой тетради, содержавший полный список государева двора середины XVI в. Он был издан вместе со «сводным текстом» Тысячной книги в виде отдельной публикации (1950 г.). Найден был сборник с губными

грамотами и Уставной книгой Разбойного приказа середины XVI в. (публикации 1952–56 гг.). Наконец, обнаружен был древнейший и лучший текст сочинений Пересветова, положенный в основу нового полного издания его сочинений и ставший отправным пунктом моей книги об этом замечательном мыслителе середины XVI в. Найдена считавшаяся утерянной Иоасафовская летопись (издана в 1957 г.) Все перечислить трудно. Часть памятников опубликована в Записках ГБЛ, часть учтена в вариантах публикаций как моих, так и Я.С. Лурье и других исследователей. Однако мой обзор новых находок из ГБД так и не был издан: в Записках его зарубил за «выборочность» Кудрявцев (максималист!), а в ТОДРЛ – Лихачев и Андрианов.

Киевская Русь не давала мне покоя. После работы над дипломом Анечки я написал подробный разбор книги Тихомирова о Русской Правде, которая мне казалась чисто кустарным творением недалекого, неумного и самоуверенного невежды. Тогда же я написал первый вариант работы о развитии гос[ударственного] строя по Русской правде. В основу ее положены две мысли: система штрафов (эволюция «обиды» в «продажу» и пр.) отразилась в трех памятниках (Правда Ярослава, Правда Ярославичей и Пространная правда). Эта эволюция отражает движение права от общинного через дружинное к государственному.

Первым выходом в печать по этой теме была рецензия на книгу Юшкова о Русской правде (1950 г.). В 1976 г. расширенный вариант этой рецензии издан в сб. в честь Нечкиной. Старику моя рецензия понравилась (он привык к ругани со стороны юристов – Сыромятников и др. и историков – Греков и др.). А у меня тон был вполне академический. Поэтому, когда в его голову запала идея об издании «Хрестоматии» по образцу Владимирского–Буданова, он пригласил меня участвовать в ней (думая, конечно, что молокосос будет повторять его идеи). Прежде всего я уговорил старика вместо однотомника издать восьмитомник (до Екатерины II). Затем я увлекся составлением переводов и главное – обширного комментария к Русской правде, в котором изложил все свои фантазии (признаюсь, этот комментарий я очень люблю). Старик его впервые прочел в верстке – и ахнул. Но делать было уже нечего. Тогда он заставил меня в спорных случаях вставить слова «по мнению Зимина». Вышло бессмысленно и претенциозно: ведь и так ясно, что весь комментарий мой. В 1952 г. вышел первый том Памятников русского права.

В Институте истории тем временем произошли серьезные перемены. В 1950 г. умер Сергей Владимирович Бахрушин. Некоторое время зав. сектором был Новосельский. Оказалось, что специалистов по XVI в. было (особенно шустрых) кот наплакал. Словом, неожиданно для меня все начинания Сергея Владимировича перешли ко мне. А они были довольно солидными. Прежде всего надо было кончать начатый им т. 1 «Истории Москвы». В свете «борьбы с космополитизмом» его надо было доделывать (вычеркивать церкви, алтыны и добавлять общие

места). Я стал вместе с Новосельцевым и Устюговым одним из членов редакции тома, вышедшего в 1952 г. Тогда же вышел и т. I АСЭИ. Постепенно работа над этим последним изданием стала сосредоточиваться в руках И.А. Голубцова. Статья в дискуссии о периодизации 1952 г., в которой я предлагал основываться на классовой борьбе (1952 г.), была данью времени, но тема о классовой борьбе прошла сквозь всю мою жизнь. Униженные и оскорбленные всегда вызывали во мне симпатию.

В 1951 г. я стал старшим научным сотрудником. Основным объектом после «Истории Москвы» у меня стали «Очерки» конца XV – нач. XVII в. (формально в редколлегию еще входили Насонов и Черепнин, как новый зав. сектора). Для «заработка» я редактировал «от издательства» двухтомник «Очерков» Пашуто–Черепнина. В 1952 г. вышел первый том «Научного наследия» С.В. Бахрушина, а затем в 1954 г. с возмутительными комментариями ЛВЧ и НВУ (я был членом редколлегии) – работал гл[авным] обр[азом] над первым).

В эти годы (1950–52) я писал бесконечные внутренние рецензии на исторические труды (в том числе на «Очерки XVI в.», свыше 100 стр.) В 1953 г. выпустил в свет второй выпуск ПРП, а по наследию С.В.Б[ахрушина] в 1955 г. «Очерки Коми». В 1975–76 гг. для однотомника Истории Коми АССР я модернизировал этот текст, участвуя также в редакции тома. Вместе А.И. Копаневым я издал материалы по истории Коми XVI в. (в 1970 г. – издание долго валялось в архиве у меня). Н.П. Воскобойникова защитила у меня солидную диссертацию о писцовых книгах по истории Коми края XVI–XVII вв.

Сближение с Я.С. Лурье, а также с сектором древнерусской литературы Пушкинского дома также дало свои плоды. Тем более, что все «многотомники» в общем-то особенного времени у меня не отнимали, а сил и увлеченности дурманом науки было много. Герой моего Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий привел меня к древнерусской литературе. Сначала я пытался издать его в «Вопросах», где тогда Пашуто работал в редколлегии. Тот предложил «слегка» изменить уклон статьи, посвятив ее еретикам (т.е. написать заново). Но я на это не пошел.

В «Вопросах» в 1952 г. вышла моя рецензия на «Послания» Грозного (которым грозили от психа и подонка И. Лапицкого в то время беды), а в 1953 г. в ТОДРЛ статья об Иосифе. В тяжелые годы борьбы с космополитизмом Лихачев искал союзников среди историков в качестве самозащиты (всю жизнь он только и делал, что защищался, съедая то одного, то другого противника). Поэтому он благосклонно смотрел на мое участие в ТОДРЛ (до поры). Так вот в порядке самозащиты в духе времени он изобрел борьбу в литературоведении двух направлений: одно возглавляли он и, конечно, Варвара, другое Скрипиль и Еремин. Первое – историческое, марксистское. Второе – формалистическое, немарксистское (конечно, говорилось тоньше). Скрипиль был прекрасным текстологом, а Еремин – превосходным знатоком стиля и духа литературы как явления культуры. Позднее, съев обоих, Лихачев сам

на своем знамени написал и Текстологию и Поэтику. Но это уже было после 1956 г. Сейчас времена были другие. И член-кора он получил за «Возникновение литературы», в котором давался бой формалистам, византинолюбам и остались устные, народные корни русской литературы. Все, как надо.

Уже в 40-е гг. на меня огромное впечатление произвел А.И. Клибанов (тогда он работал еще в музее религии и, кажется, в секторе атеизма, основанном на этой базе Бончем). А.И. увлекался тогда русской реформацией и поиском новых материалов в архиве по этой теме. Широкий взгляд на общественную мысль в духе всемирно-исторических параллелей безоговорочно покорил меня и я считаю себя в изучении русской общественной мысли учеником Александра Ильича. Общеевропейские параллели (сословно-представительные учреждения, формация и т.п.) были уже в моей статье о переодизации и остались со мной навсегда. Кое-чего удалось добиться (совокупными усилиями с ЛВЧ и ВТП внушили мне мысль о раннем, развитом и позднем феодализме на Руси и т.п.).

В 1955 г. я принял участие в издании Я.С. Лурье и Н.А. Казаковой «Антифеодальное еретическое движение», попутно трудясь над Пересветовым и своими старыми привязанностями (в 1954 г. источниковедческая статья о Русской правде). Ростки нового («против течения») были уже в статье об Уставной грамоте Всеволода (1952 г.), в которой я этот памятник якобы XII в. перетянул в конец XIV в. Ох, и досталось же мне от Тихомирова. «Но все проходит в жизни зыбкой. Проходят дни, бегут года, и вспоминаю я тебя с улыбкой, как вспоминаю индюка». Появился Янин с компромиссной точкой зрения, затем Щапов и т.п. Проблема была поставлена.

Зародышем переосмысления XVI в. была статья о возникновении приказов (1954 г.), в которой на основании анализа терминов приказы с конца XV в. перетащены были в середину XVI в. Итак, да здравствует источниковедческое осмысление истории и XVI в., в частности.

Середина 50-х была наполнена бурной работой по изданию памятников: вып. 3 ПРП (вместе с Поляком и Каштаном), в 1955 г. издание Сочинения Пересветова (с Я.С.Л.), а в 1955 г. первая статья о Пересветове. В 1956 г. издан т. 2 АФЗХ и т. 1 Сочинений Ключевского. Издана антильвовская статья о хронологии новгородских грамот в 1956 г.

В чем существо работы тех лет? Закладывались две темы, ставшие долго для меня основными: источниковедение и история России (особенно общественной мысли XVI в.). Для источниковедения (грамоты) для меня дорога была мысль (зернышко пока), что нельзя давать волю безбрежной фантазии: есть широкие (и точные рамки-гипотеза) и узкие, но неточные-догадка. В работах по изданию текстов вырабатывалось внимание и чутье к словам и буквам, через которые дух времени проникал в тебя, как воздух. Сидишь, сверяешь описки, а мысль напряженно работает, стараясь понять нюансы текста. Нет, только хлебнув такого конкретного труда над текстами, можно стать сопричастным тому времени, к которому они относятся.

В 1955 г. начинается мое расхождение с Лихачевым. Его борьба с ветряными мельницам успешно закончилась. Я ему был не нужен. А тут обнаружился мой строптивый характер (я де заставил его переделывать варианты к Пересветову – его блажь), мое влияние на его учениц он выдумывал так же, как и все остальное. Словом, когда у меня появилась статья о научной реконструкция текста (1956), он ответил раздраженно (1957 г.). Суть спора сводилась к тому, имеет ли право исследователь на реконструкцию (я) или нет (он).

Падение культа привело к некоторым изменениям и в моей судьбе и в направлении научной деятельности. То, что ранее было в зародыше, стало постепенно все явственнее обнаруживаться. В это время академиком-секретарем стал Тихомиров. В 1956 г. он создал Археографическую комиссию и сделал меня своим замом. В это же время (примерно на год) меня откомандировали к нему в докторантуру. В 1958 г. вышла моя книга о Пересветове, но Сидоров (по дружбе и ко мне и к Тихомирову) год не давал ее защищать, и только приход к власти Хвостова, рвавшегося в академики, сделал возможным мою защиту в 1959 г.

Как-то на каком-то закрытом совещании Молотов сказал, что надо издавать Ключевского, Соловьева и других выдающихся историков. Этим мы и воспользовались. Под редакцией Тихомирова в Соцэкгизе решено издать сочинения Ключевского. Издание готовили Александров и я. Мне предлагали двенадцатитомник, но наверху сказали: «хватит восьмитомника». Поэтому мы вынуждены отказаться от издания Думы, Житий, Иностранцев. С тем, чтобы издать кое-что из неизданных трудов. Работа была адова уже потому, что мы восстановили весь научный аппарат Ключевского в примечаниях и указали все куски, которые вставил К. в литографию при ее подготовке к печати. Т.е. читатель фактически получил возможность сравнивать текст 80-х и начала 900-х. Пятый том Курса издан был заново по рукописи, готовившейся автором незадолго до смерти. Вадик работал тщательно, я менее. Ключевский мне всегда ближе и по характеру, и по семейным традициям (Гвоздевы) и потому, что он был как бы моим «дедушкой», если считать С.В.Б. «отцом»).

После 1956 г. стало возможным и создание обобщающих трудов о Грозном, в частности, об опричнине. Правда, крикливые суждения типа Дубровского и дискуссия в «Вопросах» (1956 г.) мне были противны в силу их вненаучности и «аллюзиционности». Но путь науке был открыт.

Итак, 1956–57 гг. пошли под знаком Пересветова (образ вольнодумца-гуманиста, прожектера мне был очень близок) и публикаций (о них я писал, в 1957 г. вышли кроме Иоасафовской, тт. 2–3 Ключевского).

Затем пришла очередь И.И. Смирнова, творчество которого у меня всегда вызывало раздражение («покровщик»), а также истории России XVI в. Смирнов был для меня воплощением умного догматика, пользовавшегося, к тому же, почти диктаторским влиянием на ленинградцев (несмотря на свою болезнь). В свое время он сумел отмежеваться от Покровского, жадно засесть за науку. Спор с ним был интересен и важен.

Именно в его источниковедческих трюках я усматривал возможность использования источниковедения для любых целей, а это было для науки опасно.

В 1958 г. моей статьей в «Вопросах» открылась дискуссия о первой крестьянской войне в России (Болотникова я из заголовка изъял). Суть дела состояла вот в чем. Исходя из брошенного как-то замечания Сталина о Болотникове и разоблачения Самозванца как шпиона, Смирнов выпустил книгу «Восстание Болотникова», в которой все движения социального протеста ограничил Болотниковым (в общем-то еще Платонов «социальный момент» Смуты видел в Болотникове и Лжедмитрии II). Книга получила Сталинскую премию и дважды была издана (1949–1951). Суть моей статьи сводилась к тому, что крестьянская война начиналась с восстания Хлопка и закончилась Заруцким, а Болотников лишь кульминация. Дискуссия окончилась для меня благополучно. Не потому, что кто-то что-то декретировал или потому что историки что-то признали. Нет... Время было голубое. Да в редакции «Вопросов» находился милейший Фавстов (которого я знал еще по Соцэкгизу). Он же написал заключительную статью. Несмотря на ответ Смирнова и обсуждение в Ленинграде, в большинстве статей положительно отнеслись к главной идее (Корецкий со своим Хлопком, Овчинников, Скляр).

В 1958 г. в «Арх[еографическом] ежег[однике]» появилась моя Дума, затем дворц[овые] уч[реждения] в «Ист[орических] зап[исках]» (тогда же) и наместники в 1962 г. Начался генеральный пересмотр гос[ударственного] аппарата в России XVI в. Схема Ключевского затрещала со страшной силой. Он исходил из общего (гегельянского) построения Соловьева (государство на смену рода, последний отождествлялся с боярством) и из ошибочного представления о достоверности Шереметьевского списка. Оказалось, что служилые князья в состав Думы не входили, в I полов. XVI в. было территориальное (дворцы), а не функциональное управление. Никакой «реакционной» силы бояр что-то не было заметно. Дума становилась опорой великокняжеской власти, а не ее противовесом. В 1959 г. вышли последние 3 тома Ключевского.

В 1958 г. вышла книга Смирнова «Очерки 30–50-х гг.». Вначале он писал в духе времени книгу «Иван Грозный». Потом обстановка изменилась и стали «Очерки». Они потеряли для него всякий интерес, и он фактически прервал работу где-то на середине (начале 50-х гг.). Следы старого замысла остались (всевозможные заговоры и мятежи). Так вот я решил ответить книгой на книгу. В 1960 г. вышла моя книга «Реформы Ивана Грозного». Она была составлена быстро, из кусочков. Туда вошла вводная (социально-экономическая) часть из Пересветова (изъятая из книги), частично разделы из «Очерков СССР) (классовая борьба, историография), отдельные статьи (о реформах 50-х гг., где я доказывал, что испомещения тысячников не было по реформе 1555 г. и т.п.). Основной же тезис был бахрушинский и романовский – компромисс, а не чисто дворянские реформы, как у Смирнова.

В 1959 г. вышел V вып. ПРП и «Сочинения» Иосифа Волоцкого, подготовленные Яшей совместно со мною.

Сразу же после «Реформ» наступило время «Опричнины». Первые три статьи на эту тему вышли в 1961–1962 гг., а книга в 1964 г. Дело в том, что этой, казалось бы, банальной теме чертовски не везло. В войну умер Садиков, всю жизнь занимавшийся опричниной, но оставивший только серию статей. Тогда же погиб Бибиков, автор интереснейшей статьи на эту тему. Умер Полосин, так и не написавший задуманной книги об опричнине. За рубежом Сухотин выпустил только отдельные этюды. Наконец, С.Б. Веселовский, сделавший очень много для разгрома схемы благотворной антибоярской опричнины (Платонов), также книгу не успел написать.

«Опричнину» я писал на одном дыхании (вероятно, в полгода). Целиком. Сполна[488]. В ней впервые было изложено мое понимание XVI столетия, которое я позднее всячески вдалбливал в головы современников: XVI столетие – не борьба дворян и бояр, а борьба с уделами (завершение ее). Надо сказать, что в постановке этого вопроса на меня, безусловно, оказала влияние статья Сережи Каштанова об опричнине, где сходные мысли были высказаны на основе анализа иммунитетной политики.

В 1960 г. меня впервые выпустили за рубеж, в Берлин, на конференцию Шлецер–Ломоносов–Паллас. Это был и последний вояж за пределы отечества (в 1963 г. из-за «Слова» поездка в Софию на конгресс славистов не состоялась). В эти годы (начало 60-х), казалось, судьба благоволила. В самом деле, зам. Тихомирова (по комиссии и по т. 2 «Истории СССР»), член жюри конкурса на лучший школьный учебник, член жюри секции по Ленинским премиям и пр. и пр. В 1962 г., ловя на ходу возможные мысли Тихомирова, Хвостов выдвигает меня в член-коры (старик в это время был в Крыму и не предполагал ничего подобного делать). Кандидатуру (на первом этапе) поддержал Рыбаков, которому я нужен был в его игре против Черепнина. Отзыв дал также Арциховский (написан он был фактически Яниным: я у него был оппонентом по докторской). В списке я был как будто четвертым (завалили Черепнина и Кима, прошел Шунков, пятый – Воронин). Позднее мои доброжелатели говорили: «Ну, что б тебе подождать со Словом. Прошел бы в член-коры тогда». Все это несусветная чушь. Не говорю о том, что ни в какие «коры» я бы не прошел (с 1948 г. туда не был избран ни один беспартийный). Ведь это звание чисто чиновничье (ранее ученых назначали чиновниками, а у нас чиновников «делали» учеными). Постепенно у меня складывались черточки моей деятельности, которые объясняют позднейшее. До 1963 г. я еще ученым не был. Но… Я ненавидел всяческие кумиры, в том числе «ученые». Я привык уже ничего не брать на веру, а самому проверять факты и доискиваться истины. Меня раздражали всяческие фальсификации (см. статью о фальсификации актов). К этому времени я уже перенес из XVI в. в XVII в. исторические песни

[488] Выписок из источников не делал, писал прямо.

о Грозном (в связи с тем, что выступал оппонентом по докторской Соколовой). См. статьи 1962 г. и следующих годов. Это была как бы репетиция перед Словом. Основное – тезис о синтетическом характере факта в исторических песнях. Меня раздражают всякие приоритет и удревнения истории (со времен внутренней полемики с Грековым). Для меня дороги были общеисторические традиции и становился отвратительным национализм (порождение того противопоставления Запада Европы Восточной, выразившегося в рассуждениях о многонациональном государстве, в том, что политика обгоняла, интересы обороны требовали[489].)

Да, чуть не забыл. После съезда славистов (1958 г.) я занялся зарубежной библиографией по истории СССР до XVII в., которую предполагал закончить к 1967 г. Увы!

Итак, наступил 1962 г. Год, когда я взялся за «Слово». Книга о нем стала моим источниковедческим манифестом. Она задумывалась как продолжение и реализация шахматовского источниковедения (и была посвящена Шахматову), но вылилась в новое источниковедение – в «систему систем» (об этом источниковедении см. статью «Трудные вопросы методики»). Кстати, «Слово» всегда у меня вызывало настороженное к себе отношение. Уж очень оно не укладывается в строй литературных произведений Древней Руси (со своей вычурной витиеватостью). Да и критика Мазона напоминала скорее ругань.

Но я понимал трудность темы, связанной с широким кругом разнообразных познаний, и не собирался ею заниматься. События разворачивались с кинематографической быстротою (Они подробнее изложены в книге «Слово и дело»). Летом 1962 г. вышел «красный сборник», содержавший запоздалую полемику с Мазоном. Прочитав её внимательно, я убедился, что Мазона разнесли здорово, но вот странно – никаких доказательств XII в. я не обнаружил. Как бы считалось разумеющимся, что если Мазон заблуждается, права традиция. К тому же, странным показалось и то, что упомянув между делом о книге Фрчека о Задонщине, авторы стыдливо о ней умалчивали. Тогда у меня мелькнула мысль. Ну, хорошо. Разобраться во всей проблеме я не могу, но сравнить Задонщину со Словом пара пустяков. А тут в Москве оказалась лисичка-Моисеева, которая сказала, «а я займусь XVIII в.», «мне тоже памятник кажется сомнительным. Вот, например, концовка, а дружина… и т.п.» Разделив сферу труда, мы решили заниматься, никому ничего не объявляя. Позднее лисичка на дискуссии 1963 г. еще виляла хвостом, а затем стала совершать «ужасные открытия» (в Ярославле в прошлом 1975 г.), «бесспорно» доказывавшие подлинность Слова (упоминание о Хронографе, которое даже по Творогову ничего не доказывает).

[489] Позднее в томе II «Истории СССР» я «извел» и термин «централизованное» государство, заменив его «единым» (кстати, у классиков централизованное равнялось абсолютной монархии – на это обратил внимание А. Сахаров).

Итак, 22 декабря я уселся за «красный сборник», обложился памятниками. 22 февраля, в день рождения, я съездил в Ярославль, а 27 февраля 1963 г. в Ленинграде я делал трехчасовой доклад, в котором были сформулированы уже все основные идеи работы (кстати, это был первый доклад, к тому же в присутствии человек 300, который я делал не по бумажке – отныне я уже никогда не «читал» докладов, а только говорил. Торопливость в постановке вопроса вызывалась тем, что мне стало известным, что к выводу об авторстве Иоиля пришел и Мазон и как будто какой-то болгарин в Америке. Конечно, я не сказал Лихачеву о своем тезисе (иначе бы доклад не состоялся). Теперь же он стал фактом науки.

Работу же фактически меня «заставило» написать начальство: стенограммы не было, а ему важно было меня «проработать». Потребовали текст. И вот к концу года я написал тот трехтомник, который есть в ротапринтном варианте в нескольких экземплярах. Подробности всей истории (равно как и дискуссии 1964 г.) сейчас писать не буду – они изложены в другой книге. Итак, все было по Цвейгу – «звездное мгновение», которое я решил не упустить. Сейчас или никогда.

Положение было сложное. Тихомиров выгнал меня из замов, кричал, что я срываю «Историю СССР» (редакцию пополнили Бугановым и Бескровным). Хвостов не ставил в план никакой темы и не переводил к Черепнину (я завершил свою работу в Фадеевском секторе), все время надо мной была угроза «изгнания». Только в 1966 г. Хвостов вставил в план мне тему «Холопы»).

Только после Слова я почувствовал себя человеком, а не машиной, историком, а не научным сотрудником. Передо мной стал вопрос, как себя держать – обиженным или борющимся. Я выбрал второе. Конечно, издание хоть одной статьи ставило меня в тяжелое положение. Много сказать в ней было невозможно, но мои оппоненты могли кричать: «Вот видите, у нас полная свобода научных мнений. Мы и Зимина печатаем». И все же я пошел на это. В результате издано примерно 13 статей по Слову, а сколько отвергнуто – один Бог знает. История со Словом показала, сколько на свете добрых людей, без помощи которых я бы ничего не написал и ни черта бы не издал. Благодарность моя к ним всем бесконечна. Чувство братства я познал сполна в эти трудные годы. Ну, конечно, оппоненты ответили 50-ти листовым «Черным сборником», двухтомником Рыбакова, книгой Адриановой и минометным огнем статей.

Ни одного слова я им не спустил. Теперь моя книга выросла в два раза и насчитывает примерно 1200 м.п. страниц.

Передо мной встал вопрос: продолжать ли баталию или сделать передышку. Я выбрал второе, имея в дальнейшем прицеле и первое. А может быть, шел обоими путями одновременно. Книга о Василии III вышла в 1972 г.[490] Замысел ее уже подводил к новому пониманию

[490] Выход книги – целиком заслуга зав. ред. О.А. Антонова и в первую очередь П.В. Волобуева. Директор «Мысли» уже решил отказаться от моей рукописи, когда узнал, что ее автор «тот самый Зимин, который посягнул на Слово». Но Анто-

истории, как нарративной. Я решил проследить живую цепь событий день за днем, безотносительно их важности и характера. Для этой целя я составил пространную хронологическую таблицу с указаниями на все источники по теме (расписаны по дням).Так образовался «скелет» работы, по которому она и была написана. Писалась как опричнина, сразу, ибо практически весь материал был дома, а кое-что добиралось в нашей библиотеке или выписывалось из ФБОН. В архиве работал мало, ибо основное было издано (разве что некоторые посольские дела). Ко времени работы над Василием III стало ясно, что без изучения персоналий не обойтись, и я начал писать свою книгу «Формирование боярской аристократии». Она уже давно написана, статьями часть ее издана и только в прошлом году я вставил ее в план, т.е. приобрел пять лет свободной жизни.

Забавно. Книгу о «Холопах» при Грекове издать было невозможно – тогда считалось рабовладение в древности – самой-самой крамолой (Греков боролся с нею), а теперь книга прошла легко и спокойно (правда, сдана она была в 1969 г., а вышла через четыре года). Начала складываться традиция выхода моих книг через 30 лет после из написания («Вотчина» написана в 1947 г., а дай Бог выйдет в 1977 г.). «Слово» лежит с 1963 г. – еще впереди много времени. Идея «Холопов» ясна, хотя за «формации» я в ней не держался (не люблю игру в слова).

Главное – это концепция – в колонизующейся стране только рабство могло дать первоначальную основу классового общества. Ах, моя бы воля! Обязательно эпиграфом сделал бы слова: «Прощай, немытая Россия! Страна рабов, страна господ». Первые статьи из книги по существу начали выходить с 19[...]

Жизнь двигалась дальше. Что делать? Между делом с Киреевой опубликовали «Письма Ключевского» (1968 г.). С 1967 г. начинается серия статей в Казани, где меня приютил Алеша Литвин (друг Сережи Каштанова), немного ранее в Чувашии, где меня печатал замечательный В.Д. Димитриев, тонкий, скромный и глубокий исследователь и добрый человек.

В плане был семитомник. Половину «Возрожденной России» («II период Ивана III») я статьями издал, но стало безумно скучно.

В 1970 г. стукнуло пятьдесят. Тогда я решил заняться приведением в порядок архива. Составил сборники статей, начал доработку с учетом новой литературы, но до сегодняшнего дня из пяти сборников завершил лишь один (публицистику).

С конца 1970 г. началась все беды: Сережина болезнь, а затем моя. Работать стало трудно. Практически чего-либо серьезного, думалось, создать не удастся. И только в два просвета я смог залпом кое-что сделать. Осенью 1973 – начале 1974 г. я с увлечением написал книгу «Государственный архив России XVI в.» (Опыт реконструкции). Это как

нов улучил время и снова затеял разговор, когда в приемной был П.В. В[олобуев]. Тот замолвил за меня словечко, и судьба книги была решена.

бы источниковедческий итог моим работам по истории России XVI в. и вместе с тем разгадка одной из любопытнейших загадок – Описи Царского архива, о которую сломал зубы мой старый друг Зигуша (что придавало особую пикантность занятиям Описью). Только откомментировав буквально каждое слово глухой Описи, можно было понять и систему расположения материала, и как пополнялся архив, и как его данные использовались в ходе сложной политической борьбы века. Эта книга – и необходимый справочник и перспектива исследования одновременно.

В 1974 г. написан и первый вариант «Воспоминаний».

1975 г. был для меня бесценным подарком судьбы – я фактически не болел (простудами и т.п.) и хотя старая болезнь оставалась, я смог «на четвереньках» работать. Так появились «Сумерки и надежды» – семейная хроника. Мне эта вещь представляется наиболее существенной из всего, что я когда-либо написал. Это – книга о людях, их судьбах.

Она возникла прямо из ничего. И оказалась основанной на большом архиве. И дело не только в архиве Каменских XVIII – первой трети XIX в. (хранившемся у И.С. Раабен). Мы целый год переписывались с тетей Валей. И несмотря на то, что ей 88 лет, она сохранила идеальную память и в своих 50 с лишним писем (250 лл.) рассказала всю семейную хронику лет за 120. А я ей за это время задал несколько сот вопросов. Найдены были исключительно интересные письма П.В. Миронова из Лондона 1955–57 гг. Дядя Шура Гвоздев написал и свою автобиографию, и рассказ о семействе Гвоздевых (после инфаркта он сидел дома и в санатории). И многие другие родичи, друзья, коллеги помогали мне в создании этой книги. Сначала меня волновала проблема наследственности. Затем судьбы близких мне людей.

«Неужели же о них никто не узнает? Это же несправедливо. Какой же я к черту историк, если о людях, которых я знал, не смогу написать. А ведь это и есть живая история». Я писал с остервенением, сознавая, что это мой долг. Впрочем, каждый человек в той или иной форме просто обязан рассказать о тех, кого он знал. Только когда будут известны жизни конкретных людей, можно писать общую историю народа и человечества.

Итак, на старости лет я понял, что сейчас задача – создание нарративной истории и разработка методики исследования источников (без методики не может быть науки, а у историков ее в осознанном виде пока нет). Поздновато я пришел к этим банальным мыслям.

Если оглянуться в прошлое, то ясно, что жизнь прожита не так, как следовало ее прожить. Мелочи и пустые схемы заполняли мои так называемые труды. Только сейчас я понял, что писать надо только то, что никто кроме меня не напишет. Ну, что ж. Хотя в итоге я остался у разбитого корыта своих работ, понял, что надо было бы не так и не о том писать, но все же я понял это. А это кое-что.

Умей поставить в радостной надежде
На карту все, что накопил с трудом.
Все проиграть, и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том» (*Киплинг*).

Пишу я плоско, трудно. Язык у меня – смесь выспренностей с банальностями. Рацио давит живое восприятие прошлого. Анализ господствует над синтезом. Критика над созиданием. Боже мой, неужели же люди грядущих дней будут судить обо мне по той лабуде, которая вышла из-под моего пера, а позднее прошло через мясорубку всяких редакторов и печатного станка.

И окажется, что некогда жил такой вульгарный я – глупый социолог, бездарный слуга своих господ, человеконенавистник, оплевавший добрых людей (своих предшественников и собратьев), подхалимствовавший перед сильными мира сего. Этот хамелеон чутко прислушивался к биению часов на Спасской башне. И вообще жил ли он? Ведь под его «творениями» могла стоять подпись любого другого старшего или младшего научного и т. п., ибо его штудии – продукт машинной истории.

Да, батенька, все так. Ты получишь сполна за все то, что ты совершил. И все-таки где-то у меня теплится мольба о справедливости, сострадании. Пусть мы все в грязи повседневности, полумертвые от каждодневного самоистребления. Но мы были и не хотели быть чистенькими и аккуратненькими творцами ракет и бомб. Мы не были создателями науки. У нас задача была скромнее – воспитать новое поколение, которое будет лучше нас, выковать орудия, которыми будет работать ученый-историк будущих веков. Наше поколение – поколение учителей (Федоров Карповых), тех, которые ждут и надеются, сеют разумное, доброе, вечное. Мы не увидим плодов наших посевов, может быть, даже всходов, но сии будут, если в мире есть Правда, Добро и Справедливость. А уж в этом-то я уверен.

Апрель 1976 г.

А.А. ЗИМИН. ТРУДЫ

Том 1. Холопы на Руси
Том 2. Россия на подъеме
Том 3. Избранная рада
Том 4. Опричнина
Том 5. Государственный архив России XVI столетия
Том 6. Формирование состава Боярской думы и зарождение приказной администрации (Вторая половина XV – первая треть XVI в.)

Том 7. Крупная феодальная вотчина конца XV – XVI веков
Том 8. И.С. Пересветов и его современники
Том 9. Источниковедение (Сб. статей)
Том 10. Историография (Сб. статей)
Том 11. История XIV–XVII вв. (Сб. статей)
Том 12. Дипломатика (Сб. статей)
Том 13. Литература и фольклор (Сб. статей)
Том 14. Ч. 1–2. Слово о полку Игореве
Том 15. Слово и дело
Том 16. Зарубежная библиография по истории России IX – начала XVII в. (1917–1975)
Том 17. Сумерки и надежды
Том 18. Храм науки
Том 19. Недодуманные мысли

ОТГОЛОСКИ ПЕРВЫХ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ А.А. ЗИМИНА

С.М. Каштанов

ПОЖАЛОВАНИЕ КНЯЗЯ КОБРИНА К ЕГО 60-ЛЕТИЮ

Се МЫ, великие государи Никольского, Первопечатного, Теремного и многих иных царств и княжеств, сгадав съ своими советники, людми старейшими и молодшими, и со всем кафедральным собором, пожаловали есмы боярина своего ближнего – князя Володимера Борисова сына, Ильина внука Муромца, богатырского рода Кобрина, иже во княжестве Кобринском крепко помужествовав в битве честной со Змеем Горынычем, многое множество змей кобр расплодившем въ области той на пространьстве не малом. И победи Змея, и кобр гремучих гнездо их тот богатырь, Володимеров дед, и славу великую обрете в языцех, и семени своему имя Кобрина дасть памяти для о победЪ над врагом лютым, и в герб свой змею введе, яко же знак моудрости и здоровья.

И в оно время розные окрестные цари, много прослышав о чюдесех и славе рода Кобрина и о великой Володимеровой добродетели и доблести, начаша его к собе на службу звати и честь и имения ему обещати. И соблазнися боярин Володимер по младости лет во опричнину, слоужа там во отделе, зовомом кадров, сиречь опричных людишек исчисляющем и состав опричного двора определяющем. Но, войдя во зрелые года, подумав в себе, рече: «Нечисто есть дело их». И покинул он опричнину, яко Таубе и Крузе, и пошел в некую землю незнаемую, и обретеся в той земле волоокий и прекраснокудрявый бог Аполлон. И възревнова он боярина Володимера к музе одной, девице статной, главу же назад держащей, а лицем красной, прозвище Клио имеющей. Аполлон же сей стрелы в Володимера меча, не мога ѝ победити. И утече Володимер из храма Аполлонова ко святой Славяно-Греко-Латинской академии, ко Кремлю ближе, а муза Клио сама за ним пошла.

И ся приблизи боярин князь Володимер ко двору печатному Ивана сына Федорова. И яко сей дивный муж Федоров, напечата Володимер Борисов сын книг немало пречюдных. И о чюжой собственности, и не о своей власти писа боярин наш князь Володимер Борисов, а свою собственность тая, а власти на себя не преемля. Штадену же и Курбскому уподобися, и царствие опричное, и боголюбивого и кроткого в молитвах царя Ивана облича, глаголя: «Делатели нечестивых делатели от дьявола».

И како апостол Павел коринфянам, на скале стоя, истину возвещаше, тако и сей честный боярин с амвона кафедрального юнотам и юницам очи духовные отверзаше и много о правде и землемерии, о хрономании и родословии и иной многоразличной премудрости вещаше. И умилении быша юнии ритором сим, и славословие ему во всех приделах храма Клио и даже в коридорах нечистых поють. А собою де князь Володимер пригож, круглолиц, румян, бороду имея мявочновидную, глаза же карие лучистые. Во опричнине служа, станом был дороден, ныне же в стройность впаде и в той стройности сердцеееден.

И оже будет так, как нам о сем боярине съветники наши докладывали, и Мы его, безотчетного, пожаловали. Что деи боярин и князь Володимер ко числу «кси»[1] лета свои приблизил, и то число священно есть и почитаемо от старых и от юных, убо в нем крепость и сила юности, мудрость же и всезнание патриархов и пророков, за сие достижение пожаловали мы оного сказанного боярина виллами многими и со пожнями большими и малыми, числом же их всех осмьнадцать.

А отвод[2] тем виллам и пожням от Простого ручья Волосова[3] на Муравьиную кучу[4], а от той кучи налеве земля Твердокаменцевая[5], а направе земля слободки Медуши[6], а живут в ней медовары, оттуде на полянку Светлую, а от тех земль прямо на Синцовскую изгороду[7], за ней синеет море Синее и волость Советская, направе починок Румянцов Задунайский[8]; налеве же деревня Счастье Федорино, от того Счастья до села Мамонтова Богоданного[9], где ищут бивни мамонтов и Тунгузский метеорит, направе земля Столяровская[10], налеве же Каштан двугорбый[11], полуставочный, из одного корени вырос, от того Каштана на саксонскую землю, где шмидты живут, кузнецы, а прозваны за то, что кузницей кадров слывут, от Большого Шмидта[12] на озеро Большой Кабан[13], а в нем затон Советский Мемуаровьедный, а от того затона на село монастырское святого Луки[14] с братиею, владеют тем селом иноки цгадушные[15], что из рода гадов ползучих на вратех своих щит имеющих,

[1] В Древней Руси эта буква означала цифру 60.

[2] Далее перечисляются псевдотопонимы Московского государственного историко-архивного института, названные по именам преподавателей или сотрудников.

[3] Лариса Николаевна Простоволосова.

[4] Виктор Александрович Муравьев.

[5] Елена Ивановна Каменцева.

[6] Ольга Михайловна Медушевская.

[7] Синцов Юрий Яковлевич.

[8] Румянцева Марина Федоровна.

[9] Маматова Евгения Платоновна.

[10] Столярова Любовь Викторовна.

[11] Каштанов Сергей Михайлович.

[12] Шмидт Сигурд Оттович.

[13] Кабанов Владимир Васильевич.

[14] Лукичев Михаил Петрович.

[15] ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов, ныне РГАДА.

на коем Георгий Победоносный пожираем есть змием коброю, и от того села на сосну Высокую, да на волость Чекуновскую[16], где знания чеканят молоточками малыми, методическими.

Отвод же той земле с верхнего конца по знакам водяным – по топям, ямам, озерцам и болотцам, а с нижнего конца – по ямам, а в них кости беглых мявочных[17], что бежали от боярина князя Володимера безвестно и бездумно; и в те ямы боярину Володимеру не ступати, дабы змея, подобно Игоревой[18], не уклюнула.

И владеть тому боярину князю Володимеру теми его виллами и пожнями впрок, без выкупа. А зверью лютому – псам шавочным и болонкам – стеречь те виллы и пожни неотступно. И им боярину Володимеру не изменяти и на причет церковный кафедральный не гавкати.

А что учнет у него на тех виллах и пожнях ести и питии, и тем подавати вина заморские и телятину отбивную по талонам. А кто придет на те виллы и пожни незван и учнет пити сильно, и того поколоти виллой в бок и выслати вон безпенно, без суда и без исправы.

Также есми его пожаловали. На тех виллах и пожнях ржа не садится; а коли сядет сильно, и той торговая казнь, от нас бытии в казни.

Также пожаловали его. Теми виллами и пожнями книги ему не писати, а писати книги машинками и компьютерами, а виллы и пожни красоты для хранить и от перестройки беречь. А ту его вотчину, виллы и пожни, пожаловали ему на крепость и силу, на всякое его благоденствие и со малыми ближиками.

Герб же боярину нашему князю Володимеру утверждаем таковой. На ржаном, ещель не сожранном хомяками поле, золотая, готовая к прыжку кобра, гипнотизирующая зайца. Герб окружен гербарием со множеством веществ полезных, из коих удивления достойны: чай цейлонский импортный, в кафедральном соборе хранимый; яблоко дачное позднеспелое, хулиганами рано срываемое, а потому накрепко в осенине стерегомое; травка красноречай многоцветный; травка писун дачный грозный; корень хронологический вспомогательный; прогрессивник дикорастущий и иныя многия семена, цветы и травы.

А за грамоту давати ему нашему казначею пошлину, две деньги, то ему от порчи и недруг заговора.

Писана на Москве лета 7498, июля в Е день[19].

К сей грамоте велели государи великие князья печати свои привесити на красном воску.

И Крыс Всеархивный печать на своем хвосте привесил[20].

---

[16] Чекунова Антонина Ефимовна.

[17] У Евгении Платоновны Маматовой была привычка называть себя «мявочно-кисявочной».

[18] В оригинале: Ольговой.

[19] То есть 5 июля 1990 г.

[20] Рукописная приписка С.М. Каштанова. Текст пожалования считан и исправлен автором. (*Сост.*)

Джоан Афферика
Смит колледж, Нортхемптон

ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО

В моем докладе соединены такие, казалось бы, совсем разные вопросы, как место Ивана Грозного в русской истории, труды ведущего представителя советской историографии С.Б. Веселовского и пик террора во время сталинского правления – великая чистка 30-х годов. Центральными фигурами здесь являются Иван Грозный и Иосиф Виссарионович Джугашвили, «стальной» человек и их влияние на общество, а основным объектом – уникальный для советского времени историк, кто перебросил мост между правлениями двух тиранов и, проливая свет на прошлое, сделал понятным настоящее. Жизнь и работа С.Б. Веселовского – образец профессиональной честности и мужества интеллекта, который может быть уничтожен, но не подкуплен.

Знакомство с ним началось на небольшом вечере московских писателей в 1965 г. Мой хозяин, поэт подарил мне книгу «Исследования по истории опричнины»[1]. «Как странно, – подумала я тогда, – что такая книга у поэта». Только позднее я поняла, какое значение имела эта книга для советских интеллектуалов 60-х годов. Русские историки на основании недостаточных и недостоверных источников с горечью спорят о природе и значении опричнины. И правители и историки на протяжении многих веков вынуждены были возвращаться к осмыслению этого явления – синонима террора.

Первые – Лидеры Великих революций и вторые – Великие Диктаторы нуждаются в переистолковании исторического прошлого для объяснения неизбежности своего прихода к власти – установления «основополагающего мифа» и постепенно их внимание фокусируется на более отдаленном прошлом. Это верно для всех коммунистических революций и диктатур, и в особенности для Советского Союза.

Для Великого Революционного Лидера истолкование прошлого служит для того, чтобы подчеркнуть прерывность истории: революция представляется водоразделом между предысторией и настоящей исто-

[1] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.

рией его страны. Для Великого Диктатора история – фон, на котором отчетливо проявляется уникальность его правления, а сам он должен ассоциироваться с выдающимися героями прошлого. Первый хочет представить прошлое как неразрывную цепь бедствий, второй – восславить прошлое своей нации. Законность первого основывается на убеждении его приверженцев в том, что он хочет упразднить прошлое, а законность второго – на его притязании привести страну к национальному величию, которое превзошло бы величие прошлого. Сила первого вырастает из дезинтеграции старого общества, сила второго – из восстановления ушедшего.

Для преобразований, стабильности, выживания и успеха режима роль Великого Революционного Лидера во многих отношениях менее важна, чем роль следующего за ним диктатора. Великий Революционный Лидер апеллирует к поверхностным верованиям общества, Великий же диктатор должен апеллировать к самым основным и долговременным. Истинное установление революционнного режима достигается тогда, когда основополагающий революционный миф сливается с национализмом или даже ксенофобией. И Великий Революционный Лидер и Великий Диктатор проецируют свои «узаконенные» потребности в прошлое, оба переписывают и переиначивают история своей страны так, чтобы она служила их настоящим нуждам. И оба неизбежно вступают в конфликт с историком, остающимся честным в своей профессии.

* * *

Первая попытка переписать русскую историю так, чтобы она служила делу революции, в 1934 г. закончилась осуждением ее главного исполнителя М.Н. Покровского за «голую, схематичную, стерильную социологию, враждебную марксизму-ленинизму». Отныне в изучении прошлого доминирующим стал беззастенчивый национализм. После насаждавшихся в течение почти десятилетия «общественных наук» история в 1934 г. была возвращена в школьную программу. Специалисты-историки, подготовленные еще до революции, вернувшись из лагерей и ссылок, куда они были отправлены по «академическому делу» Платонова, занимали только что освободившиеся места историков-марксистов, едва закончивших ускоренные курсы 20-х годов.

Когда возросла угроза со стороны нацистской Германии, были вознесены забытые в 20 – начале 30х годов героические фигуры прошлого, и Сталин на вершине своей власти был поставлен в ряд с такими правителями страны, как Иван Грозный, создатель объединенного централизованного государства, и Петр Великий, его преобразователь. Глава так называемого «исторического фронта» Анна Михайловна Панкратова уже во время Великой Отечественной войны – в 1942 г. – писала, что два историка, С.В. Бахрушин и Р.Ю. Виппер, «по-новому ставят вопрос о

положительной роли этого царя в создании Русского централизованного государства, опровергая установившуюся традицию осуждения его деятельности на основании жестокой расправы со своими противниками. Иван Грозный, как впоследствии Петр Великий, был не более жестоким, чем другие государственные деятели той эпохи. Прогрессивное значение борьбы этих государственных преобразователей с политическими противниками заключалось в том, что они «варварскими методами», по выражению Ленина, боролись с варварством и вели Русское государство по пути укрепления и включения его в круг великих, передовых держав своего времени»[2].

В популярной биографии Ивана Грозного С.В. Бахрушина одним из ключевых элементов была личность царя, его целеустремленность, необычные умственные способности, непреклонность в достижении поставленной цели. Особенно он был хорош в правильном распределении людских сил, что во время Второй мировой войны для Советского Союза было весьма актуальной темой. Ревностный нарушитель древних традиций, что могло бы быть неправильно воспринято как мания преследования или избыток ярости, провел мудрые государственные преобразования ради создания централизованного государства, процесс которого происходил в ожесточенной классовой борьбе протии князей и боярства, поддерживавших феодальную раздробленность. Ивана восхваляли за его демократизм, за признание достоинств дворянства, которое, как «новый класс» (был такой термин) вместе с царем способствовало росту могущества и международного значения страны. Покоритель Казанского и Астраханского ханств, Иван, несмотря на противодействие своих близоруких бояр, начал великую войну против прибалтийских государств. За это его «оклеветали» современники, особенно невежественные иностранцы, а позднее – историки из среды знати, которых не могли понять его мудрых замыслов.

Все это выразил – в более доступной форме – великий кинорежиссер, получивший в 1940 г. заказ сделать фильм об Иване Грозном Сергей Эйзенштейн: «Я столкнулся с проблемой воссоздания черт этого “поэта идеи государства”»[3]. Другой «поэт идеи государства», имевший свой взгляд на правление Ивана, был обеспокоен второй частью фильма и на специальной встрече с режиссером и исполнителем главной роли подчеркнул, что Иван IV был великим и мудрым правителем. Он критиковал царя за неспособность ликвидировать пять оставшихся феодальных семейств и этим завершить борьбу с феодалами, предотвратив Смутное время на Руси. «Было бы существенно сделать фильм в стиле того периода, соответствующим *исторической правде*», – заявил он. Режиссер ответил, что фильм будет кончаться разгромом Ливонии и сценой у моря, в которой Иван говорит своему окружению: «На морях

---

[2] *Панкратова А.М.* Советская историческая наука за 25 лет. М.– Л., 1942. С. 30.

[3] Известия. 1941. 30 апреля.

стоим и стоять будем». С веселой улыбкой Сталин заметил: «Так оно и получилось. И даже немножко больше»[4].

В этом же году на фоне безудержного и продуманного восхваления современного двойника царя Ивана в малотиражном сборнике Института истории АН вышла статья С.Б. Веселовского «Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник»[5]. В то время, когда лишь немногие решались писать об эпохе этого царя, нашелся ученый, исследовавший данные непосредственно о его терроре. Они содержались в единственном малоизученном документе, составленном по приказу Ивана IV в последний год его жизни. Это был список тех, кто умер по его вине насильственной или неестественной смертью. Издателя интересовали два вопроса: как можно было спустя много лет составить список жертв и что этот документ говорит о периоде царствования Ивана Грозного. Второй из них в 1940 г. имел особый смысл. Миллионы людей в СССР умерли насильственной или неестественной смертью – во время коллективизации, последовавшего за ней чудовищного голода, Великой Чистки, которая не только опустошила ряды партии, армии, интеллигенции и своей внутренней динамикой лишила жизни многих миллионов людей, их семей, коллег и товарищей. Статья появилась в начале десятилетия, когда еще 20 млн людей умерли насильственной или неестественной смертью во время Великой Отечественной войны и послевоенной кампании по борьбе с космополитизмом.

Что собирался делать Иван со списком своих жертв? Согласно религиозной практике своего времени, он намеревался отдельные части списка разослать по монастырям вместе с дарами – деньгами и натурой ради молитв за его жертвы до скончания века. Собрав и сравнив сохранившиеся в монастырях фрагменты синодика, он выяснил, что составленный наспех список жертв неполон, неточен и не соблюдает хронологического порядка. «Вся обстановка многих казней, приобретавших иногда характер погрома, когда людей убивали без разбора и без счета, – пишет исследователь, – устраняла возможность составить задним числом сколько-нибудь полный список убитых. В таких случаях оставалось возлагать надежды на всеведение “Господа-Бога” и давать ему кое-какие наводящие указания»[6].

Качество списков зависело от протоколов судебных расследований и разбирательств. «Однако во многих случаях судебной процедуры не проводилось совсем». И кроме того, «много дьяков было казнено в разное время»[7]. Несовершенные списки были переработаны в монастырях, где данные необычной формы (например, «в Новгороде побиенных пят-

---

[4] *Черкасов Н.К.* Записки актера. М., 1953. С. 379–381; Сталин, Молотов и Жданов о 2-й серии фильма «Иван Грозный». Запись Сергея Эйзенштейна и Николая Черкасова // Московские новости. 1988. 7 августа. № 32. С. 8.

[5] Проблемы источниковедения. Т. III.

[6] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 342.

[7] Там же. С. 344.

надцати баб, называли их колдуньями, имена им Бог весть») не могли быть включены в заупокойную службу. Чтобы молитва была услышана, требовалось указать точное христианское имя усопшего, обычно его святого, которого чтят в день рождения младенца.. Дьяки знали это, но оставались беспомощными, и не только из-за бесчисленного множества смертей и их отдаленности во времени, но и из-за того, что христианское имя покойного было известно лишь ближайшим родственникам, возможно, из-за боязни «злого глаза». В миру человека называли вторым именем, данным при крещении, или различными, в том числе и семейными прозвищами. Поэтому по полученным спискам церковь не могла обеспечить действенность молитв за бесчисленные безымянные жертвы.

Много труда и времени требовалось и для того, чтобы распределять по монастырям пожертвования для поддержки постоянного поминовения: «плата» должна была соответствовать как рангу жертвы, так и рангу монастыря. Однако казна к концу правления первого царя была истощена, и в небольшие провинциальные монастыри посылали вещи, конфискованные у жертв, а в большие, кроме этого, добавляли из царской казны. Знаменитым же монастырям в Синае, на Афоне и в Иерусалиме из этого же источника было отправлено пять тысяч рублей, чтобы «устроить» душу сына Ивана, убитого рукой собственного отца[8].

В результате сопоставления всех источников Веселовскому удалось обнаружить 3300 жертв, из коих 2600 остались безымянными. Список занял 100 страниц в публикации 1940 г. Она была переиздана в сборнике об опричнине в более полном виде, в результате чего стало ясно, что «урезал» цензор первого издания. Из заглавия и текста ушло определение царя – «Грозный», а также некоторые оценки самого издателя: «бурная эпоха грозного царя», «кровавая драма, разыгранная опричниной», «психология главного персонажа драмы – царя Ивана», «царь стал бояться собственной тени». Но самое главное – из покореженного текста исчезли 15 страниц, на которых Веселовский объясняет воззрения XVI в. на такие христианские понятия, как смерть, погребение и воскресение. Здесь были разрушены ключевые черты официального советского портрета царя Ивана, и это неизбежно приводило читателя к параллелям с современностью.

«Читая рассказы современников о казнях того времени, – пишет Веселовский, – мы всегда испытываем недоумение. Мы ясно видим преувеличения, иногда подразумеваем сознательную ложь, многое нам кажется чудовищным и нелепым, н вместе с тем мы не можем отделаться от впечатления ужаса... Это впечатление является смутным отражением того ужаса, который испытывали современники и который лишал их способности спокойно наблюдать события и объективно о них рассказывать»[9].

---

[8] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 339.

[9] Там же. С. 333.

«Со времени учреждения опричнины в 1565 г. казни приобрели характер организованного террора, направленного уже не столько против самых широких слоев населения, но, в первую очередь, конечно, против тех, кто подвертывался под горячую руку царя, кто составлял его ближайшее окружение и был исполнителем его распоряжений, будь то боярин, приказной дьяк или писарь...Через них царь Иван распространял ужас в низшие слои населения...

Эти методы террора в новгородском и псковском погромах 1570 г. достигли наивысшего напряжения. В 1571 г. и после ликвидации опричнины в 1572 г. многочисленные казни были направлены главным образом против лиц, служивших в опричнине... Ничем не ограниченное самовластие царя Ивана получило столь общее признание, что бороться против него было бы то же, что ломиться в открытую дверь. Для поддержания памяти о недавно пережитых ужасах царю Ивану было достаточно казнить время от времени несколько человек, преимущественно из числа своих приближенных»[10].

Статья о синодике – первая в серии пяти статей Веселовского, появившихся в печати между 1940–1947 гг., как раз перед, во время и после Второй мировой войны – время кульминации культа личности Сталина. Около дюжины других, написанных в большинстве своем в 1945 г., были опубликованы только в 1963 г. Было и еще две: одна появилась в 1970-х годах, вторая вышла в Археографическом ежегоднике за 1988 год. Каждый из очерков Веселовского посвящен исследованию одного документа или одного события Иванова правления. Каждый из них – страстный поиск обнаружения «фактов» – любимое слово самого Сталина – и интерпретации старого языка для современного читателя и мир. Как Веселовский написал, «никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могу возместить незнания фактов»[11]. Из своих предшественников больше всего восторгался Карамзиным. Его работа устарела, писал он, «но по своей авторской добросовестности и по неизменной воздержанности в предположениях и домыслах он до сих пор остается образцом, не досягаемым для многих следующих историков, у которых пренебрежение к фактам, нежелание их искать в источниках и обрабатывать соединяются с самомнением и с постоянными претензиями на широкие и преждевременные обобщения, не основанные на фактах»[12].

Что говорит нам о том периоде поиск фактов Иванова правления, проведенный С.Б. Веселовским? Собранные вместе работы ученого опровергают официальный портрет царя Ивана. Иван Грозный Веселовского – не создатель путем насилия, каким Сталин рисовал его образ. Царь Иван был разрушителем, опиравшимся на глубинные корни общепринятых верований своего века. Необычен он лишь в своей

---

[10] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 334–335.

[11] Там же. С. 11.

[12] Там же. С. 15.

жестокости, с которой он их использовал. Он разрушал тела и души своих врагов. И более того, отказывая им в смерти по-христиански и конфискуя их собственность, которая могла бы «устроить» их души, он разрывал потомственную связь вечной молитвы и таким образом обрекал всех ранее умерших на забвение. Его боярин князь Курбский причитал: «Сия линам, бедным, воздал еси, всеродно погубляя нас?»[13]

Как правитель, Иван не имел понятия о том, что такое объединенное централизованное государство. Как и его современники, он представлял себе государство как совокупность «государств», т.е. городов с их уездами и всякими доходами, «земель» и «царств», которые в разное время и при различных обстоятельствах входили в состав «достояния» московских государей[14]. «В общем, – пишет Веселовский, – "широковещательное и многошумящее" послание царя Ивана, при множестве софизмов и бесконечных, кстати и некстати, начетнических отступлений и аргументов, сводится к довольно элементарной идеологии необузданного самовластья»[15].

Иван – не неограниченный нарушитель древних обычаев, каким он предстает в сталинском портрете. От тех древних обычаев он оставил очень важный элемент – идею неограниченной власти князя над слугами и рабами. Но исключил из них элемент справедливости, сдерживавший неограниченность власти и включенный в договор между князем и слугой. По прежней традиции опала не была произвольным актом своенравного князя, как это стало при Иване, это был формальный политический акт, который требовал обвинения лицом к лицу и права на самозащиту. Иван злоупотреблял этим, хотя и отмирающим понятием о справедливости, не предлагая ничего взамен. Более того, именно в этот период, когда начала развиваться система общественного суда, он спустил с цепи на страну свору своих опричников, почти ничем не отличавшихся от обыкновенных грабителей с большой дороги, и поэтому расшатал все представления о справедливости. В наследство потомству он оставил полную необеспеченность самых элементарных человеческих прав.

Истинно мудрые государственные реформы в правление Ивана проводились, когда он был в возрасте 10–12 лет. Фундаментальное положение Веселовского, плод его десятилетней работы, противоречило установившемуся мнению, будто московское боярство было основной политической силой, благодаря которой и с помощью которой московские правители достигали могущества великих князей и преодолели раздробленность. Иван создал свой личный двор, чтобы обеспечить свою личную безопасность и свободу действий. Его врагами были все – от митрополита до окольничего, сверху донизу, весь старый двор.

---

[13] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 7.

[14] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 333.

[15] Там же.

По последним исследованиям, эта «мудрая государственная политика» тяжелее всего ударила по низшим слоям общества и существенно по мелкопоместному дворянству.

Демократизм Ивана был фикцией. Он продолжал поддерживать при своем дворе обычаи старого местничества. Не создал он и нового класса служилого мелкопоместного дворянства и способствовал его расширению, что было достижением его отца и деда. Сплошная реорганизация землевладения, сопровождавшая формирование опричнины, едва ли не уничтожила мелкопоместное дворянство. Она разоряла его земли, разгоняла его крестьян, несла с сбой разрушение войска и развал экономики и в конечном счете крепостничество. Централизация отодвинулась на 100 лет...

Распад ополчения, резкое падение доходов и «устранение» наиболее опытных военных полководцев содействовало поражению в длительной Ливонской войне и закрытию окна в Европу на 150 лет[16]. В одном из редких упоминаний советских историков Веселовский цитировал Р.Ю. Виппера: «“Вина или несчастье” царя Ивана состояла в том, что он растратил и бросил в бездну истребления одну из величайших империй мировой истории...»[17]

* * *

Академик Веселовский умер в 1952 г. за 14 месяцев до смерти Сталина. Единственное упоминание о его кончине, подписанное Бюро Отделения истории и философии АН СССР, появилось в информационном бюллетене Академии наук. Возраст и опала привели Веселовского в конце его долгой и насыщенной научной жизни к относительной безвестности. Он был публично очернен как один из главных врагов на «историческом фронте» в те послевоенные годы, когда интеллектуалам было велено покончить с идеологической и политической апатией, прекратить преклонение перед Западом и выкорчевать остатки буржуазного объективизма. Веселовского обвинили в полемике с марксизмом, которую он вел, прячась за факты, в отгораживании от основных проблем советской историографии, в постоянном отказе от ссылок на авторитет Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина.

При жизни Веселовского его рецензенты неизменно приветствовали его публикации тысяч листов первоисточников по землевладению, начиная с XV и кончая XVII вком. Но они неизменно сожалели, что он «деревья» предпочитает «лесу», что он обращается к фактам и не любит широких обобщений. Он умер в относительной безвестности, но после смерти должен был привлечь внимание интеллектуалов 60-х годов, в том числе моего хозяина-поэта и его друзей. Ведь вслед за смертью

---

[16] *Веселовский С.Б.* Опричные выселения и оборона государства // *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 185–189.

[17].Там же. С. 337.

Сталина и хрущевским разоблачением культа личности Великого Вождя настало время, когда для советской интеллигенции «деревья» стали важнее «леса». И 21 работа об опричнине С.Б. Веселовского о терроре Ивана IV, опубликованные в 1963 г., послужили образцом для тех, кто впоследствии обращался к истории XVI в.

Есть некоторая связь судеб работ Веселовского и АИ. Солженицына. Неслучайно, что труды двух страстных фактографов были отмечены или приняты «Новым миром». Самая важная рецензия на работы Веселовского была написана писателем Ефимом Дорошем в 1964 г. «Я, – пишет он, – был покорен и самой книгой, и ее автором, хотя то и дело прерывал чтение, чтобы обдумать не только прочитанное, но и многое, возникающее попутно... Мы иной раз забываем, сколько скверного соскребли с себя за минувшее десятилетие (после смерти Сталина. – *Д.А.*). И об этом я думаю, читая “Исследования по истории опричнины”... Когда книга уже была прочитана, я вернулся к первым ее страницам и перечитал подчеркнутые мною строчки, характеризующие Карамзина... Мне подумалось, что слова о добросовестности и неизменной воздержанности в предположениях и домыслах следует прежде всего отнести к автору этих очерков об опричнине...»

«Весьма поучительно просмотреть даты написания каждого из очерков. По преимуществу это 1945 год, то есть как раз то время, когда Грозного изображали борцом “за пресветлое царство”, причем создавалось впечатление, что имеются в виду чуть ли не наши дни, а историки писали, что его деятельность “имела большое прогрессивное значение”. И вот в эту-то пору, едва ли надеясь увидеть свои работы напечатанными, ученый стоял на своем, полагая, что истина превыше всего... И вместе с тем возникала потребность склонить голову перед его мужеством и убежденностью в том, что людям небезразличен его труд»[18].

* * *

Главная ирония советской истории состоит в том, что то величие, к которому стремился Сталин, не было достигнуто Советским Союзом из-за того, что создал сам Сталин. Экономические, политические, социальные и культурные революции сверху привели страну к кризису системы, который можно разрешить, только полностью искоренив сталинизм. В этой связи несомненно, что созданный Веселовским портрет Ивана Грозного и его наследия полезнее для оценки сталинского наследия, чем собственная сталинская версия величия царя Ивана, величия, которое он, Сталин, так стремился превзойти.

[18] Новый мир. 1964. № 4. С. 260–263.

В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.А. ЗИМИНА

В феврале 1990 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 10 лет со дня безвременной кончины выдающегося советского историка Александра Александровича Зимина. Его памяти было посвящено заседание в Институте истории СССР, где А.А. Зимин проработал всю жизнь, состоявшееся 22 февраля, в день рождения ученого, а 14–17 мая прошли научные чтения в Московском государственном историко-архивном институте. И на заседании и на чтениях много говорилось о личности Александра Александровича. О его трудах и человеческой позиции вспоминали ученые разных поколений: его сокурсник В.А. Дунаевский и соученик по университету, сосед в ташкентской эвакуации С.О. Шмидт, коллеги по московскому академическому институту – старшие и младшие, равно как и коллеги из других городов – Ленинграда, Саратова и ученики из МГИАИ и МГУ (в частности, Я.Н. Щапов). Они вспоминали о раннем формировании ученого, наставником которого был С.В. Бахрушин, о его постоянных философских размышлениях о проблемах бытия и познания и месте истории в системе общественных наук (В.И. Буганов и А.И. Клибанов). На мужественный отказ от господствовавших догм и представлений, будь то о противостоянии дворянства и боярства в XVI в. (по выражению А.А. Зимина, он торпедировал борьбу дворянства и боярства»), о сущности Русского «централизованного» государства[1]

---

[1] В неправленной стенограмме заключительной части выступления В.Б. Кобрина в Институте истории эта мысль записана так: «Если вернуться к концепционному развитию Зимина в области развития русской централизации, то я бы сказал, что в целом это переход от государственническо-имперских позиций к гуманистическим, то есть те гуманистические настроения, которые были всегда характерны для него, как личности, становились неотъемлемой частью исследования истории. Поэтому централизация и предстает уже в облике не абсолютного блага, каким она была со времен Карамзина и Соловьева в отечественной науке, а как одна из сторон закрепощения крестьянства и закрепощения общества. И восхищение теми или иными сильными личностями заменяется уже изучением их, и часто достаточно ироническим. И отсюда пересмотр и того, что было в Пересветове. Я помню, как, когда Зимин пришел к тому, что не было вот этой знаменитой борьбы боярства и дворянства, примерно в последние годы жизни он мне говорил, что

или о времени создания такого памятника, как «Слово о полку Игореве», давно признанного гордостью национальной культуры, обратили внимание В.Б. Кобрин, В. М. Панеях и другие. Его увлеченность своим делом, искренность и непримиримость к стандартным формулам привели к переходу «от государственническо-имперских позиций к гуманистическим» (по выражению В.Б. Кобрина, с одной стороны, а с другой – снискали ему любовь не одного поколения учеников, с которыми А.А. щедро делился идеями и материалами, заражая и их своей любовью к истине. Благодаря этому, как подчеркивали С.М. Каштанов, Л.И. Ивина, Е.М. Добрушкин, сложилась, пусть и неформально, школа А.А. Зимина, объединенная общностью нравственной позиции и строгой методики в изучении источников.

Во всех этих выступлениях звучали и уважение к огромному вкладу А.А. Зимина в отечественную науку, и боль за те тяжелые условия, в которых пришлось работать ученому. Об этом, в частности, говорил, открывая Чтения, проректор МГИАИ В.А. Муравьев. Директор Института истории СССР член-корр. АН СССР А.П. Новосельцев, вспоминая о помощи, которую он, тогда еще начинающий аспирант, получил от Зимина, напомнил и о том, как Зимин был ошельмован за свое исследование «Слова о полку Игореве», остававшееся неопубликованным. Та же тема прозвучала и в выступлении Н.И. Павленко, подчеркнувшего, что талант АА. Зимина при его жизни не ценили, что он был вынужден зависеть от бездарностей, цепко державших власть над наукой в собственных руках.

Первые чтения памяти А.А. Зимина «Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.» свое название получили не случайно: для А.А. Зимина, как ученого, была характерна любовь к полемике, к остро-

---

«если суммировать то главное, что я сделал, я торпедировал борьбу боярства и дворянства». Помню здесь, в этом здании, он говорил: «Невероятная вещь произошла! Исчезла боярская идеология». И перечислял целый ряд мыслителей, которых традиционно причисляли к представителям боярской идеологии и показывал, что собственно ничего специфического в их идеологии нет.

И вот, если коротко подытожить то, что я говорил о Зимине. Я возвращаюсь к этим словам: «Сдирать с себя ослиную шкуру». В этом была доля очередного недоброжелательного к себе преувеличения. Ослиной шкуры не было. Вот тут Сигурд Оттович вспомнил, как он привлекал к себе людей старшего поколения, Но он привлекал к себе и сверстников, и он привлекал к себе людей младшего поколения. И сравнительно не на много младшего себя (как я) и более младшего. Именно потому, что прав был Зимин или не прав, но он всегда был честен. Он всегда был искренен, и то, что он писал в «Реформах Ивана Грозного», он думал. То, что он писал в «Пересветове», он думал. Каждая строчка, которая была им написана, это была строчка, которая была написана не для чего-то, не почему-то, а только в силу внутреннего убеждения и в силу интереса. Вот таким останется Зимин в нашей памяти, в нашей науке, и думаю, именно потому, что его книги искренни, его статьи искренни, им суждена в нашей науке жизнь вечная, ибо в этом одно из преимуществ нашей кустарной гуманитарной науки. Книги настоящих ученых у нас не стареют».

му столкновению умов[2]. И темами своих исследований он обычно выбирал проблемы, вокруг которых шли бурные дискуссии, кипели страсти. Отличал его и широкий хронологический диапазон в изучении прошлого, что нашло отражение и в тематике Чтений.

Свидетельством уважения к памяти крупного ученого и прекрасного, благородного человека была представительность круга участников и аудитории. Около 100 человек постоянно присутствовали на заседаниях, было сделано свыше 70 докладов и сообщений. На Чтениях выступили исследователи из Москвы, Ленинграда, Саратова, Брянска, Ярославля и других городов РСФСР, Киева и Львова (УССР), Белоруссии, Литвы, Молдовы, Азербайджана, зарубежные историки из ФРГ, США, Франции, Польши. Свой доклад представил и Дж. Джираудо (Италия). Первые Чтения памяти А.А. Зимина – это и первая научная конференция по истории Руси и России XI–XVIII вв., прошедшая на территории СССР, где за один стол сели и советские, и зарубежные ученые, которых объединял не только интерес к прошлому России, но и искреннее уважение к ученому, а многих – и дружеские чувства к покойному.

Были представлены разные поколения советских историков: и сверстники А.А. Зимина, и его ученики, и младшие коллеги, начавшие свой путь в науку уже после кончины Александра Александровича, знающие его только по трудам и рассказам старших товарищей. Широкое участие в Чтениях научной молодежи (К.А. Аверьянов, В.Г. Вовна, А.А. Горский, В.Н. Козляков, М.М. Кром, О.Г. Лизунова, О.И. Петрова и др.) особенно знаменательно: ведь Александр Александрович всегда очень щедро помогал начинающим историкам, радовался каждому их успеху, стремился поддержать талант. Да просто любил молодежь...

В этом хроникальном сообщении нет смысла излагать содержание сделанных докладов и сообщений, поскольку их тезисы опубликованы[3]. Важнее охарактеризовать тот общий настрой, который царил на заседаниях. На нем чувствовался отпечаток личности ученого, памяти которого была посвящена конференция. Полемическая направленность

---

[2] В один из немногих приездов Александра Александровича к нам на дачу, тогда очень мокрое и болотистое место, Александр Александрович с моим мужем Д.П.Федориным отправились в ближайший лес. То ли сырость на них подействовала, то ли сходство характеров, но они сцепились в жестоком споре по поводу художника Валентина Серова. Александр Александрович называл его пустым и придворным живописцем. Дмитрий Павлович защищал своего кумира, для него это был образец искренности, душевной чистоты и удивительно русский талант. Общего языка по поводу Серова они не нашли, но Дмитрий Павлович вплоть до смерти вспоминал этот, сильно огорчивший его эпизод их разногласий. А речь-то шла о портрете лошади, на фоне которой находился один из великих князей с пустой физиономией и такими же глазами... Вот и вся придворность...

[3] Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина / Отв. ред. Ю.Н. Афанасьев, А.П. Новосельцев. Москва, 13–18 мая 1990. М.: Институт истории СССР, 1990.

докладов и сообщений провоцировала острые споры и в прениях. Заседания обычно затягивались позже установленного регламентом времени. Споры эти касались не частностей, а коренных вопросов как самой отечественной истории, так и методов исторического исследования и оценки историографического наследия (в особенности времени опричнины). Последняя тема была затронута в докладах Дж. Афферики, Г.Л. Бурдея и высказываниях В.Д. Назарова и А.Л. Хорошкевич, вызвавших оживленную дискуссию. Жаркая полемика разгорелась вокруг блестящего доклада Я.Р. Дашкевича (Львов), посвященного методике анализа летописных известий. Бурные споры развернулись после доклада Г.И. Торке о земских соборах, принадлежность которых к сословно-представительным учреждениям автор решительно отвергал

Многие доклады были посвящены истории разных народов нашей страны: ведь А.А. отдал немало сил и этим темам, никогда не подходя к их исследованию с позиций «старшего брата», парадной «дружбы народов». Страстный патриот А.А. Зимин был лишен какой бы ни было доли шовинизма и национализма. И не случайно в докладах историков Украины, Молдовы и других республик отчетливо прослеживалась мысль о необходимости очистить историю народов, в том числе и периода феодализма, от той фальсификации, которая проникала туда под влиянием националистических тенденций в советской историографии[4].

Сильное впечатление произвело выступление ученика Александра Александровича в МГИАИ, известного писателя Э.С. Радзинского. По его словам, своей работой о «Слове о полку Игореве» и другими трудами А.А. Зимин показал, что можно быть свободным в стране рабов. Писатель поставил имя А.А. Зимина в один ряд с именами А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова, как людей, сохранивших свою внутреннюю свободу, «Чацких» наших дней. «С каждым днем своего труда над “Словом” (а работал он над ним до конца жизни), – говорил Радзинский, – он немного умирал. И глядя на него, умирающего, я понял, как надо жить».

Тема морали – и в исторической науке и в самой жизни постоянно звучала на Чтениях. И это неслучайно, ибо для Зимина наука никогда не была только полем для упражнения своих логических способностей. Нет, это был для него предмет глубоких размышлений о судьбах своей страны, о национальном характере ее населения.

Была и другая тема, не менее настойчиво звучавшая и 22 февраля и в мае. Это вопрос о судьбах научного наследия А.А. Зимина. Несмотря на активное содействие издательства «Мысль» (при пассивности

---

[4] Прим. А.Л. Хорошкевич 2014 г.: В контексте сегодняшней ситуации на Украине особое значение приобрели наблюдения Н.Н. Яковенко о сравнительно позднем осознании этнического единства украинцев и роли в этом волынских князей, активно передвигавшихся на киевские земли, где их дворы содействовали объединению Правобережья (*Яковенко Н.Н.* О роли княжеской прослойки в этнической консолидации земель Правобережной Украины// Спорные вопросы. Вып. II. С. 312–316).

академического издательства «Наука»), до сих пор не увидело свет его исследование о Русской Правде, выполненное в качестве планового задания в Институте истории АН СССР. Остаются неизданными и исследование о «Слове» и «дискуссия» вокруг «напечатанного» тиражом 100 экземпляров сочинения – к этой теме, как и к «Хронике обсуждения», неадэкватно, почти фальсифицированно передавшей содержание дискуссии, обращались многие выступавшие[5], осуждавшие развернутую во всех массовых печатных органах травлю ученого. В.Б. Кобрин подчеркнул, что исследование А.А. Зимина о «Слове» достойно быть выпущенным из академического «спецхрана». Даже один из противников точки зрения А.А. Зимина в 1964 г. Г.В. Сапунов выразил сожаление о той резкости, с которой выступал не только он, но и другие критики зиминской концепции.

На последнем, заключительном заседании его участники высказали пожелание, чтобы подобные конференции памяти АА. Зимина стали регулярными, а его цикл монографических сочинений по истории средневековой Руси был удостоен Государственной премии. По завершении чтений большинство участников собралось на Ваганьковском кладбище, чтобы еще раз почтить память замечательного ученого и человека.

3 ноября 1990 г.

---

[5] Один из них, В.М. Панеях, свое мнение по этому поводу изложил и в печати (*Панеях В.М.* Об издании научного наследия А.А. Зимина // Вопросы истории 1990. № 9. С. 187–189). К сожалению, несмотря на издание монографических произведений, о которых шла речь в 1990 г., вопрос остается актуальным вплоть до настоящего времени, поскольку личный архив Зиминых передан в АРАН только 18 апреля 2014 г.

К.Г. Межова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПЛАНАХ П.И. ПЕСТЕЛЯ

«Пестель был уважаем в обществе за необыкновенные способности, но недостаток чувствительности в нем был причиноютого, что его не любили»[1].

В первой четверти XIX в. после многочисленных войн, из которых Российская империя вышла победительницей, политическое значение ее на мировой арене значительно возросло. Сыграв решающую роль в разгроме наполеоновских полчищ, Россия становится во главе «Священного союза» стран-победительниц. А в стране, показавшей свою военную мощь, усиливаются, как известно, националистические тенденции. Именно в этот период формируется сознание будущих декабристов, именно в эти годы пишет П.И. Пестель свой основной труд, названный им «Русская Правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления».

Исследователи декабристского движения, в частности академик М.В. Нечкина, считали, что над этим документом Пестель трудился около 10 лет. И тем не менее, когда на следствии Пестель заявлял, что из намечавшихся десяти глав в «Русской Правде» закончены были лишь две первые и большая часть третьей главы, четвертая и пятая были написаны начерно, а последние пять «состояли в разных отрывках», он говорил чистую правду. Таким образом, сохранились и были опубликованы обе, необходимые при рассмотрении данного вопроса главы: первая – «О земельном пространстве государства» и глава вторая «О племенах, Россию населяющих» (они дошли до нас во второй редакции)[2].

В первой главе Пестель рассматривает положение, актуальное и в наши дни. Народы, подвластные большому государству, хотят независимости и самостоятельного политического существования. Это их желание Пестель называет «правом народности». Но сильные большие государства стремятся к тому, чтобы силы маленьких народов умно-

[1] Из показаний М.П. Бестужева-Рюмина на следствии// Восстание декабристов. Т. IX. М., 1950. С. 68.

[2] Восстание декабристов. Документы. М., 1958.

жали, укрепляли их собственное могущество, а не могущество соседа. Это стремление большого государства поработить малое Пестель объясняет правилами государственной безопасности и называет «правом благоудобства».

Будущая Российская республика по плану Пестеля должна была раздвинуться до своих «естественных пределов». Это значило закрепить за Россией Дальний Восток, который тогда ей не принадлежал, и Киргизию, поскольку кочующие народы он мечтал сделать оседлыми и приучить из к землепашеству. Сожалея о «необузданности и невежестве «киргизов, автор надеялся, что придет время, когда Россия будет взаимовыгодно торговать с ними, что киргизы примут православную веру. А пока, считал Пестель, киргизы уже находятся под покровительством России, и никакая другая держава на них права не имеет. Пестель считал необходимым присоединить к России Монголию под тем же предлогом «благоудобства». Он пишет, что Монголия находится во «мнимом владении Китая», которому бесполезна. Монголы могли бы доставить России выгоды в торговле и в «устроении флота на Восточном океане». Следуя тому же «праву благоудобства», Пестель считает, что к России следует присоединить и Молдавию, так как, во-первых, «народ молдавский и бессарабский одно племя составляют, меж тем, как двум различным государствам принадлежат» (РП. С. 124), а во-вторых: современная государственная граница в таком виде не гарантирует ей безопасности.

Под «право благоудобства» для России кроме перечисленных государств Пестель подводит Финляндию, Эстляндию, Лифляндию, Курляндию, Белоруссию, Малороссию, Новороссию, Бессарабию, Крым, Грузию, все народы сибирские и другие племена, уже обитающие в России и подвластные ей, равно как и смежные с ней На основании придуманного им «права благоудобства» Пестель объявляет их на вечные времена в составе Российского государства.

Имеется и карта будущей России, где границы определены в соответствии с вышеизложенным. Но Польши[3] на этой новой карте России нет! Автор проекта проявляет неожиданное благородство и признает, что Польша заслужила «право народности»: « что же до Польши касается, то пользовалась она в течение многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство. Она бы могла и ныне сильное получить существование, если бы соединила опять в общий государственный состав все свои части, разобранные могущественными соседями. Из сего явствует, что в отношении к Польше право народности должно по чистой справедливости брать верх над правом благоудобства» (РП. С. 123). И это он писал

[3] После разгрома Наполеона, создавшего в 1807 г. княжество Варшавское из части польских земель, в 1815 г. в границах Российской империи было сформировано Королевство Польское, отданное под протекторат России.

в то время, когда не только русское дворянство, но и члены тайного общества жадно цеплялись за земли, полученные по третьему разделу Польши! Когда лишь намек на возможность возврата этих земель вызывал у них желание убить императора!

Скорее всего дело в том, что наместника России в Польше великого князя Константина Павловича Пестель планировал «убрать», и для него было бы удобней, если бы это сделали поляки. Кроме того, оговорки, обеспечивающие самостоятельность Польши, фактически сводили эту самостоятельность на нет. Оговорок было четыре:

– границы между государствами определяет Россия, Польша не имеет права вмешиваться,

– губернии, предназначенные для передачи Польше, могут быть переданы лишь ***новому*** польскому правительству. До его сформирования все остается по-старому,

– необходим союз между государствами, по которому Польша обязана – в случае необходимости – предоставить свою армию в распоряжение России,

– политическое устройство Польши должно быть организовано в соответствии с «Русской Правдой», то есть в точности соответствовать политическому устройству России.

При этом Пестель предупреждал, что в случае невыполнения сформулированных им условий «Польша останется тогда областью Российского государства» (РП. С. 125).

Определив таким образом границы, автор «Русской Правды» в следующем параграфе обосновывает свой принцип создания единой и неделимой России. Много доводов (которые порой кажутся вескими) он приводит против принципа федеративного устройства. Пестель обращается к истории России, вспоминает удельную систему и неисчислимые беды, принесенные феодальной раздробленностью и сопровождавшие ее. В случае создания федеративного государства, он предрекает России не только потерю своего могущества, величия и силы, но и самого бытия между большими государствами. Силу государства автор «Русской Правды» видит в его максимальной централизации. Ни о каком отделении земель или народов (Польша – исключение) не может быть и речи. Российское государство, по Пестелю, объявляется Единым и Неразделимым, он отвергает самый принцип федерализма и предлагает ввести новое административное деление, в качестве столицы предлагает Нижний Новгород, удобно расположенный на сухопутных и водных путях, родину Минина и исходный пункт Ополчения в период Смуты («освобождение от ига иноплеменного через Минина и Пожарского из сего города произошло)[4]. К тому же автор предлагает переименовать

---

[4] «Все воспоминания о древности новгородской дышат свободою и прямою любовью к Отечеству, а не к тиранам», – неожиданно романтично пишет суровый Пестель.

колыбель освобождения.России начала XVII в. во Владимир « в память великого мужа, введшего в России христианский закон» (РП. С. 129).

* * *

Глава ***вторая*** «О племенах, Россию населяющих» делит всех обитателей страны на три разряда. Первый – коренной народ русский, второй – племена, к России присоединенные, третий – иностранцы, живущие в России. К коренным русским народам Пестель относит россиян, малороссов (в зависимости от места проживания), украинцев, русснаков, белорусцев (так у автора). Пестель утверждает, что язык у этих жителей России один и тот же, различны лишь наречия, а вера в основном везде православная.

На характеристике «племен, к России присоединенных», следует остановиться подробнее, так как именно по отношению к населению этого «разряда» и проявляется наиболее четко позиция автора.

Племя ***финское*** («печальных пасынков природы») Пестель делит на три части. Первая – жители, населяющие собственно Финляндию. Они, по мнению автора, почти совсем обрусели, поскольку давно уже живут в пределах Российской империи. Вторая часть – это кочующие народы: лопари и остяки, для которых Пестель предлагает устраивать училища по изучению русского языка. Третья часть – это финны, живущие в различных местах России, которых Временному Верховному Правлению надлежит охранять «от частного ига их правителей», просвещать и, желательно, обращать в православную веру[5].

По отношению к ***латышскому*** племени Пестель предлагает такой же порядок, который будет установлен в республиканской России после свершения революции.

Частью латышского племени Пестель считает литовцев или ляхов (жителей Виленской и Могилевской губерний). Более половины их по плану Пестеля должны будут отойти к Польше (естественно, без их согласия).

Племя ***молдавское,*** которое населяет Бессарабию и Господарство Молдаванское, «имеет быть приобретено и к России присоединено». Создатель «Русской Правды» считает, что «все средства должны быть приняты, дабы дать возможность сим двум областям совершенно обрусеть (РП. С. 141).

Что касается «колонистов, в России поселенных» (немцев, болгар и волохов), то предлагается делать все для того, «дабы они удобнее и скорее могли обрусеть» (РП. С 142).

Особое внимание Пестель рекомендует обратить на «***народы кочующие***». «Они суть люди полудикие, – пишет он, – а некоторые даже и

---

[5] Надежды Пестеля не оправдались: в современной цивилизованной стране, управляемой президентом и парламентом, большинство населения, говорящего на родном и шведском языках, исповедует лютеранство.

совсем дикие, люди, не знающие собственной своей пользы, в невежестве и уничижении обретающиеся» (РП. С 142). Основная же помощь им состоит в том, «чтобы открыть им свет православной веры и лучи истинного просвещения, посылая к ним для того миссионеров» (РП. С 143). Гораздо жеще позиция Пестеля по отношению к цыганам, принадлежащим к той же группе кочующих народов: они должны либо принять православную веру или покинуть Россию.

«Племя татарское», по классификации автора, также состоит из трех частей. На первых, живущих на Кавказе, он распространяет законы «народов кавказских», вторых – кочующих присоединяет к народам кочующим, кои «не имеют прав гражданских» (РП. Гл. 3. С. 308). Третьи – это татары, живущие в России. Им, исповедующим магометанскую веру, как считает автор, идеально было бы принять Святое крещение. Но склонять их к этому предлагается дружелюбно, без насилия. Последнее ограничение упоминается впервые, из чего можно заключить, что по отношению к другим народам насилие вполне допустимо и полностью оправдано. Однако и они должны невзирая на свои обычаи и верования – даже до принятия православия, отказаться от многоженства, поскольку «обычай сей противен православной вере» (РП. С 143). Кроме того, Пестель считает несправедливым содержание татарами жен взаперти (Очень трогательно! И это при том, что женщины не получают избирательных прав...). Иных претензий у автора к татарам нет, и он предлагает «даровать им всем [то есть мужчинам] частные гражданские права наравне с русскими» (РП. С 144).

К ***кавказским народам*** Пестель относится более нетерпимо. Он пишет, что они, «исповедуя разные веры, говоря на разных языках и имея разный образ правления, в одной только склонности к буйству и грабительству между собою сходными оказываются». Он отмечает и их «свирепый и хищный нрав» и «отважность и отличную предприимчивость». Пестель считает, что этот богатый край «некогда в полном изобилии процветал», беда лишь в том, что «народы полудикие владеют сею прекрасною страною». Мирными и дружелюбными средствами, по мнению автора, склонить эти народы к спокойствию невозможно, поэтому следует «решительно покорить все народы, живущие, и все земли, лежащие к северу от границы, имеющей быть протянутою между Россиею и Персиею, а равно и Турциею, в том числе и приморскую часть, ныне Турции принадлежащую» (Там же). Разделив все народы на мирные и буйные, следует первых оставить в их селениях и дать им российское правление и устройство, вторых же – буйных, – «силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям». Одновременно необходимо «завести на Кавказской земле русские селения и сим русским переселенцам раздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних его обитателей» (РП. С 144–145).

Сравнение проекта Пестеля с практикой североамериканцев явно не в пользу прожектера: североамериканцы, отвоевывая себе место под солнцем, оставляли коренным жителям материка – индейцам – часть территории, так называемые резервации, где те могли жить по своим законам, говорить на своем языке. А здесь: «изгладить на Кавказе даже все признаки прежних его обитателей» – ведь это значит уничтожить народ! Читать такое страшно, особенно зная, что это не слова обывателя, а законодателя свободной новой России...

Трудно понять, почему Пестель, не служивший на Кавказе, не воевавший с его народами, так отзывается о них. Генерал Алексей Петрович Ермолов, командующий русской армией на Кавказе, скорее всего, не читал этих положений Пестеля, хотя его и подозревали в связях с декабристами. А если читал, вряд ли бы одобрил предложения столь жестоких мер Павла Ивановича. Конечно, Ермолов, проводя правительственную политику присоединения Кавказа к России, сражался с горцами, тоже был жесток, но не отвергал мирных мер, сумев добиться уважения горцев. Современники отмечали даже, как много хорошего он сделал для этого края.

По поводу военных действий на Кавказе член общества декабристов генерал М.Ф. Орлов писал в 1820 г., что «это дело исполнится не штыками, но временем и просвещением, которого и у нас не избыточно[6]. А у адмирала Н.С. Мордвинова, прогрессивного деятеля, идейно близкого к декабристам, есть даже исследование 1816 г. под названием «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей». Стало быть, люди, считавшие возможным «склонить сии народы к спокойствию средствами кроткими и дружелюбными» (говоря языком Пестеля), существовали в России и до создания «Русской правды» идеологом будущей революции...

Характеризуя ***народы сибирские***, последний полагает, что часть этих народов должна быть отнесена к кочующим. Что же касается оседлых, то, по мнению Пестеля, они мало занимаются земледелием, поскольку земля неплодородна, но, несмотря на это, предлагает «продолжать средства изыскивать к введению земледелия» (РП. С 146). И, конечно, он уверен, что введение христианской религии будет способствовать «смягчению суровых нравов, распространению просвещения и образованности (позволительно спросить: быть может, и повышению плодородия земли?)

В этом же параграфе привлекает внимание следующее положение: «Самые несчастные народы суть те, которые управляются Американскою компаниею. Она их угнетает, грабит и нимало о существовании их не заботится: почему и должны непременно сии народы от нее быть совершенно освобождены» (РП. С. 146). Речь идет, очевидно, об Аля-

---

[6] Цит. по: *Семенова А.В* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 112.

ске[7], где с 1798 г. существовала Российско-Американская компания, получившая права монопольного владения промыслами и ископаемыми.

Народ ***еврейский***, по мнению Пестеля, отделен от всех прочих народов своей особой верой, которая в будущем предполагает господство евреев над всеми остальными народами. Преувеличивая роль раввинов (у Пестеля – рабины), автор утверждает, что они держат народ «в неимоверной зависимости», «всякое приказание, ими данное, исполняется свято и беспрекословно: они даже жизнью евреев располагают по своему произволу» (РП. С 146–147)[8]. Пестель приписывает раввинам огромную власть, полагая, что они запрещают чтение любых книг, кроме Талмуда и «некоторых своих духовных книг». Автор делает справедливый вывод о том, что «народ, не могущий просветиться, останется всегда во власти предрассудков», вывод, который, впрочем, в равной степени относится и к любому другому народу, как бы при этом не понимать термин «просвещение» – духовное (у Пестеля – православной верой) или светское. Новое обвинение гласило: поскольку евреи ожидают Мессию, они не желают заниматься не только земледелием, но и ремеслом, а находят себе источники пропитания другим способом: «нет тех обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли» (РП. С 147).

В связи с этим он упрекает «прежнее (?!) правительство, которое якобы сдишком благосклонно относилось к евреям (они не поставляли рекрут, имели право не сообщать об умерших, иметь резников (лиц, обладавших исключительным правом резать животных, предназначенных в пищу), воспитывать детей по своему усмотрению, печатать книги с благословения одних раввинов, судиться между собой при соучастии последних. Вывод идеолога революции: евреи пользуются в России бóльшими правами, чем христиане, поскольку законы государства Российского не распространяются на них. Чтобы исправить существующее положение вещей, Пестель предлагает содействовать евреям «к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии» – «пройдя всю Европейскую Турцию... перейти в Азиатскую и там, заняв достаточно места и земли, устроить особенное Еврейское государство». Ради осуществления этой идеи следует назначить сборный пункт для русских и польских евреев и даже «дать несколько войска им в подкрепление» (РП. С 148). Автор, очевидно, сознает, что обрекает целый народ на верную гибель, поэтому свою идею осторожно формулирует как пожелание Временному Верховному Правлению.

Подобные предложения декабриста трудно связать с его собственным жизненным опытом. П.И. Пестель в качестве командира Вятско-

---

[7] Аляска была продана США в 1867 г. С 1959 г. является одним из штатов, процветая за счет туризма.

[8] Не подлежит сомнению, что Пестель быд образованным человеком, но скорее всего Ветхий Завет он знал не очень хорошо.

го пехотного полка несколько лет прослужил в украинском местечке Липцы недалеко от г. Тульчина, находившегося в черте оседлости, и не мог не видеть царившей в среде евреев нищеты и забитости. Пестель в своем проекте «забыл» упомянуть об унизительной «черте оседлости», в пределах которой лишь мальчики могли получить начальное религиозное образование в хедере, а проживание и тем более обучение за ее пределами было запрещено. По-видимому, антисемитизм Павла Ивановича – наследственный. В письмах его отца встречаются замечания о кознях «жидов и контрабандистов». Антисемиты встречались и среди декабристов, некоторые из них считали, что не только помещики, но и евреи разоряют русских крестьян. Да и сам Пестель был согласен с этой точкой зрения. По его словам, русские крестьяне находятся в должниках у евреев, «отчего и разоряют они ужасным образом край, где жительствуют» (РП. С 147). Комментарии, пожалуй, излишни...

Особый параграф «Русской Правды» посвящен иностранцам – подданным и неподданным. К первой группе автор относит постоянно проживающих в России – немцев, поляков, армян, греков и других иноземцев, добровольно присягнувших на российское подданство и тем самым признавших себя русскими. Если же иностранец не желает этого делать, он обязан подать прошение Верховному Временному Правлению об освобождении его от русского подданства. В этом случае иностранец поступает во второй разряд – иностранцев, проживающих в России временно, которые на подданство ей не присягали. Если же в установленный срок такое прошение не будет подано, иностранец без всякого дальнейшего объяснения русским признается». Таким образом можно добиться того, чтобы в России проживали иностранцы, не принесшие ей присягу, то есть люди временные. Таким «гостям», заявляет Пестель, Россия всегда будет рада и «будет им всякое покровительство и всякую любовь оказывать» (РП. С 149). При дальнейшем чтении «Правды» предшествующее заявление превращается в фарисейство: подобным гостям запрещается иметь в России какое бы то ни было недвижимое имущество, пользоваться теми правами, которые предоставляются российским подданным, наконец, «вступать в государственную службу или какую-нибудь отрасль правления и продолжать оную». То есть иностранец может приехать в Россию только туристом, а заняться чем-нибудь серьезным – основать свое дело, работать в интересующей его области, учиться или, представьте, учить – возможности не имеет. Нет у него, у иностранца, никаких прав в этой стране, никаких перспектив на будущее! Скоро забыл Павел Иванович, что, когда около двух веков назад его предки приехали в Россию из Саксонии, встречены они были гораздо гостеприимнее – обосновались, обустроились, немалых должностей достигли. Сам Павел Иванович и Пажеский корпус мог окончить, брат его Владимир стал полковником лейб-гвардии Кавалергардского полка, отец их также занимал должности почетные – не

взирая на то, что вся семья была лютеранского вероисповедания. А по «Русской правде», если бы не принял немец русского подданства, вскоре стал бы кем-то вроде нынешнего «бомжа»...

Понимал ли Пестель, предлагая такие крутые меры в отношении иностранцев, что он отделяет ***Россию от всего остального мира***, от его цивилизации, его просвещения, от экономики и торговых связей в конце концов? Трудно сказать. Но несомненно другое: автор все время подводит нас к выводу «***все племена должны слиться в один народ***», который и вынесен в заголовок последнего параграфа второй главы. Автор глубоко убежден, что Временное Верховное Правление «в отношении к различным племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ, и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские». При этом, конечно, необходимо, чтобы «на целом пространстве Российского государства господствовал один только язык российский». Законы во всей стране также должны быть одинаковы. Пестель мечтает, чтобы «вся Россия на целом своем пространстве бы являла вид Единородства, Единообразия и Единомыслия» (РП. С 149). Тогда – уверен автор – «все различные племена, в России обретающиеся, к общей пользе совершенно обрусеют и тем содействовать будут к возведению России на высшую ступень Благоденствия, Величия и Могущества» (РП. С. 150).

А между тем в наши дни, наблюдая распад наследника огромной империи – Советского Союза, с кровавыми распрями, с заново вспыхнувшей ненавистью народов друг к другу, все же приходишь к иному выводу. Только добровольное воссоединение наций может стать основой Благоденствия (о коем мечтал Пестель) страны. По образному выражению Фазиля Искандера, такое государство подобно ковру с многоцветным причудливым орнаментом, составляющим его прелесть.

«Вхождение» одного народа в другой, растворение в нем – процесс чрезвычайно болезненный. Примеров тому множество, один из них – эмиграция. Известно, что большинством людей отрыв от основы, от традиций, от обычаев *своего* народа переживается болезненно. Чужой язык, чужие нравы – даже для молодого поколения требуется определенное нравственное усилие, чтобы влиться в новую среду. И это при добровольности выбора подобного шага! Если же нация, племя ***вынуждено*** войти в состав другого государства да еще (что бы там ни говорил Пестель) встать в неравноправное положение к его ведущему народу – тогда еще тяжелее. Однако иноплеменникам автор «Русской Правды» не оставлял даже возможности говорить на родном языке! Единые законы! Единый язык! Единая вера![9] Подвластному народу все равно пришлось бы жить под постоянным нажимом, он не мог бы

[9] Вызывает удивление, что лютеранин Пестель так ратует за православие...

чувствовать себя равноправным – ведь цель-то была слиться в единый ***русский*** народ!

Первые русские революционеры хотели сделать людей свободными и счастливыми. Но свободный человек тем и отличается от несвободного, что обладает ***правом выбора***. Пестель лишал этой возможности сотни тысяч людей, не говоря уж о тех, кто подвергался прямому насилию, кто изгонялся со своих мест обитания, подвергался насильственной христианизации.

Вряд ли все члены Южного общества одобряли предложенные Пестелем меры. Что же касается «северян» – членов «Северного общества», то можно с уверенностью предположить, что ни М.С. Лунин, ни Н.М. Муравьев, ни И.Д. Якушкин, ни И.И. Пущин, как и многие другие, не разделяли экспансионистских, шовинистических воззрений автора «Русской Правды». Да и Пушкин, мечтавший о времени, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся», наверное, представлял его себе иначе, чем Пестель.

05.04.[19]93

А.Л. Хорошкевич

ПОДРАНОК ОКТЯБРЯ[1]

Он в истории дома, а я – гостья.
А.В. Новская

Есть что-то очень неприятное в том, что девяностолетие Александра Алесандровича Зимина мы отмечаем в тридцатилетие его кончины 25 февраля 2010 г. Невольно встает вопрос, почему на 2010 год приходится тридцатилетие, а не десятилетие и на худой конец – двадцатилетие. Ответу на этот вопрос, вероятно, кому-то кажущийся странным, и посвящено мое выступление, вернее, его вторая часть. Должна признаться, что каждое посещение бывшей Высшей партийной школы, а ныне Российского гуманитарного университета, пробуждает воспоминание о моем первом знакомстве с этим зданием. В библиотеке ВПШ работала вдова Серго Орджоникидзе. Поскольку большинство членов семей старых большевиков страдало от туберкулеза, а моя бабушка работала в профильной больнице «Высокие горы», то меня сосватали к этой миниатюрной и хрупкой интеллигентной даме. Дрожа и оглядываясь по сторонам, она выдавала мне лекции К.В. Базилевича для учащихся этой школы. Лекции мне очень помогли усвоить курс, а фигурка обаятельной, но жалкой и испуганной женщины мешает чувствовать себя здесь спокойной и свободной.

Таким образом, даже само помещение, с изменившимися интерьерами и, кажется, даже назначением, располагает к тому, чтобы попытаться осмыслить роль, место и особность Зимина среди отечественных историков советского времени.

Может быть, попытка моя слишком смелая и даже наглая, ибо о биографии и творчестве Александра Александровича к нашему времени написано столько, что, кажется, и прибавить нечего. Кто только не писал… Профессиональные историографы (А.М. Дубровский), ученики, в том числе и такие, кто периодически – в зависимости от конъюнктуры – вспоминающие о том, что некогда они находились в этом положении (М.Е. Бычкова и др.), коллеги, по преимуществу зарубежные (среди них выделяется тщательностью анализа источниковедческих приемов А.А. Зимина статья Д. Уо). И наиболее основателен в качестве

[1] Текст выступления на заседании памяти А.А. Зимина 25 февраля 2010 г. в РГГУ.

биографа оказался С.М. Каштанов, систематизировавший творчество своего учителя и разделивший его творчество на шесть этапов, что я честно и повторила в одной из энциклопедий. Теперь могу сказать, что сделала это напрасно. Периодизация должна быть иной, да и не только творчества, но и ***жизни***, определившей и характер творчества, и судьбу.

Вся жизнь А.А. Зимина, несправедливо короткая, уложилась в пределах советского времени, конца которому он и не чаял, полагая – не без оснований, как мы теперь видим, – что этот монолит неразрушаем. Тем не менее судьба была и милостива и жестока одновременно. Родившийся сиротой – уже после смерти отца (истории знаком факт появления тех, кого звали posthumus, pogrobek), он благодаря этому избежал зачисления в «почетный» разряд членов семьи изменников родины, куда он, как сын полковника царской армии, был бы неизбежно зачислен несмотря на вступление отца в Красную армию, для конницы которой тот и пытался раздобыть фураж на юге России в 1919 г. Даже если бы Александр Иванович снабдил фуражом все воинство Буденного не только для его «побед» над Пилсудским, но и на много лет вперед, в 30-е годы это его бы не спасло, как и его сына…

Александр Александрович появился на свет в период военного коммунизма с его безжалостным голодом и разрухой. И все-таки появился и не сгинул, как множество его сверстников – младенцев 1920 г. Мне как-то не довелось спросить, за счет чего семейство выдержало это страшное испытание, но, что это было за время, я хорошо знаю из рассказов собственной матери и бабушки. Младенец уцелел – и это было счастье… Но какой младенец? С уже заложенными от недоедания склонностями к болезням, с повышенной возбудимостью, тянувшийся ввысь, видимо в отца, и тощий – вовсе не в мать. НЭП – даже в его двух вариантах – оказался слишком короток, чтобы дать возможность молодому организму в городских условиях окрепнуть и набраться сил на всю жизнь.

Итак, ***первый*** этап, открывшийся рождением и сохранением жизни в младенчестве, продолжился детством и отрочеством, более милосердными к новому обитателю земли, нежели условия его появления. Духовным багажом мать и многочисленные тетушки, как правило, одинокие, снабдили его на всю жизнь и начали это делать тогда, когда обычные дети все еще играли в кубики и нанизывали кольца в пирамидках. А Саша прыгал по коммунальному коридору и цитировал пушкинскую «Полтаву»: «И он промчался пред войсками, могуч и радостен, как бой». Подобными прыжками и ограничилось участие мальчика в спортивной жизни страны. Это естественно, ибо его окружение до 1925 г. было женским, да и отчим мало интересовался физическим развитием пасынка. Ни о каком «Соколе», знаменитом гимнастическом обществе, куда почти гурьбой ходила интеллигентная молодежь до Октября (см., например, дневники С.С. Прокофьева) и после 1917 г.

оставашемся центром притяжения подростков, юношей, девушек, или о чем-то подобном и речи не было. Отрочество прошло без физкультуры и спорта… Которые, однако, были бы не лишними для осуществления честолюбивых мечтаний, в частности о деятельности хирурга, которому по самому существу профессии требовалось воловье здоровье. Не помню, как Александр Александрович объяснял изменение юношеских намерений. Свою роль сыграли семейные предания, семейный же интерес к истории рода, интерес отчима к истории вообще и, возможно, восстановление преподавания этого предмета в школе (как случилось у его сверстника и друга последних лет А.А. Формозова). Вероятно, более точный ответ содержится в автобиографической эпопее «Сумерки и надежды» и главке из «Храма науки», которые, к сожалению, до сих пор не опубликованы.

Школьные 1928–1938 годы можно считать либо ***вторым***, либо промежуточным этапом становления личности, проходившем на фоне Малого (1927–1933) и Большого (1934–1939) террора. В эти годы – несмотря на блистательные успехи в школе, у него сложилось ощущение своей социальной неполноценности – с советской точки зрения – сына не просто «служащего», званием которого прикрывались представители интеллигенции, чиновники, военные и прочие члены «привилегированной» части дореволюционнного общества после 1917 г., а полковника царской армии. Это ощущение ущербности присутствовало в мироощущении А.А. Зимина до самой его смерти. Однако до времени судьбы хранила полковничьего сына. Промежуточный этап благополучно завершился: не сел, не привлекался, с родственниками за границей (если бы даже таковые оказались) не общался.

Третий этап был переломным, он начался с легкого для него, как отличника, поступления в МГУ в 1938 г. – уже после того, как исторический факультет подвергся «чистке», в ходе которой наиболее яркие и талантливые преподаватели расстались с жизнью. А решающей в его судьбе оказалась встреча с сокурсницей Анной Васильевной Новской. Впрочем, ее первое впечатление от этого знакомца были не очень благоприятно для него: «Урия-тип. У этой маленькой змейки, высушенной пламенем честолюбия, чуть-чуть лошадиный подбородок, измученные бесформенные губы и неожиданно великолепные глаза»[2]. Саша Зимин очень изменился под влиянием «Анечки». Анна Васильевна долго и терпеливо объясняла этому, еще слегка легкомысленному и внутренне не созревшему сокурснику, но зато сталинскому стипендиату 1940/41 учебного года, и особенности страны, в которой им довелось жить, и роль вождя и учителя, славимого не только в разных ее уголках, но и в других странах. Ее письма 1941–1942 годов из Москвы в Ташкент поражают фантастической откровенностью, удивительной для молодого человека интуицией и прозорливостью. Эти качества сближают ее с

[2] Цитирую по ее дневнику, фрагменты которого, как и писем А.В. Новской, А.А. Зимин распечатал специально для меня в 1957 г.

величайшим философом России первой половины XX в. Георгием Петровичем Федотовым. Стандартный тип новых честолюбцев от сохи и от станка получил название homo soveticus. Г.П. Федотов писал об этой «европейско-американской интеллигенции: «Поколение, воспитанное революцией, вгрызется зубами не только в гранит науки, но и в горло своего конкурента-товарища.[...] жалость для них – бранное слово, христианский пережиток». Поднявшаяся из низов новая интеллигенция, как и весь народ, чрезвычайно быстро приобщалась «цивилизации в ее поверхностных формах»[3], но теряя при этом традиции русского гуманизма. В отличие от этого нового типа людей Анна Васильевна была полна сострадания, милосердия и любви, поистине переполнявших ее душу. И она нашла отклик своему мироощущению в Зимине. Встреча таких людей была поистине счастьем для обоих. Увы, оно оказалось почти мимолетним и завершилось трагедией.

Война, казалось бы, обошла Сашу Зимина стороной. Но это не так. Летом 1941 г. после второго курса он работал слесарем на автозаводе имени, разумеется, Сталина (позднее имени Лихачева). Металлическая стружка в сочетании с недоеданием и курением, к которому он пристрастился еще в школе, принесли свои плоды в виде начавшегося туберкулезного процесса в легких, болезни, в отсутствие пенициллина и стрептомицина безжалостно косившей в те времена молодежь, правда, по преимуществу женщин. Эвакуация в Ташкент и заботы его руководителя и наставника С.В. Бахрушина на этот раз спасли жизнь будущему великому ученому, который по возвращении в Москву в декабре 1942 г. был зачислен в аспирантуру, пребывание в которой завершилось в январе 1947 г. Но за это время его постиг тяжелейший удар – кончина от страшнейшего токсикоза (эклампсии) в родах в апреле 1944 г. жены и двоих сыновей.

Третий этап завершился разбитым вдребезги «корытом»: ни жены-друга, ни детей. Однако к этому времени созрел талант, который требовал от его носителя безостановочной каторжной работы. Александр Александрович похудел еще больше, оброс бородой, остались «великолепные глаза», подернутые неизбывным страданием. Тем не менее, несмотря на депрессию и продолжавшуюся болезнь, он в аспирантуре снова был сталинским стипендиатом, подготовил диссертацию о землевладении и социальном составе Иосифо-Волоколамского монастыря в шести томах. Архивные находки, сделанные в эти трагические для него годы, в дальнейшем послужили базой для новых и самых разных исследований.

Погрузившись в рукописные источники, подобно герою Конан Дойла разгадывая тайны прошлого и делая это с присущим ему увлечением, он если не изживал, то утишал боль потери. Работа в Отделении истории, преподавание в МГИАИ, женитьба на Валентине Григорьевне Лапши-

---

[3] *Федотов Г.П.* Письма о русской интеллигенции// *Он же.* Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 165–167; *Он же.* Создание элиты// Там же. С. 207–209.

ной и появление детей открыли новый, ***четвертый*** этап, чрезвычайно плодотворный, продолжавшийся 17 лет (1947–1964 годы). Казалось, бури уже позади. Даже пресловутая борьба с космополитизмом, на поверхностный взгляд, его не задела. Однако в ходе этой великой кампании по уничтожению интеллигенции жертвой необычайного рвения «борцов» на истфаке МГУ пали К.В. Базилевич и не перенесший гибели своего любимого ученика С.В. Бахрушин. Да и сам А.А. Зимин пришелся не ко двору в родном университете. Его преподавание на сотрясаемом борьбой с «космополитами» факультете ограничилось одним 1951/52 учебным годом. Должна признаться, что я – уже второкурсница ни на заседаниях кафедры отечественной истории, руководимой неизменно вечным ортодоксом Б.А. Рыбаковым, ни в коридорах факультета его не заметила. Позднее он вел источниковедческий семинар на первом курсе, как свидетельствует его вводная лекция в МГИАИ, с самого начала готовил высококачественных профессионалов. Однако в МГУ преподавания было другое, нежели в МГИАИ: общефилософский марксистско-ленинский взгляд на прошлое для будущих идеологов и организаторов, деятелей единственной партии, хотя тогда еще не именовавшейся единой, а не овладение профессиональной техникой ученых, от отсутствия которой я страдаю до самой старости, оказавшись не в силах ликвидировать пробелы университетского образования. Обязательным для МГУ – и в особенности в условиях 1949–1952 годов – было членство в партии, в которой Александр Александрович никогда не состоял. Кроме того, продолжая исследовать историю Средневековья, он, как и его учитель С.В. Бахрушин, занимался эпохой Ивана Грозного, ставшего с 1937 г. кумиром и образцом для вождя всех народов и друга детей – Сталина. Объективная же оценка деятельности первого царя – «тирана Васильевича», по определению одного из его зарубежных современников, отнюдь не способствовала службе Зимина в МГУ.

Поэтому мое знакомство с Александром Александровичем Зиминым состоялось лишь в 1954 г., на консультации перед вступительными экзаменами в аспирантуру. Поразила катастрофическая худоба, исполненные страдания глаза и воодушевление и легкость общения с абитуриентами, которым он повествовал о своей концепции истории России времени Грозного. Он держал себя не как почтенный ученый, а мальчишка, нечаянно оказавшийся в роли взрослого. На первом же подаренном мне оттиске написано: «Дорогой Анне Леонидовне от Саши Зимина». Я не привыкла к такому обращению, но еще больше удивило уничижение собственной особы. Почему Саша? Что скрывалось за стремлением быть для всех – не для меня одной[4] – Сашей? А не Александром Александровичем или хотя бы Сан Санычем? К этому порой добавлялось:

[4] Александр Александрович упорно настаивал, чтобы я звала его Сашей. Мне мешала возрастная и ученая дистанция. Я сдалась один раз, да и то в письменном виде на фотографии в соответствующе или даже экзальтированно трогательном контексте.

«Я маленький, я тихенький», что абсолютно не соответствовало действительности, ибо, когда он спорил с «лучшим другом» – парторгом сектора истории СССР периода феодализма «Вовой Пашуто» – или Вадимом Ивановичем Корецким, к абсолютно корректным возражением добавлялись молнии, нечаянно вылетавшие из его глаз. Что касается «грозы», то и мне доставалось «по первое число». Прочитав рукопись статьи о суконной торговле, Александр Александрович обнаружил, что я цитировала третий том летописи первого издания, не держав его в руках. Позднее он упрекал меня в вечной спешке, неаккуратности и цинизме. Глаза при этом становились стальными, темнели, как ночь…

Так что же скрывалось за уменьшительным «Саша»? Это была не поза, а внутреннее состояние души, отвергавшей всякий официоз – советский, советско-профессорский, в частности, и изрядно пошлый. В отличие от многих других (например, Е.В. Тарле), он никогда не стремился быть или даже казаться профессором. Быть на равных со всеми – от гардеробщицы до академика и в отношения с ними внести дружескую человеческую ноту доброты и внимания. Умаляя себя, он поднимал тем самым коллегу, собеседника или тем более друга. Был, конечно, в этом и элемент мимикрии, даже не социальной, а просто профессиональной: с «маленького и тихенького» какой спрос. Принижая себя, он тем самым спасал свой талант от мелкой и крупной зависти, тем более, что завидовать было чему. К середине 50-х годов Зимин был издателем и соиздателем целой серии публикаций источников (Тысячной книги и Дворовой тетради, Одного из списков Троицкой летописи – в самый антикосмополитический 1950 год; Актов социально-экономической истории XIV–XV вв., памятников русского права и т.д. и т.п.). В стране полного бесправия он ухитрился основать серию «Памятники русского права», которые начали выходить в 1950 г. К тому же обнаружились не свойственные большинству коллег организаторские и деловые способности, сопровождавшиеся посторонними от Института истории заработками. А уж последнего простить было невозможно[5].

Даже самый благополучный период жизни А.А. Зимина был омрачен запретом выезда за границу. Он единственный раз участвовал в советско-восточногерманской конференции 1960 г. «Паллас-Ломоносов-Шлецер», после чего стал «невыездным». Не знаю, кто был виновником этого – Петер ли Хоффманн, который, как выяснилось в 90-е годы XX столетия, был сотрудником Штази, или советские спутники, судить не берусь. Однако после этого А.А. перестал приглашать к себе домой иностранных коллег, среди которых он пользовался большим авторитетом, – к нему тянулись за консультациями не только по советской, но и по мировой литературе русского Средневековья (позднее я слышала адресованные ему слова благодарности за эти консультации от многих

[5] Недаром против И.И. Минца в начале 50-х годов выдвигался упрек в том, что он имел слишком много аспирантов, не отдавая коллегам ни куска из этого пирога.

известных зарубежных русистов-медиевистов), а назначал им свидания в институте – на Волхонке и на Профсоюзной и разговаривал с ними не в наших комнатах, а вышагивая по коридору. Кстати, этим же местом воспользовался однажды Лев Владимирович Черепнин: догнав меня в коридоре и нервно подтягивая при этом брюки, он сказал, что ко мне приставлена одна из сотрудниц сектора, тщательно следившая за тем, что я записываю во время заседаний.

Четвертый этап жизни и творчества завершился, однако, отнюдь не мелкими неприятностями, а настоящим ураганом. На волне так называемой хрущевской «оттепели» в 1964 г. А.А. Зимин издал монографию об опричнине с диаметрально противоположной прежней сталинской оценкой этого мрачного периода русской истории. А несколько ранее, занимаясь анализом актового материала Троице-Сергиева монастыря, он «святотатственно» – как сказали бы теперь – обнаружил целую серию монастырских подделок земельных грамот – разумеется, в пользу монастыря. И, настропалившись на обнаружении подобных случаев, легко обнаружил несостыковки концепции относительно древнего происхождения «Слова о полку Игореве» в так называемом «красном сборнике» Пушкинского дома[6].

И понеслось... Увлеченный детективным расследованием этого памятника, по его вполне справедливому мнению, более позднего, чем считалось ранее, он забыл обо всем – и об осторожности (чему способствовали еще неисчезнувшая «оттепель» и иллюзия безопасного тыла благодаря Лапшинскому семейству партийных функционеров), и о карьере. И о других ученых начинаниях. Его несло как цунами – на штурм одной из опор официального «патриотизма» безрассудно и неостановимо. Его слуха не достигали доводы разума и уговоры друзей и благоразумных учеников подождать с обнародованием результатов исследования этого памятника, так необходимого русской культуре XVIII в. в связи с надеждами славянских народов, не имевших собственной государственности, на помощь России в освобождении от османского и габсбургского «ига». Еще более необходим был этот памятник самой России, ибо его наличие доказывало великую древность этой страны (пусть и не такую седую, которой награждал свою родину М.В. Ломоносов, но все-таки...). А.А. Зимин поднял руку на оплот официального патриотизма не только XIX в., но и XX, в том числе «советского». В результате 1964 год, долженствовавший быть годом его триумфа (два академика АН СССР Б.А. Рыбаков и М.Н. Тихомиров выдвинули его кандидатом в члены-корреспонденты АН), превратился в год его ожесточенной травли.

Внешняя канва всем хорошо известна. После знаменитого заседания в Отделении истории, к которому было напечатано 100 нумерованных экземпляров доклада А.А. Зимина и на котором я – к своему вечному

---

[6] Слово о полку Игореве – памятник XII в. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1962.

стыду и позору – отсутствовала, опасаясь лишить сына молока, вой поднялся почти такой же, как в эпоху борьбы с космополитизмом. Но на этот раз жертва была одна, а строй уже лишился драконовой головы. Из института не выгнали, из редколлегии многотомной истории СССР с древнейших времен – тоже, хотя и прорабатывали в ЦК КПСС, Отделении истории и в нашей самой демократической и толерантной прессе. Но все это не главное. 1964 г. принес большую душевную драму «ниспровергателя» и «скептика» – М.Н. Тихомиров, ранее не просто хорошо, но нежно относившийся к одному из своих соиздателей, стал звать Александра Александровича «паном Зиминым». К этому добавилось исключение из состава Бюро основанной или, вернее, во второй раз (после А.И. Андреева) восстановленной М.Н. Тихомировым Археографической комиссии, но и это не главное: двое его аспирантов МГИАИ ушли к другому преподавателю, хотя один из них должен был бы быть по гроб жизни благодарен своему руководителю, о чем, конечно, АА. Зимин никогда не упоминал и не написал: АЛ. Станиславский на практике в Библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина нарушил правила и подлежал исключению, если бы не заступничество А.А. Зимина за талантливого ученика…И эта рана «измены» не закрылась до самой кончины…

В связи с темой об учениках я бы хотела коснуться смежной – о научной школе А.А. Зимина. Возможно, я ошибаюсь, но школа – это сообщество ее главы с учениками не только в чисто профессиональных, чисто методических вопросах исследования, но и взаимопонимание в нравственных и этических. В первом смысле – конечно, школа Зимина существует и благодаря С.М. Каштанову процветает. Но относительно взаимопонимания, можно усомниться, если учесть, что некоторые ученики Зимина, не выдержав необходимого для продолжения советской карьеры двоемыслия, расстались с историей, другие уже в наше время прославляют тирана Грозного за государственную мудрость и ученость, запудривая мозги соотечественников с помощью телевизионных передач более результативно, чем это делал даже великий исторический оракул А. Фоменко, ловко спекулировавший на невежестве народа и его недоверии к официозу, третьи – причисляли себя к воспитанникам В.Т. Пашуто. Однако вина последних значительно выше – уже в силу их профессионализма. Так о какой школе может идти речь?[7] Пожалуй, единственными учениками можно считать С.М. Каштанова и В.Б. Кобрина, который, никогда не обучаясь у А.А. Зимина, гордо и с полным основанием называл себя его учеником.

Сам Александр Александрович по отношению ко мне – образец верности в дружбе. Когда я отправилась в первую командировку в ГДР (на ганзейский съезд на о. Рюген в 1976 г.), по незнанию не оставив

[7] Это еретическое сомнение и размышление я положила в основу одного из выступлений на чтениях Пашуто–Зимина 2005 г. «Двадцать пять лет без Зимина или все-таки с ним?», за что вообще не была допущена к участию в Чтениях…

«докладной записки» в Дирекции, возник скандал, в котором Зимин защищал меня как лев. В другой раз я объявила на заседании сектора, что из-за публикации полоцких грамот осталась ненаписанной плановая монография, и относительно этого, де, существовал «джентльменский» договор с Черепниным. Опять скандал («Вы оскорбили Льва Владимировича» – Н.В. Синицына), рев и решение во что бы то ни стало отчитаться за план. А это 1979 год – последний для Александра Александровича, как он и предчувствовал, а посему лихорадочно приводил в порядок архив и дописывал то, что еще мог сделать «Витязя на распутье». Отчитаться-то отчиталась, но не я, а «мы». Сказать, что я писала «Русское государство» 1980 г. под его диктовку, было бы неверно, но он щедро снабжал меня книгами и по телефону бесконечными идеями (что я сдуру не отмечала каждый раз). Все это требовало усилий и времени, столь ограниченного и драгоценного для него.

Между тем ощущение одиночества, постоянно усиливавшееся, становилось преобладающим. На подставке маленького парусника, подаренного по случаю какого-то праздника в середине 70-х годов (дата не указана), Александр Александрович написал фрагмент песни из телефильма «12 стульев»:

Пусть бесится ветер жестокий
В тумане житейских морей,
Белеет мой парус, такой одинокий,
На фоне стальных кораблей.

Тем не менее благодаря Павлу Васильевичу Волобуеву, тогдашнему директору Института истории СССР, в академическом издательстве «Наука» было позволено напечатать «Холопы на Руси» (1973), «Крупная феодальная вотчина» (1977) и на ротапринте Института «Государственный архив» (1978). Эти издания подводили своеобразный итог архивных разысканий 40-х – начала 50-х годов.

Последняя из этих публикаций готовилась, когда автор был уже в очень тяжелом состоянии и был вынужден проводить зиму в Форосе, куда Валентина Григорьевна возила ему книги. Травмы 1964 и последующих лет усугубили старую болезнь легких, перешедшую в обструктивный бронхит. С лечением дело обстояло плохо. Знакомство с истинным лицом советской медицины оказалось еще одной травмой. Александру Александровичу, правда, не сказали, как в 90-е годы моему мужу, упрекнувшему врача за многочасовое опоздание, будто легче умереть, чем попасть на прием: «Ну и умирайте», зато, выслушав поэтический рассказ об ощущениях в легких, отправили из академической больницы в психиатрическую, где врач оказалась более сведущей, нежели автор этого распоряжения о переводе в другую лечебницу, г-жа Ноздрачева, навсегда отбившая охоту общаться с представителями официальной медицины. Попав в последние годы в руки шарлатана, Александр Александрович понимал, что его смертный час недалек и,

как истовый русский крестьянин, стал готовить свою домовину – только не из досок, а из бумаги и не для тела, а для духа, вернее, его воплощения в словах: привел в идеальный порядок архив, провел редактуру неопубликованных монографий, дополнил и исправил «Опричнину».

Но даже в этом состоянии полного «доходяги» Александр Александрович не переставал думать о будущем исторической науки. 15 февраля 1980 г., т.е. за 10 дней до смерти, он позвонил и сказал: «Пишите» и стал диктовать, как нужно переиздавать Духовные и договорные грамоты:

«1. Уточнить правила передачи текстов (Николаева, XIX в.)

2а. Изменить заголовки, указав в них всех контрагентов договоров;

2б. Уточнить датировки, может быть, дав более широкие;

3. Привлечь списки XV в. (в том числе найденный М.Е. Бычковой);

4. Сделать археографические комментарии к текстам;

5. В приложении поместить поручные, опубликованные в СГГД;

6. Воспроизвести печати и образцы почерков (в этом отношении ДДГ – шаг назад сравнительно с румянцевской публикацией);

7. Включить договоры с Новгородом».

Приведенный список усовершенствований знаменитой публикации Л.В. Черепнина, столь долго пролежавший под спудом в моем экземпляре этого издания, заставляет задуматься не только о методике исследований Александра Александровича, но и о его подходе к историческому процессу. Главным для него был человек – страждущий, трудящийся, мысливший, а вовсе не история государства и даже церкви. Страдания собственные открыли путь к пониманию людей прошлого. Как он писал в набросках к «Храму науки», «есть два сорта историков. Одни – это те, которые видят в истории отражение собственной личности. Для подобного историка в окружающем интересно лишь то, что близко ему самому... Чтобы ему уютно жилось, он пытается свои труды составить путем раздвоения единого: он берет штампы, которые принимает за суждения толпы. И эту-то форму наполняет обезьяньим кривлянием, которое старается выдать за свое собственное индивидуальное. Но и то, и другое превращается лишь в праздное умничанье.

Настоящий историк пытается найти в себе то, что встречается ему в жизни, в ее прошлом и настоящем, стремится пережить еще раз пережитое кем-то событие. Совсем по Станиславскому! Он поймет лишь то, что находит отклик в его душе, но поймет с максимальным приближением к истине».

Ко второй категории ученых принадлежал и А.А. Зимин, предвосхищая поворот в отечественной исторической науке – от «пятичленки» к антропологии, в частности. И если говорить о феномене Зимина, то это противоречивое сочетание истинного таланта с «американской» деловитостью (которое только и не позволило этому таланту погибнуть под гнетом советского «монолита»), хилого тела и железной воли, русской порядочности и совестливости, отнюдь не вязавшихся с общими ком-

мунистическими установками борьбы со всеми, в чем-то несогласными с этой идеологией.

На долю Александра Александровича, человека, созданного для радости и несшего ее другим, выпало слишком много испытаний. В своем теперешнем возрасте – уже почти на 24 года более старшем, чем достиг он, я воспринимаю Александра Александровича как подранка Октябрьского переворота, его косвенную жертву… Больно и горько сознавать, что такая судьба была для него неизбежной. Он мог бы повторить за Пушкиным: «Черт догадал меня родиться в России с моим умом и талантом»…

И в заключение. Жизнь ученого не кончается вместе с его земным существованием. Она продолжается в его трудах, которые в максимальном объеме должны быть опубликованы, включая дневники, письма, стихи. Обидно за «Храм науки», по кусочкам растаскиваемый от случая к случаю (к этому я тоже приложила руку, с любезного разрешения В.Г. Зиминой публикуя характеристики И.И. Полосина и Н.А. Баклановой). Этот труд уже достаточное время пролежал в «домовине» личного архива – и в годы демократических, но несостоявшихся надежд, и в путинский застой, и в тандемный период. Пора не только думать, но и готовить полное, при этом ***нецензурированное*** собрание сочинений историка, ведь столетие со дня его рождения не за горами… Пора приниматься за издание наследия А.В. Новской, которое пополнит историю русской философии еще одним достойным именем. Наконец, необходима скорейшая передача личных материалов в государственный архив. Надеюсь, теперешнее заседание будет способствовать осуществлению всех четырех предложений. Хватит держать в темнице дух Александра Александровича. Пусть Зимин останется современником не только уходящих поколений, но и грядущих, чтобы и они могли сохранить порядочность «в тревогах житейских бурь» и не продать своих талантов за чечевичную похлебку.

24.02.2010 – 26.02.2015

PS. Свои предложения я повторила на церемонии передачи семейного архива Зиминых (в котором среди представленных папок не было «Храма»), но узнав от ученого секретаря Архива РАН Н.М. Осиповой, что в течение ближайших 4–5 лет доступа читателей к нему не будет, обратилась к С.М. Каштанову, как первому «душеприказчику» по распоряжению архивом, и второму, оставшемуся на февраль 2015 г. в живых. На предложение соучаствовать в издании злополучного «Храма» он согласился и тотчас сделал некоторые замечания по старым воспоминаниям. Они уже учтены. Новые поправки надеюсь еще успеть внести...

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ И УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХ ИМЕН В «ХРАМЕ НАУКИ» А.А. ЗИМИНА

Александр Андреевич – А.А. Губер
Александр Ильич – А.И. Клибанов
Александр Львович – А.Л. Монгайт
Алена – О. Чайковская
Алеша – А.Н. Цамутали
Анна Михайловна – А.М. Панкратова
Анечка – А.В. Новская
Андрей Альбинович – А. Мазон
Аполлон, Аполлоша – А.Г. Кузьмин
Арик, Арон, Арон Яковлевич – А.Я. Гуревич
Артемий – А.В. Арциховский
Ася, Аська, АЛХ – А.Л. Хорошкевич
Вадим Иванович – В.И. Корецкий
Валечка – В.Л. Янин
Валя – В.Г. Зимина
Веня – В.Н. Шумилов
Владимир Борисович – В.Б. Кобрин
Володька – В.Д. Королюк, В.П. Козлов
Женя – Е. Бешенковский, Е. Добрушкин, Е. Маматова
Зигуша – С.О. Шмидт
Зина – З.В. Удальцова
Инна – И.В. Ледовская
ИМК – И.М. Кудрявцев
Каштан – С.М. Каштанов
Лаврыч – А.Л. Сидоров
Лев, Левушка, Большой Лев, ЛВЧ – Л.В. Черепнин
Лев II – Л.Н. Пушкарев
Лукич – И.Л. Маяковский
Леня – Л.В. Милов
Лидка – Л.Т. Мильская
Маргарита, Рита – М.Е. Бычкова
Михал Николав, Михаил Топтыгин – М.Н. Тихомиров
Наталья – Н.А. Козлова
НВ, НВУ – Н.В. Устюгов
Никола – Н.И. Казаков
Николенька – Н.Б. Тихомиров
Саня – А.П. Каждан
Сарра Владимировна – С.В. Житомирская
Саша Большой – А.Н. Мальцев
Саша Маленький – А.И. Рогов
СВБ – С.В. Бахрушин
Сенечка – С.С. Хромов
Сережа – С.А. Зимин, С.М. Каштанов
Станислав Александрович – С.А. Залесский
Толечка – А.М. Сахаров
Толя – А.В. Муравьев, А.М. Сахаров
Трух – В.Г. Трухановский
Яша – Я.С. Лурье

БИБЛИОГРАФИЯ. 2001–2014 гг.[1]

Труды А.А. Зимина, изданные в 2001–2010 гг.

2001

Опричнина. М. (Черноголовка): Памятники русской исторической мысли, 2001. Изд. 2, исправл. и доп. / Подг. и предисловие А.Л. Хорошкевич.

Рец.: *Радзишевский Л.* Оттепель для Зимина // Литературная газета. 2001. 7–13 февраля. № 6. С. 10; Аннотация: Родина. 2001. Июль. С. 21.

О книгах, театре, кино и прочем (из архивного наследия); Две цивилизации в истории России; Этот удивительный мир книг; Театр в моей жизни; Правда искусства и неправда истории; Кино. Встреча с Шукшиным; Антониони и Феллини // История России XIX–XX веков. Новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М., 2001. С. 13–33. [Фрагменты рукописи «Недодуманные мысли»]

Две цивилизации в истории России // Независимая газета. 2001. 5 апреля. Ex libris. Книжное обозрение. С. 3.

2002

О книгах, театре, кино и прочем: Из архивного наследия / Подг. публ В.Г. Зиминой (работа с текстами, комментарии) и А.Л. Хорошкевич (вступ. ст.) // Отечественная история. 2002. № 1. С. 6–40.

Предисловие // *Баев М.С.* Вторичное открытие села Гребнева. Находки и исследования в Северо-Восточном Подмосковье. Фрязино, Щелково, 2002 [К 100-летию М.С. Баева]. С. 3.

Юрий Георгиевич Алексеев // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Юрия Георгиевича Алексеева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. С. 3–6.

Рец.: *Алексеев А.И.* Сборник в честь Ю.Г. Алексеева // Археографический ежегодник за 2002 год. М.: Наука, 2003. С. 396–398.

Побег князя Андрея Курбского в Литву // Русский родословец. 2002. № 1 (2). С. 44–48 [Статья предназначалась для несостоявшегося сборника в честь А.И.Клибанова и обнаружена в бумагах сектора феодализма в 2000 г.]

[1] Подготовлено А.Л. Хорошкевич при содействии и участии В.Г. Зиминой, а также Ю.А. Базанова (Челябинск).

2003

Мой истинный друг // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич М.: Наука, 2003. С. 17–24. [В оригинале иное название: Аська-разбойница]

2004

Миражи // Русский родословец. 2004. № 1 (3) С. 56–60.

Очерк А.А. Зимина о Н.Г. Бережкове / Подг. к печ. А.М. Дубровского // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Сборник статей и материалов. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 212–214.

2005

Из воспоминаний. Патриархи; Несравненный Степан Борисович; Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин. РГГУ, Историко-архивный институт. Серия: История и память учителя. М.: РГГУ, 2005. С. 29–57; 58–73; 74–150. [Фрагменты рукописи «Храм науки»]

Отзыв о работе С.М. Каштанова «Очерки по истории феодального иммунитета Русского централизованного государства (1503–1584)» [25.04.54] // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М.: Наука, 2005. С. 100–104. Фото А.А. Зимина 1954 г.

2006

Слово о полку Игореве / Отв. ред. В.Г. Зимина, О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 515 с.

[Редакторы удостоились почетного упоминания в интернет-почте Американской ассоциации славянских исследований (American Slavic Studies Association)]

Рец: *Пушкарев Л. Н.* // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 163–166; *Гедройц С.* // Звезда. 2007. № 3. С. 235–237.

Отрывок из воспоминаний // Времена и судьбы / Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский университет, 2006. С. 13–15.

2009

Великолепный неудачник [Воспоминания об И.И. Полосине] // *Штаден г.* Записки о Московии / Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 2. М.: Древлехранилище, 2009. С. 9–10.

2010

Отзыв о кандидатской диссертации И.Я. Фроянова «Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)». Л., 1966 г. // *Фроянов И.Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.: Астерион, 2010.

Литература об А.А. Зимине
Дополнение к биобиблиографическому указателю В.И. Гульчинского 2000 г.

Мерзон А.Ц. Конкурс на лучший студенческий доклад на историческом факультете МГУ // Историк-марксист. 1940. № 6. С. 147.

2000

Вовина-Лебедева В.Г. Переписка А.А. Зимина и Я.С. Лурье (1951–1963 гг.) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М. [Б.и.], 2000. С. 114–120.

Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянова, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. С. 368–392.

Каштанов С.М. О методологии А.А. Зимина и его концепции опричнины // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М. [Б.и.], 2000. С. 97–99.

Муравьев В.А. А.А. Зимин: историк в контексте времени // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М. [Б.и.], 2000. С. 91–97.

Муравьев В.А. Александр Александрович Зимин // Историки России. Послевоенное поколение / Автор проекта и сост. Л.В. Максакова М., АИРО XX век. Центр социального исследования CARPE DIEM, 2000. С. 165–175.

Мюллер Л.Л. Понять Россию: историко-культурные исследования / Сост. Л.И. Сазонова. Авториз. пер. с нем. под общ. ред. А.Б. Григорьева и Л.И. Сазоновой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 31, 205, 249, 409.

Пушкарев Л.Н. А.А. Зимин (из воспоминаний) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М. [Б.и.], 2000. С. 107–113.

2001

Каштанов С.М. К 80-летию Александра Александровича Зимина (1920–1980) // Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Наука, 2001. С. 226–227.

Каштанов С.М., Чернобаев А.А. Александр Александрович Зимин // Историки России. Биографии. / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 803–814.

Одесский М. Искусство быть Зиминым. Историк, который вернулся в будущее // Независимая газета. 2001. 5 апреля. Вкладка: Ex libris. Книжное обозрение.

Фролов Н. Вначале было «Слово». Потом – Зимин // Ковровскія вѣсти. 2001. 18 декабря. № 64. С. 24.

Хорошкевич А.Л. Александр Александрович Зимин и его книга «Опричнина Ивана Грозного» // *Зимин А.А.* Опричнина. М. (Черноголовка): Памятники русской исторической мысли, 2001. 2-е изд., исправл. и доп. Предисловие. С. 5–19.

Хорошкевич А.Л. Зимин А.А. О книгах, театре, кино и прочем (из архивного наследия); Две цивилизации в истории России; Этот удивительный мир книг; Театр в моей жизни; Правда искусства и неправда истории; Кино. Встреча с Шукшиным; Антониони и Феллини [вступ. статья] // История России XIX–XX веков. Новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 11–12.

2002

Фролов Н. Наши земляки Зимины // Ковровскія вѢсти. 2002. 01 января. № 1. С. 25 (Две фотографии 50-х годов).

Филюшкин А. «Слово...» со слезами смешанное. Как гениальную древнерусскую поэму пытались объявить подделкой // Родина. 2002. № 11–12. С. 185–188.

2004

Кистерев С.Н. А.А. Зимин о Русской Правде // Очерки феодальной России. Вып. 8. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 213–246.

Рыкова О.В. А.А. Зимин и родословная Каменских (вместо предисловия) // Зимин А.А. Миражи // Русский родословец 2004. № 1 (3). С. 54–56.

Чернобаев А.А. Историк с мировым именем: Александр Александрович Зимин // Историк и мир истории / Под ред. С.Ю. Наумова. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2004. С. 78–96.

Спор о подлинности «Слова о полку Игореве». История одной неосуществленной публикации: по письмам из архивов Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева / Подг. текстов к печати, вступит. ст. и ком. Л.В. Соколовой // Труды Отдела древнерусской литературы СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. LVI. С. 385–422.

Столярова Л.В. О «Слове» и пустословии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002. Генеалогия как форма исторической памяти / И.Г. Коновалова (отв. ред.). М.: Восточная литература, 2004. С. 332–337.

2005

Беленький И.Л. Об одном неосуществленном издательском намерении А.А.Зимина: статья В.О.Ключевского «М.С. Корелин» (3 января 1899 г.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. XVII чтения памяти члена-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, IV чтения памяти Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. Ч. 1. С. 8–9

Борисов Ю.Б. Главное – все-таки история / Рец. на: Александр. Александрович Зимин. РГГУ. 2005 // Библиоглобус. М., 2005. № 5. С. 63–64.

Дубровский А.М. Автобиографические рукописи А.А. Зимина // Восточная Европа в древности и средневековье. XVII чтения памяти члена-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, IV чтения памяти Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. Ч. 1. С. 5–8.

Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 140–151.

Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 2005. С. 671–689. [В монографии автор останавливается на 1950-х гг.]

Ивина Л.И. История княжеских и боярских родов в трудах А.А.Зимина // Восточная Европа в древности и Средневековье. XVII чтения памяти члена-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, IV чтения памяти Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. Ч. 1. С. 10–11.

Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Александр Александрович Зимин. РГГУ, Историко-архивный институт. Серия: История и память учителя. М.: РГГУ, 2005. С. 3–28.

Каштанов С.М. К изучению исторических взглядов А.А. Зимина // Восточная Европа в древности и Средневековье. XVII чтения памяти члена-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, IV чтения памяти Александра Александровича Зимина. Москва 19–22 апреля 2005. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. Ч. 1. С. 3–5.

Мингалев В.С. Подходы к методике реконструкции состава и содержания исторических документальных и архивных фондов // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на V Всерос. науч. конф., 4–5 апреля 2005 г. М., 2005. С. 174–181.

Никульшин А.В. Опричнина в оценке исследователей XIX – середины XX в. АКД. Рук. А.Г. Кузьмин. МПГУ. 2005. С. 13–14.

Основные даты жизни и деятельности [А.А. Зимина] // Александр Александрович Зимин. РГГУ, Историко-архивный институт. Серия: История и память учителя. М.: РГГУ, 2005. С. 151–152.

Панеях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А. Зимина // *Панеях В.М.* Историографические этюды. СПб.: Алетейя, 2005. С. 58–89. [Переиздание, см.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1988. Вып. XIV. С. 107–135]

Панеях В.М. Панорама истории России XV–XVI вв. А.А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Панеях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 95–112. [Переиздание, см.: ОИ. 1992. № 6. С. 70–81]

Свидзинская М. Учитель. Совесть ученого // Аудитория. РГГУ. № 21–22. 2005. [О вечере 25 февраля 2005 г. в память 85-летия А.А. Зимина] С. 2.

Секиринский С.С. За историей нужен глаз да глаз. Лучше две пары глаз // Московская среда. 27.04. – 03. 05. 2005. № 15. С. 19.

Чернобаев А.А. Александр Александрович Зимин // Историки России XX века. Библиографический словарь. Т.1. А–Л. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005. С. 349.

2006

Бауэр Е.А. Теория «Москва – Третий Рим» в интерпретации А.А. Зимина // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартовского государственного гуманитарного университета / Отв. ред. С.И. Горлов. Нижневартовск: Изд. НГГУ, 2006. Вып. 3. С. 12–20.

Брачев В.С. И.Я. Фроянов: начало творческого пути // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю.Г Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М.: Изд. дом «Парад», 2006. С. 24–48. [О взаимоотношениях И.Я. Фроянова и А.А. Зимина см.: С. 31, 36–41]

Давыдов Д. Запрещенное расследование // Книжное обозрение. 2006. № 46. С. 5.

Ивина Л.И. «Работаю, пока есть силы...» А.А. Зимин в его письмах друзьям (Из переписки А.А. Зимина с Л.И. Ивиной и А.Н. Цамутали) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX-XX веков. Юбилейный сборник к 75-летию А.Н. Цамутали / Отв. ред. Р.Ш. Канелин. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 147–157.

Из писем Я.С. Лурье А.А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» // Звезда. 2006. № 2. С. 89–104

Комочев Н. Степан Борисович Веселовский и историко-архивный институт в 1930–1940-е годы // Аудитория. РГГУ. № 27–28.

Копылова В., Фочкин О. Дым без огня. Книжная ярмарка. Главная истина – слово // Московский комсомолец. 11. 09. 2006. С. 5.

Орешников А.С. Кавычки. Курсив. Разрядка. // Историк в кругу лингвистов. Сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. М., 2006. С. 18–21.

Пчелов Е.В. Презентация книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» // Вестник архивиста. 2006. № 6. С. 405–409.

Чудакова М.О. О скептике-патриоте [эл. ресур] // http://grani.ru/Society/Science/ m.114650. html 23. 11. 2006

2007

Данилевский И. Загадку решить невозможно? // Знание – сила. 2007. № 3. С. 97–103. [Выступление на радио «Эхо Москвы» в программе «Не так». Ведущий С. Бунтман]

Запесоцкий А. Д.С. Лихачев. «Привычка обвинять, а не спорить, сослужила дурную службу науке» // Санкт-Петербург. Известия. 2007. 23 мая. № 88. С.1.

Запесоцкий А., Зобнин Ю., Михайлов А. Д.С. Лихачев и А.А. Зимин: уроки научной полемики // Вестник Европы. 2007. Т. XXI. С. 240–247.

Зализняк А.А. Истина существует // Литературная газета. 2007. 6–12 июня. № 24. С. 6

Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря // Линия судьбы: сборник статей, очерков, эссе / Сост. В.Л. Телицын. М.: Собрание, 2007. С. 119–134.

Киреева Р.А. О публикации рукописного наследия В.О. Ключевского // В.О. Ключевский в истории нации и культуры: Матер. IV Всерос. науч. конф. / Под ред. Р.А. Киреевой и А.Н. Плешкова. Пенза: Пензенский гос. краеведческий музей, 2007. С. 13–20.

Котляр М.Ф. Рукописи не горять... Роздуми над книгою (Зимин А.А. «Слово о полку Игореве». М. 2006. 515 с.) // Український історичний журнал. 2007. № 3. С. 190–197.

Котляр Н.Ф. Восставшая из пепла. Александр Зимин и «Слово о полку Игореве» // Родина. 2007. № 10. С. 40–43.

Иванова Е. «Кто устоит в неравном споре...» / Рец. на: *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., 2004 // Первое сентября. История. 2007. 30 сентября. № 18 (834) С. 26–37.

Лаврухин А. «Слово о полку Игореве» и проблемные узлы российской истории // Художественное собрание. Рекламно-информационное загадочное издание. М., 2007.

Соколова Л.В. Новые мифы о старом (по поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2007. №1/2. С. 23–38.

Шишкин И.Г. Жизнь и творчество А.А. Зимина в современной историографии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки, культуры. 2007. Т. 52. № 22. С. 306–319.

MYRMEX. Александр Александрович Зимин и его «Слово о полку Игореве» // Аудитория. РГГУ. 2007. № 35–36.

2008

Долгова Е. Научно-исследовательскому семинару «Источниковедение истории России X–XVIII вв. 20 лет // Аудитория. РГГУ. 2008. № 43–44 С. 2.

Зализняк А.А. Вначале все-таки было «Слово». Субъективные заметки об объективной истине в гуманитарных науках/ Записал Ким Смирнов // Новая газета. 29.05.–01.06. 2008. № 38 (1356). С. 3.

Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Матер. науч.-практ. конф., посвященной 5-летию обретения Святых мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения монастырского каменного храма – Успенского собора и 80-летию со дня рождения митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Иосифо-Волоколамский ставропигиальный мужской монастырь, 2008. С. 339–352.

Котляр Н.Ф. «Ничто... не проходит бесследно...» (Заметки о книге А.А. Зимина «Слово о полку Игореве». СПб., 2006. 515 с.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / Отв. сек. А.Л. Щавелев. М.: Индрик, 2008. С. 519–531.

Мастера русской историографии: Александр Александрович Зимин (1920–1980) [Фотолетопись] / Публ. подг. С.М. Каштанов и А.А. Чернобаев // Исторический архив. 2008. № 3. С. 72–87.

Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008 (по указателю)

2009

Базанов М.А. Киевская Русь в творчестве А.А. Зимина: концепция «дофеодального периода» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 134–141.

Базанов М.А. От «москвоцентризма» к «полицентризму»: эволюция взглядов А.А. Зимина // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 140–147.

Комочев Н.А. Опыт классификации «Актов Московского государства» И.А. Голубцова // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Матер. XXI междунар. науч. конф. Москва, 29–31 января 2009 г. М.: РГГУ, 2009. С. 220–223.

Минаев В.В. Педагогическая харизма Александра Александровича Зимина // Учителя учителей: очерки и воспоминания / Отв. ред. д-р ист. наук, проф. Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2009. С. 73–77.

Муравьев В.А. История российской государственности в трудах А.А. Зимина // Модернизация российской государственности: междисциплинарный подход: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 25 февраля 2009 г. / Отв. ред. О.Б. Панкратова. Кострома: Костромской филиал РГГУ, 2009. С. 116–124.

«Они сохраняли лучшие традиции старой университетской дореволюционной школы…»: Из воспоминаний выпускников и преподавателей МГИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг. / Т.Г. Архипова, В.А. Коляда, Р.В. Овчинников, А.Г. Сергеева, Е.В. Старостин; вступ. ст., подг. текста и коммент. А.Ю. Клименко // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 94–103.

2010

Базанов М.А. К вопросу о методологии источниковедения А.А. Зимина: «источниковедение системы систем» и работы по проблемам дипломатики // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Матер. XXII междунар. науч. конф. / Редкол: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М: РГГУ, 2010. С. 140–143.

Бычкова М.Е. Источниковедение в трудах А.А. Зимина // Вестник РГГУ. 2010. №7. Сер. Исторические науки. С. 211–219. [То же: Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Матер. XXII междунар. науч. конф. / Редкол: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М: РГГУ, 2010. С. 83–90]

Дмитриев Л.А., Творогов О.В. Когда же было написано «Слово о полку Игореве»? // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и коммент. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 586–588.

Когда и кто создал «Слово о полку Игореве»? Дискуссия в Академии наук СССР // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 631–633.

Лихачев Д.С. Нужны ли слухи в науке? // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 659–662.

Мингалев В.С. Когда же было написано «Слово…»? // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 658.

Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 595–692.

Поршнев Б.Ф. Извольте работать // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 642–643.

Рыбаков Б.А. По поводу одной дискуссии // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 636–641.

Соколова Л.В. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., сост., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 11 – 126.

Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» в Отделении истории АН СССР 4 – 6 мая 1964 г..: В 5 томах // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 148 – 576.

Струве Г.П. Еще о «Слове о полку Игореве» // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 583–585.

Струве Г.П. К спорам о «Слове о полку Игореве»: Д.С. Лихачев и А.А. Зимин // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 634–636.

Струве Г.П. Слово о полку Игореве – не памятник XII века? Советская научная сенсация // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 579–582.

Творогов О.В. Памятник древнерусской литературе // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 589–593.

У. К спору о «Слове о полку Игореве» // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 593–594.

Фроянов И.Я. От автора // Фроянов И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.: Астерион, 2010. С. 3–20. [О знакомстве с А.А. Зиминым см: 10–12]

Югов А.К. Полно! // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 644–646.

Golenischev-Kutuzov I.N. Problems of «The Lay of Igors Host» / Transl. by Vladimir Talmy // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2010. С. 647–657.

2011

Базанов М.А. В поисках очертаний «научной школы А.А. Зимина»: к постановке проблемы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв.: Сб. ст. / Под. ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 362–371.

Базанов М.А. Дипломатика в научном творчестве А.А. Зимина // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского гос. ун-та. Челябинск: РЕКПОЛ, 2011. Т. 5. / Под ред. С.А. Баканова, Г.А. Гончарова. С. 104–113.

Базанов М.А. Предыстория обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»: опыт реконструкции событий // Мир историка: историографический сборник / Под. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. Вып. 7. С. 301–329.

Базанов М.А, Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографией о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 27–36.

Бауэр Е.А. Идея «Москва – Третий Рим» в русской общественной мысли конца XV – начала XVII века: отечественная историография XX столетия. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2011. С. 46–49, 62–70.

Толочко А.П. «Слово» и дело государево. Рец. на: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». Материалы дискуссии 1960-х гг. / Вступ. ст., сост., подг. текстов и ком. Л.В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. 792 с. // Ruthenica. 2011. № 10. С. 270–288.

2012

Алексеева С.В. О понятии «феодальная война» в отечественной историографии. Вклад А.А. Зимина в изучение событий второй четверти XV в. // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 94–98.

Афиани В.Ю. Дискуссия вокруг книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» в 1964 г.: По документам Архива РАН // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 51–62.

Базанов М.А. Основные черты педагогической деятельности А.А. Зимина и вопрос о его научной школе // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 518–520.

Базанов М.А., Столярова Л.В. «Идеальный ученик»: С.М. Каштанов в воспоминаниях А.А. Зимина // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Матер. XXIV Междунар. науч. конф. / Редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2012. С. 21–28.

Бак Д.П. Вступительное слово // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.:

Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 19–20.

Бычкова М.Е. А.А. Зимин – источниковед // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 243–245.

Горяева Т.М. Уроки А.А. Зимина. Размышления и воспоминания // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 63–65.

Димитриев В.Д. Записки о письмах моего учителя А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 616–642.

Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и А.А. Зимин // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 480–515.

Ерусалимский К.Ю. «И.С. Пересветов и его современники»: 50 лет спустя // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 419–439.

Ерусалимский К.Ю. Публицист и централизованное государства: И.С. Пересветов в творчестве А.А. Зимина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Л.П. Репина (ред.). М.: УРСС, 2012. Вып. 38. С. 100 – 128.

Зырянова Л.Г. А.А. Зимин о роли Захарьиных (Юрьевых) в политической истории России конца 30-х – начала 70-х гг. XVI в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. № 4–1(76). С. 98–101.

Ивина Л.И. «Тревожная, трудная, но жизнь». А.А. Зимин в его письмах из Фороса // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 655–660.

Каштанов С.М. История холопства на Руси в трудах А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 38–41.

Киреева Р.А. О неосуществленном замысле А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 457–463.

Козлов В.П. От редактора // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 13–14.

Козлов В.П. Российская документальная «Сага о Форсайтах» А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоми-

нания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 368–374.

Лапшина И.К. Беседы за зиминским столом // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 739–745.

Литвин А.Л. Александр Александрович Зимин в моей памяти // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 649–654.

Межова К.Г. Штрихи к портрету А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 671–692.

Минаев В.В. Педагогическая харизма Александра Александровича Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 735–738.

Мингалев В.С. Из переписки А.А. Зимина. Письма учителя // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 693–725.

Одесский М.П. А.А. Зимин в современном гуманитарном знании // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 42–46.

Орешников А.С. Уроки А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 726–734.

Павленко Н.И. Памяти А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 27–33.

Пивовар Е.И. Приветственное слово // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 17–18.

Покровский Н.Н. Встречи // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 612–615.

Поляков Ю.А. Дискуссия не судилище // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 607–611.

Пушкарев Л.Н. Слово об А.А. Зимине // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Коз-

лова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 34–37.

Самарина Н.Г. Эвристический потенциал источниковедческих исследований А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 248–250.

Севастьянова А.А. Ученичество в историографическом пространстве 1960–1970-х годов: А.А. Зимин, В.Б. Кобрин // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 516–517.

Турок-Попова К.А. Человек и Слово // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 587–606.

Федосеева А.И. А.А. Зимин и его ученица Е.П. Маматова // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 661–670.

Хорошкевич А.Л. А.А. Зимин о работах С.М. Каштанова // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Матер. XXIV Междунар. науч. конф. / Редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2012. С. 19 – 21.

Хорошкевич А.Л. А.И. Копанев, «Зиминский» сборник 1978–1982 гг. и А.А. Зимин // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 643–648.

Хорошкевич А.Л. История русского духовенства и церкви в трудах А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 440–456.

Чернобаев А.А. Жизнь и творчество А.А. Зимина в фотодокументах // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 47–50.

Шмидт С.О. Воспоминания об А.А. Зимине // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / Под общ. ред. В.П. Козлова; редкол.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. М.: РГГУ, 2012. С. 21–26.

2013

Базанов М.А. Идеологический отдел ЦК КПСС и монография А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» // История и историки. 2011–2012. Историографический вестник / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 198–205.

Кистерев С.Н. К характеристике некоторых воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Вестник «Альянс-Археo». М.; СПб: Альянс-Археo, 2013. Вып. 2. С. 17–30.

2014

Базанов М.А. А.А. Зимин и А.С. Лаппо-Данилевский: к характеристике методологических убеждений советского историка // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск: НГГУ, 2014. Ч. I. С. 157–158.

Базанов М.А. Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Михаил Александрович Базанов. Челябинск, 2014. 284 с.

Базанов М.А. К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4–6 мая 1964 г.) // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 335–349.

Базанов М.А. Эволюция взглядов А.А. Зимина как историографическая проблема: основные подходы // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. Д.А. Сафонов. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 23–26.

Комочев Н.А. Классификация русских актов А.А. Зимина // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Матер. XXVI Междунар. науч. конф. Москва, 14 – 15 апр. 2014 г. / Редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин. М.: РГГУ, 2014. С. 216–219.

Симонов Р.А. Синкретизм гуманитарного и точного знания как качество предмета вспомогательных и специальных исторических дисциплин // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Матер. XXVI Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 апр. 2014 г. / Редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин. М.: РГГУ, 2014. С. 78–83. [Об использовании А.А. Зиминым методов математики при исследовании истории создания «Слова о полку Игореве»]

2015

Кистерев.С.Н. К грядущей оценке современного этапа отечественной историографии допетровской России // Вестник Альянс-археo. 2014. № 8. С 37–40.

Содержание

Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976

Отголоски первых чтений памяти А.А. Зимина

Библиография. 2001–2014 гг.

Научное издание

Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века

Корректор *Л.И. Гордеева*

Подписано в печать 15.04.2015. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 28,3. Печ. л. 27,5
Тираж 300 экз. Заказ № 65

Отп. в ООО «Аквариус», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а,
тел./факс: +7 (4872) 49-73-73

Список ошибок и опечаток

Составительница – «неряха» и «торопыжка», верная данной ей А.А. Зиминым почти полвека назад характеристике, в этой работе поставила личный рекорд по числу ошибок и опечаток, поэтому приносит свои извинения соавторам и будущим читателям, и даже осмеливается просить о снисхождении, хотя и понимает свою вину: обещание Александру Александровичу нужно было исполнить пораньше – и ошибок было бы меньше, и пользы для науки и общества чуть больше…

Номер страницы	Номер строки	Напечатано	Следует читать
30	5 св.	издать, правда, в … виде, при	издать при
30	5 св.	О.В. Творогова[3],	Творогова,
30	9/8 сн.	[3] Великий текстолог … исследования.	
35	0 св.		[А.А Зимин]
35	8/9 сн.	Отсутствует … глава об А.И. Андрееве	
40	20 св.	СССР). Остатки	СССР), остатки
40	20 сн.	ИИМк	ИИМК
42	6 сн.	аты	акты
43	12 сн.	Вождю	Вождя
69	17 св.	Александрович	Александрович»,
72	7 сн.	Активности	активности
88	18 св.	кружение	окружение
89	13 св.	В1947 г.	В 1947 г.
93	21 сн., правый стб.	работу ел	работу вел
95	1/2 св., правый стб.	к архи-вили	к архиву или
110	10 сн.	подпрыгивающее	подпрыгивающе
113	7 св.	или т.п.	или т.п.,
113	1 сн.	(изд.)	*(Сост.)*
120	8/7 сн.	*Ред. 3:* Наталии Александровне … одной.	
127	17 сн.	всеже	все же
140	19 сн.	Чмжевского	Чижевского
148	16 св.	Вархив	В архив
152	7 сн.	От сост.:	*От сост.:*
160	3 св.	в XIV–XV вв. Возрождение	в XIV–XV вв. возрождение
163	13 сн.	на вставкае	на вставке
173	9 св.	194?	1949 г.
173	2 сн.	ДДДГ	ДДГ
186	12 св.	АА. Шахматова	А.А. Шахматова
186	14 св.	Нумизматические	нумизматические
187	10 св.	Александр	Александр
207	5/3 сн.	[Третий экземпляр авторской машинописи находится на обороте 41-й страницы статьи о наместниках, второй экз. профессиональной печати в]	[*Третий экземпляр авторской машинописи находится на обороте 41-й страницы статьи о наместниках*]
208	4 сн.	Ирина внушает быть	Ирина внушает [Якову Соломоновичу] быть
224	13 св.	Сталином	Сталиным
224	14 св.	девятка	десятка
227	6 св.	В.Д. Пашуто	В.Т. Пашуто
228	21 св.	герм	терм[ин]
228	1 сн.	[…]	[JGO]
230	8 св.	за, что есть	за то, что есть
234	16 св.	случай»	случай.
235	4 св.	словестной	словесной
239	23 св.	1917г.	1917 г.
244	4 св.	себе	себя
248/249	3 сн./1 св.	от-ечества	оте-чества
253	12 св.	Фюсселя	Фюстеля [де Куланжа]
259	17 сн.	стада	стала
264	14 св.	к нулю.	к нулю).
264	17 сн.	нал	нам
265	17 сн.	подставки	полставки
266	3 сн.	Бржестовская	Бржостовская
268	1 сн.	добрые.	добрые[…].

275	1 св.	взял	взял [Самсонов]
279	16 св.	Мяф(Маматова)	Мяф (Маматова)
284	3 св.	ели	если
285	16 св.	Москвы	Москвы,
288	18 св.	Юлечкой	Олечкой
290	13 св.	МХА[...]	МХА[ТА]
291	1св.	Время	Времени
291	11/10 сн.	От-ечественная	Оте-чественная
298	21 сн.	том	тем
301	12 св.	Е.И. Жукова	Е.М. Жукова
303	21 св.	заслоном	заслоном,
316	18 св.	го	его
319	11 св.	Ст. 5	С тома 5
319	21 сн.	которые	которым
323	12 св.	после Слова и поездка	после Слова, и поездка
325	16 сн.	г. Рааб	Г. Рааб
326	16 св.	Феннолом	Феннеллом
327	15 св.	о фашизмом	с фашизмом
327	3 сн.	Тюингинской академии). Филологии и теологии.	Тюрингенской академии филологии и теологии).
329	15 сн.	дововольно	довольно
330	13 св.	со звонков	со звонком
331	14 сн.	У[...]санов	Буганов (?)
334	21 св.	г .Штекля-отцом	Г[юнт ера] Штекля – отца
334	9/8 сн.	про-те[...]ском	про-те[стант]ском
335	7 сн.	архе[...]	архе[типов]
335	17 св.	Ученик Хеллмана	Ученик Хеллмана[1] [1] Вернее, Пауля Йогансена.
336	20 св.	издателем ОСП.	издателем ОСП[1]. [1] Oxford Slavonic Papers.
337	1 св.	Курбскогого	Курбского
337	6 св.	«ноблес об оближ»	«ноблес оближ»
337	22 св.	п[...]тель	пр[ия]тель
337	23 св.	к[...]циалистам	к [со]циалистам
337	15 сн.	(как и Шаховской и Во), который	который (как и Шаховской и Во),
338	4 св.	«У нас все как у людей»	«У нас все, как у людей»
339	16 сн.	г. Вернадский.	Г. Вернадский
340	4 св.	то	тот
340	7 св.	пр. ред	Пр[остранной] ред[акции]
340	9 св.	вы[...] У	вы[искал] у
341	5 св.	г. Дьюи	Г. Дьюи
343	17 св.	Санечка	Санечка (неясно, о ком идет речь. Шевченко – Игорь, Санечкой мог быть назван А.П. Каждан, что противоречит контексту. – *Сост.)*
344	22 св.	пара[...]	пара[ллели]
344	17 сн.	Исиль	Иоиль
345	18 сн.	«Математик»	«Математику»
366	16 сн.	А вообще,кому это нужно? Говаривал	«А вообще, кому это нужно?», – говаривал
370	13 св.	в архив Доклада	в архив. Доклада
370	1 сн.	Время	Времени
373	9 св.	ГБД	ГБЛ
374	13 св.	в 1954 г. с возмутительными	в 1954 г. – второй, с возмутительными
375	11 св.	меня и я	меня, и я
375	14 св.	переодизации	периодизации
394	6 св.	«Сия линам, бедным	«Сия ли нам, бедным
399	22 св.	Вовна	Вовина
407	21/22 св.	не избыточ-но[6].	не избыточ-но»[6].
414	23 св.	судьбы	судьба
422	8 сн.	папок.	папок
423	9/8 сн., правый стб.	Сережа – С.А. Зимин, С.М. Каштанов	Сережа – С.А. Зимин, С.М. Каштанов Сереженька – С.Н. Азбелев
424	1 сн.	Ю.А. Базанова	М.А. Базанова

Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века

МОСКВА 2015